

Данте Алиг'ери

7
3
БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

3
ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО РАЗМЪРОМЪ ПОДЛИННИКА

ДМИТРІЙ МИНЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КОММЕНТАРІЯ И ОЧЕРКА ПСИХОЛОГІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1902

הספרייה
של
ג'יה ורביקה סמיט'צ
תל-אביב, תש"ס
№ 838

DANTE,
"CHISTILISHCHE"

Данте Алигieri

Божественная Комедія

ЧИСТИЛИЩЕ

Данте Алигieri

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

ЧИСТИЛИЩЕ

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА

ДМИТРІЙ МИНЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КОММЕНТАРІЯ И ОЧЕРКА ПСИХОЛОГІИ

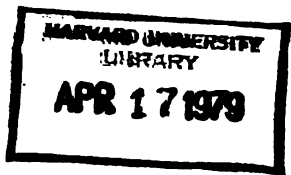

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. О. СУВОРИНА
1902

Dn 117.7.5

~~WID-4C
PQ
4321
.R23
M56
X
✓~~

West + East. Engineering

Доволено цензурою 23 августа 1902 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 13

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Воззваніе къ музамъ.— Четыре звѣзды.— Катонъ.

- Готовый плыть по вѣшамъ съ меньшей смутой, 1
Поднялъ свой парусъ челикъ души моей,
Вдали покинувъ океанъ столь лютой.
- И буду пѣть о той странѣ тѣней, 4
Гдѣ очищается душа чрезъ муки,
Чтобъ вознестись въ небесный эмпирей.
- Возстаньте же здѣсь, мертвой пѣсни звуки: 7
И вашъ пѣвецъ, о хоръ небесныхъ дѣвъ!
Возьми цѣвницу, Калліона, въ руки
- И слей съ моею пѣснью тотъ нашъ вѣтъ, 10
Предъ коимъ смолкла дѣвъ безумныхъ лира,
Въ васъ пробудившая безсмертный гнѣвъ! —
- Цвѣтъ сладостный восточнаго санфира, 13
Разлившійся въ воздушной сторонѣ
До сферы первой чистаго ээира,
- Восторгомъ взоръ мой упоить вполнѣ, 16
Лишь вышелъ я вслѣдъ по стопамъ поэта
Изъ адскихъ безднъ, такъ грудь стѣснившихъ мнѣ.

- Звѣзда любви, прекрасная планета,
Во весь востокъ струила блескъ съ высотъ,
Созвѣздье Рыбъ затмивъ улыбкой свѣта. 19
- Взглянувъ направо, созерцалъ я сводъ 22
Иныхъ небесъ и видѣлъ въ немъ четыре
Звѣзды, чей блескъ лишь первый видѣлъ родъ.
- Игралъ, казалось, пламень ихъ въ эфирѣ. 25
О, какъ ты бѣденъ, сѣверъ нашъ, съ тѣхъ поръ,
Какъ блеска ихъ ужъ мы не видимъ въ мѣрѣ!
- Едва отъ звѣздъ отвелъ я жадный взоръ 28
И къ сѣверу опять направилъ очи,
Гдѣ ужъ исчезъ Медвѣдицъ звѣздный хоръ, —
- Вотъ—одинокій старецъ въ мракѣ ночи 31
Съ такимъ въ лицѣ величьемъ, что сыны
Не больше чтутъ священный образъ отчій.
- Брада до чреслъ, серебась отъ сѣдины, 34
Подобилась кудрямъ его, спадавшимъ
Съ его главы на грудь, какъ двѣ волны.
- Такъ озаренъ былъ ликъ огнемъ пылавшимъ 37
Святыихъ тѣхъ звѣздъ, что для молкъ очей
Онъ показался солнцемъ просіявшимъ.
- «Кто вы? и какъ чрезъ мертвый вы ручей 40
Изъ тюрмъ бѣжали вѣчной злой кручины?»
Онъ рекъ, колесомъ шелкъ своихъ кудрей.
- «Кто васъ привелъ? кто освѣтилъ пучины, 43
Когда вы шли изъ адской ночи вонъ,
Навѣкъ затмившей страшныя долины?
- «Ужели-жъ такъ нарушенъ безднъ законъ? 46
Иль самъ Господь рѣшилъ въ совѣтѣ новомъ,
Чтобъ шель въ мой гротъ и тотъ, кто осужденъ?»

- Тогда мой вождь и взорамц, и словомъ 49
Мнѣ подадь знакъ потупить очи въ долъ,
Склопнть колѣна предъ лицомъ суровымъ,
- Сказавъ ему: — «Не волей я пришелъ! 52
Жена съ небесъ явилась мнѣ въ юдоли,
Моля спасти его въ пучинѣ золь.
- «Но если ты желаешь, чтобъ я болѣ 55
Открылъ тебѣ, что намъ дано въ удѣль,—
Я отказать твоей не властенъ волѣ.
- «Послѣдней ночи онъ еще не зрѣлъ, 58
Но такъ къ ней близокъ былъ своей виною,
Что обратиться вспять едва успѣлъ.
- «Какъ я сказалъ, былъ посланъ я Женою 61
Спасти его, и не было иныхъ
Путей, какъ тотъ, гдѣ онъ идетъ за мною.
- «Я показаль ему всѣ казни злыхъ 64
И показать теперь хочу то племя,
Что очищается въ грѣхахъ своихъ.
- «Какъ шелъ я съ нимъ, рассказывать не время; 67
Небесной силой осѣненъ былъ я,
Тѣхъ подвиговъ мнѣ облегчившей бремя.
- «Дозволь ему войти въ твои края! 70
Свободы ищетъ онъ, которой цѣну
Лишь знаетъ тотъ, кто умеръ за нее.
- Ты зналъ ее, принявшій ей взамѣну 73
Смерть въ Утикѣ, гдѣ сбросилъ прахъ одеждъ,
Чтобъ просіять въ день судный. Не изъ плѣну
- «Бѣжали мы! Смерть не смыкала вѣждъ 76
Ему, и въ адъ Минось меня не гонитъ.
И изъ страны, гдѣ въ горѣ, безъ надеждъ,

- «Тѣнь Марціи твоей понынѣ стонетъ 79
 Все по тебѣ, о старецъ пресвятой!
 Ея любовь пусть къ намъ тебя преклонить.
- «Семь царствъ твоихъ пройти насъ удостой! 82
 Вѣсть о тебѣ я къ ней снесу въ глубь ада,
 Коль адъ достоинъ почести такой». —
- «Мнѣ Марціа была очей отрада, 85
 И въ жизни той», онъ провѣщаль въ отвѣтъ,
 «Моя душа была служить ей рада.
- «Но вѣдь она въ юдоли адскихъ бѣдъ, 88
 И ей внимать мнѣ не велятъ законы,
 Сложенные, какъ я покинулъ свѣтъ.
- «И если васъ ведетъ чрезъ всѣ препоны 91
 Жена съ небесъ, то льститъ мнѣ для чего?
 Довольно мнѣ подобной обороны.
- «Иди-жь скорѣй и препояшь сго 94
 Осокой чистой и, омывъ ланиты,
 Всю копоть ада удали съ него,
- «Чтобъ спутникъ твой, туманомъ безднѣ повитый, 97
 Не встрѣтился съ божественнымъ посломъ,
 У райскихъ вратъ сидящимъ для защиты.
- «Весь островъ нашъ, какъ видишь ты, кругомъ 100
 Внизу, гдѣ волны хлещутъ въ берегъ зыбкій,
 Поросъ по мягкой тинѣ тростникомъ,
- «Затѣмъ что всякій злакъ, не столько гибкій, 103
 Не могъ бы тамъ у бурныхъ волнъ расти
 И выдержать съ волнами вѣчной сшибки.
- «Оттолъ сюда не должно вамъ идти; 106
 Смотри! ужъ солнце позлатило волны:
 Оно укажетъ, гдѣ вамъ путь найти».

- Тутъ онъ исчезъ. И, вставши, я, безмолвный, 109
 Приблизился къ учителю и тамъ
 Вперилъ въ него мой взоръ, смиренья полный.
- И онъ мнѣ: — «Шествуй по моимъ стопамъ! 112
 Пойдемъ назадъ, куда долина горя
 Склоняется къ отлогимъ берегамъ».
- Уже заря, со мглою ночи споря, 115
 Гнала ее съ небесъ, и я вдали
 Ужъ могъ замѣтить трепетанье моря.
- Какъ путники, что наконецъ нашли 118
 Путь истинный межъ пройденными даромъ,
 Такъ мы безлюдной той долиной шли.
- И подъ горой, гдѣ спорить съ дневнымъ жаромъ 121
 Роса и, скрытая подъ тѣнью горъ,
 Не вдругъ предъ солнцемъ улетаетъ паромъ,—
- Тамъ обѣ руки тихо распростеръ 124
 Учитель мой надъ многотравнымъ дерномъ.
 И я въ слезахъ, потупя долу взоръ,
- Поникъ предъ нимъ въ смиреніи покорномъ; 127
 Тутъ сбросилъ онъ съ меня покровы мглы,
 Навѣяны на ликъ мой адскимъ горномъ.
- Потомъ сошли мы къ морю со скалы, 130
 Не зрѣвшей ввѣкъ, чтобъ кто по волѣ рока
 Здѣсь разсѣкалъ въ обратный путь валы.
- Тутъ пренюсала онъ меня осокой, 133
 И вотъ, — о чудо! — только лишь рукой
 Коснулся злака, какъ въ мгновенье ока
- На томъ же мѣстѣ выросъ злакъ другой. 136

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Преддверіе чистилища. — Ангелъ кормчій. — Казелла. — Катонъ.

- Уже склонилось солнце съ небосклона 1
На горизонтъ, его-жь полдневный кругъ
Зенитомъ кроетъ верхъ горы Сіона.
- И, противъ солнца обращаясь вкругъ, 4
Изъ волнъ Гангеса вышла ночь съ Вѣсамъ,
Чтобъ, ставъ длиннѣй, ихъ выронить изъ рукъ, —
- Такъ что Авроры свѣтлый ликъ предъ нами 7
Изъ бѣлаго сталь алымъ и потомъ
Оранжевымъ, состарившись съ часами.
- А мы все были на берегу морскомъ, 10
Какъ тотъ, кто, путь утратя въ мірѣ этомъ,
Душой парить, а самъ все въ мѣстѣ томъ,
- И вдругъ, какъ Марсъ, предъ самымъ дня разсвѣтомъ, 13
На западѣ, на лонѣ синихъ водъ,
Сквозь паръ густой сверкаетъ краснымъ цвѣтомъ, —
- Такъ мнѣ блеснулъ (о, да блеснетъ съ высотъ 16
Опъ мнѣ опять!) надъ моремъ свѣтъ столь скорый,
Что съ нимъ сравнить нельзя и птицъ полеть.

- Чтобъ спросить о немъ, на мигъ я взоры 19
Отвелъ къ вождю; потомъ взглянулъ и — се! —
Ужь онъ возросъ и сталъ свѣтлѣй Авюры.
- Со всѣхъ сторонъ надъ нимъ во всей красѣ 22
Вѣлѣло нѣчто; съ бѣлаго-жь покрова
Внизъ падалъ блескъ, подобный полосѣ;
- Еще мнѣ вождь не отвѣчалъ ни слова, 25
Какъ верхній блескъ ужъ принялъ образъ крылъ.
Тогда поэтъ, познавъ пловца святого, —
- «Склони, склони колѣна!» возопилъ: 28
«Здѣсь ангелъ Божій! Къ сердцу дань! Отселѣ
Ты будешь зрѣть лишь слугъ небесныхъ силъ.
- «Безъ вашихъ средствъ, смотри, какъ мчится къ цѣли! 31
Наперекоръ всѣмъ весламъ, парусамъ,
Паритъ на крыльяхъ въ дальнемъ семъ предѣлѣ.
- «Смотри, какъ онъ вознесъ ихъ къ небесамъ! 34
Какъ рѣжетъ воздухъ махомъ крылъ нетлѣнныхъ!
Имъ не сдѣтъ, какъ вашимъ волосамъ!»
- Приблизясь къ намъ отъ граней отдаленныхъ, 37
Пернатый Божій лучезарнѣй сталъ,
Такъ что я глазъ, сіяньемъ ослѣвленныхъ,
- Не могъ поднять. И къ брегу онъ присталъ 40
Съ ладьей столь быстрой, легкой, что ниско
Кристалль волны се не поглощаль.
- Стоялъ небесный кормчій у причала; 43
Въ лицѣ читалась благодать сама,
Въ ладѣ-жь сто душъ и болѣ възсѣдало.
- «In exitu Israël отъ ярма 46
Египтянъ злыхъ!» всѣ ибли стройнымъ хоромъ,
И все, что писано въ стихахъ псалма.

- Ихъ осѣнилъ крестомъ онъ съ свѣтлымъ взоромъ; 49
 Затѣмъ всѣ вышли на берегъ, а онъ,
 Какъ прилетѣлъ, такъ скрылся въ бѣгѣ скоромъ.
- Сонмъ пришлецовъ былъ мѣстностью смущенъ; 52
 Очами вокругъ искалъ онъ, гдѣ дорога,
 Какъ тотъ, кто чѣмъ-то новымъ удивленъ.
- Со всѣхъ сторонъ изъ Солнцева чертога 55
 Струился день и тучей мѣткихъ стрѣлъ
 Съ середины неба гналъ ужъ Козерога.
- И новый сонмъ, какъ скоро насъ узрѣлъ, 58
 Поднявши взоръ, сказалъ намъ: «Укажите,
 Коль можете, путь въ горній тотъ предѣлъ».
- На что Виргилій: — «Можетъ быть, вы мните, 61
 Что край знакомъ намъ? Увѣрю васъ, —
 Въ насъ путниковъ себѣ подобныхъ зрите.
- «Сюда привелъ предъ вами лишь за часъ 64
 Насъ путь иной, столь пагубный и лютой,
 Что въ гору лѣзть — теперь игра для насъ».
- По моему дыханью въ тѣ минуты 67
 Замѣтивши, что я еще живой,
 Весь сонмъ тѣней вдругъ поблѣднѣлъ отъ смуты.
- И какъ къ гонцу съ оливой вѣстовой 70
 Народъ тѣснится, чтобъ услышать вѣсти,
 Топча одинъ другою въ давкѣ той:
- Блаженные такъ духи тѣ всѣ вмѣстѣ 73
 Уставили свой взоръ мнѣ прямо въ ликъ,
 Почти забывъ о времени и мѣстѣ.
- Одинъ изъ нихъ ко мнѣ всѣхъ больше никъ. 76
 Обнять меня такъ пламенно желая,
 Что сдѣлать то-жъ онъ и меня подвигъ.

- О, видная лишь взоромъ тѣнь пустая! 79
Три раза къ ней я руки простираю,
Къ себѣ на грудь ихъ трижды возвращая.
- Отъ дива ликъ мой, видно, блѣденъ сталъ, 82
Затѣмъ что тѣнь съ улыбкой отступила,
А я, гонясь, за нею поспѣшалъ;
- «Спокойнѣй будь!» мнѣ кротко возразила, 85
Тогда, узнавъ ее, я сталъ молить,
Чтобъ не спѣша со мной поговорила.
- И духъ въ отвѣтъ: — «Какъ я привыкъ любить 88
Тебя, бывъ въ тѣлѣ, такъ люблю безъ тѣла,
И я стою. Тебѣ-жъ зачѣмъ здѣсь быть?»
- «Казелла мой! чтобъ вновь достигъ предѣла, 91
Гдѣ я живу, — иду на эту круть;
Гдѣ-жъ ты», сказалъ я, «медлилъ такъ, Казелла?»
- А онъ на то: — «Его въ томъ воля будь! 94
Тотъ, кто беретъ, кого и какъ разсудить,
Пусть возбранялъ не разъ сюда мнѣ путь, —
- «Все-жъ воля въ немъ по Вѣчной Правдѣ судить. 97
И подлинно, три мѣсяца, какъ всѣхъ
Приемлетъ онъ, кто съ миромъ въ челнѣ прибудеть.
- «Такъ вотъ и я, ставъ у поморій тѣхъ. 100
Гдѣ воды Тибра стали солью полны,
Былъ благостно имъ принять въ челнѣ утѣхъ, —
- «На устьѣ томъ, гдѣ онъ парить чрезъ волны, 103
Затѣмъ что тамъ сбирается все то,
Что не падеть за Ахеронъ безмолвный».
- «О! если у тебя не отнято 106
Искусство пѣть любовь съ ея тревогой,
Въ которой слезъ мной столько пролито, —

- «Утѣшь», сказалъ я, «духъ мой хоть немного,
Затѣмъ что онъ, одѣтый въ плоть и кровь,
Такъ утомленъ имъ пройденной дорогой». 109
- «Въ душѣ со мной бесѣдуя, любовь.....» 112
Такъ сладостно онъ началъ пѣть въ то время,
Что сладость звуковъ будто слышу вновь.
- Мой вождь, и я, и все святое племя, 115
Здѣсь бывшее, такъ были плѣнены,
Что всѣхъ заботъ, казалось, спало бремя.
- Не двигаясь, вниманія полны, 118
Мы слушали, какъ вдругъ нашъ старецъ честный
Вскричалъ: — «Что это, праздности сыны?»
- «Что стали тамъ вы въ лѣни неумѣстной? 121
Къ горѣ бѣгите — сбить съ себя гранитъ,
Вамъ не дающій видѣть Ликъ небесный».
- Какъ голубки, которыхъ кормъ манить, 124
Сбираются въ поляхъ безъ опасенья,
Сложивъ съ себя обычный гордый видъ,—
- Но, чѣмъ-нибудь испуганы, въ мгновенье 127
Бросають кормъ, затѣмъ что всѣхъ заботъ
Сильнѣй теперь забота о спасеньѣ:
- Такъ, видѣлъ я, недавній здѣсь народъ, 130
Покинувъ пѣснь, бѣжать пустился въ горы,
Какъ безъ оглядки мчится трусь впередъ.
- За нимъ и мы пошли, не меньше скоры. 133

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Преддверіе чистилища.— Души умершихъ подѣ церковнымъ отлученіемъ.—
Манфредъ, король Сициліи.

- Лишь только бѣгъ внезапный по долинѣ 1
Разсыпалъ сонмъ, велѣвъ ему бѣжать
Къ горѣ, куда самъ разумъ звалъ ихъ нынѣ,—
- Я къ вѣрному вождю примкнулъ опять. 4
Да и куда-бъ я безъ него помчался?
Кто могъ бы путь мнѣ въ гору указать?
- Онъ за себя, казалось мнѣ, терзался: 7
О, совѣсть чистая! Какъ малый грѣхъ
Тебѣ великъ и горекъ показался!
- Когда-жъ поэтъ шаговъ умѣрилъ спѣхъ, 10
Мѣшающій величію движеній,—
Мой духъ, сначала скованный во всѣхъ
- Мечтахъ своихъ, расширилъ кругъ стремленій, 13
И обратилъ я взоры къ высотамъ,
Взносившимъ къ небу грозныя ступени.
- Свѣтъ красный солнца, въ тылъ сіявшій намъ, 16
Былъ раздробленъ моимъ изображеніемъ,
Найдя во мнѣ отпоръ своимъ лучамъ.

- И въ бокъ взглянулъ я, мучимъ опасеньемъ, 19
 Что я покинуть, видя въ сторонѣ,
 Что тѣнь лишь я бросаю по каменьямъ.
- И спутникъ мой, весь обратясь ко мнѣ, 22
 Сказалъ: — «Опять сомнѣнья? Слѣдуй смѣло!
 Не вѣришь ли, что я съ тобой вездѣ?»
- «Ужъ вечеръ тамъ, гдѣ плоть моя ислѣла, — 25
 Та плоть, за коей тѣнь бросалъ я вслѣдъ;
 Брундузія взялъ, Неаполь скрылъ то тѣло.
- «И если тѣни предо мною нѣтъ, 28
 Тому должнѣ, какъ сферамъ тѣмъ, дивиться.
 Гдѣ изъ одной въ другую льется свѣтъ.
- «Способность стытъ, горѣтъ, отъ мукъ томиться, 31
 Тѣламъ подобнымъ разумъ далъ Того,
 Кто скрылъ отъ насъ, какъ это все творится.
- «Безумень тотъ, кто мнитъ, что умъ его 34
 Постигнетъ вѣчности стези святыхъ,
 Гдѣ шестуется въ трехъ лицахъ Божество.
- «Доволенъ будь, родъ смертныхъ, знаемъ quia: 37
 Вѣдь еслибъ могъ ты зрѣть пути Творца,
 То для чего-бъ Тебѣ родить, Марія?
- «И не бесплодно-бъ чаяли сердца, 40
 Когда-бъ сбывались упованья тщетны,
 Которыми томятся безъ конца
- «Платонъ, и Аристотель, и несмѣтный 43
 Сонмъ мудрецовъ». — И, полнъ душевныхъ смуть,
 Поникъ челомъ и смолкъ онъ, безотвѣтный.
- Мы подошли межъ тѣмъ къ горѣ. Но тутъ 46
 Нашли утесъ такой крутой, упорный.
 Что крѣпость ногъ пытатъ здѣсь — тщетный трудъ.

- Пустыннѣйшій, труднѣйшій путь нагорный 49
 Между Турбіей и Леричи былъ.
 Въ сравненьи съ этимъ, лѣстницей просторной.
- «Кто знаетъ то», мой вождь проговорилъ, 52
 Сдержавъ шаги, «какимъ горы откосомъ
 Выходить здѣсь легче безъ пособья крыль?»
- И вотъ, пока, весь занятъ тѣмъ вопросомъ, 55
 Онъ глазъ своихъ не подымалъ съ земли,
 А я блуждалъ очами надъ утесомъ,—
- Увидѣлъ влѣво я отъ насъ вдали 58
 Толпу тѣней, къ намъ подвигавшихъ ноги,
 Но тихо такъ, что, кажется, не шли.
- «Взоръ подыми, учитель, безъ тревоги; 61
 Вонъ тѣ», сказалъ я, «намъ дадутъ совѣтъ,
 Ужъ если самъ не знаешь ты дороги».
- И, свѣтлый взоръ поднявъ ко мнѣ, поэтъ 64
 Сказалъ: — «Пойдемъ къ нимъ; шагъ ихъ тихъ безмѣрно;
 А ты, мой сынъ, питай надежды свѣтъ».
- Мы тысячу шаговъ прошли прѣмѣрно, 67
 А все еще ихъ сонмъ отъ насъ стоялъ
 На перелетъ прапци изъ длани вѣрной.
- Когда-жъ онѣ, къ громадамъ твердыхъ скалъ 70
 Прижавшись, стали неподвижно, тѣсно,
 Какъ тотъ стоитъ, кто въ изумленье впалъ:
- «Родъ избранный, погибшій благочестно!» 73
 Сказалъ Виргилій: «умоляю васъ
 Тѣмъ миромъ, что васъ ждетъ въ странѣ небесной,—
- «Куда, скажите, склономъ подалась 76
 Гора, гдѣ можно лѣзть на тѣ громады?
 Вѣдь все узнавшимъ дорогъ каждый часъ».

- Какъ по два, по три, агнцы изъ ограды 19
 Идутъ за первымъ, прочіе-жь стоятъ,
 Понуря робко головы и взгляды,
- И гдѣ одинъ, туда и всѣ спѣшать, 82
 Тѣснясь къ нему, лишь станетъ онъ, и, въ кроткой
 Покорности, не знаютъ, что творять,—
- Такъ, видѣлъ я, къ намъ подвигалъ не ходко 85
 Счастливыхъ стадо вождь въ его челѣ,
 Съ лицомъ стыдливимъ, съ скромною походкой.
- И первый строй, замѣтивъ на землѣ, 88
 Что лучъ направо отъ меня разбился,
 Такъ что я тѣнь оставилъ на скалѣ,—
- Вспять отшатнувшись, вдругъ остановился, 91
 И сонмъ, за первымъ шедшій по пятамъ,
 Не зная самъ — зачѣмъ, за нимъ столпился.
- «Я безъ разспросовъ объявляю вамъ, 94
 Что плоть на немъ еще не знала смерти,
 Вотъ почему онъ тѣнь бросаетъ тамъ.
- «Не удивляйтесь этому; но вѣрьте, 97
 Что не безъ силы, свыше излитой,
 По тѣмъ стѣнамъ онъ мнитъ дойти до тверди».
- Такъ мой учитель; ихъ же честный строй: 100
 — «Вернитесь же: вонъ тамъ гора поката»,
 И тыломъ рукъ намъ подалъ знакъ нѣмой.
- «Кто-бъ ни былъ ты, въ міръ ищущій возврата», 103
 Мнѣ тутъ одинъ изъ нихъ проговорилъ:
 «Взгляни, не видѣлъ ли меня когда-то?»
- Я, обернувшись, взоръ въ него вперилъ: 106
 Былъ бѣлокуръ, красивъ съ лица и стана,
 Но бровь ему булатъ окровенилъ.

- «Не знаю, кто ты», прямо, безъ обмана, 109
Сознался я. — «Смотри-жь!» онъ мнѣ въ отвѣтъ
И указаль: въ груди зіяла рана.
- И продолжалъ съ улыбкой: — «Я Манфредъ; 112
Я внукъ Констанцы, царскій скиптръ носившей!
Сходи-жь, молю, когда придешь на свѣтъ,
- «Къ прекрасной дочери моей, родившей 115
Сицили и Арагоны честь,
И ложь разсѣй, всю правду ей открывши.
- «Когда мнѣ грудь пронзила вражья месть, — 118
Я предался Тому въ слезахъ страданій,
Кто всѣмъ прощаетъ. Невозможно счесть
- «Монхъ грѣховъ! Но розмахъ мощныхъ дланей 121
У Благости безмѣрной такъ великъ,
Что всѣхъ беретъ, кто слезъ несетъ Ей дани.
- «И еслибъ понялъ смыслъ священныхъ книгъ 124
Козенцскій пастыръ, — тотъ, кого изъ злости
Климентъ на травлю вслѣдъ за мной подвигъ, —
- «То и поднесъ мои почили-бъ кости 127
У Беневенто, во главѣ моста,
Подъ грудой камней на пустомъ погостѣ.
- «Теперь ихъ моетъ дождь, во всѣ мѣста 130
Разносить вѣтръ вдоль Верде, гдѣ истлѣветъ
Мой бѣдный прахъ безъ звона и креста.
- «Но ихъ проклятье силы не имѣетъ 133
Пресѣчь намъ путь къ божественной любви,
Пока хоть лучъ надежды сердце грѣетъ.
- «Но, правда, всякъ, кто кончилъ дни свои 136
Подъ гнѣвомъ церкви, если и смирится,
Пребыгъ обязанъ внѣ святой семьи,

«Доколѣ тридцать разъ не совершится 139
Срокъ отлученья, если только онъ
Молитвами по немъ не сократится.

«Такъ утоли-жь, коль можешь, сердца стонъ: 142
Открой Констанцѣ, возлюбившей Бога,
Гдѣ зрѣлъ меня, а также тотъ законъ:

Живые тамъ помочь намъ могутъ много». 145

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Преддверіе чистилища.—Подъемъ на первый уступъ.—Нерадивые.—Белаква.

Коль скоро скорбь, иль радость огневая 1
Охватятъ въ насъ одну изъ нашихъ силъ,
Тогда душа, съ тѣмъ чувствомъ вся слитая,

Какъ будто гасить всѣхъ движеній пылъ: 4
Вотъ тѣмъ въ отпоръ, у коихъ мы читаемъ,
Что будто Богъ намъ душу въ душу влилъ.

Вотъ потому-то, если мы внимаемъ 7
Иль видимъ то, что душу намъ плѣнить,—
Бѣгутъ часы, а мы не замѣчаемъ:

Затѣмъ что въ насъ одна способность зрѣть, 10
Другая—душу въ плѣнь беретъ всецѣло;
Когда та бодрствуетъ, въ насъ эта спитъ.

Въ сей истинѣ я убѣдился зрѣло. 13
Пока внималъ Манфредовымъ словамъ,
На пятьдесятъ ужъ градусовъ успѣло

Подняться солнце; я же только тамъ 16
Примѣтилъ то, гдѣ хоромъ душъ тѣхъ стадо
Намъ крикнуло: — «Вотъ, вотъ, что нужно вамъ!»

- Щель большую заткнетъ въ шпалерѣ сада 19
 Однимъ сучкомъ терновымъ селянинъ,
 Когда бурѣютъ грозды винограда, —
- Чѣмъ та тропа, по коей лѣзъ одинъ 22
 Я за пѣвцомъ, сердечной полонъ болп,
 Когда исчезъ отрядъ тѣней съ долинъ.
- Восходятъ въ Лео, и нисходятъ въ Ноли, 25
 На Бисмантову лѣзутъ на однихъ
 Ногахъ; но тутъ потребны крылья воли, —
- Тутъ я летѣлъ на крыльяхъ огневыхъ 28
 Желаній жаркихъ вслѣдъ за тѣмъ вожатымъ,
 Что мнѣ свѣтилъ надеждой въ скорбяхъ злыхъ.
- Мы лѣзли вверхъ ущельемъ, тѣсно сжатымъ 31
 Со всѣхъ сторонъ утесами, гдѣ крутъ
 Просила въ помощь рукъ и ногъ по скатамъ.
- И вотъ, едва успѣлъ я достигнуть 34
 До высшаго скалы громадной края, —
 «Куда, мой вождь», спросилъ я, «держимъ путь?»
- А онъ: — «Впередъ, впередъ, не отступая! 37
 Все вслѣдъ за мной стремись на верхъ хребта,
 Пока найдемъ проводника изъ рая».
- Гора была до неба поднята, 40
 А склонъ ея былъ круче, чѣмъ съ середины
 Квадранта въ центръ идущая черта.
- Я чуть дышалъ, когда сказалъ съ вершины: 43
 — «О добрый отче! видишь? оглянись!
 Я отстаю! Постой хоть мигъ единый».
- А онъ: — «О, сынъ! сюда хоть доберись». 46
 И указалъ мнѣ на уступъ надъ нами,
 По этотъ бокъ горы торчавшій внизъ.

- Такъ подстрекнуть я былъ его словами, 49
 Что лѣзъ ползкомъ за нимъ до тѣхъ я поръ,
 Пока не всталъ на тотъ уступъ ногами.
- Тутъ сѣли мы, глядя съ вершины горъ 52
 Въ ту сторону, откуда въ путь пошли мы,
 И радуя путемъ пройденнымъ взоръ.
- Сперва я внизъ взглянулъ на брегъ, чуть зримый, 55
 Потомъ взглянулъ на солнце, изумясь,
 Что слѣва мы лучомъ его палимы.
- Поэтъ вмигъ понялъ, что я, весь смутясь, 58
 Дивлюсь тому, что колесница свѣта
 Межъ сѣверомъ и нами въ путь неслась,
- И рекъ: — «Сопутствуй нынѣ, какъ средь лѣта, 61
 Касторъ и Поллуксъ зеркалу тому,
 Чтò вверхъ и внизъ струить потоки свѣта, —
- «То Зодіакъ вращался-бъ вслѣдъ ему 64
 Совсѣмъ вблизи къ Медвѣдицамъ блестящимъ —
 По древнему теченью своему.
- «Чтобъ тò понять съ сознаньемъ надлежащимъ, — 67
 Весь самъ въ себѣ, вообрази Сіонъ
 Съ горою этой на землѣ стоящимъ,
- «Чтобъ горизонтъ имѣли съ двухъ сторонъ 70
 Одинъ, но два различныхъ небосклона:
 И ты поймешь, что путь, гдѣ Фазтонъ
- «Такъ дурно шель, придется отъ Сіона 73
 Въ ту сторону, и въ эту здѣсь отъ насъ,
 Коль разумъ твой проникнулъ въ смыслъ закона».
- И я: — «Учитель, вѣрь, еще ни разъ 76
 Разсудокъ мой, вначалѣ столь смущенный,
 Не понималъ такъ ясно, какъ сейчасъ,

- «Что средній кругъ, въ наукѣ нареченный 79
Экваторомъ,— тотъ кругъ, что вѣкъ лежитъ
Межъ льдомъ и солнцемъ,— здѣсь, по приведенной
- «Тобой причинѣ, столько-жъ отстоитъ 82
Къ полуночи, насколько тамъ Еврею
Онъ вается въ палящемъ югѣ скрытъ.
- «Но знать желалъ бы, коль спросить я смѣю, 85
Далекъ ли путь? Такъ къ небу возстаютъ
Гора, что взоръ не услѣдитъ за нею».
- А онъ на то:— «Горы такой ужъ родъ, 88
Что лишь вначалѣ труденъ къ восхожденю.
А тамъ, чѣмъ выше, тѣмъ все легче всходъ.
- «Итакъ, когда узнаешь по сравненью, 91
Что легче все тебѣ свой дѣлать шагъ,
Какъ въ суднѣ плыть рѣкой внизъ по теченью,—
- «Тогда конецъ пути въ жилище благъ; 94
Тамъ облегчишь и грудь свою усталу.
Молчи-жъ теперь и вѣрь, что это такъ».
- Лишь вымолвилъ мой вождь, какъ изъ-за валу, 97
Вблизи отъ насъ, слышались слова:
— «Ну, до того и посидишь, пожалуй».
- Мы обернулись оба и у рва 100
Увидѣли, налѣво, рифъ громадный:
Былъ не примѣченъ нами онъ сперва.
- Мы подошли, и вотъ въ тѣни прохладной 103
Толпа духовъ стоитъ при той скалѣ,
Какъ лишь стоитъ людъ праздный, тунеядный.
- Одинъ изъ нихъ, съ истомой на челѣ, 106
Сидѣлъ, руками обхвативъ колѣни
И свѣсивъ голову межъ нихъ къ землѣ.

- «О, добрый вождь! Взгляни въ лицо той тѣни! 109
 Смотри», сказалъ я, «какъ небрежно тамъ
 Сидитъ она, какъ бы сестрица лѣни».
- Замѣтивъ насъ, духъ винулъ взгляды къ намъ 112
 И, по бедру лицо передвигая,
 Сказалъ: — «Вишь сильный! Полѣзай-ка самъ».
- Тутъ я узналъ лицо того лѣнтя 115
 И, хоть усталость мнѣ давила грудь,
 Я подошелъ къ нему. И вотъ, когда я
- Приблизился, онъ, приподнявъ чуть-чуть 118
 Лицо, сказалъ: — «Что? понялъ-ли довольно,
 Какъ солнце здѣсь налѣво держитъ путь?»
- Во мнѣ улыбку вызвалъ онъ невольно 121
 Движеній лѣнью, краткостью рѣчей,
 И началъ я: — «Белаква, мнѣ не больно
- «Теперь подумать о судьбѣ твоей! 124
 Что-жъ здѣсь сидишь? Вождя ли ждешь у грота?
 Иль жалко лѣнь отбросить прежнихъ дней?»
- А онъ: — «О, братъ! Кому тутъ лѣзть охота? 127
 Вѣдь къ мукамъ вверхъ тогда допустить насъ
 Господень стражъ, что тамъ блюдетъ ворота,
- «Какъ надо мной здѣсь небо столько разъ, 130
 Какъ много лѣтъ я прожилъ, кругъ опишетъ.
 Я-жъ о грѣхахъ вздохнулъ лишь въ смертный часъ.
- «Такъ пусть же тѣ, въ комъ скорбь по мертвымъ дышитъ. 133
 Спѣшать мольбой въ томъ мѣрѣ намъ помочь;
 А наша что? Ее Господь не слышитъ».
- Но тутъ поэтъ сталъ удаляться прочь, 136
 Сказавъ: — «Идемъ. Смотри, какъ ужъ высоко
 На полднѣ солнце, и стопою ночь
- «У тѣхъ береговъ покрыла ужъ Марокко». 139

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Преддверіе чистилища.— Нерадивые и погибшіе насильственной смертью.—
Якопо дель Кассеро.— Буонконте да Монтефельтро.— Пія де'Толомен.

- Я повернулъ ужъ спину тѣмъ страдальцамъ 1
И по стопамъ вождя пошелъ, какъ вотъ —
За мною тѣнь, указывая пальцемъ,
- Вскричала:— «Вонъ, смотрите! слѣва тотъ, 4
Что ниже, тѣнью свѣтъ дневной раздвинулъ.
И, какъ живой, мнѣ кажется, идетъ».
- На этотъ крикъ назадъ я взоры кинулъ 7
И вижу,— всѣ вперили взглядъ, дивясь,
Въ меня и въ тѣнь, гдѣ свѣтъ за мною сгинулъ.
- «Чѣмъ мысль твоя такъ сильно развлеклась», 10
Сказалъ учитель, «что мѣшаетъ ходу?
Что въ томъ тебѣ, что шепчутся о насъ?»
- «Иди за мной, и дай роптать народу; 13
Будь твердъ, какъ башня, на которой пшницъ
Не дрогнетъ вѣвѣкъ отъ вѣтровъ въ непогоду.
- «Въ комъ помыслы роятся безъ границъ, 16
Тотъ человѣкъ далекъ отъ ихъ свершенья:
Въ немъ мысль одна гнететь другую ницъ».

- Что могъ сказать я больше отъ смущенья, 19
 Какъ лишь:— «Иду». И, покраснѣвъ, я стихъ,
 За что порой мы стоимъ и прощенья.
- Тутъ поперекъ наклона скалъ святыхъ 22
 Вблизи предъ нами тѣни проходили
 И пѣли Misereere — стихъ за стихъ.
- Примѣтивъ же, что вовсе не свѣтили 25
 Лучи сквозь плоть мою,— свой хоръ пѣвцы
 Въ «О!» хриплое протяжно превратили.
- И двое изъ толпы ихъ, какъ гонцы, 28
 Навстрѣчу къ намъ помчались, восклицая:
 — «Откуда вы, скажите, пришлецы?»
- И вождь:— «Вернись назадъ, чета святая! 31
 Тебя пославшимъ можешь ты донести,
 Что плоть на немъ дѣйствительно живая.
- «Коль нужно имъ объ этомъ слышать вѣсть, 34
 То вотъ отвѣтъ имъ; если-жъ стали въ кучи
 Тамъ въ честь ему,— онъ имъ воздастъ за честь».
- Предъ полночью едва ли паръ горючій 37
 Браздить такъ быстро звѣздныя среды,
 Иль въ августѣ съ заходомъ солнца тучи,—
- Какъ быстро тѣ влетѣли душъ въ ряды 40
 И, повернувъ, примчались къ намъ съ другими,
 Несясь, какъ строй, бѣгущій безъ узды.
- И вождь:— «Тѣснятъ толпами насъ густыми 43
 Они затѣмъ, чтобъ къ нимъ ты не былъ врагъ;
 Но дальше въ путь, и слушай, идя съ ними».
- «Душа,— ты, ищущая вѣчныхъ благъ, 46
 Несущая тѣ члены, гдѣ витаешь»,
 Бѣжа кричали, «задержи свой шагъ.

- «Взгляни! быть можетъ, здѣсь иныхъ узнаешь 49
И вѣсть о нихъ снесешь въ свои страны;
О, что-жъ спѣшишь? о, что-жъ ты не внимаешь?»
- «Мы всѣ насильствомъ жизни лишены, 52
Вплоть до тѣхъ поръ ходя путемъ грѣховнымъ;
Когда же свѣтъ блеснулъ намъ съ вышины,
- Мы всѣ, покаясь и простя виновнымъ, 55
Ушли изъ жизни, примирившись съ Тѣмъ,
Кого узрѣтъ горимъ огнемъ духовнымъ». —
- И я: — «Изъ васъ я незнакомъ ни съ кѣмъ! 58
Но чѣмъ могу служить я вашей тризнѣ,
Скажите, души дорогія? Всѣмъ
- Готовъ помочь, клянусь тѣмъ миромъ жизни, 61
Его-жъ искать вслѣдъ за такимъ вождемъ
Изъ міра въ міръ иду, стремясь къ отчизнѣ».
- И мнѣ одинъ: — «Мы всѣ съ надеждой ждемъ, 64
Что и безъ клятвъ ты сдержишь обѣщанье,
Была-бъ лишь воля на сердцѣ твоемъ.
- «И я, за всѣхъ молящій въ семь собраній, 67
Прошу тебя: какъ будешь ты въ странѣ
Межъ Карлова владѣнья и Романы, —
- «Замолви въ Фано слово обо мнѣ: 70
Пусть вознесутъ тамъ за меня молитвы,
И отъ грѣховъ очищусь я вполне.
- «Отгдоль я родомъ; эти-жъ знаки битвы, 73
Изъ коихъ съ кровью вышла жизнь моя,
Мнѣ антенорцы дали въ часъ ловитвы.
- «А имъ-то былъ такъ сильно преданъ я! 76
Имъ такъ велѣлъ злой Эсте, въ коемъ пышетъ
Сверхъ всякихъ мѣръ гнѣвъ злобы на меня.

- «Уйди-жь я въ Мирру, прежде чѣмъ я, вышедъ 79
 Изъ Ориако, схваченъ ими былъ,—
 Я-бъ и понынѣ жилъ, гдѣ тварь вся дышетъ.
- «Въ осокѣ тамъ, увязнувъ въ топкій иль, 82
 Среди болотъ я палъ, и тамъ изъ жилы
 Всю кровь свою, какъ озеро, разлилъ».
- Тогда другой:— «Да дастъ Всевышній силы 85
 Тебѣ достигъ до горнихъ тѣхъ вершинъ!
 О, помоги, утѣшь мой духъ унылый!
- «Я Буонконтъ, я Монтефельтро сынъ; 88
 Джьоваина съ прочими меня забыла:
 Затѣмъ-то здѣсь всѣхъ жальче я одинъ».
- И я ему:— «Какой же рокъ, иль сила 91
 Такъ унесла твой съ Кампальдино прахъ,
 Что міръ не знаетъ, гдѣ твоя могила?»
- «Подъ Казентиномъ», онъ сказалъ въ слезахъ, 94
 «Изъ Апеннинъ бѣжитъ Аркьянъ по волѣ,
 Взявъ свой истокъ надъ Пустынью въ горахъ.
- «Туда, гдѣ онъ ужъ не зовется болѣ, 97
 Добрель я, раненъ въ горло тяжело,
 И кровью ранъ обагривилъ все поле.
- «Тутъ взоръ померкъ и слово замерло 100
 На имени Марин; тутъ и тѣло
 Бездушное одно во прахъ легло.
- «Что я скажу,— живымъ повѣдай смѣло! 103
 Господень Ангель взялъ меня; но Врагъ:
 — «О, ты съ небесъ!» вскричалъ, «правдиво-ль дѣло?»
- «Лишь за одну слезинку въ ночь и мракъ 106
 Его часть вѣщную ты взялъ у ада;
 Но ужъ съ другой я поступилю не такъ!»

- «Ты знаешь самъ, какъ воздухъ въ тучи града
 II въ дождь сгущаетъ влажный паръ, когда
 Онъ вступитъ въ край, гдѣ стынетъ вдругъ отъ хлада. 109
- «Злость думъ своихъ, лишь алчущихъ вреда,
 Сливъ съ разумомъ и съ силой злой природы,
 Врагъ поднялъ вѣтръ и двинулъ тучъ стада. 112
- «И день угасъ, и сумракъ непогоды
 Всю Протоманью до хребта горы
 Закуталъ такъ, сгустивъ небесны своды, 115
- «Что воздухъ въ воду превратилъ пары:
 И хлынулъ дождь, и то, что не проникло
 Во глубь земли, наполнило всѣ рвы, 118
- «И столько рѣкъ великихъ вдругъ возникло,
 И токъ могучій къ царственной рѣкѣ
 Такъ ринулся, что все предъ нимъ поникло; 121
- «Остывшій трупъ мой тутъ нашель въ рѣкѣ
 Злой Аркіанъ и, бурный, въ Арно ринулъ,
 . Расторгнувъ крестъ, въ который я, въ тоскѣ 124
- «Раскаляя, на персяхъ длани сдвинулъ;
 Мой трупъ, крутя по дну и почь и день,
 Покрывъ весь тиною и въ море кинулъ». 127
- «Когда назадъ придешь въ родную сѣнь
 II отдохнешь, отъ странствія почія». 130
 Такъ за второй сказала третья тѣнь,
- «О, не забудь ты и меня: я Пія!
 Мнѣ Съена жизнь, Маремма смерть дала.
 Какъ знаетъ тотъ, изъ чьей руки впервые. 133
- «Съ нимъ обрѣчась, я перстень приняла . 136

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Предверье чистилища. — Другія души погибшихъ насильственною смертью. —
Сила молитвы объ усопшихъ. — Сорделло. — Воззваніе къ Италиі.

- Какъ скоро кончатъ состязанье въ кости, — 1
Кто проигралъ, тотъ съ мѣста не встаетъ
И учится, стуча костями отъ злости.
- Межъ тѣмъ съ другимъ валить гурьбой народъ: 4
Кто спереди, кто сзади подступаетъ.
Кто съ стороны къ счастливцу пристаетъ;
- А онъ идетъ и каждому внимаетъ: 7
Кому подаетъ, тотъ отступаетъ прочь,—
Такъ онъ себя отъ давни избавляетъ.
- Въ густой толгѣ таковъ былъ я точь-въ-точь, 10
Внимая всѣмъ при плачѣ ихъ и стонѣ
И общаясь въ мирѣ имъ помочь.
- Тутъ аретинецъ былъ, погибшій въ лонѣ 13
Судилица отъ ярыхъ Гина рукъ,—
И тотъ, кто въ Арно утонулъ въ погонѣ.
- Простерши руки, тутъ стоналъ отъ мукъ 16
И Федеригъ, и тотъ, чьей смертью злою
Столь доблестнымъ явилъ себя Марцукъ.

- Тутъ былъ графъ Орсь и тотъ, чья плоть съ душою 19
 Разлучена чрезъ зависть и вражду
 (Какъ увѣрялъ), а не его виною, —
- Пьеръ де-ла-Броссъ! Имѣй же то въ виду, 22
 Брабантинка, пока ты здѣсь съ живыми,
 Чтобъ въ стадо къ худшимъ не попасть въ аду! —
- Лишь я разстался съ сонмами густыми, 25
 Просившими, чтобъ я другихъ просилъ
 Мольбой помочь стать имъ скорѣй святыми, —
- «О свѣтъ!» я началъ, «помнится, рѣшилъ 28
 Ты явственно въ своей поэмѣ гдѣ-то,
 Что гласъ молитвъ предъ Божествомъ безъ силъ;
- «А сонмъ тѣней насъ молить лишь за это? 31
 Такъ неужли-жъ надежда ихъ тщетна,
 Иль, можетъ быть, не вникъ я въ рѣчь поэта?»
- А онъ на то: — «И рѣчь моя ясна, 34
 И не тщетна надежда ихъ, коль вникнетъ
 Твой здравый разумъ въ наши письма.»
- «Вѣдь судъ чрезъ то вершиной не поникнетъ, 37
 Коль жаръ любви ускоритъ мукамъ срокъ,
 Сужденный всѣмъ, кто въ этотъ мѣръ проникнетъ.
- «Но тамъ, въ аду, гдѣ мысль я ту изрекъ, 40
 Не исправляется вина молениемъ, —
 Господь отъ всѣхъ моленій тамъ далекъ.
- «Но, впрочемъ, ты подъ тяжкимъ столъ сомнѣнемъ 43
 Не пребывай, доколь не встрѣтишь ту,
 Кто свѣтъ свой леть межъ правдой и мышлениемъ.
- «Ты понялъ ли, что рѣчь я здѣсь веду 46
 О Беатриче? Тамъ, на той вершинѣ,
 Узришь ея святую красоту».

- И я:— «Вождь добрый, поспѣшимъ! отнынѣ
Уже во мнѣ истомы прежней нѣтъ,
И вонъ легла ужъ тѣнь горы въ долину». 49
- «На сколько можно», онъ на то въ отвѣтъ,
«Пройдемъ въ сей день; но будетъ трудъ тяжеле,
Чѣмъ думаешь, идти за мной вослѣдъ. 52
- «И прежде чѣмъ взойдешь, узришь отселѣ
Возвратъ того, чей свѣтъ ужъ скрытъ холмомъ,
И лучъ его въ твоёмъ не гаснетъ тѣлѣ. 55
- «Но видишь,— тѣнь вдали на камнѣ томъ,
Въ насъ взоръ вперивъ, сидитъ одна направо?
Пусть скажетъ намъ, гдѣ легче путь найдемъ». 58
- Мы къ ней спѣшимъ. — О! какъ ты величаво,
Ломбардскій духъ, полнъ гордости святой,
Взоръ медленный водилъ, одѣянъ славой! 61
- И, не сказавъ ни слова, предъ собою
Даль намъ пройти, насъ окомъ озирая,
Какъ грозный левъ, возлегшій на покой! 64
- Тутъ подошелъ Виргилій, умоляя
Сказать, гдѣ легче всходъ на верхъ горы:
Но гордый духъ, отвѣта не давая, 67
- Спросилъ насъ: кто мы? изъ какой страны?
И вотъ, лишь началъ вождь свои заклатья:
— «О, Мантуя!...» какъ духъ, до той поры 70
- Весь замкнутый, вскричалъ, простря объятя:
«О, мантуанецъ! Я Сорделлъ! твоей
Страны я сынъ!» — И обнялись, какъ братья. 73
- Италія — раба, пріютъ скорбей,
Корабль безъ кормщика средъ бури дикой,
Разврата домъ, не матеръ областей! 76

- Съ какимъ радушіемъ тотъ мужъ великій 79
 При сладкомъ имени родной страны
 Сородичу воздалъ почетъ толикій!
- А у тебя — кто нынѣ безъ войны? 82
 Не гложутъ ли другъ друга въ каждомъ станѣ,
 За каждымъ рвомъ, въ чертѣ одной стѣны?
- Вкругъ осмотри, злосчастная, всѣ грани 85
 Морей твоихъ; потомъ взгляни въ среду
 Самой себя: гдѣ край въ тебѣ безъ брани?
- Что пользы въ томъ, что далъ тебѣ узду 88
 Юстиніанъ, наѣздника же не далъ?
 Вѣдь безъ нея-бъ быть меньшему стыду!
- Зачѣмъ, народъ, коня во власть не предалъ 91
 Ты Цезарю, чтобъ правилъ имъ всегда,
 Коль понялъ то, что Богъ вамъ заповѣдалъ?
- Смотри, — конь заупрямился, когда 94
 Не стало шпоръ того, кто встарь имъ правилъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ взялъ ты въ руки повода!
- Зачѣмъ, Альбертъ Нѣмецкій, ты оставилъ 97
 И далъ такъ сильно одичать, что мѣру
 Ужъ надъ собою не знаешь конь, ни правилъ?
- Да снидетъ же судъ Божій съ звѣздныхъ сферъ 100
 На кровь твою — судъ новый и открытый,
 Чтобъ былъ твоимъ преемникамъ въ примѣръ!
- Съ отцомъ своимъ ты бросилъ безъ защиты 103
 Италію и допустилъ, — увы! —
 Чтобъ садъ Имперіи заглохъ, забытый.
- Приди-жъ взглянуть, безопасный, каковы 106
 Мональди здѣсь, Монтекки, Капеллетти —
 Тѣ въ горести, а эти — безъ главы!

- Приди, жестокой, посмотри, какъ дѣти 109
Твои скорбятъ; приди къ нимъ, чтобъ помочь;
Приди взглянуть, какъ Сантофьоръ палъ въ сѣти!
- Приди взглянуть на Римъ твой! День и ночь 112
Онъ, какъ вдова, воишь въ слезахъ и горѣ:
— «О Цезарь мой, куда бѣжишь ты прочь?»
- Приди взглянуть, въ какомъ мы тутъ раздорѣ. 115
И, коль тебѣ не жаль твоихъ дѣтей,
Приди краснѣть хоть о твоёмъ позорѣ!
- О, да простить мнѣ высшій Царь царей, 118
За насъ распятый здѣсь въ земной долигѣ:—
Куда отъ насъ отвелъ Ты взоръ очей?
- Иль, можетъ быть, безвѣстное въ пучинѣ 121
Предвѣчнаго совѣта Своего
Ты благо намъ уготовляешь нынѣ?
- Всѣ города въ странѣ до одного — 124
Полны тирановъ; каждый смердъ ничтожный
Марцеломъ стать готовъ изъ ничего.---
- Но ты, моя Флоренція, тревожной 127
Быть не должна: народъ твой вѣдь не глупъ
И не пойдетъ по той дорогѣ ложной!
- Иной народъ чтитъ правду, но онъ скупъ 130
На стрѣлы, зря не гнетъ онъ самострѣла;
А твой народъ ихъ тучей мечетъ - съ губъ!
- Иныхъ страшитъ общественное дѣло; 133
А твой народъ, и незванный никѣмъ,
Кричитъ:---«Давай! за все беруся смѣло!»
- Лкуй же, родина! и есть надъ чѣмъ: 136
Живешь ты въ мирѣ, ты умна, богата,
А что не лгу конецъ докажетъ всѣмъ.

- Аѳины, Спарта, гдѣ законъ когда-то 139
Быль такъ премудръ и славенъ, и хорошъ,
Жить не могли, какъ ты, умно и свято.
- Уставы-жъ ты такъ тонко создаешь, 142
Что къ половицѣ ноября безъ смѣны
Не длится то, что въ октябрѣ сирядешь.
- Припомни лишь, какъ часто перемѣны 145
Ты дѣлала въ законахъ, должностяхъ,
Въ монетахъ, правахъ, и мѣняла члены.
- И согласишь, коль умъ твой не зачахъ, 148
Что ты сходна съ большой, чей сонъ такъ слабокъ.
Что на пуху лежитъ, какъ на ножкахъ,
- И ницетъ сна, металъ съ боку на бокъ! 151

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Преддверіе чистилища. — Сорделло. — Долина государей, не радѣвшихъ о спасеніи души своей. — Императоръ Рудольфъ. — Оттокаръ. — Филлиппъ Сильный. — Генрихъ Наваррскій. — Петръ Аррагонскій. — Генрихъ III Англійскій. — Гюльельмъ Монферратскій.

- Какъ скоро три, четыре раза новый, 1
Живой привѣтъ межъ нихъ обмѣненъ былъ, —
Вспять отступя, спросилъ Сорделло: — «Кто вы?»
- «Еще къ горѣ священной не парилъ 4
Сонъ душъ, достойный къ той взнестись вершинѣ, —
Октавіанъ ужъ прахъ мой схоронилъ.
- «Виргилій я, и лишь по той причинѣ 7
Лишень небесъ, что вѣровала въ ничто».
Такъ отвѣчала тогда мой вождь въ кручинѣ.
- Какъ тотъ, кто вдругъ увидѣлъ вещь, во что 10
И вѣрить онъ, и нѣтъ, пока не выскнулъ,
И говорить съ собою: «то! не то!» —
- Такъ и Сорделлъ: сперва челомъ поникнулъ, 13
Потомъ, смиренно подойдя, ему,
Какъ рабъ, колѣна обнялъ и воскликнулъ:
- «О, слава всѣхъ латинянь, ты, кому 16
Дано явить, сколь мощно наше слово!
Честь вѣчная и граду моему!

- «Чѣмъ заслужилъ видѣнья я такого? 19
 Скажи, коль стою я рѣчей твоихъ,
 Изъ адскаго-ль ты круга я какого?»
- «По всѣмъ кругамъ изъ царства скорбей злыхъ», 22
 Онъ отвѣчалъ, «прошелъ я, посланъ силой
 Небесною и ей ведомый въ нихъ.
- «Бездѣйствіе — не дѣйствіе — сокрыло 25
 Миѣ Солнце то, къ Нему-жъ парить твой умъ,
 Чей свѣтъ позналъ я поздно за могилой.
- «Есть край внизу: онъ тьмой своей угрюмъ, 28
 Не казнями, и оглашень не воемъ
 Отъ мукъ, но вздохами отъ тщетныхъ думъ.
- «Тамъ я съ младенцами — съ невиннымъ роємъ, 31
 Попавшимъ въ зубы Смерти, прежде чѣмъ
 Съ нихъ первый грѣхъ омытъ предъ аналоемъ.
- «Тамъ я съ толпой, что, не познавъ совсѣмъ 34
 Трехъ добродѣтелей святыхъ, признала
 Другія всѣ и слѣдовала всѣмъ.
- «Но, если можешь, объясни, хоть мало. 37
 На тотъ уступъ какъ восходить должнѣ,
 Гдѣ первое чистилища начало?»
- И онъ: — «Границъ намъ точныхъ не дано: 40
 Вездѣ ходить я воленъ въ этомъ брегѣ
 И я твой вождь, насколько дозволенѣ.
- «Но, посмотри, ужъ день почти на сбѣгѣ, 43
 Нельзя стремиться ночью къ вышнимъ;
 Подумай же и о благомъ почлегѣ.
- «Есть души тамъ направо въ сторонѣ; 46
 Я къ нимъ сведу тебя, коль ты согласенъ;
 Тебѣ отраду могутъ дать онѣ».

- «Какъ?» былъ отвѣтъ. «Миѣ твой совѣтъ неясенъ: 49
 Другой ли кто претить на высоту
 Выходить въ ночь, иль самый трудъ напрасенъ?»
- И по землѣ Сорделль провелъ черту 52
 Перстомъ, сказавъ:— «Смотри, лишь Солнце канеть,
 За линію не переступишь ты.
- «Всѣмъ вверхъ всходящимъ здѣсь въ отпоръ возстанеть 55
 Не кто иной, какъ мракъ: ночная тѣнь,
 Лишая силъ, и волю въ насъ туманить.
- Но нисходить на низшую ступень 58
 И вокругъ горы блуждать и въ мглѣ здѣсь можно,
 Пока въ плѣну у горизонта день».
- Тогда владыка мой, почти тревожно: 61
 — «Веди-жь», сказалъ, «туда, гдѣ намъ пріютъ
 Отраду дастъ, коль говоришь неложно».
- Мы недалеко отошли, какъ тутъ 64
 Я выемку на склонѣ вдругъ примѣтилъ.
 Какъ здѣсь у насъ долины горъ идутъ.
- «Пойдемъ туда, и тамъ», Сорделль замѣтилъ, 67
 «Гдѣ изъ себя долину крутъ творить,
 Дождемся дня, и станетъ міръ весь свѣтелъ».
- Былъ путь межъ горъ и плоскостью прорытъ; 70
 Змѣясь, привелъ онъ насъ на край раздола,
 Гдѣ больше чѣмъ въ полкруга онъ открытъ.
- Сребро и злато, пурпуръ, блескъ съ престола. 73
 Гебенъ индійскій съ лоскомъ дорогимъ,
 Смарагдъ чистѣйшій въ мигъ его раскола,---
- Предъ блескомъ тѣмъ цвѣтовъ и травъ, какимъ 76
 Сверкалъ тотъ доль, — все уступало въ цвѣтѣ,
 Какъ меньшее передъ своимъ большимъ.

- И тамъ природа не цвѣты лишь эти, 79
 Но ароматовъ тысячи смѣшавъ,
 Творила нѣчто, нѣтъ чего на свѣтѣ.
- «Salve, Regina!» межъ цвѣтовъ и травъ 82
 Сидѣвшіе тамъ духи пѣли въ хорѣ,
 Не вознося наверхъ вѣчанныхъ главъ.
- «Пока не сѣлъ остатокъ солнца въ море», 85
 Такъ мантуанскій вождь нашъ началъ намъ:
 «Не пожелайте быть въ ихъ общемъ сборѣ.
- «Отсель съ горы удобнѣй будетъ вамъ 88
 Всѣ лица ихъ узнать и выраженья,
 Чѣмъ въ доль спустившись къ нимъ.— Сидящій тамъ
- «Всѣхъ прочихъ выше, съ видомъ сожалѣнья 91
 О томъ, что въ мѣрѣ долгомъ пренебрегъ,
 Не отвергающій и устъ для пѣнья, - -
- «Былъ императоръ Рудольфъ,— тотъ, кто могъ 94
 Спасти Италію, чьи раны вскорѣ
 Не заживутъ, среди ея тревогъ.
- «А тотъ, что ищетъ утолить въ немъ горе, 97
 Владѣлъ страной, откуда токъ въ горахъ
 Молдава въ Эльбу мчитъ, а Эльба въ море:
- «То—Оттокаръ; онъ даже въ пеленахъ 100
 Разумнѣй былъ, чѣмъ сынъ его брадатый,
 Злой Венцеславъ, что губитъ жизнь въ пирахъ.
- «Курносый тотъ, бесѣдою занятый 103
 Съ своимъ сосѣдомъ, чей такъ кротокъ ликъ.
 Въ грязь затопталъ цвѣтъ лиліи измятый:
- «Смотрите. въ грудь какъ бьетъ себя старикъ! — 106
 Другой же съ нимъ, какъ видите, къ ладони
 Щекой, вздыхая, какъ на одрѣ, попиетъ:

- «Отець и тесть то сына беззаконій 109
 Во Франціи: онъ такъ имъ омерзѣлъ,
 Что мысль о немъ причина ихъ мученій.
- «А тотъ, который съ виду такъ дебелъ, 112
 Поющій въ ладъ вонъ съ Клювомъ тѣмъ орлинымъ,
 Былъ преносимъ славой добрыхъ дѣлъ.
- «И еслибъ тронъ за нимъ былъ занятъ сыномъ, 115
 Тѣмъ юношей, что сзади, — чести духъ
 Изъ чаши въ чашу текъ ручьемъ единымъ, —
- «Чего нельзя сказать о прочихъ двухъ: 118
 Джьякомъ и Федеригъ имѣютъ троны,
 Но лучшей жарь наслѣды въ нихъ потухъ.
- «Людская честность рѣдко безъ преносы 121
 Восходитъ въ вѣтви: воля такова
 Всѣхъ Дателя.—почтимъ Его законы.
- «Тотъ Клювъ орлиный пусть мои слова, 124
 И этотъ Пьеро, примутъ одинако.
 Поправъ Провансъ и Пуліи права!
- «Да! столько сѣмя благородіи злака. 127
 Что Беатриче съ Маргаритой врядъ
 Съ Констанціей сравнятся славой брака.
- «Но вотъ король, къ нимъ не вошедшій въ рядъ: 130
 То Генрихъ Англійскій. другъ жизни стройной:
 Въ вѣтвяхъ своихъ онъ лучшей видитъ садъ.
- «Сидящій ниже всѣхъ и взоръ спокойный 133
 На нихъ подъемлющій — Гюльельмъ маркизъ,
 Изъ-за кого александрійцевъ войны
- «Въ скорбь ввергли Монферратъ и Канавизъ». 135

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

Преддверіе чистилища.—Нерадивые.—Цвѣтущая долина.—Ангелы-хранители.—
Нино Висконти.—Змѣй.—Куррадо Маласпина.

- Насталь ужъ часъ, когда въ нѣмой печали 1
Летять мечтой пловцы къ родной странѣ,
Гдѣ въ этотъ день прости друзьямъ сказали;
- Когда томится пилигримъ вдвойнѣ, 4
Услыша звонъ, вдали гудящій глухо,
Какъ будто плача объ отшедшемъ днѣ.
- И въ этотъ часъ, какъ смолкло все для слуха, 7
Я зрѣлъ: одна востала тѣнь, рукой
Давъ знакъ другимъ, чтобъ къ ней склонили ухо.
- Воздѣвши длани, взоръ она съ мольбой 10
Вперила на востокъ, какъ бы желая
Сказать: Всегда я, Господи, съ Тобой!
- «Te lucis ante» — пѣснь лилась святая 13
Изъ устъ ея гармоніей святой
Мнѣ позабыть себя повелѣвая.
- И набожно и стройно, вторя ей, 16
Весь хоръ пропѣлъ тотъ гимнь, стремя высоко
Къ кругамъ небеснымъ взоръ своихъ очей.—

- Здѣсь въ истину вперн, читатель, око; 19
 Теперь на ней такъ тонокъ сталъ покровъ.
 Что ужъ легко проникнуть въ смыслъ глубокий.
- И, смолкнувъ, сонмъ тѣхъ царственныхъ духовъ, 22
 Смиренно вверхъ смотрѣть со страхомъ въ лицахъ,
 Какъ будто ждалъ чего-то съ облаковъ.
- И видѣлъ я: съ небесъ неслись въ зарницахъ 25
 Два ангела, вращая протпвъ силъ
 Мечъ пламенный съ тупымъ концомъ въ десницахъ.
- Какъ листь, сейчасъ рожденный, зеленъ былъ 28
 Цвѣтъ ихъ одеждъ, и ихъ покровъ клубился,
 Волнуемъ взмахомъ ихъ зеленыхъ крылъ.
- Одинъ изъ нихъ вблизи отъ насъ спустился, 31
 Другой же сталъ на супротивный склонъ,
 Такъ что сонмъ душъ межъ ними находился.
- Цвѣтъ ихъ волосъ я видѣть могъ, какъ ленъ, 34
 Но взоръ слѣпили лица огневья:
 Избыткомъ чувствъ былъ органъ побѣждещъ.
- «Ихъ ниспослала къ намъ съ небесъ Марія», 37
 Сказалъ Сорделль: «да стануть здѣсь въ оплотъ
 Долинъ сей: сейчасъ узрите Змія».
- И я, не знавъ, откуда Змія придетъ, 40
 Сталъ озираться и приникнулъ ближе
 Къ раменамъ вѣрнымъ, холоденъ, какъ ледъ.
- Тогда Сорделль: --- «Теперь сойдемте ниже 43
 Къ великимъ въ Сонмъ, чтобъ съ нимъ заговорить;
 Тебя узнавъ, утѣшатся они же».
- Внизъ трехъ шаговъ я не успѣлъ ступить, 46
 Какъ былъ ужъ тамъ. И кто-то взоры смѣло
 Вперилъ въ меня, какъ бы хотѣлъ спросить.

- Быль часть, когда ужъ въ воздухѣ стемнѣло; 49
 Но все-жъ не такъ, чтобъ мракъ мѣшалъ ему
 И мнѣ узнать, чтѣ въ немъ сперва чернѣло.
- Ко мнѣ онъ шелъ, и я пошелъ къ нему. — 52
 Какъ былъ я радъ, о Нинъ, судья правдивый,
 Что не попалъ ты съ злыми въ адску тьму!
- Привѣты шли у насъ безъ перерыва, 55
 И Нинъ спросилъ: — «По дальнимъ тѣмъ волнамъ
 Давно-ль пришелъ сюда, къ горѣ счастливой?»
- «О!» я сказалъ: «по адскимъ злымъ мѣстамъ 58
 Сюда пришелъ я утромъ съ жизнью тлѣнной,
 Чтобъ, идя такъ, снискать другую тамъ».
- И, слыша тѣ, Сорделлъ и Нинъ почтенный 61
 Вдругъ отступили отъ меня, смутясь,
 Какъ тѣ, кого объемлетъ страхъ мгновенный.
- Сорделлъ къ поэту, Нинъ же, обратясь 64
 Къ сидѣвшему, вскричалъ: — «Вставай, Куррадъ!
 Взгляни, какъ мощь здѣсь Божья излилась».
- И мнѣ потомъ: — «Той вышею наградой, 67
 Чтѣ далъ тебѣ Сокрывшій въ темнотѣ
 Первичное Свое зачѣмъ отъ взгляда, —
- «Молю: скажи — проплывъ пучины тѣ — 70
 Моей Джьованнѣ, тамъ да усугубить
 Мольбы о насъ, гдѣ внемлютъ правотѣ.
- «Но мать ея ужъ, видно: насъ не любить, 73
 Коль сбросила повязку, вдовій даръ;
 За это жизнь, злосчастная, погубить.
- «По ней судите, долго-ль длится жаръ 76
 Любви у женщинъ, если въ нихъ натуры
 Не поджигать огнемъ любовныхъ чаръ:

- «Но ей въ гербѣ не скрасить арматуры 79
 Гадюкъ, ведущихъ въ бой Миланскій домъ,
 Какъ скрасилъ бы его Пѣтухъ Галлуры!»
- Такъ говорилъ, и на лицѣ своемъ 82
 Отпечатлѣлъ тотъ гнѣвъ, какимъ, не свыше
 Мѣръ должнаго, пылало сердце въ немъ.
- Я жадный взоръ стремилъ межъ тѣмъ все выше, 85
 Туда, гдѣ звѣзды медленнѣй текли,
 Какъ ступица, у оси, ходитъ тише.
- И вождь: — «Мой сынъ, что видишь ты вдали?» 88
 И я: — «Три вижу свѣточа въ ээирѣ;
 Они весь полюсъ пламенемъ зажгли».
- И онъ на то: — «Склонились ужъ четыре 91
 Свѣтила тѣ, чей блескъ ты утромъ зрѣлъ,
 И вмѣсто нихъ явились эти въ мѣрѣ».
- Но тутъ увлекъ къ себѣ пѣвца Сорделль, 94
 Сказавъ: — «Смотри: вонъ нашъ Противникъ скрытый!»
 И перстъ простеръ, чтобъ вождь туда смотрѣлъ.
- Съ той стороны, гдѣ долъ лишень защиты, 97
 Былъ Змій — такой, какъ, можетъ быть, и та,
 Что Евѣ плодъ вручила ядовитый.
- Въ цвѣтахъ тянулась адская черта; 100
 Змій охорашивалъ себя, вздымая
 Свою главу, лижа свой лоскъ хребта.
- Я не видалъ, какъ вдругъ взвилась святая 103
 Чета двухъ коршуновъ небесныхъ силъ;
 Но видѣлъ ясно ихъ полетъ вдоль края.
- Змій, слыша свистъ сѣкущихъ воздухъ крыль, 106
 Бѣжалъ, и, ровнымъ летомъ вспять пустившись,
 Сталъ каждый стражъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ. —

- Но тотъ, кто близъ Судьи стоялъ, явившись 109
 На зовъ его, — покуда бой тотъ шелъ,
 Глазъ не спускалъ съ меня, очами впившись.
- «Да дасть тотъ Свѣтъ, что къ намъ тебя привель, 112
 Тебѣ елея столько, чтобъ — безъ лести
 Сказать — ты могъ взойти на высшій долъ».
- Такъ началъ онъ: «Когда принесъ ты вѣсти 115
 Изъ Вальдемагры и сосѣднихъ странъ,
 Открой мнѣ ихъ: я жилъ въ большой тамъ чести.
- «Куррадомъ Маласпина былъ я званъ, 118
 Не древнѣй — нѣтъ, но изъ его я рода;
 И здѣсь за то, что такъ любилъ гражданъ».
- «О!» я сказалъ, «среди вашего народа 121
 Я не бывалъ; но далеко кругомъ
 Въ Европѣ всѣмъ громка его порода.
- «Такъ слава та, что вашъ покрыла домъ, 124
 Гремить въ честь принцевъ и гремитъ въ честь края,
 Что кто и не былъ тамъ, ужъ съ ней знакомъ.
- «И я клянусь, какъ жду достигнуть рая, 127
 Что въ вашемъ родѣ не прошли, какъ дымъ,
 Честь кошелька и честь меча былая.
- «Богъ и обычай такъ блюдутъ надъ нимъ, 130
 Что тамъ, гдѣ мѣръ сбить злымъ вождемъ съ дороги,
 Лишь онъ одинъ идетъ путемъ прямымъ».
- «Иди-жь», онъ мнѣ. «Семь разъ въ своемъ чертогѣ 133
 Не снидетъ Солнце въ ложе волнъ морскихъ,
 На коемъ ставитъ знакъ Овна всѣ ноги, —
- «Какъ ласковый твой отзывъ о моихъ 136
 На лѣбѣ твоемъ за это пригвоздится
 Гвоздями покрѣпче, чѣмъ слова иныхъ,
- «Коль судъ небесъ не можетъ измѣниться». 139

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Преддверіе чистилища.—Цвѣтущая долина.—Сонъ и сновидѣнья
Данте.—Орель.—Лючія.—Врата чистилища.—Ангель-привратникъ.—
Входъ въ первый кругъ.

- Наложница древнѣйшаго Тиеона, 1
Бѣжавъ изъ нѣжныхъ рукъ его, лила
Свой блѣдный свѣтъ съ восточнаго балкона.
- Изъ дорогихъ каменьевъ вокругъ чела 4
Сверкаль вѣнецъ, принявшій видъ холодный,
Видъ твари той, чей хвостъ такъ полонъ зла.
- И, два шага свершивъ въ стези восходной, 7
Склоняла Ночь на третьемъ крыльяхъ внизъ,
Тамъ, гдѣ сидѣлъ съ семьей я благородной.
- Адамовыхъ еще не снявшій ризъ, 10
Я тутъ поникъ, дремотой удрученный,
Въ траву, гдѣ всѣ мы пятеро сошлись.
- И въ часъ, какъ пѣть начнетъ свои канцоны 13
Касаточка, предъ утромъ, — можетъ быть,
Еще твердя все прежней скорби стоны,—
- Когда душа, порвавъ всѣхъ мыслей нить, 16
Изъ тѣла вонъ летитъ къ предѣламъ высшимъ,
Чтобъ въ сновидѣньяхъ вѣщій даръ лвить,—

- Въ тотъ часъ во снѣ я зрѣлъ съ небесъ повисшимъ 19
 Орла съ златыми перьями, какъ свѣтъ,
 Готоваго упасть къ предѣламъ низшимъ.
- Я былъ, казалось, тамъ, гдѣ Ганнмедъ, 22
 Покинувъ братьевъ при ихъ тщетномъ кличѣ,
 Взлетѣлъ къ богамъ въ верховный ихъ совѣтъ.
- И я подумалъ: знать, его обычай 25
 Быть только здѣсь, и, знать, въ другихъ мѣстахъ
 Гнушается спускаться за добычей,
- И, покрусась немного въ небесахъ, 28
 Какъ молнія, въ меня онъ громомъ грянулъ
 И въ мѣръ огня умчалъ меня въ когтяхъ.
- И, мнилось, въ огонь, какъ въ бездну, съ нимъ я канулъ, 31
 И жегъ меня такъ сильно мнимый пылъ,
 Что совъ исчезъ, и я отъ сна воспрянулъ.
- Не иначе затрепеталъ Ахиллъ 34
 И очи вокругъ водилъ, открывши вѣки,
 Не вѣдая, что съ нимъ и гдѣ онъ былъ,
- Когда онъ, сонный, матерью, въ тѣ вѣки, 37
 Былъ на рукахъ снесенъ съ Хіоса въ Скиръ,
 Откуда въ бой его умчали греки,—
- Какъ я вздрогнулъ, какъ скоро сонный мѣръ 40
 Разсѣялся, и, ужасомъ подавленъ,
 Я блѣденъ сталъ, беспомощенъ и сиръ.
- Но не былъ я моимъ отцомъ оставленъ. 43
 Ужъ два часа, какъ въ небѣ день пылалъ,
 И внизъ ко взморью взоръ мой былъ направленъ.
- «Не бойся!» мнѣ владыка мой сказалъ: 46
 «Мы въ добромъ мѣстѣ! Пусть въ тебѣ не стынутъ,
 Но крѣпнуть силы здѣсь межъ этихъ скалъ.

- «Ужь ты въ чистилицѣ, и мной не кинуть! 49
 Смотри, утесъ стѣной идетъ вокругъ;
 Смотри, вонъ входъ, гдѣ тотъ утесъ раздвинуть.
- «Предъ самымъ днемъ, тамъ на зарѣ, твой духъ 52
 Предался сну, и ты заснулъ, почія
 Въ лугу цвѣтовъ. Тогда явилась вдругъ
- «Жена съ небесъ, сказавъ мнѣ: — «Я Люціа! 55
 Дай мнѣ поднять уснуваго и вамъ
 Тѣмъ облегчить тревоги путевыя». —
- «Средь призраковъ Сорделль остался тамъ; 58
 Она-жь, поднявъ тебя, наверхъ съ разсвѣтомъ
 Пошла, и я — за нею по пятамъ.
- «И, здѣсь сложивъ тебя и дивнымъ свѣтомъ 61
 Очей сверкнувъ туда, гдѣ входъ открытъ,
 Исчезла вдругъ, прогнавъ твой сонъ при этомъ».
- Какъ человѣкъ, кто вѣрой замѣнитъ 64
 Сомнѣнія и миромъ — думъ тревогу,
 Какъ скоро въ ликъ онъ истину узритъ, —
- Такъ въ душу миръ сходилъ мнѣ понемногу: 67
 И вотъ, когда всѣ страхи улеглись,
 Пошелъ мой вождь, и я за нимъ, въ дорогу.—
- Читатель! Видишь, на какую высь 70
 Вознесся я: такъ, если здѣсь одѣну
 Въ блескъ вымысла предметъ мой, — не дивись!
- Мы, приближаясь, вышли на арену 73
 Чистилица, гдѣ въ томъ, что мы сочли
 Сперва за щель, какая дѣлитъ стѣну,
- Увидѣли врата, къ которымъ шли 76
 Три вверхъ ступени, разнаго всѣ цвѣта,
 Съ привратникомъ, являвшимся вдали.

- Храня молчанье, грозный, безъ привѣта, 79
 На верхней онъ ступени возсѣдалъ,
 Съ лицомъ столь свѣтлымъ, что не снесъ я свѣта.
- Въ рукѣ своей онъ голый мечъ держалъ, 82
 Столь лучезарный, что при видѣ чуда
 Я всякій разъ взоръ книзу опускалъ.
- «Что нужно вамъ? отвѣтствуйте отсюда!» 85
 Такъ началъ онъ: «Кто васъ привелъ сюда?
 Подумайте, чтобъ не было вамъ худа».
- «Жена (извѣстны ей съ небесъ мѣста!)» — 88
 Отвѣтилъ вождь, — «вселила въ насъ отвагу,
 Сказавъ: «Туда идите, тамъ врата». —
- «И да направитъ васъ она ко благу!» 91
 Вновь началъ вратарь, радостный, какъ день,
 «Идите же по ступенямъ ко прагу».
- Мы подошли. И первая ступень 94
 Былъ чистый мраморъ, столь блестящій, бѣлый,
 Что я, какъ былъ, мою въ немъ видѣлъ тѣнь.
- Вторая — камень грубый, обгорѣлый, 97
 Багрово-темный, вдоль и поперекъ.
 Надтреснувшій въ своей громадѣ цѣлой.
- Но третій камень, что надъ тѣмъ возлегъ, 100
 Былъ красно-огненный порфиръ, похожій
 На брызнувшій изъ жилы алый токъ.
- На немъ стопы поставилъ Ангелъ Божій, 103
 Возсѣвъ на прагъ, что блескомъ походилъ
 На алмазъ. По глыбамъ трехъ подножій
- Меня по доброй волѣ возводилъ 106
 Учитель мой, сказавши: — «Умиленно
 Моли его, чтобъ двери отворилъ».

- Къ святымъ стопамъ припалъ я униженно, 109
 Крестомъ грудь трижды осѣнивъ себѣ,
 И отворить намъ дверь молилъ смиренно.
- Концомъ меча онъ начертилъ семь *P* 112
 Мнѣ на челѣ и: — «Смой», вѣщаль мнѣ свято,
 «Семь этихъ ранъ на горной той тропѣ».
- Какъ цвѣтъ золы, какъ прахъ, что взрыть лопатой, 115
 Былъ цвѣтъ одеждъ на Ангелѣ. И вотъ,
 Взявъ два ключа, — изъ серебра и злата,
- Изъ-подъ одеждъ, вложилъ онъ напередъ 118
 Ключъ бѣлый, послѣ желтый, и — по вѣрѣ
 Души моей — мнѣ отперъ двери входъ.
- «Когда одинъ изъ нихъ не въ полной мѣрѣ 121
 Войдетъ въ замокъ, не тронетъ всѣхъ пружинъ». —
 Онъ намъ сказалъ, — «не отпрутятся двери.
- «Одинъ цѣниѣй; зато съ другимъ починъ 124
 Труднѣй, и дверь имъ отпереть хитрѣе,
 Узлы же снять лишь можетъ онъ одинъ.
- «Мнѣ далъ ихъ Петръ, сказавъ: «Впусти скорѣе. 127
 Чѣмъ ошибись впустить въ мой вѣчный градъ.
 Всѣхъ, кто припалъ къ стопамъ твоимъ, робѣя».
- Тутъ, сильно пнувъ во входъ священныхъ вратъ: 130
 — «Сюда!» сказалъ, «но знайте: тотъ въ печали
 Извергнется, кто кинетъ взоръ назадъ».
- И вотъ, когда вдругъ крючья завизжали 133
 На веряхъ громадной двери той
 Изъ громозвучной, самой чистой стали, —
- Не такъ взревѣлъ и меньшій поднялъ вой 136
 Утесъ Тарпейскій, бывъ лишень Метелла
 И оскудѣвъ расхищенной казной.

- И, слыша громъ, душа во мнѣ замлѣла, 139
И пѣснь «Te Deum», показалось мнѣ,
Торжественно заплѣлась и гремѣла.
- Что слышалъ я, то можно бы вполне 142
Сравнить лишь съ тѣмъ, когда хоралы пышно
Поютъ подъ громъ органа въ вышинѣ,
- При чемъ намъ словъ то слышно, то неслышно. 145

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Первый кругъ.— Гордые.— Примѣры смиренія.

- Лишь мы вошли въ ту дверь, къ ея-жь порогу 1
Любовь ко злу не допускаетъ насъ,
Сводя съ прямой на ложную дорогу,—
- Какъ дверь, я слышала, съ громомъ заперлась; 4
Но оглянись я — чѣмъ, безумья полный,
Я-бъ оправдалъ мой грѣхъ на этотъ разъ?
- Въ разсѣлинѣ скалы мы шли, безмолвны, 7
Гдѣ путь то вправо, то налѣво шель,
Какъ толчеёй колеблема волны.
- «Здѣсь», началъ вождь, «нельзя на произволь 10
Идти; но надо, чтобы примѣнялся
Нашъ шагъ къ извилинамъ, гдѣ путь прошелъ».
- Черезъ то нашъ ходъ настолько замедлялся, 13
Что прежде сталь на синіе валы
Серпъ мѣсяца, гдѣ въ море погружался,
- Чѣмъ мы прошли сквозь то ушко иглы. 16
Когда-жь на волю вывели насъ ноги
Туда, гдѣ сзади вновь слились скалы,—

- Я, ставъ безъ силъ, и оба мы, въ тревогѣ 19
Насчетъ пути, вступили въ край пустой,
Безлюднѣйшій, чѣмъ по степямъ дороги.
- Онъ былъ отъ мѣсть, гдѣ смеженъ съ пустотой, 22
До стѣнъ изъ скаль, скрывавшихъ верхъ въ эфирѣ,
Въ три человѣчьихъ роста шириной.
- И, сколько могъ я видѣть въ этомъ мірѣ, 25
Направо ли, налѣво-ль взоръ летѣлъ,
Весь тотъ карнизъ, казалось, былъ не шире.
- Тамъ, прежде чѣмъ пошли мы, я узрѣлъ, 28
Что весь оплотъ стѣнныхъ его окраинъ
(Знать, для того, чтобъ взлѣзть никто не смѣлъ)
- Былъ мраморный и дивно такъ изваянъ, 31
Что не тебѣ лишь трудъ сей, Поликетъ,
Но и природѣ былъ бы чрезвычайенъ.
- Тамъ Ангелъ, въ міръ принесшій намъ декретъ 34
О мирѣ томъ, его-жъ въ вѣкахъ напрасно
Ждалъ человекъ, чтобъ съ неба снялъ запретъ,—
- Предъ нами былъ, такъ съ истиной согласно 37
Изваянный, столь благостный въ очахъ,
Что предстоять, казалось, не безгласно.
- Клянусь, имѣлъ онъ «Ave» на устахъ, 40
Направленныхъ къ той Дѣвѣ благодати,
Что дверь любви отверзла въ небесахъ.
- Вложенъ въ уста ей былъ глаголь дитяти: 43
«Esse Ancilla Domini», вѣрнѣй,
Чѣмъ въ воскъ влагаютъ оттискъ отъ печати.
- «Не устремляй въ одинъ предметъ очей», 46
Сказалъ Virgilii, близъ меня стоявшій
Съ той стороны, гдѣ сердце у людей.

- И, отъ Мадонны взоръ мой оторвавши, 49
 За Ней узрѣлъ я въ той же сторонѣ,
 Гдѣ былъ и вождь, меня къ себѣ позвавшій,
- Другую былъ на каменной стѣнѣ. 52
 И, обойдя поэта, къ той картинѣ
 Я подошелъ, чтобъ разсмотрѣть виолнѣ.
- На колесницѣ тамъ влекла въ долинѣ 55
 Чета воловъ божественный кивотъ,
 На ужасъ всѣмъ, не призваннымъ къ святымъ.
- Предъ нимъ, въ семь ликовъ раздѣленъ, народъ, 58
 Казалось, иѣтъ, и слухъ о гласѣ иѣнья
 Твердилъ мнѣ: — «Нѣтъ!» а взоръ мой: — «Да, поетъ!»
- Такъ точно и о дымѣ всеожженья, 61
 Тамъ восходившемъ, поздри и мой глазъ
 Межъ да и нѣтъ вели другъ съ другомъ пренья.
- Царь-псалмопѣвецъ, сердцемъ веселясь, 64
 Скакалъ тамъ предъ кивотомъ, кроткій видомъ,
 Бывъ и царемъ и не-царемъ за разъ.
- Въ окнѣ дворца являлась, предъ Давидомъ, 67
 Жена его Мелхола, внизъ глядя,
 Какъ женщина, что не проститъ обидамъ.
- И, отъ Мелхолы дальше отойдя, 70
 Осматривать я сталъ другіе лки,
 Бѣдѣвшіе мнѣ въ очи близъ вождя.
- Увѣковѣченъ подвигъ тамъ владыки, 73
 Чьи доблести среди его римлянъ
 Григорія подвигли въ бой великій:
- То римскій императоръ былъ Траянъ, 76
 И предъ его конемъ, въ слезахъ, вдовнца
 Рыдала въ скорби отъ душевныхъ ранъ.

- Вкругъ цезаря толпа, и ратныхъ лица. 79
И всадники, и золотыхъ орловъ
Надъ нимъ по вѣтру вѣяла станица.
- Злосчастная, казалось, средь полковъ 82
— «О, государь!» молила, «мщенье! мщенье!
Мой сынъ убить; казни его враговъ!»
- И, мнилось, онъ въ отвѣтъ: — «Имѣй терпѣнье,
Пока вернусь!» И та: — «О цезарь мой! —
(Какъ человѣкъ, въ комъ скорбь въ живомъ волненѣ) —
- Вернешься ль ты?» А онъ: — «Преемникъ мой 88
Исполнить долгъ!» Но та: — «Къ чему указанъ
Другому долгъ, когда забылъ ты свой!»
- И онъ на то: — «Утѣшься; я обязанъ 91
Свой долгъ исполнить, прежде чѣмъ пойти:
Судь ждетъ меня, и жалостью я связанъ».
- Такъ Тотъ, Кому нѣтъ новаго въ пути, 94
Содѣлалъ зримыми всѣ тѣ вѣщанья,
И чуда намъ такого не найти.
- Пока мнѣ взоръ плѣняли изваянья 97
Тѣхъ образцовъ смиренія живыхъ,
Неоцѣненные Творца созданья,
- «Смотри! Оттоль — но шагъ ихъ слишкомъ тихъ!» 100
Шепнулъ мнѣ вождь, — «толпы тѣней явились;
Гдѣ путь навверхъ, узнаемъ мы отъ нихъ».
- Глаза мои, хоть все еще стремились 103
Обозрѣвать диковинъ цѣлый цолкъ,
Не медля тутъ къ поэтѣ обратились.
- Смотри, читатель, чтобъ въ тебѣ не смолкъ 106
Гласъ добраго намѣренья при мысли,
Какъ тяжело здѣсь выплачиваютъ долги!

- Забудь жестокость казней, и размысли, 109
 Что въ судный день все-жь кончатся онѣ;
 Зато тѣхъ мукъ послѣдствія исчисли!
- «Поэтъ», сказалъ я, «то, что въ вышинѣ 112
 Тамъ движется: мнѣ кажутся — не тѣни,
 Что-жь именно --- нестижимо мнѣ».
- И онъ на то: — «Тяжелый образъ пени, 115
 Сужденный имъ. къ землѣ ихъ такъ гнететь,
 Что былъ и я смущень сперва не менѣ.
- «Вглядись же въ нихъ, и взоръ твой разбереть, 118
 Что тамъ за людъ подъ грудой камней въ свалкѣ:
 Смотри, какъ въ грудь себя тамъ каждый бьетъ!»
- О, христіанъ родъ гордый, бѣдный, жалкій! 121
 Вы, у кого такъ слабъ духовный зракъ,
 Что пятитесь назадъ стезею валкой!
- Поймете-ль вы, что человѣкъ --- червякъ, 124
 Родившійся стать бабочкой небесной,
 Когда на судъ онъ прилетитъ сквозь мракъ?
- Чѣмъ разумъ вашъ кичится въ жизни тѣсной? 127
 Чѣмъ лучше вы неразвитыхъ червей,
 Не получившихъ полный видъ тѣлесный?
- Какъ для подиоры крышъ и галлерей, 130
 Съ сведенными колѣнами у груди,
 Кронштейномъ служатъ образы людей,
- На что глядя, въ скорбь истинную люди 133
 Отъ мнимой той приходятъ: такъ убитъ
 Былъ сонмъ духовъ, мной узанныхъ въ той грудѣ.
- Кто больше былъ, кто меньше камнемъ скрытъ, 136
 Смотри, какой взваленъ имъ грузъ на спину;
 Но самый терпѣливѣйшій на видъ
- Твердилъ, казалось: большаго не сдвину! 139

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Первый кругъ. — Гордые. — Молитва. — Омберто Альдобрандески. — Одеризи д'Агуббио. — Провенцанъ Сальвани.

- «Ты, Отче нашъ, на небесахъ живущій, 1
Гдѣ царствуешь, но не описанъ въ нихъ,
Любя всѣхъ наче первый сонмъ, тамъ сущій!
- «Твое въ насъ имя, слава силъ святыхъ, 4
Вѣкъ да святится, и вся тварь да видитъ,
Коль сладостно дыханье устъ Твоихъ.
- «Миръ Твоего къ намъ царствія да спидеть, 7
Къ нему-жъ, собравъ усилія всѣ свои,
Мы не придемъ, коль самъ онъ къ намъ не придетъ.
- «Какъ доброй волей Ангелы Твои 10
Приносятъ жертвы и поютъ: «осанна»,
Такъ да творять и люди на земли.
- «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ: то — манна, 13
Безъ ней же вспять отводятъ насъ шаги,
Стремясь впередъ, въ пустыни сей туманной.
- «И такъ же, какъ другъ другу всѣ долги 16
Мы оставляемъ, такъ и намъ остави,
И не суди насъ по дѣламъ, Благій!

- «И нашихъ силъ, столь бранныхъ въ ихъ составѣ, 19
 Не дай прельстить невидимымъ врагамъ,
 Но отъ лукавыхъ помысловъ избави.
- «Послѣдній гласъ мольбы, ужъ лишній намъ, 22
 Не за себя, — за тѣхъ возносимъ, Боже,
 Кого въ грѣхахъ оставили мы тамъ!»
- Такъ за себя и насъ молитвы множа 25
 И разныя подъемля тяготы,
 Какъ тотъ кошмаръ, что давить насъ на ложѣ,
- По первому карнизу съ высоты 28
 Шли призраки, томясь, но тѣмъ упорнѣй
 Смывая копоть дольной суеты.
- Коль молить такъ за насъ въ странѣ той горней, 31
 То что-жъ должны въ семь мѣръ дѣлать тѣ,
 Въ чьей волѣ есть еще благіе корни?
- Должны помочь имъ смыть въ ихъ нищетѣ 34
 Грязь жизни сей, чтобъ въ чистомъ одѣяньѣ
 Легко взнестись къ надзвѣздной высотѣ!
- «О, да ускорить судъ иль состраданье 37
 Срокъ вашихъ мукъ, чтобъ крылья распахнуть
 Могли вы въ край, куда васъ мчитъ желанье!
- «Съ какой руки, скажите, легче путь? 40
 А если два здѣсь восхода или болѣ,
 То укажите, гдѣ отложе крутъ?»
- «Затѣмъ что спутникъ мой здѣсь, въ сей юдоли, 43
 Одѣтъ во плоть Адама, почему
 Выходить съ трудомъ онъ долженъ противъ воли.»
- Кто далъ отвѣтъ на эту рѣчь тому, 46
 За кѣмъ я шелъ, я не узналъ средь грому;
 Но такъ въ толпѣ отвѣтили ему:

- «Направо здѣсь, по берегу крутому, 49
Идите съ нами, и найдете ходъ,
Гдѣ вверхъ взойти возможно и живому.
- «И не мѣшай глядѣть мнѣ камень тотъ, 52
Что гордую мнѣ выю такъ безчестно
Пригнулъ къ землѣ, что ужъ не зрю впередъ,
- «Я-бъ на того, чье имя мнѣ безвѣстно. 55
Взглянулъ, чтобъ вызнать: не знакомъ ли онъ
Со мной, несущимъ грузъ тяжеловѣсный.
- «Латинянинъ, въ Тосканѣ я рожденъ; 58
Отецъ мой былъ Гюльельмъ Альдобрандеско:
То имя вамъ знакомо-ль средь именъ?
- «Кровь древняя, родъ предковъ, полный блеска, 61
Такую мнѣ вселили въ душу спесь,
Что общую забылъ намъ мать и дерзко
- «Сталь презирать въ душѣ народъ я весь. 64
За что и палъ, о чемъ всѣ помнить въ Сьенѣ
И дѣти въ Кампаньятико поднесъ.
- «Я Омберто, и гордостью не менѣ 67
Наказанъ здѣсь, какъ и моя родня,
Которая подверглась той же пенѣ.
- «И этотъ грузъ я буду несть до дня, 70
Пока Господь проститъ мнѣ, ибо нынѣ
Не средь живыхъ, а между мертвыхъ я».
- Я, слушая, склонилъ лицо къ стремнинѣ; 73
Но тутъ другой (не тотъ, кто говорилъ),
Весь скорчившись подъ камнемъ въ злой кручинѣ,
- Узрѣлъ меня, узнавъ и возопилъ, 76
Съ усиленъ стараясь взоръ свой ближе
Вперить въ меня, пока согбенъ я былъ.

- «О!» я сказалъ: «Не ты ли, Одериджи? 79
 Честь Губбю, искусства честь того,
 Что прозвано enluminer въ Парижѣ?»
- «О, братья!» сказалъ онъ: «Ярче моего 82
 Смѣются краски изъ-подъ кисти Франко:
 Вся честь ему; мнѣ-жъ часть ея всего!
- «Будь я живой, я-бъ съ гордою осанкой 85
 Отвергъ ее, затѣмъ что вѣчно страсть
 Первенствовать была моею приманкой.
- «За спесь грозить намъ всѣмъ возмездья власть, 88
 И не смиришь я самъ,—вѣдь до могилы,
 Я бъ могъ грѣшнить,—сюда-бъ мнѣ не попастьъ.
- О, суетность отличій, что намъ милы! 91
 Какъ быстро деревцо свой можетъ верхъ сронить,
 Коль рядъ годовъ ему не придашь силы.
- Мнилъ Чимабуэ въ живописи быть 94
 Изъ первыхъ первымъ, а теперь ужъ Джьотто
 Явился—славу перваго затмить.
- Такъ Гвидъ лишень въ поэзіи почета 97
 Другимъ былъ Гвидомъ; можетъ быть, ихъ двухъ
 Спугнуть съ ихъ гнѣздъ родился третій кто-то.
- Измѣнчивѣй еще, чѣмъ вѣтра духъ, 100
 То дуновение славы, что разноситъ
 О нашихъ именахъ по міру слухъ.
- Что будетъ слава наша, — пусть съ насъ сброситъ 103
 Хоть старость узы плоти, иль нашъ вѣкъ
 Подъ леньетъ: «папа», «мама» смерть подкоситъ, —
- Чрезъ сто вѣковъ? А ихъ короче бѣгъ 106
 Предъ вѣчностью, чѣмъ передъ обращеньемъ
 Небесныхъ круговъ — взмахи нашихъ вѣкъ.

- «Вонъ славою того, кто съ затрудненемъ 109
 Бредеть,—была Тоскана вся полна;
 А нынѣ въ Сьенѣ онъ покрытъ забвенемъ,
- Гдѣ былъ онъ вождь, когда сокрушена 112
 Была спесь флорентинцевъ, что, столь славной
 Считаюсь встарь, теперь посрамлена.
- Извѣстность ваша вся—не злакъ ли травный? 115
 Была—и нѣтъ! Кто къ жизни вызвалъ злакъ
 Изъ нѣдръ земли, тотъ губить съ силой равной.
- И я: — «Смирение,—цѣннѣйшее изъ благъ,— 118
 Живить мой духъ, гордынѣ ставя грани.
 Но кто же тотъ, о комъ скорбишь ты такъ?»
- «То», отвѣчалъ онъ, «Провенцанъ Сальвани! 121
 И здѣсь за то, что въ сердцѣ мысль тайлъ
 Прибрать себѣ всю Сьену въ мощны длани.
- «Безъ отдыха онъ ходить, какъ ходилъ 124
 Со дня кончины: вотъ чѣмъ здѣсь искупить
 Свою вину, кто слишкомъ дерзокъ былъ!»—
- И я:—«Но если всякъ, въ комъ грѣхъ притупить 127
 О Богѣ мысль до самаго конца,
 Внизу обязанъ, прежде чѣмъ къ вамъ вступить
- (Коль не помогутъ добрыя сердца!), 130
 Пробыть такъ долго, сколько жилъ на свѣтѣ,
 То какъ сюда впустили гордеца?»
- И онъ: — «Разъ въ Сьенѣ, въ славы полномъ цвѣтѣ, 133
 На площади колѣнопреклоненъ,
 Преодолѣвши стыдъ, онъ сталь,—въ предметѣ
- «Имѣя лишь одно,—чтобъ былъ внесенъ 136
 За друга выкупъ Карлу, и, какъ скромный
 Бѣднякъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ онъ.

«Я все сказать. Слова мои пусть темны; 139
Но близокъ день, въ который объяснить
Ихъ смыслъ тебѣ народъ твой вѣроломный.

«За этотъ подвигъ путь ему открыть». 142

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Первый кругъ.—Гордые.—Примѣры наказанной гордости.—Ангель смиренія.—
Подъемъ во второй кругъ.

- Какъ подъ ярмомъ идутъ волы походкой 1
Тяжелою, шель съ тѣнью я въ тиши,
Доколь мнѣ позволялъ мой пѣстунъ кроткій.
- Когда-жъ онъ мнѣ:—«Оставь ее! спѣши! 4
Здѣсь надлежитъ, чтобъ всякъ, поднявъ вѣтрилы,
На веслахъ гналъ всей силой челнъ души!»—
- Я, выпрямя хребетъ свой, собралъ силы 7
Для шествія, хотъ помыслы во мнѣ
Удручены остались и унылы.
- Я за вождемъ охотно въ той странѣ 10
Послѣдовалъ, и мы дивились сами,
Какъ стали мы легки на вышинѣ.
- Тогда поэтъ:—«Склонись къ землѣ очами! 13
Чтобъ облегчить подъемъ твой къ высотамъ,
Не худо видѣть почву подъ ногами».
- Какъ на землѣ, на память временамъ, 16
Надъ мертвыми ихъ плиты гробовыя
Ихъ прежній видъ изображаютъ намъ.

- И часто льются слезы тамъ живыя, 19
 Лишь вспомнится ихъ образъ дорогой,
 Плѣняющій одни сердца благія, —
- Такъ точно здѣсь, но съ большей красотой 22
 Я зрѣлъ изваяннымъ рукой Господней
 Весь тотъ карнизъ вокругъ горы святой.
- Съ одной руки я зрѣлъ, какъ благороднѣй 25
 Другихъ существъ всѣхъ созданный—быстрѣй,
 Чѣмъ молнія, спалъ съ неба къ преисподней.
- Я зрѣлъ, съ другой руки, какъ Бриарей, 28
 Похолодѣвъ, пронзенъ стрѣлою неба.
 Притиснулъ землю тяжестью своей.
- Я зрѣлъ Палладу, Марса зрѣлъ и Феба: 31
 Еще въ оружьѣ, смотрятъ вокругъ отца,
 Какъ падаютъ гиганты въ мракъ Ереба.
- Я зрѣлъ Нимврода: съ ужасомъ лица 34
 Онъ въ Сеннаарѣ, при столпѣ высокомъ,
 Зритъ на толпы, забывшія Творца.
- О мать Ніоба! въ горѣ сколь глубокомъ 37
 Представлена ты тамъ, кидая взоръ
 На двѣ седмицы чадъ, убитыхъ рокомъ!
- О царь Саулъ: какъ ты пронзенъ въ упоръ 40
 Тамъ собственнымъ мечомъ въ горахъ Гельвуя,
 Гдѣ дождь съ росой не падаютъ съ тѣхъ поръ!
- О глупая Арахна! какъ, тоскуя, 43
 Полу-паукъ, сидишь ты на клочкахъ
 Своей работы, начатой такъ всуе!
- О Ровоамъ! ужъ безъ грозы въ очахъ, 46
 Но въ ужасѣ твой образъ колесницей
 Уносится, хотя не гонитъ врагъ.

- Являль помость и то, какъ блѣднолицей 49
 Тамъ матери Алкмеонъ заплатилъ
 За роковой уборъ ея сторицей.
- Являль и то, какъ сыновьями былъ 52
 Убить мечомъ Сеннахеримъ во храмѣ
 И какъ въ крови онъ брошенъ тамъ безъ силъ.
- Являль помость, какъ предъ Томрой въ срамѣ 55
 Паль Киръ, кому урокъ такой былъ данъ:
 Ты жаждалъ крови; пей же кровь здѣсь въ ямѣ!
- Являль, какъ въ бѣгство ассирійцевъ станъ 58
 Былъ обращенъ, по смерти Олоферна,
 И какъ простертъ безжизненный тиранъ.
- Я зрѣлъ тамъ въ Троѣ прахъ и мракъ пещерный! 61
 О Иліонъ! какъ жалкимъ и пустымъ
 Являль тебя разгромъ твой безпримѣрный!
- Кто кистью тамъ, кто тамъ рѣзцомъ живымъ 64
 Такъ выразилъ черты и всѣ отливы,
 Что вкусь тончайшій удивился-бъ имъ?
- Тамъ мертвый мертвъ, живые всѣ тамъ живы! 67
 Кто видитъ вещи, — видитъ ихъ едва-ль
 Такъ хорошо, какъ видѣлъ я тѣ дивы.
- Кичись теперь, гляди надменно вдаль, 70
 О Евинъ родъ! не дай увидѣть взору,
 Въ какую грѣхъ ведетъ тебя печаль!
- Ужъ далѣе мы обогнули гору, 73
 И солнце выше въ небѣ ужъ взошло,
 Чѣмъ думалъ я, весь занятый въ ту пору,
- Когда мнѣ тотъ, кто такъ всегда свѣтло 76
 Глядитъ впередъ, сказалъ: — «Теперь мечтаю
 Нельзя идти: приподними-жь чело.

- «Смотри: грядетъ ужъ Ангелъ, поспѣшая
Навстрѣчу къ намъ! Смотри: уже, смѣнясь,
Изъ стражи дня идетъ раба шестая. 79
- «Благоговѣнъемъ умъ и взоръ укрась,
Чтобъ могъ возвестъ насъ Ангелъ съ наслажденьемъ;
Ужъ этотъ день вновь не придетъ, промчась». 82
- Я такъ привыкъ внимать его внушеньямъ
Не тратить времени, что безъ труда
Согласовалъ себя съ его хотѣнъемъ. 85
- Прекрасный духъ явился намъ тогда 88
Въ одеждѣ бѣлой, блескъ въ такомъ обильѣ
Струившей къ намъ, какъ ранняя звѣзда.
- Раскрывъ объятя, а потомъ и крылья, 91
— «Идите», рекъ, «ступени здѣсь вблизи;
Онѣ наверхъ взведутъ васъ безъ усилъя.
- «Какъ рѣдко здѣсь восходятъ по стези! 94
О родъ людской! зачѣмъ ты такъ безпеченъ?
При легкомъ вѣтрѣ ты уже въ грязи?»
- Насъ привелъ къ скалѣ, гдѣ путь просвѣченъ, 97
Онъ крыльями пахнулъ мнѣ по челу,
Сказавъ: — «Вамъ путь отнынѣ обезпеченъ!»
- Какъ вправо, тамъ, для восхода на скалу, 100
Гдѣ храмъ надъ Рубаконте расположенъ,
Господствуя надъ Непричастной злу,—
- Подъемъ чрезмѣрно трудный сталъ возможенъ 103
По ступенямъ, работѣ тѣхъ времянь,
Какъ въ книгахъ счетъ, былъ въ бочкахъ вѣсъ не ложенъ,—
- Такъ точно здѣсь работой склонъ смягченъ, 106
Спадавшій круто съ берега другого,
Но съ двухъ сторонъ утесами стѣсненъ.

- Лишь повернули мы туда, как снова 109
 «Beati pauperes spiritu» хоръ
 Воспѣлъ такъ сладко, что не скажетъ слово.
- О! какъ различенъ входъ въ ущелья горъ 112
 Въ аду и здѣсь! Здѣсь насъ встрѣчаютъ пѣньемъ,
 Тамъ ярый вошь встрѣчалъ насъ и раздоръ.
- Ужъ всходимъ мы по тѣмъ святымъ камнямъ, 115
 И, мнилось мнѣ, что легче я несусь,
 Чѣмъ прежде шель въ долину съ утомленьемъ.
- И я:—«Поэтъ, какой тяжелый грузъ 118
 Упалъ съ меня, что я почти безъ всякой
 Усталости къ вершинамъ тѣмъ стремлюсь?»
- «Когда всѣ *P*», сказалъ онъ, «коихъ знаки 121
 На лбу твоёмъ (хоть блескъ ихъ и поблекъ),
 Сойдутъ, какъ сей вотъ, съ ними одинакій,—
- «Такъ овладѣетъ воля силой ногъ, 124
 Что духъ въ тебѣ не только томность сброситъ,
 Но даже вверхъ съ восторгомъ мчатся бѣ могъ».
- Какъ человѣкъ, который нѣчто носить 127
 На головѣ, не вѣдая, пока
 Ему не намекнетъ кто, иль не спроситъ;
- Но убѣдиться пособить рука: 130
 Поищеть и найдетъ, работу справивъ
 Невыполнимую для глазъ пока.
- Такъ, пальцы правой я руки расправивъ, 133
 Нашелъ на лбу всего шесть буквъ изъ тѣхъ,
 Что врѣзалъ вратарь мнѣ—ключей держатель.
- То видя, вожь сдержалъ свой добрый смѣхъ. 136

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Второй кругъ. — Завистливые. — Примѣры любви къ ближнимъ. — Сапіа изъ Сіены.

Мы къ ступенямъ прошли вверху лежащимъ. 1
Вновь сузилась горы той высота
Гдѣ отпускаются грѣхи всходящимъ.

Гора карнизами такими жъ обвита 4
Какъ первый; лишь черта ихъ закругленій
Тамъ менѣе, здѣсь болѣе крута.

Здѣсь нѣтъ скульптуры, вовсе нѣтъ здѣсь тѣней, 7
Быль ровень путь и гладокъ стѣнъ утесъ,
И всюду темно-желтыхъ рядъ каменій.

— «Дождаться-ль тѣхъ, кто намъ рѣшить вопросъ: 10
Куда идти?» сказалъ поэтъ: «но дѣло
Замедлится, боюсь, черезъ разспросъ».

И, взоръ очей вперивъ на солнце смѣло, 13
Движенья центромъ сдѣлалъ правый бокъ
И повернулъ всей лѣвой частью тѣло.

— «О, сладкій свѣтъ, ему-жъ насъ ввѣрилъ рокъ!» 16
Онъ продолжалъ, «веди насъ въ міръ этомъ,
Гдѣ надлежитъ, средь новыхъ мнѣ дорогъ».

- «Ты грѣешь міръ, живишь его ты свѣтомъ, 19
 • И коль препонъ не встрѣтимъ въ чемъ-нибудь,
 Пусть насъ всегда твой лучъ ведетъ съ привѣтомъ!»
- Какъ длиненъ здѣсь, на свѣтѣ, въ милоу путь, 22
 Такою тамъ въ кратчайшій мигъ дорогу
 Мы сдѣлали, вдохнувши волю въ грудь.
- И въ воздухѣ слышалъ я тревогу 25
 Отъ прилетавшихъ къ намъ незримыхъ силъ,
 За трапезу любви всѣхъ звавшихъ къ Богу.
- И грянулъ вдругъ, въ полетѣ быстрыхъ крыль: 28
 «Vinum non habent», первый гласъ громовый
 И, пронесаясь, тѣ рѣчи повторилъ.
- И, прежде чѣмъ вдали замолкло слово, 31
 — «Я, я Орестъ!» вновь голосъ раздался,
 И, повторяясь, крикъ пронесся снова.
- «Отецъ», спросилъ я, «что за голоса?» 34
 И лишь спросилъ, какъ вотъ ужъ голосъ третій:
 «Враговъ любите!» грянулъ въ небеса.
- И добрый вождь: — «Мѣста бичуютъ эти 37
 Грѣхъ Зависти, — затѣмъ свиты и тамъ
 Рукой любви бичующія плети.
- «Смысль будетъ данъ совѣмъ иной словамъ, 40
 Уздой служащимъ,—какъ и самъ ты прежде
 Узнаешь, чѣмъ придешь къ прощенія вратамъ,
- «Но въ даль вперѣ внимательнѣе вѣжды 43
 И противъ насъ увидишь душъ соборъ,
 Вдоль той скалы сидящій въ ихъ одеждѣ».
- Тогда раскрылъ очей я шире взоръ, 46
 И лишь теперь могъ разсмотрѣть впервые
 Сонмъ въ мантияхъ я, цвѣта камней горъ.

- Я слышалъ вопль: «О дѣва! о Маріе,
Молись о насъ! молитесь хоромъ всѣмъ,
О Михаилъ! о Петръ! о всѣ святые!» 49
- Не думаю, чтобъ кто на свѣтѣ семъ 52
Быль сердцемъ столько грубъ, чтобъ не смутился,
Увидя то, что видѣлъ я затѣмъ.
- И только я вблизи ихъ очутился 55
Такъ, что черты могъ рассмотреть ихъ лица,—
Отъ жалости слезами я залился.
- Всѣ въ мантияхъ изъ грубыхъ власяницъ; 58
Всѣ, прислонясь къ утесу вѣковому,
Тамъ каждый на плечо склонялся ницъ
- Къ сосѣду, такъ слѣпцы, терпя истому, 61
На паперти стоять въ прощенья дни,
Склоняя головы одинъ къ другому, —
- Такъ, что уже ихъ образы одни, 64
Не только что мольбы ихъ, въ грусть приводятъ:
Столь жалостный имѣютъ видъ они!
- И какъ слѣпцы и днемъ лишь мракъ находятъ, 67
Такъ и къ тѣнямъ, о коихъ слово тутъ,
Лучи съ небесъ съ усладой не доходятъ.
- Быль проволокой край ихъ вѣкъ проткнутъ 70
И такъ зашить, какъ дѣлается это
Съ злымъ ястребомъ, чтобъ не былъ слишкомъ лютъ.
- Я-бъ оскорбилъ ихъ, еслибъ безъ привѣта 73
Прошелъ и, самъ незримъ, на нихъ глядѣлъ,—
И вотъ взглянулъ на мужа я совѣта.
- Онъ мысль мою безъ словъ уразумѣлъ 76
И рекъ, не выждавъ моего вопроса:
— «Спроси, но кратко; будь въ сужденьяхъ зрѣлъ».

- «Я не была Софіей, хоть Сапіей 109
И названа, и радость зрѣть другихъ
Въ бѣдѣ всегда была моею стихіей.
- «И чтобъ за ложь не счелъ ты словъ такихъ, 112
Самъ разсуди: жила я тамъ умно ли?
Ужъ близилась я въ склону дней моихъ,
- «Когда мои сограждане у Колли 115
Сошлись съ врагомъ; молила я Творца
Пусть по своей Онъ все содѣетъ волѣ.
- «Разбиты въ пухъ, бѣжали отъ лица 118
Враговъ сіенцы, видя-жь строй ихъ шаткій,
Я ощутила радость безъ конца;
- «И, дерзкій ликъ возвысивъ въ злобѣ сладкой, 121
Вскричала къ Богу: «Не боюсь Тебя!»
Какъ сдѣлалъ дроздъ при оттепели краткой.
- «Въ концѣ же дней, мольбы усугубя, 124
Я примирилась съ Богомъ; но вины той
Раскаяньемъ не смыла-бъ я съ себя,
- «Когда-бъ меня не вспомнилъ знаменитый 127
Пьеръ Петтиньянъ въ святыхъ мольбахъ, спѣша
Изъ жалости ко мнѣ съ своей защитой.
- «Но кто же ты, чья добрая душа 130
Скорбитъ о насъ? чьи очи, какъ мнѣ мнится,
Не занерты? кто говоритъ, дыша?»
- И я: — «Здѣсь и моимъ очамъ затмится 133
Удѣль, но ненадолго; сознаюсь,
Не люблю имъ завистливо коситься.
- «Зато душой я болѣе страшусь 136
Поднасть подъ казнь толпы нижележащей,
И казни той на мнѣ ужъ виснуть грузъ».

- И мнѣ она: — «Кто-жъ былъ руководящій 139
Тобой средь насъ, коль мнишь 'попасть домой?»
И я: — «Мой спутникъ молча здѣсь стоящій.
- «Живой — пришелъ я къ вамъ. Итакъ, не скрой, 142
Духъ избранный! ты хочешь ли, чтобъ встрѣтилъ
Въ томъ мірѣ тѣхъ я, кто любимъ тобой?»
- «Что слышу я, такъ дивно», духъ отвѣтилъ, 145
«Что познаю, какъ Богомъ ты любимъ;
Да будетъ же твой путь счастливъ и свѣтелъ!
- «И я молю всѣмъ для тебя святымъ, 148
Возстанови, когда найдешь Тосканой,
Тамъ честь мою сородичамъ моимъ.
- «Тамъ есть народъ тщеславный, обуянный 151
Пустой надеждой: только Теламонъ
Обманетъ всѣхъ, какъ поиски Діаны;
- «Всего-жъ сильнѣй потерпитъ флотъ уронъ». 154

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Второй кругъ.— Завистливые.— Гвидо дель Дука.— Риньери ди'Кальболи.—
Примѣры наказанія зависти.

- «Кто это тамъ обходить гору, прежде 1
Чѣмъ смерть дала ему полеть, и самъ
То открываетъ, то смыкаетъ вѣжды?»
- «Не знаю, кто; но знаю: два ихъ тамъ; 4
Спроси его — къ нему ты недалече—
И вѣжливъ будь, чтобъ онъ отвѣтилъ намъ».
- Такъ двѣ души, склоня другъ къ другу плечи, 7
Вели направо слово обо мнѣ;
Потомъ лицо приподняли для рѣчи.
- И тѣнь одна: — «О духъ, что въ пленѣ 10
Еще тѣлесной мчишься къ небу! буди
Къ намъ милостивъ и насъ утѣшь вполне,
- «Сказавъ: кто ты? изъ странъ какихъ? Всѣ люди, 13
Познавъ, какъ благъ къ тебѣ Всевышній Богъ,
Дивятся здѣсь о небываломъ чудѣ».
- И я: — «Среди Тосканы есть потокъ, 16
Что въ Фальтеронѣ зачался и, смѣло
Сто миль промчась, въ бѣгу не изнемогъ.

- «Оттуда къ вамъ несу я это тѣло; 19
 Мое-жъ вамъ имя открывать — къ чему?
 Оно еще не слишкомъ прогремѣло».
- «Коль рѣчь твою я правильно пойму, 22
 Ты говоришь объ Арно здѣсь прекрасномъ».
 Такъ первый духъ отвѣтилъ, и ему
- Сказалъ другой: — «Что-жъ въ словѣ томъ неясномъ 25
 Скрылъ имя онъ красы всѣхъ прочихъ рѣкъ,
 Какъ бы сказавъ о чемъ-нибудь ужасномъ?»
- И духъ, который сиропенъ былъ, изрекъ: 28
 — «Зачѣмъ, — не знаю; но, по правдѣ, стоитъ,
 Чтобъ имя то изгладилось навѣкъ».
- «Съ верховья водъ, гдѣ столько рѣчекъ роетъ 31
 Грудь горъ, отъ коихъ отдѣленъ Пелоръ,
 Что врядъ ли гдѣ вода такъ землю моетъ,—
- «Вплоть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ водъ могучій сборъ 34
 Вновь отдаетъ взятое небомъ съ моря,
 Чтобъ тѣмъ питать потоки нивъ и горъ,
- «Всѣ отъ добра бѣгутъ, страну позоря, 37
 Какъ отъ змѣи; — таковъ ли грунтъ страны,
 Иль свычай злой влечетъ тамъ къ злу для горя,—
- Но только такъ въ душѣ искажены 40
 Всѣ жители той бѣдственной юдоли,
 Что, кажется, Цирцеей вскормлены.
- «Межъ грязныхъ стадъ свинныхъ, достойныхъ болѣ 43
 Жрать жолуди, чѣмъ пищу ѣсть людей,
 Тотъ бѣдный токъ сперва бѣжить по волѣ.
- «Потомъ встрѣчаетъ, становясь сильнѣй, 46
 Не столько сильныхъ, сколько злобныхъ, шавокъ,
 И мчится прочь съ презрѣнемъ съ ихъ полей.

- «Спадая внизъ и ширясь отъ прибавокъ 49
Побочныхъ рѣкъ, къ Волкамъ ужъ онъ течеть,
Въ злосчастный ровъ, и проклятой вдобавокъ.
- «Стремя потомъ въ пучины массу водъ, 52
Находить Лисъ, такъ преданныхъ обману,
Что ихъ никто во лжи не превзойдетъ.
- «Пусть внемлетъ онъ, я клясть не перестану. 55
Да и ему-жъ то лучше, коль потомъ
Моихъ рѣчей онъ вспомнить правду рьяну.
- «Вотъ, вижу я, твой внукъ идетъ ловцомъ 58
На тѣхъ Волковъ, и тамъ, гдѣ лется масса
Воды свирѣпой, имъ задасть разгромъ.
- «Живыхъ, онъ ихъ продасть, какъ груди мяса, 61
Какъ старый скотъ, зарѣжетъ всѣхъ на вѣсь,
Лишить ихъ жизни, чести самъ лишася.
- «Обрызганъ кровью, бросить страшный лѣсъ, 64
И бросить ужъ такимъ, что и чрезъ годы
Лѣсъ все былыхъ не соберетъ древесъ».
- Какъ отъ предвѣстья будущей невзгоды 67
Смущается лицо того, кто внялъ,
Откуда грянуть вскорѣ непогоды,
- Такъ видѣлъ я, что, вдругъ смутившись, сталъ 70
Печалень духъ, услышавшій то слово,
Когда на свой онъ счетъ рассказъ принялъ.
- Миѣ рѣчь того и грустный видъ другого 73
Внушили мысль: кто эти духа два?
И я съ мольбой къ нимъ обратился снова.
- Тогда тотъ духъ, что говорилъ сперва, 76
Такъ началъ вновь:— «Твои мольбы— прилука
Миѣ щедрымъ быть, какъ скупъ ты на слова.

- «Твой къ намъ приходъ столь вѣрная порука 79
 Въ любви къ тебѣ небесъ, что буду-ль скупъ
 Я на слова? Такъ знай: Я Гвидъ дель Дука.
- «Отъ зависти такъ сердцемъ я огрубъ. 82
 Что если радость дѣлали другому,
 Я весь блѣднѣлъ и зеленѣлъ, какъ трупъ.
- «Что сѣялъ я, — такую жну солому! 85
 О родъ людской! зачѣмъ такъ любишь тѣ,
 Въ чемъ есть запретъ сообществу чужому?
- «Сей духъ — Риньеръ, честь Кальболи! Слито 88
 Въ немъ все, чѣмъ славенъ этотъ домъ: удѣла
 Съ нимъ равнаго тамъ не стяжалъ никто.
- «Но кровь его-ль тамъ нынѣ оскудѣла — 91
 Отъ Рено къ взморью и отъ горъ до По —
 Всѣмъ тѣмъ, что нужно для забавъ и дѣла?
- «Нѣтъ, въ тѣхъ предѣлахъ такъ все заросло 94
 Зловреднымъ терномъ, что ужъ благочинья
 Тамъ поздно ждать, гдѣ такъ окрѣпло зло.
- «Гдѣ добрый Лицій? Гвидо ди-Карпинья? 97
 Арригъ Манарди? Пьеръ ди-Траверсаръ?
 О, Романьолы. выродки безчинья!
- «Болонья дастъ ли вновь намъ Фаббро въ даръ? 100
 Вновь явится-ль въ Фаэнцѣ новобранецъ,
 Какъ Бернардинъ, пахавшій въ полѣ царъ?
- «О! не дивись, что плачу я, Тосканецъ! 103
 Я вспоминаю Гвидо Прата, съ кѣмъ
 Жилъ Уголино д'Аццо, чужестранецъ,
- «И славнаго Тиньезо съ домомъ всѣмъ, 106
 Родъ Анастаджи съ родомъ Траверсара
 (Фамиліи, что вымерли совсѣмъ), —

- Дамъ, рыцарей, дѣла ихъ, полны жара, 109
 Вселявшія любезность и любовь
 Тамъ, гдѣ теперь въ сердцахъ вражда и свара.
- «О Бреттиноръ! зачѣмъ въ странѣ ты вновь, 112
 Когда твой родъ, чтобъ не погибнуть въ сѣтяхъ,
 Со многими бѣжалъ, спасая кровь?»
- «Ты правъ, Баньякаваль, что вымеръ въ дѣтяхъ! 115
 Но худо, Кастрокаръ, а хуже ты
 Живешь, о Коньо, множа графовъ этихъ!»
- «Вы, коль падеть вашъ Дьяволъ съ высоты, — 118
 Воспрянете, Пагани! но исправить
 Ужъ вамъ нельзя всей вашей черноты.
- «О Уголинъ де'Фантоли! Прославить 121
 Ты долженъ Бога, что не ждешь дѣтей,
 Чтобъ честь твою развратомъ обезславить.
- «Иди-жь, Тосканецъ! Слезы лить скорѣй 124
 Пристойно мнѣ, чѣмъ длить свое томленье:
 Такъ давить грудь мнѣ горе тѣхъ рѣчей!»
- Хоръ добрыхъ душъ, услышалъ, безъ сомнѣнья, 127
 Шаги мои и, молча, подтвердилъ,
 Что вѣрное мы взяли направленье.
- Когда-жь съ вождемъ одинъ я проходилъ, — 130
 Какъ громъ, когда твердь молнія освѣтитъ,
 Навстрѣчу намъ вдругъ гласъ проговорилъ:
- «Всякъ умертвитъ меня, кто въ мѣрѣ встрѣтитъ!» 133
 И вдалъ ушелъ, какъ громъ въ ущельяхъ скалъ,
 Когда ему гулъ эха съ горъ отвѣтитъ.
- Едва ушамъ онъ нашимъ отдыхъ далъ, 136
 Какъ новый гласъ, какъ бы съ вершины Тавра
 За громомъ громъ, загрохотавъ, сказалъ:

- «Я въ камень превращенная Аглавра!» 139
И шагъ назадъ я сдѣлалъ, утрашенъ,
Чтобъ стать подъ сѣнь Виргиліева лавра.
- Ужъ воздухъ вновь затихъ со всѣхъ сторонъ, 142
И вождь: — «Узда то вашему порыву,
Чтобъ изъ границъ не порывался вонъ.
- «Но вы, хватая адскую наживу, 145
— Приманкой той врагъ древній манить васъ, —
Не внемлете уздѣ той, по призыву
- «Васъ призываетъ небо и, кружась, 148
Безсмертныя красы свои вамъ кажетъ;
Но въ землю устремили вы вашъ глазъ,
- «Доколѣ васъ Всевидецъ не накажетъ». 151

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Второй кругъ.— Завистливые.— Ангель братолюбія.— Подъемъ на третій уступъ.— Третій кругъ.— Гнѣвливые.— Примѣры кротости въ видѣнiяхъ.

- Какъ много въ небѣ между часомъ третьимъ 1
И дня началомъ видно сферы той,
Что вѣкъ кружить, подобно рѣзвымъ дѣтямъ, -
- Пути такъ много въ тверди голубой 4
Свѣтлыу дня пройги осталось къ ночи;
Быль вечеръ тамъ, здѣсь полночь предо мной.
- Лучи въ лицо намъ ударили косо; 7
Мы направлялись прямо на закатъ,
Прошедши путь немалый отъ откоса.
- Почуявъ, что сиднѣй лицо томятъ 10
Сiянья мнѣ, чѣмъ прежде, я вопроса
Не разрѣшилъ, невѣдомымъ объять,
- И руки поднялъ я броней къ вершинѣ, 13
Сложивши ихъ въ защиту предъ челомъ,
Чтобъ лишнiй блескъ ослабить въ ихъ твердынѣ.
- Какъ отъ воды иль зеркала скачкомъ 16
Лучъ прядаетъ въ противномъ направленѣ,
Вверхъ восходя подъ самымъ тѣмъ угломъ,

- Подъ коимъ палъ, и въ томъ же отдаленнѣ 19
 Отъ линіи, куда идетъ отвѣсъ
 (Какъ учить насъ въ наукѣ наблюденъе),
- Такъ пораженъ я былъ лучомъ съ небесъ, 22
 Здѣсь преломившимся, какъ мнѣ казалось,
 И отклонилъ я тотчасъ взоръ очесъ.
- «Отецъ мой милый! Что такое случилось, 25
 Что защитить очей не въ силахъ я?»
 Такъ я спросилъ: «Не солнце-ль приближалось?»
- И онъ: — «Не диво, что небесъ семья 28
 Твое слѣпить еще столь сильно зрѣнье:
 Посоль грядетъ позвать насъ въ тѣ края.
- «Ужъ близокъ часъ, узришь сіи видѣнья 31
 Не съ тягостью, но съ чувствомъ огнесвымъ,
 Сколь силъ тебѣ дано отъ Провидѣнья».
- Тутъ стали мы предъ Ангеломъ святымъ, 34
 И кротко рекъ онъ: — «Шествуйте въ обитель
 По ступенямъ ужъ менѣ крутымъ».
- Со мной взбираться сталъ по нимъ учитель, 37
 И «Beati misericordes» хоръ
 Воспѣлъ въ тылу и «слава, побѣдитель!»
- Мы оба шли одни по высямъ горъ, 40
 И я, и вожь, и пользу я задумалъ
 Извлечь себѣ, вступя съ нимъ въ разговоръ.
- И думалъ я: спрошу его, къ чему, молъ, 43
 Романскій духъ упомянулъ: запретъ
 Сообществу? И я спросилъ, что думалъ.
- И онъ на то: — «Познавъ, въ чемъ высшій вредъ 46
 Его грѣха, онъ этимъ насъ желаетъ
 Предостеречь отъ горшихъ слезъ и бѣдъ.

- «Пока въ васъ душу только то прельщаетъ, 49
 Что обществомъ дробится вновь и вновь,—
 Какъ мѣхъ, въ васъ зависть вздохъ вызываетъ.
- «Но еслибъ къ міру высшему любовь 52
 Всегда горѣ влекла желанье ваше,—
 Вамъ этотъ страхъ не могъ бы портить кровь,
- «И чѣмъ васъ больше тамъ зовущихъ «наше», 55
 Тѣмъ больше каждому дается благъ,
 И тѣмъ сильнѣй горитъ любовь въ той чашѣ».
- «Во мнѣ мой гладъ не только не изсякъ, 58
 Но сталъ», я рекъ, «сильнѣй, чѣмъ былъ дотолѣ,
 И умъ объялъ сомнѣнья большій мракъ.
- «Какъ можетъ быть, что благо, чѣмъ въ немъ болѣ 61
 Владѣтелей, сильнѣй ихъ богатить,
 Чѣмъ если бы далось немногимъ въ доли?»
- И онъ: — «За то, что лишь земное зреть 64
 Разсудокъ твой, извлекъ ты мысль незрѣлу,
 Что будто здѣсь свѣтъ правды мракомъ скрывать.
- «Но Благо то, — Ему же нѣтъ предѣлу, 67
 Ни имени, — къ любви такъ точно льпетъ,
 Какъ солнца лучъ къ свѣтящемуся тѣлу.
- «Въ комъ большій жаръ, тотъ больше обрѣтеть, 70
 Такъ что чѣмъ шире въ комъ любовь, — въ заслугу
 Надъ тѣмъ сильнѣй и свѣтлый лучъ растетъ.
- «Чѣмъ больше душъ къ тому стремятся кругу, 73
 Тѣмъ болѣ тамъ любви, и тѣмъ сильнѣй
 Льютъ жаръ любви, какъ зеркала другъ другу.
- «Но коль твой гладъ не стихъ съ моихъ рѣчей, — 76
 Жди Беатриче, и въ небесномъ взорѣ
 У ней прочтешь отвѣтъ на все полнѣй.

- «Заботься же, чтобъ зажили здѣсь вскорѣ,
Какъ эти двѣ, всѣ прочія пять ранъ,
Что закрываются чрезъ скорбь и горе». 79
- Сказать желая: — «Ты во мнѣ туманъ 82
Разсвѣляль...» смолкъ я, видя въ то мгновенье,
Что мы вошли въ кругъ новый чудныхъ странъ.
- И, мнилось, тамъ я въ нѣкоемъ видѣннѣ 85
Восхищенъ былъ экстазомъ, какъ пѣвецъ,
И вижу храмъ и въ немъ людей стеченье.
- И входитъ въ храмъ Жена и, какъ вѣнецъ 88
Всѣхъ матерей, вѣщаетъ кротко: — «Падо!
Что сдѣлалъ съ нами Ты? Вотъ Твой отецъ
- И я съ великой скорбію средь града 91
Тебя искали». — И лишь смолкнулъ гласъ,
Какъ все, что зрѣлъ я, скрылось вмигъ отъ взгляда.
- Потомъ я зрѣлъ другую, что изъ глазъ 94
Струила дождь, какой родить досада
За оскорбленную гордыню въ насъ.
- И говорить: — «Коль ты владыка града, 97
За имя чье шелъ споръ между боговъ,
Отколь блеснула всѣхъ наукъ отрада,
- О Пизистратъ! пролей злодѣя кровь, 100
Кто смѣлъ обнять дочь нашу безъ боязни!»
И, мнилось, онъ, весь кротость и любовь,
- Ея отвѣчалъ, исполненный пріязни: 103
— «Что-жъ дѣлать съ тѣмъ, кто намъ желаетъ зла,
Коль тѣхъ, кто любитъ насъ, подвергнемъ казни?»
- Потомъ толпу я видѣлъ безъ числа, 106
Что камнемъ Стефана побивала.
Крича: «мучь, мучь!» исполненная зла.

- И юноша, надъ вѣмъ ужъ смерть летала, 109
 Къ землѣ поникъ и устремилъ врата
 Очей своихъ въ глубь райскаго портала.
- И къ Богу силъ мольба имъ пролита, 112
 Да не осудитъ Онъ его тирановъ,
 Съ такимъ лицомъ, что скорбь въ насъ отперта.
- Когда мой духъ вернулся изъ тумановъ 115
 Въ дѣйствительность, къ предметамъ въ мѣрѣ семъ,
 Я понялъ смыслъ нелживыхъ тѣхъ обмановъ.
- Мой вождь, кому я могъ казаться тѣмъ, 118
 На комъ сейчасъ вериги сна разбили,
 Рекъ: — «Что съ тобой? ты ослабѣлъ совсѣмъ?»
- «И вотъ идешь ужъ болѣ, чѣмъ полъ-мили. 121
 Закрывъ глаза и съ путами у ногъ,
 Какъ бы вино иль сонъ тебя томили».
- «Отецъ ты мой! Когда-бъ ты внять мнѣ могъ, 124
 Я-бъ рассказалъ», сказалъ я, «ту причину,
 По коей я въ ходъ-бъ такъ изнемогъ».
- И онъ: — «Носи ты не одну личину, 127
 А сто личинъ, ты-бъ отъ меня не скрылъ
 Изъ думъ твоихъ малѣйшихъ ни едину.
- «Ты зрѣлъ затѣмъ видѣнья, чтобъ не мнилъ 130
 Не допустить тѣхъ мирныхъ волнъ до груди,
 Чтò льются къ намъ изъ тока вѣчныхъ силъ.
- «И не спросилъ я: «что съ тобой?» — какъ люди, 133
 Чей глазъ не въ силахъ въ спящемъ отгадать
 Хранится-ль жизньъ еще въ своемъ сосудѣ;
- «Но я спросилъ, чтобъ мощь тебѣ придать, 136
 Какъ дѣлаютъ съ лѣнливимъ, побуждая,
 Его скорѣй дремоту разогнать».

Мы шли въ вечернемъ сумракѣ, вперяя, 139
Насколько можно, взоры въ даль и въ высь,
Гдѣ поздній лучъ еще сверкалъ, пылая.

И клубы дыма издали неслись 142
Навстрѣчу намъ, темнѣе ночи мгlistой,
И негдѣ было отъ него спастись!

Нашъ взоръ затмивъ, онъ отнялъ воздухъ чистый. 145

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Третій кругъ.— Гнѣвливые.— Марко Ломбардо.— Свобода воли.— Порча міра.—
Куррадо да Палаццо, Герардо да Каммино и Гвидо да Каstellо.— Гайя.

- Тьма адская, мракъ ночи непроглядный, 1
Лишенный звѣздъ, гдѣ мглою облаковъ
Покрылся весь сводъ неба безотрадный, —
- Не столь густой кладутъ для глазъ покровъ, 4
Какъ этотъ дымъ, куда я путь направилъ,
И смрадъ его былъ до того суровъ,
- Что вмигъ глаза сомкнуть меня заставилъ. 7
Но мудрый вождь, заступникъ мой во всемъ,
Приблизился и мнѣ плечо подставилъ.
- И, какъ слѣпой идетъ за вожакомъ, 10
Боясь съ дороги сбиться иль наткнуться
На что-нибудь и боль терпѣть потомъ, —
- Я шель, страшась въ томъ смрадѣ задохнуться 13
И слушая, какъ вождь мнѣ повторялъ:
— «Старайся отъ меня не отшатнуться».
- Я слышалъ хоръ, гдѣ каждый гласъ зывалъ 16
Съ молитвою о мирѣ къ милосердью,
Чтобъ всѣ грѣхи съ нихъ Агнецъ Божій снялъ.

- Лишь «Agnus Dei» всё подъ дымной твердью 19
 Тамъ пѣли въ голось; былъ одинъ у всѣхъ
 Напѣвъ, одно согласье, по усердью.
- «Не душъ ли гласъ я слышу въ хорахъ тѣхъ?» 22
 Такъ я; и вождь: — «Ты вѣрно понимаешь:
 Гнѣвлиности съ себя смываютъ грѣхъ».
- «Но кто-жъ ты самъ, кто дымъ нашъ разсѣкаешь, 25
 Такъ говоря про насъ, какъ будто ты
 Свой годъ еще по мѣсяцамъ считаешь?»
- Такъ рѣчь лилась ко мнѣ изъ темноты, 28
 При чемъ поэтъ: — «Отвѣтствуй и развѣдай:
 Отсюда ли подъемъ на высоты».
- И я: — «О духъ, кто, надъ грѣхомъ побѣдой 31
 Очистясь, мнишь предстать къ Творцу въ красѣ!
 Чтобъ выслушать о дивѣ, — мнѣ послѣдуй».
- «Послѣдую, насколько можно мнѣ», 34
 Отвѣтилъ тотъ, «и пусть мы дымомъ скрыты:
 Намъ чуткѣй слухъ замѣнить взоръ вполне».
- И началъ я: — «Въ тѣ пелены повитый, 37
 Что смерть одна лишь разовьетъ, сюда
 Я прихожу, пройдя всё адски скиты.
- «И коль Господь, ко мнѣ благій всегда, 40
 Свой дворъ святой узрѣть подалъ мнѣ сплы
 Необычайнымъ способомъ, — тогда
- «И ты не скрой, кто былъ ты до могилы? 43
 Скажи: иду-ль я прямо въ тѣ края?
 И рѣчь твоя да дастъ въ пути намъ крылы».
- «Я былъ ломбардецъ; Маркомъ звался я; 46
 Знавалъ я свѣтъ, былъ чести читатель строгій,
 Хоть нынѣ лукъ не гнуть ужъ для нея.

- «Чтобъ вверхъ взойти, ты на прямой дорогѣ». 49
 Отвѣтивъ такъ, прибавилъ онъ: — «Прошу,
 Молись объ насъ, какъ будешь въ томъ чертогѣ».
- И я: — «Клянуся честью, что свершу 52
 Мольбу твою. Но душу мнѣ разстроишь
 Сомнѣній духъ, и чѣмъ ихъ разрыну?»
- «Сперва простое, ты теперь удвоилъ 55
 Во мнѣ сомнѣнье, подтверждая то,
 Что тамъ слыхалъ я, тѣмъ, что здѣсь усвоилъ.
- «Сказалъ ты правду, что теперь никто 58
 Не чтить добра, что въ мірѣ нѣтъ помину
 О доблестяхъ, затоптанныхъ въ ничто.
- «Но укажи, прошу, тому причину: 61
 На небѣ ли искать ее должно?
 Иль на землѣ, и пусть я ложь низрину».
- Глубокій вздохъ, сведенный скорбью въ «О!» 64
 Онъ испустилъ, и: — «Братъ!» сказалъ въ волненѣ:
 «Слѣпецъ, слѣпецъ твой міръ, а въ мірѣ ты давно!
- «Вы, въ немъ живущіе, во всемъ велѣнье 67
 Лишь Неба видите, какъ бы всему
 Необходимость лишь даетъ теченье.
- «Будь это такъ, то вамъ бы данъ къ чему 70
 Свободный выборъ? Былъ ли-бъ судъ правдивымъ,
 Вѣчная добрыхъ, злыхъ ввергая въ тьму?»
- «Съ Небесъ починъ лишь вашимъ данъ порывамъ,— 73
 Не всѣмъ,—но если бы и такъ, что-жъ въ томъ?
 Есть свѣтъ, чтобъ межъ прямымъ избрать иль лживымъ.
- «Въ васъ воля есть; коль съ Небомъ бой съ трудомъ 76
 Впервые выдержать, то не легко-ли
 Вскормленной побѣдить ей ужъ во всемъ?»

- Склоняться къ большей силѣ въ вашей волѣ, 79
 Или къ природѣ лучшей; но, создавъ
 Въ васъ смыслъ, Они ужъ не блодутъ васъ болѣ.
- «Такъ, если путь, гдѣ мѣръ идетъ, не правъ,— 82
 Причина въ васъ, въ себѣ ее ищите,
 И я тебѣ сей разъясню уставъ.
- «Изъ рукъ Того, Кѣмъ, прежде чѣмъ ей быти, 85
 Лелѣтся, какъ рѣзвое дитя,—
 Безпечная въ Его святой защитѣ,
- «Душа исходитъ и, въ сей мѣръ влетя 88
 Невинная, безъ знаній, но вся радость,
 Къ тому, что ей пріятно, льнетъ шутя.
- «Ничтожныхъ благъ сперва вкусивши сладость, 91
 Гоняся за ней, теряетъ путь тогда,
 Пока узда иль вождь не сдержитъ младость.
- «На то закона и нужна узда, 94
 Необходима и царя защита,
 Чтобъ башню Правды Града знать всегда.
- «Законъ? Но кто хранить его открыто! 97
 Никто! Затѣмъ что жвачку Пастырь вашъ
 Хоть и жуесть, но не двойть копыта;
- «Черезъ то народъ, примѣтя, что самъ стражъ 100
 Бьетъ лишь на то, къ чему и самъ онъ падохъ,—
 Бьетъ тотъ же кормъ и самъ идетъ туда-жъ.
- «Теперь пойми, что, если въ безпорядокъ 103
 Пришелъ весь мѣръ, вина — въ дурномъ вождѣ,
 А не въ природѣ, введшей васъ въ упадохъ.
- «Такъ Римъ, державшій цѣлый мѣръ въ уздѣ, 106
 Имѣлъ два солнца, чтобъ свѣтили двое
 Въ путяхъ: мѣрскихъ и божескихъ,— вездѣ.

- «Теперь однимъ погашенò другое, 109
Мечъ слить съ жезломъ и, два въ однѣхъ рукахъ,
Естественно, ведутъ лишь на дурное.
- «Сліясь, одинъ убилъ къ другому страхъ. 112
Коль мнѣ не вѣришь,— посмотри на сѣмя:
По сѣмени познаешь злакъ въ поляхъ.
- «Гдѣ лется По съ Аджемъ,— въ прежне время 115
Повсюду честь встрѣчали на пути,
Пока въ раздоръ не ввелъ тамъ Фридрихъ племя.
- «Теперь же можетъ цѣлый край пройти 118
Тотъ, кто стыдится къ добрымъ въ ихъ отчизнѣ
Не только рѣчь начать, но подойти.
- «Три старца тамъ остались — къ укоризнѣ 121
Новѣйшихъ дней, и, древнихъ арьергардъ,
Ждутъ, скоро-ль Богъ возьметъ ихъ къ лучшей жизни,
- «Куррадо да Палаццо, и Герардъ, 124
И Гвидо да Кастель, тотъ, чье хранимо
У франковъ прозвище: простой Ломбардъ.
- «Всѣмъ объяви теперь, что церковь Рима, 127
Двѣ власти разныя въ себѣ смѣшавъ,
Упала въ грязь, а съ ней — и діадима».
- «О Марко мой!» воскликнулъ я, «ты правъ! 130
И понялъ я теперь, зачѣмъ отъ вѣку
Родъ Левія лишенъ въ наслѣдѣ правъ.
- «Кто-жъ тотъ Герардъ, кому, какъ человѣку 133
Былыхъ временъ, дано служить судьбой
Живымъ укоромъ варварскому вѣку?»
- «Обманъ ли то, иль шутка надо мной!» 136
Вскричалъ онъ, «какъ, тосканцу я внимаю,
А онъ не знаетъ: Герардъ кто такой?

- «Подъ именемъ другимъ его не знаю; 139
Скажу лишь то, что Гайя дочь ему.
Богъ съ вами! Дальше васъ не провожаю.
- «Уже заря, сверкая тамъ въ дыму, 142
Блѣтается, и Ангелъ показался,
А я не смѣю подойти къ нему».
- Такъ онъ сказалъ и слушать отказался. 145
-

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Третій кругъ.— Гнѣвливые.— Выходъ изъ дыма.— Примѣры свирѣпаго гнѣва въ видѣнiяхъ.— Ангель мира.— Подъемъ въ четвертый кругъ.— Ночь.— Любви, какъ корень всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ.

- Читатель, если въ Альпахъ въ облакъ тонкій 1
Когда-нибудь вступаешь ты и сквозь паръ
Смотрѣлъ, какъ кротъ глядитъ черезъ перепонки,—
- То помнишь ли, какъ тускло солнца шаръ 4
Во влажныя вступаетъ испаренья,
Когда ихъ въ небѣ разрѣшаетъ жаръ?
- И дастъ тебѣ полетъ воображенья 7
Представить то, какъ солнце въ этотъ разъ
Явилось мнѣ въ минуту захожденья.
- Такъ, по стопамъ учителя стремясь, 10
Я шелъ изъ облака, облить лучами,
Которыхъ блескъ ужъ подъ горой угасъ.
- Фантазія! ты съ внѣшними вещами 13
Такъ рознишь насъ, что ужъ не слышимъ мы,
Хоть тысяча-бъ гремѣла трубъ предъ нами.
- Кто-жъ шлетъ тебя, коль чувства въ насъ нѣмы? 16
Шлетъ свѣтъ тебя! Онъ сходитъ самъ, иль сила
Небесная намъ льетъ его въ умы.

- Злодѣйство той, кто видъ свой измѣнила,
 Ставь птицею, привыкшей распѣвать,
 Фантазія! ты мнѣ теперь явила. 19
- И здѣсь мой духъ замкнулся такъ опять 22
 Въ самомъ себѣ, что ничего изъ міра,
 Изъ внѣшняго, не могъ ужъ воспринять.
- Затѣмъ въ мечты ниспалъ, какъ дождь съ ээира, 25
 Свирѣпъ и дикъ, тотъ гордый изувѣръ,
 Кто на крестѣ былъ распятъ послѣ пира.
- Вокругъ него: великій Ассуръ, 28
 Эсфирь царица, Мардохей, другъ блага,
 Въ дѣлахъ и въ словѣ чѣстности примѣръ.
- Едва сама собой исчезла сага, 31
 Какъ дождевой пузырь, какъ скоро въ немъ
 Создавшая его изсякнетъ влага,—
- Ликъ дѣвушки въ видѣніи моемъ 34
 Предсталъ въ слезахъ, съ словами: — «О родная!
 Почто ничѣмъ во гнѣвѣ ты своемъ
- «Рѣшилась стать, Лавинію спасая? 37
 Убивъ себя; теряешь дочь, и вотъ
 Я съ матерью теряю вольность края».
- Какъ греза рушится, когда падеть 40
 Внезапный свѣтъ въ закрытыя намъ очи,
 Дрожа въ обломкахъ, прежде чѣмъ умереть,—
- Такъ этотъ призракъ канулъ въ сумракъ ночи, 43
 Лишь только свѣтъ лицо мнѣ озарилъ
 Сильнѣй того, что вынести въ нашей мочи.
- Я взоръ обвелъ, чтобъ видѣть, гдѣ я былъ; 46
 Вдругъ чей-то гласъ, сказавъ: — «Здѣсь всходятъ въ гору!»
 Отъ всѣхъ иныхъ предметовъ отвратилъ

- Мнѣ мысль, и такъ хотѣлось мнѣ въ ту пору 49
 Узрѣть того, кто такъ вѣщаетъ съ горь,
 Что я предстать къ его не медлить взору.
- Но, словно солнце, что, слѣпя намъ взоръ, 52
 Въ избыткѣ свѣта образъ свой скрываетъ,—
 Онъ поразилъ глаза мои въ упоръ.
- «Божественный то духъ! Онъ предлагаетъ 55
 Безъ нашихъ просьбъ длань помощи тебѣ,
 И самъ себя во свѣтъ свой облекаетъ;
- «Онъ намъ даетъ, какъ каждый самъ себѣ, 58
 Затѣмъ что всякъ, кто просьбы ждетъ отъ брата,
 Готовъ злорадно отказать въ мольбѣ.
- «Спѣшимъ на зовъ! Коль не минуетъ ската 61
 И не войдемъ, покаместъ длится день,
 Придется ожидать намъ дня возврата».
- Такъ вождь сказалъ, и я за нимъ, какъ тѣнь, 64
 Направилъ шагъ въ обитель благодати,
 И лишь вопель на первую ступень,
- Какъ за собой услышалъ гласъ: «Beati 67
 Расіісі», и вѣтръ, какъ бы отъ крылъ,
 Пахнулъ въ меня, чтобъ снять съ лица печати.
- Такъ высоко надъ нами ужъ свѣтилъ 70
 Послѣдній лучъ, за коимъ ночь приходитъ,
 Что тамъ и сямъ сверкнулъ ужъ блескъ свѣтилъ.
- «О силы! что-жъ васъ въ немощь ночь приводитъ?» 73
 Въ душѣ сказалъ я, чуя, какъ тяжелъ
 Истомы гнетъ, что на меня нисходитъ.
- Мы были тамъ, гдѣ дальше ужъ не вель 76
 Ходъ лѣстницы, и скрылись мы подъ кровомъ
 Горы, какъ челнъ, который въ портъ вошелъ.

- И чтобъ узнать, что въ этомъ кругѣ новомъ, — 79
 На мигъ свой слухъ напрягъ я у межи;
 Потомъ къ вождю такъ обратился съ словомъ:
- «Отецъ мой добрый, что за грѣхъ, скажи, 82
 Здѣсь очищается въ скалистомъ гротѣ?
 Ты шагъ сдержалъ, но слова не держи».
- «Любовь къ добру, ослабшую въ полетѣ», 85
 Онъ провѣщаль, «вновь проявляютъ тутъ;
 Отсталое весло тутъ вновь въ работѣ.
- «Но, чтобъ понять тебѣ былъ легче трудъ, — 88
 Въ часъ отдыха впери въ меня мышленье;
 Слова мои плодъ добрый принесутъ.
- «Ты знаешь, сынъ, не можетъ быть творенье. 91
 Ни самъ Творецъ творенья безъ любви
 Природной иль духовной ни мгновение.
- «Въ природѣ нѣтъ ошибки; но, увы! 94
 Другая впасть въ ошибку можетъ — цѣлью,
 Избыткомъ силъ иль слабостью въ крови.
- «Бывъ предана небесныхъ благъ веселью 97
 И благъ земныхъ ища не безъ конца,
 Она грѣху не станетъ колыбелью.
- «Но къ злу склоняясь иль стремя сердца 100
 Ко благу больше иль слабѣй, чѣмъ надо, —
 Тварь возстаетъ тѣмъ самымъ на Творца.
- «Любовь — отсюда самъ поймешь ты, чадо, — 103
 Даетъ посѣвъ дѣламъ, какъ полнымъ благъ,
 Такъ полнымъ зла, за нихъ же казнь — награда.
- «А какъ любовь къ самимъ себѣ никакъ 106
 Не можетъ выгоды своей не видѣть,
 То нѣтъ существъ, кто-бъ самъ себѣ былъ врагъ.

- «И какъ нельзя представить, ни предвидѣть, 109
 Чтобъ кто внѣ Бога самъ собой быть могъ,
 То нѣтъ причинъ и Бога ненавидѣть.
- «Итакъ осталась (коль мой выводъ строгъ) 112
 Любовь одна — любовь творить зло ближнимъ,
 И въ тѣлѣ вашемъ ей тройной истокъ.
- «Одни мечтаютъ, взявши верхъ надъ ближнимъ, 115
 Чрезъ то возвыситься, и вотъ — спѣшать
 Съ ступеней верхнихъ свергнуть брата къ нижнимъ.
- «Другіе славу, почестъ, силу мнятъ 118
 Въ себѣ утратить съ повышеньемъ брата,
 И потому, злорадствуя, скорбятъ.
- «А въ третьихъ — злобой такъ душа объята 121
 Отъ тяжкой имъ обиды, что грозу
 Отмщенья мнятъ излить на супостата.
- «Грѣхъ тройственной любви сей здѣсь внизу 124
 Казнится. Но внимай, какъ ложной жаждой
 Любовь другая васъ стремить ко злу.
- «Добро, хоть смутно, понимаетъ каждый; 127
 Всякъ ищетъ въ немъ утѣхъ душѣ и мнитъ
 Достичъ его, чтобъ миръ найти однажды.
- «Всѣхъ тѣхъ, кого любовь не слишкомъ мчитъ 130
 Познать добро, снискать его со страстью,
 Тѣхъ, съ покаяньемъ, сей карнизъ казнить.
- «Добро иное вамъ даетъ напасти, 133
 Нѣтъ блага въ немъ,—того, что всѣхъ важнѣй —
 Гдѣ плодъ и корень истинное счастье.
- «Любовь, стремящая къ нему людей, 136
 Казнится въ трехъ кругахъ вверху надъ нами,
 И состоитъ изъ трехъ она частей,
- «Но изъ какихъ — то мы увидимъ сами». 139

ПѢСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Четвертый кругъ: грѣхъ унынія.— Любовь и свобода воли.— Примѣры рѣдкой дѣятельности.— Аббатъ изъ Санъ-Зено.— Скалиджери.— Примѣры пагубнаго грѣха унынія.— Сонъ Данте.

- Съ своей бесѣдой тутъ остановился 1
Мудрѣйшій мужъ, съ вниманьемъ взоръ вперя
Въ мое лицо, вполнѣ-ль я убѣдился.
- И я, ужъ новой жаждою горя, 4
Наружно молчаливый, думалъ: «Можетъ,
Вождя я утомлю, съ нимъ говоря».
- Но онъ, познавъ, что душу мнѣ тревожитъ 7
Мысль робкая, какъ истинный отецъ,
Заговорилъ, да смѣлость въ духъ мой вложитъ.
- И началъ я: — «Такъ свѣтъ твой, о мудрецъ, 10
Живить мой умъ, что тайный и глубокий
Смыслъ словъ твоихъ мнѣ ясенъ наконецъ.
- «Но объясни: гдѣ той любви истоки, 13
Къ которой сводишь, добрый отче, ты
Всѣ добродѣтели и всѣ пороки?»
- «Впері-жь въ меня всѣ мысли и мечты», 16
Онъ отвѣчалъ, «чтобъ сталъ тебѣ понятнымъ
Обманъ вождей среди ихъ слѣпоты.

- «Духъ, созданный къ любви вполне податнымъ,
Подвиженъ всѣмъ, что нравится ему,
Бывъ вызванъ къ акту чѣмъ-нибудь пріятнымъ. 19
- «Все сущее является уму 22
Лишь въ образахъ; умъ образъ духу кажетъ
И преклоняетъ самый духъ къ нему;
- «Когда же въ духѣ образъ тотъ заляжетъ, 25
То склонность та и есть любовь, и въ ней
Пріятное природу снова вяжетъ.
- «И какъ огонь, по сущности своей, 28
Восходить вверхъ, родясь туда стремиться,
Гдѣ болѣе онъ длится средь огней, —
- «Такъ плѣнный духъ желаніемъ томится 31
(Духовнымъ аэтомъ) и не знаетъ сна,
Покуда въ немъ желанье не свершится.
- «Теперь пойми, какъ истина темна 34
Для мыслящихъ (о! какъ ихъ доводъ шатокъ!)
Что въ васъ любовь не можетъ быть грѣшна.
- «Хоть, можетъ быть, какъ суть, любви зачатокъ 37
Хорошъ всегда; но если воскъ хорошъ,
То не всегда хорошъ и отпечатокъ».
- «Насколько свѣтъ ты мнѣ въ разсудокъ льешь», 40
Я отвѣчалъ, «любовь я понялъ ясно;
Но къ сколькимъ вновь сомнѣньямъ ты ведешь?
- «Коль въ насъ любовь вступаетъ самовластно 43
Извнѣ, иди-жь душѣ лишь симъ путемъ,
То въ выборѣ пути душа-ль причастна?»
- И онъ: — «Скажу, насколько лишь умомъ 46
Мы видимъ здѣсь; но какъ то дѣло вѣры,
То Беатриче допроси о томъ.

- «Субстанціальны формы вѣ ихъ сферы 49
Вещественной, и тѣ, что съ ней слиты,
Надѣлены всѣ силой разной мѣры.
- «Но силы тѣ безъ дѣйствія мертвы 52
И познаются лишь изъ ихъ явленій,
Какъ въ древѣ жизнь — изъ зелени листвы.
- «Откуда же идетъ рядъ постиженій 55
Идей первичныхъ, скрыто то во мглѣ,
Какъ и порывъ всѣхъ первыхъ похотѣній.
- «Они въ васъ скрыты, какъ инстинктъ въ пчелѣ 58
Готовить медъ, и первая та доля
Не подлежитъ ни славѣ, ни хулѣ.
- «А такъ какъ всякая другая воля 61
Стремится къ ней, то сила вамъ дана
Давать совѣтъ, храня границы поля.
- «Вотъ тотъ принципъ, по коему должна 64
Любовь къ добру, иль злу, смотря, какую
Вы избрали, васъ награждать сполна.
- «Мыслители, вникая въ жизнь земную, 67
Свободы той познавъ вамъ данный даръ,
Создали міру Этику святую.
- «Допустимъ же, что всякой страсти жаръ 70
Необходимостью въ васъ пламенѣть,
Все-жъ сила въ васъ тушить ея пожаръ.
- «Въ свободѣ воли Биче разумѣть 73
Мощь благородную; храни-жъ въ умѣ,
Какой у ней то слово смыслъ имѣть».
- Луна, воставъ изъ волнъ въ полночной тѣмѣ, 76
Являла намъ ужъ въ небѣ звѣздъ немного,
Раскалена, какъ бы котель въ огнѣ,

- И противъ звѣздъ неслася той дорогой, 79
Гдѣ межъ Сардиніей и Корсикой заходъ
Свѣтила дня римлянинъ видитъ строгій.
- И славный духъ, чье имя въ родъ и родъ 82
Надъ Мантуей возвысило Пьетолу,
Съ души моей такъ сбросилъ грузъ заботъ,
- Что, мудрому внимая тамъ глаголу 85
Учителя въ отвѣтъ мнѣ, я стоялъ,
Какъ тотъ, кого дремота клонить долу.
- Но быстро ту дремоту разогналъ 88
Во мнѣ народъ, что съ быстротой потопа
За нашими плечами вслѣдъ бѣжалъ.
- И какъ берега Исмена и Азопа 91
На праздникъ Вакха мчавшихся оивянь
Нерѣдко были ночью мѣстомъ скопа:
- Такъ душъ предъ нами несся цѣлый станъ 94
И былъ стремленіемъ усердно круговое
Движеніе свершать онъ обуянь.
- И быстро такъ то скопище густое 97
Неслось впередъ, что вмигъ примчалось къ намъ,
И впереди кричали съ плачемъ двое:
- «Съ послѣшностью шла въ горы Маріамъ, 100
И Цезарь-вождь, чтобъ овладѣть Илердой,
Массилью взявъ, бѣжалъ къ испанцамъ самъ».
- «Скорѣй! скорѣй! чтобъ съ волею нетвердой 103
Не опоздать!» кричали вслѣдъ строи:
«Усердье къ благу любить Милосердый!»
- «О вы, въ комъ нынѣ острый жаръ любви 106
Восполнилъ лѣнь, быть можетъ, наказуя
За косность дѣлъ по вялости въ крови!

- «Вотъ сей живой (и вѣрите, что не лгу я!),
Лишь день блеснетъ, хотѣлъ бы вверхъ взойти;
Скажите-жъ мнѣ, гдѣ щель въ скалѣ найду я?» 109
- Такъ вождь сказалъ бѣжавшимъ по пути,
И духъ одинъ:— «Отбросивъ нерадивость,
Бѣги намъ вслѣдъ, коль хочешь щель найти. 112
- «Намъ воля такъ внушаетъ торопливость,
Что стать не смѣемъ! Извини-жъ мнѣ, братъ,
Коль нашу казнь ты счелъ за неучтивость. 115
- «Въ Веронѣ былъ въ Санъ-Зено я аббатъ
При Барбароссѣ добромъ, въ вѣкъ насилій,
О чемъ досель въ Миланѣ всѣ скорбятъ. 118
- «Одной ногой ужъ Нѣкто сталъ въ могилѣ,
Аббатство вскорѣ вспомнить онъ, о томъ
Скорбя, зачѣмъ въ то время былъ онъ въ силѣ, 121
- «Когда, больного тѣломъ и умомъ,
Онъ сына незаконнаго намѣтилъ
Противъ закона къ намъ духовникомъ». 124
- Умолкъ ли онъ, иль что еще отвѣтилъ,—
Не знаю: вихремъ мчались души тѣ;
Но эту рѣчь я слышалъ и замѣтилъ. 127
- И тотъ, кто былъ помощникъ мнѣ въ нуждѣ,—
— «Взгляни», сказалъ, «двѣ сзади души эти
Унынья грѣхъ преслѣдуютъ вездѣ, 130
- «Крича бѣгущимъ:— «Прежде смертью въ сѣти
Былъ взятъ тотъ родъ, что видѣлъ моря дно,
Чѣмъ Иорданъ его узрѣли дѣти. 133
- «И тѣмъ бойцамъ, которымъ не дано
Отваги мчатся съ отраслю Анхиза,
Безславно жизнь покончить суждено!» 136

- Какъ скоро сонмъ вдоль этого карниза 139
Настолько вдалъ ушелъ, что скрылся съ глазъ,—
Мой умъ одѣла дума, словно риза.
- И съ думой той толпа другихъ спелась, 142
И въ думахъ тѣхъ блуждалъ я такъ мышленьемъ,
Что въ нѣгѣ чувствъ сомкнулись вѣки глазъ,
- И размышленье стало сновидѣньемъ. 145

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четвертый кругъ: грѣхъ унынія.— Символическій сонъ Данте.— Ангель любовь къ Богу.— Подъемъ въ пятый кругъ сребролюбивыхъ.— Папа Адрианъ V.

Въ тотъ часъ, какъ холода Луны въ лазурномъ 1
Пространствѣ звѣздъ не можетъ превозмочь
Зной дня, ослабленный Землей съ Сатурномъ,—

Когда встаетъ для геомантовъ въ ночь 4
Fortuna major, предъ зарей, съ обычной
Страны, гдѣ мгла бѣжить съ востока прочь,

Мнѣ снилась тѣнь жены косноязычной, 7
Съ культами рукъ, хромою, косою на видъ,
Имѣвшей ликъ лишь мертвецу приличный.

Я на нее глядѣлъ, и какъ живить 10
Остывшее подъ хладомъ почи тѣло
Лучъ солнечный, такъ ей мой взглядъ дарить

Свободу устъ, и выпрямился смѣло 13
Весь ростъ ея, и тусклый, мертвый лигъ
Зардѣлся вдругъ, какъ будто страсть въ немъ мѣла.

И вотъ, лишь въ ней свободнымъ сталъ языкъ, 16
Запѣла такъ, что убережъ отъ плѣна
Едва я могъ разсудокъ свой въ тотъ мигъ.

- «Я», пѣла тѣнь, «та чудная Сирена, 19
 Что моряковъ влечетъ съ морей на берегъ,
 Такъ сладокъ голосъ мой, всѣхъ бѣдъ замѣна!
- «На пѣснь мою скитальческій свой бѣгъ 22
 Сдержалъ Улиссъ, и кто со мной въ общенѣ,
 Тотъ рѣдко прочь бѣжитъ отъ нашихъ цѣгъ!»
- Еще въ устахъ у ней звучало пѣнье, 25
 Какъ нѣкая пречистая Жена
 Явилась мнѣ, чтобъ вестъ ее въ смущенье.
- «Виргилій! О Виргилій! кто Она?» 28
 Воскликнулъ я, и вождь мой, полнъ надежды,
 Потекъ къ Женѣ пречистой. И, гнѣвна,
- Она съ Сирены сорвала одежды, 31
 Чтобъ видѣлъ я, чтò было въ нихъ внутри,
 И страшный смрадъ велѣлъ открыть мнѣ вѣжды.
- Я поднялъ взоръ, и вождь: — «Ужъ раза три 34
 Взываю я: вставай! отбрось тревогу, —
 Нашли мы входъ; онъ предъ тобой, смотри».
- Я всталъ. Ужъ солнце блескъ свой по чертогу 37
 Святой горы лило во всѣ мѣста,
 Свѣта намъ въ тылъ, и вождь пошелъ въ дорогу.
- Я-жъ, идя вслѣдъ, не выпрямлялъ хребта, 40
 Но шель, какъ тотъ, кого гнететъ забота,
 Чей станъ согбенъ, какъ полусводъ моста.
- Вдругъ слышу гласъ: — «Войдите, здѣсь ворота!» — 43
 Столь кроткій гласъ, что смертнымъ на землѣ
 Вѣкъ не звучитъ столь сладостная нота.
- Какъ бѣлый лебедь, распротря крыль, 46
 Намъ говорившій насъ повелъ въ ущелье
 Между двухъ стѣнъ въ той каменной скалѣ.

- И онъ крылами мнѣ пахнулъ въ весельѣ,
«Блаженны плачущіе», говоря,—
Утѣшатся въ небесномъ новосельѣ». 49
- «Что ты идешь, такъ въ землю взоръ впередъ?» — 52
Такъ началъ вождь, лишь поднялся немного
Надъ Ангеломъ, сіявшимъ какъ заря.
- И я: — «Велить идти мнѣ такъ съ тревогой 55
Недавній сонъ, и думъ о немъ вовѣкъ
Не истребить во мнѣ разсудокъ строгій!»
- «Ты древнюю зрѣлъ вѣдьму», онъ изрекъ, 58
«Изъ-за нея-жь льютъ слезы тамъ, подъ нами;
Ты зрѣлъ, какъ съ ней быть долженъ человѣкъ.
- «Довольно съ насъ! Топчи же прахъ пятами! 61
Гляди на ту приманку, что кружить
Самъ вѣчный Царь широкими кругами».
- Какъ соколъ прежде подъ ноги глядитъ, 64
Потомъ, на крикъ знакомый устремся,
Весь тянется туда, гдѣ кормъ манить, —
- Такъ мчался я, и тамъ, гдѣ раздалася 67
Скала горы, чтобъ дать всходящимъ путь,
Я лѣзъ, пока мы не пошли, кружася.
- Лишь въ пятый кругъ ввела насъ всхода кругъ, 70
Я сонмъ узрѣлъ, что, слезъ унять не смѣя,
Простерся ницъ, къ землѣ притиснувъ грудь.
- «Adhaesit pavimento anima mea», 73
Вопили всѣ, подъявля шумъ такой,
Что я стоялъ, всѣхъ словъ не разумѣя.
- «Родъ, избранный Творцомъ, чью казнь съ тоской 76
Надежды лучъ творить не столь тяжелой!
Направьте насъ на верхъ горы святой».

- «Когда пришли не лечь на камень голый 79
И поскорѣй хотите вверхъ взойти, —
Вашъ правый бокъ держите къ безднѣ покой».
- Такъ вождь просилъ, и такъ ему въ пути 82
Вблизи отъ насъ былъ данъ отвѣтъ, въ которомъ
Я тайный смыслъ удобно могъ найти.
- И взоръ учителя я встрѣтилъ взоромъ, 85
И вождь все то, о чемъ мой взоръ просилъ.
Мнѣ разрѣшилъ безмолвнымъ приговоромъ.
- И лишь на то я право получилъ, 88
Какъ я ужъ сталъ надъ тѣмъ, съ кого все время,
Какъ говорилъ онъ, глазъ я не сводилъ.
- И я: — «О, духъ, въ чьемъ плачѣ зрѣеть сѣмя, 91
Безъ коего къ Творцу нельзя предстать!
Сбрось для меня на мигъ думъ тяжкихъ бремя.
- «Кто ты? зачѣмъ спиною вверхъ лежать 94
Вы здѣсь должны? Скажи мнѣ, чтобъ не все
Молилъ я тамъ, куда вернусь опять».
- И онъ: — «Скажу, зачѣмъ, слѣпые, бун, 97
Повернуты спиной мы вверхъ; сперва-жъ
Successor Petri—scias—quod ego fui:
- «Межъ Сьестри и Кьявери горный кражъ 100
Омытъ рѣкой, чьимъ именемъ и слухомъ
Прославился фамильный титулъ нашъ.
- «Я мѣсяцъ съ малымъ самъ извѣдалъ духомъ, 103
Какъ папскій санъ тяжелъ тому, кѣмъ въ грязь
Не втоптанъ онъ: грузъ всякій чту я пухомъ.
- «Къ Творцу, увы мнѣ! поздно обратясь, 106
Я лишь тогда, какъ пастыремъ сталъ Рима,
Постигъ всю ложь, порвавши съ міромъ связь.

- «Тутъ поняль я, что все проходить мимо. 109
 Ттары блескъ ужъ въ жизни мнѣ не льстиль,
 Влекла-жь меня сей жизни діадима.
- «До тѣхъ же поръ я, духъ злосчастный, жилъ 112
 Внѣ Бога, жаждой лишь къ серебру согрѣтый,
 И здѣсь, какъ видишь, муку заслужилъ.
- «За сребролюбье вотъ какой монетой 115
 Здѣсь платимъ мы, свой очищая грѣхъ,
 И на горѣ нѣтъ казни горше этой.
- «Какъ не искалъ божественныхъ утѣхъ 118
 Нашъ алчный взоръ, весь прилѣпленъ къ земному, —
 Такъ въ землю Судъ уперъ здѣсь очи всѣхъ.
- «Какъ жаръ гасило ко всему благому 121
 Въ насъ сребролюбье, доблесть всю поправъ, —
 Такъ правый Судъ повергъ насъ здѣсь въ истому,
- «И по рукамъ, и по ногамъ сковавъ. 124
 И будемъ мы лежать, недвижны тѣни,
 Доколь свершитъ Царь правды Свой уставъ».
- Желавъ отвѣтить, сталъ я на колѣни 127
 И уже началъ, какъ услышалъ онъ,
 Что я главой припалъ къ его ступени.
- «Зачѣмъ», спросилъ онъ, «долу ты склоненъ?» 130
 И я ему: — «Предъ вашимъ папскимъ саномъ
 Мнѣ долгъ велитъ творить земной поклонъ».
- И онъ: — «Братъ, встань! Ты увлеченъ обманомъ: 133
 Теперь, какъ ты, какъ всѣ, я лишь простой
 Служитель здѣсь предъ вѣчнымъ Океаномъ.
- «И если вникъ въ евангельскій святой 136
 Глаголь ты: «Neque nubent», тотчасъ ясно
 Поймешь, зачѣмъ такъ говорю съ тобой.

- «Иди-жь теперь; не медли здѣсь напрасно 139
И не мѣшай мнѣ слезы лить изъ глазъ,
Да зрѣеть плодъ, кагъ ты сказалъ прекрасно.
- «Племянница, Аладжя, есть у насъ; 142
Она добра, лишь только-бъ въ злыя сѣти
За нашими востѣдъ не увлеклась;
- «Она одна осталась мнѣ на свѣтѣ». 143

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

Пятый кругъ: сребролюбивые.— Примѣры бѣдности и щедрости.— Гуго Капетъ.— Капетинги.— Примѣры скаредной скупости.— Гора сотрясается при освобожденіи изъ чистилища очистившейся души.

- Мы волѣ сильной дѣлаемъ уступку: 1
Такъ, нехотя, въ угоду тѣни той,
Не напитавъ водой, извлекъ я губку.
- Подвигся я, и вождь подвигся мой, 4
Идя путемъ свободнымъ вдоль утеса,
Какъ вдоль зубцовъ ограды крѣпостной,
- Затѣмъ что сонмъ, изъ чьихъ очей лилося 7
По каплямъ зло, всемірная бѣда,
Простертъ былъ ближе къ сторонѣ отвеса.
- Будь, древняя Волчица, проклята! 10
Твой зѣвъ бездонный болѣ, чѣмъ всѣ звѣря,
Глогаетъ жертвъ, а все ты не сыта.
- О небеса, чей ходъ (по общей вѣрѣ) 13
Мѣняетъ всѣ условья на земли!
Придетъ ли тотъ, кто въ міръ запретъ ей двери?
- Мы рѣдкими шагами тихо шли, 16
И я вникалъ въ рыданія глухія
И въ стонъ тѣней. Вдругъ слышу невдали

- Отъ насъ напѣвъ: «Сладчайшая Марія», — 19
 Столь жалкій, будто плакалась жена,
 Претерпѣвая муки родовыя.
- И далѣе: «Была Ты такъ бѣдна, 22
 Что въ ясляхъ былъ Тобой, небесъ Царицей,
 Положенъ плодъ, разверзшій ложе сна!»
- И вслѣдъ за тѣмъ: «О доблестный Фабрицій, 25
 Ты лучшимъ счелъ быть честнымъ въ нищетѣ,
 Чѣмъ богачомъ порочнымъ, какъ патрицій».
- Понравились мнѣ столько рѣчи тѣ, 28
 Что выступилъ впередъ я, полнъ желанья
 Узнать того, кѣмъ сказаны онѣ.
- Онъ напѣвалъ еще про тѣ дѣянья, 31
 Что Николай для бѣдныхъ сдѣлалъ дѣвъ,
 Чтобъ юность ихъ спасти отъ поруганья.
- И я: — «О духъ, какъ сладокъ твой напѣвъ! 34
 Отвѣтъ: кто ты? и по какой причинѣ
 Одинъ лишь ты похвалъ тѣхъ мечешь съвъ?»
- «И знай, недаромъ мнѣ отвѣтишь нынѣ, 37
 Коль возвращусь я къ краткой той тропѣ,
 Что каждаго влечетъ къ его кончинѣ».
- И онъ: — «Скажу не съ тѣмъ, чтобъ ждать себѣ 40
 Услады тамъ, но ради предпочтенья,
 Съ какимъ Господь благоволитъ къ тебѣ.
- «Я корень былъ зловреднаго растенья, 43
 Чья тѣнь Христовой всей вредитъ семьѣ,
 Хоть рѣдко плодъ даютъ его кореня.
- «Будь сильны Гентъ, Лилль, Брюгге и Дуэ,— 46
 Они-бъ отмстили срамъ свой, и объ этомъ
 Я шлю мольбы къ святому Судіѣ.

- «Тамъ прозывался Гугомъ я Капетомъ;
 Филипповъ, Людвиговъ отъ насъ возникъ
 Тамъ цѣлый рядъ, держащій край подъ гнетомъ. 49
- «Отцомъ моимъ парижскій былъ мясникъ.
 Когда король послѣдній власяницу
 Одѣлъ, и древній царскій родъ понизъ, 52
- «Бразды правленья взять въ свою десницу
 Былъ призванъ я и сдвинулъ изъ друзей
 Столь грозную вокругъ себя станицу, 55
- «Что вдовственной короной королей
 Мой сынъ вѣнчался, чтобъ начать отсюда
 Капетовъ рядъ помазанныхъ костей. 58
- «Пока Провансъ, — не даръ, а злая ссуда—
 Не умертвилъ стыда въ моей крови,
 Мой родъ былъ слабъ, зато не дѣлалъ худа. 61
- «Но тутъ захваты началъ онъ свои
 Творить, какъ тать, и взялъ — чтобъ зло поправить—
 Нормандію, Гасконью и Поньи. 64
- «Карль вторгся къ вамъ и, чтобы зло поправить,
 Свелъ Конрадина въ гробъ, потомъ возвелъ
 Оуму на небо — чтобы зло поправить! 67
- «Я вижу день (и онъ почти пришелъ),
 Какъ Карль другой свершитъ свой подвигъ дикій,
 Чтобъ лучше міръ увѣдалъ, какъ онъ золь,— 70
- «Свершитъ безъ войскъ, съ одной лишь тою пикой,
 Какой разилъ Иуда, и, какъ воръ,
 Флоренцію пронзитъ бѣдой великой. 73
- «Не земли онъ, но грѣхъ лишь и укоръ
 Приобрѣтетъ тѣмъ больше гнусной мѣрой,
 Чѣмъ легче самъ глядитъ на свой позоръ. 76

- «Придетъ Карлъ новый: взятый въ плѣнъ съ галерой, 79
Продастъ онъ дочь, какъ сводникъ, какъ корсаръ,
Торгующій невольницей-гетерой.
- «Какой еще мнѣ, алчность, дашь ударъ, 82
Коль такъ люба моимъ сынамъ суровымъ,
Что плотъ свою пускаютъ ужь въ товаръ?
- «Чтобъ блескъ придать грѣхамъ былымъ и новымъ, 85
И лили въ Аланью зрю приходя
И плѣнъ Христа въ намѣстникъ Христовомъ.
- «Зрю, какъ надъ нимъ глумится вновь народъ; 88
Зрю ѡцетъ съ желчью, подносимый снова,
И средь живыхъ злодѣевъ смерти гнетъ.
- «Зрю новаго Пилата, столько злого. 91
Что, алчные поднявши паруса,
Ворвется въ храмъ безъ Божескаго слова.
- «О, Господи! дождусь ли я часа 94
Отмщенія, и долго-ль ужась мести
Таить Твои намъ будутъ небеса?—
- «То, что я пѣлъ о пресвятой Невѣстѣ 97
Святого Духа и чѣмъ вызванъ ты
Мнѣ предложить вопросъ на этомъ мѣстѣ,—
- «То входитъ намъ въ молитвы и мечты, 100
Покуда день; но пѣснь въ иномъ мы тонѣ
Поемъ всегда съ приходомъ темноты.
- «Тогда поемъ о томъ Пигмаліонѣ, 103
Кто сталъ убійцей, хищникомъ заразы
По алчности ко злату и коронѣ;—
- О томъ, какъ бѣдствовалъ скупой Мидасъ 106
Вслѣдъ за своимъ желаніемъ безумнымъ,
Ставъ навсегда посмѣшищемъ для насъ.

- «И помнимъ объ Аханѣ неразумномъ, 109
 Похитившемъ добычу, такъ что всѣмъ
 Намъ страшенъ гнѣвъ Навиновъ въ кругѣ шумномъ.
- «Винимъ Сафиру съ мужемъ вслѣдъ за тѣмъ, 112
 И чтимъ ударъ копытъ въ Геліодора,
 И всея горѣ сталь Полимнесторъ тѣмъ
- «Постылъ, что предалъ смерти Полидора. 115
 Крикъ, наконецъ, мы слышимъ: «Красеъ, скажи,
 Каковъ на вкусъ прахъ золотого сора?»
- «Мы говоримъ то громко, то въ тиши, 118
 Согласно съ тѣмъ, звучнѣе или глуше
 Льютъ рѣчь изъ насъ волненія души.
- «Но днемъ поютъ здѣсь о добрѣхъ всѣ души; 121
 Случилось же на этотъ разъ, что пѣлъ
 Одинъ лишь я, плѣвивъ тебѣ такъ уши».
- Разставшись съ нимъ, мы шли въ другой предѣлъ, 124
 Преодолѣть стараясь путь съ охотой,
 Насколько силъ намъ выдано въ предѣлѣ.
- Вдругъ дрогнула гора, какъ будто что-то 127
 Обрушилось, и хладъ меня объялъ,
 Какъ тѣхъ, кого ведутъ для эшафота.
- Нѣтъ, вѣрно, такъ и Делось не дрожалъ 130
 (Пока гнѣзда въ немъ не свила Латона),
 Когда два ока неба онъ рождалъ.
- Со всѣхъ сторонъ раздался гулъ отъ стона, 133
 Такъ что мой вождь, приблизившись ко мнѣ,
 Сказалъ: — «Слѣпой! тебѣ я оборона».
- «Gloria in excelsis Deo», — всѣ 136
 Взывали тамъ, насколько я по кликамъ,
 Ближайшимъ къ намъ, разслушать могъ исполнѣ.

- Недвижны, въ страхѣ были мы великомъ, 139
Какъ пастыри, которымъ на землѣ
Тотъ гимнъ воспѣтъ впервые райскимъ ликомъ.
- Тутъ въ путь святой пошли мы по скалѣ, 142
Глядя на сонмъ, къ землѣ приникшій пыльной,
Вернувшійся къ слезамъ своимъ о злѣ.
- И никогда я жаждою столь сильной 145
Не пламенѣлъ до истины достигъ,
Какъ здѣсь, когда источникъ думъ обильный
- Родилъ во мнѣ таинственный тотъ кличъ; 148
Спѣша, не смѣлъ я спросить объ этомъ,
А самъ собой не въ силахъ былъ постичъ
- И, робкій, шелъ я въ думѣ за поэтомъ. 151

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Пятый кругъ: сребролюбивые. — Стаций. — Причина сотрясенія горы. — Встрѣча
Стация съ Виргилиемъ.

- Врожденной жаждой, только тою влагой 1
Въ насъ утоляемой, которой даръ
Быль Самарянкой выпрошенъ, какъ благо: —
- Томился я, и мчалъ усердья жаръ 4
Меня тропой, гдѣ всюду горестъ дышитъ,
И я скорбѣлъ при видѣ Божьихъ каръ.
- И какъ въ пути (о чемъ Лука намъ пишетъ) 7
Христосъ явился двумъ ученикамъ,
Изъ гробовой уже пещеры вышелъ, —
- Вотъ! — вслѣдъ намъ шедшій духъ явился тамъ, 10
Глядя на сонмъ, лежавшій подъ заклатьемъ;
Но сталь намъ виденъ лишь тогда, какъ самъ
- Проговорилъ: — «Да дастъ Господь миръ братьямъ!» 13
Мы оглянулись тотчасъ, и поэтъ,
Пославъ ему привѣтъ руки поднятъемъ.
- Сказалъ ему: — «Въ безсмертный свой совѣтъ 16
Тебя да приметъ съ миромъ Судъ безгрѣшный,
Какъ свергъ меня въ изгнанье вѣчныхъ бѣдъ!»

- «Какъ?» духъ сказалъ, межъ тѣмъ какъ шли мы спѣшно; 19
 «Вамъ Господомъ путь въ гору возбраненъ?
 Кто-жъ васъ, тѣней, привелъ изъ тьмы кромѣшной?»
- И вождь: — «Коль вникъ ты въ смыслъ на немъ письменъ, 22
 Начертанныхъ десницей, входъ брегущей, —
 Поймешь, что быть средь добрыхъ долженъ онъ.
- «Но какъ ему и день и ночь Прядущей 25
 Нить дней еще ведется съ прядки той,
 Гдѣ Клото вьетъ кудель всей твари сущей, —
- «То въ немъ душа, намъ будучи сестрой, 28
 Здѣсь странницей могла-ль быть одинокой,
 Глядя на все не такъ, какъ я съ тобой?»
- «Вотъ почему изъ пасти безднъ широкой 31
 Я взять въ вожди и буду имъ ему,
 Доколь вести здѣсь можетъ умъ высокій.
- «Но объясни, коль можешь, почему 34
 Дрожить гора, и отъ вершинъ до моря
 Чтѣ значить кликъ по Божьему холму?»
- Вопросъ въ мой желанія, — имъ вторя, — 37
 Какъ нить въ ушко иглы попалъ; во мнѣ
 Отъ жажды той ужъ часть отпала горя.
- И духъ: — «Ничѣмъ здѣсь въ Божьей вышинѣ 40
 Не рушится религія святая,
 И все всегда законно въ сей странѣ.
- «Отъ всѣхъ премѣнъ изъять здѣсь воздухъ края, 43
 } Все изъ себя берутъ здѣсь небеса,
 Обычный строй въ семъ мѣрѣ сохраняя.
- «Не падаютъ ни иней, ни роса. 46
 Ни дождь, ни снѣгъ здѣсь выше той поляны.
 Гдѣ тронъ изъ трехъ ступеней поднялся.

- «Здѣсь нѣтъ и тучъ; безвѣстны здѣсь туманы,
Ни молніи; ни Тауманта дщерь,
Что ниже тамъ мѣняетъ часто страны. 49
- «Восходитъ здѣсь и паръ сухой, повѣрь,
Не выше тѣхъ трехъ сказанныхъ ступеней,
Гдѣ Стражъ Петра оберегаетъ дверь. 52
- «Тамъ, можетъ быть, дрожить сильнѣй, иль менѣй 55
Гора по той винѣ, что вѣтръ тамъ скрытъ
Въ землѣ; но выше — нѣтъ землетрясеній.
- «Дрожить здѣсь край, какъ скоро духъ свершитъ 58
Срокъ искуса, и встанеть, иль почуветь
Къ полету мощь, и гимнъ тогда гремитъ.
- «Что срокъ свершенъ, — то воля знаменуетъ; 61
Она, паритъ всегда имѣя даръ,
Объявъ вдругъ душу, крылья ей даруетъ.
- «Паритъ же ей сперва мѣшаетъ жаръ . 64
Желанья, имъ же, какъ влеклась вначалѣ
Къ грѣху, такъ днесъ — къ перенесенью каръ.
- «И я, лежавшій пять вѣковъ въ опалѣ, 67
Лишь вотъ теперь, почуя волю, мчусь
Въ тотъ лучшій міръ, гдѣ болѣ нѣтъ печали.
- «Вотъ почему горы ты видѣлъ трусь, 70
И на горѣ душъ скорбныхъ внять хваленьямъ
Творца, Его-жъ молю, чтобъ снялъ съ нихъ грузъ».
- Такъ онъ сказалъ, и, какъ мы съ наслажденьемъ 73
Тѣмъ большимъ пьемъ, чѣмъ больше жажда въ насъ, —
Такъ былъ я полнъ безмѣрнымъ упоеньемъ.
- И вождь: — «Такъ вотъ та сѣть, что держитъ васъ! 76
Теперь я вижу, что даетъ вамъ волю,
Чѣмъ вызванъ трусь и чѣмъ веселья гласъ.

- «Но кто ты былъ? спросить себѣ позволю;
И почему — скажи мнѣ — пять вѣковъ
Томился ты, прикованный здѣсь къ полю?» 79
- «Въ тѣ дни, какъ Титъ, ведомъ Царемъ міровъ,
За язвы мстилъ, изъ коихъ лицемѣры
Исторгли продану Іудой кровь, — 82
- «Подъ званіемъ, дающимъ честь безъ мѣры,
На свѣтѣ томъ», такъ духъ сказалъ въ отвѣтъ,
«Я славецъ былъ, но жилъ еще безъ вѣры. 85
- «Столь сладостнымъ я духомъ былъ согрѣтъ,
Что мнѣ, тулузцу, Римъ открылъ чертоги,
Гдѣ миртами вѣнчался я, поэтъ. 88
- «Меня зовутъ тамъ Стаціемъ; тревоги
Воспѣлъ я Оливъ, воспѣтъ мной и Ахиллъ;
Но со второй я ношей палъ въ дорогѣ. 91
- «Во мнѣ посѣялъ искру жара пылъ,
Божественный, гдѣ видимъ столько благи мы,
Что свѣтъ его миліоны озарилъ, — 94
- «Пыль Энеиды той, въ ея-жъ стихахъ мы
Имѣли мать, и няньку иногда, — 97
Безъ нихъ нашъ трудъ не вѣсилъ бы и драхмы.
- «И для того, чтобъ въ вѣкѣ жить, когда 100
Виргилій жилъ, я-бъ лишній годъ согласенъ
Былъ здѣсь пробить подъ узами суда!»
- Виргилій тутъ вперилъ свой взоръ, безгласенъ. 103
Въ меня, мнѣ знакомъ повелѣлъ молчать;
Но трудъ у насъ надъ волею напрасенъ:
- Смѣхъ и слеза умѣютъ выступать 106
За вызовомъ ихъ быстро такъ, что тщетны
Усилья прямодушныхъ ихъ сдержать.

- Я улынулся, какъ бы въ знакъ отвѣтнй. 109
И бросилъ взоръ мнѣ Стаціи, смолкшій вмигъ.
Въ глаза, гдѣ въ насъ всѣ помыслы замѣтны.
- «О если хочешь, чтобъ ты въ рай проникъ, 112
Зачѣмъ, скажи, таеъ молніей улыбки»,
Онъ спросилъ, «твой озарился ликъ?»
- Молчать, иль нѣтъ? Борясь, какъ парусъ зыбкій 115
Межъ двухъ противныхъ вѣтровъ, я вздыхалъ,
И вздохомъ смыслъ былъ понять безъ ошибки
- Вождемъ моимъ: — «Не бойся!» онъ сказалъ, 118
«Открой ему все то, чего боишься
Открыть, чтобъ онъ не тщетно вопрошалъ».
- И я затѣмъ: — «Быть можетъ, ты дивишься, 121
О древній духъ, улыбокъ устъ моихъ;
Но ты сейчасъ и больше изумишься.
- «Тотъ, кто возвелъ мой взоръ до граней сихъ, 124
И есть Виргилій, у кого пріялъ ты
Всю мощъ воспѣтъ небесныхъ и земныхъ!
- «Коль смыслъ другой моей улыбокъ далъ ты, — 127
Разсѣй обманъ, и знай, что ей виной
Лишь только то, что здѣсь о немъ сказалъ ты».
- Ужь онъ припалъ, чтобъ обхватить рукой 130
Ему колѣна; но мой вождь: — «Братъ милый!
Оставь; ты тѣнь, и тѣнь передъ тобой».
- И онъ, вставая: — «Здѣсь пойми всѣ силы 133
Любви моей, коль до того забылъ
Я нашу призрачность, что тѣнь могилы
- «Обнять тебя, какъ тѣло, тщетно мнилъ». 136

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Подъемъ въ шестой кругъ. — Стацій, его грѣхъ и обращеніе въ христіанство. — Знаменитые люди древности въ Лимбѣ. — Шестой кругъ; чревоугодники. — Мистическое дерево. — Примѣры воздержанія.

- Ужъ Ангелъ Божій сзади насъ остался, — 1
Тотъ Ангелъ, что въ шестую вводитъ высь,
И знакъ съ меня еще при этомъ снялся.
- И тѣхъ, что сердцемъ Правдѣ предались. 4
Онъ назвалъ намъ: «Beati»; но глаголы
На sitiunt внезапно прервались.
- И легче здѣсь, чѣмъ въ пройденные доли, 7
Я восходилъ, и мнѣ стремиться вслѣдъ
Тѣхъ легкихъ душъ ужъ не было трудъ тяжелый.
- «Мы любимъ тѣхъ», такъ началъ мой поэтъ, 10
Въ комъ къ намъ горитъ любовь безъ лицемѣрья,
Коль скоро жаръ ихъ выказанъ на свѣтъ.
- «Такъ я, — лишь въ глубь геенскаго предверья 13
Вѣсть Ювеналъ принеси мнѣ о твоей
Любви ко мнѣ, — предался, полнъ довѣрья,
- «Тебѣ душой: вѣдь можно намъ людей 16
Заочно причислять къ родному кругу...
И жалко мнѣ, что путь здѣсь не длиннѣй.

- «Но объясни, и мнѣ прости, какъ другу, 19
 Коль будетъ мной ослаблена узда
 Рѣчей, — и мнѣ окажешь тѣмъ услугу:
- «Какъ могъ впустить ты скупость безъ стыда 22
 Во грудь свою, при мудрости толикой,
 Такъ развитой при помощи труда?»
- Съ улыбкой легкой Стацій свѣтлоликій 25
 Отвѣтилъ такъ: — «Глаголь мнѣ каждый твой —
 Залогъ любви, о нашъ цѣвецъ великій.
- «Какъ часто видимъ вещи предъ собой, 28
 Влекуція къ сомнѣнью умъ тревожный
 Отъ истинныхъ причинъ ихъ, скрытыхъ мглой!
- «Ты, видя кругъ, гдѣ былъ я, — выводъ ложный, 31
 Какъ кажется, изъ этого извлечь,
 Что будто я былъ злата рабъ ничтожный.
- «О, нѣтъ! повѣрь, я слишкомъ былъ далекъ 34
 Отъ скупости; на много-жъ лунныхъ сроковъ
 За грѣхъ иной Господь меня обрекъ.
- «И не возстань я отъ святыхъ уроковъ. 37
 Тобой преподанныхъ, когда, къ стыду
 Людей, взывалъ ты противъ ихъ пороковъ,
- «Сказавъ: «Въ какую ты влечешь бѣду, 40
 О, проклятая алчность смертныхъ къ злату!»
 Вращая камни, дрался-бъ я въ аду.
- «Лишь тутъ понявъ, какъ тянетъ насъ къ разврату 43
 Рукъ нашихъ ненасытность, — много слезъ
 Тамъ пролилъ я за добрыхъ чувствъ утрату.
- «О! сколько мертвыхъ встанетъ безъ волосъ 46
 На головахъ за то, что такъ упрямо
 Въ томъ злѣ коснѣли вплоть до смертныхъ грозъ!

- «Коль грѣхъ какой противорѣчить прямо 49
Другому свойствомъ, — знай, онъ рядомъ съ нимъ
Здѣсь долженъ сохнуть въ казни той же самой,
- «И коль мой грѣхъ былъ въ томъ кругу казнимъ, 52
Гдѣ родъ скупцовъ слезами платитъ дани,
То лишь затѣмъ, что такъ противенъ имъ».
- «Но въ томъ, что братьевъ двухъ жестокихъ брани — 55
Двойную скорбь Иокасты — ты воспѣлъ»,
Спросилъ творецъ пастушескихъ сказаній,
- «И въ томъ, что лирой Клію ты гремѣлъ, 58
Не видимъ мы, чтобъ вѣра просвѣтила
Твой умъ, а безъ того нѣтъ добрыхъ дѣлъ.
- «Какое-жъ солнце, или чьи свѣтила 61
Такъ разогнали мракъ твой, что развилъ
Ты вслѣдъ за Рыбаремъ свои вѣтрила?»
- И онъ ему:—«Ты первый мнѣ открылъ 64
Къ Парнасу путь, къ священнымъ Музъ бесѣдамъ;
Ты первый мнѣ о Богѣ мысль внушилъ.
- «Ты поступалъ, какъ тотъ, кто въ ночь, невѣдомъ, 67
Самъ въ мракѣ, — сзади свѣточъ свой несетъ
И свѣтитъ всѣмъ, за нимъ идущимъ слѣдомъ,
- «Когда ты пѣлъ: «Вѣкъ новый настаеть; 70
Вернулась Правда, міръ ужъ не туманенъ,
И съ неба къ намъ нисходитъ юный родъ!»
- «Тобой, поэтъ, тобой я христіанинъ! 73
Но въ краски окунуть я кисть горю
Желаньемъ, чтобъ рассказъ мой не былъ страненъ.
- «На цѣлый міръ ужъ разливалъ зарю 76
Свѣтъ чистой вѣры, сѣмой посламп.
Покорными ихъ вѣчному Царю.

- «И новая ихъ проповѣдь съ словами 79
Твоими такъ была во всемъ сходна,
Что тѣхъ пословъ я сталъ считать друзьями.
- «И были святы мнѣ ихъ имена; 82
Когда-жъ томилъ Домиціанъ ихъ въ плѣ,—
Я не безъ слезъ сносилъ ихъ бремена
- «И помогаль имъ несть цѣпей вериги. 85
Покуда жилъ, ихъ вѣры благодать
Превознося превыше всѣхъ религій.
- «И прежде чѣмъ ввелъ въ Оивы грековъ рать, 88
Крестился я; но, робкому поэту,
Мнѣ страхъ велѣлъ религію скрывать,
- «Язычникомъ на видъ являясь свѣту. 91
И, вотъ, я больше четырехъ вѣковъ
Въ кругу четвертомъ былъ за слабость эту.
- «Теперь и ты, поднявшій мнѣ покровъ 94
Со сказанныхъ тѣхъ благъ,— скажи по чести,
Пока не весь прошли мы этотъ ровъ,—
- «Не знаешь ли: гдѣ другъ Теренцій вмѣстѣ 97
Съ Цециліемъ? Гдѣ Плавтъ? Варронъ? Страшусь,—
Въ аду они! но гдѣ? въ какомъ тамъ мѣстѣ?»
- «Они, и я, и Персій — весь союзъ 100
Пѣвцовъ», отвѣтилъ вождь, «мы всѣ вокругъ Грека,
Что млекою вскормленъ былъ рукою Музы.—
- «Всѣ въ первомъ кругѣ тюремъ слѣпыхъ отъ вѣка! 103
Тамъ часто рѣчь ведемъ мы о скалѣ —
Обители кормилицъ человѣка.
- «Тамъ Еврипидъ и Антифонъ! Въ числѣ 106
Другихъ тамъ грековъ тѣни — Агатона
И Симоида съ лавромъ на челѣ.

- «Изъ героннь твоихъ тамъ Антигона,
Дейфила, Аргія и до сихъ поръ
Печальная Исмена. Тамъ — матрона, 109
- «Что указала ключъ Лангійскій съ горъ;
Тамъ дочь Терезія съ Ѳетидой вкупѣ
И Дейдамія посреди сестеръ». 112
- Ужъ два поэта, смолкнувъ на уступѣ,
Вкругъ озирались, выведя меня
Ущельемъ къ новой кающихся купѣ. 115
- И отошли ужъ изъ прислужницъ дня 118
Четыре вспять, и пятая предстала,
Подъемя кверху дышло изъ огня,—
- Когда мой вождь: — «Я думаю, сначала 121
Плечомъ должно намъ вправо повернуть
Къ окраинѣ, какъ дѣлали бывало».
- И навикъ насъ не могъ ужъ обмануть — 124
Мы смѣло шли, тѣмъ болѣ безъ смущенья,
Что Стацій самъ одобрилъ этотъ путь.
- Они шли впереди и, полнъ смиренья, 127
Я вслѣдъ одинъ подъ говоръ рѣчи ихъ,
Учась отъ нихъ искусству пѣснопѣнья.
- Но сладостный ихъ голосъ вдругъ притихъ 130
Предъ деревомъ, стоявшимъ средъ тропины,—
Все въ яблкахъ душисто-золотыхъ.
- Какъ ель отъ вѣтви къ вѣтви до вершины 133
Сужается,— сужалось это внизъ,
Чтобъ вверхъ не смѣлъ подняться ни единый.
- Съ той стороны, гдѣ загражденъ карнизъ, 136
Свергался съ горъ ключъ чистый въ блескѣ свѣта,
И на листву струи его лились.

- Лишь подошли ко древу два поэта, 139
Какъ чья-то рѣчь изъ листьевъ раздалась:
— «Нужна для васъ впредь будетъ пища эта».
- Потомъ: — «Марія болѣе пеклась 142
О честномъ брачномъ пирѣ, чѣмъ о пищѣ
Для устъ своихъ, молящихся о васъ.
- «И не было питья вкуснѣй и чище 145
Воды для римлянокъ, и Даніилъ,
Гнушаясь яствъ, снискалъ небесъ жилище.
- «Блескъ золота вѣкъ первый всюду лилъ: 148
Вкусъ желудей не мнилъся зломъ толикимъ,
И каждый ключъ, какъ нектаръ, сладокъ былъ.
- «Акридами пустынь и медомъ дикимъ 151
Креститель вашъ питался, чтобъ потомъ
Явиться въ міръ столь славнымъ и великимъ,
- «Какъ говоритъ Евангелъе о томъ». 154
-

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Шестой кругъ: чревоугодники. — Форезе Донати. — Нелла. — Флорентинки.

- Межъ тѣмъ какъ взоромъ я блуждалъ по кровлѣ 1
Густой листвы, какъ любить дѣлать тотъ,
Кто жизнь свою проводитъ въ иташекъ ловлѣ, —
- Мнѣ большій, чѣмъ отецъ, сказалъ — «Впередъ! 4
Не трать, мой сынъ, безъ пользы ни мгновенья
Изъ даннаго намъ срока на обходъ».
- Я взоръ и шагъ направилъ, полный рвенья, 7
Къ двумъ мудрецамъ, что разговоръ вели
Такой, что забывалъ я утомленье.
- Вдругъ слышу плачь и нѣнѣ вдали: 10
«Lalia mea» — съ тѣмъ унылымъ тономъ,
Что слухъ въ восторгъ и жалость привели.
- «Кто тамъ поетъ, отецъ мой, съ тяжкимъ стономъ?» 13
Такъ я; и вождь: — «То тѣни тамъ поютъ,
Быть можетъ, долгъ платя передъ закономъ».
- Какъ путники задумчиво идутъ 16
И озираютъ, торопясь, въ дорогѣ
Обогнанный имъ незнакомый людъ, —

- Такъ молча сонмъ тѣней, въ мечтахъ о Богѣ, 19
 То обогнавъ, то нагоня насъ,
 Насъ озираетъ, но въ большей лишь тревогѣ.
- Темно и пусто было въ ямахъ глазъ, 22
 А въ лицахъ блѣдность съ худобой столь страшной,
 Что съ черепомъ вся кожа ихъ срослась.
- Такъ, думаю, не высохъ безшабашный 25
 Эрихтонъ, ставъ кожей лишь одной
 Отъ голода, когда онъ съѣлъ все брашно.
- «Вотъ», думалъ я, «сгубившіе святой 28
 Ерусалимъ, средь страшнаго разгрома
 Гдѣ склеванъ былъ Маріей сынъ родной!»
- Безъ камней перстни — ихъ глаза! Знакомой 31
 Казалась бы въ чертахъ ихъ буква М
 Тѣмъ, кто въ лицѣ людей читаетъ ОМО.
- И кто-бъ повѣрилъ, что въ народѣ семъ 34
 Духъ яблока и плескъ воды прозрачной
 Рождалъ томленье? И кто скажетъ: чѣмъ?
- Еще дивился я толпѣ той мрачной, 37
 Въ полнѣйшемъ бывъ невѣдѣнны причинѣ
 Ихъ худобы и чахлости невзрачной, —
- Какъ вотъ, въ меня уставя изъ глубинъ 40
 Ламъ черепа недвижный взоръ печальный, —
 — «Откуда милость мнѣ!» — вскричалъ одинъ.
- Кто-бъ ликъ его узналъ первоначальный? 43
 Но тотчасъ я по голосу постигъ,
 Кого таилъ тотъ видъ многострадаальный.
- Какъ будто искра мнѣ зажгла въ тотъ мигъ 46
 О другѣ память, и призналъ я сразу
 Въ нѣмыхъ чертахъ Форезе добрый ликъ.

- «О! не гляди», молилъ онъ, «на проказу,
 Покрывшую мнѣ кожу, словно ржа,
 Такъ плоть сожравъ, что видъ мой страшень глазу!» 49
- «Но, о себѣ самомъ мнѣ рѣчь держа, — 52
 Кто здѣсь вожди твои — тѣ души обѣ,
 Мнѣ расскажи, лишь правдой дорожа».
- «Твой ликъ, ужъ мной оплаканный во гробѣ,
 До слезъ меня еще растрогалъ разъ!» 55
 Сказалъ я, чуя скорбь въ его утробѣ;
- «Молю-жь Творцомъ, скажи, что сушить васъ?
 Пока дивлюсь, не жди себѣ отвѣта:
 Полнъ думъ иныхъ, могу-ль начать рассказъ?» 58
- И онъ въ отвѣтъ: — «Изъ вѣчнаго Совѣта 61
 Мощь въ древо то и въ тѣ потоки водъ
 Нисходитъ — и отъ нихъ въ насъ чахлость эта.
- «И весь поющій тутъ въ слезахъ народъ, 64
 Грѣхъ очищая въ жаждѣ, въ мукахъ глада, —
 Грѣхъ сластолюбья, — святость познаеть.
- «Алкать и жаждать мы должны отъ взгляда 67
 На яблоки, на блескъ потоковъ тѣхъ,
 Что льются сверху съ шумомъ водопада.
- «И каждый разъ, какъ нашъ свершится бѣгъ, 70
 Мы къ новому стремимся мукъ условью:
 Мукъ — я сказалъ; сказать бы мнѣ — утѣхъ!
- «И къ дереву спѣшимъ мы съ той любовью, 73
 Съ какой Христосъ шелъ возопить: «Илї!»
 Когда Своей Онъ искупилъ насъ кровью».
- И я: — «Со дня, Форезе, какъ съ земли 76
 Ты перешелъ въ міръ лучшій — къ симъ чертогамъ,
 Досель не всё еще пять лѣтъ прошли.

- «И если тамъ по грѣшнымъ брестъ дорогамъ 79
Ты кончилъ прежде, чѣмъ пришла чреда
Благой той скорби, что мирить насъ съ Богомъ,---
- «То какъ проникъ такъ скоро ты сюда? 82
Я мнилъ тебя тамъ встрѣтить, гдѣ годами
Мы платимъ за грѣховные года».
- И онъ: — «Внесенъ надъ прочими кругами 85
Испить мученій сладкую полынь
Я горькими моею вдовы слезами:
- «Молитвой Неллы, полной благостынь, 88
Бывъ взять съ береговъ, гдѣ души ждуть въ томлени,
Я мукъ избѣи всѣхъ остальныхъ твердынь.
- «И тѣмъ щедрѣй Господь въ благоволеньи 91
Къ моему вдовицѣ, радости моему,
Чѣмъ рѣже зримъ мы женъ въ благотвореньи.
- «Въ Барбаджии Сардинской вѣдь скромнѣй. 94
Стыдливѣе нарядъ на женскомъ полѣ,
Чѣмъ въ той Барбаджѣ, гдѣ мы жили съ ней!
- «О, милый братъ мой! Что-жъ сказать мнѣ болѣ? 97
Уже въ виду передо мною часъ
(И ждать уже недалеко дотолѣ),
- «Когда въ церквахъ дадутъ съ каедръ приказъ, 100
Чтобъ запретить безстыжимъ флорентинкамъ
Вездѣ ходить съ грудями напоказъ.
- «Какимъ дикаркамъ или сарацинкамъ 103
Законъ потребенъ, свѣтскій или иной,
Чтобъ не таскались нагишомъ по рынкамъ?
- «Но еслибъ зналъ безстыдницъ легкій рой, 106
Какіе рокъ имъ приготовить шутки,—
Давно-бъ онѣ подняли страшный вой.

- «И скорбь придетъ — коль мы предвидѣть чутки,
Скорѣй, чѣмъ пухъ покроетъ щки тѣмъ,
Кому на сонъ поютъ тамъ прибаутки. 109»
- «Но, братъ, не будь къ молениямъ долѣ нѣмъ: 112
Не я одинъ, но вотъ — все наше племя
Глядитъ туда, гдѣ свѣтъ погасъ совсѣмъ.»
- И я ему: — «Припомниная время, 115
Чѣмъ я тебѣ, чѣмъ ты мнѣ былъ, — въ груди
Ты мукъ своихъ лишь тѣмъ умножишь бремя.»
- «Изъ жизни той вотъ тѣмъ, что впереди, 118
Я выведенъ, когда вамъ круглолицей
Являлась здѣсь сестра того — гляди...»
- (Онъ солнцу указалъ). Меня темницей 121
Средь истинныхъ провелъ онъ мертвецовъ
Съ сей плотью истинной, грѣховъ должницей.»
- «Испедь оттуда, онъ мнѣ былъ покровъ, 124
Всходя, кружась здѣсь по горѣ, что править
Васъ, сгорбленныхъ въ томъ мѣрѣ отъ грѣховъ.»
- «Но въ семь пути меня онъ лишь направить 127
До Беатриче, гдѣ, какъ мнѣ сказалъ,
Разстанется и съ ней меня оставить.»
- «Виргилій то — мой вождь (и указалъ 130
Я на него). А эта тѣнь другая —
Тотъ, для кого все царство вашихъ скалъ»
- «Днесь потряслось, родивъ его для рая.» 133

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Шестой кругъ: чревоугодники.— Форезе Донати.— Пиккарда.— Бонаджюнта
Урбачьяни.— Папа Мартинъ IV.— Убальдинъ делла Пила.— Бонифаціо.— Мес-
серъ Маркезе.— Джентукка.— Корсо Донати.— Второе мистическое дерево.—
Примѣры неумѣренности.— Ангель воздержанія.

- Бесѣда наша не мѣшала ходу, 1
Ни ходъ бесѣдъ; быстро на обрывъ
Мы шли, какъ челнъ въ хорошую погоду.
- И, взоръ въ меня изъ впадинъ глазъ вперишь, 4
Сонмъ мертвецовъ, умершихъ какъ бы снова,
Дивился мнѣ, примѣтя, что я живъ.
- И я сказалъ, не прерывая слова: 7
— «Она, быть можетъ, тише, чѣмъ должна,
Стремится вверхъ, въ угоду для другого.
- «Но что Пиккарда? гдѣ теперь она? 10
И чье. скажи, здѣсь имя всѣхъ отличнѣй
Въ густой толпѣ, что мной такъ смущена?»
- «Сестра — не знаю, что мнѣ въ ней приличнѣй 13
Хвалить: красу иль кротость — на святомъ
Олимпѣ днесъ въ обители Владычней».
- Такъ онъ сперва сказалъ мнѣ, а потомъ: 16
— «Дать имена здѣсь можно всѣмъ скитальцамъ,
Такъ образъ нашъ здѣсь искаженъ постомъ!

- «Вотъ этотъ духъ» — и указаль онъ пальцемъ — 19
 «Бонаджіонть изъ Лукки. Вонъ, смотри,
 Вотъ тотъ, что смотритъ больше всѣхъ страдальцемъ,
- «Держаль святую церковь на земли. 22
 Изъ Тура онъ, и здѣсь постится въ горѣ
 За васъ, въ винѣ больсенскіе угри».
- Онъ указаль мнѣ и другихъ въ томъ сборѣ, 25
 Чѣмъ были всѣ довольны; ни одинъ
 Не выказаль угрюмости во взорѣ.
- Здѣсь скрежеталь голодный Убальдинъ 28
 Съ тѣмъ Бонифаціемъ, что пасъ однажды
 Жезломъ духовнымъ множество общинъ.
- Здѣсь былъ мессеръ Маркезе, что день каждый 31
 Былъ пьянъ въ Форли; но такъ неутолимъ
 Былъ жаръ его, что все страдалъ отъ жажды.
- Но какъ, глядя на многихъ, лишь къ однимъ 34
 Мы сердцемъ льнемъ, — такъ я къ пѣвцу изъ Лукки
 Льнулъ, бывъ ему знакомѣй, чѣмъ другимъ.
- Онъ мнѣ шепталъ, и тамъ, гдѣ Божьей музѣ 37
 Терпѣль онъ скорбь, чтобъ тѣломъ изнывать,
 Мнѣ имя слышалось какъ бы Джентукки.
- И я: — «О духъ! коль хочешь ты начать 40
 Со мною рѣчь, то пусть языкъ твой броситъ
 Шептать слова, чтобъ могъ я ихъ понять».
- И онъ: — «Есть дѣва и еще не носитъ 43
 Повязки женъ: полюбишь за нее
 Ты городъ мой, хотъ всякъ его поносить.
- «Въ немъ вспомнишь ты пророчество мое; 46
 А коль уста мои темно шептали,
 То все поймешь, увидѣвши ее.

- «Но объясни: я вижу не творца ли
Новѣйшихъ рпомъ? не ты ли пѣлъ: «Спрошу,
О донны, васъ, что жаръ любви познали!» 49
- И я ему: — «Я тотъ, что лишь пишу
По вдохновенью страсти, и что скажетъ
Душѣ любовь, то въ стихъ я заносу.» 52
- И онъ: — «О братъ! вотъ узелъ, что такъ вяжетъ
Нотарія, Гвиттона и меня;
Вотъ то, что нѣжнымъ новымъ стилъ намъ кажетъ.» 55
- «Перо у васъ, лишь истину цѣня,
Покорствуешь одной любви внушеньямъ;
Но мы бѣжали отъ ея огня.» 58
- «А кто идетъ не этимъ направленьемъ,
Не видитъ тотъ прекраснаго границъ».
И онъ замолкъ съ замѣтнымъ наслажденьемъ.» 61
- Какъ на зимовье къ Нилу, сталъ птицъ
Сперва собираются въ большое стадо,
Потомъ несутся въ видѣ вереницъ, — 64
- Такъ бывшія со мною Божьи чада,
Вдругъ повернувъ, пустились снова въ путь,
Ставъ легкими по волѣ и отъ глада.» 67
- И какъ иной, бѣжать измученъ въ круть,
Со спутниками шествуетъ не кряду,
А сзади, чтобъ дать легкимъ отдохнуть, — 70
- Такъ, давъ пройти тому святому стаду.
Со мной Форезе сзади шелъ и рекъ:
— «Когда-жъ узрю тебя, мою отраду?» 73
- И я: — «Не знаю, кратокъ ли мой вѣкъ;
Но, какъ бы ни былъ кратокъ онъ, — а все же
Еще-бъ скорѣй я къ вамъ бѣжалъ на брегъ!» 76

- «Затѣмъ что градъ, гдѣ жребій далъ мнѣ ложе,
 Что день, то больше гасить правды свѣтъ,
 И обреченъ Тобой на гибель, Боже!» 79
- И духъ: — «Утѣшься! злой виновникъ бѣдъ 82
 Ужъ на хвостѣ коня стремглавъ влечется
 Къ долину той, гдѣ отпущенья нѣтъ.
- «И съ каждымъ скокомъ все быстрѣй неѣтся 85
 Свирѣпый звѣрь, чтобъ свергнуть въ адскій долъ
 Того, чей трупъ безславно тамъ прострется.
- «Кругъ этихъ сферъ» (и вверхъ онъ взоръ возвелъ) 88
 «Не весь свершится, какъ поймешь (коль зорокъ!)
 Все, чтѣ сказать возможнымъ я не счелъ.
- «Прощай! Въ семь царствѣ каждый мигъ намъ дорогъ; 91
 Идя-жь съ тобой, я слишкомъ отстаю,
 И должно мигъ бѣжать безъ отговорокъ».
- Какъ конь выносить во всю прыть свою 94
 Наѣздника изъ скачущаго строя,
 Чтѣбъ честь ему дать первымъ быть въ бою, —
- Такъ съ нами онъ разстался, бѣгъ удвоя, 97
 И я въ пути остался подлѣ двухъ.
 Прославившихъ весь мѣръ, какъ два героя.
- Когда-жь отъ насъ бѣжалъ настолько духъ, 100
 Что могъ слѣдить за нимъ я лишь глазами.
 Какъ рѣчь его предъ тѣмъ слѣдилъ мой слухъ, —
- Вдругъ вижу я: стоитъ, полна плодами. 103
 Другая яблонь — подлѣ, ибо къ ней
 Глаза мои тутъ повернулись сами.
- Поднявши руки, множество тѣней. 106
 Прося о чемъ-то, къ дереву взываетъ:
 Такъ молить рой несмысленныхъ дѣтей;

- Но тотъ. кого толпа ихъ умоляетъ. 109
 Молчить, держа высоко цѣль ихъ грезъ,
 И этимъ ихъ лишь пуце разжигаетъ.
- Потомъ, въ слезахъ, собранье разошлось, 112
 И подошли къ громадному мы древу,
 Отвергнутому такъ много просьбъ и слёзъ.
- «Идите дальше! Древо то, что Еву 115
 Прельстило, — выше къ небу поднято,
 А здѣсь его лишь отпрыскъ». Такъ напѣву
- Внимали мы, не зная, пѣль намъ кто 118
 Въ листвѣ, и у скалы мы шли всѣ трое,
 Виргилій, я и Стацій, слыша то.
- «Припомните». рекъ голосъ, «проклятое 121
 Исчадье тучъ, что съ грудью нелюдской
 Вступило въ споръ съ Тезеемъ въ пьяномъ строѣ.
- «И тѣхъ евреевъ, коихъ не взялъ въ бой 124
 Съ собою Гедеонъ на мадіамлянъ
 За то, что такъ рвались на водопой».
- Такъ краемъ, имъ же сей карнизъ обрамленъ, 127
 Мы шли, внимая повѣстямъ о томъ,
 Какъ сластолюбцевъ грѣхъ бывалъ посямленъ.
- На путь пустынный выступя потомъ, 130
 Мы съ тысячу шаговъ прошли въ угрюмомъ
 Молчаніи и въ помыслѣ святомъ.
- «Куда идете, такъ предавшись думамъ?» 133
 Раздался голосъ. Весь я задрожалъ,
 Какъ конь, испуганный внезапнымъ шумомъ.
- Я поднялъ взоръ къ тому, кто такъ вѣщалъ. 136
 И никогда въ горну столь ярко-краснымъ
 Не можетъ быть стекло или металлъ.

- Какъ тотъ, кто рекъ намъ: — «Если къ высямъ яснымъ 139
 Спѣшите вы, то надо здѣсь свернуть;
 Идите-жь съ миромъ тутъ къ странамъ прекраснымъ».
- Онъ такъ сіялъ, что я не могъ взглянуть, 142
 И взоръ отвелъ я свой къ моимъ вожатымъ,
 Какъ тотъ, кто ищетъ лишь по слуху путь.
- И какъ, зари предвѣстникъ, предъ возвратомъ 145
 Къ намъ солнца майскій шелеститъ зефиръ,
 Цвѣтовъ и травъ унитанъ ароматомъ, —
- Такъ на чело струился мнѣ эфиръ, 148
 И я почувствовалъ, какъ крылья взмахомъ
 Наполнили амброзіей весь міръ.
- И гласъ вѣщаль: — «Блаженъ, кто Божьимъ страхомъ 151
 Такъ озаренъ, что сладостью земной
 Отборныхъ яствъ гнушается, какъ прахомъ.
- «И алчетъ сердцемъ Правды лишь одной». 154

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Подъемъ въ седьмой кругъ. — Теорія зарожденія челоѣка. — Надѣленіе тѣла душою. — Безплотныя тѣла по смерти. — Седьмой кругъ: сладострастные. — При-
мѣры цѣломудрія.

- Часть требоваль не медлить по наклону 1
Горы: ужъ солнцемъ былъ полдневный кругъ
Отданъ Тельцу, а полночь — Скорпіону.
- И потому какъ тѣ, кто во весь духъ 4
Спѣшатъ, бояться не давая взору
(Такъ побуждаетъ въ путь ихъ недосугъ), —
- Мы чрезъ ущелье поднимались въ гору 7
Другъ другу велѣдъ по лѣстницѣ крутой,
Гдѣ въ рядъ идти намъ не было простору;
- И какъ для взлета аистъ молодой 10
Подъемлетъ крылья, по, съ гнѣзда родного
Боясь слетѣть, садится на покой, —
- Такъ вспыхивалъ во мнѣ и гаснулъ снова 13
Порывъ желанія спросить пѣвца.
Я дѣлалъ видъ, какъ бы ищу я слова.
- Мы быстро шли; но скрыться отъ отца 16
Не могъ мой видъ. — «Спусти лукъ слова, если
Ужъ дотянуль стрѣлу до копейца!»

- Такъ онъ. И рѣчи вдругъ во мнѣ воскресли. 19
 И началъ я:—«Зачѣмъ тутъ имъ худѣть?
 На пищу зовъ замолкнулъ здѣсь не весь ли?»
- И онъ:— «Припомни то, какъ могъ истлѣть 22
 Царь Мелеагръ, лишь плаха догорѣла.
 И— горькою не будетъ эта снѣдь.
- И вдумайся, какъ всѣ движенья тѣла 25
 Передаются въ зеркаль стекломъ.
 И для тебя смягчится твердость дѣла.
- Но, чтобъ яснѣй ты понялъ то умомъ. 28
 Вотъ Стацій здѣсь. и я къ нему взываю,
 Моля его быть ранъ твоихъ врачомъ».
- И Стацій:— «Если предъ тобой дерзаю 31
 Я здѣсь раскрыть судъ вѣчный. то затѣмъ.
 Что отказать тебѣ я не желаю».
- И началъ такъ:— «Когда мышленьемъ всѣмъ 34
 Ты выкинешь. сынъ. въ слова мои, - прольется
 Великій свѣтъ на твой вопросъ: зачѣмъ?»
- «Кровь лучшая, что въ вены не всосется, 37
 Ставь лишнею, нейдущею въ обмѣнъ.
 Какъ пища та, что со стола берется, —
- «Пріемлетъ въ сердцѣ силу, каждый членъ 40
 Творящую, — подобно той, какую
 Несетъ, питая члены, кровь изъ венъ.
- «И въ органы (я ихъ не именую) 43
 Ниспедъ потомъ, очищенная вновь,
 Въ сосудъ природный каплетъ въ кровь чужую.
- «Когда въ одну слились два тока кровь. 46
 Одинъ — страдать, другой — творить готовый
 (Такъ важенъ ключъ, отколъ ихъ мчитъ любовь!),—

- «Кровь приступаетъ къ дѣлу съ силой новой, 49
Сперва сгущаетъ. послѣ же собой
Животворить матеріаль суровый.
- «Активная тутъ сила, ставъ душой, 52
Отличной въ томъ лишь отъ души растенья,
Что та въ пути, а этой данъ покой, —
- «Приобрѣтаетъ чувства и движенья, 55
Какъ грибокъ морской, и силамъ, бывшимъ въ ней
Въ зародышѣ, даетъ приспособленья.
- «Теперь-то, сынъ мой, и творить сильнѣй 58
Мощь, данная рождающаго сердцемъ,
Гдѣ скрытъ природой планъ и смыслъ частей.
- «Но, какъ зародышъ можетъ стать младенцемъ 61
Еще неясно: ужъ таковъ предметъ!
Тутъ бывшій и умнѣй, чѣмъ ты, безвѣрцемъ,
- «Блуждалъ, уча въ томъ смыслѣ цѣлый свѣтъ, 64
Что нѣтъ въ душѣ разумности возможной,
Затѣмъ что въ ней къ тому орудья нѣтъ.
- «Но умъ открой ты правдѣ непреложной 67
И знай: едва въ зародышѣ свершить
Свое развитие мозгъ для цѣли сложной, —
- «Ужъ Первый Двигатель къ нему спѣшитъ, 70
Какъ къ торжеству природы, и вдыхаетъ
Духъ новый. Духъ же все, что онъ ни зреть
- «Активного въ душѣ, воспринимаетъ 73
Въ свою субстанцію и, сливъ въ одно,
Живеть полнъ чувствъ, себя въ себѣ вращаетъ.
- «А чтобъ тебѣ то было не темно, 76
Взгляни, мой сынъ, какъ солнца жаръ, сляпанный
Со влагой гроздй, создаетъ вино.

- «Когда-жъ срядеть Лахезисъ лень, ей данный,
Духъ, съ тѣломъ разлучась, уносить прочь
Въ зародышѣ земной даръ и небесный. 79
- «Другія силы всѣ объемлетъ ночь;
Зато разумокъ съ памятью и воля
Еще сильнѣй свою являютъ мочь. 82
- «Спѣшитъ душа, сама себя неволя,
Чудесно пасть на тотъ иль этотъ брегъ,
Гдѣ и пойметъ, какой избрать кругъ поля. 85
- «Какъ скоро мѣстомъ ей очерченъ бѣгъ,
Изъ ней лучи исходятъ въ мѣстѣ этомъ,
Какъ изъ живого тѣла въ прежній вѣкъ. 88
- «И словно воздухъ въ день дождливый лѣтомъ
Отъ преломленья чуждыхъ въ немъ лучей
Изукрашается различнымъ цвѣтомъ, 91
- «Такъ здѣсь пріемлетъ воздухъ ближній къ ней
Тотъ видъ, въ какомъ духовно отразится
Душа, достигнувъ области своей. 94
- «И сходно съ тѣмъ, какъ пламя всюду мчится
За свѣточемъ, пока онъ не потушь, —
Такъ новый призракъ за душой стремится. 97
- «Ставь черезъ это видимымъ, ужъ духъ 100
Зовется тѣнью; это-жъ образуетъ
И чувства въ немъ, какъ зрѣніе и слухъ.
- «Вотъ потому-то вздохъ намъ грудь волнуетъ; 103
Вотъ потому мы плачемъ, говоримъ,
Какъ здѣсь гора повсюду показываетъ.
- «Смотря, какимъ желаніемъ горимъ, 106
Такой и образъ мы пріемлемъ, тѣни;
И вотъ отвѣтъ сомнѣніямъ твоимъ».

- Ужъ мы пришли въ послѣдній кругъ мученій 109
И, повернувъ направо, занялись
Заботою иной на той ступени.
- Здѣсь полымемъ съ утеса пышетъ внизъ, 112
Съ карниза-жъ вѣтеръ дуетъ вверхъ, склоняя
Огонь назадъ, чтобъ защитить карнизъ;
- Такъ что мы шли, другъ другу вслѣдъ ступая, 115
Окраиной, и я страшился: тамъ
Попастъ въ огонь, а здѣсь — сорваться съ края.
- «Тутъ надлежитъ», сказалъ учитель намъ, 118
«Держать глаза всегда въ уздѣ закона;
Малѣйшій промахъ здѣсь ведетъ къ бѣдамъ».
- «Summae Deûs clementiae» — изъ лона 121
Великаго пожара грянулъ хоръ,
Велѣвшій мнѣ взглянуть во пламя оно.
- И зрѣлъ я въ немъ ходившихъ душъ соборъ, 124
И проходилъ я узкою полоской,
То подъ ноги, то къ нимъ бросая взоръ.
- Смолкъ первый гимнъ, и: «Virum non cognosco», 127
Раздался крикъ, и снова голоса
Воспѣли гимнъ, но въ видѣ отголоска.
- И, кончивъ пѣть, воскликнули: «Въ лѣса 130
Бѣжитъ Діана, чтобъ изгнать Каллисто,
Въ чьи помыслы Венеринъ ядъ влился».
- И въ честь супруговъ, сохранившихъ чисто 133
Свой брачный долгъ, какъ требуетъ законъ,
За гимномъ вслѣдъ запѣли голосисто.
- Такъ, думаю, терзаться осужденъ 136
Сонмъ душъ, пока налить ихъ пламень рьяный:
Такимъ леченіемъ въ ходу временъ,
- Закроются въ нихъ наконецъ и раны. 139

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Седьмой кругъ: сладострастные и содомиты.— Примѣры сладострастія.—
Гвидо Гвиничелли.— Арнольдо Даньелло.

- Пока мы шли такъ другъ за другомъ краемъ, 1
Мой добрый вождь мнѣ повторялъ не разъ:
— «Смотри, не будь мной тщетно предваряемъ».
- Мой правый бокъ палило солнце въ часъ, 4
Когда весь западъ, залитъ яркимъ свѣтомъ,
Изъ голубого бѣлымъ сталъ для глазъ.
- И падала на пламень темнымъ цвѣтомъ 7
Тѣнь отъ меня,—на диво тамъ всему
Собранью душъ, ходившихъ въ неклѣ этомъ.
- И признакъ сей былъ поводомъ къ тому, 10
Что обо мнѣ тамъ все заговорило:
— «Не призракъ тотъ, кто такъ бросаетъ тьму!»
- И многіе, насколько можно было, 13
Къ намъ подошли съ условьемъ лишь однимъ—
Не стать туда, гдѣ пламя не палило.
- «О, ты, что сзади двухъ, по долгу къ нимъ, 16
А не по лѣни, пролагаешь тропу,
Отвѣтствуй мнѣ: мы жаждемъ и горимъ!»

- «Не только мнѣ, но и всему здѣсь скопу,
Отвѣтъ твой жажду утолить полнѣй,
Чѣмъ свѣжій ключъ въ пустыняхъ Эіопу. 19
- «Скажи: что значить, что ты свѣтъ лучей
Загородилъ собой, какъ бы ни разу
Еще не зрѣлъ злой смерти ты сѣтей?» 22
- Такъ мнѣ сказали одинъ изъ нихъ, и сразу 25
Я-бъ все открылъ, не увлеки меня
Въ то время то, что тутъ явилось глазу.
- Шель посреди пылавшаго огня 28
Навстрѣчу къ этимъ сонмъ, подъемля пени,
И я стоялъ, къ идущимъ взоръ склона.
- И видѣлъ я, какъ съ двухъ сторонъ всѣ тѣни 31
Сошлись, и какъ лобзались ихъ семьи,
И разошлись отъ краткихъ наслажденій.
- Такъ рыльцемъ къ рыльцу, встрѣтятся, муравьи 34
Въ ватагѣ черной сходятся средь луга,
Какъ бы справляясь про дѣла свои.
- И расходясь изъ братскаго ихъ круга, 37
Предъ тѣмъ, какъ въ путь пошелъ пришедшій сонмъ,
Перекричать всѣ силились другъ друга—
- Пришедшіе: «Гоморра и Содомъ!» 40
А эти: «Въ телку входитъ Пазифая,
Чтобъ насладиться похотью съ быкомъ!»
- Какъ журавли летять: одна ихъ стая 43
Къ пескамъ, другая—въ край Рифейскихъ горъ.
То холода. то солнца избѣгая,—
- Такъ приходилъ и уходилъ здѣсь хоръ. 46
Подъемля съ плачемъ тѣ же восклицанья
И ту же пѣснь, что пѣли до сихъ поръ.

- И подошли ко мнѣ изъ ихъ собранья 49
Тѣ, коими вопросъ мнѣ первый данъ,
И полонъ былъ ихъ образъ ожиданья.
- Я, видѣвшій ужъ дважды скорбь ихъ ранъ, 52
— «О, души», началъ, «вамъ же обезпеченъ
Когда-нибудь входъ въ царство мирныхъ странъ,
- «Не бросилъ я, незрѣлъ, иль долговѣченъ. 55
Тамъ членовъ тѣла, но несу съ собой
И кровь, и плоть, судьбой моей отмѣченъ.
- «Иду-жъ я вверхъ, да прозрѣть взоръ слѣпой! 58
Жена есть тамъ: ея благоволеньемъ
Вношу въ вашъ мѣръ я смертный грузъ плотской.
- «Но да свершится быстрымъ исполненьемъ 61
Цѣль вашихъ думъ — въ томъ краѣ обитать,
Гдѣ мѣръ любви, гдѣ кругъ быстрѣй вращеньемъ!
- «Именъ своихъ, чтобъ могъ я ихъ вписать, 64
Не скройте мнѣ, и почему уходить,
Повѣдайте, тотъ сонмъ за вами вспять?»
- Съ какимъ тупымъ смущеньемъ взоромъ бродить 67
Тотъ житель горъ, который, грубъ и дикъ,
Весъ огнѣмѣвъ, впервые въ городъ входитъ,—
- Такимъ у всѣхъ тѣней смутился ликъ, 70
Когда-жъ замолкъ въ нихъ ужасъ изумленья
(Съ высокихъ душъ оно спадаетъ вмигъ),—
- «Блаженъ, о ты, кто, къ намъ вступивъ въ владѣнья», 73
Вновь началъ тотъ, что первый говорилъ,
— «Чтобъ лучше жить, здѣсь копишь наблюденья!
- «Народъ, нейдущій съ нами, согрѣшилъ 76
На томъ, за что въ триумфѣ Цезарь хоромъ
Насмѣшниковъ Царицей названъ былъ.

- «Онъ прочь пошелъ, крича Содомъ съ Гоморромъ, 79
 Какъ слышалъ ты, и тѣмъ себя винить
 И множить жаръ огня своимъ позоромъ.
- «Быль собственный нашъ грѣхъ — гермофродить! 82
 Законовъ чловѣческихъ чуждаясь,
 По-скотски жили мы, забывши стыдъ.
- «Зато народъ сей, съ нами разставаясь, 85
 Въ безчестье намъ, кричить намъ имя той,
 Что осквернилась, подъ скотомъ скрываясь.
- «Такъ вотъ кто мы! вотъ въ чемъ нашъ грѣхъ плотской! 88
 Коль хочешь все узнать не мимолетно, —
 Нѣтъ времени для повѣсти такой.
- «Что до меня, — откроюсь я охотно; 91
 Я Гвиничелли, очищаюсь здѣсь,
 Заранѣ тамъ покаявшись несчетно».
- Отдался чувству сыновей я весь, 94
 Узрѣвшихъ мать въ тотъ часъ, какъ приключилась
 Ликурга скорбь (сравнюсь ли съ ними днесъ?).
- Когда того мнѣ имя вдругъ открылось, 97
 Отецъ кто мнѣ, и тѣмъ, кто лучше насъ,
 Въ комъ пѣть любовь искусство возродилось.
- Глухой, безмолвный, въ думу погружаясь. 100
 Я долго шелъ, въ него глаза вперивши.
 Но подойти не смѣлъ, огня страшась.
- Взоръ наконецъ видѣнъемъ усладивши, 103
 Я отдался къ его услугамъ весь,
 Привѣтствіемъ его къ себѣ склонивши.
- И онъ: — «Все то, что нынѣ слышу здѣсь, 106
 Кладетъ въ меня столь сильный слѣдъ, что Лета
 Не смоетъ, все смывавшая поднесъ.

- «Но коль не ложь — рѣчь твоего привѣта,
Скажи мнѣ: что причиной, что въ твоихъ
Словахъ и взорахъ дышитъ страсть къ намъ эта?» 109
- И я: — «Звукъ сладкихъ вашихъ словъ живыхъ!
Покуда длится говоръ человѣчій, —
Намъ не забыть чернилъ, писавшихъ ихъ!» 112
- И онъ: — «Тотъ духъ, что ждетъ съ тобою встрѣчи»
(И указалъ мнѣ), «лучше на земли
Коваль языкъ свой, мать родной намъ рѣчи. . 115
- «Какъ въ прозѣ фабуль, такъ въ стихахъ любви 118
Онъ выше всѣхъ, и свѣтъ пусть крикъ подьѣмлетъ
Лиможцу въ честь, — ты крику не внемли!
- «Подъ шумъ молвы судъ правды въ свѣтѣ дремлетъ 121
И, ложное составивъ мнѣнье, оиъ
Ни разуму, ни вкусу ужъ не внемлетъ.
- «Такъ нѣкогда прославился Гвиттонъ. 124
Изъ рода въ родъ хвалимъ молвой безпечной,
Пока надъ нимъ судъ не былъ изреченъ.
- «Но если такъ внесенъ ты безконечно, 127
Что путь открытъ въ обитель, въ тѣ мѣста,
Гдѣ самъ Христосъ — аббатъ надъ братьей вѣчной, ---
- «То «Отче нашъ» прочти ты у Христа! 130
Насколько здѣсь, гдѣ кончилась ошибка
Грѣха, для насъ нужна молитва та».
- Чтобъ мѣсто дать той тѣни, что такъ пибко 133
Стремилась къ намъ, онъ тутъ исчезъ въ огнѣ,
Какъ въ лонѣ водъ ко дну уходитъ рыба.
- Я, подошедъ къ указанному мнѣ, 136
Сказалъ, что я въ моемъ душевномъ мѣрѣ
Почетъ ему готовлю въ тишинѣ.

- И сладостно запѣлъ онъ, какъ на лирѣ: 139
 «Tan m'abellis vostre cortes deman *,
 Qu'ieu no-m puese, ni-m vueil a vos cobrire:
- «Jè sui Arnaut, que plor et vai cantan; 142
 Consiros vei la passada folor,
 E vei jauzen la ioi qu'esper, denan.
- «Ara vos prec per aquella valor, 145
 Que vos guida al som de l'escalina
 Sovenha vos a temps de ma dolor».
- Туть поглотила тѣнь огня пучина. 148
-
- * «Такъ нравится мнѣ милый вашъ вопросъ, 140
 Что грудь мою я вамъ открою шире.
- «Я тотъ Арно, что здѣсь пою отъ слезъ 142
 О прошлой пошлости при мысли горькой,
 И жду, чтобъ Судъ мнѣ вѣчный миръ принесъ.
- И я молю васъ силой той высокой, 145
 Чтò васъ ведетъ на верхъ горы. о насъ
 Попомните въ судьбѣ такой жестокой».
-

הספריה
של
אריה ורבקה סמיטיץ'
תל אביב, תש"ח

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Седьмой кругъ. — Сладострастные. — Ангель Чистоты. — Переходъ черезъ
пламя. — Подъемъ въ земной рай. — Последнія слова Виргилія.

- Какъ въ часъ, когда лучъ первый солнце мечеть 1
Туда, гдѣ кровь Творца его лилась
(Межъ тѣмъ какъ знакъ Вѣсовъ надъ Эбро блещеть,
Надъ Гангомъ же горитъ девятый часъ), — 4
Такъ солнце здѣсь стояло, день кончая,
Когда Господень Ангель встрѣтилъ насъ.
- Внѣ пламени, онъ, возвышаясь съ края, 7
Прошлъ: «Beati mundo corde» намъ,
Какъ не звучить на свѣтѣ пѣснь живая.
- Потомъ: — «Проникнуть можно къ тѣмъ мѣстамъ 10
Не иначе, какъ сквозь огонь: войди же,
О, родъ святой, чтобъ внять поющимъ тамъ!»
- Такъ онъ сказалъ, лишь подошли мы ближе; 13
И, слыша то, я обмеръ, какъ злодѣй,
Кого спускаютъ въ ровъ все ниже, ниже.
- И вспомнилъ я, глядя на пламень сей, 16
Всѣмъ тѣломъ вытянуть, простерши руки,
Казнь виданныхъ мной на кострѣ людей.

- И подошли вожди ко мнѣ, и звуки 19
 Я слышалъ словъ Виргилія: — «Мой сынъ,
 Здѣсь смерти нѣтъ, но могутъ быть лишь муки!
- «О! вспомни, вспомни... Если я одинъ 22
 Тебя сберегъ, подъятый Геріономъ,
 То здѣсь, близъ Бога, кину-ль безъ причинъ?
- «И вѣрь ты мнѣ, что еслибъ, скрытый лономъ 25
 Сего огня, въ немъ пробыль сто вѣковъ, —
 И волоска ты-бъ не утратилъ въ ономъ.
- «И чтобъ за ложь не счелъ моихъ ты словъ, 28
 Приблизься самъ и, взявъ конецъ одежды.
 Вложи въ огонь смѣлѣй: онъ не суровъ.
- «Такъ брось же, брось боязнь и, полнъ надежды, 31
 Вернись ко мнѣ и — смѣло въ огонь за мной».
 Но я стоялъ упорнѣ невѣжды.
- И, видя, что я твердой сталъ скалой, 34
 Слегка смутясь, сказалъ онъ: — «Отъ царицы
 Ты отдѣленъ, мой сынъ, лишь сей стѣной!»
- Какъ, слыша имя Эисбе, вдругъ зѣницы 37
 Открылъ Пирамъ въ мигъ смерти и взглянулъ, —
 И алымъ сталъ цвѣтъ ягодъ шелковицы,
- Такъ духъ во мнѣ вождь мудрый пошатнулъ 40
 Тѣмъ именемъ, что каждый разъ такъ звонко
 Звучить душѣ, будя въ ней страсти гуль.
- И, покачавъ челомъ, съ усмѣшкой тонкой: 43
 — «Что-жь, остаемся здѣсь?» спросилъ, меня
 Дразня, какъ манять яблокомъ ребенка.
- Тутъ предо мной вошелъ онъ въ пылъ огня, 46
 И Стація, что шель межъ насъ вначалѣ,
 Просилъ идти вослѣдъ мнѣ, тылъ храни.

- Вхожу. Но, ахъ! въ клокочущемъ металлѣ 49
 Или стеклѣ прохладнѣй было-бъ мнѣ,
 Чѣмъ въ неклѣ томъ, пылавшемъ въ страшномъ шквалѣ.
- Чтобъ ободрить мнѣ сердце въ томъ огнѣ, 52
 Онъ говорилъ о Беатриче съ жаромъ:
 — «Ужъ взоръ ея мнѣ виденъ въ вышинѣ!»
- И чей-то гласъ, намъ пѣвшій за пожаромъ, 55
 Насъ велъ въ пути, и, внемля нѣснѣ сей,
 Туда, гдѣ всходъ, мы шли въ огнѣ томъ яромъ.
- «Venite benedicti patris mei», — 58
 Звучало намъ во свѣтѣ столь блестящемъ,
 Что я, смущенъ, не смѣлъ возвестъ очей.
- «Ужъ сходитъ ночь за солнцемъ заходящимъ», 61
 Онъ продолжалъ: «впередъ! ускорьте шагъ,
 Пока нѣтъ мглы на западѣ горящемъ».
- Такъ прямо путь велъ вверхъ насъ чрезъ оврагъ, 64
 Что предъ собой послѣдній отблескъ свѣта
 Я разсѣкалъ, бросая тѣни мракъ.
- Ступени три прошли мы, какъ и эта 67
 Исчезла тѣнь; о погруженномъ въ сонъ
 Свѣтилѣ дня узнали два поэта.
- И прежде чѣмъ безмѣрный небосклонъ 70
 Угасъ совсѣмъ, повсюду мракъ умножа,
 И развернулся всюду ночи фонъ, —
- Ужъ всякъ изъ насъ избралъ ступень для ложа, — 73
 Вверхъ возбранялъ всходить законъ горы,
 Не волю въ насъ, а силы уничтожа.
- Какъ козочки и рѣзвы, и бодры, 76
 Пока не сыты, лазять на утесахъ,
 И, утоливъ свой голодъ, въ часъ жары,

- Лежать въ тѣни на каменныхъ откосахъ. 79
 Пастухъ же тамъ, какъ истинный отецъ,
 Ихъ сторожить, склонясь на длинный посохъ,
- И какъ овчарь, открытыхъ горъ жилецъ, 82
 Всю напролетъ проводить ночь у стада,
 Чтобъ хищный звѣрь не растащилъ овецъ, —
- Такъ мы втроемъ тамъ были, гдѣ прохлада, — 85
 Я — какъ овца, пѣвцы — какъ стражи горъ.
 Вокругъ же насъ отвсюду скаль громада.
- Былъ малъ надъ нами неба крутозорь; 88
 Но я и въ маломъ небѣ зрѣлъ свѣтила
 Крупнѣй и ярче, чѣмъ до этихъ поръ.
- Пока я созерцалъ ихъ, охватила 91
 Меня дрема — дрема, что намъ порой
 Въщааетъ то, что будущность намъ скрыла.
- Въ часъ, думаю, когда ужъ надъ горой 94
 Съ восточныхъ странъ сверкаетъ Цитерей.
 Горящая огнемъ любви живой, —
- Приснилась мнѣ, прекрасна, какъ лилея, 97
 На лугъ пришедшая цвѣтки срывать
 Младая дѣва, пѣвшая, какъ фея.
- «Кто хочетъ знать, кто я, тотъ долженъ знать: 100
 Я — Лія, та, чьи руки не лѣнятся
 Прелестные вѣнки мои сплетать,
- «Чтобъ ими въ зеркалѣ мнѣ любоваться; 103
 Сестра жъ моя, Рахиль, отъ своего
 Зерцала вѣкъ не можетъ оторваться.
- «Очей своихъ ей блескъ милѣй всего; 106
 «Я-жъ украшаюсь рукъ трудами въ нѣгѣ;
 «Мнѣ — въ дѣйствіи, ей — въ зрѣньи торжество».

- Ужъ въ небѣ первые зарн набѣги. 109
 Влескъ коихъ пилигриму тѣмъ милѣй,
 Чѣмъ ближе къ родинѣ его ночлеги,
- Отсюду гналъ ночи мглу, а съ ней — 112
 И сладкій сонъ, и я. открывши очи,
 Воставшими ужъ славныхъ зрѣлъ вождей.
- «Тотъ сладкій плодъ, къ нему-жъ изъ всей мѣчи, 115
 По всѣмъ вѣтвямъ стремится родъ людской.
 Твой голодъ утолить еще до ночи».
- Такъ мнѣ сказалъ Виргилій: о! какой 118
 Подарокъ въ мѣрѣ съ словомъ тѣмъ Виргиля
 Сравнился бы отрадой неземной!
- И такъ во мнѣ удвоились усилъя 121
 Стремиться вверху, что съ каждымъ шагомъ въ высъ
 Во мнѣ росли, казалось, воли крылья.
- По лѣстницѣ мы вихремъ пронеслись. 124
 И лишь пришли къ ступени той конечной.
 Какъ ужъ въ меня глаза его впились,
- И онъ сказалъ: — «Огнь временный и вѣчный 127
 Ты зрѣлъ, мой сынъ, и вотъ! пришелъ туда,
 Гдѣ разумъ мой беспилень быстротечный.
- «Мой умъ съ искусствомъ ввелъ тебя сюда; 130
 Руководись теперь ужъ самъ собою,
 Не круть, не узокъ путь, нѣтъ въ немъ труда.
- «Смотри, какъ солнце блещетъ предъ тобою. 133
 Смотри, какъ травки, кустики, цвѣты
 Рождаетъ здѣсь земля сама собою!
- «Пока придутъ тѣ очи красоты. 136
 Что мнѣ въ слезахъ явились въ злой доли,
 Здѣсь можешь сѣсть. ходить здѣсь можешь ты.

- «Не жди рѣчей, моихъ совѣтовъ болѣ,— 139
Творить свободно, здраво, прямо выборъ данъ
Тебѣ, своей покорствуя лишь волѣ,—
- И мной вѣнцомъ и митрой ты вѣнчанъ». 142

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Земной рай. — Рѣка Лета. — Матильда. — Происхожденіе воды и вѣтра въ земномъ раю. — Природа божественнаго лѣса.

- Желаній полнъ скорѣи проникнуть въ нѣдро 1
Божественныхъ густыхъ лѣсовъ, гдѣ тѣнь
Свѣтъ умѣряла, такъ струимый щедро
- Тѣмъ новымъ днемъ,—покинулъ я ступень 4
И, тихо-тихо лугомъ поднимаясь,
Вступилъ въ благоухающую сѣнь.
- И тиховѣйный воздухъ, не мѣняясь 7
Вовѣки здѣсь, мнѣ вѣялъ вокругъ чела,
Какъ вѣтерокъ, едва его касаясь,
- И, шелестя листьями безъ числа, 10
Гнулъ ихъ туда, гдѣ отъ горы священной
Тѣнь первая въ долинѣ той легла;
- Но не настолько гнулъ, чтобъ сокровенный 13
Въ листьѣ хоръ птичекъ проявлять не смѣлъ
Свой дивный даръ въ музыкѣ несравненной:
- Напротивъ, хоръ торжественно гремѣлъ, 16
Полнъ радости, въ томъ раннемъ утра часѣ,
И, вторя хору, цѣлый лѣсъ гудѣлъ.

- Такъ, сливъ въ одно всё звуки сладкогласій 19
 (Когда велить сирокко дуть Эолъ),
 Гудятъ лѣсъ пиній на берегу Кіасси.
- Шагъ, хоть и тихій, такъ меня завелъ 22
 Въ тотъ древній лѣсъ, что я не могъ бы окомъ
 Замѣтить мѣсто то, гдѣ я вошелъ, —
- Какъ вдругъ мнѣ путь былъ прегражденъ потокомъ; 25
 Онъ мелкой рябью влѣво наклонялъ
 Всю мураву на берегу широкомъ.
- Всѣхъ самыхъ чистыхъ водъ земныхъ кристаллъ, 28
 Въ сравненіи съ нимъ, не такъ еще прозраченъ,
 Чтобъ ничего отъ взоровъ не скрывалъ,
- Хоть тамъ течетъ потокъ тотъ мраченъ, мраченъ, 31
 Гдѣ вѣчно тѣнь, гдѣ каждый солнца лучъ
 И лучъ луны навѣки былъ утраченъ.
- Сдержавъ мой шагъ, не могъ сдержать мнѣ ключъ 34
 Очей, и я дивился несказанно,
 Какъ юный Май здѣсь роскошью могучъ.
- И я узрѣлъ — (такъ мы порой неожиданно 37
 Вдругъ видимъ то, что изумляетъ насъ,
 Всѣ помыслы въ насъ извращая странно) —
- Узрѣлъ жену: она въ тотъ ранній часъ 40
 Шла съ пѣснями, срывая цвѣтъ за цвѣтомъ,
 Которыми весь путь нестрѣлъ для глазъ.
- «О, дивная, сіяющая свѣтомъ 43
 Любви святой, коль говорятъ не ложь
 Черты твои, свидѣтели мнѣ въ этомъ!
- «Благоволи съ дороги, гдѣ идешь», 46
 Я ей сказалъ, «приблизиться къ пучинѣ,
 Чтобъ могъ понять я то, о чемъ поешь.

- «Напомнилъ мнѣ твой видъ о Прозерпинѣ, 49
 Когда она разсталася съ весной,
 А мать ее утратила въ пустынѣ».
- Какъ движется медлительно порой 52
 Средь пляски дѣва, чуть касаясь полу,
 И ногу чуть заноситъ предъ ногой,—
- Такъ по пестрѣвшему цвѣтами долу 55
 Прекрасная жена, въ угоду мнѣ,
 Дѣвически склонивъ взоръ чистый долу,
- Вдругъ повернулась, подошла къ волнѣ, 58
 Запѣвъ такъ близко, что сперва мнѣ трудный
 Смыслъ сладкихъ звуковъ ясенъ сталъ вполне,
- И тамъ, гдѣ лугъ цвѣтисто-изумрудный, 61
 Весь въ брызгахъ волнъ, къ рѣкѣ прекрасной льнулъ,—
 Поднявъ глаза, даритъ мнѣ взоръ свой чудный.
- Не думаю, чтобъ блескъ такой сверкнулъ 64
 Изъ глазъ Венеры въ мигъ, когда безъ гнѣва,
 Случайно, сынъ стрѣлой ей грудь кольнулъ.
- На томъ берегу мнѣ улыбалась дѣва, 67
 Неся въ рукахъ все краски, что луга
 Горы даютъ цвѣтамъ здѣсь безъ посява.
- Хоть въ ширину былъ ключъ лишь три шага, 70
 Но Геллеспонтъ, гдѣ мостъ свой перекинулъ
 Ксерксъ (вотъ урокъ для гордости врага!)
- Не такъ гнѣвилъ Леандра тѣмъ, что хлынулъ 73
 Межъ Сестомъ и Абидомъ силой водъ,
 Какъ ключъ — меня, за то, что путь раздвинулъ.
- И дѣва: — «Здѣсь вы странники, и вотъ — 76
 Вы, можетъ быть, въ сей сторонѣ, избранной
 Въ ту колыбель, гдѣ созданъ первый родъ,

- «Дивитесь моей улыбкѣ странной? 79
 Но дасть псаломъ Me delectasti свѣтъ,
 Чтобъ озарить разсудокъ вашъ туманный.
- «И первый ты, кто мнѣ послалъ привѣтъ, 82
 Скажи: о чемъ желаешь знать? Готовый
 На многое пришла я дать отвѣтъ».
- «Вода», сказала я, «съ шумною дубровой, 85
 Противорѣча слышанному мной,
 Во мнѣ враждуютъ съ тою вѣрой новой».
- И та: — «Чтобъ умъ не такъ смущался твой, 88
 Страны святой открою я уставы
 И разгоню весь сумракъ предъ тобой.
- «Тотъ Всеблагій, предъ Кѣмъ лишь Онъ есть правый, 91
 Адаму далъ, благимъ его создавъ,
 Сей край благій въ задатокъ вѣчной славы.
- «Своимъ грѣхомъ рай скоро потерявъ, 94
 Онъ обратилъ грѣхомъ и въ плачь, и въ кару
 Невинный смѣхъ и сладости забавъ.
- «Чтобъ силы бурь, — что по земному шару 97
 Родятся отъ паровъ, изъ водъ, съ земли
 Встающихъ соразмѣрно солнца жару, —
- «Здѣсь съ человѣкомъ браней не вели, — 100
 Гора взнеслась такъ къ небу, что изъята
 Отъ бурь съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дверью вы вошли.
- «Но какъ вослѣдъ движенью коловрата 103
 Первичнаго кружить и воздухъ весь,
 Коль въ немъ нигдѣ окружность не разъята,
- «То въ высотѣ, въ живомъ эфирѣ здѣсь, 106
 Движенье то деревья потрясаетъ,
 Въ шумъ приводя растущій густо лѣсъ.

- «Въ дѣвахъ же потрясаемыхъ вѣтаетъ 109
Такая жизнь, что насыщаетъ вѣтръ,
И вѣтръ, кружась, ее разсѣваетъ, —
- «Черезъ что вашъ край, смотря — насколько щедръ 112
Въ немъ грунтъ и климатъ, разныхъ свойствъ растеня
Выводитъ въ свѣтъ изъ плодъ пріившихъ нѣдръ.
- «Услыша то, поймешь безъ удивленья, 115
Какъ могутъ тамъ, не сѣяны никѣмъ,
Являться новыя произрастеня.
- «А воздухъ здѣсь, гдѣ ты вступилъ въ Эдемъ, 118
Рой всѣхъ сѣмянъ разноситъ легкокрылый,
Родя плоды, что вамъ безвѣстны всѣмъ.
- «Воды-жъ сей токъ струится не изъ жилы, 121
Что паръ питаетъ; холодомъ сгущенъ,
Какъ токъ земной, то сильный, то безъ силы:
- «Изъ вѣчнаго истока льется онъ 124
И, волей Бога, столько водъ пріемлетъ,
Насколько леть, открытый съ двухъ сторонъ:
- «Съ одной, сходя, онъ свойство воспріемлетъ — 127
Смывать грѣхи; съ другой—жить въ душѣ
О добромъ память такъ, что ввѣкъ не дремлетъ.
- «Здѣсь Летою, тамъ токомъ Эвноэ 130
Зовется онъ, врачуя всѣхъ, кто дважды,
И тамъ и здѣсь, извѣдалъ вкусъ въ питьѣ,
- «А вкусомъ онъ затмитъ напитокъ каждый! 133
И хоть теперь, безъ объясненій, самъ
Ты утолить ужъ можешь муку жажды,—
- «Все-жъ я, какъ милость, королларій дамъ, 136
И думаю, что, если дальше цѣли
Зайду теперь, ты будешь радъ рѣчамъ.

- «Быть можетъ, тѣ, что въ древности вамъ пѣли 139
Про вѣкъ златой, про счастье первыхъ дней,
О мѣстѣ семъ на Пяндѣ сонъ имѣли.
- «Невиненъ былъ здѣсь первый родъ людей, 142
Зрѣлъ всякій плодъ подъ вѣчно пышнымъ лѣтомъ,
Вода-жъ здѣсь — нектаръ съ сладостію своею».
- Тутъ обернулся я назадъ къ поэтамъ, 145
И видѣлъ я, съ какой улыбкой тѣ
Внимали ей, услыша вѣсть объ этомъ.
- Я взоръ свой вновь направилъ къ Красотѣ. 148

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Земной раѣ.— Данте и Матильда.— Мистическая процессія, или триумфъ церкви.

- Какъ донна, пламенемъ любви объята, 1
За рѣчью той она воспѣла вслѣдъ:
— «Beati, quorum tecta sunt peccata».
- И какъ скитались нимфы древнихъ лѣтъ 4
Въ тѣни лѣсовъ, — кто съ мыслью о ночлегѣ,
Огъ солнца прячась, кто стремясь на свѣтъ, —
- Такъ противъ волнъ она, держась при брегѣ, 7
Пошла; я слѣдовалъ за нею невдали
Шагами малыми въ ея небыстромъ бѣгѣ.
- Мы ста шаговъ съ ней вмѣстѣ не прошли, 10
Какъ оба берега, свой ходъ пріемля
Къ востоку дня, туда насъ повели.
- И лишь вопли мы въ тѣ святая земли, 13
Какъ вдругъ, совсѣмъ оборотясь ко мнѣ,
Сказала донна: — «Братъ, смотри и внимли!»
- И вотъ! разлился въ той лѣсной странѣ 16
Внезапный блескъ и ввелъ меня въ сомнѣнне,
Не молнія-ль сверкаетъ въ вышинѣ?

- Но какъ блескъ молній гаснетъ въ то-жь мгновенье, 19
 А тутъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ сильнѣй сіялъ,
 То думалъ я: что это за явленье?
- И въ воздухѣ сіявшемъ пробѣжалъ 22
 Аккордъ мелодіи, и тутъ мнѣ стало
 Такъ горестно, что грѣхъ я Евы клялъ
- За то, что тамъ, гдѣ все Творцу внимало — 25
 Земля и небо — женщина одна,
 Едва создавшись, свергла покрывало,
- Подъ нимъ же еслибъ пребыла она 28
 Покорная, то благъ тѣхъ несказанныхъ
 Душа моя давно-бъ была полна.
- Пока я шель межъ столькихъ первозданныхъ 31
 Небесныхъ первенцовъ, къ нимъ взоръ склоня,
 И новыхъ ждалъ еще блаженствъ желанныхъ,
- Предъ нами вдругъ, какъ заревомъ огня, 34
 Зардѣлся воздухъ въ томъ зеленомъ садѣ,
 И долетѣлъ гласъ пѣнья до меня.
- О, Пресвятая Дѣвы! если въ гладѣ 37
 И въ холодѣ, лишенный сна, исчахъ
 Я ради васъ,—молю днесъ о наградѣ!
- Дай, Геликонъ, мнѣ пить въ твоихъ ключахъ! 40
 Пошли, Уранія, мнѣ мощь стихами
 Сказать о трудно-мыслимыхъ вещахъ!
- Семь золотыхъ древесъ передъ очами 43
 Явилось мнѣ въ обманчивой дали
 Пространствъ, лежащихъ между нихъ и нами.
- Когда-жь такъ близко къ нимъ мы подошли, 46
 Что обликъ ихъ ужъ не скрывалъ отъ зора
 Всѣхъ чертъ своихъ, неясныхъ мнѣ вдали, —

- Тотъ даръ души, что разуму—опора, 49
Свѣтильники явилъ мнѣ въ пняхъ дровесъ
И пѣніе Осанна—въ звукахъ хора.
- И ярче лилъ сосудъ тотъ дивный въ лѣсъ 52
Свой блескъ, чѣмъ свѣтитъ полный мѣсяцъ въ волны
Въ часъ полночи съ безоблачныхъ небесъ.
- Я обратился, изумленья полный, 55
Къ Виргилію; но тотъ, отъ дива нѣмъ,
Отвѣтилъ мнѣ, лишь бросивъ взоръ безмолвный.
- И вновь возвелъ я взглядъ къ святынямъ тѣмъ, 58
Къ намъ подходившимъ медленнѣй невѣсты,
Идущей тихо къ жениху.—«Зачѣмъ»,
- Вскричала донна: «страстно такъ отверсты 61
Глаза твои къ огнямъ симъ, а на тѣхъ,
Что вслѣдъ идутъ, не обратишь очесъ ты?»
- И зрѣлъ я сонмъ, идущій сзади всѣхъ 64
Свѣтильниковъ, въ одеждѣ чистой, бѣлой,
Какъ только что на землю павшій снѣгъ.
- Сверкаль потокъ налѣво Леты цѣлой 67
И отразить меня—бъ онъ слѣва могъ,
Какъ зеркало, брось въ воды взоръ я смѣлый.
- Лишь сталъ на берегу я, гдѣ потокъ 70
Одинъ лежалъ преградой между нами,—
Чтобъ лучше зрѣть, сдержалъ я спѣшность ногъ.
- И видѣлъ я, какъ слѣдомъ за огнями, 73
Подобно длиннымъ стягамъ, съ вышины
Тянулся свѣтъ по воздуху чертами,
- Такъ что, казалось, въ немъ проведены 76
Семь лентъ изъ тѣхъ цвѣтовъ, изъ конхъ ткется
Дуга для солнца, поясъ для луны.

- И каждое то знамя дальше вьется, 79
 Чѣмъ сколько взоръ могъ видѣть, и между
 Двухъ крайнихъ десять лишь шаговъ придесть.
- Подъ чуднымъ небомъ, предо мной въ виду, 82
 Двадцать четыре старца шли степенно,
 Въ вѣнкахъ изъ лилій, по-два, въ томъ саду.
- Всѣ пѣли хоромъ: — «Будь благословенна 85
 Въ Адамовыхъ ты дщеряхъ! о красѣ
 Твоей вовѣкъ да хвалится вселенна!»
- Когда-жъ прошли тѣ избранники всѣ, 88
 Насупротивъ меня въ томъ дивномъ мѣрѣ
 Среди цвѣтовъ и травъ душистыхъ,—се!
- Какъ за звѣздой звѣзда блеситъ въ эфирѣ, 91
 Четыре встѣдъ животныхъ подошло:
 Въ вѣнкахъ зеленыхъ были всѣ четыре;
- Шесть крылъ на каждомъ; каждое крыло 94
 Полно очей, и очи тѣ подобны
 Аргусовымъ, и то же ихъ число.
- Но тутъ стихи, читатель, неудобны 97
 Для описанья; предписуетъ мнѣ
 Другой предметъ пресѣчь рассказъ подробный.
- Іезекіель видѣлъ ихъ, зане 100
 Онъ зрѣлъ ихъ, шедшихъ въ облакѣ туманномъ
 Отъ сѣвера, и въ бурѣ и въ огнѣ.
- Прочти-жъ его, и въ образѣ, имъ данномъ, 103
 Найдешь ихъ образъ; въ отношеньи-жъ крыль
 Согласенъ я не съ нимъ, а съ Іоанномъ.
- Просторъ между животныхъ занять былъ 106
 Побѣдной колесницей двухколесной,
 И влекъ ее Грифонъ, исполненъ силъ.

- И два крыла вздымалъ онъ въ поднебесной 109
Межъ трехъ и трехъ полось за средней вслѣдъ,
Но взмахомъ крыль не рушилъ строй совмѣстный.
- Подъятыхъ крыль терялся въ небѣ слѣдъ; 112
Былъ злата блескъ на всемъ, что въ Грифѣ птичье,
На прочемъ всемъ — слить съ бѣлымъ алый цвѣтъ.
- Ни Африканъ, ни Августъ, въ ихъ величѣй, 115
Не зрѣли въ Римѣ колесницъ такихъ;
Предъ ней терлетъ все свое отличие
- И колесница Феба въ самый мигъ, 118
Какъ, внявъ Землѣ молящей, правосудный
Юпитерь сжегъ ее въ путяхъ кривыхъ.
- У колеса, что справа, въ пляскѣ чудной 121
Я зрѣлъ трехъ женъ,—столь алая одна,
Что въ пламени ее-бъ замѣтить трудно.
- Другая цвѣтомъ — словно создана 124
Вся изъ смарагда: кости, кровь и тѣло;
Былъ третьей цвѣтъ—какъ снѣга бѣлизна.
- Казалось, былъ ихъ хоръ ведомъ то бѣлой, 127
То алой дѣвой; подъ ея напѣвъ
Хоръ двигался то медленно, то смѣло.
- Напѣво, пурпуръ на себя надѣвъ, 130
Вслѣдъ той, на чемъ челѣ три были ока,
Плясали двѣ четы небесныхъ дѣвъ.
- За чуднымъ хороводомъ вдоль потока 133
Два старца пля, несходные ни въ чемъ,
Лишь сходственные видомъ безъ упреска.
- Одинъ, казалось, былъ ученикомъ 136
Гиппократъ, рожденнаго природой
Ея любимцамъ высшимъ быть врачомъ.

- Другой, казалось, воинъ былъ породой, 139
Съ мечомъ столь острымъ, что и за рѣкой
Я трепеталъ предъ грознымъ воеводой.
- Во слѣдъ шли четверо,— смиренень строй 142
Ихъ былъ, а сзади старецъ безъ усилій;
Онъ, хоть и спалъ, былъ видомъ огневой.
- И эти семь всѣ такъ одѣты были, 145
Какъ первый сонмъ; но на главахъ въ вѣнки
Вплетался имъ не цвѣтъ сребристыхъ лилій,
- А розаны и алые цвѣтки; 148
Поклялся-бъ всякъ, вдали узрѣвъ ихъ лица,
Что вокругъ чела ихъ рѣютъ огоньки.
- Вдругъ предо мной тутъ стала колесница, 151
И грянулъ громъ, и здѣсь положена
Была, казалось, шествію граница.
- И стали всѣ, лишь стали знамена. 154

ПѢСНЬ ТРИДЦАТАЯ.

Земной рай.— Появленіе Беатриче и исчезновеніе Виргилія.— Упреки Беатриче Данте.

- Лишь только сталъ Септентріонъ верховный 1
(Ему-жъ заката, ни восхода нѣтъ,
Его же блескъ лишь гасить мракъ духовный,—
- Тотъ блескъ, который за собою вслѣдъ 4
Ведеть весь рай, какъ къ пристани съ ээира
Хоръ низшихъ звѣздъ льетъ мореходцамъ свѣтъ),—
- Какъ взоръ вперили всѣ пророки міра, 7
Что шли межъ нимъ и Грифомъ пресвятымъ,
На колесницу, какъ на пристань міра.
- Одинъ изъ нихъ, какъ съ неба херувимъ, 10
«Veni, sponsa, de Libano», ликуя,
Воскликнулъ трижды, и весь хоръ за нимъ.
- Какъ изъ могиль, призывъ трубы почуя, 13
Воспрянуть всѣ блаженные, и всякъ,
Облекшись въ плоть, воскликнетъ: аллилуя,—
- Надъ пресвятою колесницей такъ 16
Воздвиглись сто, ad vocem tanti senis,
Пословъ и слугъ той жизни, полной благъ.

- И пѣли всѣ: «Benedictus, qui venisti!» 19
 И дождь цвѣтовъ струили, говоря:
 «Manibus o date lilia plenis!»
- Видалъ я утромъ, какъ даетъ заря 22
 Цвѣтъ розовый всей сторонѣ востока,
 Всему же небу ясность янтаря,
- И какъ ликъ солнца, вставъ изъ волнъ потока, 25
 Смягчаетъ блескъ свой дымкою паровъ,
 Такъ что онъ долго выносимъ для ока,—
- Такъ въ нѣдрахъ облака живыхъ цвѣтовъ, 28
 Кропимыхъ сонмомъ ангеловъ несмѣтнымъ
 И въ колесницу, и на злакъ луговъ,—
- Въ зеленой мантии, въ вѣникѣ завѣтномъ 31
 На головѣ сверхъ бѣлыхъ покрывалъ,
 Я донну зрѣлъ въ хитонѣ огнецвѣтномъ.
- И духъ во мнѣ, хотъ онъ и пересталъ 34
 Такъ много лѣтъ быть въ трепетѣ жестокомъ
 При видѣ той, кто выше всѣхъ похвалъ,—
- Теперь, безъ созерцанья даже окомъ, 37
 Лишь тайной силой, что изъ ней лилась,
 Былъ увлеченъ былой любви потокомъ.
- И лишь очамъ моимъ передалась 40
 Та мощь любви, отъ чьей могучей воли
 Во мнѣ, ребенкѣ, грудь уже рвалась,—
- Я, какъ младенецъ, что при каждой боли 43
 Бѣжитъ къ родной, чтобъ помогла любовь,—
 Направилъ взоръ налѣво по-неволи
- Къ Виргилію, чтобъ высказать: «Вся кровь 46
 Во мнѣ кипитъ, трепещетъ каждый атомъ!
 Слѣдъ прежней страсти познаю я вновь!»

- Но, ахъ! исчезъ Виргилій навсегда тамъ, — 49
 Виргилій, — онъ, отецъ сладчайшій мой, —
 Виргилій, кѣмъ я былъ спасенъ, какъ братомъ!
- Всѣ радости, что первою женой 52
 Утрачены, мой ликъ не защитили,
 Чтобъ онъ не омрачился вдругъ слезой.
- «О Данте, слезъ о томъ, что прочь Виргилій 55
 Ушелъ, не лей — увидимъ скоро мы,
 Какъ отъ другихъ заплачешь ты насилій!»
- Какъ адмираль то съ носа, то съ кормы 58
 Глядитъ, какъ дѣйствуютъ людей станицы
 Въ другихъ судахъ, и въ нихъ бодрить умы,
- Такъ съ лѣваго обвода колесницы, 61
 При имени моемъ, его же звукъ
 Я по нуждѣ вношу въ мои страницы,
- Я зрѣлъ, какъ та, которую вокругъ 64
 Сперва скрывалъ хоръ ангеловъ, взоръ первый
 Черезъ потокъ въ меня метнула вдругъ.
- И хоть покровъ, изъ-подъ вѣнка Минервы 67
 Съ главы ея спадавшій, ей къ лицу
 Мнѣ возбуждалъ очей направить нервы, —
- Съ величьемъ, сроднымъ царскому лицу, 70
 Она рекла, какъ тотъ, въ комъ есть обычай —
 Сильнѣйшее беречь въ рѣчахъ къ концу:
- «Вглядись въ меня, взгляди: я — Беатриче! 73
 Взойти сюда какъ въ умъ тебѣ вошло?
 Какъ о моемъ ты вспомнилъ давнемъ кличѣ?»
- Мой взоръ упалъ тутъ въ чистыхъ водъ стекло; 76
 Въ немъ увидалъ я видъ свой столь убогій,
 Что взоръ отвелъ, такъ стыдъ мнѣ жегъ чело!

- Не кажется и сыну мать столь строгой, 79
 Какъ мнѣ она, такъ сладкій медъ любви
 Ея во мнѣ былъ полонъ желчи многой!
- Едва лишь смолела — ангелы вдали: 82
 «In te speravi, Domine», воспѣли,
 Но дальше «pedes meos» не пошли.
- Какъ стынетъ снѣгъ у мачъ живыхъ на тѣлѣ, 85
 Навѣянный въ вершинахъ Апеннинъ
 Съ Словенскихъ горъ въ холодныя мятели,
- Едва-жъ изъ странъ безъ тѣни до вершинъ 88
 Коснется жаръ — закованный дотолѣ
 Весь снѣгъ плыветъ, какъ воскъ, огнемъ палимъ,—
- Такъ я безъ слезъ и вздоховъ былъ, доколѣ 91
 Гимнъ не воспѣлъ хоръ Божій въ вышинѣ,—
 Хоръ горныхъ сферъ, покорный высшей волѣ.
- И вотъ, когда онъ состраданье мнѣ 94
 Сильнѣе выразилъ, чѣмъ еслибъ прямо
 «Что такъ строга?» проговорилъ женѣ,—
- Растаялъ ледъ вокругъ сердца въ мигъ тотъ самый 97
 И выпелъ влагой въ очи, а въ уста
 Потоконъ вздоховъ изъ груди упрямой.
- Она-жъ, все тамъ же стѣя, въ небеса 100
 Такъ съ колесницы къ существамъ предвѣчнымъ
 Направила святыя слова:
- «Отъ вѣчности вы въ свѣтѣ безконечномъ; 103
 Ничто,— ни ночь, ни сонъ,— не скроютъ вамъ
 Того, какъ вѣкъ идетъ путемъ безпечнымъ.
- «Я-жъ смыслъ такой желаю дать словамъ, 106
 Чтобъ тотъ, кто плачетъ тамъ, позналъ о тѣсныхъ
 Соотношеньяхъ горести къ грѣхамъ.

- « Не только силой тѣхъ круговъ чудесныхъ, 109
 Что всѣмъ посѣвамъ свой даютъ покровъ
 По положенію свѣтилъ небесныхъ,
- « Но и обилемъ Божескихъ даровъ, 112
 Въ міръ льющихся, какъ дождь, всегда готовый,
 Изъ недоступныхъ для ума паровъ, —
- « Онъ таковымъ въ своей былъ жизни новой, 115
 Вѣрнѣе — могъ бы быть, что добрый нравъ
 Принесъ бы въ немъ плодъ сладкій и здоровый.
- « Но тѣмъ полнѣй бываетъ сорныхъ травъ 118
 Та почва, что пріяла злое сѣмя,
 Чѣмъ лучше былъ земной ея составъ!
- « Моей красой онъ сдержанъ былъ на время, 121
 И, слѣдуя младымъ очамъ моимъ,
 Онъ прямо шелъ, грѣховъ отбросивъ бремя.
- « Но лишь череда настала днямъ вторымъ, 124
 Едва лишь въ жизнь вступила я иную, —
 Меня забывъ, онъ предался другимъ.
- « Когда-жъ на духъ смѣнила плоть земную 127
 И возросла въ красѣ и чистотѣ, —
 Онъ пересталъ цѣнить меня, святую.
- « И ложный путь онъ избралъ въ слѣпотѣ 130
 Вслѣдъ призракамъ пустого идеала,
 Повѣривши несбыточной мечтѣ;
- « Нایتъе свыше ужъ не помогало, 133
 Какимъ не разъ къ себѣ въ видѣньяхъ сна
 Звала его, — такъ чтить меня онъ мало!
- « И такъ онъ палъ, что мнѣ уже одна 136
 Спасти его дорога оставалась:
 Явить ему погибшихъ племена.

- «Затѣмъ-то я и къ мертвымъ въ сѣнь спускалась 139
И тамъ предъ тѣмъ, который въ этотъ край
Привелъ его, слезами заливалась.
- «Нарушится судъ Божій, если въ рай 142
Онъ перейдетъ чрезъ Лету, узреть розы
Небесныхъ странъ и не уплатить пай
- «Раскаянья, проливъ здѣсь горьки слезы». 145
-

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Земной рай.— Новые упреки Беатриче и новое покаяніе Данте.— Переходъ черезъ Лету.— Пляска четырехъ прекрасныхъ женъ.— Беатриче безъ покрывала.

- «О ты, стоящій за рѣкой священной!» 1
Тагъ, словъ своихъ мнѣ въ грудь направивъ мечъ,
И безъ того ужъ слишкомъ изощренный,
- Она вела безъ перерыва рѣчь: 4
— «Скажи, скажи: права-ль я съ обвиненьемъ?
Сознайся же и дай мнѣ судъ изречь».
- Но я такимъ взволнованъ былъ смущеньемъ, 7
Что голосъ мой, возникнувъ, смолкъ скорѣй,
Чѣмъ органъ рѣчи издалъ звукъ съ волненъемъ.
- Она-жь, помедливъ:— «Что съ душой твоей? 10
Отвѣтствуй мнѣ! Еще въ рѣкѣ твой разумъ
Не потерялъ всю память прежнихъ дней».
- Смущеніе и страхъ, смѣшавшись разомъ, 13
Столь тихое изъ устъ исторгли «да»,
Что заключить о немъ лишь можно-бъ глазомъ.
- Какъ арбалетъ ломается, когда 16
Лукъ съ тетивой сверхъ мѣръ натянуть длани
И пустять въ цѣль стрѣлу ужъ безъ вреда,

- Такъ сломенъ былъ я тяжестью страданій. 19
 Я залился слезами, голосъ стихъ,
 Подавленъ вздохами въ моей гортани.
- И мнѣ она:— «Въ желаніяхъ моихъ, 22
 Чтобъ ты любилъ и думалъ лишь о Благѣ,
 Внѣ коего нѣтъ радостей земныхъ.
- «Скажи, какіе встрѣтилъ ты овраги 25
 Иль чѣмъ былъ скованъ, что идти впередъ
 За Благомъ тѣмъ лишился всей отваги?
- «И что за прелести, что за расчетъ 28
 Въ челѣ другихъ нашель ты, что ихъ крыльямъ
 Осмѣлился повѣрить свой полетъ?»
- Вздохнувъ глубоко, залить слезъ обильемъ, 31
 Едва собралъ я голосъ на отвѣтъ,
 Сложившійся въ устахъ моихъ съ усильемъ.
- «Цѣня», сказалъ я съ плачемъ, «ложный свѣтъ 34
 Лишь благъ земныхъ, я вслѣдъ за нимъ увлекся,
 Когда юдолю покинули вы бѣдъ».
- И та:— «Хотя-бъ смолчалъ ты иль отрекся, 37
 Въ чемъ ты сознался,— все-жъ твой Судія
 Зритъ грѣхъ твой, сколько-бъ мглой онъ ни облекся.
- «Но кто излилъ въ слезахъ, не утая, 40
 Грѣхъ добровольно,— для того колеса
 Нашъ судъ вращаетъ противъ острія.
- «Однако, чтобъ большій отозвалося 43
 Тебѣ паденье, чтобъ въ другой ты разъ
 На зовъ Сиренъ недвижнѣй былъ утеса,—
- «Уйми источникъ слезъ и слушай насъ. 46
 И я скажу: куда-бъ тебя, казалось,
 Былъ долженъ вестъ моей кончины часъ.

- «Въ природѣ ли, въ искусствѣ-ль, что встрѣчалось 49
Прекраснѣе тѣхъ членовъ, гдѣ виталь
Мой духъ, хоть тѣло въ прахъ уже распалось?»
- «И если ты съ ихъ смертью потерялъ 52
Все высшее,— въ комъ на землѣ въ замѣну
Ты могъ найти столь дивный идеаль?»
- «Съ стрѣлою первой, видя благъ тѣхъ цѣну, 55
Не долженъ ли ты былъ въ святой предѣль
Летѣть за мной, ужъ вышедшей изъ плѣну?»
- «Такъ какъ могла подъ выстрѣлъ новыхъ стрѣлъ 58
Склонить полетъ твой женскихъ глазъ зараза,
Вся суетность житейскихъ тщетныхъ дѣлъ?»
- «Младой птенецъ прельстится два, три раза; 61
Когда-жъ онъ оперится,— птицеловъ
Не обольститъ ему ужъ сѣтью глаза».
- Какъ, покраснѣвъ, потупя взоръ, безъ словъ, 64
Стоять и внемлетъ наставленьямъ въ школѣ,
Въ винѣ сознавшись, ученикъ,— таковъ
- Былъ я. Но та: — «Мнѣ внемля, по-неволѣ 67
Тоскуешь ты; но бороду на насъ
Приподыми, и ты встоскуешь болѣ».
- Ахъ, съ меньшимъ затрудненьемъ вырвуть вязъ 70
Съ корнями вонъ порывы бурь съ полночи,
Иль вихрь изъ странъ, гдѣ царствовалъ Ярбасть,
- Чѣмъ то, съ какимъ свои я поднялъ очи; 73
Я въ словѣ борода свой ликъ узналъ,—
И ядъ насмѣшки понялъ я жесточе.
- Когда-жъ чело я наконецъ подъялъ, 76
То увидалъ, что на нее цвѣтами
Ужъ рой существъ первичныхъ не кидаль.

- И смутными я зрѣлъ ее очами, 79
 Глядѣвшую туда, гдѣ птица-левъ
 Двумя въ одно сливались естествами.
- На томъ берегу, въ покровѣ межъ деревъ, 82
 Она себя былую превышала,
 Насколько здѣсь была всѣхъ краше дѣвъ.
- Такъ жгло меня раскаянія жало, 85
 Что отъ всего, къ чему такъ льнулъ мой слухъ,
 Душа моя, какъ отъ врага, бѣжала.
- Самосознанье такъ мнѣ грызло духъ, 88
 Что тутъ я палъ, и чѣмъ тогда могъ стать я, —
 Лишь знаетъ та, предъ кѣмъ мой умъ потухъ.
- Когда-жъ сталъ вновь міръ внѣшній сознать я, — 91
 Та донна, кѣмъ я встрѣченъ у ключа,
 Сказала мнѣ: — «Ко мнѣ, ко мнѣ въ объятія!»
- И, погрузивъ до шеи и влача 94
 Меня въ волнахъ, по водному разбѣгу
 Она скользнула, какъ челнокъ ткача.
- И хоръ воспѣлъ, лишь близокъ былъ я къ берегу, 97
 «Asperges me», такъ звучно, что нѣтъ силъ
 Ни описать, ни вспомнить звуковъ нѣгу.
- И дланями прекрасной схваченъ былъ 100
 Я за главу я весь опущенъ въ волны,
 При чемъ воды невольно я испилъ.
- И къ четыремъ тѣмъ дѣвамъ я, безмолвный, 103
 Сталъ въ хороводъ, омытъ отъ грѣшной тѣмы,
 И принять въ ихъ объятія, счастья полный.
- «Мы нимфы здѣсь, а въ небѣ звѣзды мы! 106
 Мы, до явленія Беатриче въ мірѣ
 Ея рабы, ужъ лили свѣтъ въ умы.

«Къ ея очамъ тебя представимъ въ мнрѣ;
Дадуть же мощь тебѣ ихъ вынести свѣтъ
Тѣ три жены, что глубже зрять въ эфирѣ».

Такъ начали пѣть хоромъ и, вослѣдъ 112
Имъ шествуя, предсталъ я предъ Грифона;
Съ него-жъ на насъ былъ взоръ ея воздѣтъ.

— «Здѣсь не щади очей», сказали жены: 115
«Ты приведешь къ смарагдамъ тѣхъ очей,
Отъ коихъ стрѣль ты палъ во время оно».

Миліоны думъ, огня всѣ горячѣй, 118
Влекли мой взоръ къ очамъ ея лучистымъ,
Прикованнымъ лишь къ Грифу безъ рѣчей.

Какъ солнце въ зеркалѣ, во взорѣ чистомъ 121
Грифъ отражался, образъ свой двоя
То тѣмъ, то этимъ веществомъ огнистымъ.

Представь, читатель, какъ дивился я, 124
Когда, не движась, Грифъ безъ перерыва
Мѣнялъ свой образъ въ мглѣ очей ея!

Пока мой духъ, полнъ радости и дива, 127
Вкушалъ ту снѣдь, что, насыщая насъ,
Въ насъ возбуждаетъ больше къ ней призыва, —

Приблизились другія три, явась 130
Мнѣ существами высшаго порядка,
И съ пляской райской слили пѣнья гласъ.

— «Склони, склони взоръ свѣтлый», пѣли сладко, 133
«О Беатриче, къ другу твоему!
Чтобъ зрѣть тебя, онъ путь свершилъ не краткій.

«Будь благостна, благоволи ему 136
Открыть уста, да видитъ безъ покрова
Второй твой блескъ, незримый никому!»

- О вѣчный свѣтъ отъ свѣта пресвятого! 139
Кто такъ блѣднѣлъ въ тѣни густыхъ древесъ
Парнаса, кто испилъ ключа живого,
- Чтобъ геній въ немъ внезапно не исчезъ, 142
Когда-бъ дерзнулъ воспѣть, какъ ты предстала,
Осѣнена гармоніей небесъ,
- О Беатриче, мнѣ безъ покрывала! 145
-

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Земной рай.—Таинственныя судьбы священной колесницы.—Символическое дерево.—Превращеніе колесницы въ чудовище.—Блудница и Гигантъ.

- Такъ приковалъ я взоры къ ней, чтобъ жажды 1
Десятилѣтней жаръ унять въ крови,
Что вмигъ во мнѣ угаснулъ помысль каждый.
- Все скрылось съ глазъ, какъ будто изъ земли 4
Воздвиглись стѣны; такъ я изловился
Святой улыбкой въ сѣть былой любви!
- Но вдругъ мой взоръ насильственно склонился 7
На тѣхъ богинь налѣво, лишь достигъ
Ко мнѣ ихъ возгласъ: — «Какъ онъ углубился!»
- И свойство глазъ — лишаться зрѣнья вмигъ, 10
Какъ скоро солнце вдругъ ихъ поразило,
Оставило меня слѣпымъ на мигъ.
- Когда же свѣтъ вновь зрѣнье ощутило 13
(Лишь малый свѣтъ въ сравненьи съ тѣмъ большимъ,
Отъ коего я былъ оторванъ силой), —
- И увидалъ, что воинствомъ святымъ 16
Взято въ пути направо направленье
Къ свѣтильникамъ и къ солнцу передъ нимъ.

- Какъ подъ покровомъ изъ щитовъ въ сраженьѣ 19
 Полкъ кружить съ знаменемъ, пока опять
 Не встанетъ въ строй, спасаясь въ отступленьѣ, —
- Такъ Божьихъ силъ передовая рать 22
 Ужъ вся прошла, а дышлу вслѣдъ дружинамъ
 Еще все медлилъ Грифъ движенье дать.
- Когда-жъ къ колесамъ стали жены чиномъ, 25
 Грифъ тронулъ съ мѣста пресвятой ковчегъ,
 При чемъ въ перѣ не дрогнуть ни единомъ.
- И донна, коей я взведенъ на брегъ 28
 Изъ волнъ, пошла со Стаціемъ и мною
 За колесомъ, свершавшимъ меньшій бѣгъ.
- Такъ, въ лѣсъ войдя (теперь пустой — виною 31
 Повѣрившей когда-то Змію зла),
 Мы шли подъ-ладъ съ музыкой неземною.
- На сколько въ три полета вдаль стрѣла 34
 Проносится, такое разстоянье
 Пройдя, на землю дивная сошла.
- «Адамъ, Адамъ!» я вялъ въ толпѣ роптанье, 37
 И къ дереву — безъ листьевъ и цвѣтовъ
 На всѣхъ вѣтвяхъ — столцилось все собранье.
- Раскидывалъ тамъ шире свой покровъ, 40
 Чѣмъ выше росъ, стволъ дерева, — громада,
 Какой не зрѣлъ и индусъ средь лѣсовъ.
- «Хвала, о Грифъ! Твой клювъ не тронулъ яда 43
 Вѣтвей на дрѣвѣ, сладкаго въ устахъ,
 Но гибельнаго чреву мукой ада».
- Такъ возлѣ древа крѣпкаго въ толпахъ 46
 Раздался кликъ, и существо двойное:
 — «Такъ да блюдется правда въ сѣменахъ!»

- И колесницы дышло пресвятое 49
 Повлекъ Грифонъ и съ древомъ-сиротой
 Связалъ его, какъ отъ него взятое.
- Какъ наши злаки здѣсь (порою той, 52
 Когда мѣшается съ великимъ свѣтомъ
 Тотъ, что идетъ за Рыбами весной)
- Вдуваются, чтобъ обновиться цвѣтомъ, 55
 Всякъ злакъ своимъ, покуда Фебъ коней
 Къ другимъ созвѣздьямъ не направитъ съ лѣтомъ, —
- Такъ, полное сперва сухихъ вѣтвей, 58
 Вдругъ оживясь, то древо цвѣтомъ стало
 Темнѣ розъ, фіалки же свѣтлѣй.
- Чей умъ пойметъ? Чье ухо здѣсь внимало 61
 Тѣмъ гимнамъ, кои пѣлись тамъ? Но силъ
 Имѣлъ я вынести только ихъ начало.
- Имѣй я кисть представить, какъ смежилъ 64
 Зеницы Аргусъ подъ напѣвъ свирѣли,
 За что цѣной онъ жизни заплатилъ, —
- Я-бъ, какъ художникъ, пишущій съ модели, 67
 Изобразилъ, какъ сну я предался;
 Но гдѣ мнѣ красокъ взять для этой цѣли?
- Итакъ, скажу, какъ сонъ мой прервался, 70
 Какъ сна покровъ расторгся блескомъ свѣта
 И возгласомъ:—«Проснись! ты заспался».
- Какъ на гору (да узрять роскошь цвѣта 73
 Той яблони, чьи яблоки даны
 Въ снѣдъ ангеламъ предвѣчнаго совѣта)
- Иоаннъ, Іаковъ, Петръ возведены 76
 И какъ ихъ сны расторгъ глаголь надежды,
 Что расторгалъ и гробовые сны,

- При чемъ уже не видѣли ихъ вѣжды 79
 Ни Моисея, ни Ильи, и самъ
 Учитель ихъ ужъ измѣнилъ одежды,—
- Такъ, пробудившись, я увидѣлъ тамъ 82
 Благочестивую,—ту, что въ красѣ дѣвичьей
 Вдоль водъ казала путь моимъ стопамъ.
- И въ страхѣ я спросилъ:—«Гдѣ Беатриче?» 85
 И та:—«У корня древа возсѣдять
 Подъ новою листвою, полна величій.
- «Взгляни: вотъ сонмъ подругъ ея стоитъ; 88
 Другіе-жъ всѣ внеслися за Грифономъ.
 Чу! какъ ихъ пѣснь тамъ въ глубинѣ гремитъ».
- И что еще сказала мнѣ объ ономъ, 91
 Не вѣдаю: мнѣ зрѣлась лишь она,
 Замкнувшая мой слухъ всѣмъ прочимъ тонамъ.
- На почвѣ чистой тамъ возсѣвъ, одна, 94
 Какъ стражъ, блюла ту колесницу міра,
 Что существомъ двувиднымъ спасена.
- Вокругъ нея слились, какъ вдругъ кумира, 97
 Семь нимфъ, держа въ свѣтильникахъ огни,
 Хранимые отъ Норда и Зефира.
- «Не долго быть тебѣ въ лѣсной тѣни: 100
 Въ великій Римъ внесешься силой чуда,
 Гдѣ самъ Христось—римлянинъ ископи!
- «На благо міру, что живетъ такъ худо, 103
 Зри колесницу; что увидишь здѣсь,
 Все запиши, когда придешь отсюда».
- Такъ Беатриче. И, склоненный весь 106
 Къ стопамъ ея вѣлній, умъ и очи,
 Какъ повелѣла, устремилъ я днесь.

- Стремительно такъ никогда въ мглѣ ночи 109
 Изъ тучъ не сходить молнія, когда
 Изъ высшихъ сферъ дождь хлынетъ изъ всей мочи,
- Какъ птица Зевса ринулась тогда 112
 По дереву, сорвавъ съ него съ корою
 И листь и цвѣтъ, и пала, какъ бѣда,
- На колесницу съ яростью такою, 115
 Что та накренилась, какъ боть средь волнъ,
 Съ бортовъ разимый въ морѣ бурей злою.
- И въ колесницу, зыбкую какъ челнъ, 118
 Голодная Лисица ворвалася,
 Которой зѣвъ былъ всякой северны полнъ.
- Но, укоризнъ мадонны устрася, 121
 Отъ мерзкихъ дѣлъ она пустилась въ бѣгъ,
 Насколько могъ бѣ жать скелеть безъ мяса.
- И вотъ, изъ странъ, отколь сперва притекъ, 124
 Въ ковчегъ опять Орель спустился бурно
 И пухомъ крылъ осыпалъ весь ковчегъ.
- И въ высотѣ, въ обители лазурной, 127
 Раздавшись, скорби голосъ произнесъ:
 —«О мой челнокъ! какъ нагруженъ ты дурно!»
- И видѣлъ я: вотъ! между двухъ колесъ 130
 Земля разверзлась, и Драконъ выходитъ —
 Пронзить ковчегъ хвостомъ своимъ насквозь.
- И какъ оса изъ тѣла вновь выводитъ 133
 Иглу,—такъ Змій, въ себя вобравъ хвостъ свой,
 Отторгъ часть дна и, радостный, уходитъ.
- Какъ глохнетъ поле сорною травой, 136
 Такъ, что осталось, въ пухъ Орла (забытый,
 Выть можетъ, съ цѣлью чистой и благой)

- Одѣлося, и были быстро скрыты 139
 Колеса съ дышломъ имъ: уста безъ словъ,
 Чтобъ вздохъ издать, не долѣе открыты.
- Преобразившись такъ, чертогъ Христовъ 142
 Главы изводить изъ своихъ гнѣздилищъ,
 На дышлѣ три и по одной съ угловъ;
- Рога быковъ—у первыхъ трехъ чудилищъ, 145
 У всѣхъ другихъ—по рогу на челѣ;
 Вѣкъ я не зрѣлъ столь мерзостныхъ страшилищъ.
- Тверда, какъ крѣпость на крутой скалѣ, 148
 Сидитъ на немъ Блудница на свободѣ
 И наглый взоръ вокругъ водить по землѣ.
- И, чтобъ ее не потерять (невзгодѣ, 151
 Кто былъ бы радъ?), Гигантъ стоитъ съ ней въ рядѣ,
 Ее цѣлуетъ онъ при всемъ народѣ.
- Когда-жъ въ меня свой похотливый взглядъ 154
 Та кинула,—бичомъ любовникъ строгій
 Ее избилъ отъ головы до пятъ.
- И волю далъ, полнъ гнѣва и тревоги, 157
 Онъ чудищу и такъ далеко въ лѣсъ
 Увлекъ ее, что гадъ сей многорогій
- Съ Блудницею изъ глазъ моихъ исчезъ. 160

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Земной рай. — Прорицаніе Беатриче. — Пятьсотъ и Пять и Десять. — Данте и Беатриче. — Рѣка Эвноз.

- «Deus venerunt gentes»... въ сокрушеньѣ, 1
То только трехъ, то четырехъ дѣвъ хоръ
Такъ, чередуясь, началъ псалмопѣнье.
- И воздыхая, — скорбная съ тѣхъ поръ, — 4
Внимала Беатриче; лишь Марія
Имѣла у креста печальнѣйшій взоръ,
- Когда же дали дѣвы пресвятыя 7
Ей говорить, — съ лицомъ какъ бы въ огнѣ,
Она, вставъ, рекла слова такія:
- «Modicum, et non videbitis me 10
Et iterum, o милыя подруги,
Modicum, et vos videbitis me».
- Когда-жъ семь женъ пошли предъ ней, какъ слуги, 13
Она, давъ знакъ за нею вслѣдъ идти
Мнѣ, доннѣ и поэту въ нашемъ кругѣ,
- Подвиглась въ путь и, вѣрно, десяти 16
Еще шаговъ въ пути не совершила,
Какъ взоромъ мнѣ пронзила взоръ въ пути

- И съ видомъ яснымъ такъ проговорила: 19
 — «Слѣши; хочу бесѣдовать съ тобой:
 Понять меня въ тебѣ уже есть сила».
- Лишь я предсталъ, какъ долгъ велить, къ святой, — 22
 Она рекла:— «О! братъ мой, что-жъ о многомъ
 Не спросишь ты, пока идешь со мной?»
- Что съ тѣмъ бываетъ, кто въ чрезмѣрно строгомъ 25
 Почтеніи, со страхомъ говоря,
 Едва сквозь зубы тянетъ слогъ за слогомъ,
- То было и со мной, и началъ я 28
 Неявственно:— «Вамъ вѣдомо, мадонна,
 Что нужно мнѣ, въ чемъ благо для меня».
- И мнѣ она:— «Хочу, чтобъ непреклонно 31
 Мужался ты, отбросивъ лишній стыдъ,
 И говорилъ отнынѣ не какъ сонный.
- «Знай: тотъ сосудъ, что Зміемъ здѣсь разбить, — 34
 Онъ бѣ и нѣсть! Но Божеской десницы
 Виновникъ зла — скупой не отвратить.
- «И явится въ свой часъ наслѣдникъ птицы, 37
 Разсыпавшей на колесницѣ пухъ,
 Чтобъ чудище родить изъ колесницы.
- «Ужъ ясно вижу (и скажу то вслухъ): 40
 Низводятъ день ужъ звѣзды въ зодіакъ,
 Когда прорветъ всѣ грани нѣкій духъ.
- «Пятьсотъ и Пять и Десять — будутъ знаки 43
 Послу съ небесъ: предъ нимъ падеть та тварь
 И тотъ Гигантъ, кто съ ней грѣшитъ во мракѣ.
- «И коль слова мои темны, какъ встарь 46
 Оемиды рѣчь иль Сфинкса, если смысла
 Ихъ не поймешь, какъ Сфинкса понялъ царь, —

- «Наядами тебѣ пусть будутъ числа, 49
 Пусть той загадки такъ разсвѣятъ мракъ,
 Чтобъ на стадахъ и нивахъ смерть не висла.
- «Замѣть же ихъ и, какъ ихъ слышалъ, такъ 52
 Всѣмъ передай свои влачащимъ лѣта
 Въ той жизни, гдѣ все къ смерти есть лишь шагъ.
- «И, записавъ ихъ, не укрой отъ свѣта, 55
 Какъ два раза предъ взоромъ у тебя
 Расхищено здѣсь было древо это.
- «Кто-жъ расхищаетъ древо, не любя, 58
 Тотъ хульнымъ дѣломъ оскорбляетъ Бога,
 Чтò освятилъ то древо для Себя.
- «За этотъ грѣхъ духъ первый, мучась строго, 61
 Пять тысячъ лѣтъ и болѣ ждалъ Того,
 Кто искушилъ сей грѣхъ, страдавъ такъ много.
- «Спать разумъ твой, коль не пойметъ, съ чего 64
 Такъ вознеслось то древо безъ границы.
 И почему такъ дивенъ верхъ его?
- «Увы! не будь думъ тщетныхъ вереницы 67
 Волнами Эльсы для души твоей
 И ложь ихъ — тѣмъ, чѣмъ былъ для шелковицы
- «Встарь Пирамъ, ты-бъ уже изъ сихъ вещей 70
 Могъ нравственно понять, какъ правосудно
 Богъ воспретилъ касаться сихъ вѣтвей.
- «Но, убѣдясь, что твой разсудокъ скудный 73
 Окаменѣлъ и темень сталъ въ грѣхахъ
 И снести не можетъ свѣтъ сей рѣчи трудной.
- «Хочу, чтобъ ты носилъ его въ мечтахъ, 76
 Коль не въ чертахъ, такъ въ краскахъ, какъ приносить
 Паломникъ жезлъ свой въ пальмовыхъ вѣтвяхъ».

- И я: — «Какъ воскъ уже навѣки носить 79
 Все то, что въ немъ изобразить печать.
 Такъ вашихъ словъ мой мозгъ съ себя не сбросить.
- «Но для чего такъ должно возлетать 82
 Глаголу вашему превыше долу,
 Что умъ за нимъ не въ силахъ поспѣвать?»
- «Затѣмъ, чтобъ ты», сказала, «понялъ школу, 85
 За коей шелъ, чтобъ зналъ, какъ не слѣдить
 Ея ученье моему глаголу
- «И какъ вашъ путь настолькоъ-жъ отстоятъ 88
 Отъ Божескихъ, насколько выше мѣты
 Земной тотъ кругъ, что выше всѣхъ парить».
- И я:— «Не помню, чтобъ въ былыя лѣты 91
 Когда-нибудь я въ чемъ чуждался васъ,
 И совѣсти не страшны мнѣ извѣты».
- «И если все забылъ на этотъ разъ», 94
 Съ улыбкой мнѣ она,— «тому виною,
 Что ты испилъ изъ Леты лишь сейчасъ. .
- «Какъ дымъ пожаръ являетъ намъ порою, 97
 Такъ въ семъ забвеньи, ясно вижу я,
 Иной предметъ былъ въ мысляхъ предъ тобою.
- «Аминь, аминь, отнынѣ рѣчь моя 100
 Откроется, насколько грубымъ зрѣньемъ
 Ты въ силахъ снестъ глубокой смыслъ ея».
- Ужъ пламеннѣй и съ большимъ замедленьемъ 103
 Вступало солнце въ полдень средь высотъ,
 Лежащій розно съ каждымъ положеньемъ,
- Какъ вдругъ семь дѣвъ замедлили (какъ тотъ. 106
 Кто, шествуя предъ толпой народной,
 Предъ чѣмъ-нибудь вдругъ замедляетъ ходъ), —

- У блѣдной тѣни роши, съ тою сходной, 109
 Какую въ Альпахъ видимъ средь прохладѣ
 Листвы и сосенъ у воды холодной.
- Лились предъ нами, мнилось мнѣ, Евфратъ 112
 И Тигръ, струясь изъ одного исхода
 И расходясь, какъ съ братомъ нѣжный братъ.
- «О свѣты! о честь всего земного рода! 115
 Что за вода? Зачѣмъ одинъ истокъ
 Себя здѣсь дѣлить въ два водопровода?»
- И та:— «Спроси, что это за потокъ, 118
 Матильду, братъ». — И ей, спѣша съ отвѣтомъ,
 Какъ бы затѣмъ, чтобъ снять съ себя урекъ,
- Прекрасная:— «Онъ слышалъ ужь объ этомъ 121
 И о другомъ, и Леты онъ въ волнахъ
 Едва-ль утратилъ память къ симъ предметамъ».
- И Беатриче:— «Объ иныхъ дѣлахъ 124
 Заботой часто думы въ насъ покрыты,
 Онѣ затмили свѣтъ въ его очахъ.
- «Но вотъ струится Эвноэ! Веди ты 127
 Его къ нему и, по обычью, въ немъ
 Возстанови всю мощь и духъ убитый».
- Какъ кроткая, послушная во всемъ, 130
 Какъ та, кому чужая власть закономъ,
 Коль скоро ей дають намекъ о томъ, —
- Прекрасная, подавъ мнѣ длань, по склонамъ 133
 Пошла къ рѣкѣ, и Стацію:— «Иди
 За нимъ!» рекла, какъ подобаетъ доннамъ.
- Имѣй я мѣста болѣ впереди, 136
 Воспѣлъ бы я, читатель, хоть отчасти,
 Вкусъ водъ, восторгъ рождающихъ въ груди.

- Но, какъ уже полны теперь всѣ части 139
Второй канцоны, то, закончивъ листъ,
Не выйду я изъ-подъ искусства власти.
- Какъ въ новую листву одѣтъ, душистъ 142
И свѣжъ, встаетъ знакъ новый, такъ отъ бездны
Святѣйшихъ волнъ я возвратился чистъ
- И весь готовъ вознестись въ страны звѣзды. 145

ПРИМЪЧАНІЯ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

3. «Океанъ лютый», т. е. адъ — продолженіе метафоры первыхъ двухъ стиховъ.

5. Чистилище (*purgatorium, il purgatorio*), по ученію католической церкви, помѣщается также въ преисподней, составляя собственно лишь одно изъ отдѣленій ада, который учителя этой церкви (*Petr. Lombard. l. IV, dist. 45 A.; Thoma Aquin. Sum. theolog. P. III, qu. 69, art. 1*) дѣлили на двѣ главныя части: 1) на адъ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ помѣщены демоны и грѣшники, и 2) другіе отдѣлы преисподней, а именно — а) чистилище, непосредственно примыкающее къ аду; б) лимбъ младенцевъ (*limbus infantum*), гдѣ находятся души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія (*Thom. Aquin. Ib. qu. 69, art. 6*), и в) лимбъ праотцевъ (*limbus patrum*), мѣстопробываніе благочестивыхъ мужей Ветхаго Завѣта, куда нисходилъ Христосъ для ихъ освобожденія (Данте, *Ада IV, 31—63; Thom. Aquin. 1 с., art. 4. Elucidar c. 64*). Въ отношеніи этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ Данте во всемъ согласуется съ топографіей средневѣковыхъ схоластиковъ; въ отношеніи же чистилища, т. е. мѣста, гдѣ очищаются души, чтобы впоследствии вознестись на небо, онъ уклоняется отъ отцовъ церкви, создавъ совершенно новый образъ чистилища, — болѣе поэтическій, болѣе ясный, свѣтлый и, такъ сказать, болѣе радостный. Дантовское чистилище помѣщается на противоположномъ нашему полушаріи, на островѣ, окруженномъ Великимъ океаномъ, покрывающимъ, по тогдашнимъ понятіямъ, все южное полушаріе (*Ада XXXIV, 112—114, 116—118, 122—123*). На этомъ островѣ, лежащемъ подъ однимъ меридіаномъ (въ антиподѣ) съ Іерусалимомъ, считавшимся въ то время за средоточіе (пупъ) земли, подымается высочайшая гора въ видѣ усѣченнаго на вершинѣ конуса. Вокругъ горы идутъ концентрично въ видѣ террасъ семь уступовъ или круговъ (называемыхъ поэтомъ также карнизами—*cornici*), на которыхъ очищаются кающіяся души. Всѣ эти террасы соединены между собою высѣченными въ скалахъ—болѣе или менѣе трудными для подъема—лѣстницами или горными тропинками, ведущими въ концѣ концовъ на самую вершину горы, на которой посреди восхитительной равнины расположенъ земной рай. На семи уступахъ горы очищаются души въ слѣдующихъ семи смертныхъ грѣхахъ: гордости, зависти, гнѣвѣ, уныніи (*accidia*), сребролюбіи или скупости и расточительности, чревоугодіи и блудѣ,

или сладострастїи. Но кромѣ того все чистилище распадается еще на три слѣдующіе отдѣла: 1) на преддверіе чистилища (*antipurgatorium*), гдѣ помѣщаются души нерадивыхъ (*neghittosi*), покаявшихся въ послѣднія минуты жизни; эти души должны пробытъ здѣсь извѣстное время, прежде чѣмъ будутъ допущены къ очищенію; 2) настоящее чистилище, раздѣленное, по числу семи смертныхъ грѣховъ, на семь сказанныхъ круговъ, и наконецъ 3) земной рай, на вершинѣ горы, составляющій какъ бы переходную ступень къ небесному блаженству. Первое отдѣленіе сообщается со вторымъ вратами чистилища, охраняемыми ангеломъ-привратникомъ, передъ которымъ каждый вступающій исповѣдуетъ грѣхи свои. Кромѣ того каждый изъ семи круговъ имѣетъ своего ангела-хранителя. Первый отдѣлъ, *antipurgatorium*, описывается отъ I пѣсни до X, второй — отъ X до XXVIII, третій — отъ XXVIII и до конца Чистилища.

7. «Мертвая пѣснь», т. е. пѣснь о царствѣ мертвого народа (*regno della morta gente*, Ада VIII, 85).

8. «О хоръ небесныхъ дѣвъ» (въ подлинникѣ: *O sante Muse!*). Слич. Чистилища XXIX, 37 и примѣчаніе.

9. «*Vos, o Calliope, precor, adspirate sapienti*». Virg. Aen. IV, 522. — Калліопа (*Calliopea*), одна изъ девяти музъ. Въ первой пѣсни Божественной Комедіи (Ада II, 7) призываются музы вообще, здѣсь въ особенности Калліопа, муза высшей эпической поэзіи, потому что тонъ Божественной Комедіи съ дальнѣйшимъ ея развитіемъ и начиная уже отсюда становится все важнѣе и возвышеннѣе.

11. «Дѣвъ безумныхъ» (въ подлинникѣ: *le Piche misere*, жалкія сороки). Здѣсь разумѣются девять дочерей ессалийскаго царя Пирія. Гордясь своимъ искусствомъ пѣнія и умѣемъ играть на лирѣ, онѣ вызвали на состязаніе музъ, и въ числѣ ихъ Калліопа; но, будучи побѣждены, были превращены музами въ сорокъ. Ovid. Metam. V, 302 и примѣчаніе.

13—15. Этой терциной обозначается время дня — раннее утро, передъ разсвѣтомъ, когда восточное небо принимаетъ блѣдно-голубой цвѣтъ сапфира.

15. «До сферы первой», т. е. до сферы луны, которая, по системѣ Птоломея, составляетъ первую, или самую низшую изъ девяти сферъ вокругъ земли (Ада II, 78 и примѣчаніе). До сферы луны, по тогдашнимъ понятіямъ, простирается атмосфера земли; затѣмъ начинается болѣе свѣтлая, огненная область (Рая I, 79—82).

19. Планета Венера (*Lo bel pianeta che ad amar conforta*). Данте въ своемъ *Convivio* отдаетъ девять небесныхъ сферъ руководству девяти ангельскихъ хоровъ, при чемъ третій кругъ, сферу Венеры, поручаетъ Престоламъ, которые, будучи образованы по любви Св. Духа (*naturati del amore dello Spirito Santo*), оказываютъ и дѣйствіе, соответствующее этой природѣ своей, именно вызываютъ движеніе этого неба, исполненное любви, отчего форма (сущность, природа этого неба) получаетъ мощный жаръ, которымъ души на землѣ воспламеняются къ любви, смотря по ихъ различнымъ способностямъ. А такъ какъ древніе полагали, что это небо становится на землѣ виновникомъ любви, то и говорили, что «Венера есть мать любви» (*Conv. tr. II, c. 6.* — Слич. Рая VIII, 1 и примѣчаніе). «Звѣзда божественной любви первая сверкаетъ надъ горою Чистилища пришельцу изъ страны грѣшниковъ, отвратившихся отъ любви къ Богу». Ноттеръ.

21. «Созвѣздіе Рыбъ». «Венера, какъ утренняя звѣзда, стоитъ въ знакѣ Рыбъ, помѣщающемся непосредственно за знакомъ Овна, въ которомъ находится солнце въ весеннее равноденствіе». Карлъ Витте. — Слѣдовательно, мнѣніе Данте ошибочно, и Венера появляется въ эту пору года лишь нѣсколько минутъ спустя по

восходѣ солнца.— По словамъ Ада, путники находились въ аду около 24 часовъ. Такъ какъ въ адъ они вошли вечеромъ въ Великую Пятницу (Ада XXI, 112 и далѣе), то эти 24 часа должны пасть на ночь, слѣдующую за Великой Пятницей, и на день Великой Субботы. Когда же потомъ они опять стали взбираться вверхъ отъ центра земли, при чемъ очутились на противоположномъ полушаріи, то было уже половина 8-го часа утра слѣдующаго дня, т. е. Свѣтлаго Воскресенья. Въ этотъ день вышелъ Данте изъ адской ночи, при блескѣ звѣзды, дарующей мощь любви и приводящей въ восторгъ грудь и очи.

22. «Направо»,—по выходѣ изъ ада Данте былъ обращенъ лицомъ къ востоку, и потому, чтобы взглянуть на южный полюсъ, онъ долженъ былъ повернуться направо.

23—24. «Четыре звѣзды». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти звѣзды имѣютъ чисто-аллегорическое значеніе, какъ это видно изъ ст. 38 этой пѣсни, гдѣ онѣ названы «святыми», а также изъ Чистилища XXXI, 106, гдѣ говорится: «Мы нимфы здѣсь, а въ небѣ звѣзды мы». Онѣ означаютъ четыре натуральныя, признававшіяся и въ языческомъ мірѣ добродѣтели: мудрость, правосудіе, мужество и воздержаніе. Но съ другой стороны Данте придаетъ звѣздамъ этимъ и реальное значеніе, какъ это видно изъ Чистилища VIII, 91—92: «Склонились ужъ четыре свѣтила тѣ, чей блескъ ты утромъ зрѣлъ». Потому многие комментаторы полагаютъ, что Данте здѣсь дѣйствительно имѣлъ въ виду созвѣздіе Южнаго Креста, состоящее изъ одной звѣзды первой, двухъ второй и одной третьей величины. О существованіи этого созвѣздія на южномъ полушаріи Данте могъ узнать отъ Марко Поло, вернушагося въ 1295 г. изъ своего путешествія, во время котораго онъ посѣтилъ Яву и Мадагаскаръ. Кромѣ того созвѣздіе Креста отчасти видно изъ Александрии и совершенно ясно изъ Мероѣ. Итакъ, очень вѣроятно, что Данте могъ имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ созвѣздіи (установленномъ впервые въ 1679 г.), хотя не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о времени его восхожденія и захожденія, такъ какъ упомянутое захожденіе этихъ четырехъ свѣтилъ бываетъ позднѣе, чѣмъ у Данте. Слич. А. Humboldt's Kosmos, Vol. II, p. 331, 486; Vol. III, p. 329, 361.

24. «Первый родъ», т. е. Адамъ и Ева, которые, находясь въ земномъ раю нѣсколько часовъ (Рая XXVI, 144), видѣли эти звѣзды. По географіи среднихъ вѣковъ, Азія и Африка не простирались далѣе экватора, а потому эти четыре звѣзды были невѣдомы ни для кого изъ людей, кромѣ первыхъ двухъ нашихъ праотцевъ.

29. «Къ сѣверу», т. е. налѣво, къ сѣверному полюсу.

30. «Главная звѣзда α Dubhe созвѣздія Большой Медвѣдицы, или такъ называемой Колесницы, вообще не видна съ того мѣста, гдѣ находится Данте; даже самыя малыя звѣзды этого созвѣздія поднимаются лишь на нѣсколько градусовъ надъ горизонтомъ и видимы 10-го апрѣля отъ 9—12 часовъ; стало быть теперь уже закатились. Можетъ быть, Данте вообще говоритъ здѣсь, что созвѣздіе Большой Медвѣдицы невидимо съ горы Чистилища, и тогда частица «ужъ» (già) будетъ относиться не ко времени, а къ мѣсту, т. е. что оно вообще не видно съ горы Чистилища». Филалетъ.

31. «Старецъ»—это Катонъ Младшій или Утическій, родившійся въ 95 г. и умершій 8-го апрѣля 46 г. до Р. Хр. «Не желая пережить свободу Рима, онъ умертвилъ себя послѣ сраженія при Фарсалѣ. Съ перваго взгляда покажется очень страннымъ встрѣтить язычника и притомъ самоубійцу у подошвы горы Чистилища; какъ самоубійца, онъ принадлежалъ бы ко второму отдѣлу насилующихъ, въ седьмомъ кругу ада. О нѣкоторыхъ позднѣе встрѣчающихся въ поэмѣ язычникахъ Данте вездѣ приводитъ причину, почему онъ не

помѣщаетъ ихъ въ аду, напримѣръ о поэтѣ Стаціѣ (Чистилища XXI, 10 и 82—102), о Рифеѣ и Траянѣ (Рая XX, 103—118). Поэтому древніе комментаторы придавали Дантову Катону значеніе символическое, именно символъ (ст. 71) свободной воли, столь необходимой для покаянія, для добровольнаго возвращенія на путь добродѣтели. Слѣдовательно, Катонъ въ чистилищѣ, подобно Харону, Плутону и др., мнѣнческимъ фигурамъ въ аду, гдѣ онѣ суть чистые символы преступленія и наказанія, есть также не что иное, какъ символъ. Что же касается рода выбранной Катонѣмъ смерти, то онъ также мало принимается въ расчетъ, какъ и въ послѣдней пѣснѣ Ада не принимается въ расчетъ причина, побудившая Брута къ умерщвленію Цезаря. Къ тому же Катонъ является здѣсь не какъ душа, долженствующая подвергнуться очищенію: онъ будетъ занимать здѣсь свое мѣсто вплоть до дня Страшнаго Суда, когда должно уничтожиться чистилище. Какъ стражъ чистилища, онъ даже и не находится въ его преддверіи (*antipurgatorium*), а помѣщенъ внѣ его—у подошвы горы». Каннегиссеръ.— Къ тому же надобно помнить, что не только весь древній міръ, но и нѣкоторые отцы церкви (католической) высоко ставили нравственный характеръ Катона (G. Wolff, *Cato der Jüngere bei Dante* въ *Jahrb. d. deutschen Dante-Gesell.* VII, p. 277 и далѣе), что можетъ быть и побудило Данте помѣстить Катона не въ аду. Слѣдующее мѣсто изъ Дантовой *de Monarchia* (I, II, с. 5) бросаетъ свѣтъ на это мѣсто Чистилища: «*Accedit et illud inenarrabile sacrificium severissimi verae libertatis auctoris Marci Catonis, qui, ut mundo libertatis amores accenderet, quanti libertas esset ostendit, dum e vita liber decedere maluit, quam sine libertate manere in illa*»... А въ своемъ *Convivio* (tr. IV, с. 23) онъ говоритъ: «*E quale uomo terreno degno fù di significare Iddio che Catone? Certo nullo*». Наконецъ, идея о Катонѣ заимствована, можетъ быть, у *Virgilia* (*Aen.* VIII, 670), у котораго на щитѣ, подаренномъ Энеѣю Венерой, Катонъ изображенъ стражемъ отдѣленныхъ въ тартарѣ праведныхъ, при чемъ сказано:

Secretosque pios his dantem jure Catonem.

Почему Катонъ, умертвившій себя на 49 году жизни, представленъ у Данте старцемъ—причина этому лежитъ, конечно, въ словахъ Лукана (*Phars.* II, 374):

*Ut primum tolli feralia viderant arma,
Intensos rigidam in frontem descendere canos
Passus erat, moestamque genis increscere barbam.*

37—38. Четыре звѣзды (ст. 23—24), упомянутые выше символы четырехъ натуральныхъ добродѣтелей: мудрости, правосудія, мужества и воздержанія, отражались въ лицѣ его, какъ такіе добродѣтели, которыя «*rispondovano in Catone vie più che in alcun altro*», какъ говоритъ Данте въ другомъ мѣстѣ.

40. «Мертвый ручей» (въ подлинникѣ: *cielo fiume*)—это потокъ, шумъ котораго слышалъ Данте въ центрѣ земли, въ концѣ послѣдней пѣснѣ Ада, ст. 130.

41. «Изъ тюрьмы», т. е. изъ ада. Катонъ думаетъ, что *Virgilius* и Данте бѣглецы изъ ада.

42. «Качаніе головой выражаетъ изумленіе Катона; впрочемъ, оно дѣлается въ Италіи и въ знакъ вопроса». Ноттеръ.

46. Этотъ стихъ относится къ тому мнѣнію, что въ древнемъ мірѣ для душъ, находящихся въ преисподней, существовала надежда на спасеніе въ чаяніи пришествія Христа; но съ сошествіемъ Его въ адъ для нескупленныхъ изъ него навѣки потерялась надежда на спасеніе: *ex inferno nulla est redemptio*.—«*Lasciate ogni speranza*» (Ада III, 9).

48. «Мой гротъ».—Гротъ Катона, повидимому, находится внутри горы при самомъ восходѣ на гору Чистилища, хотя слово «гротъ» употреблено здѣсь вообще въ смыслѣ мѣстопробыванія, такъ какъ это слово часто употребляется у Данте въ такомъ смыслѣ.

51. Все время, пока не исчезъ Катонъ, Данте стоитъ на колѣняхъ (ст. 109).

53. «Жена съ небесъ», т. е. Беатриче, являвшаяся къ нему въ юдоли лимба (Ада II, 112).

54. «Его», т. е. Данте.

58. «Послѣдней ночи» (въ подлинникѣ: l'ultima sera, послѣдняго вечера), т. е. онъ еще не умеръ.

59—60. Т. е. когда онъ бѣжалъ изъ темнаго лѣса отъ трехъ животныхъ, или, другими словами, когда онъ былъ близокъ къ грѣху и гибели (Ада I, 58—62). Слнчи Чистилища XXX, 136.

71. Т. е. свободы отъ неволи грѣховной: «Потому что законъ духа жизни въ Христѣ Исусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти». Посл. къ Римл. VIII, 2.

73—75. Самоубійство Катона здѣсь противопоставляется преступленію трусливыхъ самоубійцъ (Ада XIII, 103 и далѣе). Тѣло Катона въ день Страшнаго Суда возстанетъ въ вѣчномъ блескѣ, тогда какъ прочіе самоубійцы повлекутъ свои тѣла за собою и повѣсятъ ихъ на вѣтвяхъ лѣса самоубійцъ. По мнѣнію Каннегиссера, Катонъ опять займетъ мѣсто въ лимбѣ послѣ воскресенія мертвыхъ. — «Впрочемъ,—говоритъ Филалетъ,—поступокъ Катона опредѣляется иною мѣрою, чѣмъ поступки христіанъ; къ тому же намъ извѣстно, что Катонъ, готовясь къ смерти, подкрѣплялъ себя изъ сочиненій Платона надеждой на безсмертіе души. Въ особенности же на такое сужденіе Данте о Катонѣ имѣло вліяніе убѣжденіе Данте въ томъ, что Римская имперія самимъ Провидѣніемъ предопредѣлена къ владычеству надъ цѣлымъ міромъ,—убѣжденіе, выступающее еще сильнѣе въ Чистилищѣ, чѣмъ гдѣ нибудь въ Аду, и всего сильнѣе въ сочиненіи Данте: *Libro de Monarchia*.—«Поэтъ полагаетъ, что Богъ точно также проявитъ Катону будущее искупленіе чедовѣчества за его стремленіе къ истинной свободѣ, какъ Онъ сдѣлалъ это для Рифея (Рая XX, 122) за его любовь къ правосудію». К. Витте.

75. «Тогда праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ Царствѣ Отца ихъ». Матѣ. XIII, 43.

78. «Я изъ страны», т. е. изъ лимба, слѣдовательно нахожусь не во власти Миноса, помѣщающагося во второмъ кругу ада (Ада V, 4 и примѣч.), откуда онъ разсылаетъ грѣшниковъ по адскимъ кругамъ, смотря по тому, сколько разъ обовьется хвостомъ.

79. «Марція, жена Катона, дочь консула Л. Марція Филиппа, находится въ лимбѣ (Ада IV, 128). Она, по повелѣнію Катона, развелась съ нимъ и вышла замужъ за друга его, оратора Горгензія. По смерти этого послѣдняго она опять стала женою Катона, котораго, по словамъ Лукана, она такъ умоляла принять ее:

Da foedera prisca
Illibata tori, da tantum nomen inane
Connubii: liceat tumulto scripsisse Catonis
Marcia. Phars. II, 341 et seq.

Скартаццини.

82. Т. е. семь круговъ чистилища, находящихся подъ твоимъ храненіемъ.

89—90. «Законы» (въ подлинникѣ: quella legge Che fatta fu quando me n' uscii fuora). Postill. Cass. очень хорошо объясняетъ этотъ законъ: «quod damnati

non possunt aspirare salvatis».—Катонъ умеръ за 46 л. до Р. Хр., слѣдовательно, почти за 80 л. до смерти Спасителя. До сошествія Его въ адъ никто изъ душъ не былъ освобожденъ изъ лимба (Ада IV, 63); слѣдовательно, надобно полагать, что и Катонъ былъ извлеченъ изъ лимба въ числѣ многихъ другихъ Всесильнымъ (Possente), содѣлавшимъ ихъ святыми. Съ выходомъ Катона изъ лимба вся связь его съ Марціей прервалась навѣки, по слову Евангелія: «Между нами и вами утверждена великая пропасть». Лук., XVI, 26.—Другіе комментаторы видятъ здѣсь просто намекъ на то, что смерть, по слову евангельскому, разрываетъ всѣ связи брачныя.

95. «Осокой чистой», собственно тростникомъ (D'un giunco schietto): это, въ противоположность скорченнымъ вѣтвямъ лѣса самоубійцы (Ада XIII, 4), по мнѣнію всѣхъ комментаторовъ, символъ чистосердечнаго раскаянія и покорнаго терпѣнія,—какъ двухъ предварительныхъ условій, необходимыхъ для всякаго улучшенія и нравственнаго усовершенствованія. «Это первое очищеніе, совершаемое самимъ Виргиліемъ (человѣческимъ разумомъ), означаетъ, можетъ быть, совершающееся въ насъ, при помощи естественныхъ силъ и въ особенности при содѣйствіи свободной воли, улучшеніе къ воспріятію всего божественнаго,—словомъ то, что составляетъ у схоластиковъ такъ называемаго «meritum congrui». Филалетъ. — «Ubicunque etiam inveniuntur optima praecepta morum et disciplinae; humilitas tamen non invenitur. Via humilitatis hujus aliunde manat, a Cristo venit». Св. Август. Enarr. in Ps. 31.

99. Въ подлинникѣ: al primo Ministro, ch' è di quei di Paradiso. Большая часть комментаторовъ разумѣетъ здѣсь ангела, являющагося во II пѣсни Чистилища. Но мы слѣдуемъ здѣсь мнѣнію Скартаццини, Каннегиссера и др.; этотъ ангелъ является и исчезаетъ почти мгновенно, не обращая при этомъ никакого вниманія на Данте и Виргилія; поэтому гораздо вѣроятнѣе разумѣть здѣсь ангела-привратника, хранителя вратъ чистилища, о которомъ говорится ниже (Чистилища IX, 103 и далѣе).

100. Т. е. островъ, на которомъ возвышается гора Чистилища.

103. «Всякій злакъ». «Per la pianta vuol dire et mostrare l'uom superbo; et dice che veruna pianta induri e faccia fronda quivi non può avere luogo; ciò è veruno, che mostri per le frondi, ciò è per le sue operazioni e dimostrazioni, la sua superbia di fuore, è che di quella superbia induri nell' animo, et diventi ostinato, non può quivi avere luogo». Anonimo Fiorentino.

108. Поэты огибаютъ гору Чистилища съ востока на западъ, сообразно движенію солнца. Намекая на такой путь, Виргилій дѣлаетъ свое воззваніе къ солнцу. Чистилища XIII, 13.

109. «Здѣсь въ первый разъ исчезаетъ тѣнь мгновенно изъ глазъ Данте. Въ аду тѣни удалялись отъ него (исчезали), какъ существа тѣлесныя; у нихъ какъ бы отнята способность исчезать съ глазъ зрителей моментально, какъ ни желали бы онѣ стать невидимыми (Ада XXIV, 93). Впослѣдствіи исчезаетъ, точно также и Виргилій (Чистилища XXX, 47)». Ноттеръ.

113. «Долина горя», именно край, или берегъ, окаймляющій островъ Чистилища. Онъ названъ «долиною горя» не въ томъ смыслѣ, какъ называются адскія долины, но въ томъ, что для очищенія отъ грѣховъ необходимо сокращеніе сердца о нихъ.

113—114. «Коническую крутую гору Чистилища окаймляетъ со всѣхъ сторонъ исподволь склоняющійся къ морю кругообразный край или берегъ, на которомъ находятся теперь поэты. Когда они стали на него, они обращены были лицомъ къ утру—къ востоку (ст. 22, прим.); затѣмъ они повернулись къ сѣверу, чтобы говорить съ Катонемъ. Теперь они опять оборачиваются и обра-

щаются снова на востокъ, къ морю. Стало быть, они находятся на восточномъ берегу острова, какъ это еще яснѣе будетъ видно ниже (Чистилища IV, 53)». Филалетъ.

115. Теперь часть утренней зари. Слѣдовательно путники употребили цѣлыя сутки, 24 часа, чтобы отъ центра земли достигнуть до ея поверхности, т. е. столько же, сколько они употребили, чтобы достигнуть до центра. Каннегиссеръ.

116—117. Передъ восходомъ солнца подымается легкій вѣтерокъ, который наводитъ рябь на поверхность моря, или, какъ дивно выражено у Данте, заставляетъ ее трепетать (*il tremolar della marina*).—«His pieces of pure pale light are always exquisite. In the dawn on the purgatorial mountain, first, in its pale white, he sees the tremolar della marina,—trembling of the sea; then it becomes vermilion; and at last, near sunrise, orange. These are precisely the changes of a calm and perfect dawn». Рѣскинъ. *Mod. Painters* (по цитатѣ Лонгфелло).

120. Кромѣ Катона (теперь уже исчезнуваго) на ней никого не было.

121—123. Подъ горой, какъ въ мѣстѣ ниженномъ и болѣе прохладномъ, роса долѣе всего сопротивляется дѣйствию солнца.

126. Данте плачетъ или отъ радости, освободившись отъ ужасовъ ада, или отъ сокрушенія сердца, приступая къ очищенію себя отъ грѣховъ. Вообще по выходѣ изъ ада Данте, кромѣ этого мѣста, нигдѣ болѣе не плачетъ.

131—132. Намекъ на безумное и гибельное плаваніе по этимъ волнамъ Улисса (Ада XXVI, 142).

133—136. Можетъ быть подраженіе *Виргилю* (*Aen. VI, 144, 145*):

— *Primo avolso non deficit alter
Aureus; et simili frondescit virga metallo.*

Аллегорическій смыслъ: благодѣя Господня неисчерпаема и не уменьшается во-вѣки.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

1—3. Астрономическое опредѣленіе суточного времени. Наступаетъ утро 27-го марта (или, можетъ быть, 7-го или 10-го апрѣля), между 6—7 часомъ утра. «Поэтъ принимаетъ на земной поверхности четыре пункта, именно Іерусалимъ или гору Сіона, рѣку Эбро въ Испаніи, гору Чистилища и рѣку Гангъ въ Индіи, пункты, меридіаны или полуденные круги которыхъ, по его предположенію, всѣ находятся на равномъ разстояніи между собою. Именно разстояніе одного меридіана отъ другого равняется 90° ; такимъ образомъ Іерусалимъ отстоитъ отъ горы Чистилища на 180° , или на цѣлую половину земной поверхности, или, другими словами, обитатели этихъ двухъ пунктовъ на землѣ суть настоящіе антиподы между собой. Обѣ эти точки имѣютъ одинъ общій горизонтъ, т.-е. одну и ту же границу своего кругозора; поэтому, когда для Іерусалима солнце на западѣ перейдетъ эту границу, т.-е. садится, тогда оно для горы Чистилища восходитъ на востокъ. Два остальныхъ пункта, Гангъ и Эбро, находятся между первыми двумя, отстоя одинъ отъ другого на 180° ; отъ Іерусалима же и горы Чистилища на 90° , и это пространство протекаетъ солнце (въ своемъ движеніи) въ 6 часовъ. Слѣдовательно, когда солнце для Іерусалимскаго меридіана стоитъ близко надъ западнымъ горизонтомъ, тогда для горы Чистилища оно только что начинаетъ всходить. Тогда здѣсь (на Чистилищѣ) начинаетъ исчезать бѣлый и алый цвѣтъ юной утренней зари и уступаетъ мѣсто густому желтому (оранжевому) цвѣту, предшествующему восхожденію солнца. На Гангѣ же, на 90° къ востоку, уже прошло 6 часовъ, какъ зашло солнце; слѣдовательно, тамъ теперь полночь. Въ началѣ весны ночь выводитъ съ собой на небо созвѣздіе Вѣсовъ, подъ знакомъ которыхъ, шестью мѣсяцами позднеѣ, именно въ началѣ осени, восходитъ солнце. Въ это время долгота ночи начинаетъ увеличиваться, созвѣздіе же Вѣсовъ какъ бы ускользаетъ изъ рукъ ея (le scaglion di man), такъ какъ оно въ это время стоитъ днемъ на небѣ вмѣстѣ съ солнцемъ. Штрекфуссъ. — «Данте впалъ здѣсь въ ошибку, принявъ неправильно, будто меридіаны устьевъ Ганга и Эбро отстоятъ одно отъ другого на 180° , тогда какъ въ сущности они отстоятъ всего лишь на 121° . Еще сильнѣе онъ ошибся, допустивъ, что Іерусалимъ находится на равномъ разстояніи отъ этихъ двухъ меридіановъ, такъ какъ отъ перваго, вмѣсто 90° , онъ отстоитъ всего лишь на $39\frac{1}{2}^\circ$, а отъ втораго—лишь на $48\frac{1}{2}^\circ$. Но если въ 1300 г.

имѣли въ географіи самыя поверхностныя знанія, то слѣдуетъ ли винить въ томъ Данте?» Фратичелли.

4—6. «Данте олицетворяетъ здѣсь ночь, представляя ее существомъ, имѣющимъ руки. Она вращается по своду небесному діаметрально противоположно солнцу. Поэтъ представляетъ ночь какъ бы выходящую изъ волнъ Ганга, такъ какъ тамъ, по его мнѣнію, восточный горизонтъ Іерусалима. Она держитъ въ рукахъ Вѣсы, потому что она находится теперь въ созвѣздіи Вѣсовъ (Libra); она держитъ ихъ въ рукахъ цѣлый мѣсяцъ, потому что остается цѣлый мѣсяцъ въ этомъ созвѣздіи,—точно такъ, какъ и солнце остается въ немъ столько же времени въ осеннее равноденствіе. Въ этотъ-то именно промежутокъ времени ночь начинаетъ мало-по-малу удлиняться или возрастать (soverchiando) надъ днемъ. Но это удлиненіе, или перевѣсъ ночи надъ днемъ, не бываетъ слишкомъ замѣтно, пока солнце не перейдетъ созвѣздіе Скорпіона». Скартаццини.—Сличи Делла Валле, *Il senso geografico-astronomico dei luoghi della D. C. Faenza*. 1869, p. 35.

7—9. «Поэты представляютъ себѣ зарю (Аврору) въ видѣ прекрасной богини, живущей на востокѣ, такъ какъ она всегда является съ востока незадолго до восхожденія солнца. Итакъ, желая обозначить, что солнце уже восходитъ, поэтъ говоритъ, что бѣлый и алый ликъ (собственно щеки, въ подлинникѣ: *gualse*) Авроры, т.-е. тѣ два цвѣта, которыми окрашивается воздухъ, прежде чѣмъ солнце совершенно взойдетъ, стали желтыми, оранжевыми (*galse*), какъ бы состарѣвшимися». Ландино.—Боккаччіо, въ прологѣ къ третьему дню въ своемъ Декамеронѣ подражаетъ этому мѣсту Данте.

10—12. Выраженіе нерѣшительности странниковъ, еще незнакомыхъ съ мѣстностью.

13—15. «Планета Марсъ является краснѣе обыкновеннаго: а) утромъ, когда подымается туманъ; б) когда она блеститъ на вечернемъ небѣ и с) когда она приходится близко къ поверхности моря, гдѣ пары бываютъ всего гуще». Фратичелли.—Планета Марсъ избрана здѣсь, вѣроятно, не безъ умысла: прибывающія сюда души должны будутъ выдержать здѣсь еще многія битвы, прежде чѣмъ достигнуть полнаго блаженства (Ада II, 4)». Копишъ.

18. Т.-е. «быстрѣе всякой быстролетной птицы». Бути.

22—24. Сперва мы видимъ какой-то блескъ въ видѣ покрова надъ ангеломъ; затѣмъ мало-по-малу (въ подлинникѣ: *a raso a raso un altro a lui n'uscia*) является другой бѣлый свѣтъ въ видѣ полосы, выходящей изъ перваго облака. Первый блескъ исходитъ отъ лучезарнаго лица и крыльевъ ангела, и онъ виденъ прежде всего, второй—отъ блага одѣянія.

29. Явленіе этого ангела составляетъ діаметральную противоположность съ явленіемъ Харона въ Аду. Какъ Харонъ переправляетъ души злыхъ, такъ этотъ ангелъ—души добрыхъ. Какъ въ этомъ ангелѣ все здѣсь небесно и божественно, его появленіе—свѣтъ и блескъ, «въ лицѣ его благодать сама» (ст. 44) и самъ онъ не нуждается ни въ какихъ пособіяхъ и земныхъ средствахъ, въ парусахъ и веслахъ, такъ, наоборотъ, все въ Харонѣ демонично, почти бѣсообразно; вся фигура его отвратительно ужасна; Ахеронъ, по которому онъ плыветъ, мутенъ и болотистъ; души вгоняетъ онъ въ челнъ своей ударами весла; здѣсь же воды чисты и души радостно покоятъ псаломъ. Но если Данте пользуется въ Аду міеологіей для воплощенія своихъ идей, то къ ней онъ не держитъ уже прибивать въ Чистилищѣ, а того менѣе въ Раю. Язычество, хотя и непонинно, принадлежитъ Аду, потому и Адъ можно было изукрашать существами языческихъ міеовъ. Это отсутствіе міеологій дѣлаетъ, конечно, Чистилище и Рай менѣе пластичными,—остается въ нихъ лишь одна исторія и нѣкоторые

вымыслы формъ. Но тѣмъ не менѣе символизмъ выступаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень значительно, особенно тамъ, гдѣ Библия подаетъ къ тому поводъ, напримѣръ въ послѣднихъ пѣсняхъ Чистилища». Каннегиссеръ.

33. «Крылья искони служатъ символомъ небснаго и божественнаго». Каннегиссеръ.

42. Весьма знаменательно то, что здѣсь челнъ, хотя и касается земной воды, но въ нее не погружается, въ противоположность челну Харонову, почему Харонъ и намекаетъ Данте (Ада III, 93) на этотъ челнъ. Сличн также Ада VIII, 19 и слѣд.

46. Въ подлинникѣ: «In exitu Israel de Egitto» (вмѣсто Egypto, для риѣмы); здѣсь удержана лишь половина латинскаго стиха. «Это начало 113 псалма, написаннаго въ воспоминаніе освобожденія израильскаго народа отъ Фараона и работъ египетскихъ. Въ католическихъ церквахъ онъ пѣлся по воскресеньямъ въ концѣ вечерни, а также въ древности священниками при выносѣ покойника въ церковь». Скартаццини.—Этотъ псаломъ Данте въ письмѣ своемъ къ Кану Великому приводитъ въ примѣръ того, какъ можетъ нѣчто имѣть въ одно время и буквальный и аллегорическій смыслъ: «Si literam solam inspiciamus, significatur nobis exitus filiorum Israel de Aegypto, tempore Moysis; si allegoriam, nobis significatur nostra redemptio facta per Christum; si moralem sensum, significatur nobis conversio animae de luctu et miseria peccati ad statum gratiae; si anagogicum, significatur exitus animae sanctae ab hujus corruptionis servitute ad aeternae gloriae libertatem». Ер. Камі Gr. de Sc. § 7, по цитатѣ Скартаццини Отсюда видно, какъ умѣстно примѣненъ поэтомъ этотъ псаломъ къ душамъ, которыя, освободившись отъ рабства грѣховнаго на землѣ, стремятся теперь къ духовной свободѣ. По Клименту Александрийскому (Strom. I, 208). Египеть на аллегорическомъ языкѣ библейскихъ толкователей прямо означаетъ земной міръ.

49. «Вѣрнѣйшій путь къ нравственной свободѣ есть вѣра во Христа и Христово нравственное ученіе: освѣняя крестнымъ знаменіемъ, ангель поручаетъ души этимъ руководителямъ». Штрекфуссъ.

55—57. Солнце изображается тутъ какъ богъ Аполлонъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами. Стихи здѣсь обозначаютъ, что солнце уже значительно поднялось надъ горизонтомъ: при самомъ восхожденіи его въ знакѣ Овна (въ это время года) знакъ Козерога находится на полднѣ; а такъ какъ онъ отстоитъ отъ Овна на 90°, то съ поднятіемъ солнца знакъ Козерога долженъ уже отойти отъ меридіана и склоняться къ закату. По расчисленію астрономовъ (Ponta, Orológ. dantesco № 6, также Lanci: degli ordinamenti ond' ebbe conteste Dante Alighieri la II e III Cantica, ecc. Roma 1856), солнце уже полчаса какъ поднялось надъ горизонтомъ; большинство, впрочемъ, принимаютъ около двухъ часовъ.—Сличн у Камерини.

60. «Во второй пѣснѣ Ада мы видѣли, что поэтъ съ великимъ колебаніемъ и сомнѣваясь въ самомъ себѣ рѣшается на убѣжденія Виргилія предпринять роковое странствованіе. Точно такую же нерѣшительность обнаруживаютъ теперь только что прибывшія души при новости состоянія, въ коемъ онѣ находятся». Штрекфуссъ.

61—63. «Виргилій не знаетъ ни о чемъ, что было раскрыто Христомъ, а потому здѣсь является скорѣе руководящимъ соученикомъ Данте, чѣмъ его учителемъ; здѣсь о многомъ болѣе возвышенномъ онъ самъ долженъ спрашивать другихъ. Уже въ Аду онъ не знаетъ о существованіи обвала моста въ шестомъ рвѣ (Ада XXI, ст. 106 и слѣд.), также при видѣ Каифы приходитъ въ изумленіе (Ада XXIII, ст. 124)». Копишъ.

65. Въ подлинникѣ: *Per altra via, che fu si aspra e forte*, т.-е. чрезъ темный лѣсъ и адъ; а въ ст. 52 въ подлинникѣ употреблено выраженіе *selvaggia*. «Всѣ три эпитета: *selvaggia, aspra* и *forte*, употребленные въ Аду I, ст. 5 для обозначенія темнаго лѣса, не безъ значенія употреблены здѣсь вторично». Коппишъ.

67. «Здѣсь при свѣтѣ дня души тотчасъ могли замѣтить, что Данте еще дышетъ, что среди адской мглы не тотчасъ было замѣтно». Ноттеръ. Сличн Ада XXIII, прим. къ 88 ст.

70—72. Какъ въ древности, такъ и во времена Данте, было въ обычаѣ отправлять пословъ, просящихъ о мирѣ, съ вѣтвью оливы въ рукахъ. «Тѣ, кого посылали просить мира или кто хотѣлъ, чтобы ихъ приняли какъ друзей, носили въ рукахъ вѣтку оливы; также и тѣ, которые приносили вѣсть о побѣдѣ, возвѣщали издали объ этомъ оливой». Веттори. Впрочемъ Данте здѣсь подражаетъ Виgiliю. *Virg., Aen. l. VIII, v. 114, 115:*

*Tum pater Aeneas puppi sic fatur ab alta,
Paciferaeque manu ramum proetendit olivae.*

79—84. О природѣ тѣней по смерти, по ученію Данте, мы будемъ подробно говорить ниже (Чистилища XXV, ст. 94). Сличн Ада IV, ст. 34 и VI, ст. 36.

91. «Знаменитый флорентійскій пѣвецъ и хорошій собесѣдникъ («*vir affabilis et curialis*»), говоритъ Бенвенуто да Имола) во времена Данте; онъ былъ, какъ кажется, другомъ, а можетъ быть и учителемъ Данте въ музыкѣ. Кресчинбини въ своей «*Storia della volgare poesia*» говоритъ, что онъ нашель въ Ватиканѣ на одномъ сонетѣ Леммо да Пистоѣа, поэта, жившаго около 1300 г., надпись: «*Lemmo da Pistoja e Casella diede il suono*» (положено на музыку). Филалетъ.

93. Изъ этого вопроса слѣдуетъ заключить, что Казелла умеръ уже довольно давно, во всякомъ случаѣ ранѣе объявленнаго въ 1300 г. папой Бонифаціемъ VIII юбилейнаго года. Данте поэтому и спрашиваетъ, почему онъ только теперь прибылъ въ чистилище на ладѣ ангела, т.-е. въ началѣ весны (начало странствованія Данте), слѣдовательно, спустя три мѣсяца послѣ объявленія юбилея, считая напрасно потеряннымъ время, протекшее между смертью и вступленіемъ въ чистилище. «Поэтъ, какъ кажется, имѣлъ здѣсь въ виду Виgiliева Палинура, котораго Эней встрѣчаетъ по эту сторону Стикса. Харонъ отказывается перевезти черезъ Стиксъ тѣнь Палинура на томъ основаніи, что трупъ его еще не погребенъ. Подражая здѣсь Виgiliю, Данте, однакожъ, не объясняетъ, почему ангель не принялъ ранѣе въ свой челнъ душу Казеллы». К. Витте.

95. «Тотъ, кто беретъ, кого и какъ разсудить»,—т.-е. ангель, перевозящій души на гору Чистилища.

97. «По Вѣчной Правдѣ», т.-е. по волѣ Господней.

98 и др. Годъ 1300 былъ юбилейный годъ (Ада XVIII, прим. къ ст. 28—30); на Страстной недѣлѣ, въ концѣ марта, когда Данте совершаетъ свое загробное странствованіе, прошло уже три мѣсяца съ начала юбилея, такъ какъ онъ начался съ рождественскихъ праздниковъ въ 1299 г. Во время юбилея всѣ пилигримы, прибывшіе въ Римъ, получили отпущеніе грѣховъ; потому въ это время ангель принимаетъ всѣхъ въ свой челнъ и отвозитъ ихъ на островъ Чистилища.—Сличн. Біанки, стр. 285.

99. «Съ миромъ», т. е. съ покаяніемъ (въ подлинникѣ: *chi ha voluto entrar con tutta pace*).

100—101. «У поморій тѣхъ, гдѣ воды Тибра стали солью полны» (*alla marina vólto, dove l'acqua di Tevere s'insala*), т. е. гдѣ воды Тибра, вливаясь въ море, получаютъ вкусъ морской воды, или при впаденіи Тибра въ море.

103. «На устьѣ томъ», т. е. на морскомъ берегу Остіи, при устьѣ Тибра, гдѣ собираются души всѣхъ спасенныхъ отъ ада. Отправленіе душъ на какой-нибудь морской островъ было народнымъ мѣніемъ, распространеннымъ повсемѣстно (см. Grimm, deutsch. Mythol. S. 791). Данте избираетъ для этого устье Тибра, недалеко отъ Рима. Какъ живые пилигримы шли въ Римъ для полученія отпущенія грѣховъ, такъ и всѣ покаившіяся души собираются туда же. Всѣ же души, не допущенныя сюда, мгновенно погружаются въ адъ (за Ахеронъ безмолвный). Этимъ обозначается, что Римъ и церковь есть посредствующее звено между Богомъ и предназначенными къ блаженству душами. Впрочемъ тѣ, которые принесли неполное раскаяніе, остаются гдѣ-то, прежде чѣмъ будутъ перевезены въ чистилище (прим. къ ст. 93); чаще же остаются у подошвы горы Чистилища.

110—111. Данте утомленъ (*affannata*), «потому ли, что еще находится подъ впечатлѣніемъ ужаса адскихъ мукъ, или потому, что ему предстоитъ еще вынести много трудностей въ чистилищѣ, такъ какъ онъ во всемъ, что видитъ, принимаетъ самое живѣйшее участіе, или даже самъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, состояніе коихъ онъ созерцаетъ». Каннегиссеръ.

112. Въ подлинникѣ: *Amor che nella mente mi ragiona*—начало дивно прекрасной канцоны Данте, можетъ быть, положенной на музыку самимъ Казеллой. Это именно вторая изъ трехъ канцонъ, которыя онъ самъ комментировалъ въ своемъ *Convivio*. Подъ именемъ своей возлюбленной онъ разумѣетъ въ ней умозрительную философію, причемъ духъ, *mente*, обозначаемый имъ мѣстомъ, изъ котораго говоритъ въ немъ любовь, онъ называетъ драгоценнѣйшею частью, божествомъ, своей души.

119. «Старецъ честный»—Катонъ, который какъ мгновенно исчезъ въ первой пѣсни, ст. 109, такъ мгновенно здѣсь и является снова.

120. «Т. е. души забыли здѣсь свое ближайшее назначеніе—подниматься на гору очищенія. По Ландино и Веллутелло, здѣсь заключается та мысль, что обращеніе иногда вновь задерживается чувственными прелестями, но что свободная воля, выражающаяся здѣсь въ возгласѣ Катона, ст. 120, скоро опять беретъ перевѣсъ». Каннегиссеръ.

122. «Сбить съ себя гранитъ» (*a spogliarvi la scoglio*)—т. е. оскверненіе землей.

124—129. «Когда стая голубей спускается на поле, то мы видимъ, что сперва они разбѣгаются по полю съ воркованіемъ и съ особеннымъ покачиваніемъ шейками, что придаетъ имъ гордый видъ. Вскорѣ затѣмъ они начинаютъ тихо и спокойно подбирать зерна на жнивѣ до тѣхъ поръ, пока, испуганные чѣмъ-нибудь, не разлетятся всѣ въ разныя стороны. Во всѣхъ сравненіяхъ, заимствованныхъ изъ обыденной жизни, мы видимъ, какъ точно подмѣчаетъ поэтъ всѣ явленія до малѣйшихъ подробностей». Штрекфуссъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

3. Разумъ, по нѣкоторымъ комментаторамъ, разумѣтся здѣсь божественный, воля Божія; по другимъ—человѣческій, человѣческая мудрость, олицетворяемая въ слѣдующихъ стихахъ въ образѣ Virgilія. Духи спѣшатъ къ горѣ сами; Данте, какъ человѣкъ, еще нуждается въ руководителѣ.

5. Т. е. какъ бы могъ я, еще не вполне просвѣщенный божественной силой (Беатриче), взойти на крутую вершину безъ помощи высочайшаго, чистаго разума?

7. «Самъ Virgilій, олицетвореніе чистаго разума, увлекшись пѣніемъ Казеллы, слѣдовательно обыкновеннымъ земнымъ наслажденіемъ, забылъ на время о возложенномъ на него руководствѣ Данте, а потому и стыдится какъ этого проступка, такъ и непосредственнаго слѣдствія его—ускореннаго бѣга по долинтѣ, служащей основаніемъ горы Чистилища». Штрекфуссъ.

8—9. Сличи *Juven. Sat. VIII, v. 140* и сл.:

Omne animi vitium tanto conspectius in se
Crimen habet, quanto major qui peccat habetur.

12. Т. е. скованный, или, собственно, ограниченнѣй (*ristretta*), вслѣдствіе ли воспоминанія о пѣніи Казеллы, или вслѣдствіе упрека, сдѣланнаго Катонемъ.

15. «Взносившимъ къ небу грозныя ступени». Въ Раю (XXVI, 139) гора Чистилища названа: *Il monte che si leva più dall' onda*. Выраженіе «грозныя ступени» здѣсь употреблено переводчикомъ въ значеніи громадныхъ, грандіозныхъ.

16. Солнце, какъ увидимъ ниже, уже нѣсколько часовъ какъ вошло на небо; а такъ какъ поэты идутъ теперь съ востока къ западу, то солнце должно имъ свѣтить въ тылъ.

17—18. Что Virgilій, какъ духъ, не бросаетъ отъ себя тѣни,—этого Данте не могъ замѣтить въ мрачномъ адѣ; виѣ же ада онъ видѣлъ его лишь въ темномъ лѣсу въ долинтѣ, «гдѣ солнца лучъ умолкъ» (Ада I, 60 и слѣд.); вскорѣ затѣмъ наступила ночь (Ада II, 1).

19—21. «Это опасеніе Данте есть предчувствіе скорого исчезновенія Virgilія (Чистилища XXX, 42—57)». Коппишъ.

22—24. «Необходимость руководства со стороны человеческого разума на пути къ усовершенствованію здѣсь превосходно выражена опасеніемъ Данте быть покинутымъ разумомъ (Виргиліемъ)». Копишъ.

25. «Гдѣ плоть моя истлѣла», т. е. въ Неаполѣ, гдѣ, какъ увѣряютъ, погребено тѣло Виргилія. «Согласно съ примѣчаніемъ къ Чистилищу II, 1, теперь въ Неаполѣ вечеръ, въ Иерусалимѣ солнце уже закатилось, на горѣ Чистилища оно уже взошло. Приблизительно теперь 8 ч. утра». Филалетъ.

27. Брундузія, по-латини Brundisium и Brundisium, теперь Brindisi, въ Калабріи. Въ этомъ городѣ умеръ Виргилій въ 19 г. до Р. X.; тѣло его перенесено отсюда въ Неаполѣ, гдѣ и погребено. Могилу его донинѣ показываютъ на Пазилиппо около извѣстнаго грота. На ней надпись, на которую намекаетъ Данте:

Mantua me genuit, Calabri rapuere; tenet nunc—
Parthenopis; cecini pascua, rura, duces.

Вообще однакожь очень сомнительно, чтобы Виргилій былъ погребенъ въ Неаполѣ (Comparetti, Virgilio nel medio evo, Livorno. 1872), хотя увѣренность въ этомъ была всеобщая въ средніе вѣка. Въ Мантуѣ до конца XV вѣка пѣлись въ церквахъ слѣдующіе стихи во время мессы Св. Апостола Павла:

Ad Maronis mausoleum
Ductus, fudit super eum
Piae rorem lacrimae;
Quem te, inquit, reddidissem,
Si te vivum invenissem,
Poëtarum maxime!

29—30. По астрономическимъ понятіямъ того времени, небо состоитъ изъ девяти другъ надъ другомъ находящихся сводовъ, или полыхъ сферъ, совершенно прозрачныхъ, нисколько не препятствующихъ прохожденію лучей сквозь нихъ (См. Рая XXX, 108, примѣч.). Итакъ, если эти сферы, въ средоточіи которыхъ мы, жители земли, находимся, не мѣшаютъ намъ видѣть отдаленнѣйшія звѣзды, то точно такъ и легкія тѣла тѣней, состоящія лишь изъ отраженія души во вѣшнихъ элементахъ, пропускаютъ лучи солнца.

31. Хотя тѣни суть только кажущіяся тѣла, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ страдать духовно. Данте въ слѣдующихъ стихахъ чрезъ Виргилія принимаетъ это за непостижимую, по крайней мѣрѣ для нашего ума, тайну, неразъясненную даже самимъ Платономъ и Аристотелемъ и раскрытую для насъ лишь вѣрою во Христа (ст. 39). Схоластики много трудились надъ разъясненіемъ вопроса, какимъ образомъ адскій огонь, принимаемый ими за дѣйствительный, стихійный огонь, можетъ дѣйствовать на невещественную душу, по отдѣленіи ея отъ тѣла. О мнѣніи по этому предмету Ѳомы Аквинскаго см. Филалета II, S. 15, Not. 9.

37. «Знаніемъ quia». «Аристотель различаетъ два рода знаній: одно—знаніе, что вещь есть (ἐπιστάζειν τὸ ὄν), и другое—знаніе, почему она есть (τὸ διότι). Первое знаніе приобрѣтается, когда мы заключаемъ по дѣйствию о причинѣ (a posteriori), второе—по причинѣ о дѣйствии (a priori). Оба эти понятія переданы въ старо-латинскомъ переводѣ, которому слѣдовалъ и Ѳома Аквинскій, выраженіями scire quia (въ низшей латыни quia часто употребляется вмѣсто quod) и scire propter quid. Отсюда въ школы вошли выраженія: demon-

stratio quia и demonstratio propter quid». Филалетъ. Итакъ, смыслъ этого стиха будетъ: вы, люди, постоянно хотите знать причину даже такихъ вещей, гдѣ у разума нѣтъ основъ для сужденія.

38—39. Т. е. если бы тутъ было достаточно человѣческаго ума, то не нужно было бы откровенія.

40—44. Здѣсь высказывается та мысль, что томленіе благородныхъ душъ древности, находящихся въ лимбѣ, состоитъ въ томъ, что неразрѣшенное однимъ разумомъ сомнѣніе не было разсѣяно для нихъ вѣрою. Виргиліи самъ принадлежитъ къ числу этихъ душъ, для полнаго блаженства которыхъ недостаетъ одной лишь вѣры, почему онъ и угнетенъ такой скорбью (Ада IV, 40).

48. Въ подлинникѣ: *Che indarno vi sarieno le gambe pronte*—т. е. здѣсь всякая прыткость ногъ была бы бесполезна.

49—51. Леричи и Турбія—двѣ мѣстности на такъ называемой Riviera di Genova, съ необыкновенно обрывистымъ надъ моремъ гористымъ берегомъ, первая—съ восточной стороны побережья генуезскаго, около Сарзаны, у морского залива Спеццо; вторая—съ западной стороны, недалеко отъ г. Монако.

52—54. «Первые шаги на пути къ нравственному совершенствованію, къ нравственной свободѣ, которую Данте отыскиваетъ въ своемъ загробномъ странствованіи (Чистилища I, 71), необычайно трудны. Самый разумъ, олицетворенный въ Виргиліи, не знаетъ, гдѣ найти къ нему дорогу, и потому приходится въ смущеніе, отыскивая ее». Ноттеръ.

59. «Какъ видно изъ ст. 135—141 этой пѣсни, толпу эту составляютъ души людей, умершихъ подъ проклятіемъ (анаѰемой) церкви. Она идетъ медленно, потому ли, что и въ жизни медлила обратиться къ Богу, или потому, что процессъ очищенія ея долженъ совершиться весьма медленно». Фратичелли.

66. «Слова эти служатъ Виргилію какъ-бы утѣшеніемъ самому: въ появленіи тѣней онъ видитъ, что онъ не покинуть вышею помощью на трудномъ пути, гдѣ онъ до этого находился въ такомъ безпомощномъ состояніи (ст. 52 и далѣе), не зная, какое взять на немъ направленіе». Ноттеръ.

70. «Къ громадамъ твердыхъ скалъ» (въ подлинникѣ: *a'duri massi Dell'alta gira*), т. е. къ выступающимъ утесамъ, изъ которыхъ сложена гора Чистилища.

72. «Они изумлены тѣмъ, что поэты идутъ въ направленіи, противоположномъ тому, какому слѣдуютъ души и, стало быть, удаляются отъ входа въ чистилище, какъ увидимъ ниже». Фратичелли.

73. «Погибшій благочестно» (въ подлинникѣ: *O ben finiti, o già spiriti eletti*), т. е. умершіе съ покаяніемъ въ грѣхахъ и съ вѣрой во Христа, а не такъ, какъ самъ Виргилій, умершій, не зная вѣры Христовой». Ноттеръ.

78. «Чѣмъ болѣе человѣкъ познаетъ, тѣмъ болѣе дорожитъ онъ временемъ». Фратичелли, также Копишъ.

79—84. «Какъ въ аду мы видѣли души, погрязшія въ грѣхахъ, повсюду въ борьбѣ и взаимной ненависти, такъ, наоборотъ, здѣсь души очищающихся находимъ во взаимномъ любовномъ общеніи, соединенными взаимно другъ съ другомъ. Дѣйствительно, любовь есть первый плодъ серьезнаго стремленія къ нравственной свободѣ». Штрекфуссъ.

86. «Счастливыхъ стадо» (въ подлинникѣ: *quella mandra fortunata*); слово «стадо» поэтъ употребляетъ здѣсь въ соотвѣтствіе съ сравненіемъ толпы тѣней съ овцами.

88. «Поэты повернули къ душамъ, шедшимъ къ нимъ слѣва (ст. 58); потому крутой склонъ утеса, который сначала былъ передъ ними, теперь долженъ находиться отъ нихъ направо». Филалетъ.

98. Т.-е. Данте приходитъ сюда не самовольно, какъ Улиссъ (Ада XXVI, 112 и далѣе).

102. «И тыломъ рукъ» и проч.—обычный жестъ въ Италіи: «тыль руки обращенъ къ другому лицу, и къ нему направлены пальцы отъ того, который подаетъ знакъ. Это означаетъ, чтобы тотъ, кому подается знакъ, не ходилъ впередъ, а повернулъ назадъ. Здѣсь тѣни подаютъ этотъ именно знакъ, чтобъ поэты, вмѣсто того, чтобы приблизиться ко всходу на гору, удалились отъ него». Штрекфуссъ.

103. «Тѣнь Манфреда, говорящая здѣсь съ Данте, принимаетъ его за своего современника, но Манфредъ умеръ незадолго до рожденія поэта, почему этотъ послѣдній и не узнаетъ его (ст. 109)». Каннегиссеръ.

107. Король Сициліи Манфредъ, по словамъ Саба Малеспини (*Historia Regum Sicularum*), былъ очень красивъ собой: «*Homo flavus, amoena facie, aspectu placibilis, in maxillis rubeus, oculis sidereis, per totum niveus, statura mediocris*».

112. Манфредъ, изъ Гогенштауфеновъ, вступившій на престолъ неаполитанскій и сицилійскій послѣ смерти отца своего, императора Фридриха II, былъ внукъ Констанціи или Констанцы, супруги императора Генриха VI, отца Фридриха II. Мать Манфреда была Бьянка, графиня Ланчіа, любовница Фридриха II, и, слѣдовательно, онъ былъ незаконный сынъ императора. Красивый юноша, любившій роскошь и разгульную жизнь, и, какъ отецъ его, покровитель наукъ и искусствъ, Манфредъ постоянно находился въ борьбѣ съ церковью и съ Карломъ Анжуйскимъ, вспомошествоваемъ папой Климентомъ IV, и, наконецъ, покинутый своими апулійскими вассалами, погибъ въ сраженіи при Беневентѣ (Ада XXVIII, примѣч. къ ст. 15—16), будучи незадолго до этого отлученъ отъ церкви тѣмъ же папой Климентомъ.

115. Дочь Манфреда отъ первой его супруги Беатриче, называвшаяся также Констанцей, была замужемъ за Петромъ, королемъ Арагонскимъ. Вслѣдствіе этого брака Петръ имѣлъ притязаніе на Сицилію, которою онъ и завладѣлъ послѣ знаменитой Сицилійской вечерни (1282 г.). Констанца имѣла трехъ сыновей: Альфонса, Джьякомо и Федерико. По смерти Петра ему наследовали Альфонсъ въ Арагоніи и Джьякомо въ Сициліи (1285 г.). По смерти Альфонса Джьякомо получилъ Арагонію, и нѣсколько позднѣе Федерико—Сицилію.

116. «Сициліи и Арагоны честь». Обыкновенно принимаютъ, что подъ этой похвалою Данте разумѣетъ Федерико, короля Сициліи, и Джьякомо, короля Арагоніи, но такому предположенію противорѣчатъ тѣ неодобрительныя слова, какія употребляетъ поэтъ, говоря объ этихъ монархахъ въ двухъ мѣстахъ своей поэмы, именно: Чистилища VII, 119—120 и Рай XIX, 136—138. Наоборотъ, въ той же Чистилища 115—117, онъ съ похвалою отзывается о первомъ сынѣ Петра, Альфонсѣ. Потому древніе комментаторы думаютъ, что подъ словами «Сициліи и Арагоны честь» разумѣется здѣсь старшій сынъ Петра, Альфонсъ Добродѣтельный. Того же мнѣнія держится и Филалетъ, также Карло Троіа (*Veltro allegorico di Dante*),—тѣмъ болѣе, что Альфонсъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Манфредомъ воевалъ съ Карломъ Анжуйскимъ. Но, съ другой стороны, такъ какъ Альфонсъ никогда не носилъ короны Сициліи и къ тому же умеръ очень рано, въ 1291 г., то почти несомнѣнно, что Данте, высказавъ сперва столь лестное мнѣніе о Федерико и Джьякомо, затѣмъ, по неизвѣстной причинѣ, измѣнилъ его. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что вначалѣ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Федерико и даже былъ намѣренъ посвятить ему свой Рай (о чемъ высказалъ монаху Иларію), такъ какъ этотъ принцъ всегда сильно благопріятствовалъ гибеллинской партіи. По мнѣнію Ноттера, такая пере-

мѣна во мнѣніи Данте произошла вслѣдствіе отказа Федерико принять на себя сеньорію гибеллинской Пизы послѣ паденья Угучьоне.

118. Манфредъ проситъ поэта возвѣстить своей дочери, что онъ, несмотря на отлученіе отъ церкви, находится не въ числѣ осужденныхъ въ аду, и тѣмъ разсѣять ложь много объ немъ мнѣнія. Манфредъ былъ отлученъ отъ церкви за свое сопротивленіе папѣ, назначившему корону неаполитанскую и сицилійскую французскому графу Карлу Анжуйскому. Несмотря на папскій интердиктъ, Манфредъ сталъ королемъ въ 1260 г., но черезъ шесть лѣтъ (1266) въ сраженіи при Беневенто или Гранделла на р. Калоре потерялъ корону и жизнь, послѣ чего королемъ сталъ Карлъ Анжуйскій.

120—121. «Невозможно счесть монахъ грѣховъ!» (въ подлинникѣ: *Orribil furon li peccati miei*). Флорентинскій историкъ Малеспини, которымъ часто пользовался Данте, обвиняетъ Манфреда въ убійствѣ своего племянника Генриха, въ отцеубійствѣ, въ убійствѣ брата Конрада IV и въ попыткахъ къ убійству Конрадина. Кромѣ того гвельфскій писатель Виллани обвиняетъ его и отца его Фридриха II (Ада X, 14 и 119), въ эпикуреизмѣ, въ развратной жизни и даже въ сарацинской ереси. Но всѣ эти обвиненія недоказаны и есть поводъ думать, что та часть хроники Малеспини, гдѣ говорится объ этихъ преступленіяхъ, подложна и внесена къмъ нибудь изъ папской партіи. Главный упрекъ противъ Манфреда есть тотъ, что онъ завладѣлъ сицилійской короной, обойдя законнаго ея наслѣдника—племянника своего Конрадина.

124—128. Послѣ проиграннаго сраженія при Беневенто трупъ Манфреда, снявшаго передъ сраженіемъ съ себя всѣ свои королевскія отличія, долго не могли найти на полѣ битвы; наконецъ онъ былъ найденъ съ двумя ранами: одной на головѣ, другой въ груди (ст. 108 и 111). Напрасно просили бароны короля французскаго сдѣлать убитому почетное погребеніе. «*Si, je fe-gais volontiers, si luy ne fut scomunié*», отвѣчалъ Карлъ. Такимъ образомъ онъ былъ погребенъ во главѣ моста (*in co'del ponte*) у Беневенто; солдаты непріятельскаго войска сами воздвигли ему памятникъ, такъ какъ каждый изъ нихъ принесъ по камню на его могилу. Но папскій легатъ, архіепископъ Ко-зенцы кардиналъ Бартоломео Пиньятелли, личный врагъ Манфреда, не далъ несчастному королю и этой бѣдной могилы. По повелѣнію папы Клементя IV онъ приказалъ вырыть трупъ, чтобъ онъ не осквернялъ, какъ отлученный, землю, принадлежащую церкви, и перенести его на границу Аbruццо, гдѣ онъ и былъ, повидимому, безъ всякихъ почестей брошенъ, не погребенный, въ долину, орошаемую рѣкою Верде (на что указываютъ ст. 130—132). Впрочемъ фактъ этотъ не вполнѣ доказанъ; по крайней мѣрѣ историкъ Рикордино Малеспини, сообщая объ немъ, прибавляетъ «*si disse*»; Виллани же списываетъ у Малеспини и прямо ссылается на Данте. Въ пользу Данте говоритъ и преданіе мѣстныхъ жителей на берегу Верде.

124. «Смысль священныхъ книгъ» (въ подлинникѣ: *Se'l pastor di Cosenza.... avesse in Dio ben letta questa faccia*—*faccia*, страница, листъ книги), т. е. еслибъ онъ понялъ смыслъ священныхъ книгъ, гдѣ значится, что Господь всегда готовъ прощать обращающихся къ нему грѣшниковъ.

126. «На травлю» (въ подлинникѣ: *alla caccia*); такъ выражается поэтъ для обозначенія ярости архіепископа, преслѣдующаго своего личнаго врага даже за могилу. Историкъ Саба Малеспини употребляетъ это же слово для выраженія добычи, доставшейся Карлу Анжуйскому послѣ пораженія Манфреда, часть которой онъ передалъ папѣ: «*Ut autem rex Carolus.... de primitiis laborum suorum participem faciat patrem patrum, et de sua venatione (caccia, охота, травля) pater ipse praegustet, duos ceroferarios aureos etc.... Clementi transmittit*».

131. «Верде»—по древнимъ комментаторамъ, боковой притокъ, впадающій въ Тронто, недалеко отъ Асколи, и образующій на нѣкоторомъ протяженіи границу между Неаполитанскимъ королевствомъ и Анконской областью. Позднѣе она называлась Марино, а теперь—Кастеллано. Нѣсколько выше того мѣста, гдѣ сливаются Тронто и Верде, при Арквата, въ пограничныхъ горахъ къ Норчіа находится озеро, около котораго, по мнѣнію тамошнихъ жителей, находится входъ въ адъ. Очень можетъ быть, что Пиньятелли, въ своей злобѣ къ Манфреду, именно потому и велѣлъ бросить здѣсь трупъ его. Другіе, безъ достаточныхъ причинъ, хотя и видѣтъ Верде въ нынѣшнемъ Гарильяно и, вопреки Данте, полагаютъ, что трупъ Манфреда былъ брошенъ около Чеперано». Карлъ Витте.

132. «Безъ звона и креста» (въ подлинникѣ: a lume spento, съ погашенными свѣчами): отлученные отъ церкви погребались безъ всякихъ церемоній, sine cruce et luce, при чемъ гасили свѣчи.

133—136. Гвельфскій писатель, современникъ Данте, Виллани не раздѣляетъ этого мнѣнія; говоря о смерти отлученнаго отъ церкви Конрадина, онъ замѣчаетъ, что душа его, вѣроятно, будетъ въ числѣ погибшихъ: «отлученіе отъ св. церкви, справедливое или несправедливое, всегда страшно, ибо кто читаетъ древнія хроники, тотъ найдетъ въ этомъ отношеніи много удивительныхъ повѣствованій. Цезари, самъ священникъ, но принадлежащій къ болѣе позднему времени, соглашается, что и отлученный отъ церкви можетъ быть святымъ черезъ полное раскаяніе». Ноттеръ.—«Нельзя не замѣтить въ величественномъ изображеніи Манфреда у Данте кротость и состраданіе къ монарху, оказывавшему такое покровительство и любовь къ поэтамъ». Копишъ.

139. «Подражаніе Энеидѣ, VI, 327, гдѣ говорится, что души непогребенныхъ должны скитаться 100 лѣтъ, прежде чѣмъ перейдутъ черезъ Стиксъ. Тридцать разъ столько, насколько былъ отлученъ—срокъ этотъ не основанъ ни на какомъ церковномъ постановленіи и принятъ поэтомъ произвольно». Ноттеръ. И такъ всѣ тѣ, которые не получили церковнаго отпущенія, осуждены оставаться у подошвы Чистилища, въ antipurgatorium, гдѣ еще нѣтъ мѣста для настоящаго очищенія. Смыслъ тотъ: кто возсталъ противъ церкви, тотъ не можетъ тотчасъ достигнуть истиннаго познанія и раскаянія.

140—141. Ученіе о предстательствѣ святыхъ (intercessio) очень явственно высказывается повсемѣстно въ Чистилищѣ, равно и увѣренность въ томъ, что благочестивыя молитвы живыхъ много сокращаютъ срокъ, по прошествіи котораго умершіе становятся святыми (Чистилища VI, 37—39). Въ Италіи и нынѣ молитвы о душахъ въ чистилищѣ очень свято соблюдаются.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1—12. Въ этихъ терцинахъ Данте опровергаетъ мнѣніе тѣхъ философовъ, которые утверждали, что въ человѣкѣ не одна, но нѣсколько душъ. Именно, по мнѣнію платониковъ, душа человѣческая тройственна: вегетативная, сензитивная и интеллектуальная, или рациональная; при чемъ каждая изъ нихъ занимаетъ въ тѣлѣ свое особое мѣсто. Противъ этого возражалъ уже Аристотель. Фома Аквинскій опровергалъ это мнѣніе почти тѣми же словами, какъ и Данте: «Очевидно, что множественность души дѣло невозможное, уже потому, что если одна дѣятельность души сильно напряжена, то другая задерживается». Согласно съ этимъ Данте принимаетъ лишь одну душу, именно мыслящую или разумную; но вмѣстѣ съ тѣмъ приписываетъ ей многія силы и способности, частью внутреннія, какъ ощущеніе боли (скорби) и удовольствія, частью внѣшнія—при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ; нерѣдко при этомъ душа вся отдается одной какой-нибудь способности или отдѣльной силѣ, такъ что кажется какъ бы связанною тою силою, тогда какъ отдѣльная сила, напримѣръ сила слуха, дѣйствуетъ непрерывно и свободно. «Въ этомъ», говоритъ Данте, «я самъ убѣдился: пока душа моя занята была лишь тѣмъ, что я смотрѣлъ и слушалъ Манфреда, незамѣтно для меня протекло время». Каннегиссеръ. Филалетъ. Мнѣніе о нѣсколькихъ душахъ было осуждено, какъ еретическое, уже на восьмомъ вселенскомъ соборѣ, и Фома Аквинскій приводитъ противъ него одно мѣсто изъ блаж. Августина (Т. I, Quaest. 76, Art. III).

10—12. «Т. е. сила, воспріемлющая внѣшнія впечатлѣнія—есть нѣчто иное, и нѣчто иное—полная сила души; первая связана съ послѣдней, и потому если эта послѣдняя чѣмъ нибудь внутренне сильно занята, то первая не воспринимаетъ извнѣ никакихъ впечатлѣній, хотя внѣшній міръ постоянно лежитъ передъ нею». Ноттеръ.

15—16. Сфера неба дѣлится на 360°, которые солнце кажущимся образомъ пробѣгаетъ въ 24 часа, слѣдовательно 15° въ часъ. Значитъ, теперь будетъ, если мы примемъ первый день замогильнаго странствованія Данте:

27-е марта 9 ч. 28 мин., или
7-е апрѣля. 10 ч. безъ 1 мин., или
10-е апрѣля. 10 ч. 8 мин.

Слѣдовательно поэты шли вмѣстѣ съ Манфредомъ почти 2 часа.

18. Т. е. здѣсь подъемъ на гору, о которомъ вы спрашивали насъ (Чистилища III, 76 и слѣд.).

19—21. Чтобы показать намъ, какъ узка была щель въ скалѣ, по которой слѣдовало имъ взбираться на горы, поэтъ [сравнилъ ее со щелью въ стѣнѣ или оградѣ виноградника, которую повсемѣстно въ Италіи и въ Германіи задѣлываютъ вѣтками терновника, особенно осенью, когда начинается поспѣвать (когда бурѣютъ, quando l'uva imbruna) виноградъ, для защиты отъ расхищенія.— Не безъ отношенія къ вертограду Христову здѣсь употреблено сравненіе съ виноградникомъ, а узкостью пути, ведущаго въ него, намекается на слова Спасителя: «Тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ». Матѣ. VII, 14.

25—26. «Лео» (или, собственно, Санлео, иначе Читта-Фельтрия)—городъ, расположенный на отвѣсной скалѣ, недалеко отъ Сан-Мартино, въ мѣстности Монтефельтро, откуда родомъ знаменитый гибеллинскій родъ графовъ Монтефельтро.—«Ноли»,—городъ на обрывистомъ берегу Riviera di Ponente, въ Генуэзской области, между Финале и Савона.—«Бисмантова»—мѣстечко, или деревенька (villaggia) на обрывистой горѣ, недалеко отъ Реджіо, въ Ломбардіи.

31—33. «Поэты лѣзутъ теперь по самой нижней части горы Чистилища, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть самая крутая. Въ началѣ эта часть горы все подымается вверхъ, какъ голая утесистая стѣна, на которую можно подняться лишь сквозъ упомянутую узкую щель; потомъ достигаютъ къ весьма крутому, въ 45°, склону (ст. 41—42), на который можно взобраться въ любомъ направленіи». Филалетъ.

37. «На пути къ добродѣтели малѣйшій попятный шагъ можетъ имѣть плачевнѣйшія послѣдствія». Ноттеръ.

40—41. Уголь полуквадранта равняется 45°. Крутизна горы не совпадала съ средней линіей, проведенной между горизонтальной и перпендикулярной линіями, но ближе подходила къ этой послѣдней; слѣдовательно гора была круче, чѣмъ въ 45°. «Такъ какъ астрономическій инструментъ квадрантъ уже во время Данте и прежде употреблялся для измѣренія высоты солнца, то Данте весьма знаменательно употребилъ это сравненіе здѣсь, гдѣ идетъ рѣчь о восхожденіи къ духовному солнцу—Богу». Копишъ.

47. Для того, чтобы читатель, слѣдуя за странствіемъ поэта, могъ напередъ составить ясную идею о самой мѣстности, надобно помнить, что путь, по которому идетъ Данте, все ведетъ узкою щелью къ выступу, образуемому вокругъ горы ровную, узкую дорогу. Проходя по этой дорогѣ, мы снаружи будемъ имѣть пустое пространство воздуха, окружающаго гору Чистилища, съ другой, внутренней стороны—утесистую стѣну, черезъ которую крутая тропинка ведетъ въ слѣдующій выступъ, или кругъ, опоясывающій гору. Слѣдовательно гора Чистилища имѣетъ форму адской воронки, но только опрокинутой. Какъ въ аду воронка идетъ въ глубь и при томъ становится все уже и уже, такъ воронка Чистилища, постепенно сужаясь, подымается къ небу. Штрекфуссъ. Ноттеръ.

54. «Послѣ счастливо совершенной дороги, если она была трудна и утомительна, мы съ удовольствіемъ смотримъ назадъ. Но это удовольствіе бываетъ еще сильнѣе, если дорога, какъ въ данномъ случаѣ, понимается въ нравственномъ отношеніи». Ноттеръ.

57. Въ Европѣ, глядя на востокъ, мы имѣемъ солнце съ правой стороны. На противоположномъ, или южномъ полушаріи, солнце должно было казаться Данте съ лѣвой стороны, или между нимъ и сѣверомъ (ст. 59—60). Солнце онъ называетъ «колесницей свѣта» (carro della luce).

61—66. Т. е. солнце представилось бы тебѣ отодвинутымъ еще далѣе къ сѣверу, чѣмъ ты видишь его теперь. Именно Близнецы (состоящіе изъ звѣздъ Кастора и Поллукса) находятся на два созвѣздія ближе къ сѣверу, чѣмъ Овенъ, въ которомъ теперь стоитъ солнце. Если бы оно стояло въ знакѣ Близнецовъ, т. е. если бы на сѣверномъ полушаріи оно приближалось къ лѣтнему солнцестоянію, то — хочеть сказать Virgilij — отсюда, съ горы Чистилища, зодіакъ, насколько онъ освѣщается солнцемъ, или, болѣе ясными словами, тотъ путь, который проходитъ солнце въ этомъ направленіи, отодвинулся бы еще далѣе къ Медвѣдицамъ, т. е. къ сѣверу. Само собою понятно, что здѣсь представился бы глазамъ не самый зодіакъ, т. е. невидные днемъ созвѣздія его, каковы: Близнецы, Овенъ и проч., но только то мѣсто гдѣ они расположены на небѣ. Это послѣднее обстоятельство дѣлаеть выраженіе Данте не совсѣмъ понятнымъ съ перваго взгляда. Ноттеръ. Филалеть.

62. «Зеркалу» (specchio), т. е. солнцу. «Данте называетъ солнце зеркаломъ, точно такъ, какъ въ Раю IX, 61, ангелы названы зеркалами. Они названы такъ потому, что, согласно съ однимъ мѣстомъ въ его Convivio, Богъ изливаетъ свою силу творенія частью прямыми, частью отраженными лучами; такъ называемыя интеллигенціи воспринимаютъ Его свѣтъ непосредственно, всѣ же прочія существа лишь посредствомъ этихъ первично-озаряемыхъ интеллигенцій (См. Рай VII, въ концѣ). Солнце не принадлежитъ къ числу интеллигенцій, и потому оно лишь отражаетъ, какъ зеркало, воспринятый отъ интеллигенцій свѣтъ»... Каннегиссеръ.

63. Оно льетъ свѣтъ и вверхъ и внизъ (su e giù del suo lume conduce), «потому что, по системѣ Птолемеевой, три планеты (Сатурнъ, Юпитеръ и Марсъ) находятся выше, три другія (Венера, Меркурій и Луна) — ниже солнца, и всѣ онѣ получаютъ свѣтъ свой отъ солнца». Филалеть.

67—69. Въ этой терцинѣ обозначается, что Сионъ, т. е. Иерусалимъ, и гора Чистилища — антиподы между собой. Сличн Чистилища II, 1 и прим.

72. Т. е. эклиптика, по которой такъ неудачно нѣкогда правилъ колесницею солнца сынъ Аполлона Фаэтонъ (Ада XVII, 107).

79—84. «Т. е. это по той причинѣ, которую ты мнѣ приводишь, а именно, что Сионъ и гора Чистилища совершенныя антиподы, средній или промежуточный кругъ, называемый въ астрономіи экваторомъ и всегда находящійся между льдомъ и солнцемъ, т. е. между лѣтомъ и зимою (ибо лежитъ между тропиками), здѣсь, т. е. отъ горы Чистилища, настолько же отстоитъ къ полудни, т. е. къ сѣверу, насколько тамъ, т. е. на противоположномъ полушаріи, для евреевъ, обитающихъ въ Иерусалимѣ, онъ кажется обращеннымъ къ югу». Фратичелли.

88—90. «Человѣческій разумъ (Virgilij) знаетъ только то, что путь къ добродѣтели становится все легче отъ упражненія и человѣкъ дѣлается вполне добродѣтеленъ лишь тогда, когда добродѣтель становится ему въ наслажденіе». (Чистилища XXVII, 131). Ноттеръ. — «Здѣсь мы видимъ разницу между адскою воронкой и горой Чистилища: первая тѣмъ круче, чѣмъ глубже мы по ней спускаемся; эта же тѣмъ отложе и удобнѣе для восхожденія, чѣмъ выше мы восходимъ по ней. Но и сверхъестественная (божественная) сила помогаетъ намъ восходить по ней. Въ этомъ заключается глубокий смыслъ: какъ во зло мы погружаемся все съ болѣе ускоренной силой, такъ точно и доброе, вначалѣ для насъ трудное, отъ непрерывнаго упражненія становится все легче и легче, при чемъ все болѣе и болѣе содѣйствуетъ намъ божественная благодать; ибо «нимѣющему дается и придастся». Филалеть.

101. «Этотъ утесъ (рифъ) находится слѣва отъ поэтовъ, къ югу, такъ какъ они идутъ съ востока на западъ; иначе находящіяся за нимъ души не имѣли бы защиты отъ струившихся съ сѣвера солнечныхъ лучей». Филалетъ.— «Самый утесъ имѣетъ значеніе препятствія, поставляемаго косностью въ пути къ усовершенствованію, а тѣнь отъ утеса обозначаетъ духовный мракъ». Копишъ.

119. «Говорящая тѣнь подслушала астрономическій разговоръ между Виргиліемъ и Данте; она насмѣшливо обращается къ Данте, потому что изслѣдованія и стремленія людей дѣятельныхъ кажутся тунеядцамъ смѣшными и презрѣнными». Велутелло.

121. Суровый Данте во всей поэмѣ своей воздерживается отъ всякаго юмора; но здѣсь, при изображеніи этого лѣниваго итальянца, онъ невольно улыбается въ первый разъ во всей своей поэмѣ; во второй разъ онъ улыбается въ сценѣ встрѣчи Виргилія со Стаціемъ (Чистилища XXI, 109).

123. «Белаква, родомъ изъ Флоренціи, инструментальный мастеръ, приготовлявшій особенно цитры, которыя онъ отлично украшалъ рѣзной работой, и отлично игралъ на нихъ. Данте, самъ великій любитель музыки, вѣроятно, хорошо знаетъ его. Онъ отличался необыкновенною лѣнью». Бенвенуто да Иммола.

129. Чистилища IX, 78.

130—131. Здѣсь видимъ второй родъ нерадивыхъ. Первый родъ, скитающійся у основанія горы Чистилища, не радѣлъ объ отпущеніи грѣховъ своихъ вслѣдствіе сопротивленія церкви; эти же души, пребывающія на первомъ уступѣ чистилища или въ *antipurgatorium*, не сдѣлали этого лишь по своему нерадѣнію или лѣни. Первые должны дожидаться до впущенія въ чистилище 30 разъ столько, сколько лѣтъ они прожили на свѣтѣ, а нерадивые лишь столько лѣтъ, сколько прожили; слѣдовательно препятствіе къ допущенію въ чистилище для этихъ послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ для первыхъ.

139. «По мнѣнію Данте, Испанія лежитъ подъ тѣмъ же меридіаномъ, что и Марокко, т. е. 90° къ западу отъ Іерусалима (Чистилища II, 1—3 и прим.); слѣдовательно, гора Чистилища также лежитъ на 90° къ западу отъ Марокко. Но такъ какъ теперь на Чистилищѣ полдень, то въ Марокко должна только что наступить ночь, или, какъ живописно выражается поэтъ, ночь стопой своей покрываетъ Марокко, лежащій на внѣшней окраинѣ западной гемисферы». Филалетъ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

1—6. Отойдя отъ душъ, поэты имѣли солнце справа, Данте идетъ вслѣдъ за Виргиліемъ и тѣнь отъ него ложится налѣво.

20. Данте стыдится, что обратилъ вниманіе на нерадивыхъ и тѣмъ самымъ замедлилъ свое восхожденіе на пути къ совершенствованію.

24. «Души поютъ 50-й псаломъ: *Miserere mei, Domine* (Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей), въ два хора, стихъ за стихъ, какъ поется этотъ псаломъ въ католическихъ церквахъ». Бути.

36. Онъ можетъ принести о нихъ извѣстіе живымъ и тѣмъ понудить ихъ молиться о сокращеніи срока пребыванія душъ въ чистилищѣ.

37—39. Здѣсь разумѣются падающія звѣзды и столь частыя въ августѣ мѣсяцѣ зарницы. Слѣдуя Аристотелю, учитель Данте, Брунето Латини, такъ объясняетъ ихъ происхожденіе: «отъ столкновенія вѣтровъ вызывается огонь въ верхнихъ областяхъ атмосферы, вслѣдствіе чего загораются горючіе пары, поднимающіеся въ эти области» (*Tesoro, Lib. II, Cap. 33*).

52—57. Эти души, бродящія у подножія горы Чистилища,—третій видъ нерадивыхъ—застигнуты врасплохъ насильственною смертью и не получили отпущенія; но тѣмъ не менѣе онѣ прощены Всевышнимъ въ силу чистосердечнаго ихъ раскаянія и за то, что онѣ простили врагамъ своимъ. Пѣніе этого рода нерадивыми *Miserere* совершенно здѣсь уместно, соответствуя выраженному ими (ст. 57) стремленію войти въ предѣлы настоящаго очищенія. Второй стихъ псалма какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ настроенію ихъ: «омыи мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя».

64. Говорящая здѣсь тѣнь есть Якопо дель-Кассеро, гражданинъ города Фано. Онъ возбудилъ противъ себя ненависть Аццо VIII, графа Эсте, тѣмъ, что, когда этотъ послѣдній велъ войну съ Болоньей и Пармой и уже близокъ былъ къ заключенію мира съ ними, Кассеро, бывшій тогда подестой Болоньи, много противодѣйствовалъ ему. За это, по повелѣнію Аццо, онъ былъ убитъ при мѣстечкѣ Оріако, между Венеціей и Падуей, въ то время, когда ѣхалъ въ Миланъ.

68—69. Здѣсь обозначается область Анконы, лежащая между Апуліей и Романьей, находившаяся въ то время подъ властью Карла II Анжуйскаго. Родина Кассеро, городъ Фано, принадлежитъ къ Анконской области.

74. Намекъ на 3 книгу Моисея: «Потому что душа тѣла въ кровъ». Левитъ XVII, 11.

75. Убіиство Кассеро совершено падуанцами, которыхъ Данте, какъ измѣнниковъ, называетъ «антенорцами», по имени троянца Антенора, основавшаго,

по преданію, городъ Падую. «Слава основателя Падуи, какъ въ средніе вѣка, такъ и понынѣ, живетъ еще въ устахъ народа». Амперъ.—Измѣнники отечеству помѣщены въ аду во второмъ отдѣленіи девятаго круга, названномъ Данте Антенорою (Ада XXXII, 89).

79—81. Т.-е. скройся я въ Мирру (мѣстечко Пизанской области, на одномъ изъ каналовъ, выходящихъ изъ рѣки Brenta), а не спрячься въ осоку болота у Ориако, я бы и до сихъ поръ былъ между живыми (гдѣ тварь вся дышитъ—*là dove si spira*).

88. Буонконте, сынъ Гвидо да-Монтефельтро, того самаго, что помѣщенъ въ аду между злыми совѣтниками (Ада XXVII, 67—71 прим.). Буонконте палъ въ сраженіи при Кампольдино, недалеко отъ Поппи, крѣпости въ Казентино, 11-го іюня 1280 года. Это сраженіе происходило съ одной стороны между изгнанными изъ Флоренціи гибеллинами, въ союзѣ съ аретинцами, и флорентинскими гвельфами—съ другой. Аретинцами командовалъ епископъ ихъ Гюильельмо Убертини и Буонконте. Въ сраженіи участвовалъ, еще молодой тогда Данте, служа въ кавалеріи, такъ какъ въ молодости своей онъ принадлежалъ къ партіи гвельфовъ. Трупъ Буонконте не былъ найденъ,—обстоятельство, послужившее поэту поводомъ къ этому дивно поэтическому разсказу, составляющему совершенную противоположность со страшною сценой спора св. Франциска съ дьяволомъ за душу графа Монтефельтро, отца Буонконте (Ада XXVII, 112).

89. Т.-е. жена моя Джіованна и прочіе родственники перестали молиться обо мнѣ.

94. «Недалеко отъ высочайшаго гребня Аппенинъ (Giogo delle Scale), съ вершины котораго видны оба моря, омывающія Италію, находится древній монастырь монаховъ ордена Камальдоли—Sacro Ermo (Пустынь). Нѣсколько выше монастыря беретъ начало рѣка Archiano (нынѣ Archiana), или, вѣрнѣе сказать, одинъ изъ боковыхъ притоковъ ея—Fosso di Camaldoli. Верхняя долина рѣки Арно, идущая отъ сѣверо-запада къ юго-востоку между главнымъ хребтомъ Аппенинъ и лѣсистымъ его отрогомъ Протаманьо (нынѣ Тратовеккіо), называется Казентино. Протаманьо отдѣляетъ долину рѣки Арно отъ Казентино.—Сличи Ада XXX, 65 прим.». К. Витте.

97. Т.-е. гдѣ Аркіано впадаетъ въ Арно, близъ Баббіена.

105. «Душа отца Буонконте послужила предметомъ спора между св. Францискомъ и дьяволомъ, при чемъ первый долженъ былъ уступить изъ-за единаго грѣховнаго слова, которое истребило плоды покаянія графа (Ада XXVII, 111, 116). Одинаковый споръ возникаетъ между Ангеломъ Господнимъ и Врагомъ за душу сына; но здѣсь единый вздохъ, обращенный къ Матери милосердія (ст. 101), рѣшаетъ споръ въ пользу Ангела, а другой долженъ удовольствоваться однимъ лишь трупомъ раскаявшагося». Филалетъ.

112. По общему мнѣнію среднихъ вѣковъ, бури воздвигаются демонами: имъ дана власть надъ стихіями.

116. «До хребта горы», т. е. до Аппенинскихъ горъ.

122. Царственной рѣкой (*fiume reale*) Данте называетъ рѣку Арно, въ которую впадаетъ Аркіано.

133. Пія, родомъ изъ Сьены, изъ знатной фамиліи Гвастеллони, была замужемъ за Толомеи; но, овдовѣвъ, вышла за нѣкоего Нелло или Паганелло де Паннокьески. Подозрѣвая ее въ невѣрности, или, по другому сказанію, желая избавиться отъ нея, чтобы жениться на другой, Нелло заключилъ ее въ одинъ изъ своихъ замковъ въ Мареммѣ. По словамъ нѣкоторыхъ, она была выброшена изъ окна замка и убила; по другимъ—погибла медленною смертію отъ ядовитаго воздуха болотистой Мареммы.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

2—10. Сравненіе заимствовано изъ итальянской жизни: обыкновенно выигравшаго окружаетъ толпа, въ надеждѣ, что онъ подѣлится съ ними выигрышемъ, или проплетъ его вмѣстѣ съ ними.

13—14. По единогласному отзыву комментаторовъ, это Бенниказа изъ Ареццо, отличный юристъ. Будучи намѣстникомъ подесты Сьенскаго, онъ приговорилъ къ смертной казни за разбой сына и племянника знаменитаго въ XIII вѣкѣ бандита Гино ди Такко, владѣльца замка Радикофани, недалеко отъ Рима. Спустя нѣсколько времени, при папѣ Бонифации VIII, Бенниказа былъ призванъ въ Римъ въ качествѣ аудитора (*uditore*) въ высшій апелляціонный судъ въ Римѣ, въ Капитоліи. Гино, чтобы отмстить за смерть родственниковъ, ворвался среди бѣлаго дня въ Римъ, проникъ со своей шайкой въ залу суда, отрубилъ голову Бенниказа, когда онъ отправлялъ свою судебную обязанность, и затѣмъ, никѣмъ не преслѣдуемый, скрылся въ свой замокъ. Боккаччо *Decamerone*, 10, 2.

15. Тарлати (Чьякко или Чьоне), аретинецъ. Въ сраженіи при Кампальдино, спасаясь отъ преслѣдованій, онъ утонулъ въ Арно; по другимъ, онъ самъ гнался за неприятелемъ и былъ сброшенъ въ Арно испуганною лошадейю.

17—18. Федерико Новелло, сынъ Гвидо Новелло, намѣстника короля Манфреда во Флоренціи и дочери графа Уголино делла Герардеска (Ада XXXIII, 4 прим.; см. Истор. очеркъ событ. въ Пизѣ во врем. Уголино, въ приложеніи къ I книгѣ Божественной комедіи (Ада стран. 317), убитъ въ 1292 году аретинскимъ гвельфомъ Фумароло де Бостоли. Другая тѣнь—Фарината дельи Скорниджьяни—былъ убитъ какимъ-то Беччо изъ Капроны. Отецъ Фаринаты, Марцукко дельи Скорниджьяни, пизанецъ, постригшійся изъ рыцарей въ монахи-минориты, отличался такимъ смиреніемъ въ своемъ духовномъ санѣ, что не только не мстилъ убійцѣ сына, но примирился съ нимъ въ знакъ примиренія подаль ему руку, тѣмъ выказавъ «доблесть» своей дупни (*che fe' parer le buon Marzucco forte*), согласно долгу евангельской любви.

19. «Графъ Орсъ» (*Cont' Orso*), по однимъ, изъ фамиліи Альберти да-Вальди Бизенціо, убитъ своими родственниками; по другимъ—сынъ графа Наполеона де-Чербаїа, убитъ своимъ дядей Альберти да Мангена (Ада XXXII, 57).

22. «Пьеръ де ла Броссъ» (*della Brossia*)—любимый секретарь французскаго короля Филиппа Смѣлаго, пользовавшійся большимъ его довѣріемъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя сильную ненависть придворныхъ и даже второй жены короля Маріи Брабантской (Брабантинки, ст. 23), дочери Генриха VI, герцога

Брабантскаго; былъ обвиненъ ихъ происками въ отравленіи наслѣдника престола и государственной измѣнѣ, за что и былъ казненъ, по приказанію короля, въ 1276 году. Королева Марія умерла въ 1321 году, а потому, вѣроятно, читала слова, направленныя противъ нея въ слѣдующихъ стихахъ.

29—30. Намекъ на то мѣсто Энеиды (VI, 372—375), гдѣ Палинуру, умоляющему перевезть его черезъ Ахеронъ, Сивилла отвѣчаетъ:

Unde haec, Palinure, tibi tam dira cupido?
Tu Stygias inhumatus aquas, amnemque severum
Eumenidum adspicies, ripamve injussus adibis?
Desine fata deum flecti sperare precando.

37—39. Т.-е. Божіе правосудіе черезъ то не ослабнетъ (не поникнетъ своей вершиной; въ подлинникѣ: *cima di guidizio non s'avvalla*), если жаръ любви ближнихъ къ усопшимъ сократитъ своими молитвами срокъ пребыванія ихъ въ чистилищѣ, гдѣ каждому, въ него допущенному, предназначено пробыть болѣе или менѣе долгое время.

40—42. «При разрѣшеніи вопроса: могутъ ли молитвы и добрыя дѣла одного оказать пользу другому, Фома Аквинскій даетъ слѣдующія толкованія. Люди двоякимъ способомъ заслуживаютъ вѣчную награду, состояніе блаженства, или извѣстную случайную, временную награду: путемъ молитвы или путемъ заслугъ—добрыми дѣлами. Молитвой можетъ быть оказана другимъ неограниченная помощь, потому что выслушать ее зависитъ отъ благодати Господней, и молитвой достижимы всякія милости равно себѣ и другимъ. Путемъ заслугъ своими добрыми дѣлами нельзя оказать другимъ никакой помощи въ достиженіи ими вѣчной жизни, но можно содѣйствовать приобрѣтенію ими помянутыхъ временныхъ наградъ, при посредствѣ любви, которая связуетъ всѣхъ между собою и дѣлаетъ одного участникомъ заслугъ другого. Добрыя дѣла и молитвы за другихъ между живущими и живущихъ за умершихъ, находящихся въ состояніи очищенія,—могутъ быть дѣйствительны. Но тотъ, кто не находится въ числѣ помилованныхъ, тотъ не можетъ ничего заслужить ни себѣ, ни другимъ. Недѣйствительна также молитва за осужденныхъ, потому что связь любви съ ними порвана. Заслуженное нами вѣчное наказаніе могла смыть лишь безконечная заслуга Христа, временныя кары (къ которымъ можно также отнести наказаніе чистилища) могутъ быть облегчены однимъ человѣкомъ за другого, потому что было бы несправедливо, если бы Богъ наказывалъ одного человѣка за другого, тогда какъ, награждая одного за заслуги другого, Онъ являетъ себя благимъ (Sum. Theol. Suppl. part. III, quaest. XIII, art. 2, quest. LXXXIII, art. 1—6).—И такъ Данте заставляетъ Виргилія сказать здѣсь: постигшіи души строгій приговоръ о пребываніи ихъ въ преддверіи чистилища можетъ быть уничтоженъ любовью молящихся за нихъ. Тѣ же слова (въ Энеидѣ) высказаны по отношенію къ аду, гдѣ связующая людей любовь недѣйствительна». Филалетъ.

43—45. «Виргилій, какъ символъ человѣческой мудрости, отсылаетъ своего ученика по этому, чисто богословскому, вопросу къ Беатриче, символу божественнаго знанія, при свѣтѣ котораго человѣкъ находитъ тѣ истины, которыхъ онъ тщетно искалъ бы при всякомъ другомъ свѣтѣ». Фратичелли.

56—57. Т. е. возвратъ солнца, которое теперь за горою Чистилища, такъ что лучи его, не падая на тебя, уже не даютъ отъ тебя тѣни. Три раза взошло солнце, прежде чѣмъ поэты достигли вершины Чистилища: въ первый разъ Чистилища IX, 44; во второй—Чистилища XIX, 36—39 и въ третій—Чистилища XXVII, 109—112.

74. Сорделло, родомъ изъ Мантуи, жилъ въ началѣ XIII вѣка и принадлежалъ къ числу отличнѣйшихъ поэтовъ того времени. Ему приписываютъ сочиненіе *Thesaurus Thesaurogum*, въ которомъ описываются всѣ знаменитые государственные мужи, почему на произнесенную Сорделломъ въ слѣдующей пѣсни (ст. 90—135) характеристику государей недавняго прошлаго не безъ основанія смотрятъ, какъ на намекъ на это сочиненіе; между тѣмъ Бенвенуто да Имола заявляетъ, что такого не видѣлъ. О доблестяхъ Сорделло на поприщѣ общественной жизни, политической дѣятельности, воинскихъ подвиговъ и почитанія женской красоты существуютъ различные малодостоверные рассказы; такъ, напримѣръ, тотъ же Б. да Имола говоритъ, не ручаясь за достоверность сказаннаго, что Сорделло былъ умерщвленъ по приказанію графа Эццелино или Аццолино (Ада XII, 110), тогда какъ почти не подлежитъ сомнѣнію, что Сорделло пережилъ Аццолина, умершаго въ 1259 году въ Веронѣ, такъ какъ успѣлъ написать стихи въ память Сицилійской Вечерни (1282 г.). Достоверно лишь то, что онъ имѣлъ частыя сношенія съ Аццолинами и, когда эти послѣдніе стали во враждебныя отношенія къ предводителю гвельфской партіи города Вероны, графу Рикарду де Ст. Бонифачіо, женатому на Кунницѣ, дочери Аццолино II, то ея братья допустили, или даже приказали Сорделлу увести отъ мужа Кунницу, взаимностью которой онъ пользовался еще въ бытность ея въ домѣ отца. Данте съ похвалою отзываясь о немъ въ своемъ *De vulgari Eloquentia* I, 15. Сорделло презиралъ родной языкъ и писалъ на провансальскомъ языкѣ.

87. Намекъ на усобицы городовъ Италіи, раздираемыхъ гвельфами и гибеллинами.

88—90. Т. е. что пользы, что Юстиніанъ издалъ свой знаменитый кодексъ? Какая польза въ уздѣ законовъ, если никто не правитъ этой уздой, если въ Италіи нѣтъ императора (наѣздника)? Тѣмъ болѣе стыда для Италіи, что она, имѣя такіе превосходные законы, не исполняетъ ихъ.

91. Въ видѣ дикаго коня (*fioga*) олицетворяется здѣсь Италія.

93. «Итакъ отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу». Матѣ. XXII, 21.

97—103. Данте обращается къ германскимъ императорамъ Альбрехту и его отцу Рудольфу Габсбургскому, упрекая ихъ въ томъ, что они, занимаясь дѣлами Германіи, не обращали никакого вниманія на Италію, которую поэтъ называетъ (ст. 105) «садомъ имперіи».

100. Намекъ на убіеніе императора Альбрехта его племянникомъ Іоанномъ Парицидой (1308 г.), приведенный здѣсь въ видѣ пророчества.

106. Обращеніе къ германскому императору.

107. Гибеллинскія фамиліи, о которыхъ находимъ у Филалета въ общемъ слѣдующее: Мональди—могущественный родъ изъ Орвіето; двѣ линіи его враждовали между собою, наполняя Орвіето еще въ XIV вѣкѣ смутами и кровопролитіями. Въ подлинникѣ еще *Filippeschi*, тоже изъ Орвіето, враги Мональди.—Монтекки и Капеллетти, извѣстные всякому по Шекспировской трагедіи «Ромео и Джульетта». Монтекки, могущественный родъ, стоявшій во главѣ и давшій по себѣ названіе гибеллинской партіи Вероны. Съ помощью фамиліи Аццолино имъ удалось изгнать противную партію съ графомъ де С. Бонифачіо во главѣ (1236 г.), послѣ чего графъ Аццолино завладѣлъ властью въ городѣ и сохранялъ ее до самой смерти (1259 г.). Повидимому, Монтекки были плохо вознаграждены имъ за свои услуги, такъ какъ между многими жертвами его жестокости мы находимъ въ 1242 г. и Карнароло Монтекки. Они были изгнаны изъ Вероны (1324 г.) Каномъ Великимъ, удалились въ Удино и вымерли тамъ черезъ полстолѣтія (Алессандро Торри. *Guilietta e Romeo, Novella storica*. S. 56—60). Гораздо менѣе свѣдѣній собрано о фамиліи Капеллетти того времени.

Имя ихъ не встрѣчается въ довольно подробно составленной Cronica di Verona. Нѣкоторые древніе комментаторы полагаютъ ихъ родомъ изъ Кремоны и врагами Тронкачюфи, но Алессандро Торри ссылается на ненапечатанный трудъ XVIII вѣка и выводитъ по немъ родословную фамиліи Капеллетти.

111. «Графы Сантафіоре—могущественный родъ изъ Мареммы Сиенской. Послѣ пораженія Конрадина (1270 г.), въ Сиенѣ получили преобладаніе гвельфы, а графы Сантафіоре соединились съ изгнанными гибеллинами (1280 г.). Главнымъ убѣжищемъ изгнанниковъ служилъ замокъ Рокка Страда, завоеванный сиенцами наравнѣ со многими другими, принадлежавшими графамъ Сантафіоре. По заключеніи мира (1300 г.), имъ были возвращены нѣкоторые изъ нихъ за денежный выкупъ». Филалетъ.—Другіе комментаторы разумѣютъ подъ этимъ стихомъ не только угнетеніе графства во время Данте гвельфами, но и опустошеніе его бандитами.

125—126. Маркъ Клавдій Марцелль, аристократъ, глава Помпеевской партіи, противодѣйствовавшій диктатурѣ Юлія Цезаря. Данте хочетъ сказать, что каждый ничтожный крестьянинъ считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы бороться съ императоромъ. Меньшинство комментаторовъ разумѣетъ здѣсь Марцелла, покорителя Сиракузъ во второй Пунической войнѣ; тогда стихъ получить слѣдующій смыслъ: каждый почитаетъ себя героемъ.

127. Начинающееся отсюда обращеніе къ Флоренціи все преисполнено жесточайшаго сарказма.

128—129. «Народъ твой... не пойдетъ по той дорогѣ ложной»—въ подлинникѣ нѣсколько иначе, *questa digression che non ti tocca*—это отступленіе тебя не касается. «Поэтъ самъ чувствуетъ, что одно изъ прекраснѣйшихъ и трогательнѣйшихъ по содержанию мѣстъ Божественной Комедіи, отъ стиха 76 и до конца пѣсни, столь неумѣстно и надолго прерывающее начатую въ стихѣ 75 рѣчь Сорделлю, представляетъ собою отступленіе отъ предмета, о которомъ собственно теперь идетъ рѣчь. Оно заслуживаетъ снисхожденія лишь у столь наивнаго и первобытнаго поэта». Ноттеръ.

130—135. Т. е. иные (народы и государства) любятъ правду (правосудіе), но они осторожны въ ея примѣненіи, они хранятъ ее на сердцѣ; у тебя же, Флоренція, она всегда на губахъ, но не въ сердцѣ. Граждане другихъ государствъ избѣгаютъ общественныхъ должностей, страшась ихъ тяжелой отвѣтственности; вы же, флорентинцы, охотно беретесь за все, даже тамъ, гдѣ не просятъ васъ.

145—147. вмѣстѣ съ партіями менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе (1217—1307 г.), во Флоренціи 17 разъ перемѣнилось государственное устройство, составъ части народонаселенія и власти. Подробнѣе см. у Филалета, прим. 23; у К. Витте, *Einleitung* S. 24; Скартаццини перечисляетъ за полъ-столѣтія (1248—1307 г.) 20 различныхъ перемѣнъ. «Труднѣе дать свѣдѣнія о перемѣнахъ въ монетахъ, которыя Данте ставитъ въ упрекъ своему родному городу, такъ какъ флорентинцы соблюдали весьма похвальное постоянство именно по отношенію къ главной своей монетѣ, золотымъ флоринамъ (Ада XXX, 74 примѣч.). Филалетъ».

151. «Какъ мѣтко сравненіе непостояннаго города съ безпокойною больною, которая безпрестанно ворочается отъ боли на одрѣ своемъ, но тѣмъ не менѣе не находитъ покоя». Копишъ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

1. Начало пѣсни примыкаетъ къ 75 стиху предыдущей. «Три, четыре раза»,—опредѣленное число вмѣсто неопредѣленного, т. е. многократно, напоминающее латинское *terque quaterque*, какъ у Вирг. *Aen. I, 94*. «*O terque quaterque beati*».

4—5. До воскресенія Христова всѣ души умершихъ поступали въ адъ, души добродѣтельныхъ въ лимбъ, души злыхъ въ настоящій адъ, такъ какъ, по мнѣнью Данте, до искупленія Христомъ челоѣчества никто не могъ спастись и, слѣдовательно, не могъ вступить въ Чистилище. Поэтому въ лимбѣ находился и Виргилій, не бывшій и не могшій быть христіаниномъ, такъ какъ онъ умеръ, когда еще Христосъ не родился (*Ада IV, 52* и слѣд.); и, слѣдовательно, гора Чистилища до воскресенія Христова еще никѣмъ не была населена.

6. «Октавианъ»—римскій императоръ, носившій имя *Cajus Julius Caesar Octavianus*, по повелѣнью котораго кости Виргилія были перенесены въ Неаполь и тамъ погребены (*Чистилища III, 27*).

7. Слича *Ада IV, 34—42*.

8. «Вѣроваль въ ничто» (въ подлинникѣ: *per non aver fe*—не имѣть вѣры). Вѣра есть начало къ спасенію (*Ада II, 30*).—«А безъ вѣры угодить Богу невозможно». Посл. къ Евреямъ *XI, 6*—«*Fides est necessaria tanquam principium spiritualis vitae*». *Thom. Aquin. Sum. Theol. P. II, qu. XVI, art. I*.—«*Sine fide mediatoris nullum hominem vel ante, vel post Christi adventum fuisse salvum, Sanctorum auctoritates contestantur*». *Petr. Lomb. Sent. I. III, dist. 25*.

9. Здѣсь Виргилій говоритъ лишь о себѣ и ни слова не упоминаетъ о Данте. Сорделло, изумленный появленіемъ тѣни великаго поэта, не заботится спросить его, кто его спутникъ; это обстоятельство служитъ поводомъ къ превосходной сценѣ въ слѣдующей пѣсни (*VIII, 58* и далѣе), гдѣ Данте, объявляя себя живымъ челоѣкомъ судѣ Нино. *Біаджіолли*.

10—12. «Изображеніе челоѣка, который видитъ невѣроятное въ дѣйствительности». *Бенвенуто Рамбалди*.

13. «Гордость Сорделло, какъ поэта, мгновенно исчезаетъ, когда онъ узнаетъ, что передъ нимъ тѣнь болѣе высокаго поэта». *Штрекфуссъ*.

15. Въ подлинникѣ: *Ed abbracciollo ove il minor s'appiglia*, т. е.: и обнялъ его тамъ, гдѣ обнимаетъ меньшій ростомъ, какъ напримѣръ ребенокъ, т. е. колѣни, по объясненію *Ландино*.

17. «Наше слово» (въ подлинникѣ: *la lingua nostra*), т. е. латинскій языкъ, который во времена *Виргилія* и даже во время *Сорделло* былъ языкомъ итальянцевъ.

18. «Градъ моему»—т. е. *Мантуѣ*, откуда родомъ *Виргилій* и *Сорделло*.

25—27. «Бездѣйствіе—не дѣйствіе» (въ подлинникѣ: *Non per far, ma per non fare ho perduto*), т. е. не совершеніемъ грѣховъ, но тѣмъ, что не имѣлъ трехъ святыхъ добродѣтелей: вѣры, надежды и любви, утратилъ я то Солнце, т. е. Бога, котораго узналъ поздно, т. е. по смерти». *Фратичелли*.

28. Т. е. лимбъ (*Ада IV, 25* и далѣе), въ которомъ нѣтъ мукъ. «*Dolores non sunt in inferno patrum, neque etiam in inferno puerorum, qui non puniuntur poena sensus propter peccatum actuale, sed solum poena damni propter peccatum originale*». *Thom. Aquin. Sum. Theol. p. III, qu. LII, art. 2*—«Онъ тьмой своей угрюмъ»,—мѣсто въ лимбѣ, гдѣ находятся души знаменитыхъ и добродѣтельныхъ язычниковъ, между которыми находится *Виргилій*, озарено свѣтомъ, но свѣтъ этотъ, въ сравненіи съ небеснымъ, кажется *Виргилію* мракомъ». *Томмасео*.

31. Слѣдовательно въ лимбѣ некрещенныхъ младенцевъ (*limbus puerorum*).—«*Limbus patrum et puerorum absque dubio differunt secundum qualitatem poenae vel praemii. Pueris enim non adest spes beatiae vitae, quae patribus in limbo aderat; in quibus etiam lumen fidei et gratiae refulgebat. Sed quantum ad situm, probabiliter creditur, utrorumque locus idem fuisse; nisi quod limbus patrum erat in superiori loco quam limbus puerorum*». *Thom. Aquin. Summ. Theol. p. III, suppl. qu. LXIX, art. 6*.

32. «Поэтъ олицетворяетъ, согласно съ народнымъ повѣрьемъ, смерть въ видѣ человѣческаго скелета, наносящаго своими зубами гибель живущимъ». *Ломбарди*.—«Смерть! гдѣ твое жало?» *Осіи XIII, 14*.

34—36. Здѣсь обозначаются добродѣтельные язычники, для полнаго спасенія которыхъ недоставало трехъ богословскихъ добродѣтелей: вѣры, надежды и любви. «*Virtutes theologicae hoc modo ordinant hominem ad beatitudinem supernaturalem, sicut per naturalem inclinationem ordinatur homo in finem sibi connaturalem*». *Thom. Aquin. Sum. Theol. p. I. 2 qu. LXII, art. 3*.—Сличн *Ада IV, 106* и прим. Данте во всей своей поэмѣ проводитъ ту мысль, что безъ этихъ трехъ добродѣтелей нельзя быть христіаниномъ. Въ *Раю XX, 118* и далѣе говоритъ, что обладающіе этими добродѣтелями могутъ достигнуть небеснаго блаженства даже безъ крещенія.

39. «Первое начало чистилища», т. е. входъ въ настоящее чистилище, такъ какъ до сихъ поръ поэты находятся еще въ *antipurgatorium*. «Истинное начало въ чистилищѣ для людей міра сего есть вступленіе къ покаянію, которое неизвѣстно людямъ сего міра по причинѣ разнаго рода нерадѣній». *Бути*.

43. «Это мѣсто до стиха 63 имѣетъ аллегорическое значеніе. Солнце, по толкованію древнихъ комментаторовъ, означаетъ божественный свѣтъ благодати, безъ котораго безуспѣшно раскаяніе и не можетъ быть истиннаго исправленія. Воля тогда безсильна (ст. 57), ибо одна воля ни на что не способна безъ божественной благодати».

53. Здѣсь поэтъ имѣлъ въ виду слова Спасителя: «Еще малое время свѣтъ есть съ вами; ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма». *Іоан. XII, 35*.—«Приходитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать». *Ibid. IX, 4*.

58—59. «*Figuratur quod sine Sole divinae gratiae, a quo illuminamur, ad recta, dum lucet in nostra mente, debemus et possumus ascendere; sed secus dum non lucet, quia tunc nos movendo, errando et in nocte iremus*». *Петръ Данте*.—«Во мракѣ ночи можно лишь бродить вокругъ и спускаться внизъ—это значитъ, что безъ озаренія свыше можно посвящать себя лишь другимъ созерцаніямъ, напримѣръ

научнымъ занятіямъ». Каннегиссеръ.—По Филалету, значеніе этого мѣста слѣдующее: человекъ безъ божественной милости—этого солнца душъ—не въ состояніи сдѣлать собственной силою ни шагу къ благу. Зато мірскія стремленія, даже возвратъ къ злему—блужданіе кругомъ и пониженіе — лежатъ въ его власти.—«Если Данте и имѣлъ здѣсь въ виду вышеприведенныя евангельскія слова, то едва ли эту великую истину онъ разсматривалъ здѣсь лишь съ одной богословской точки зрѣнія. Поэтъ, такъ сильно высказывавшійся въ концѣ предыдущей глѣснн противъ сумятицы своего времени,—поэтъ, хорошо понимавшій, что такое смятеніе возникаетъ лишь тогда, когда вожди, ослѣпленные страстями и духомъ партіи, приводятъ къ этому тѣмъ, что не знаютъ, чего хотятъ и куда ведутъ и не замѣчаютъ, какая пропастъ подъ ихъ ногами,—такой поэтъ, въ дѣйствіяхъ котораго и во всемъ существѣ даже среди труднѣйшихъ обстоятельствъ господствуетъ совершеннѣйшая ясность, не могъ внести въ свою поэму эту истину безъ того, чтобы, при всемъ богословскомъ смыслѣ ея, не придать ей и глубокаго всемірно-историческаго смысла. На пути къ небу, какъ и на путяхъ житейскихъ,—на пути, по которому идутъ какъ государства, такъ и отдѣльныя личности,—на пути, ведущемъ ко внутреннимъ цѣлямъ въ духѣ и разумѣ, такъ и къ цѣлямъ внѣшнимъ,—вездѣ мы идемъ впередъ лишь при свѣтѣ дня. Тѣ же, кто блуждаютъ въ ночи, будутъ очень счастливы, когда они, вмѣсто того, чтобы подыматься впередъ, могутъ обратиться въ сторону и остаться на разѣ достигнутой ими вышины. Большая же часть пятится, или низвергается рано или поздно во мракъ, спутывающій безсильемъ воли. Потому тотъ, кто не можетъ освободиться отъ окружающей его ночи,—лучше сдѣлаетъ, если будетъ спокойно дожидаться, пока эта ночь минуетъ». Штрекфуссъ.

49—51. «Виргилій какъ будто изумленъ тѣмъ, что сила его собственнаго разума недостаточна для дальнѣйшаго восхожденія къ небу,—что для этого безусловно необходимъ свѣтъ свыше; онъ какъ будто забываетъ, что онъ собственными устами говорилъ, Чистилища VI, 52, своему ученику, что не долго можно восходить вверхъ до окончанія дня». Ноттеръ.

56. Т. е. здѣсь одно лишь препятствіе—мракъ ночи, подъ которымъ древніе комментаторы разумѣютъ слѣпоту и невѣжество грѣшниковъ. Повидимому, Данте намекаетъ на евангельскія слова: «Еще не малое время свѣтъ есть съ вами; ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма: а ходящій во тьмѣ не знаетъ, куда идетъ». Иоан. XII, 35.

60. «Пока въ плѣну» и проч. (въ подлинникѣ: *Mentre che l'orizzonte il di tien chiuso*), т. е. пока горизонтъ удерживаетъ солнце подъ собой, подражаніе Виргилію—Аен. I, 374.

Ante diem clauso componet Vesper Olympo.

64—72. «Мы должны представить себѣ эту долину (раздолъ) въ видѣ излучистаго углубленія въ боковомъ откосѣ горы, которая къ краю своему открыта (Чистилища VIII, 97). Дно ея занято роскошнымъ лугомъ, можетъ быть, орошеннымъ ручьемъ, свергающимся съ горы. Если мы представимъ себѣ тропинку, наискось идущую отъ внѣшней стороны горнаго откоса, ведущую почти до половины длины долины, то эта тропинка коснется долины именно въ той точкѣ, гдѣ боковой откосъ долины, который къ ея отверстію долженъ необходимо все болѣе и болѣе понижаться, уменьшился въ вышины своей почти на половину». Филалетъ.

70. Въ средніе вѣка желаніе найти успокоеніе отъ тревогъ и опасностей житейскихъ, находившее себѣ выраженіе въ монастыряхъ, выражалось въ поэзіи въ описаніяхъ цвѣтистыхъ, уединенныхъ лужаекъ, напоминавшихъ

классические луга, покрытые асфоделемъ (золотоголовникамъ). Одно такое убѣжище Данте изобразилъ въ Аду, другое—здѣсь. Точно также изображаетъ въ своей поэмѣ Чудеса Пресвятой Дѣвы одинъ изъ древнѣйшихъ кастильскихъ поэтовъ монахъ Гонзало де Берсео; точно также Брунетто Латини, Tesoretto, XIX; авторъ англійской поэмы Vision of Piers Ploughman; Gower's Confessio Amantis, VII, etc.» Лонгфелло.

74. «Гебенъ индѣйскій» (въ подлинникѣ: Indico legno lucido e sereno). Комментаторы несогласны, какое здѣсь дерево разумѣетъ поэтъ. По Франческо да Бути, это—дубъ (*quercus marcia*), который въ сыромъ состояніи свѣтитя ночью. Филалетъ принимаетъ индиго (*indaco*), на томъ основаніи, что въ числѣ цвѣтовъ, исчисленныхъ Данта, недостаетъ синяго (индиго, впрочемъ, добывается не изъ дерева, а изъ травы). Я держался въ переводѣ мнѣнія другихъ комментаторовъ, между прочимъ Фратичелли, принимающаго индѣйское дерево за гебенъ (*hebanu*), получающій при полировкѣ чрезвычайный блескъ и лоскъ (*lucido e sereno*).—«*Sola India nigrum fert hebenum*». Virg. Georg. Lib. II.

75. «Смарагдъ чистѣйшій въ мигъ его раскола» (въ подлинникѣ: *Fresco smeraldo in l'ora che si fiasca*). «Изумрудъ камень зеленого цвѣта; но, будучи расколотъ, въ изломѣ своемъ представляетъ болѣе живой зеленый цвѣтъ, чѣмъ на своей поверхности, уже нѣсколько потускнѣвшей въ своемъ блескѣ». Веллутелло.

78. Въ подлинникѣ: *Come dal suo maggiore è vinto il meno*.

79—81. Т. е. «природа не только испестрила эту долину безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, но изъ сладостнаго благовонія тысячи растительныхъ ароматовъ творила нѣчто необъяснимое, неопредѣленное (въ подлинникѣ: *indistinto, incognito*), какое-то смѣшеніе, какое неизвѣстно здѣсь на землѣ между живущими». Фратичелли.

82. «*Salve, Regina*»—древній католическій гимнъ, приписываемый Арминію, или Герману, графу Ферингенскому XI вѣка. Вотъ его слова: «*Salve, Regina, mater misericordiae, vita, dulcedo et spes nostra, salve! Ad te clamamus exules filii Hevae, ad te suspiramus gementes et flentes in hac lacrimarum valle. Eia ergo advocato nostra, illos tuos misericordes oculos ad nos converte, et Jesum, benedictum fructum ventris tui, nobis post hoc exilium ostende. O clemens, o pia, o dulcis virgo, Maria!*—*Breviarium Romanum*. Камподини. 1872. 1 pag. 91, 92. Гимнъ этотъ поется Дѣвѣ Маріи въ католическихъ церквахъ въ вечернюю службу, и потому приведенъ здѣсь частью для обозначенія состоянія души кающихся здѣсь душъ, частью—для обозначенія наступающаго вечера.

83. «По объясненію древнихъ комментаторовъ, въ этой дивно изукрашенной цвѣтами благоухающей долинѣ помѣщены души тѣхъ, которые во время земной своей жизни, не будучи вполне порочными, посвящали все существованіе свое лишь мірскимъ стремленіямъ, поставляя честолюбіе и могущество, скоро преходящее и такъ же быстро исчезающее, какъ блескъ и запахъ цвѣтовъ,—превыше вѣчныхъ благъ, составляя такимъ образомъ четвертый классъ нерадивыхъ, почему и занимають хотя болѣе возвышенное, въ сравненіи съ первыми, и ближе къ чистилищу расположенное мѣсто, но тѣмъ не менѣе еще остаются въ его преддверіи (*antipurgatorium*)». Каннегиссеръ.—«Цвѣтущая долина эта есть символъ жизни роскошной и суетной; ея обитатели, будучи развлекаемы этой роскошью, великолѣпіемъ и заботами житейскими, тѣмъ самымъ пренебрегли покаяніемъ и попеченіемъ о высшемъ благѣ души своей». Скартаццини.—По Штрекфуссу, въ этой роскошной долинѣ Данте помѣщаетъ предъ вратами чистилища души высокопоставленныхъ, знатныхъ людей и вѣнценосцевъ. Позднѣе мы увидимъ, что въ самомъ чисти-

лишь даже папы ничѣмъ не отличены отъ всѣхъ прочихъ въ дѣлѣ очищенія. Вообще, Данте устанавливаетъ господство вѣчнаго порядка лишь за порогомъ чистилища, до тѣхъ же поръ еще продолжается земной порядокъ. Впрочемъ, такое сидѣніе въ этой долинѣ указываетъ, конечно, на то, что сильные міра сего ни на шагъ не подвинулись впередъ къ истинной цѣли. И вотъ они поютъ теперь гимнъ свой (ст. 82), чтобы отъ этого великолѣпія перейти, наконецъ, къ мукамъ очищенія. Въ глазахъ ихъ теперь цвѣтущая долина есть «*lacrimarum valles*» гимна, и ихъ пребываніе здѣсь — «*exilium filiorum Nevae*».

85. «Остатокъ солнца» (въ подлинникѣ: *Prima che il poco sole omai s'annidi*), т. е. «пока остается не болѣе часа до окончательнаго захожденія солнца въ море». Антонелли.

86. «Мантуанскій вождь», т. е. Сорделло.

88—90. Намекъ на то, что слава всегда привлекательнѣе надали, чѣмъ вблизи. «*La immagine per sola fama generata sempre é più ampia, quale che essa sia, che non é la cosa immaginata nel vero stato. — La fama dilata lo bene et lo male oltre la vera quantità*». Convivio, tr. I, c. 3, 4. — «Аллегорическое значеніе этихъ словъ слѣдующее: Сорделло не хочетъ ввести поэтовъ въ долину, такъ какъ тѣни, разсматриваемыя съ высоты (съ болѣе высокой точки зрѣнія), и притомъ при горячемъ еще блескѣ божественной благодати (при заходящемъ солнцѣ), лучше и вѣрнѣе могутъ быть оцѣнены, чѣмъ въ томъ случаѣ, если подойти къ нимъ ближе, и чрезъ то поддаться обаянію окружающаго ихъ блеска и бесѣды съ ними». Каннегиссеръ.

93. Души вѣнценосцевъ, помѣщенныхъ въ этой долинѣ, размѣщены однѣ выше, другія ниже. Нѣкоторые изъ нихъ, по указанію Сорделло, пренебрегли долгомъ болѣе другихъ. Всѣ души поютъ гимнъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, чѣмъ, повидимому, выражено ихъ особенное пренебреженіе своимъ долгомъ, а также то, что онѣ болѣе удалены отъ чистилища, чѣмъ души поющихъ. Выше всѣхъ сидящій, какъ подобаетъ императору, — Рудольфъ Габсбургскій, императоръ германскій, родоначальникъ австрійскаго дома (Чистилища VI, 103—105), коронованнѣйшій въ Ахенѣ въ 1273 году. Онъ не ходилъ вѣнчаться въ Римъ и вообще такъ мало интересовался дѣлами Италіи, что она стала почти независимой отъ имперіи, за что въ особенности обвиняетъ его Данте въ пренебреженіи своимъ долгомъ. Онъ умеръ въ 1291 году.

95—96. «Италію, чьи раны вскорѣ не заживутъ» (въ подлинникѣ *Si che tardi per altri si ricrea*), т. е. которую (Италію) слишкомъ поздно станеть исправлять другой, разумѣется — Генрихъ VII Люксембургскій, попытки котораго возстановить въ Италіи императорскую власть явились слишкомъ поздно.

97—100. Рудольфъ ищетъ себѣ утѣшенія въ прежнемъ заклѣтомъ врагѣ своемъ Пшемьслѣ Оттокарѣ, также не поощемъ, кажется, потому, что въ борьбѣ съ нимъ онъ не такъ пренебрегъ своимъ долгомъ въ отношеніи Германіи, какъ пренебрегъ имъ, по мнѣнію Данте, въ отношеніи Италіи, тогда какъ Оттокаръ (погибшій въ сраженіи при Маршфельдѣ, 20-го августа 1278 г.) самъ не выполнилъ своего долга относительно страны своей въ борьбѣ съ императоромъ Рудольфомъ. Кроме того, сопоставленіе въ одномъ мѣстѣ двухъ враговъ указываетъ, что «въ чистилищѣ исчезаютъ земныя страсти: прежніе противники дружелюбно сидятъ рядомъ и одинъ утѣщаетъ другого». Филалетъ. — «Слѣдовательно, такое сопоставленіе Рудольфа съ Оттокарѣмъ, а также Петра Арагонскаго съ Карломъ Анжуйскимъ (ст. 112—113 и прим.) совершенно умѣстно въ чистилищѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ совершенный контрастъ съ сопоставленіемъ Уголино и Руджьера въ аду». Каннегиссеръ.

98—99. Подразумѣвается Богемія, гдѣ беретъ свое начало рѣка Молдава, впадающая въ Эльбу, а эта—въ Нѣмецкое море.

100—102. Т. е. былъ даже въ дѣтствѣ лучшимъ принцемъ, чѣмъ сынъ его, уже бородатый, т. е. взрослый. «Этого Вѣнцеслава надобно отличать отъ Вѣнцеслава VI, дѣйствительно прозваннаго въ исторіи «пьяницей» и «лѣнивымъ» и родившагося въ 1359 году, уже по смерти Данте. Разумѣть же здѣсь слѣдуетъ и не внука Оттокарова Вѣнцеслава V, а его сына, Вѣнцеслава IV, не находящагося между присутствующими здѣсь душами, такъ какъ онъ умеръ лишь въ 1305 году и такъ какъ въ Рая XIX, 125 о немъ говорится, какъ о живущемъ еще, и также съ такимъ же, какъ и здѣсь, порицаніемъ. О мнимои лѣности и роскоши этого Вѣнцеслава, вообще вовсе не плохого монарха, намъ ничего неизвѣстно, и этотъ упрекъ ему со стороны Данте тѣмъ болѣе страненъ, что Вѣнцеславъ, хотя и очень благочестивый государь, рѣшительно оказывалъ сопротивление захватамъ папы Бонифация VIII (противъ котораго такъ ратуетъ Данте) и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, показалъ себя вовсе не недѣятельнымъ». Ноттеръ.

103—104. «Курносый» (въ подлинникѣ: Nasetto)—сынъ и наследникъ Людовика Святого Филиппъ III, король французскій, прозванный «Смѣлымъ» (Чистилища VI, 22, прим.). Въ интересахъ своего дяди Карла, короля неаполитанскаго, и сына его Карла Хромого, онъ пошелъ войной на Петра III арагонскаго. Но въ самомъ началѣ войны въ войскахъ его обнаружились болѣзни и затѣмъ Руджіеро дель Оріа разбилъ его на морѣ, что заставило его отступить. Онъ умеръ на возвратномъ пути 6-го октября 1285 г. въ Перпиньянѣ. Онъ разговариваетъ съ сидящимъ рядомъ съ нимъ королемъ наваррскимъ Генрихомъ III, прозваннымъ «Толстымъ», братомъ короля Тебальдо или Тибо (Ада XXII, 52). Несмотря на свою добрую наружность (какъ бываетъ обыкновенно у толстыхъ людей), онъ не былъ такъ добръ, какъ говоритъ Данте (Современная исторія: Histoire de Navarre, говоритъ: Et combien que la commune opinion soit que les hommes gras sont volontiers de douce et benigne nature, si est ce que celui fut fort aspre). Дочь его Іоанна вышла замужъ за Филиппа Красиваго, короля французскаго, сына Филиппа Смѣлаго (Чистилища XX, 91 и XXXII, 151).

109. «Сынъ беззаконій Франціи» (въ подлинникѣ: del mal di Francia) есть, слѣдовательно, царствовавшій въ 1300 году (въ годъ странствованія Данте), Филиппъ Красивый, о порочной жизни котораго такъ сокрушаются теперь отецъ его Филиппъ III и тестъ Генрихъ III Наваррскій, не принимающіе также участія въ пѣніи. Данте порицаетъ этого короля Франціи во многихъ мѣстахъ своей поэмы (Ада XIX, 86; Чистилища XX, 86; XXXII, 152; XXXIII, 45 и Рая XIX, 118).

111. Въ подлинникѣ: E quindi viene il duol che si gli lancia.

112—113. «Дебелый» (membruto) есть Педро III, король Арагонскій, названный «Большимъ» (Чистилища III, 115, прим.), зять короля Манфреда, присоединившій къ своимъ владѣніямъ Сицилію, именно послѣ знаменитой Сицилійской Вечери (1282 г.), когда сицилійцы сбросили съ себя иго Карла Анжуйскаго и призвали на тронъ этого Педро, имѣвшаго по женѣ своей Констанцѣ, дочери Манфреда, нѣкоторое право на наследство Гогенштауфеновъ. Еще до возстанія сицилійцевъ Іоаннъ Прочида уже сообщилъ ему о ихъ намѣреніи, вслѣдствіе чего Педро, подъ предлогомъ войны противъ Африки, снарядилъ флотъ, осадившій дѣйствительно африканскій городъ Анколлу; здѣсь онъ получилъ приглашеніе сицилійцевъ высадиться въ Трепани и получилъ помощь отъ генуэзскаго адмирала Руджѣра дель Оріа.— Онъ поетъ съ «Клювомъ Орлинымъ» (въ подлинникѣ con colui dal maschio naso), съ Карломъ I Анжуйскимъ, отличавшимся боль-

шнмъ носомъ (Raumers Geschichte der Hohenstaufen).—Удивительно, какъ могъ Данте помѣстить въ чистилище душу этого жестокаго, корыстолюбиваго тирана, пролившаго кровь доблестнаго юноши Конрадина. Можетъ быть на Данте имѣло вліяніе чистосердечное раскаяніе Карла, передъ смертью сказавшаго: «*Sir Dieu, je croi vraiment, che vos est mon salveur, ensi vos prieu, che vos ajez merzi de mon ame, ensi com' je fis la proise de Roiaime de Sisilia, plus por servir Sainte Eglise, que per mon profit o altre condivise. Ensi vos me perdonnes mes pecces.*» Виллани. *Lib. VII, cap. XCIV.*—Впрочемъ, Чистилища, XX, 67—69 доказываетъ, что Данте не оправдываетъ Карла.

116. Юноша этотъ есть первородный сынъ Педро — Альфонсъ, прозванный Благодѣтельнымъ, вступившій на престолъ послѣ смерти отца въ 1285 году, но умершій въ 1291 году. Отличительною чертою этого молодого монарха была щедрость, доходившая до степени расточительности. Ему наследовали братья его: Джьякомо, королемъ Арагоніи, и Федерико (Фридрихъ)—королемъ Сициліи. О нихъ см. Чистилища III, 115, прим.

120. «Лучшій жаръ наследья» — добродѣтель, не проявившаяся ни въ Джьякомо, ни въ Федерико.

121—122. Т. е. человѣческая доблесть рѣдко переходитъ отъ ствола къ его вѣтвямъ, т. е. отъ родителей къ дѣтямъ. «Въ генеалогическомъ древѣ вѣтви суть потомки предка». Ломбарди. *Сличн Рая VIII, 133—135.*—«Всѣхъ Дателей», намекъ на евангельскія слова: «Всякое даяніе доброе и всякій даръ совершенный нисходитъ свыше, отъ Отца свѣтовъ». *Посл. Іак. I, 17.*

124—126. «Клювъ орлиный»—это обозначенный выше, въ ст. 113, Карлъ I (Анжуйскій) Неаполитанскій, рядомъ съ нимъ сидитъ Педро съ дебелыми членами. Данте высказываетъ здѣсь одинаковое мнѣніе какъ о Карлѣ, такъ и о Педро, и говоритъ, что если сыновья Педро были хуже отца, то тоже самое надобно сказать и о сыновьяхъ Карла, и что вслѣдствіе этого поправны права королевства Карла—Прованса и Апуліи (по-итальянски *Puglia*) или Неаполя.

127—129. «Смысль этой терцины, кажется, слѣдующій: оба Капетинга, Людовикъ Святой и Карлъ Анжуйскій (Неаполитанскій), менѣе достойны, чѣмъ арагонецъ Педро; сыновья же обѣихъ послѣднихъ хуже своихъ отцовъ. Поэтъ выражаетъ первое именами супруговъ этихъ принцевъ. Констанція (или Констанца) есть неоднократно упоминавшаяся супруга Педро Арагонскаго, дочь короля Манфреда; Маргарита и Беатриче—дочери графа Прованскаго Раймунда Бернгара (*Рая VI, 133*); изъ нихъ первая была замужемъ за Людовикомъ Святымъ, вторая—за Карломъ Анжуйскимъ. Впрочемъ, Карлъ Анжуйскій былъ женатъ вторымъ бракомъ на Маргаритѣ Неверской (*Nevers*), дочери графа Анжу, и въ такомъ случаѣ можетъ быть будетъ правильнѣе вовсе исключить отсюда Людовика Святого и разумѣть одного Карла Анжуйскаго подъ именами Беатриче и Маргариты». Карлъ Витте.

130—131. Сынъ Іоанна Безземельнаго Генрихъ III, король англійскій, родившійся въ 1206 году и умершій въ 1272 году, слабый, безхарактерный, хотя и набожный, о которомъ Диккенсъ, въ своемъ *Child's History of England, Ch. XV*, сказалъ: «*He was as much of a king in death as he had ever been in life.*»—а Виллани: «*semplice uomo e di buona fede, ma di poco valore.*» *Lib. V, cap. 4.*

132. «Въ вѣтвяхъ своихъ» — т. е. въ своихъ потомкахъ счастливые, чѣмъ короли Педро III и Карлъ I. Здѣсь разумѣется сынъ его Эдуардъ I, царствовавшій съ 1272—1307 г., одинъ изъ лучшихъ государей Англій, о которомъ Виллани говоритъ: «*Il buono e valente Rè Adourdo, il quale fù uno de' piu savi et valorosi Signori de' Christiani al suo tempo.*» *Lib. VIII, cap. 90.*

133—135. Гюильельмо Спадалунга, маркизь Монферратскій и Канавезскій, т. е. владѣлецъ Пьемонтской горной мѣстности и равнины къ сѣверу отъ р. По, прозванный «Великимъ Маркграфомъ», въ войнѣ съ гвельфскими городами сѣверо-западной Италіи и Амедеемъ V Савойскимъ былъ взятъ въ плѣнъ жителями Александріи, два года содержанъ заключеннымъ въ желѣзной клеткѣ и затѣмъ умерщвленъ. Отсюда возникла междоусобная война, сильно опустошившая Монферратъ и ту часть его, которая называется Саллаवेशе (въ древности Canavasio, Canopasio). Онъ сидитъ всѣхъ ниже, такъ какъ души размѣщены здѣсь поэтюмъ согласно ихъ земному достоинству: выше всѣхъ императоръ, затѣмъ — короли и ниже всѣхъ — Спаделунга, маркизь или маркграфъ Монферратскій.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

1—7. Знаменитое описаніе наступающихъ вечернихъ сумерекъ, которому подражаетъ Байронъ въ «Донъ-Жуанъ», II, 108, такимъ образомъ:

О, сладкій часъ! Весь сердцемъ умиленъ
Теперь груститъ морякъ, плывущій въ морѣ,
Въ тотъ первый день, какъ домъ покинулъ онъ;
Теперь любовь въ пилgrimъ множитъ горе,
Лишь загудитъ вдали вечерній звонъ,
Какъ бы скорбя, что день умретъ ужъ вскорѣ.

«Тоска по земной родинѣ аллегорически символизируетъ здѣсь тоску по вѣчной отчизнѣ, и тоскующій пилgrimъ есть сама душа». Копишъ.

5. Вечерній звонъ есть благовѣстъ Ave Maria во время сумерекъ. Этому стиху, не зная того, подражалъ англійскій поэтъ Грей, въ извѣстной своей элегии «Сельское Кладбище»:

Колоколь поздній кончину отшедшаго дня возвѣщаетъ.

Жуковскій, III, 271.

11. «По обычаю первыхъ христіанъ, олицетворявшихъ въ восходящемъ солнцѣ Сына Божія». Каннегиссеръ.

13. Начало гимна, который поется въ католическихъ церквахъ въ послѣдней части вечерней службы, при чемъ просятъ Бога охранить вѣрныхъ отъ ночныхъ ужасовъ и соблазнительныхъ искушеній. Вотъ полныя слова этого древняго гимна:

Te lucis ante terminum,
Rerum creator, poscimus,
Ut pro tua clementia
Sis praesul et custodia.

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata,
Hostemque nostrum comprime,
Ne polluantur corpora.

Отсюда видно, какъ хорошо выбранъ этотъ гимнъ для обозначенія наступающаго вечера и передъ скорымъ появленіемъ змія. Сличи Лонгфелло.

19—21. «Въ этой терцинь Данте вторично (Ада IX, 61—63) указываетъ читателю на глубокой смыслъ своей великой поэмы. Несмотря на то, что, по словамъ поэта, покровъ такъ тонокъ, что легко проникнуть въ смыслъ поэмы,—комментаторы находятъ весьма труднымъ объясненіе тайны.—По толкованію древнихъ комментаторовъ, два являющіеся здѣсь ангела суть Вѣра и Надежда; послѣдняя обозначается уже зеленымъ цвѣтомъ одеждъ и крыль ангеловъ. Мечи въ рукахъ ихъ обозначаютъ правосудіе Божіе; притупленіе же мечей—Его промысль, Его милосердіе и любовь. Они замыкаютъ собою толпу готовящихся къ очищенію. Волосы ихъ бѣлы,—какъ символъ ихъ чистоты; но лица пламенѣютъ такъ, что взоръ не можетъ вынести ихъ блеска; это значить, что души еще не вполне причастны вѣрѣ и надеждѣ (Веллутелло признаетъ ангеловъ за апостоловъ Петра и Іоанна). Змій есть злой врагъ, еще разъ являющійся здѣсь, чтобы обольстить души; но онъ тотчасъ же убѣгаетъ, такъ какъ послѣднее движеніе чувственности подавляется передъ очищеніемъ. Теперь-то собственно наступаетъ минута, когда созерцаніе, обозначаемое Данте и Виргилиемъ, можетъ приблизиться къ этимъ душамъ безъ опасности для себя и даже съ пользою. Ангелы эти исходятъ изъ лона пречистой Дѣвы Маріи, т. е. изъ лона истиннаго ученія; они, слѣдовательно, столько же святые, какъ и самъ Христосъ». Каннегиссеръ. По Штрекфуссу, не въ свѣтѣ, но въ ночи грозить намъ опасность, такъ какъ она скрываетъ отъ насъ врага и кажетъ его подъ ложными образами. Въ ночи является намъ змій искушенія, вызывающій въ насъ лишь чувство отвращенія, когда мы видимъ его днемъ ясными глазами. Но и ночью онъ не можетъ повредить намъ, если мы сами сознаемъ, что находимся посреди ночи и, въ ожиданіи новаго свѣта, обращаемъ взоры на небо съ вѣрующимъ и уповающимъ сердцемъ. Съ неба тогда является намъ ангель-хранитель, блеска котораго не можетъ вынести глазъ, но мощь котораго проникаетъ намъ въ сердце, возвышая и укрѣпляя его. Мы узнаемъ въ рукѣ его мечъ правосудія, назначенный въ защиту добрымъ и въ наказаніе злымъ. И если мы уstraшаемся въ сознаніи своей слабости и недостатковъ, то притупленное остроконеніе правосудія показываетъ намъ, что оно прощаетъ намъ все прошедшее, видя наше честное стремленіе къ совершенствованію.—Копишъ, противъ своего обычая, кратко объясняетъ тайну въ томъ смыслѣ, что духовная ночь вводитъ насъ въ искушеніе, но что помощь себѣ мы находимъ въ молитвѣ.—Приводимъ еще объясненіе этого мѣста, предложенное Филалетомъ. «Очевидно», говоритъ онъ, «Данте въ своей поэмѣ, именно въ Чистилищѣ, повсюду держится чиновложенія католической церкви; такимъ образомъ появленіе ангеловъ есть нечто иное, какъ выполненіе молитвы, которую поетъ католическая церковь во время вечернаго богослуженія въ гимнѣ «Te lucis ante terminum». За этимъ гимномъ поются слѣдующія слова: «Visita, quaesumus, Domine habitationem istam, et omnes insidias inimici ab ea longe repelle, et angeli tui sancti habitent in ea, qui nos in pace custodiant», etc. Поэтому, въ буквальный смыслѣ, появленіе змія и побѣда надъ нимъ ангеловъ есть только символъ искушенія, которое, собственно говоря, не имѣетъ въ чистилищѣ болѣе мѣста (XI, 22—24). Если все чистилище означаетъ, въ аллегорическомъ смыслѣ, состояніе перехода, процессъ оправданія и эта мѣстность чистилища есть начинающееся усовершенствованіе, то очевидно, что змій, въ этомъ смыслѣ, обозначаетъ самое искушеніе, которое бываетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе онъ является во время только что начинающагося очищенія и притомъ въ такой часъ, когда солнце божественной милости, повидимому, отъ насъ удаляется, такъ какъ ночь во всѣхъ церковныхъ молитвахъ принимается дѣйствительно за время, удобное для искушенія. Но и въ этотъ часъ не покидаетъ насъ божественная по-

мощь противъ искушенія, когда человѣкъ обращается за этой помощью съ благочестивой молитвой, подобно душамъ, здѣсь помѣщающимся».—Сличи также *Excurs. zum achten Gesange des Fegef.* 340, въ переводѣ Ноттера.

22—27. Намекъ на херувимовъ, приставленныхъ къ земному раю, по изгнаніи изъ него Адама и Евы. «И поставилъ на востокъ у сада Едемскаго херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ дереву жизни». Бытія III, 24.

28. Въ подлинникѣ: *Verdi, come fogliette pur mo nate.* Зеленый цвѣтъ—символь надежды, преобладающій въ чистилищѣ (О символизмѣ цвѣтовъ см. Джемсонъ, *Sacred and Legendary Art., Introd.*—Лонгфелло, стр. 388).—Надежда свойственна лишь душамъ, помѣщеннымъ въ чистилищѣ, и людямъ, живущимъ въ семъ мірѣ. «*Neque in beatis, neque in damnatis est spes. Sed in viatoribus si resint in vita ista seive in purgatorio, potest esse spes, quia utrobique apprehendunt beatitudinem ut futurum possibile.*» Тома Акв.. *Sum. Theol. part II, 2 qu. XVIII, art. 3.*

36. Въ подлинникѣ: *Come virtù che a troppo si confonda.* «Каждый органъ чувства (зрѣнія, слуха) теряетъ свою силу и какъ бы парализуется) отъ чрезмерно-сильнаго впечатлѣнія, производимаго на него внѣшнимъ объектомъ: «*Omnis sensibilis exsuperantia consumpit sensum*», говоритъ Аристотель». Фрагмента. — «Аллегорическій смыслъ такой: человѣкъ, находясь въ земныхъ еще узахъ, не можетъ вынести, по причинѣ избытка свѣта, представителей божественнаго суда, даже въ томъ случаѣ, когда они приносятъ ему милосердіе». Ноттеръ.

40—42. Человѣкъ не можетъ знать, откуда придетъ искушитель, почему Данте, лица себѣ защиты, примыкаетъ къ высшему человѣческому знанію, т. е. къ Виргилію.

46. Итакъ долина была не слишкомъ глубока, равняясь шести-семи шагамъ (Чистилища VII, 72); по мнѣнію нѣкоторыхъ, это означаетъ легкость, съ какою человѣкъ можетъ удалиться отъ предназначенной цѣли.

49—51. «Наступило время, когда въ воздухѣ начинается темнѣть, но не настолько, чтобы то, что находилось между его и моиими глазами, т. е. наши лица, нельзя было разсмотрѣть на близкомъ разстояніи». Фрагмента.

52. Нино Висконти да Пиза, судья или правитель округа Галлура въ Сардиніи, принадлежавшей пизанцамъ, глава гвельфской партіи, племянникъ знаменитаго графа Уголино де Герардеска (Ада XXII, 81 примѣч. и Историч. очеркъ событій въ Пизѣ во времена Уголино—см. I кн. «Бож. Комедіи» 317 стран.). Онъ былъ изгнанъ изъ Пизы дядей своимъ Уголино и соединился съ флорентинцами и жителями Лукки противъ своего родного города. Въ этомъ походѣ противъ Пизы, вѣроятно, онъ познакомился съ Данте, можетъ быть, при взятіи крѣпости Капрони, при которомъ находился Данте (Ада XXI, 94—96 прим.). Данте, повидимому, боялся встрѣтить его за это между измѣнниками отечеству, и потому теперь радуется, найдя его въ чистилищѣ.

56. «По дальнимъ тѣмъ волнамъ»,—считая Данте за тѣни, Нино спрашиваетъ, давно ли онъ прибылъ въ чистилище по волнамъ окружающаго его океана.

60. «Тамъ», т. е. на небѣ.

61—63. Души въ чистилищѣ узнавали до сихъ поръ въ Данте живого человѣка по тѣни, которую онъ бросалъ отъ себя. Но лучи солнца, согласно съ Чистилища VI, 55, уже исчезли за горой, когда поэты подошли къ Сорделло. Къ Нино они подошли въ темнотѣ вечерняго сумрака, такъ что ни Нино, ни Сорделло не могли видѣть его тѣни. Вотъ отчего объ тѣни приходятъ теперь въ такое изумленіе.

65. Куррадо Маласпина—о немъ см. ниже: 115—120 примѣч.

68—69. Т. е. умоляю тебя высшею благодатью, данною тебѣ Богомъ скрывающимъ отъ взглядовъ человѣческихъ первую причину (въ подлинникѣ: *Lo suo primo perchè*) своихъ дѣйствій въ непроницаемой темнотѣ, скажи мнѣ и проч.—Блаж. Августинъ говоритъ: «*Voluntas Dei est prima et summa causa omnium corporalium et spiritualium motionum: nihil enim visibiliter aut sensibiliter fit, quod non de illa invisibili ac intelligibili aula summi Imperatoris aut jubeatur aut permittatur*». Слѣчи Чистилища III, 37 примѣч.

70. «Проплывъ пучины тѣ» (въ подлинникѣ: *Quando sarai di là dalle larghe onde*), т. е. когда вернешься къ живымъ, переплывъ волны, окружающія чистилище.

71. «Джованна», дочь Нино, бывшая въ то время еще очень молодою, вышедшая впоследствии замужъ за Рикардо ди Камминно изъ Тревиджи (Рая IX, 48).—«Тамъ», т. е. на небѣ.

73. Мать Джованны, вдова Нино, Беатриче, маркиза Эсте, вышла замужъ за Галеаццо Висконти, сына Маттео Висконти, тогдашняго правителя Милана. Это случилось 24-го іюня 1300 г., слѣдовательно спустя три мѣсяца послѣ того времени, въ какое предполагается загробное странствование Данте, и потому эти слова Нино высказываетъ въ видѣ пророчества. Вдовы во времена Данте носили черное платье и повязывали голову бѣлою повязкой; сбросить вдовью повязку значитъ—выйти замужъ.

75. О дурномъ обращеніи Галеаццо съ вдовою Беатриче, какъ бы слѣдовало заключить изъ этого стиха, ничего неизвѣстно; поэтому въ немъ говорится лишь о томъ, что Галеаццо вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и всей семьей былъ въ 1302 г. изгнанъ изъ Милана и возвратился назадъ лишь въ 1311 г.

77—78. Выходка противъ невѣрныхъ женъ, «если... не поджигать» и проч. въ подлинникѣ еще сильнѣе: «*Se l'occhio o il tatto spesso nol rascende*».

79—81. Миланскіе Висконти, также Миланъ и вся Ломбардія, имѣли на гербѣ своемъ вѣнчанную короной змѣю (*Vipera Regis*, вѣпера, гадюка). Эту пожирающую рбенка арматуру помѣстилъ въ свой гербъ Отто Висконти еще въ крестовые походы, въ воспоминаніе своей побѣды надъ сарацинами, на что намекаетъ Тассо въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» I, 55.—По словамъ Верри (*De titul et insign. № 40*), миланцы, становясь гдѣ либо лагеремъ, сперва выставляли на какомъ-нибудь деревѣ знамя съ гербомъ вѣперы (*Majores nostri publica decreto sanxerunt ne castra Mediolanensium locarentur, nisi vipereo signo antea in aliqua arbore constituto*). Напротивъ, Висконти пизанскіе, къ которымъ принадлежалъ Нино, имѣли, какъ правители Галлуры, въ своемъ гербѣ пѣтуха. Смыслъ этихъ стиховъ такой: останься она вдовой, она тѣмъ приобрѣла бы себѣ болѣе почета, нежели теперь, вступивъ во второй бракъ, который есть нарушеніе вдовьяго цѣломудрія.

83—84. «Не свыше мѣръ», т. е. въ той степени, какая свойственна чело-вѣку, говорящему по долгу и изъ любви къ добру, а не изъ ненависти. «Гнѣ-ваюсь, не согрѣшайте». Псал. IV, 5.—Посл. къ Ефес. IV, 26.

86. «Туда», т. е. «къ полюсу, и именно къ южному, такъ какъ поэты теперь на южномъ полушаріи. Вокругъ полюса звѣзды въ своемъ теченіи совершаютъ болѣе короткій путь, почему и движутся они съ меньшей скоростью, такъ точно, какъ колесо въ ступицѣ, которое ближе къ оси совершаетъ свой оборотъ медленнѣе». Штрекфуссъ.

89—93. «Три свѣточа»; подъ ними поэтъ разумѣетъ три богословскія добродѣтели: вѣру, надежду и любовь. «Если четыре звѣзды, видѣнныя поэтомъ сегодня утромъ и обозначающія четыре главных добродѣтели, теперь, вечеромъ,

закатились низко за горизонтъ, и на мѣсто ихъ появляются на небѣ эти три звѣзды, то всякій глубокомысленный читатель легко пойметъ смыслъ этого прекраснаго символа. Четыре главныя добродѣтели: мудрость, правосудіе, мужество и умѣренность, являются намъ утромъ, когда мы нуждаемся въ нихъ для нашихъ дѣйствій въ жизни. Но когда день кончился и вмѣстѣ съ нимъ прекратилась наша дѣятельность, тогда только вѣра, любовь и надежда остаются съ нами, какъ утѣшители; онѣ только придаютъ намъ силы съ началомъ новаго дня оставаться вѣрными сказаннымъ главнымъ добродѣтелямъ. Штрекфусъ. — «Четыре главныя добродѣтели необходимы и важны для дѣятельной жизни, обозначаемой утромъ, эти три—для жизни созерцательной, обозначаемой ночью». Каннегиссеръ.—Нѣкоторые комментаторы принимали эти три звѣзды за дѣйствительныя звѣзды на южномъ небѣ, а именно за три «созвѣздія Корабля, Рыбы-Меча и рѣки Еридана; но мнѣніе это ошибочно.

95. «Противникъ вашъ діаволь». I Посл. Петра, V, 8. — «Дрвній змій, называемый діаволомъ и сатаню, обольщающій всю вселенную». Открыв. св. Іоанна (Апокалипсисъ), XII, 9.

97—98. Т.-е. гдѣ долина не имѣетъ возвышеннаго края, гдѣ сна открыта для входа. Врагъ всегда нападаетъ на насъ съ слабѣйшей стороны.

99. «Этимъ словами явственно обозначается свойство змія, какъ врага чловѣчества». Каннегиссеръ.

100—102. «Адская черта» (la mala striscia), т.-е. адская змѣя. Сличіе появленіе Змія у Мильтона, *Parad. Lost*, IX, 434—496. Описаніе Змія, символа искушенія, напоминаетъ появленіе Геріона, символа обмана. Ада XVII, 7 и далѣе.

103. «Я не видалъ», — этимъ обозначается быстрота, съ какою взвились ангелы, или то, что Данте былъ ослѣпленъ блескомъ ихъ лицъ (стихъ 35).

104. «Чета коршуновъ» (въ подлинникѣ: *gli astor celestiali*) — такъ называетъ поэтъ ангеловъ, для обозначенія быстроты и силы, съ какими они преслѣдуютъ Змія, или потому, что коршуны—естественные враги змѣй». Скартаццини.

112—114. Т.-е. да найдетъ божественное озареніе, допынѣ тебя руководившее, столько благой въ тебѣ воли, сколько необходимо, чтобы ты возмогъ подняться на высшій долъ (въ подлинникѣ: *al sommo smalto*), т.-е. на высшую вершину горы Чистилища (земной рай). Вмѣсто «елея» въ подлинникѣ употреблено «сега» (воскъ); но, слѣдуя Ноттеру, я замѣнилъ это слово елеемъ, такъ какъ и въ русскомъ, и въ нѣмецкомъ языкѣ «воскъ» даетъ не столько идею о горючемъ матеріалѣ, сколько идею чего-то гибкаго, податливаго, лишеннаго воли.

115—120. «Маркизы Маласпина, владѣнія которыхъ находились главнымъ образомъ въ Вальдемагрѣ (Ада XXIV, 145 и примѣч.), между Генуей и Луккой, принадлежали къ богатому и храброму роду и въ теченіе XII и XIII столѣтій находились частью во враждебныхъ, частью въ дружескихъ отношеніяхъ. Чаще всего они принадлежали къ императорской (гібеллинской) партіи. Одинъ Куррадо Маласпина, сынъ Фоліо, жилъ уже въ XI вѣкѣ. Въ началѣ XIII вѣка упоминается еще о другомъ Куррадо (*Caffari, Annales Gen. Lib. IV*). Какого изъ двухъ Куррадо разумѣетъ здѣсь Данте старшимъ («древнимъ») Куррадо—рѣшить трудно. Второй Куррадо имѣлъ сына Федерико, женатаго на Констанцѣ, сестрѣ короля Манфреда; несмотря на это родство, онъ принадлежалъ къ гвельфамъ и, служа въ ихъ войскѣ, какъ глава Лукской общины, былъ взятъ при Монталерти въ плѣнъ сѣнцами. Говорящій здѣсь духъ—сынъ его, Куррадо († 1294 г.). Онъ, какъ ярый гібеллинъ, играетъ роль въ одной изъ новеллъ Боккачіо (*Giornate II, Nov. 6*). Филалетъ.

120. «И здѣсь за то» и проч. (въ подлинникѣ: *A' miei portai l'amor che qui raffina*, слово въ слово: къ моимъ питаль я любовь, которая здѣсь очищается), это не

значитъ: я слишкомъ много любилъ своихъ, и потому долженъ здѣсь очистить себя отъ этой любви, но—любовь къ моимъ была уже слишкомъ велика; здѣсь любовь моя должна стать еще чище, т.-е. облагородиться любовью къ Богу. По Филалету, этотъ Куррадо былъ женатъ на сардинкѣ Оретта, которая принесла ему въ приданое городъ Боза и замокъ Дуозоли; не имѣя дѣтей, онъ распредѣлилъ все это приобрѣтеніе между боковыми своими родственниками и чрезъ это водворилъ между ними согласіе. Бенвенуто Рамбалди лучше объясняетъ этотъ стихъ такимъ образомъ: я питалъ къ моимъ (гражданамъ) любовь, которая теперь очищается здѣсь, унося меня отъ земныхъ заботъ и обращая къ Богу.

129. Въ подлинникѣ: *non si sfregia Del pregio della borsa e della spada*, т.-е. храбрость и щедрое гостепріимство. «Данте постоянно отзывается съ похвалой о добродѣтели, противоположной пороку скупости, не по жадности своей къ деньгамъ, а потому, что изъ скупости (*сипра*) выводитъ всѣ бѣдствія на свѣтъ». Томазео.

130. «Богъ и обычай», въ подлинникѣ: природа и обычай.

131. Злой вождь, т.-е. папа Бонифацій VIII.

133—138. Т.-е. солнце, находящееся теперь, во время равноденствія, въ знакѣ Овна, не возвратится семь разъ въ это созвѣздіе, или, другими словами, не пройдетъ семи лѣтъ, какъ въ славѣ Маласпина, о которой ты теперь судишь по слуху, со словъ другихъ, ты убѣдишься по собственному опыту. «10-го апрѣля 1300 г. солнце при захожденіи стояло именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся звѣзды созвѣздія, обозначающія ноги Овна». Филалеть.

136—137. «Мѣсто это очевидно указываетъ на то, что Данте еще до 1307 г. получилъ фактическое доказательство о благородствѣ дома Маласпина, вѣроятно, гостепріимный приемъ въ ихъ домѣ. И дѣйствительно, мы находимъ Данте уже въ 1306 г. въ Луниджіано, гдѣ онъ, какъ посредникъ маркизовъ Франческино Мороелло и Коррадино Маласпина, велъ переговоры о заключеніи мира съ епископомъ г. Луни. Бенвенуто да Имола называетъ Мороелло (принадлежащаго къ Чернымъ) другомъ, у котораго Данте нашелъ себѣ пріютъ у противоположной партіи. Впрочемъ, въ то время жилъ еще другой Мороелло Маласпина, отецъ Франческино, близко стоявшій къ гибеллинской партіи, и очень вѣроятно, что Данте именно у него искалъ гостепріимства. У него-то въ домѣ, какъ говорятъ, Данте получилъ начатія имъ во Флоренціи первая семья пѣсенъ Ада (Ада VIII, 1 прим.). Ему же, какъ утверждаютъ, Данте посвятилъ свое Чистилище». Филалеть.— Это опять пророчество, введенное поэтомъ послѣ событія.

137. «Гвоздьми», т.-е. болѣе сильными аргументами, чѣмъ простыя слова другихъ. «Слова мудрыхъ—какъ иглы и какъ вбитые гвозди». Екклез. XII, 11.

139. «Этой пѣснью заканчивается первый день пребывания поэтовъ въ чистилищѣ, какъ это обозначается описаніемъ вечера въ началѣ пѣсни и восхожденіемъ звѣздъ въ стихѣ 89. вмѣстѣ съ этимъ кончается первое подраздѣленіе этой части поэмы, обозначающаеся, какъ читатель можетъ и самъ замѣтить, великолѣпнымъ введеніемъ въ слѣдующую пѣснь». Лонгфелло.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

1—3. «Данте—говоритъ Бенвенуто да Имола—начинаетъ эту пѣснь тѣмъ, чего не говоритъ, и не могъ представить никто изъ другихъ поэтовъ, именно словами, что аврора (заря) луны есть наложница Тиеона. По мнѣнію другихъ, поэтъ разумѣетъ аврору солнца, но этого не можетъ быть, если мы тщательно вникнемъ въ текстъ».—Дѣйствительно, это мѣсто поэмы было тщательно и разносторонне разясняемо различными комментаторами, но тѣмъ не менѣе дѣло до сихъ поръ не вполне разяснилось. Не вдаваясь въ подробности, большинство толкователей и переводчиковъ Данте принимаютъ здѣсь аврору, или тотъ блѣдный блескъ на небѣ, который предшествуетъ восхожденію луны (См. Филалетъ IX, прим. 1, также переводъ Штрекфусса IX, 1—9).—У мифологовъ, женою Тиеона (божества, надѣленнаго безсмертіемъ) собственно считается солнечная аврора, или утренняя заря; но Данте, кромѣ жены, придаетъ ему еще наложницу, тотъ блѣдный блескъ, который иногда предшествуетъ восхожденію луны. По мнѣнію Каннегиссера, это не вымыселъ поэта, но средневѣковая переработка мифологическихъ преданій. Что здѣсь разумѣется именно восхожденіе луны, а не утренняя заря, это доказывается, во-первыхъ, самыми выраженіями поэта; во-вторыхъ,—тѣмъ, что утренняя заря поднимается въ это время года въ знакѣ Рыбъ (Чистилища I, 19), и въ-третьихъ,—тѣмъ, что въ стихѣ 52 этой пѣсни Virgilii обозначаетъ другую утреннюю зарю. Слѣдовательно, здѣсь описывается восхожденіе луны. Въ то время года, когда Данте началъ свое замогильное странствіе, было полнолуніе; полная луна восходитъ тотчасъ по захожденіи солнца; но такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло почти четыре дня, то луна, озаряемая солнцемъ, должна уже выйти изъ созвѣдія Вѣсовъ и находится теперь въ созвѣдіи Скорпіона (стихъ 5), при чемъ она восходитъ вскорѣ послѣ 9 часовъ.

3. «Съ восточнаго балкона», т.-е. съ восточной окраины неба. Этому подражалъ Тассо: «Освобожденный Иерусалимъ» IX, окт. 74, ст. 1 и 2:

Межъ тѣмъ заря съ пурпурнымъ, вѣжвымъ ликомъ
Уже взошла на горній свой балконъ.

4—6. «Созвѣдіе Скорпіона поэтъ называетъ холодной тварью, потому ли, что скорпіонъ принадлежитъ къ гадамъ съ холодной кровью, или потому, что зимою бываетъ въ оцѣпенѣломъ состояніи и оживаетъ лишь отъ теплоты солнца, или потому, что его созвѣдіе господствуетъ въ холодные мѣсяцы года (отъ конца октября до конца ноября)». Филалетъ. — Вообще древняя астрономія раздѣляла созвѣдія на теплыя и холодныя. «Хвостъ такъ полонъ зла», потому что въ немъ заключается ядовитое жало, а также потому, что осенью, именно въ ноябрѣ, когда солнце вступаетъ въ знакъ Скорпіона, наичаще свирѣпствуютъ болѣзни. «Вѣнецъ изъ дорогихъ камней»,—тѣ звѣзды, изъ коихъ слагается это созвѣдіе.

7—9. «Въ рукописи Monte-Casino есть слѣдующая глосса: Ночь раздѣляется на шесть или семь частей или шаговъ, называемыхъ по-латыни *serpusculum, conticinium, gallicinium, intempestum, gallitium, matutinum* и *diluculum*. Число это заимствовано изъ Исидора, а такъ какъ «Origines» Исидора были тогда хорошо извѣстны, то Данте весьма легко могъ заимствовать это дѣленіе. Итакъ, если ночь сдѣлала уже два шага, то, значить, время было еще передъ полночью. Въ такомъ случаѣ «восхожденіе» и «нисхожденіе» (склоняла) ночи означаютъ здѣсь не противоположности; напротивъ, первое выраженіе указываетъ на то, что ночь наступаетъ, подвигается впередъ, второе — то, что ночь спускается съ неба, слѣдовательно, съ каждымъ шагомъ склоняется къ землѣ». Каннегиссеръ. — «Ночь, какъ и вездѣ, олицетворяется здѣсь потому, который смотритъ на ходъ ея, какъ на теченіе звѣздъ. Она восходитъ до зенита и отсюда нисходитъ до западнаго горизонта. Во время равенства ночь совершаетъ свое теченіе почти ровно въ 12 часовъ: въ теченіе 6 часовъ она подымается, въ слѣдующіе 6 часовъ она опускается. Слѣдовательно, шаги ночи суть обыкновенные часы; шаги, коими восходитъ ночь, суть первые 6 часовъ ночи, т. е. отъ 6 часовъ пополудни до полуночи. Итакъ, поэтъ, сказавъ, что ночь совершила уже два шага, которыми она восходитъ («въ стези восходной»), и уже готовилась совершить третій шагъ («склоняла—на третьемъ крыльяхъ внизъ»), хотеть этимъ сказать намъ, что на горѣ Чистилища было около 3-хъ часовъ ночи, т. е. около 9 часовъ вечера. Въ первыхъ двухъ терцинахъ онъ рисуетъ намъ великолѣпными красками зрѣлище, представившееся глазамъ его съ горы Чистилища въ ту минуту, когда восточное небо посеребрилось отъ блеска восходящей изъ моря луны и на небѣ засверкали нѣкоторыя звѣзды, составляющія созвѣдіе Скорпіона, расположенныя змѣвидной линіей. Въ третьей терцинѣ онъ опредѣляетъ часть, когда онъ заснулъ». Скартаццини.

10—12. Ризы Адама, т. е. тѣло, въ которое заключена душа Данте. Тѣло нуждается во снѣ, почему Данте ложится на землю, тогда какъ другіе четверо: Виргилій, Сорделло, Нинно и Куррадо Маласпина, какъ духи, не нуждаются въ отдохновеніи сна.

13—15. См. «Превращенія» Овидія, VI, 423—674.—Терей, царь еракійскій, мужъ Прогны, обезчестилъ сестру ея Филомелу и отрѣзалъ ей языкъ. Узнавъ объ этомъ, Прогна умервила рожденнаго Филомелой отъ Терей маленькаго Итиса и, приготовивъ изъ него блюдо, заставила Терей съѣсть его. Въ наказаніе за это всѣ были превращены: Терей въ удода, Филомела въ соловья, Прогна въ ласточку, Итисъ въ фазана. См. Чистилища XVII, 19—20. — Въ шебетаніи ласточки, впрочемъ, нѣтъ ничего унылаго, почему Данте имѣлъ здѣсь въ виду, какъ кажется, слова пророка Исаяи, который говоритъ въ скорби: «Какъ ласточка издавалъ я звуки, тосковалъ какъ голубь». XXXVIII, 14. — «Поэтъ грустною пѣснью ласточки глубокомысленно указываетъ на сознаніе въ грѣшникѣ о своемъ грѣхѣ и страданіи». Коппишъ.

16—18. Передъ утромъ сновидѣнья, по общему мнѣнію (Ада XXVI, 7 примѣч.), принимаютъ пророческій характеръ.

19—20. «Надобно помнить, что Данте идетъ изъ темнаго лѣса, который онъ уподобляетъ Египту (Чистилища II, 46—17), и что Господь сказалъ на горѣ Синаѣ: «Вы видѣли, что Я сдѣлалъ египтянамъ и какъ Я носилъ васъ (какъ бы) на орлиныхъ крыльяхъ, и принесъ васъ къ Себѣ». Исхода XIX, 4.—Этотъ библейскій образъ глубокомысленно связуетъ Данте съ языческимъ мифомъ похищенія Ганимеда орломъ Зевса». Копишъ. — Орель, по толкованію древнихъ комментаторовъ, означаетъ предупреждающую благость Божию.

22—24. Т. е. на вершинѣ горы Иды, гдѣ Зевсъ, въ образѣ орла, похитилъ красивѣйшаго юношу Ганимеда, сына Троса и прадѣда Дардана, перваго основателя Трои, въ то время, когда онъ охотился съ товарищами на этой горѣ, и, вознеся его на Олимпъ, сдѣлалъ его виночерпѣмъ боговъ (небеснаго совѣта—*soitto concistoro*). Овидія «Превращенія» X, 160—161.

25—27. «Нравственный смыслъ: въ обыкновенной жизни божественная благодать гнушается входить въ душу грѣшника и тѣмъ облегчить ему путь къ покаянію, если онъ самъ не приготовилъ для нея путь въ свою душу, подвигаясь впередъ настолько, насколько можетъ вести его одна философія. Благодать начинается лишь тамъ, гдѣ кончаются силы человѣческія». Скартаццини.

30. «Въ міръ огня». Во времена Данте полагали, что позади воздушной оболочки помѣщается четвертая стихія, т. е. кругъ огня, простирающійся до луны и окружающій атмосферу, въ которой мы живемъ. Брунето Латини, Тресого, Lib. II, С. XXXVIII; Рая I, 59, 71). Въ эту-то сферу возносится земное пламя (Рая I, 115, 141), и вслѣдствіе возмущенія въ нашей атмосферѣ оттуда вырываются молніи.

33. Весь этотъ образъ напоминаетъ библейскія слова: «Онъ нашелъ его въ пустынѣ, въ степи печальной и дикой, ограждалъ его, смотрѣлъ за нимъ, хранилъ его, какъ зѣницу ока Своего; какъ орель вызываетъ гнѣздо свое, носится надъ птенцами своими, распространяетъ крылья свои, беретъ ихъ и носитъ ихъ на перьяхъ своихъ». Второз. XXXII, 10, 11.

34. Ахиллъ, сынъ богини Ѡетиды и Пелея, былъ окунуть въ рѣкѣ Стиксѣ и чрезъ это сталъ неуязвимымъ во всемъ тѣлѣ, кромѣ пятки, за которую его держала мать при погруженіи въ воду. Ей было предсказано, что онъ погибнетъ передъ Троей. Онъ былъ отданъ на воспитаніе мудрому кентавру Хирону (Ада XII, 71), въ Ѡессалию, и, когда онъ возросъ, мать перенесла его соннаго на островъ Скиръ къ царю Линкомеду, гдѣ Ахиллъ, переодѣтый дѣвницей, продолжалъ свое воспитаніе вмѣстѣ съ его дочерьми. Но, несмотря на это, Улиссъ (Ада XXVI, 61 и примѣч.) хитростью увлекъ его въ войска Ахейнъ. Данте въ картинѣ пробужденія Ахилла намекаетъ на слѣдующее мѣсто Ахиллеиды Стация I, 247—250:

*Cum pueri tremefacta quies oculique jacentis
Infusum sensere diem, stupet aëre primo:
Quae loca? qui fluctus? ubi Pelion? omnia versa
Atque ignota videt, dubitatque agnoscere matrem.*

43. Т. е. Виргилиемъ.

44. «Данте заснулъ (примѣч. къ ст. 7—9) около 9 часовъ вечера; а такъ какъ въ равноденствіе солнце встаетъ въ 6 часовъ и такъ какъ теперь (28-го марта, 8-го или 10-го апрѣля) уже 8 ч. утра, то, значитъ, Данте спалъ 10—11 часовъ,

что не покажется слишком долго, если примемъ во вниманіе, что до сихъ поръ въ теченіе полныхъ трехъ сутокъ онъ не спалъ («на пути про отдыхъ позабывши», Ада XXXIV, 135), проходя трудной адской дорогой». Ноттеръ.

45. Данте обращенъ лицомъ къ морю, такъ что видитъ лишь воду и небо, что еще болѣе увеличиваетъ его удивленіе и страхъ.

46. «Какъ бессознательно переправляется Данте черезъ Ахеронъ (Ада III, 136 и начало IV), такъ бессознательно является онъ здѣсь къ вратамъ чистилища, чрезъ непосредственное божественное водительство и озареніе (стихи 55—57). Какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлые народы выдвигаются впередъ изъ долго подготовлявшагося въ тишинѣ внутренняго кризиса». Штрекфуссъ. — «Показать ему и Виргилію особенную дорогу къ этимъ вратамъ, какъ надѣялся Виргилій въ пѣсни VI, 69, не могла ни-одна душа; это—потому, что очень узкія врата чистилища становятся видимыми лишь тогда, когда къ нимъ совсѣмъ приблизиться (стихи 62, 76), а также потому, какъ указано въ пѣсни VII, 40 и далѣе, что отъ того мѣста, гдѣ находится Сорделло, не подымается вверхъ никакой особенной тропинки, но идущій къ вратамъ долженъ самъ отыскивать ее по всему протяженію горной крутизны». Ноттеръ.

49. Всѣ до сихъ поръ пройденныя пространства принадлежали собственно къ предверью чистилища, гдѣ еще нѣтъ настоящаго очищенія.

52. Здѣсь положительно указывается на различіе утренней Авроры (*Dianzi, nell'alba che presede al giorno*) отъ отблеска мѣсяца, когда заснулъ Данте (стихи 1—3).

55. «Лючія (Ада II, 94) есть благодать озаряющая. Изъ рассказаннаго въ стихахъ 19—33 сна мы видимъ, что внѣшнимъ образомъ онъ вызывается въ поэтѣ ощущеніемъ переноса изъ тѣнистой долины на озаренную солнцемъ высоту; внутреннимъ же образомъ онъ имѣетъ глубокій символическій смыслъ. Онъ означаетъ именно, что человѣкъ никогда не возносится по собственной волѣ къ высшему свѣту, но всегда не иначе, какъ при содѣйствіи божественной благодати, и весьма глубокомысленно то, что въ томъ состояніи, въ какомъ душа предается своему средству съ божествомъ еще только поэтично и еще, такъ сказать, полустихійно, т. е. во снѣ,—все-таки это приближеніе къ царству свѣта носитъ на себѣ величавый и вмѣстѣ съ тѣмъ грозный характеръ, выражаясь, какъ здѣсь, въ образѣ, заимствованномъ изъ язычества (орлѣ), тогда какъ въ дѣйствительности это приближеніе совершается въ высшей степени кротко и приводитъ къ христіанскому смиренію и покаянію. Впрочемъ нѣкоторые комментаторы видятъ въ этомъ орлѣ символъ императорской власти, такъ какъ мѣстность, гдѣ появился орелъ, указываетъ на Трою (гора Ида), стихъ 22 и далѣе, откуда родоначальники этой власти вышли подъ водительствомъ орла (Рая VI, 1—3). Въ такомъ случаѣ сонъ этотъ будетъ означать то, что при помощи божественной благодати орелъ, т. е. императорская власть, оторветъ Данте отъ его прежнихъ гвельфскихъ стремленій къ убѣжденію, какъ необходима эта (императорская) власть для основанія царства Божія на землѣ. Но такое толкованіе очень сомнительно». Ноттеръ.

58. «Средь призраковъ» (въ подлинникѣ: *Sordel rimase, e l'altre gentil forme*); т. е. Нино, Куррадо и вѣнценосныя души (Чистилища VIII, 44).

61—62. Подъ именемъ «входъ» здѣсь разумѣется не самая дверь чистилища, такъ какъ она заперта (стихъ 120), но то углубленіе въ скалѣ, которое вначалѣ представляется въ видѣ щели, подобной той, какая дѣлитъ стѣну. Въ углубленіи этомъ, передъ дверями, гдѣ сидитъ ангелъ, находится площадка, на которой останавливаются входящіе въ самое чистилище. Бути первый указалъ на это обстоятельство и устранилъ мнимое противорѣчіе между «quel

entrata aperta» стиха 62 и слѣдующими словами Данте, по смыслу которыхъ она должна была быть «chiusa» (запертою), стихи 111 и 120.

69. «Вступленіе въ чистилище, въ собственномъ смыслѣ, есть, безспорно, главный актъ оправданія, съ помощью котораго грѣшникъ отвращается отъ грѣховъ и рѣшительно устремляется къ Богу. Здѣсь, поэтому, наиболѣе умѣстно изложить ученіе схоластиковъ объ оправданіи.—Хотя нравственное улучшеніе есть дѣло всей жизни и во всѣхъ своихъ стадіяхъ — плодъ взаимодѣйствія благодати съ свободной волей, тѣмъ не менѣе настоящее очищеніе отъ грѣховъ дѣло одного лишь момента, въ которомъ прощеніе грѣховъ и оправданіе соединены неразрывно. Этотъ моментъ наступаетъ у нѣкоторыхъ мгновенно, чудеснымъ образомъ, какъ у Павла; у другихъ—и это обыкновенный способъ — ему предшествуетъ неполное обращеніе, или нѣкоторое размышленіе, которое еще не принадлежитъ къ настоящему оправданію. Самому же оправданію, по Фомѣ Аквинскому, принадлежатъ четыре части: прежде всего изліяніе дѣйствующей благодати, затѣмъ двойственное движеніе свободной воли къ Богу и отъ грѣха, и, наконецъ, цѣль—прощеніе грѣховъ. Хотя всѣ эти четыре части по времени нераздѣлимы между собой, однако gratia operans, какъ первичный источникъ оправданія, занимаетъ первое мѣсто, или, говоря словами Фомы, она естъ первая между ними въ порядкѣ природы. Когда же наступило оправданіе, тогда дальнѣйшіе успѣхи въ добрѣ будутъ дѣйствіемъ содѣйствующей благодати въ соединеніи съ свободной волей. Каждымъ такимъ шагомъ человѣкъ заслуживаетъ новую себѣ милость, и при томъ не какъ награду или плату—понятіе, не согласующееся съ отношеніями Бога къ человѣку, но, выражаясь языкомъ схоластиковъ, по достоинству, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ Божественному порядку (Томас Акв. Sum. Theol. II, 1. quaest 111—114).—Это-то неполное предварительное подготовленіе изображается въ преддверіи чистилища; но и оно не могло совершиться безъ содѣйствія божественной милости. Поэтому-то Беатриче всегда посылаетъ черезъ Виргилія къ Данте Лючію (Ада, II, 97). Теперь легко объясняется, почему Лючія (здѣсь, очевидно, gratia operans) беретъ спящаго Данте и безъ его собственнаго содѣйствія приноситъ его къ вратамъ чистилища; ибо первый толчокъ къ оправданію приходитъ свыше; но вмѣстѣ съ тѣмъ понятно и то, что для того, чтобы войти въ самыя врата, все-таки необходима собственная рѣшимость со стороны поэта и указаніе Виргилія (разума, свободной воли). Филалетъ.

64—66. Изображеніе человѣка, рѣшившагося наконецъ обратиться къ лучшему (Чистилища XXI, 61 и далѣе). «Данте заимствуетъ сравненіе изъ самой вещи, которую описываетъ, или, другими словами, самую вещь дѣлаетъ предметомъ сравненія, онъ самъ есть тотъ человѣкъ, который отъ сомнѣнія переходитъ къ увѣренности». Скартаццини.

70—72. «Опять новый намекъ на аллегорическое значеніе поэмы, какъ и въ предыдущей пѣснѣ, стихъ 19. Впрочемъ, здѣсь указаніе это почти ненужно, смыслъ ясенъ. Орелъ и Лючія обозначаютъ, какъ мы видѣли, озаряющую благодать Божію. Поэтъ прославляетъ здѣсь свое искусство, и, дѣйствительно, этотъ сонъ совершенно умѣстенъ; ибо озаряющая благодать Божія, или переворотъ въ нашихъ душахъ, твердая рѣшимость къ совершенствованію есть нѣчто неизъяснимое, какъ бы нѣкій даръ Божій; но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ этимъ рѣшеніемъ подымается въ высъ, принадлежитъ уже добродѣтели, становится новымъ человѣкомъ, хотя еще не совершенно чистымъ и блаженнымъ. Такъ точно и Данте, самъ того не зная и безъ усилія, вознесенъ здѣсь до самаго порога истиннаго мѣста очищенія; ибо Данте во всемъ, что онъ видитъ, чувствуетъ и переживаетъ, всегда изображаетъ въ себѣ состояніе, которое

должно быть обозначено, или, по крайней мѣрѣ, это намѣреніе поэта очень явственно выступаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его поэмы, и притомъ въ Чистилищѣ и въ Раю гораздо явственнѣе, чѣмъ въ Адѣ». Каннегиссеръ.

73—75. «Путь къ совершенствованію только вначалѣ труденъ и узокъ; но онъ расширяется самъ, когда намѣреніе наше твердо и мы идемъ неустанно». Каннегиссеръ.—Дверь чистилища, являющаяся какъ щель въ стѣнѣ, представляется совершенно противоположно адскому входу: та обширна (Ада V, 20), эта узка; та всегда раскрыта настежь для идущихъ путемъ погибели (Ада VIII, 126), эта заперта; та никѣмъ не охраняется, эта охраняется стражемъ. — «Входите тѣсными вратами; потому что широкіе врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими; потому что тѣсныя ворота и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ». Матѳ. VII, 13, 14.

76. «Врата»—именно тѣ святыя врата Петра, о которыхъ сказано въ Ада I, 134, ведущія входящихъ въ нихъ къ блаженствамърая. Подъ этими вратами надобно разумѣть самого Христа, согласно съ Іоан. X, 7. «Я дверь овцамъ». — О символическомъ значеніи трехъ ступеней см. ниже.

78—84. «Привратникъ (вратарь) есть священникъ вообще и въ частности—папа, какъ намѣстникъ Св. Петра. Въ особѣ его олицетворяется религія, потому ликъ его такъ блестящъ, что даже кающійся грѣшникъ потупляетъ предъ нимъ очи. Изъ рукъ его—мечъ, какъ символъ правосудія и безпристрастія. Онъ молчитъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что обратившійся хочетъ приблизиться къ нему; но тогда исповѣдуетъ онъ его кратко и не скрываетъ отъ него всю трудность обращенія. Ему достаточно знать, что приходящій къ нему просвѣтленъ озаряющею милостью, и тогда онъ свободно выпускаетъ его». Каннегиссеръ.— Таково же мнѣніе о значеніи привратника большей части древнихъ комментаторовъ. Повидимому, Данте имѣлъ здѣсь въ виду слова Св. Павла: «И шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть Слово Божіе». Ефес. VI, 17; также слова книги Бытія о пламенномъ мечѣ херувимовъ при дверяхърая сладоности (III, 24); также пророка Даниїла: «Лицо его—какъ видъ молніи». Дан. X, 6.

85. Т. е. съ того мѣста, гдѣ вы находитесь. Почти тѣми же словами встрѣчаетъ поэтовъ кентавръ Нессъ въ аду (Ада XII, 63). «Только тѣ могутъ быть участниками благотворнаго дѣйствія религіи, къ которымъ она дѣйствительно снизошла въ сердце при помощи озаряющей божественной благодати—того озаренія, въ которомъ никогда не бываетъ недостатка въ чистомъ сердцѣ, въ стремящемся выше духѣ. Кто же приблизится къ этимъ вратамъ безъ такого призванія, того поразитъ, какъ лицемѣра, сверкающій въ рукѣ привратника мечъ». Штрекфуссъ.

86. «Кто васъ привель?»—По мнѣнію Біаджіоли, «души, коимъ наступилъ часъ очищенія, приходятъ въ чистилище въ сопровожденіи ангела», подобно тому, какъ ангелъ привозитъ души отъ Рима къ берегамъ чистилища, почему и Катонъ, видя поэтовъ, спрашиваетъ ихъ: кто ихъ привель? (Чистилища I, 43). Мнѣнія этого держится большинство комментаторовъ. Слѣдовательно, привратникъ, сдѣлавъ этотъ вопросъ, разумѣетъ здѣсь не Лючію, а ангела.

87. «Подумайте». Сличь Ада V, 20. То же самое говоритъ Христосъ ученикамъ своимъ: Лук. XIV, 28—30. «Чтобъ не было вамъ худа». Сличь Ада XXIII, 13 и далѣе.

88. Т. е. Лючія, знающая законы этихъ мѣстъ (diq ueste cose accorta).

94. «Входъ въ чистилище есть символъ таинства покаянія. Ангелъ, сидящій у входа, въ силу сказаннаго выше, обозначаетъ символически духовную власть церкви разрѣшать и связывать, т. е. духовника. Сущность таинства покаянія, по ученію церкви, состоитъ изъ трехъ актовъ со стороны кающагося,

соединенныхъ со священническимъ разрѣшеніемъ, придающимъ имъ полноту. Эти акты суть: раскаяніе, исповѣдь, или покаяніе, и удовлетвореніе. Къ первому принадлежитъ сознание въ совершенныхъ грѣхахъ, скорбь о нихъ и желаніе исправиться; ко второму—сознание въ грѣхахъ передъ посвященнымъ и снабженнымъ духовною юрисдикціею священникомъ; наконецъ, удовлетвореніе есть дѣйствіе благочестиваго покаянія, служащее частью къ уничтоженію временнаго наказанія грѣха, частью—къ улучшенію жизни. Ко всему этому, какъ ключъ въ сводѣ, должно присоединиться пастырское отпущеніе, какое священникъ, въ силу врученной ему власти ключей, можетъ дать или не дать, смотря по тому, насколько раскрылось состояніе духа кающагося». Тома Акв. Sum. Theol. III, quaest. 84—90, suppl. quaest. 1—20. «In perfectione autem poenitentiae tria observanda sunt, scilicet compunctio cordis, confessio oris, satisfactio operis».—Петръ Ломбардскій. Sent. lib. IV, dist. 16, lit. A. «Haec est fructifera poenitentia, ut, sicut tribus modis Deum offendimus, scilicet corde, ore et opere, ita tribus modis satisfaciamus».—«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ трехъ ступеняхъ, по которымъ поэтъ входитъ къ ангелу, онъ олицетворяетъ эти три акта покаянія: сокрушеніе сердца, сознание устъ и удовлетвореніе дѣйствіемъ». Филалетъ. Скартаццини.

94—103. «Три ступени означаютъ три акта покаянія. Первая выражаетъ раскаяніе, потому она вся изъ бѣлаго мрамора, столь блестящаго, полированного (въ подлинникѣ: si pulito e terso), что въ немъ весь образъ или тѣнь Данте, такъ, какъ онъ есть (quale i' paio), отражается, какъ въ зеркалѣ, въ знакъ того, что сознание въ грѣхахъ должно быть полное и откровенное. Вторая ступень означаетъ раскаянное сокрушеніе сердечное, почему и сложена изъ камня багрово-темнаго (perso, цвѣтъ, обозначающій черноту сердца), грубаго, перегорѣлаго и надтреснуващаго, такъ какъ и самое слово conpitrto, по Тома Аквинскому, происходитъ отъ того, что окаменѣлое сердце грѣшника при этомъ должно быть сокрушено, или раздроблено (Suppl. quaest. 1). — Черезъ эту ступень Данте восходитъ на третью, означающую удовлетвореніе или примиреніе, почему и камень, легшій въ эту ступень, красно-огненнаго цвѣта, какъ кровь, брызнувшая изъ вскрытой вены. Этотъ цвѣтъ ея, по однимъ древнимъ комментаторамъ, означаетъ самобичеваніе грѣшника, по другимъ — силу любви человѣка, побуждающую его сознаться въ грѣхахъ своихъ, чтобы снискать удовлетвореніе въ своихъ недостаткахъ; можетъ быть даже пролитую за искупленіе грѣшниковъ кровь Христову. — На ней (ступени), какъ на фундаментѣ, воздвигнута все зданіе церкви и, слѣдовательно, лишь на ней зиждется вся духовная власть, сосредоточенная въ священникѣ. — Только тогда, когда кровь Христова составляетъ основу всего духовнаго могущества и когда это могущество ограничивается лишь тѣмъ, что основано на такомъ фундаментѣ, только тогда престолъ этой власти будетъ чистъ, блестящъ и несокрушимъ, какъ адамантовый прагъ, на которомъ возсѣдаетъ вратарь.

104—105. «Прагъ, что блескомъ походилъ на адамантъ» (въ подлинникѣ: la soglia, Che mi sembiava pietra di diamante). Алмазь или адамантъ—твердѣйшій камень, имѣющій свойство, по древнему сказанію, разгонять страхъ. Уже у Гомера, Гезіода и Виргилія (Aen. VI, 55) онъ, какъ символъ несокрушимости, образуетъ порогъ подземнаго міра; въ святомъ писаніи онъ обозначаетъ также несокрушимость (Иезек. III, 9). Согласно съ этимъ, адамантовый прагъ, на которомъ возсѣдаетъ ангелъ, означаетъ подвигъ искупленія Христова, или, говоря словами Филалета,—«драгоценную заслугу Христа, чрезъ которую получаетъ свою силу обязанность священника отпускать грѣхи».

106. «По доброй волѣ», т. е. по моей собственной. «Виргилій (разумъ) возводитъ Данте, ибо самъ разумъ указываетъ намъ на обращеніе къ религіи,

которая одна может снять все затворы с дверей очищения». Каннегиссеръ.

109—111. Пройдя по тремъ ступенямъ, символизирующимъ таинство покаяния, и такимъ образомъ исполнивъ долгъ исповѣди и получивъ надежду на примиреніе, онъ бросается къ ногамъ духовника и ударяетъ себя въ грудь, какъ требуетъ церковный обрядъ покаянія при *mea culpa*. Ноттеръ. Филалетъ.

112. *P* есть начальная буква латинскаго (въ церковномъ языкѣ) слова *Pecatum* (грѣхъ). Каждое *P* обозначаетъ одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, какъ мы увидимъ въ продолженіи поэмы. Они будутъ исчезать съ чела поэта лишь мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ очищаться отъ грѣха вслѣдъ за грѣхомъ, или, говоря образно, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ проходить по всемъ семи отдѣламъ чистилища.

115. Одежда на ангелѣ имѣетъ цвѣтъ золы, или земли, взрытой лопатой (въ подлинникѣ: *terra che secca si cavi*) для обозначенія покаянія и человѣческаго ничтожества (по Каннегиссеру, —человѣческаго тѣла, въ которое самъ Христосъ облекся и чрезъ то сталъ человѣкомъ). «Вмѣстѣ съ тѣмъ одежда эта, далекая отъ всякой роскоши и мірскихъ украшеній, означаетъ смиреніе, столь приличное священнику при постоянномъ созерцаніи Бога и ничтожества всего того, что составляетъ гордость человѣка». Штрекфуссъ.—«Смиреніе же болѣе всего приличествуетъ священнику: онъ не возносится надъ человѣкомъ, но совершенно равенъ ему (стоитъ на одной доскѣ съ нимъ) и долженъ скорбѣть при разоблаченіи грѣховъ его». Ноттеръ.—«Пепель (зола) искони былъ символомъ покаянія, почему кающіеся въ недѣлю покаянія (въ католическихъ церквахъ) посыпаютъ главу свою пепломъ». Филалетъ.

117—126. Серебрянымъ ключомъ отпираетъ священникъ сердце кающагося, чтобы видѣть, что въ немъ грѣховно; золотымъ онъ отпираетъ въ этомъ сердцѣ входъ къ небу, давая отпущеніе грѣховъ истинно кающемуся. «Серебряный ключъ, какъ говоритъ Тома Аквинскій, — искусство распознавать достойнаго отъ недостойнаго; золотой—основанное на заслугѣ Христа могущество давать отпущеніе или наказывать. Тома Акв. *Sum. Theol. p. III, Suppl. quaest. XVII, art. 3* слѣд. Подъ серебрянымъ ключомъ разумѣется, стало быть, первое; этотъ актъ долженъ необходимо предшествовать послѣднему; кромѣ божественной помощи, оно требуетъ еще и человѣческихъ силъ и способностей и должно показать, можетъ ли быть вообще рѣчь объ отпущеніи, должно распутать узлы. Зато послѣдній, наоборотъ, драгоценнѣе, такъ какъ онъ всецѣло основанъ на заслугѣ Христа; но во всякомъ случаѣ необходимы оба ключа для полноты прощенія грѣховъ». Филалетъ.— Слово «замокъ» означаетъ, слѣдовательно, человѣческое сердце.

127. Т. е. ключи вручены мнѣ св. апостоломъ Петромъ, который получилъ ихъ отъ Самого Христа: «И дамъ тебѣ ключи Царства Небеснаго». Матѳ. XVI, 19. Ангелу переданы ключи Петромъ потому, что ангель здѣсь есть символъ священника.

127—129. Т. е. скорѣе отпусти грѣхи недостойному, чѣмъ откажи въ томъ заслуживающему отпущенія,—намекъ на библейскія слова: «Не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своей и живъ былъ». Иезек. XXXIII, 11.—Ангель ошибиться не можетъ, но здѣсь подъ ангеломъ разумѣется священникъ.

131—132. Ибо нѣтъ ничего опаснѣе, какъ возвратъ на прежнюю дорогу, по слову Спасителя: «Вспоминайте жену Лотову». Лук. XVII, 32, и: «Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царства Божія». *Ibid.* IX 62.

133. Двери стариннаго устройства вращались не на петляхъ, а на крючьяхъ.
136—138. «Утесъ Тарпейскій», или вершина Капитолія. Здѣсь находилось римское каздохранилище. Юлій Цезарь, перешедшій Рубиконъ, вступилъ въ Римъ, послѣ бѣгства Помпея, и хотѣлъ завладѣть казною вѣчнаго города; но трибунъ Метелль, изъ рода Цециліевъ, человѣкъ безукоризненной честности, храбро возсталъ противъ побѣдителя Галліи, которому пришлось завладѣть каздохранилищемъ силою, причемъ двери Тарпейскаго храма растворены были съ громомъ и казна расхищена.

Tunc rupes Tarpeia sonat, magnoque reclusas
Testatur stridore fores: tunc conditus imo
Eruitur templo, multis intactus ab annis etc.

Lucan. Phars. lib. III, 154... etc.

Двери Тарпейскія закригѣли оттого, что въ теченіе многихъ лѣтъ не отворялись вовсе. Точно такъ и двери чистилища издають трескъ, такъ какъ рѣдко приходятъ къ нимъ съ чистымъ покаяніемъ и онѣ рѣдко отворяются.

138. «И оскудѣвъ расхищенной казной» (въ подлинникѣ: *per che roi rimase pasta*)—сказано, повидному, въ противоположность къ неизсякаемымъ небеснымъ сокровищамъ, въ обилии хранящимся въ предѣлахъ чистилища». Ноттеръ.

139. «Рѣзкіе звуки отворяющихся дверей чистилища переходятъ въ торжественное пѣніе, для обозначенія того, что вначалѣ покаяніе жестко для нашего естественнаго чувства, но затѣмъ смѣняется, по полученіи отпущенія, ощущеніемъ блаженства». Филалетъ.

140. Внутри раздаются звуки церковнаго гимна, сочиненнаго св. Амвросіемъ по случаю обращенія св. Августина, при чемъ первый начиналъ пѣть: «*Te Deum laudamus!*» (Тебе Бога хвалимъ), а другой продолжалъ «*Te Dominum confitemur*» (Тебе Господи исповѣдуемъ), и такимъ образомъ пѣли весь гимнъ попеременно. Гимнъ этотъ благодарственный, воспѣваемый церковью лишь въ торжественныхъ случаяхъ, и потому весьма идущій въ данномъ случаѣ: души внутри чистилища поютъ его въ благодарность Богу, допустившему какъ ихъ самихъ, такъ и поэтовъ въ чистилище.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

1—3. Какъ увидимъ ниже (Чистилища XVIII, 19—72), Данте выводитъ всѣ грѣхи изъ превратной или недостаточной любви; вслѣдствіе превратной любви люди нерѣдко принимаютъ земное и чувственное за истинное и сбиваются съ прямой дороги на ложную. — «Къ истинной двери Христа подходятъ души тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе сбиваютъ ихъ съ пути ложныя стремленія, злая любовь къ чувственному». Копишь.

5—6. Вслѣдствіе даннаго Ангеломъ предостереженія не оглядываться назадъ (IX, 132).

7—9. «Мы должны себѣ представить узкую горную тропинку, извивающуюся то вправо, то влѣво между двухъ высокихъ утесистыхъ стѣнъ. При этомъ стѣна представляется съ одной стороны какъ бы выдающеюся впередъ, съ другой — подающеюся назадъ. Гдѣ тропинка особенно узка и крута, — необходимо цѣпляться руками за отклоняющуюся назадъ стѣну». Филалеть. — «Прямая дорога потеряна (Ада I, 3); только чистые идутъ по ней, злые же идутъ по болѣе трудной дорогѣ. Сравненіе этой дороги съ приближающимися и убѣгающими волнами намекаетъ на треволненія житейскаго моря (Ада I, 23)». Копишь.

13. «Въ началѣ скалистаго ущелья дорога крута и трудна. Но съ каждой побѣжденной трудностью растетъ сила къ преодолѣнію слѣдующихъ, такъ что борьба эта становится наконецъ удовольствіемъ. Въ истинѣ этой идеи можетъ убѣдиться каждый, кто строго и неуклонно стремился къ достиженію какой-нибудь благой и важной цѣли и кто въ этомъ стремленіи становился чище и крѣпче силами. Идею эту поэтъ повторяетъ неоднократно въ продолженіе всей поэмы». Штрекфусъ.

14—15. Опять указаніе времени. «Теперь уже пятый день послѣ полнолунія; луна заходитъ спустя 4 часа послѣ восхожденія солнца. Данте проснувшись черезъ 2 часа послѣ восхода и былъ нѣсколько задержанъ у воротъ чистилища; слѣдовательно, на прохожденіе извилистой тропинки долженъ былъ употребить 1½ часа». Фратичелли. — См. Филалеть. — «О слабомъ отблескѣ луны упомянуто уже въ Чистилища IX, 1. Здѣсь, гдѣ Данте вступаетъ на путь истиннаго смиренія, не безъ значенія сказано, что идущій уже на ущербъ мѣсяцъ закатывается за горизонтъ. Земная мудрость недостаточна для того, чтобы вести по этому ущелью (Ада XX, 128 и слѣд.). Копишь.

16. «Ушко иглы». Мы держались текста, принятаго большинствомъ надателей Божественной Комедіи, именно сгипа, а не сипа (колыбель). Данте называетъ узкое ущелье, по которому онъ взбирается, ушкою иглы для выраженія его узкости и трудности, имѣя, очевидно, въ виду слова Спасителя: «Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе». Матѳ. XIX, 24; Марк. X, 25; Лук. XVIII, 25).

18. Т. е. туда, гдѣ въ верхнемъ концѣ ущелья скалы горы слились опять въ одну сплошную стѣну.

20. «Вступили въ край пустой». Мы увидимъ, что путники, подымаясь на гору Чистилища, влѣзаютъ отъ времени до времени по узкой горной дорожкѣ на уступъ, кругъ, кольцо или карнизъ; всѣ эти слова употребляетъ поэтъ для обозначенія семи отдѣловъ горы очищенія. «Именно всѣ отдѣлы чистилища состоятъ изъ семи уступовъ, обвивающихъ всю гору, образуя, слѣдовательно, круги. Кругъ, въ который теперѣ вступили поэты, самый низшій, и потому самый большой, такъ какъ здѣсь очищается худшій изъ грѣховъ — высокоуміе и гордость; такимъ образомъ уступы эти, по мѣрѣ восхожденія, становятся все меньше и меньше. Слѣдовательно, адъ и чистилище, при всемъ ихъ различіи, имѣютъ въ себѣ много сходнаго. Адъ — это воронка, которая, чѣмъ болѣе идетъ вглубь, тѣмъ сильнѣе наказуетъ грѣшниковъ; чистилище — это гора, и чѣмъ болѣе подымается она, тѣмъ слабѣе наказуются очищающіеся на ней; въ аду пространство круговъ становится тѣмъ меньше, чѣмъ глубже; здѣсь — тѣмъ меньше, чѣмъ выше; въ аду пустота расположена съ внутренней стороны и души пусты, совершенно лишены внутреннихъ качествъ, добродѣтели и счастья; здѣсь пустота лежитъ съ внѣшней стороны и души должны освободиться отъ всякой привязанности къ внѣшнему міру; тамъ вѣчная мгла, здѣсь — свѣтъ; тамъ скорбь составляетъ мученье, здѣсь — она только средство къ блаженству». Каннегиссеръ.

21. «Безлюднѣйшимъ названъ этотъ кругъ, гдѣ очищаются гордые, въ противоположность многочисленныхъ скитальцевъ, которыхъ встрѣчали поэты внизу горы, за чертою настоящаго чистилища». Ноттеръ.

22. «Пустота, т. е. то воздушное пространство, которое окружаетъ гору; оно названо пустотой въ противоположность той полнотѣ божественныхъ сокровищъ, которыя ожидаютъ очищающихся на вершинѣ горы». Коппинъ.

24. «Слѣдовательно ширина его равнялась почти 18 футамъ». Филалетъ. — «Длина трехъ человѣческихъ ростовъ имѣетъ аллегорическое значеніе: гордость выражается въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ, или — направлена противъ высшихъ, равныхъ и низшихъ». Ландино.

28. На каждомъ уступѣ чистилища, какъ мы увидимъ, при вступленіи въ него представляются образцы той добродѣтели, которая противоположна грѣху или пороку, очищающемуся въ данномъ кругу; при выходѣ же изъ круга — примѣры самаго порока и его послѣдствія. Первые названы поэтомъ бичами (плетями), которыя побуждаютъ души снискивать эту добродѣтель, чрезъ это душа уже сама собою очищается отъ противоположнаго порока; вторые — уздою, удерживающею насъ отъ порока. «Очищеніе высокоумія состоитъ отчасти въ томъ, что высокоумные постоянно имѣютъ передъ глазами изваянные на боковой стѣнѣ круга образцы противоположной добродѣтели — смиренія. Для обозначенія чистоты смиренія образцы эти изваяны на бѣломъ мраморѣ: онѣ-то и составляютъ бичи гордости и находятся въ стоячемъ положеніи; наоборотъ, узду высокоумія составляютъ картины высокоумія, изображенныя на землѣ (XII, 16 и далѣе), по которой ходятъ и которую попираютъ обремененные тяжестью высокоумные». Каннегиссеръ.

30. Въ подлинникѣ: *Che, dritta, di salita aveva manco*, въ другихъ— *Che dritta di salita aveva manco*, т. е. на которую не было права восхода, или, другими словами, нельзя было восходить по причинѣ крутизны.

32. Поликлеть — одинъ изъ знаменитѣйшихъ греческихъ скульпторовъ, жившій около 342 г. до Р. X., прославившійся особенно своимъ «Канономъ» или правилами для пропорцій человѣческаго тѣла, которому впоследствии слѣдовали всѣ ваятели, какъ закону.

34—36. Изваяніе, представляющее благовѣщеніе Архангеломъ Гавріиломъ Дѣвѣ Маріи о томъ, что Она родитъ Спасителя міра, черезъ что человечеству будетъ подаренъ истинный миръ и приготовится блаженство неба (снимется съ неба запретъ; въ подлинникѣ: *Che aperse il ciel dal suo lungo divieto*). Лук. I, 26—28.

40. «Ave»—первое слово благовѣстія архангела: «Ангель, вошедъ къ Ней, сказалъ: радуйся, Благодатная! Господь съ Тобою; благословенна Ты между женами». Лук. I, 28.

42. Въ подлинникѣ: *Che ad aprir l'alto amor volse la chiave*, т. е. подвигла божественную любовь къ милосердію къ человечеству.

44. «Се, Раба Господня; да будетъ Мнѣ по слову твоему» — отвѣтъ Дѣвы Маріи архангелу (Лук. I, 38). Говоря объ этихъ словахъ, блаж. Августинъ восклицаетъ: «*O vera humilitas quae Deum reperit hominibus!*» — также Бонавентура (Спец. В. V, с. 8): «*Ancilla Domini, qua nulla humilior unquam fuit, nec est, nec erit in aeternum.*» — «На всѣхъ уступахъ горы мы постоянно будемъ встрѣчать Дѣву Марію, какъ первый образецъ». Копишь.

47—48. Данте стоялъ слѣва отъ Виргилія («гдѣ сердце у людей»), слѣдовательно, Виргилій былъ отъ него по правую руку. Эта вторая картина находилась, слѣдовательно, справа отъ первой.

55—56. Библейское сказаніе о томъ, какъ царь Давидъ, собравъ израильтянъ, вознамѣрился перенести ковчегъ Божій изъ Ваала Іудина въ Іерусалимъ, и для того поставилъ его на новую колесницу, запряженную волами; но, утраченный смертью левита Озы (стихъ 57), не повезъ его въ городъ Давидовъ, а обратилъ его въ домъ Аведдара, Геоянина. Спустя три мѣсяца, узнавъ, что Господь благословилъ тѣмъ Аведдара, Давидъ опять взялъ ковчегъ и понесъ его съ торжествомъ въ Іерусалимъ, принося на каждыхъ шести шагахъ въ жертву телца и овна. Въ этотъ второй разъ ковчегъ везли не волы на колесницѣ, а несли люди. Въ картинѣ своей Данте не различаетъ эти два момента, но соединяетъ оба въ одну картину.

57. Намекъ на библейскій рассказъ о смерти левита Озы, прикоснувшася къ Божьему ковчегу, къ которому запрещено было прикасаться левитамъ подѣ страхомъ смерти. — «И когда дошли до гумна Нахонова, Оза простеръ руку свою къ ковчегу Божью (чтобы придержать его), и взялся за него; ибо волы наклонили его. Но Господь прогнѣвался на Озу; и поразилъ его Богъ тамъ же за дерзновеніе, и умеръ онъ тамъ у ковчега Божія». 2-я кн. Царствъ VI, 6—7. — Съ тѣхъ поръ Оза сталъ представителемъ тѣхъ, которые, не имѣя къ тому призванія и права, вмѣшиваются въ церковныя дѣла, какъ міряне (такъ какъ левиты не принадлежали къ священникамъ).

58. «Въ семь ликовъ», такъ въ Вульгатѣ и въ славянской Библіи, переведенной съ текста 70 толковниковъ: «*Et egant cum David septem chori.*» 2-я кн. Царствъ VI, 12; въ еврейскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ этихъ словъ нѣтъ. Данте, конечно, пользовался лишь латинскимъ переводомъ—Вульгатой.

59—63. Т. е. ухо, не слышавшее пѣнія, говорило: «нѣтъ, не поютъ!» — напротивъ. — глаза, видя живое изображеніе поющихъ, утверждали: «Да,

поюгъ!» Точно также обняніе и зрѣніе не соглашались между собой: послѣднее принимало дымъ всеожженій, тогда какъ первое отрицало его; съ такою правдою все это было изваяно, что чувства обманывались.

64—65. «Давидъ скакаль изъ всей силы предъ Господомъ; одѣтъ же былъ Давидъ въ льяняный ефодъ». 2-я кн. Царствъ, VI, 14.

66. Въ подлинникѣ: *Er ip̄t men che ge ega in quel caso*—Онъ былъ здѣсь мѣнѣе, чѣмъ царь, потому что въ смиреніи смѣшался съ толпой народа, и болѣе чѣмъ царь, потому что, какъ служитель Божій, снискаль себѣ милость Господа.

67. «Когда входилъ ковчегъ Господень въ городъ Давидовъ, Мелхола, дочь Саула (жена Давида), смотрѣла въ окно и, увидѣвши царя Давида, скачущаго и пляшущаго предъ Господомъ, унижила его въ сердцѣ своемъ». 2-я кн. Царствъ, VI, 16.

73—75. Исторически недоказанный анекдотъ (народная легенда) объ императорѣ Траянѣ. «Въ то время, когда онъ совсѣмъ уже собрался въ военный походъ, одна вдова, у которой былъ умерщвленъ сынъ, стала умолять его о правосудіи, при чемъ императоръ отложилъ походъ до тѣхъ поръ, пока не наказалъ убійцу. Павелъ Діаконъ, передающій этотъ разсказъ, въ своей «Жизни св. Григорія Великаго», повѣствуетъ, что проходя черезъ *Forum Traianum* и вспомнивъ объ этомъ поступкѣ, Григорій много и сильно плакалъ въ храмѣ св. Петра о языческомъ заблужденіи столь кроткаго государя. Въ слѣдующую ночь Григорій услышалъ голосъ, говорившій ему: «Молитва твоя о Траянѣ услышана, но отнынѣ ты не долженъ никогда молиться о язычникахъ. Франческо ди Бути прибавляетъ къ этому, что Господь, по выслушаніи молитвы Григорія, въ наказаніе ему за то, что онъ молилъ о противозаконномъ, предложилъ ему на его выборъ: или пробытъ за это часомъ болѣе въ чистилищѣ, или всю жизнь страдать бедренною немощью. Григорій избралъ послѣднее». Филалетъ.—«Этотъ анекдотъ впервые былъ разсказанъ, и притомъ не о Траянѣ, а объ Адрианѣ, Діакономъ Кассіо (I. XIX, с. 5); затѣмъ объ освобожденіи души Траяна изъ ада заступничествомъ св. Григорія говорилъ Діаконъ Джіованни (въ его *Vita St. Greg. lib. IV, с. 44*). Легенда эта была въ общей вѣрѣ въ средніе вѣка, и даже самъ Ѳома Аквинскій вѣрилъ въ ея правдивость: «*Damascenus in sermone suo, de Defunct., narrat quod Gregorius pro Trajano orationem fundens, audivit vocem sibi divinitus dicentem: Vocem tuam audivi et veniam Trajano do; cujus rei, ut Damascenus dicit in dicto sermone, testis est Oriens omnis et Occidens. Sed constat Trajanum in inferno fuisse... De facto Trajani hoc modo potest probabiliter aestimari, quod precibus B. Gregorii ad vitam fuerit revocatus, et ita gratiam consecutus sit etc.* Ѳома Акв. *Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXI, art. 5*. На эту легенду Данте также намекаетъ *Рая XX, 44, 45, 106*». Скартаццини.

75. «Въ бой великій», т. е. съ адомъ за спасеніе души Траяна.

80—81. Данте, повидимому, не зналъ, что римскіе орлы были литые изъ золота, и представлялъ ихъ себѣ вышитыми золотомъ на знаменахъ.

82—93. Весь этотъ разговоръ почти буквально заимствованъ изъ Павла Діакона. Слича у Филалета. Позднѣйшая легенда прибавляетъ, что убійцей сына вдовы былъ сынъ самого Траяна. Императоръ предложилъ вдовѣ на выборъ: казнить убійцу, или чтобы она взяла его на мѣсто убитаго сына. Она избрала послѣднее.

94—95. «Слѣдовательно, самъ Господь создатель этихъ образовъ, которые, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, заимствованы то изъ Библии, то изъ всемірной исторіи, нерѣдко даже изъ языческой міеологіи; и это вполне справедливо, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ единственно лишь объ изображеніи фак-

товъ: для Бога же боговъ ненавистенъ каждый порокъ, достѣйна любви каждая добродѣтель, къ какому бы ученію, христіанскому или языческому, ни принадлежало порочное или добродѣтельное». Штрекфуссъ.

98. «Въ трехъ изображенныхъ здѣсь картинахъ мы видимъ: въ первой смиреніе, совершенно покорное волѣ Божіей, во второй—пренебрегающее мнѣніемъ міра сего и въ третьей—побѣждающее собственныя страсти». Копишъ.

100. «Такъ какъ Виргилій стоитъ теперь (стихъ 53) по лѣвую руку отъ Данте, то мы должны себѣ представить, что души приближаются къ поэтамъ съ лѣвой стороны горы». Филалетъ.

106—112. «Опять обращеніе къ читателю. Здѣсь, по мнѣнію Данте, читателя могутъ поразить два обстоятельства: во-первыхъ, самыя муки, т.-е. родъ ихъ или очищеніе, и во-вторыхъ—продолжительность мукъ. На это поэтъ отвѣчаетъ, что эти муки, какъ средство, причиняющее боль, необходимы для удовлетворенія, и что онѣ могутъ продлиться по высшей мѣрѣ лишь до дня Страшнаго суда, когда добрые будутъ отдѣлены отъ злыхъ и когда очищеніе достигнетъ своего конца; вся земля погибнетъ вмѣстѣ съ горой Чистилища и, надобно припомнить, для злыхъ наступитъ иное и притомъ болѣе мучительное состояніе по причинѣ новой тѣлесной оболочки, какую они облекутъ тогда (Ада VI, 98, 111), и имъ будетъ дано иное мѣстопробываніе». Каннегиссеръ.

107. «Гласъ добраго намѣренія»—обратиться къ Богу чрезъ покаяніе.

111. Т.-е. небесную славу, которая послѣдуетъ за этими муками. «Ибо думаю, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ». Посл. Римл. VIII, 18.

115. «При сравненіи плана чистилища съ планомъ ада, становится очевиднымъ, что грѣхи невоздержанія (Ада XI, 82), или, что равнозначуще, грѣхи любви, уклонившейся отъ своего порядка (Чистилища XVII, 124 и слѣд.), поставлены въ обоихъ мѣстахъ на одну доску. Наоборотъ,—злоба, цѣль которой обида (Ада XI, 22—23), или злба, имѣющая послѣдствіемъ страданіе ближняго (Чистилища XVII, 113), раздѣлена въ аду по средству—насилію и обману, въ чистилищѣ же по цѣли: возвышенію, могуществу и мценію, при чемъ отдѣльныя формы опять подраздѣляются по намѣренію, съ какимъ они употреблены въ дѣло. Единственно существенное различіе состоитъ не столько въ томъ, что нерадѣніе и гнѣвъ, помѣщенные въ аду въ одномъ кругу, въ чистилищѣ раздѣлены на двое, сколько въ томъ, что въ системѣ ада оба грѣха отнесены къ невоздержанію, въ чистилищѣ же сюда отнесено одно нерадѣніе, гнѣвъ же причисленъ къ неправдѣ. Причина этому лежитъ въ различномъ принципѣ дѣленія неправды или оскорбленія, наносимаго ближнимъ, именно въ томъ, что чистилище ставитъ на первомъ планѣ цѣль, которую достигаетъ самый гнѣвъ, а не форму». Каннегиссеръ.

118—120. «Здѣсь, въ первомъ и, стало быть, самомъ обширномъ кругу, очищаются отъ грѣха своего высокомерные тѣмъ, что, низко придавленные къ землѣ тяжкими грузами, обходятъ вокругъ горы. Какъ въ жизни они ходили, не чувствуя бремени своего недостатка, съ высоко поднятой головой, такъ идутъ они теперь подъ гнетомъ этой тяжести, смиренно пригнутые къ землѣ, и только теперь узнаютъ, чего стоитъ каждое человѣческое преимущество и возникающая изъ него слава, и какъ шатко основаніе, на которомъ зиждется человѣческая гордость.—Что Данте не могъ тотчасъ издали признать въ согбенныхъ вида человѣческаго, объясняется этимъ приниженнымъ къ землѣ положеніемъ ихъ». Штрекфуссъ.

121—123. «Воззваніе поэта къ людямъ, съ напоминаніемъ, чтобы они въ своемъ земномъ, не вполне развитомъ, даже въ нѣкоторомъ смыслѣ противо-

рѣчащемъ истинному творческому закону, состояніи души своей не принимали себя за нѣчто особенно важное и чрезъ то не впадали въ высокомеріе, столь жестоко здѣсь наказуемое». Ноттеръ.

124—126. «Человѣку опредѣлено въ этой жизни иль земного червя («Человѣкъ, который есть червь, и сынъ человѣческой, который есть моль». Іовъ XXV, 6) стать бабочкой небесной; его земное состояніе похоже на недоконченное развитіе бабочки въ коконѣ, даже въ нѣкоторомъ отношеніи на неудавшееся образованіе,—въ томъ именно отношеніи, что вслѣдствіе первороднаго грѣха природа наша утратила свое первоначальное достоинство; и при такомъ неразвитомъ состояніи мы еще гордимся!» Филалетъ.

130—134. Такъ-называемыя каріатиды.

139. «Муки чистилища не составляютъ, какъ муки ада, продолженія внутренняго состоянія грѣшника на землѣ, но онѣ скорѣе представляютъ его противоположность, чрезъ что онѣ именно и получаютъ значеніе эпитиміи и очищенія». Филалетъ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

1—3. Переложеніе Молитвы Господней «Отче нашъ» въ стихъ,—«перифразъ», говоритъ Томазо, не недостойный Данте, но все-таки не болѣе какъ перифразъ». Въ переводѣ я старался какъ можно ближе держаться итальянскаго подлинника и, гдѣ можно, удерживалъ выраженія молитвы въ славянскомъ подлинникѣ.—Молитва есть наилучшее доказательство смиренія; поэтому и молятся здѣсь высококомѣрные, а такъ какъ нѣтъ ни одной молитвы совершеннѣе той, которую Самъ Христосъ преподалъ ученикамъ Своимъ, то поэтому поэтъ и влагаетъ въ уста высококомѣрныхъ не иную, а именно эту молитву съ небольшими, частью распространяющими и объясняющими, частью вызванными потребностью стиха измѣненіями». Каннегиссеръ.

2. Въ подлинникѣ: *Non circoscritto, ma per più amore*, намекъ на изреченіе: «Небо и небо небесъ не вмѣщаютъ Тебя» (III Кн. Царствъ VIII, 27), также «*Deus nullo corporali loco clauditur*». Тома Акв. *Sum. Theol.* p. I, 2. qu. CII. art. 4.—Сличи также Рая XIV, 30: «*Non circoscritto e tutto circoscrive*». «II на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняй неописанный». Тропарь на св. Пасху.

3. «Первый сонмъ» (въ подлинникѣ: *primi effetti*). «Первый сонмъ, или первая созданія творческой силы Господней суть духи и небеса, жилище блаженныхъ, созданные прежде человѣка. Богъ находится повсюду; но къ его собственной духовной сущности приближены лишь одни существа болѣе совершенныя, помѣщающіяся, по ученію Данте, въ самомъ высшемъ небѣ свѣта, въ свободномъ эмпиреѣ (Рая XXXIII). Такимъ образомъ, ничѣмъ неописанный и неограниченный Богъ простираетъ свое отдаленнѣйшее дѣйствіе и на Люцифера помѣщеннаго, какъ виновника зла, въ тѣснотѣ земли. Слѣдовательно, все находится въ Богѣ, какъ доброе, такъ и злое». Копишъ.

4—6. Въ этой терцинѣ обозначаются три лица св. Троицы: сила или всемогущество означаетъ Бога Отца, имя—Бога Сына и дыханіе—Бога Духа Св. (Ада III, 5—6). Въ тѣсномъ смыслѣ дыханіе можетъ означать и вообще премудрость Божію, и употреблено здѣсь въ ветхозавѣтномъ смыслѣ: «Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе силы Вседержителя». Премудр. Сол. м. VII, 25.

7—9. «Данте самъ старался найти когда-то удовлетвореніе души своей въ тревоженіяхъ житейскихъ, но не могъ найти тамъ Божьяго мира». Ноттеръ.

13—15. «Души молятся здѣсь лишь за себя самихъ, а не такъ, какъ въ стихѣ 19, и за живущихъ; поэтому, испрашивая себѣ хлѣбъ насущный, или, какъ въ подлинникѣ поэтично сказано: «манну», они просятъ себѣ не земного хлѣба, а укрѣпленія и просвѣщенія своей души съ неба, безъ чего одинъ разумъ ведетъ лишь вспять, а не впередъ». Штрекфуссъ. — «Небесный хлѣбъ есть божественное ученіе, сходящее свыше, слово Божіе, олицетворенное въ хлѣбѣ Тайной Вечери (Чистилища XII, 98 и слѣд.)» Копишь.

22—24. Находясь въ чистилищѣ, души не могутъ уже отпасть отъ Бога, почему и искушеніе не можетъ повредить имъ (потому въ стихѣ 21 онѣ не говорятъ: избави насъ, но просто: избави), какъ людямъ и душамъ, находящимся еще внѣ чистилища и охраняемымъ тамъ отъ искушеній ангелами (Чистилища VIII, 98 и слѣд.). Слѣдовательно, это послѣднее прошеніе онѣ обращаютъ къ Богу, не ради себя, но ради живущихъ на землѣ, и тѣмъ самымъ обнаруживаютъ въ себѣ наиболѣе смиренія.

26—27. Здѣсь выражены величина и продолжительность ношенія тяжести, коими угнетены души. Во снѣ намъ нерѣдко представляется противоестественное и невозможное, также чувство сильной угнетающей насъ тяжести, извѣстной подъ именемъ кошмара.

30. Т. е. грѣхъ и въ частности прегрѣшенія гордости.

33. Т. е. души въ чистилищѣ могутъ лишь молиться за живыхъ, живые же могутъ помочь очищающимся какъ молитвами, такъ и дѣлами. «Ista tria — Eucharistia, eleemosyna et oratio — ponuntur quasi praecipua mortuorum subsidia; quamvis quaecumque alia bona quae ex charitate fiunt pro defunctis, eis valere credenda sint». Тома Акв. Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXI, art. 9.

37. Слова эти говоритъ Virgilій, какъ прямо сказано ниже въ стихѣ 46 и слѣд.

37—39. Смысль тотъ: да сократитъ срокъ вашихъ очистительныхъ мученій правосудіе и милосердіе Божіе. «Во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ, говоритъ Тома Аквинскій, проявляется Его правосудіе и милосердіе, и если состраданіе Божіе имѣетъ участіе и при осужденіи грѣшниковъ (ибо оно наказуетъ ихъ всегда менѣе, нежели сколько они заслуживаютъ), то правосудіе Его тѣмъ болѣе является при освобожденіи душъ изъ чистилища». Vol. I, quaest. 21, art. IV.

40. «Здѣсь нельзя не замѣтить, что Virgilій, который въ аду самъ всегда рѣшалъ всѣ вопросы, здѣсь, въ чистилищѣ, постоянно освѣдомляется о дорогѣ у тѣней. Разумъ можетъ узнать грѣхъ, какъ таковой, онъ можетъ и долженъ сопутствовать на пути къ очищенію. Но на этомъ пути онъ самъ по себѣ не вѣрный вождь; только одна вѣра безошибочно ведетъ насъ къ духовному и нравственному усовершенствованію». Штрекфуссъ.

46—47. Т. е. моему вождю, Virgilію.

47. Потому что тѣни придавлены камнями къ землѣ.

49. По берегу, т. е. по уступу, или по краю уступа, окружающаго гору. Тѣни идутъ слѣва, почему поэты, чтобы идти вмѣстѣ съ ними, должны идти направо.

58. Латинянинъ, т. е. итальянецъ.

67. Объ этомъ Омберто (Гумбертъ), равно и объ отцѣ его Гюльельмо (стихъ 59), мало извѣстно. Оба графа Альдобрандески принадлежали къ фамиліи Сантафіоре (Чистилища VI, 111 и примѣч.) и постоянно находились во враждѣ съ софѣдней республикой Сьенской. Въ 1259 г. Омберто, сынъ Гюльельма (или Великаго Тосканца, Gran Tosco, какъ сказано въ подлинникѣ), былъ умерщвленъ (задушенъ) недалеко отъ Сьены въ замкѣ своемъ Кампаньятико (въ долинѣ р. Омбронѣ, въ Мареммѣ). По нѣкоторымъ сказаніямъ, убійцами его были перодѣтые монахами сьенскіе патриціи. Филалетъ и Скартаццини.

63. «Общую намъ мать», т. е. землю. «Много трудовъ предназначено каждому человѣку, и тяжело иго на сынахъ Адама, со дня исхода изъ чрева матери ихъ до дня возвращенія къ матери всѣхъ». Премудр. Ис. сына Сирахова, XI, 1.

79. Одеризи (въ переводѣ Одеризи для ризмы) изъ Агуббіо или Агоббіо (нынѣ Губбіо), города изъ герцогства Урбино, былъ знаменитый во времена Данте миниатюрный живописецъ, много работавшій для папской бібліотеки. Вазари говоритъ о немъ, въ своей жизни Джьотто, слѣдующее: «Въ то время жилъ въ Римѣ близкій пріятель Джьотто,—чтобы не умолчать ничего, что въ отношеніи искусства достойно упоминанія,—Одеризи изъ Агуббіо, отличный миниатюристъ своего времени».—Бенвенуто да Имола говоритъ, что онъ работалъ въ Болоньѣ и очень гордился своимъ искусствомъ.

81. Миниатюрная живопись называется по-итальянски *miniare* (отъ слова *miniо*, красная краска, сурикъ), по-французски *enluminer*.

83. Франко изъ Болоньи. О немъ говоритъ Вазари слѣдующее: «Гораздо лучшимъ мастеромъ, чѣмъ Одеризи изъ Агуббіо, былъ Франко изъ Болоньи, миниатюристъ, производившій для того же папы (Бонифація VIII) въ той же бібліотекѣ и въ то же самое время много очень хорошихъ работъ». Нѣкоторые полагаютъ (впрочемъ ошибочно), что Франко былъ ученикомъ Одеризи умершаго въ 1300 году; Франко жилъ еще 13 лѣтъ послѣ него.

85—87. «Не безъ намѣренія выставить здѣсь Данте такого незначительнаго живописца, какъ Одеризи, примѣромъ высокоумѣренной самоувѣренности и гордости, заставляя его считать свои маленькія картинки за что-то необычайно важное, могущее упрочить ему видное мѣсто между людьми». Ноттеръ.

91—93. «О, тщетная слава человѣческаго гения! какъ кратковременны твои зелень и цвѣтъ, если только не наступитъ время невѣжества и отсутствія талантовъ! Поэтъ хочетъ сказать, что слава первыхъ художниковъ помрачается послѣдующими: такъ славу Одеризи помрачилъ Франко, славу Чимабуэ—Джьотто». Фратичелли.

94. Чимабуэ Джьованни (1240—1300 г.), изъ знатной флорентинской фамиліи, былъ въ теченіе своей жизни первымъ живописцемъ во Флоренціи, что доказывалось не только этимъ мѣстомъ у Данте, но и примѣчаніемъ къ нему древнѣйшаго комментатора Божественной Комедіи, Оттимо Комменто, гдѣ говорится: «nella città di Firenze pintore ne tempi del' autore nobile molto, ch' uomo sapesse». Онъ, кажется, одинъ изъ первыхъ сталъ освобождаться отъ вліянія суроваго византійскаго стиля; ему впрочемъ недоставало знанія перспективы. Но Оттимо Комменто, онъ имѣлъ характеръ гордый и гнѣвный. —На могилѣ его въ Санта Марія дель Фиоре (*Diomo*) находилась, по Вазари, слѣдующая надпись, которая, какъ полагаютъ (по сходству съ цитируемымъ мѣстомъ Чистиллища), сочинена Данте:

Credidit ut Cimabos picturae castra tenere,
Sic tenuit vivus, nunc tenet astra poli.

95. «Джьотто», также флорентинецъ, современникъ и другъ Данте, ученикъ Чимабуэ, затмившій славу своего учителя. Онъ родился, по однимъ, въ 1276 г., по другимъ, въ 1265 (въ одинъ годъ съ Данте) въ Веспиньяно, около Флоренціи, гдѣ пасъ въ дѣтствѣ овецъ. Здѣсь, какъ говорятъ, Чимабуэ нашелъ его рисующаго на каменной плитѣ овцу. Замѣтивъ въ немъ талантъ, онъ взялъ Джьотто къ себѣ въ ученики. Вскорѣ слава Джьотте распространилась по всей Италиі; онъ работалъ въ Римѣ, Ассизи, Неаполѣ, Пизѣ и Падуѣ. Папа Бенедиктъ XI и Робертъ, король неаполитанскій, были его покровителями. Ва-

зари говорить: «Fu Giotto amico grandissimo di Dante; e il ritrasse nella cappella del palagio del Podestà di Firenze». Портретъ этотъ найденъ въ 1840 г. по снятiи съ этой цѣлю известки съ фресокъ на стѣнахъ кладовой тюрьмы, бывшей нѣкогда капеллой дворца подесты во Флоренціи. Джьотто рѣшительно отвергъ, какъ образцы, старинные типы греческой живописи. Его фигуры отличаются мягкостью, граціей и выразительностью, также естественностью драпировки ихъ одеждъ. Нѣкоторыя изъ его картинъ вызывали удивленіе даже Рафаэля и Микель-Анджело. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ великій архитекторъ, безсмертнымъ памятникомъ чему служитъ его величественная *Campanile* флорентинскаго собора. Онъ пережилъ друга своего Данте, — умеръ въ 1336 году (60-ти лѣтъ отъ роду).

97. «Данте живописи приравниваетъ и поэзію: и здѣсь одинъ превосходитъ другого, послѣдующій поэтъ—предшествовавшаго; слѣдовательно, и здѣсь мы должны учиться смиренію и скромности». Каннегиссеръ.—«Почета въ поэзіи» (въ подлинникѣ: *La gloria della lingua*)—собственно въ итальянской, на ходившейся въ началѣ періода своего развитія; въ ту пору на итальянскомъ языкѣ еще мало писали.

98. «Какихъ двухъ Гвидо разумѣетъ здѣсь Данте,—о томъ не всѣ комментаторы согласны между собою; большинство однакожь видятъ здѣсь Гвидо Кавальканти (Ада X, Примѣч. къ 53; 63) и Гвидо Гвиничелли (Чистилища XXVI 92 и слѣд.) и объясняютъ это мѣсто такъ: Гвидо Кавальканти, философъ и поэтъ флорентинскій, затемнятъ славу Гвидо Гвиничелли болонскаго. Другіе подъ первымъ Гвидо разумѣютъ Кавальканти, подъ вторымъ—Guido il Guidice Guido delle Colonne; наконецъ третій (къ которымъ принадлежитъ Филалетъ) разумѣютъ подъ однимъ Гвиничелли, подъ другимъ—Гвиттоне д'Ареццо (Чистилища XXIV, 56 и XXVI, 124), что, однако, противорѣчитъ тому мнѣнію, какое высказано Данте объ этомъ послѣднемъ поэтѣ въ указанныхъ мѣстахъ Чистилища. Дѣйствительно, Гвидо Кавальканти былъ первый итальянскій поэтъ, заслуживающій имени поэта; въ его стихахъ съ нѣжнымъ изяществомъ лучшихъ трубадуровъ столько естественности и простоты, что они наполняютъ душу владостнымъ чувствомъ. Эти обстоятельства и авторитетъ всѣхъ древнихъ комментаторовъ слишкомъ ясно говорятъ въ пользу общепринятаго толкованія этого мѣста. Гвиничелли умеръ въ 1276 г., Кавальканти—въ 1301». Скартаццини.

99. И относительно этого стиха толкователи несогласны между собой: по однимъ, и притомъ по большинству, Данте говорить здѣсь о самомъ себѣ, какъ о будущемъ помрачителѣ славы обоихъ Гвидо; другіе думаютъ, что Данте говорить здѣсь вообще о непрочности человѣческой славы. И это послѣднее мнѣніе, повидимому, самое вѣрное: иначе было бы очень странно, чтобы не сказать болѣе, что поэтъ такъ высоко выставляетъ себя и притомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ представляетъ намъ примѣры смиренія, гдѣ изображаетъ наказаніе гордости и проповѣдуетъ о смиреніи. Этому послѣдняго мнѣнія держится и знаменитый американскій переводчикъ Данте, поэтъ Лонгфелло.

103—105. Конструкція этой терцины нѣсколько темна въ подлинникѣ. Данте хочетъ сказать: будемъ ли мы славны черезъ то, что умремъ въ старости или въ дѣтскомъ возрастѣ, прежде чѣмъ начнемъ лепетать первыя слова: папа, мама (въ подлинникѣ: *il pappe, — хлѣбъ, папа, и dindi — деньги на дѣтскомъ языкѣ*), или, другими словами,—умремъ ли мы стариками, или безсловесными дѣтьми,—будетъ ли какая разница относительно нашей славы черезъ тысячу лѣтъ? А тысяча лѣтъ въ сравненіи съ вѣчностью гораздо короче, чѣмъ мновенье вѣкъ нашихъ въ сравненіи съ движеніемъ того небснаго круга, который вращается всего медленнѣе. Кругъ же, всего медленнѣе вращающійся въ

небѣ, есть кругъ неподвижныхъ звѣздъ, который, по Птоломею, совершаетъ свой оборотъ въ 36,000 лѣтъ. Слѣдовательно, слава наша преходяща и кратко-временна, какъ говоритъ Тацитъ: «quem illum tanta superbia esse, ut aeternitatem nominis spe praesumat?» Бруноне Біанки. По другимъ: «Данте разумѣетъ здѣсь то медленное движеніе неподвижныхъ звѣздъ, которое извѣстно въ астрономіи подъ именемъ передвиженія равноденствія. При этомъ звѣзды, по мнѣнію Данте, высказанному въ его *Convivio*, подвигаются на 1° впередъ въ 100 лѣтъ, а по новѣйшимъ вычисленіямъ—въ 72 года». Штрекфуссъ.

109—114. Тотъ, о комъ здѣсь говорятъ и который на вопросъ Данте прямо поименованъ въ стихѣ 121, есть нѣкто Провенцано Сальвани изъ Сьены (біографическія о немъ свѣдѣнія у Филалета). Сильный поборникъ гибеллинской партіи, онъ прославился какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ. Онъ стоялъ во главѣ правительства въ Сьенѣ, когда флорентинскіе гвельфы были разбиты при Монтаперти (4-го сентября 1260 г.),—«*Superbissima persona e uomo di grande affare*», говоритъ Ландино. Съ паденіемъ Манфреда могущество гибеллиновъ пало, и Флоренція опять перешла въ руки гвельфовъ (1267 г.). Въ 1269 году онъ опять стоялъ во главѣ правительства, когда сьенцы были на голову разбиты флорентинскими гвельфами при Колле ди Вальдельза, въ отмщеніе за Монтаперти, при чемъ «Сальвани былъ взятъ въ плѣнъ; ему отрубили голову и, воткнувъ на пику, носили по всему непріятельскому лагерю. Этимъ вполне оправдалось предсказаніе, полученное имъ отъ дьявола путемъ волхвованія, и превратно имъ понятое»,—прибавляетъ Виллани,—«ибо дьяволъ, вынужденный отвѣчать, что случится съ нимъ въ эту кампанію, коварно отвѣчалъ: «*Anderai e combatterai, vincerai po, morrai alla battaglia, e la tua testa fia la più alta del campo*»,— слова, понятыя Сальвани въ томъ смыслѣ, что онъ останется побѣдителемъ въ битвѣ. Виллани lib. VII, с. 31.—«Вступивъ въ управленіе городомъ Сьеной, гвельфы въ томъ же году разрушили всѣ дома и уничтожили всякое воспоминаніе о Сальвани». Акваронъ. *Dante in Siena*, pag. 112—123.

115—117. Т.-е. солнце, которое вызываетъ теплотой своей молодую травку и ею же сушить и обезцвѣчиваетъ ее. Точно такъ и время, рождающее славу и снова ее уничтожающее.—«Всякая плоть—трава, и вся красота ея, какъ цвѣтъ полевой». Исаи XL, 6; также: Премудр. Ис. с. Сирах. XIV, 18.

125. Въ подлинникѣ: «Такой монетой платятъ здѣсь».—«Ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта». Матѣ. V, 26.

127—131. Данте знаетъ, что Провенцанъ Сальвани умеръ слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ и до смертнаго одра медлилъ принести покаяніе въ грѣхахъ своихъ; съ другой стороны, Данте слышалъ отъ Белагвы (Чистилища IV, 127—131), что души, отлагающія свое покаяніе до послѣдней минуты жизни, должны оставаться въ преддверіи чистилища и, если имъ не помогутъ молитвы за нихъ добрыхъ сердецъ, допускаются въ истинное чистилище не прежде, какъ исполнится срокъ, равный тому, какой онѣ прожили на свѣтѣ; поэтому—спрашиваетъ Данте—какъ же былъ впущенъ Сальвани въ первый кругъ чистилища тотчасъ послѣ смерти, такъ какъ онъ здѣсь носитъ грузъ свой со дня кончины? (стихъ 124).

133—138. «Этотъ другъ Сальвани назывался, по словамъ Бути, Винья или Винья. Здѣсь намекается на слѣдующій фактъ, записанный у Ландино. «Король Карлъ Анжуйскій заключилъ въ тюрьму друга Сальвани и наложилъ на него пеню въ 10,000 золотыхъ флориновъ, которые онъ обязанъ былъ выплатить въ теченіе мѣсяца; въ противномъ случаѣ грозилъ ему смертной казнью. Вѣсть объ этомъ пришла къ мессеру Провенцану, который, страшась за жизнь друга, велѣлъ поставить скамью на коврѣ посреди площади въ Сьенѣ, сѣлъ

на нее и униженно умолялъ съенцевъ, не помогутъ ли они ему въ этой нуждѣ посильнымъ взносомъ денегъ, не принуждая къ тому никого, но смиренно прося у нихъ помощи. Съенцы, видя своего повелителя, обыкновенно столь надменнаго, а теперь униженно просящаго, сжалились надъ нимъ, и каждый, по мѣрѣ средствъ своихъ, подалъ ему помощь. Король Карлъ получилъ 10,000 флориновъ, и плѣнникъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы столь нечистаго короля». Скартаццини. — Легко понять, какъ такой смиренный поступокъ долженъ былъ вволновать кровь (въ подлинникѣ: *Si condusse a tremar per ogni vena*) въ груди надменнаго Сальвани. Этотъ рассказъ помѣщенъ у Оттимо и въ *Apologo Fiorentino* и у другихъ комментаторовъ. Винея или Винья сражался за Конрадина Гогенштауфена противъ Карла I Анжуйскаго и взятъ въ плѣнъ въ несчастномъ сраженіи при Тагліаскоццо.

139—141. «Пророческій намекъ на то, что Данте самъ вскорѣ очутится въ такомъ же положеніи, какъ и Провенцанъ, т.-е. въ горькой необходимости вымаливать у друзей и благодѣтелей милостыню для поддержанія себя въ изгнаніи». Каннегиссеръ. — «Твой народъ (въ подлинникѣ: *i tuoi vicini*,—сосѣди) не поступитъ такъ, какъ Провенцанъ Сальвани, когда взносомъ наложенной на тебя денежной пени можно было бы возвратитъ тебя изъ изгнанія». К. Витте.

142. Т.-е. этотъ поступокъ (тутъ Одеризи отвѣчаетъ на предложенный ему Данте вопросъ) освободилъ Сальвани отъ обязанности пребыть много лѣтъ въ преддверіи чистилища. «Слѣдовательно, не однѣ только молитвы по усопшимъ, но и ихъ собственныя добрыя дѣла могутъ, повидимому, сократить срокъ пребыванія передъ вратами чистилища, особенно, если эти дѣла находятся въ прямой противоположности съ главнымъ грѣхомъ очищающихся усопшихъ». Ноттеръ. — «Сколько ты великъ, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа». Премудр. Ис. с. Сирах. III. 18.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

1—2. Данте вмѣстѣ съ Одеризи идетъ ровнымъ шагомъ и съ склоненной къ землѣ головой, какъ кающійся въ грѣхѣ гордости, подъ однимъ и тѣмъ же ярмомъ высокомерія. Сравнивая себя съ воломъ, идущимъ подъ ярмомъ, поэтъ желаетъ показать укрощеніе гордости своего сердца: «Человѣкъ, скорбящій о великости бѣдствія, который ходитъ поникши и уныло, и глаза потусклые, и душа алчущая воздадутъ славу и правду Тебѣ, Господи!». Варухъ II, 18.—Подобное сравненіе встрѣчается въ Иліадѣ Гомера (XIII, 703—707, перев. Гнѣдича):

Такъ плуговыя вола по глубокому пару степному,
Черныя, крѣпостью равныя, плугъ многосложный волочатъ;
Поть при корняхъ ихъ роговъ пробивается крупный, но дружно
Оба, единымъ блестящимъ ярмомъ едва раздѣляясь,
Дружно идутъ полосой и земли глубину раздиряютъ.

3. Данте смиренно уподобляетъ себя ребенку, къ которому приставленъ дядька—пѣстунъ. — «Законъ былъ для насъ дѣтководителемъ къ Христу, дабы намъ оправдаться вѣрою». Посл. къ Галат. III, 24.

4—5. «Съ латинскаго: *Velis remisque contendere*, т.-е. здѣсь каждый долженъ напрягать всѣ свои силы въ пути къ нравственному усовершенствованію». Скартаццини.

8—9. Т.-е. тѣло выпрямилось, но духъ мой, приниженный зрѣлищемъ казни гордыхъ, не только наставленіями Одеризи, не послѣдовалъ его примѣру. Изъ Чистилища XIII, 136—138, увидимъ, что кругъ этотъ особенно озабочиваетъ Данте, сознающаго въ своей совѣсти склонность къ гордости.

11—12. Т.-е. мы не были обременены тяжестями, какъ души горделивыхъ, и потому легко и скоро обогнали ихъ въ пути. По Коппишу, они легки отъ ревности къ усовершенствованію.

16—18. «Здѣсь разумѣются надгробныя плиты въ полу притворовъ католическихъ церквей, въ отличіе отъ тѣхъ гробницъ, которыя устраиваются стоямя вдоль церковныхъ стѣнъ». Лонгфелло.

21. «Скорбь воспоминавія о милыхъ усопшихъ, оживляемая какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ поводомъ, терзаетъ (въ подлинникѣ—подстрекаетъ):

da delle calcagne) однихъ только благочестивыхъ людей на пути къ облагороженію». Штрекфуссъ.

24. «Изображенія благодатнаго смиренія представлены въ стоячемъ положеніи по бокамъ утеса; изображенія повергнутаго высококомѣрія помѣщены на пути, по которому идутъ высококомѣрные—по весьма понятной причинѣ (сличи стихи 70—72): эти картины должны склонять взоры высококомѣрныхъ книзу, слѣдовательно, побуждать ихъ къ смиренію». Штрекфуссъ.

25—63. Мною удержано искусственное строеніе терцинъ, начиная отъ этого стиха до 63-го. Четыре первыя терцины начинаются всѣ словами: «Я зрѣлъ» (въ подлинникѣ: *Vedeo*); слѣдующія четыре—восклицаніемъ: «О!»; третьи четыре—словомъ: «Являлъ»; затѣмъ слѣдуетъ терцина, въ которой повторены всѣ эти слова. — «Въ этихъ изображеніяхъ представлено наказаніе, которому подвергаются гордые еще на землѣ, при чемъ мифологія смѣшана поэтомъ съ истинной, такъ какъ, въ глазахъ Данте, мифологія — символъ и остатки исторіи». Фра-тичелли.

25—28. Люциферъ или Сатана, свергнутый съ неба за гордость свою (Ада XXXIV, 17 и слѣд.). Онъ сотворенъ благороднѣйшимъ между всѣми прочими ангелами. (Ада XXXIV, примѣч. 17, 18 и 35). Тома Аквинскій (*Sum. Theol. P. I, qu. LXIII, art. 7*) приводитъ слова Св. Григорія: «*Primus Angelus qui recessit, dum cunctis agminibus Angelorum praelatus eorum claritatem transcenderet, ex eorum comparatione clarior fuit*».

25. «Съ одной руки», т.-е. съ одной стороны дороги, по которой идутъ поэты «Съ другой руки» (стихъ 28), наупротивъ Люцифера изображенъ Бриарей. Первый представленъ падающимъ, какъ молнія, по слову евангелія: «Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнію». Лука X, 18.—Сличи Ада XXXIV, примѣч. къ 17 и 18.

28. Бриарей — «одинъ изъ сторукихъ гигантовъ греческой мифологіи, сражавшійся за боговъ въ войнѣ ихъ противъ титановъ; онъ поражалъ враговъ обломками скалъ. Данте, повидимому, ошибочно смѣшиваетъ его съ титанами, имъ побѣжденными» (Ада XXXI, 44—45). Штрекфуссъ.

31—33. Аполлонъ, Минерва (Паллада) и Марсъ изображены въ тотъ моментъ, когда были побѣждены гиганты; всѣ трое еще во всеоружіи стоятъ вокругъ отца своего—Юпитера. Въ подлинникѣ: *Mirar le membra de' Giganti sparte*, глядятъ на разбросанные члены гигантовъ, въ подражаніе Овидію:

Пѣвалъ я плектрономъ важнымъ гигантовъ
И по Флегревскимъ полямъ побѣдныхъ молній удары.

Превращенія 1, X, ст. 150, 151.

34. «Нимвродъ», сильный ловець предъ Господомъ (Бытія X, 8 и проч.), первый царь вавилонскій, начавшій въ долинѣ Сеннаара трудъ великій (въ подлинникѣ: *gran lavoro*), т.-е. Вавилонскую башню (Бытія XI, 1—6). Онъ смотритъ на картинѣ «съ ужасомъ лица», не понимая смѣшаннаго языка своихъ народовъ (Бытія XI, 7—9). Сличи Ада XXXI, 74—81.

37. «Ніоба», дочь Тантала и Діоны, супруга Амфіона, сына Юпитера и царя ѳивскаго. Гордая своимъ богатствомъ, красотой, силою, божественнымъ происхожденіемъ, а главное—семью сыновьями и семью дочерьми, нагло издѣвалась надъ Латоной, имѣвшей лишь одного сына Аполлона и одну дочь Діану. Въ отмщеніе за свою мать, Аполлонъ убилъ мѣткими стрѣлами всѣхъ сыновей, а Діана—всѣхъ дочерей Ніобы; послѣдняя, оплакивая своихъ дѣтей, превратилась въ камень. Овидій, Превращенія 1, VI, ст. 146—312.

40. «Сауль», первый царь іудейскій. Побѣжденный филистимлянами, онъ упалъ на собственный мечъ на горахъ Гелвуйскихъ: «Тогда Сауль взялъ мечъ свой и палъ на него». I Кн. Царствъ XXXI, 4; I Паралип. X, 4.

42. Узнавъ о смерти Саула и его сыновей, Давидъ воскликнулъ: «Горы Гелвуйскія! (да не сойдесть) ни роса, ни дождь на васъ. и да не будетъ на васъ полей съ плодами» II Кн. Царствъ I, 21. Данте, повидимому, полагаетъ, что это восклицаніе Давида сбылось на дѣлѣ, чего не говоритъ Библия.

43. «Арахна»—въ Лидіи, дочь Идмона, красильщика города Колофона, знаменитая ткачиха, наученная этому искусству самой Палладой, дерзнула вызвать на состязаніе въ этомъ искусствѣ свою учительницу и соткала удивительную ткань съ изображеніемъ любовныхъ похожденій боговъ. Разгнѣванная этимъ Паллада разорвала ткань въ клочки; Арахна въ отчаяніи повѣсилась и была превращена въ паука. Здѣсь Арахна изображена въ моментъ ея превращенія.

46. «Ровоамъ», сынъ Соломоновъ, подавшій поводъ своимъ высокоуміемъ къ распаденію евреевъ на два царства: Іудейское и Израильское (десять колѣнъ). Когда Іеровоамъ и все собраніе Израиля въ Сихемѣ просили его: «Отецъ твой наложилъ на насъ тяжкое иго, ты же облегчи насъ»,—Ровоамъ отвѣчалъ имъ: «Если отецъ мой обременялъ васъ тяжкимъ игомъ, то я увеличу иго ваше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами». III Кн. Царствъ XII, 10, 14.—Тогда Израиль отошелъ отъ него и побилъ камнями его посланнаго; царь же Ровоамъ «поспѣшно взошелъ на колесницу, чтобы убѣжать въ Іерусалимъ». III Кн. Царствъ XII, 18.

49. «Помость», т. е. мраморный, покрытый изваяніями путь, по которому идетъ Данте.

50. «Алкмеонъ», сынъ ѳивскаго прорицателя Амфіарая (Ада XX, 34) и Эрифилы. Какъ прорицатель, Амфіарай зналъ, что погибнетъ въ ѳивской войнѣ, если приметъ въ ней участіе, и потому спрятался въ мѣстѣ, извѣстномъ лишь одной женѣ его Эрифилѣ. Полинникъ, сынъ Эдипа, соблазнилъ ее роковымъ ожерельемъ (приготовленнымъ Вулканомъ со свойствомъ приносить несчастье тѣмъ, кто его носитъ)—и чрезъ то узналъ, гдѣ скрывается Амфіарай, который былъ такимъ образомъ вынужденъ принять съ Эпигонами участіе въ осадѣ ѳивъ. Узнавъ объ этомъ поступкѣ Эрифилы, Алкмеонъ, побуждаемый своимъ отцомъ, умертвилъ свою мать.

53. «Сеннахеримъ»—надменный царь ассирійскій, пошедшій войной на благочестиваго іудейскаго царя Езекию и высокоумно издѣвавшійся надъ Богомъ Израилевымъ. Но Езекиа смиренно помолился Господу, и Богъ послалъ ночью своего ангела въ станъ Сеннахерима; и ангель умертвилъ 185 тысячъ ассиріанъ; Сеннахеримъ же со срамомъ возвратился въ Ниневію и вскорѣ былъ умерщвленъ въ храмѣ сыновьями своими Адремелехомъ и Шарецеромъ въ то время, когда молился богу своему Нисроху. 4 кн. Царствъ XIX, 8—37; II Паралеп. XXXII, 1—21; Исаиин XXXVI, 1—XXXVII, 38.

55. Киръ—царь персидскій, послѣ долгаго счастливаго царствованія, былъ совершенно разбитъ и потерялъ жизнь въ войнѣ со скинскимъ народомъ массагетами. Когда принесли его трупъ къ царицѣ Томирѣ (Tomiris), она велѣла отрубить голову Киру и, бросивъ ее въ яму, наполненную кровью, сказала: «Упейся кровью» которой не могъ упиться: слова историка Юстина, у котораго Данте заимствоваль это сказаніе (I, 8).

58. «Когда бывшіе въ шатрахъ услышали о томъ, что случилось, то смутились, и напалъ на нихъ страхъ и трепеть, и ни одинъ изъ нихъ не остался въ глазахъ ближняго, но все они, бросившись, бѣжали по всеѣмъ дорогамъ равнины и нагорной страны». Кн. Іудіин XV, 1—2.

61—69. По толкованію Веллутелло, Вентури, Біаджіоли, Троя была область, Иліонъ—собственно городъ Троянской области; но, кажется, вѣрнѣе подъ именемъ Трои разумѣть городъ, а подъ именемъ Иліона—крѣпость или акрополь Трои (Сличч Ада XXX, 14).

63. О значеніи всѣхъ этихъ изображеній смотри содержаніе къ этой пѣсни. Въ стихѣ 63 Данте имѣлъ въ виду Виргилія:

Ceciditque superbum Ilium.

Аен. III, 2, 3.

Сличч Ада I, 75.

64—67. «Здѣсь слѣдуетъ разумѣть не живопись и даже не сочетаніе живописи со скульптурой. На помостѣ (стихъ 49) или дорогѣ, по которой идутъ поэты, писанныя картины, очевидно, были бы невозможны. Всего скорѣе здѣсь можно представить такъ называемыя *intarsiato* или *scagliola* (пластинки съ выжженными красками), или *sgraffiato* новѣйшихъ художниковъ, гдѣ болѣе темныя мѣста, выступая изъ другихъ, болѣе свѣтлыхъ массъ, образуютъ рисунокъ». Каннингссеръ.

70. «Вслѣдъ за наказаніемъ въ чистилищѣ всегда слѣдуетъ обращеніе къ людямъ съ указаніемъ на исправляющее свойство этихъ казней, на ихъ значеніе, какъ искуса. Здѣсь особенно глубокомысленно то, что взгляды высокомерныхъ, склоняющійся къ этимъ примѣрамъ наказанной гордости, понуждаютъ эти гордыя души преклонять свои головы». Филалетъ.

76. Т. е. Виргилій.

77—78. Подражаніе Виргилію:

Non hoc ista sibi tempus spectacula poscit.

Аен. I. VI, y. 37.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Данте имѣлъ здѣсь въ виду евангельскія слова «Восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавленіе ваше». Лук. XXI, 28.—До сихъ поръ Данте шелъ съ наклоненной головой.

79. «Карнизы или круги Дантова чистилища всѣ разграничены между собой отвѣсной утесистой стѣной и сообщаются одинъ съ другимъ посредствомъ весьма трудной для подъема узкой лѣстницы, просѣченной въ скалѣ. У первой, или нижней, ступеньки этой лѣстницы всегда стоитъ ангелъ, снимающій знаки грѣха съ восходящихъ на гору. Такихъ ангеловъ семь; каждый изъ нихъ имѣетъ свой особенный признакъ, отличающій его отъ прочихъ ангеловъ. Они не носятъ особыхъ именъ, какъ ангелы у Мильтона и Клопштокса, но отличаются другъ отъ друга главнымъ образомъ тѣми евангельскими словами, которыя звучатъ у нихъ изъ устъ, а также различнымъ свѣтомъ, которымъ они одѣваются. Всѣ они покоятъ евангельскія блаженства, и притомъ каждый поетъ свое специальное блаженство, смотря по тому, какой грѣхъ очищается въ томъ кругу, къ коему приставленъ ангелъ». Перецъ, *Sette Cerchi*, по цитатѣ Скартаццини.

81. «Раба шестая» (*ancella sesta*), т. е. шестой часъ солнца. «Данте называетъ часы рабынями при колесницѣ солнца, а стало быть и дня, который родится и умираетъ вмѣстѣ съ солнцемъ».

Горамъ проворнымъ велитъ Титанъ закладывать коней.

Овидій, Превращенія II, 118.

«Въ равноденствіе день имѣеть 12 часовъ; Данте совершаетъ свое странствованіе въ равноденствіе, такъ что если шестой часъ окончили свое служеніе, то значить теперь полдень уже прошелъ,—поэты оставались въ этомъ кругу около трехъ часовъ». Скартаццини.

84. «Во время благоприятное Я услышалъ тебя и въ день спасенія помогъ тебѣ». 2-е посл. къ Коринѣ. VI, 2. «Въ дѣлѣ исправленія никогда не слѣдуетъ медлить, ибо одинъ потерянный день потерянь для цѣлой вѣчности». Филалетъ.

88. «Видь его былъ какъ молнія, и одежда его была какъ снѣгъ». Матѳ. XXVIII, 3.—«Перваго ангела, котораго увидалъ Данте, онъ сравниваетъ (Чистилища II, 13) съ планетой Марса; этого—съ Венерой (утренней звѣздой)». Бенвенуто Рамбалди.—«Совершенная противоположность съ ангеломъ у вратъ чистилища, облеченнымъ въ одежды сѣро-пепельнаго цвѣта (Чистилища IX, 115) первый съ мечомъ въ рукѣ встрѣчалъ приближающихся предупредженіемъ; этотъ встрѣчаетъ ихъ съ распростертыми объятіями». Ноттеръ.

94. Намекъ на то, какъ мало очищающихся людей (Матѳ. XXII, 14).—Продолженіе рѣчи ангела (съ этимъ не всё, однако, согласны и приписываютъ эти слова поэту).—«Метафора, заимствованная изъ жизни пернатыхъ, которымъ напоръ вѣтра мѣшаетъ летѣть; вѣтеръ же здѣсь означаетъ земную алчность и гордость, пороки, которые опутываютъ насъ такъ, что мы не можемъ устремиться къ созерцанію небесныхъ благъ». Даніелло.—«Птицы только низшаго полета встрѣчаютъ помѣху въ вѣтрѣ и падаютъ при этомъ на землю». Ноттеръ.

97. «Къ скалѣ», т. е. къ каменной стѣнѣ, окружающей этотъ первый карнизъ и отдѣляющей его отъ второго круга.

98. Этимъ движеніемъ онъ снимаетъ одно изъ *P* съ чела Данте.

100—101. «Лѣстницу, просѣченную въ скалѣ и ведущую изъ перваго круга во второй, Данте сравниваетъ съ тѣми ступенями, по которымъ поднимались (въ прежнее время) къ церкви Санъ-Миніато близъ Флоренціи. Церковь эта находится недалеко отъ моста Рубаконте, называемаго теперь Мостомъ Благодарности (alle Grazie). Теперь мѣстность эта имѣеть иной видъ, а именно, отъ св. Николая дорога идетъ прямо къ Санъ-Миніато; эта проѣзжая дорога идетъ изгибами, безъ всякихъ ступеней. Слово «вправо», вѣроятно, надобно понимать такъ, что если идти отъ нынѣшней площади Питти къ Мосту Благодарности то дорога къ Санъ-Миніата будетъ направо». Филалетъ.—Мостъ Рубаконте построенъ въ 1236 г., въ честь мессера Рубаконте де Мандело, миланца, бывшаго въ то время подестой Флоренціи, вымощенной при немъ камнемъ; быть можетъ, въ то же время просѣчены сказанныя ступени въ скалѣ Санъ-Миніато.

102. «Непричастной злу» (въ подлинникѣ: *la ben guidata*—хорошо управляемая), т. е. Флоренціей, разумѣется въ ироническомъ смыслѣ (какъ и Чистилища VII, 127 и далѣе). «Данте не можетъ говорить о Флоренціи иначе, какъ клеймя съ негодованіемъ дурное управленіе и дурные нравы своего отечества». Штрекфусъ. Напротивъ, ниже (стихъ 105) мы встрѣчаемъ похвалу доброму старому времени.

106. Во времена Данте нѣкто мессеръ Никола Ачіайоли вырвалъ цѣлый листъ изъ общественной книги счетовъ, чтобы скрыть какой-то подлогъ (Рая XVI, 55). Это было незадолго до 1300 г. Другой случай: Дуранте Чермонетезе, завѣдывавшій соляными магазинами флорентинской общины, уменьшилъ казенную мѣру соли на одну *loga* (о чемъ тоже упоминается Рая XVI, 105).

110. «*Beati pauperes spiritu*»—блаженны нищіе духомъ—первое изъ восьми блаженствъ евангельскихъ (Матѳ. V, 3).—*Beati pauperes spiritu potest referri vel ad contemptum divitiarum, vel ad contemptum honorum quod fit per humili-*

tatem». Тома Ав. Sum. Theol. P. II, 2-ae, qu. LXIX, art. 3.—Въ переводѣ я вездѣ удержалъ латинскія слова и изреченія Дантовскаго текста, а такихъ изреченій нигдѣ нѣтъ такъ много, какъ въ Чистилищѣ. Большею частью это изреченія изъ Библии и Евангелія по переводу Вульгаты. Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ переводчикъ не удержалъ ихъ—всѣ переводили ихъ на свой языкъ, по крайней мѣрѣ, въ римованныхъ переводахъ; напротивъ, въ переводахъ бѣлыми стихами, напримѣръ у Копиша, Филалета и въ англійскомъ Лонгфелло, они удержаны. Я держался этого правила для того, чтобы не исказять библейскихъ текстовъ, какъ принуждены были дѣлать всѣ, переводившіе эти мѣста на свой языкъ; и кромѣ того, они, какъ мнѣ кажется, придаютъ тексту особенную важность, какъ богослужебный языкъ, чего, конечно, можно было вполне достигнуть, если бы можно было безъ искаженія употребить нашъ церковнославянскій языкъ. При этомъ, однако, надобно замѣтить, что всѣ эти латинскіе стихи должны быть въ чтеніи произносимы безъ соблюденія обыкновенныхъ въ латинскомъ языкѣ удареній, а такъ, какъ требуетъ того ритмъ русскаго стиха: точно также они читаются и у Данте въ итальянскомъ текстѣ.

116. Первое *P*, обозначающее грѣхъ гордости, исчезло въ ту минуту, когда ангелъ (стихъ 98) пахнулъ крыломъ по челу Данте. Впрочемъ, съ исчезновеніемъ этого знака почти совсѣмъ исчезли (въ подлинникѣ: поблекли —presso che stinti) сами собой остальные, оставляя по себѣ лишь слабый слѣдъ, такъ какъ всякій другой порокъ становится менѣ замѣтнымъ, а слѣдовательно въ половину сброшеннымъ, коль скоро мы очистились отъ высокомерія». Штрекфуссъ.— «Crescente una virtute crescunt omnes et habes exemplum in cithara, in qua si debet esse debita proportio sonorum, necesse est ut quando una corda tenditur, etiam omnes aliae tendantur, ne in harmonia fiat dissonantia». Бонавентура. Comp. tot. theol. verit. 1, V c. 7.

127. Сбрасываніе съ себя дурной наклонности является не въ видѣ отдѣльнаго опредѣленнаго событія, но есть результатъ созерцанія, испытанія и убѣжденія, и потому совершается мало-по-малу и незамѣтно, точно такъ, какъ ночь переходитъ сперва въ утреннія сумерки и затѣмъ уже въ ясный день. Данте поэтому не замѣчаетъ сперва, что исчезло первое *P* отъ вѣянія ангельскихъ крылъ, и не знаетъ причины, почему ему вдругъ стало такъ удивительно легко». Штрекфуссъ.— «Уничтоженіе различныхъ *P* обозначаетъ освобожденіе души отъ различныхъ земныхъ наклонностей, препятствующихъ нашему подъему къ добродѣтели; какъ скоро всѣ онѣ будутъ покорены разумомъ и тѣмъ самымъ приведутся въ гармонію, тогда добродѣтель становится не трудной для чловѣка; врожденная въ немъ искра божественная сама собою выводитъ его на правый путь». Филалетъ.—Сличн Чистилища IV, прим. къ стихамъ 88—90.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

1. Т.-е, къ верхнимъ ступенямъ той лѣстницы, которая ведетъ изъ перваго круга или карниза въ этотъ второй (Чистилища XII, 97 и примѣч.), гдѣ гора Чистилища сузилась, или, буквально, разсѣклась во второй разъ, чтобы образовать второй карнизъ или площадку, опоясывающую кругомъ гору.

5-7. Гора Чистилища заостряется кверху пирамидально; оттого въ каждомъ вышележащемъ кругу дуга окружающей его стѣны должна быть короче, круче или, говоря словами текста, должна скорѣе согнуться (*più tosto piega*).

7-8. Трудно сказать, въ какомъ смыслѣ здѣсь говорится о тѣняхъ,—въ обыкновенномъ ли значеніи, или въ смыслѣ тѣней, образуемыхъ скульптурными изваяніями. Сличь Скартаццини.

9. «Темно-желтый» (*livido*) цвѣтъ—намекъ на цвѣтъ зависти, который обыкновенно приписывается этому грѣху (стихъ 48).

10. Завистливые находятся еще далеко отъ поэтовъ, а потому естественно, что ожиданіе и разспросы у нихъ были бы напрасны.

12-13. Полдень уже прошелъ (Чистилища XII, 81 и примѣч.); остановившіеся наверху лѣстницы поэты пмѣютъ солнце съ правой руки, поэтому Виргилій поворачиваетъ направо и для того опирается на правую ногу, дѣлая ее центромъ движенія и оборачивая лѣвую часть тѣла кругомъ. Поэтъ выражается здѣсь, какъ военный, передавая словами исполненіе команды «направо кругомъ». Смотри Лонгфелло.

16-18. Сличь Чистилища VII, 43 примѣч. и Ада I, 17 и примѣч.—«Свѣтъ солнца заступаетъ здѣсь мѣсто ангела, который въ другихъ кругахъ обыкновенно возводитъ Данте на высоту». Штрекфуссъ.

20. «Онъ говоритъ: божественная благодать всегда бы озаряла насъ, если бы мы не дѣлались недостойными ея по нашимъ порокамъ и грѣхамъ». Бути.

22-24. Поэты постоянно направляются вправо и обигаютъ гору по кругу налѣво, какъ въ верхнихъ кругахъ ада (Ада XIV, 114-119 прим.).

25-27. Въмѣсто скульптурныхъ изображеній, образцовъ смиренія и высокомерія, какіе мы видѣли въ предыдущемъ кругу, здѣсь раздаются голоса какихъ-то незримыхъ силъ. Это во всякомъ случаѣ не голоса самихъ завистливыхъ, но или голоса невидимыхъ ангеловъ, или, по объясненію Ноттера, божественное проявленіе того, чего требуетъ нравственное самосознаніе, символическія

указанія на священную и свѣтскую исторію, подобно скульптурнымъ изображеніямъ въ предыдущей пѣсни.

29. «*Vinum non habent*» — «у нихъ нѣтъ вина», слова Дѣвы Маріи на брацѣ въ Канѣ Галилейской. Ев. отъ св. Іоанна II, 2. Въ этихъ словахъ выражена любящая заботливость Богоматери о брачныхъ гостяхъ, въ чемъ выказывается совершенная противоположность въ отношеніи къ свойствамъ завистливыхъ.

32. «Я, я Орестъ!» — Дружба Ореста и Пиллада вошла въ поговорку, и имя его здѣсь приведено, какъ образецъ дружества; здѣсь Данте имѣетъ въ виду слѣдующее обстоятельство: когда Пирръ захотѣлъ подвергнуть смертной казни Ореста, Пилладъ назвалъ его именемъ, но Орестъ открылся Пирру, воскликнувъ: «Я Орестъ!» Цицеронъ, «О дружбѣ» 7. — Но мнѣнію Данте, сущность зависти заключается въ недостаткѣ любви; въ этомъ восклицаніи, а еще сильнѣе въ слѣдующемъ воззваніи (стихъ 36) выставляеть онъ примѣры чистой любви, готовой на всякія жертвы за ближняго.

36. Слова Христа: Еванг. Матв. V, 41.

37-39. Т.-е. примѣры, которыми бичуется, наказуется и исправляется грѣхъ зависти, взяты изъ противоположной ей добродѣтели, именно изъ любви къ ближнему. — Гордые образумливаются и обуздываются примѣрами смиренія и наказанной гордости, представленными въ скульптурныхъ изображеніяхъ; то же достигается въ кругу завистливыхъ голосами, провозглашающими примѣры любви, и притомъ любви къ постороннимъ (Марія), къ друзьямъ (Орестъ) и къ врагамъ (слова Спасителя). Позднѣе мы услышимъ голоса, возглашающіе примѣры наказанной зависти; первые какъ бы бичи, побуждающіе идти впередъ по пути добродѣтели, вторые какъ — бы узды, удерживающія насъ отъ слѣдованія по пути ко злу». Филалетъ.

40-42. Т.-е., судя по тому, что я (Виргиліи) видѣлъ въ предыдущемъ кругу, ты услышишь обуздывающіе голоса прежде, чѣмъ подойдешь къ основанію лѣстницы, ведущей въ третій кругъ, гдѣ находится ангель, прощающій этотъ грѣхъ. Эту лѣстницу поэтъ называетъ «вратами прощенья».

49-51. Души поютъ лitanію въсѣмъ святымъ, гдѣ за именемъ Дѣвы Маріи слѣдуетъ имя архангела Михаила и св. апостола Петра.

58-60. Зависть въ жизни слѣпа къ собственному благу и бросаетъ враждебный, косою взглядъ на чужое благо. Мы встрѣчаемъ здѣсь удивительно соответствующее средство очищенія вызываемому завистью состоянію души. Тѣни, побуждаемая взаимной любовью, склоняются плечами одна къ другой, чѣмъ доказываютъ, что сдѣлали уже прогрессъ въ процессѣ очищенія и познали, что истинное благо тѣмъ болѣе даетъ счастья, чѣмъ большее число лицъ принимаетъ участіе въ немъ (Чистилища XV, 38, 39 примѣч.). Теперь онѣ прижалась къ утесу, подъ которымъ надо разумѣть вѣру въ Искупителя и пріобрѣтенную черезъ нее милость божественную». Штрекфуссъ. — Онѣ одѣты въ власяницу, въ одежду покаянія, какую носили кающіеся евреи; эта грубая матерія изъ волоса приготовлялась первоначально въ Киликіи. «Зависть, говоритъ блаж. Августинъ, есть ненависть счастья другихъ: въ отношеніи вышнихъ намъ, — зачѣмъ они не равны намъ; въ отношеніи низшихъ намъ, — изъ опасенія, чтобы они не стали равны намъ; въ отношеніи равныхъ — потому, что они равны намъ. Отъ зависти произошло паденіе міра и смерть Христа». Монтефелло.

60. «Носите бремена другъ друга». Посл. къ Галат. VI, 2.

61-63. «Прощенія дни» (*Perdoni*) т.-е. дни, когда передъ извѣстными, привилегированными церквами раздаются индульгенціи (отпущеніе грѣховъ), куда обыкновенно стекается множество нищихъ, слѣпыхъ и всякихъ калѣкъ ради

милостыни. Сравненіе это опять заимствовано изъ народной жизни католическихъ странъ.

67. «Весьма глубокомысленно и трогательно, что *Виргиліи* именно въ этомъ кругу обращается къ свѣту солнца (стихъ 16 и примѣч.), какъ къ своему вождю, и тѣмъ самымъ выставляетъ себя и своего ученика, какъ особенно благодѣянныхъ этимъ высочайшимъ истеченіемъ божества». Ноттеръ.

71—72. «Операция, на которую здѣсь намекается, называлась *cileage* (отъ *cilium*, вѣко). Цѣль ея,—лишивъ на нѣкоторое время дневного свѣта, легче укротить дикихъ соколовъ и кончиковъ (*sparvier selvaggio*, то же что *grifugno*: Ада XXII, 139 и примѣч.), особенно только что пойманныхъ, или взятыхъ изъ гнѣзда. Черезъ оба вѣка (нижнихъ) проводилась нитка и даже проволока, концы которой связывались надъ головой, удерживая вѣки поднятыми до самыхъ бровей. Императоръ Фридрихъ II весьма выхваляетъ эту мучительную операцию; *De arte venandi cum avibus*. Lib. II, cap. 53». Филалетъ.

75. Т.-е. на *Виргилію*, моего совѣтника; этимъ взглядомъ Данте спрашиваетъ у своего учителя позволеніе заговорить съ тѣнями.

76. Т.-е. онъ отгадалъ, что я хотѣлъ сказать, хотя я былъ молчалив.

78. Въ подлинникѣ: *sii breve ed arguto*; «со слѣпыми надобно говорить кратко и ясно, такъ какъ ихъ умъ менѣе развлеченъ окружающими предметами». Гратичелли.

79—81. *Виргиліи* сталъ справа отъ Данте для огражденія его отъ паденія. См. *Чистилища* IV, 47 и прим.

86. «Высшій Свѣтъ», т. е. Богъ, о которомъ въ другомъ мѣстѣ (*Чистилища* VII, 26) сказано: *Falto Sol che tu disiri*: Солнце то, къ Нему жъ паритъ твой умъ. Богъ въ Святомъ Писаніи безпрестанно именуется свѣтомъ. Псалмы XXVII, 1; Посл. Иоан. I, гл. I, 5; Іак. I, 17 и др. «Другіе завистливые погружены въ вѣчный мракъ (Ада III, 48); эти же имѣютъ надежду снова узрѣть Его когда-нибудь». Кошинъ.

88—90. «Т.-е. отъ тѣхъ послѣдствій грѣха, которыя, какъ пѣна или нечистота, остаются еще на душѣ послѣ прощенія грѣховъ». Филалетъ.—«Какъ на водѣ пѣна доказываетъ нечистоту ея, такъ здѣсь поэтъ принимаетъ ее за нечистоту совѣсти». Бути. — «Изъ нашего духа рождаются наши хотѣнья, какъ рѣка изъ своего источника; если эти хотѣнья честны, они проходятъ по нашей совѣсти чистыми и свѣтлыми; если же нечестны, они проходятъ грязными и нечистыми и все оскверняютъ ее». Веллутелло.

92. Латиняне, т. е. итальянцы. Данте безпрестанно называетъ итальянцевъ этимъ именемъ и не только въ *Божественной Комедіи*, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ.

93. Тѣмъ, что принесу на землю вѣсть о нихъ и упрошу живыхъ молиться о нихъ.

94. На землѣ нѣтъ у насъ отечества, мы живемъ на ней только, какъ странники или пилигримы; гражданами мы становимся лишь на небѣ—въ истинномъ градѣ Божіемъ (Ада I, 128), въ истинномъ Римѣ или Иерусалимѣ, по слову св. апостола Павла: «Итакъ вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу». Посл. къ Ефес. II, 19.

102. Кому не случалось наблюдать, что слѣпыя, или тѣ, у которыхъ завязаны глаза, желая кого-нибудь выслушать, дѣлаютъ именно это движеніе лица, т.-е. приподнимаютъ его (въ подлинникѣ—подбородокъ, *lo mento*) вверхъ.

106. Говорящій духъ есть нѣкто Салія, изъ дома Пиджеціо. Она была изгнана изъ родного своего города Сьены и жила въ своемъ замкѣ, недалеко отъ поля битвы при Колле (*Чистилища* XI, 109 и слѣд.), откуда изъ окна смотрѣла

на сраженіе съ намѣреніемъ выброситься изъ окна, если побѣдятъ сьенцы. Увидѣвъ же ихъ пораженіе, она пришла въ неописанную радость и вскричала: «Теперь, что бы ни сдѣлалъ мнѣ Господь, я буду жить вполне удовлетворенная и умру спокойно». О ней болѣе ничего неизвѣстно.

109. Въ подлинникѣ: «Savia non fui, awegna che Sapia Fossi chiamata», — шра словъ, которую я старался удержати, такъ какъ греческое *Σοφία* значить мудрость и можетъ замѣнить итальянское *savia* (мудрая).

114. Данте сравниваетъ въ своемъ *Convivio* жизнь человѣка со сводомъ или аркою, составляющей какъ бы изображеніе небснаго свода, отъ коего зависить наша жизнь. Вершина нашей жизни, по его мнѣнію, находится между 30 и 40 годовъ, приблизительно въ 35 году (Ада I, 1). Поэтому Сапін было теперь за 35 лѣтъ.

117. Другими словами: я молила Бога послати пораженіе сьенцамъ, которое и безъ того послѣдовало по Его предопредѣленію.

122—123. Старинная сказка. Однажды дроздъ, при наступленіи теплой погоды въ концѣ января, вылетѣлъ изъ кѣтки и вскричалъ по глупости: «Теперь я не боюсь тебя, Господи, зима уже прошла!» — По словамъ П. Ломбарди, въ Ломбардіи и до сихъ поръ послѣдніе три дня января называютъ «дроздовыми днями» «i giorni delle merli», — за ними часто наступаютъ внѣвъ холода.

129. Пьеро Петтинано или Петтинайо, благочестивый пустынный изъ Францисканскаго ордена, прославившійся чудодѣйственными исцѣленіями и откровеніями въ Сьенѣ во времена Данте. Безъ его молитвъ Сапія не могла бы такъ скоро войти въ Чистилище и должна бы была оставаться передъ вратами его, ибо покалася такъ поздно въ грѣхахъ.

133—135. Данте не чувствуетъ себя совершенно свободнымъ отъ зависти; но гораздо болѣе виновнымъ онъ считаетъ себя въ грѣхѣ гордости. Косой взглядъ есть принадлежность зависти, какъ надменная улыбка — гордости. Послѣдняя стелена у гордыхъ въ чистилищѣ, какъ глаза зашты у завистливыхъ.

149—150. Т.-е. объяви мнѣ, что ты видѣлъ меня не въ аду, а въ чистилищѣ.

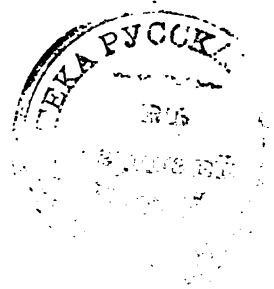
151. О тѣхъ славѣ сьенцевъ говоритъ Данте уже въ Аду (XXIX, 122 и примѣч).

152. «Теламоне», — морская гавань въ Мареммѣ, много разъ покидавшаяся своими жителями по причинѣ маларіи. Городъ совершенно въ развалинахъ; но такъ какъ гавань очень глубока, то было бы полезно, если бы городъ сталъ обитаемымъ. Сьенцы затратили много денегъ на исправленія города и на заселеніе его жителями; но все осталось тщетнымъ, маларія рѣшительно препятствовала увеличенію народонаселенія. Оттнмо. — Теламоне въ древности называлось Теламонъ; тамъ высадили Марій по возвращеніи своемъ изъ Африки. Теперь Теламоне замокъ и гавань въ Мареммѣ близъ Орбителло; замокъ понынѣ остается запущеннымъ.

153. «Томмазо» рассказываетъ въ своей исторіи Сьенны (безъ указанія на источники разсказа), что во времена язычества на сьенскомъ рынкѣ стояла надъ колодеземъ статуя Діаны, разрушенная впоследствии христіанами. Отсюда возникло повѣрье, будто подъ городомъ въ нѣдрахъ земли протекалъ обильный источникъ воды, именуемый Діаной. Эта легенда представляетъ, подобно сказанію о статуѣ Марса во Флоренціи, остатокъ страха передъ изгнанными богами. Сьенцы потратили много денегъ на отысканіе этого источника. Рабочіе углубились однажды настолько, что уже стало будто бы слышно журчаніе воды таинственнаго источника. Нѣкоторые родники выдаются и теперь протекающими отъ него». Филалетъ.

154. Въ подлинникѣ: *Ma più vi metteranno gli ammiragli*. Филалетъ и Поттеръ одинаково объясняютъ этотъ стихъ, основываясь на древнихъ комментаріяхъ. Мечтая о приобрѣтеніи могущества на морѣ и соперничаньи съ

генуэзцами и пизанцами, священны посылали ежегодно въ Теламоне для надзора за вооруженными галерами адмираловъ, неизбѣжно умиравшихъ отъ злокачественнаго климата. Слово ammiraglio, повидимому, употреблено Данте какъ здѣсь, такъ и въ Чистилища XXX, 58, скорѣе въ смыслѣ капитана надъ судномъ, чѣмъ въ томъ, какъ мы теперь его понимаемъ. Такимъ образомъ, послѣдніе три стиха получаютъ слѣдующій смыслъ: Всѣ усилія священствъ устроить въ Теламонѣ гавань будутъ столь же убыточны и тщетны, какъ раскопки источника, но всего болѣе потеряютъ служащіе тамъ моряки. Изъ приведеннаго здѣсь предсказанія сверхъ того видно, что Салія еще не вполне оставила привычку радоваться чужой бѣдѣ. Ноттеръ.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1—9. Разговаривающія здѣсь тѣни, какъ увидимъ ниже, два романа: Гвидо дель-Дука и Риньери де Кальболи. Услыхавъ слово Данте: «живой», обращенныя потомъ къ Салин (Чистилища XIII, 142), они спрашиваютъ другъ друга: «кто онъ такой?» Слова первой терцины говоритъ Гвидо, слова второй—Риньери.

2—3. Т.-е. прежде чѣмъ душа его отдѣлилась отъ узъ тѣла и улетѣла въ свое настоящее жилище, и почему глаза его не закрыты, какъ у нихъ, о чемъ романы узнаютъ изъ словъ Салин (XIII, 131—132) и отвѣта ей Данте (133—138).

9. Спсанный съ природы изображеніе слѣпыхъ, когда они хотятъ заговорить, подобное описанному выше (XIII, 102).

10. «И тѣнь одна», именно Гвидо дель-Дука.

16—18. «Рѣка Арно, которую поэтъ не хочетъ назвать по имени по причинѣ, изложенной ниже. Арно беретъ свое начало выше Стіа изъ горныхъ уступовъ Фальтероны, соединенной посредствомъ Апеннинно делла Пенна съ горою Корондро, настоящимъ центральнымъ крѣпкомъ Апеннинской цепи. Отсюда вытекаетъ пять или шесть рѣкъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, а на югъ кромѣ Арно также Тибръ. Къ западу отдѣляется много притоковъ рѣки Сѣве. Делла Арно отъ истоковъ до моря равняется, по Виллани, 120 милемъ» К. Витте.

20—21. Имя Данте, которое онъ скрываетъ отъ Салин въ предыдущей пѣсни, уже было очень славно въ 1300 г. его канцонами, сонетами и Vita Nuova. Если здѣсь онъ ничего не хочетъ знать о своей славі (хотя въ Чистилища XI, 99 примѣч. онъ и указываетъ на свою будущую славу, а въ Аду I, 84 и слѣд. прямо о ней говоритъ), то, вѣроятно, выражается здѣсь такимъ образомъ изъ опасенія тѣхъ тяжестей, подъ которыми онъ видѣлъ гордыхъ, столь жестоко обремененныхъ (XIII, 136—138).

31—42. Вина необыкновенной дѣлны этихъ разорванныхъ вводными предложениями терцинъ лежитъ на поэтѣ, не на его переводчикѣ.

31—33. Описание теченія Арно и долины этой рѣки. «Взглядъ на карту Италіи показываетъ, что истоки Арно едва ли не самая водная часть Апеннинскаго хребта. Здѣсь вытекаютъ къ югу рѣки Арно и Тибръ, къ сѣверу—Лимоне, Монтоне, Салио и Мареккіа». Филалетъ. —«Мысъ Пилоръ (въ древности Peloris или Pelorum), составляющій южную оконечность Сициліи, уже по мнѣнію древнихъ, былъ отторгнутъ отъ Апеннинъ вулканическими силами (горы Сициліи

геологически суть продолженіе Апеннинъ) съ образованіемъ при этомъ Мессинскаго пролива. Впрочемъ, новѣйшіе геологи видятъ здѣсь лишь первоначальную поперечную расщелину въ горномъ хребтѣ». К. Витте.

34—36. Т. е. до взморья, до впаденія Арно. — «Вода почвы и атмосферы въ постоянномъ кругообращеніи. Обширная поверхность моря вслѣдствіе испаренія наполняетъ воздухъ водяными частицами. Осаждаются онѣ въ видѣ дождей и снѣга. Отъ этихъ осадковъ питаются ключи, а отъ ключей—рѣки, несущія опять свой запасъ воды въ море, которое бы окончательно изсякло безъ такой поддержки» К. Витте.—«Здѣсь Данте, повидному, противорѣчитъ своему учителю Брунетто Латини, который объясняетъ въ своемъ Тесого происхождение ключей простыми пустотами въ землѣ, куда поднимается морская вода вслѣдствіе давленія воздуха». Филалетъ.

38—39. «Здѣсь высказывается совершенно вѣрное мнѣніе о влияніи климата на характеръ обитателей. Уже Цицеронъ говорилъ, что обычаи людей зависятъ *ab ipsa natura loci et a vitae consuetudine*». Скартаццини.

40—42. Т. е. жители превращены въ звѣрей, изъ разумныхъ стали неразумными. Волшебница Цирцея превращала всѣхъ своихъ гостей, какъ извѣстно, въ животныхъ, прелющественно въ свиней; на одного только Одиссея не подѣйствовали ея чары.

43—54. «Здѣсь поэтъ снова возвращается къ порицанію порчи своего времени и страны, и кары его неисчерпаемы и неумолимы. Прежде, всего подъ именемъ грязныхъ свиней онъ разумѣетъ жителей Казентино, подъ именемъ шавокъ—жителей Ареццо, подъ именемъ волковъ—жадныхъ и болѣе смѣлыхъ флорентинцевъ и, наконецъ, лисицами за хитрость и обманъ называетъ пизанцевъ». Штрекфусъ.

43. «При истокахъ Арно, въ Казентино, находились главныя владѣнія графовъ Гвиди; спускаясь внизъ по Арно отъ Ареццо, мы встрѣчаемъ Поппи, замокъ графа Гвида Новелло, затѣмъ Ромена, собственность потомковъ Агнольфо де Контти Гвиди, и наконецъ, Порчiano, гдѣ жили потомки Тегрино. Итакъ, перво сравненіе со свиньями падаетъ на родъ Гвиди». Филалетъ пытается въ своемъ комментаріи объяснить причину этого поруганія. — «Свиноводство процвѣтаетъ и понынѣ въ верхней долинѣ Арно (Казентино), странѣ дикой и по склонамъ горъ покрытой лѣсомъ и за малыми исключеніями еще не обработанной. Одинъ изъ замковъ графа Гвиди, лежащій выше Стіа, называется Порчiano, по имени одной вѣтви фамиліи Гвиди. Совершенно ошибочно хотѣли обратить этотъ презрительный эпитетъ на графовъ Порчiano. Трое изъ жившихъ тогда братьевъ этой линіи сопровождали императора Генриха VII въ его походѣ и у двухъ изъ нихъ Данте нашелъ себѣ гостепріимный пріютъ». К. Витте.

45. «Бѣдный токъ», *rovera calle*,—рѣка здѣсь еще очень мелководна.

47. Шавки, *botoli*, порода малаго роста, но очень злая и лающая болѣе всѣхъ другихъ собакъ.—«Ай, шавка, знать она сильна, что лаетъ на слона!»—Этимъ именемъ обозначается Ареццо, одинъ изъ менѣе сильныхъ тосканскихъ городовъ, тѣмъ не менѣе стоявшій нерѣдко во главѣ гибеллинской партіи и сражавшійся часто съ гвельфами, но по большей части безъ успѣха. На гербѣ его надписъ: «*A cane non magno saepe tenetur Aper*».

48. Въ подлинникѣ: *Ed a lor disdegnosa torce il muso, и отъ нихъ съ презрѣніемъ отвращиваетъ рыло. Данте сравниваетъ здѣсь Арно съ большой собакой, гордо отвращивающей отъ мелкихъ лающихъ на нее собаченокъ.*—«Стѣсненный Центральными Апенниннами и горою. Протоманьо, Арно течетъ сперва къ юго-востоку и отклоняется отрогами Катенайскихъ Альпъ къ югу, въ направленіи къ Ареццо; но, не достигая его, вдругъ поворачиваетъ дугой къ западу». К. Витте.

50. Подъ именемъ волчьего рода разумѣются здѣсь флорентинцы. Волкъ у Данте служитъ всегда символомъ алчности и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ отношеніе къ гвельфской партіи. Упрекъ въ алчности часто дѣлается флорентинцамъ въ Божественной Комедіи; Флоренція же была главою гвельфовъ въ Тосканѣ.

51. «Ровъ» т. е. русло Арно. «Какъ строгій, неумолимый моралистъ, Данте называетъ его проклятымъ, какъ флорентинецъ,—злосчастливымъ». Джіо-берти.

52. «Здѣсь, какъ и вездѣ, Данте очень точенъ въ своихъ топографическихъ описаніяхъ. Пробѣжавъ по продолговатой долинѣ Казентино (стихи 43—45), рѣка Арно вступаетъ въ котловину Аренцо (стихи 46—48). Отсюда она проникаетъ по узкой, опять продолговатой долинѣ между горою Протоманьо и горами Чіанти, пока у Сіевскаго моста не проложитъ себѣ русла въ Соттскую долину, въ обширной котловинѣ которой лежатъ: Флоренція, Пистойя и Прато (стихи 49—51). Новые притоки водъ между Ластра и Емполи (стихи 52—53) направляютъ, наконецъ, его бѣгъ въ равнину Пизы». Филалетъ.

53. Здѣсь разумѣются жители Пизы. «Уже старинная народная поговорка придаетъ пизанцамъ характеръ измѣннической хитрости (Ада XV, 67 прим.). Такой характеръ выступаетъ еще сильнѣе на видѣ, когда они были ослаблены послѣ морскаго сраженія у острова Мелоріи (Приложеніе III къ I книгѣ Божественной Комедіи, Адъ,—Историческій очеркъ событій въ Пизѣ во времена Уголино, стр. 317) и стояли одни противъ могущественнаго гвельфскаго союза. Стоитъ только вспомнить объ Уголино и его противникѣ Руджерѣ, и о графѣ Гвидо да Монтефельтро, главѣ Пизы, поступки котораго Данте прямо называетъ лисьиими (Ада XXVII, 75)». Филалетъ.

55. Т. е. Данте: пусть онъ услышитъ пророчество о судьбѣ своей родины.

58. Въ подлинникѣ: nipote, племянникъ, а также внукъ. Ландино и Оттимо Комменто называютъ Риньери прадедомъ Фулчери. Рѣчь идетъ о Фулчери да Кальболи, племянникѣ (по другимъ—внукѣ) Риньери да Кальболи,—того духа, къ которому, какъ увидимъ ниже, обращается теперь Гвидо дель Дука. «Фулчери происходилъ отъ извѣстной фамиліи Кальболези въ Форли. Въ 1302 г., послѣ того какъ Карлъ Валуа вернулъ Черныхъ во Флоренцію, онъ былъ подестой этого города. Въ его управленіе Бѣлые подверглись жестокому гоненію и многіе вожаки этой партіи были казнены при двухъ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Часть Бѣлыхъ была тогда въ изгнаніи, другая жила, хотя и угнетенная, во Флоренціи. Была перехвачена переписка между пизанскими изгнанниками и флорентинскими Бѣлыми. Возникло судебное дѣло; предводители Бѣлыхъ были посажены въ тюрьму и подвергнуты пыткамъ. Нѣкоторые умерли подъ пыткой (напр. Тиньозо ди Маччи); другіе сознались въ намѣреніи отворить ворота гибеллинамъ, послѣ чего всѣ были обезглавлены. Нѣкоторые члены фамиліи Абати спаслись лишь бѣгствомъ, но имѣніе ихъ конфисковано.— Въ томъ же году Бѣлые изъ Романьи подъ предводительствомъ Скарпети и дельи Орделаффи изъ Форли (Ада XXVII, 45 и примѣч.), личнаго врага Фулчери, завладѣли мѣстечкомъ Пуличьяно на Магеллю; но съ прибытіемъ Черныхъ подъ предводительствомъ самого подесты бѣжали; многіе изъ бѣглецовъ переловлены мѣстными жителями и представлены Фулчери, который приказалъ казнить всѣхъ. Между прочимъ, мессеръ Донати Алберти, одѣтый въ женское платье, былъ съ позоромъ представленъ однимъ крестьянниномъ на ослѣ къ подестѣ. Тотъ велѣлъ наложить ему на шею веревку и, открывъ окно дворца, показавъ его въ этомъ видѣ народу, который приговорилъ его немедленно къ смерти». Филалетъ.

60. Вода свирѣпая, рѣка Арно.

61—62. «Продастъ», потому что, какъ говорятъ, онъ предать за деньги многихъ изъ партіи Бѣлыхъ въ руки ихъ враговъ. «Старый скотъ», т. е. какъ рѣжутъ стараго быка, негоднаго для работы—жесточайшая пронія! «Можетъ быть намекъ на безчеловѣчное обращеніе съ Донати Алберти». Филалетъ.

63. Т. е. доброй своей славы, какъ человѣкъ продажный и жестокій.

64. «Страшный лѣсъ» (*trista selva*), очевидно Флоренція, такъ какъ она была особенно гибельна партіи Бѣлыхъ, называвшейся также партіей Лѣсныхъ (Ада VI, 65).—«Какъ тѣни одного адскаго круга названы (Ада IV, 66) лѣсомъ, такъ здѣсь названы жители Флоренціи». К. Витте.

66. «Не соберетъ древесъ» (въ подлинникѣ: *Nello stato primaio non si rin-selva*), т. е. никогда не придетъ въ свое прежнее цвѣтущее состояніе.

71. Духъ, внимавшій его рѣчи,—Риньери.

72. «Можетъ показаться страннымъ, что этотъ духъ, конечно, и самъ обладающій ясновидѣніемъ умершихъ, узнаетъ здѣсь о будущемъ изъ устъ другого; но, какъ слѣдуетъ заключить изъ Ада X, 109—114 примѣч., мертвые лишь тогда видятъ будущее, когда это прозрѣніе вызывается въ нихъ какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствомъ, напр. вопросомъ. Подобный вопросъ и быть пред-ложенъ (стихи 25—27) Гвиду дель Дука». Ноттеръ.

78. Данте (стихъ 20) отказался назвать себя по имени.

81. О немъ, какъ и о Риньери, ничего болѣе неизвѣстно, какъ то, что оба были весьма храбры. Дель Дука—родомъ изъ Бертиноро въ Форли; Риньери же, по Филалету, былъ, кажется, въ 1252 г. подестой въ Пармѣ и въ 1276 г. въ войнѣ съ Джереми игралъ нѣкоторую роль съ Гвидо да Монтефельтро. См. Приложеніе II къ I книгѣ Божественной Комедіи, Адъ, Политическое состояніе родовъ Романь въ 1274—1302 г., стран. 309.

85. «Что посѣтъ человѣкъ, то и пожнетъ». Посл. къ Галат. VI, 7.

86—87. Здѣсь разумѣются дары счастья. Объясненіе этихъ словъ читатель найдетъ въ слѣдующей пѣсни, стихъ 44—45 и слѣд.

89—90. Дурное мнѣніе, высказанное здѣсь о домѣ Кальболи, относится главнымъ образомъ къ позорному поведенію вышеупомянутаго Фулчери во Флоренціи. Впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ, кажется, были не очень довольны членами семейства Кальболи». Филалетъ.

92. Превосходно очерченныя границы Романь: къ сѣверу—рѣка По, къ югу—Апеннины, къ востоку Адриатическое море и къ западу—рѣка Рено, впадающая недалеко отъ Болоньи въ По.

93. Въ подлинникѣ: *Del ben richiesto al vero ed al trastullo*, т. е. истинными благами, способными удовлетворить волю, цѣль которой—наслажденіе въ лучшемъ смыслѣ слова, а также интеллектуальное наслажденіе, стремящееся къ достиженію истины.

94. Т. е. въ сказанныхъ предѣлахъ Романь.

95. «Зловредный тернъ» (*venenosi sterpi*), слики Ада XIII, 6. Нѣкоторые разумѣютъ подъ этимъ тирановъ. «Выраженіе опять напоминаетъ дикій лѣсъ I пѣсни Ада, стихъ 5». Скартаццини.

97—98. Поименованныя здѣсь четыре фамиліи отличались своими добродѣтелями и безкорыстіемъ. Лиціо да Вальбона, гражданинъ изъ г. Форли извѣстный своимъ гостепримствомъ. Арриго Манарди изъ Бреттиноро, по словамъ Оттимо Комменто былъ «рыцарь полный благородства и доблести, задавалъ часто пиры, раздаривалъ гостямъ одежду и коней, уважалъ храбрыхъ и проч. Онъ былъ другъ Гвидо дель Дука».—Гвидо ди Карпинья, по словамъ того же комментатора, «превосходитъ всѣхъ другихъ своей щедростью, любить

преданно и жилъ благороднымъ образомъ». Траверсаро изъ весьма древней романской фамиліи, по его же выраженію, «былъ преданъ прекрасной и достойной жизни». Подробности см. у Филалета и Скартаццини.

99. «Романьёлы» (Romagnoli)—жители Романьи.

100—102. «Франческо ди Бути рассказываетъ, что фамилія Ламбертацци, о которой здѣсь идетъ рѣчь, вела свое начало отъ кузнеца, бывшаго нѣкогда столь могущественнымъ, что онъ почти сталъ главою Болоньи. Къ его потомкамъ принадлежалъ упоминаемый здѣсь Фаббро де Ламбертацци (нѣкоторые комментаторы въ словѣ Fabbro видятъ имя нарицательное). Филалеть.— «Бернардино (въ подлинникѣ: di Fosco), сынъ Фоско, крестьянина, настолько возвысившагося своими добродѣтелями, что даже знатные люди того стараго добраго времени нерѣдко приходили къ нему, чтобы послушать его умныхъ рѣчей и воспользоваться его гостеприимствомъ». Тамъ же.

104—108. Прата, деревня между Фаэнцей и Равенной. Объ этомъ Гвидо извѣстно лишь, что онъ былъ храбрый человѣкъ изъ благороднаго рода. Уголино д'Аццо—объ немъ почти ничего не извѣстно; полагаютъ, что онъ былъ изъ рода Убальдини изъ Мугелло въ Тосканѣ. Какъ тосканецъ, онъ, живя большою частью въ Фаэнцѣ, былъ, слѣдовательно, въ ней чужестранцемъ. Федерико Тиньозо, родомъ изъ Римни, жилъ большею частію въ Бертиноро. Tignoso значитъ паршеголовый; названъ онъ такъ въ шутку, оттого что имѣлъ красивые бѣлокурые волосы. Родъ Траверсара изъ Равенны отличался богатствомъ и благородствомъ; дочь одного изъ нихъ въ 1262 г. вышла замужъ за сына венгерскаго короля. Анастаджи—также богатый дворянскій домъ изъ Равенны. Объ фамилии встрѣчаются въ одной изъ новеллъ Боккаччіо. Вспоминая эти славные нѣкогда роды, Данте скорбитъ, что они теперь лишены наслѣдниковъ и вымерли.

109—110. Т. е.: я вспоминаю дамъ, рыцарей и проч. Эта терцина заключаетъ въ себѣ всю поэтическую эпоху рыцарства. «Ариосто заимствовалъ изъ этого стиха начало (Le donne e i cavalier) для своей поэмы, а изъ всей терцины—господствующія для нея идеи, такъ какъ «Неистовый Роландъ», въ сущности, не что иное, какъ поэтическое воспроизведеніе рыцарскихъ временъ». Джіоберти.

111. «Тамъ», т. е. въ Романьѣ.

112—114. Бреттиноро, городокъ между Форли и Чезена, главное мѣстопробываніе романскаго дворянства, откуда, однако, значительная его часть была изгнана въ 1295 г. за гибеллинскія идеи; на это Данте намекаетъ въ ст. 113—114. Составлялъ ли вышеупомянутый Манарди (стихъ 98) главу дома,—неизвѣстно.

115—117. Малавичино, могущественные въ половинѣ XIII столѣтія графы Баньякавалло (мѣстечко между Лаго и Равенной). Въ то время, когда Данте совершалъ свое странствованіе, они, какъ кажется, нерѣдко мѣняли цвѣтъ своей партіи, смотря по обстоятельствамъ. Впрочемъ, эта фамилія вымерла гораздо позднѣе, нежели думаетъ Данте. Графы Кастрокаро (на Ментонѣ, выше Форли) были гибеллины, но въ 1282 г. подчинились церкви и сдали свой замокъ. Въ 1296 г. они были снова восстановлены при помощи Майнардо Пагани. Графы Коніо встрѣчаются также въ концѣ XIII столѣтія, именно въ Фаэнцѣ, въ рядахъ гибеллиновъ. «Множа графовъ этихъ», т. е. такихъ негодныхъ и преступныхъ,— жестокая иронія.

118—120. Пагани—граждане Имолы. Въ 1263 г. Пьетро Пагани завладѣлъ Имолой и выгналъ оттуда болонцевъ, но тѣ вскорѣ опять выгнали его. Лучшее удалось это дѣло сыну его Майнардо Пагани, названному за жестокость «Дьяволомъ» (См. Приложение II къ I книгѣ Божественной комедіи, Адъ, стран. 309).

Онъ умеръ въ Имольтъ въ 1302 г. и велѣлъ похоронить себя въ монашеской одеждѣ монастыря Вальомброза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ по мужской линіи и имѣлъ лишь одну дочь, перешедшую черезъ замужество въ фамилію Убальдини. О мнѣніи Данте о немъ см. Ада XXVII, 49—51 прим. Смысль терцины слѣдующій: Пагани поведутъ себя хорошо, какъ скоро умретъ (падетъ съ высоты) братъ ихъ Майнардо; но дурная слава объ ихъ отцѣ все-таки останется чернымъ пятномъ на ихъ фамильной славѣ.

121—124. Уголино де' Фантоли изъ Фаэнцы принадлежалъ къ гвельфамъ и отличался храбростью; умеръ въ 1282 г.

126. Подражаніе Виргилію, Aen. IX, 292:

Atque animum patriae strinxit pietatis imago.

127—129. Т. е. они слышали топотъ нашихъ шаговъ и потому изъ ихъ молчанія и изъ того, что они не объяснили намъ, куда идти, мы заключили, что не сдѣлали ошибки въ выборѣ дороги.—«Здѣсь, гдѣ обитаетъ одна лишь любовь и стремленіе къ добру, тѣни, конечно, объяснили бы поэтамъ, гдѣ лежитъ прямая дорога, если бы они пошли ложнымъ путемъ. Потому то, видя, что души безмолвствуютъ, поэты и должны были заключить, что они не ошиблись въ пути». Штрекфуссъ.

133. Слова Кайна къ Богу, послѣ совершенія перваго на землѣ убійства изъ зависти: «Всякій, кто встрѣтится со мною, убьетъ меня». Бытія IV, 14.—Нечего, кажется, объяснять, что слова эти произносить не самъ Кайнъ, такъ какъ душа его въ аду (почему одинъ его отдѣлъ и названъ Кайна), но невидимый духъ или ангель.

139. Аглавра, дочь аѣинскаго царя Кекропса, была превращена Меркуріемъ въ камень за то, что препятствовала изъ зависти сестрѣ своей Гиреѣ вступить въ супружество съ этимъ богомъ.—Рядомъ съ завистливымъ братомъ поэтъ выводитъ завистливую сестру.

143. «Узда» (въ подлинникѣ: само, по-гречески *χαρμος*, по-латыни *capus*, удила, трензель), т. е. тѣ грозныя слова, которыя удерживаютъ отъ порока. «Челюсти ихъ нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебѣ». Псалт. XXXI, 9.

145. «Нажива»—приманка для рыбъ, насаженная на крючокъ удочки, т. е. земныя блага, которыми дьяволь прельщаетъ человѣка, какъ рыбоводъ рыбу. «Ибо человѣкъ не знаетъ своего времени. Какъ рыбы попадаютъ въ пагубную сѣть, и какъ птицы запутываются въ силкахъ, такъ сыны человѣческіе уловляются въ бѣдственное время, когда оно неожиданно находитъ на нихъ». Еккл. IX, 12.

146. «Древній врагъ» — дьяволь. «Противникъ вашъ дьяволь». I посл. ап. Петра V, 8.

149. Т. е. небесныя свѣтила (Ада I, 40; XXXIV, 135).—«*Omnis naturae species et motus quasi quadam varietate linguarum clamat atque increpat agnoscendum esse Creatorem*». Блаж. Августинъ. De lib. arb. III, 23.

150. *Belluas Deus prostratas fecit in facie, pastum quaerentes de terra; te homo, in duos pedes erexit, tuam faciem sursum ascendere voluit. Non discordet cor tuum a facie tua*. Блаж. Августинъ.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

1—6. «Обозначеніе времени дня. Между началомъ дня и третьимъ часомъ или собственно концомъ 3-го часа (*l' ultima dell' ora terza*) заключается три часа. Слѣдовательно, до заходженія солнца оставалось еще 3 часа, такъ какъ въ равноденствіе, во время котораго Данте совершаетъ свое загробное путешествіе, солнце заходитъ около 6-ти часовъ вечера (по нашему счисленію). Поэтому тамъ, т. е. на горѣ Чистилища, быть вечеръ, или околочера; здѣсь, т. е. въ Италіи, гдѣ поэтъ писалъ свою поэму, была уже полночь, такъ какъ время на Чистилищѣ на 9 часовъ отстаетъ отъ времени въ Италіи. См. Чистилища III, 25 примѣч.). Канегиссеръ. «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Данте, было почти 3 часа пополудни; въ этотъ часъ солнце отстоитъ отъ заката, во время весенняго равноденствія, на 3 часа. Вслѣдствіе этого во Флоренціи, которая, по мнѣнію поэта, удалена отъ Іерусалима на 45° , должна быть теперь полночь, а въ Іерусалимѣ 3 часа утра. Итакъ, поэты находились въ этомъ кругѣ около трехъ часовъ». Филалетъ.—Часъ дня опредѣляется здѣсь совершенно особеннымъ чисто Дантовскимъ образомъ. Остается 3 часа до захода солнца, или, другими словами, теперь начинается тотъ отдѣлъ каноническаго дня, который называется *vespero* (Это слово обозначаетъ здѣсь начало вечернихъ часовъ въ смыслѣ церковномъ, въ которые совершается въ церквахъ служба, принадлежащая уже къ слѣдующему дню). Данте говоритъ объ этомъ простомъ фактѣ своеобразнымъ оборотомъ рѣчи, какъ будто хочетъ подражать небесной сферѣ въ этомъ движеніи. Начало дня—восходъ солнца, слѣдовательно конецъ третьяго часа, три часа послѣ восхожденія солнца, обозначается дугою небесной сферы, равняющей 45° . Солнцу остается еще пройти такое же пространство, прежде чѣмъ оно зайдетъ. Это значитъ, что теперь послѣполуденный часъ въ чистилищѣ и полночь въ Тосканѣ, гдѣ Данте писалъ свою поэму». Лонгфелло.

2. Сфера, которая, по выраженію Данте, кружится (собственно: играетъ, рѣзвится, *scherga*, подобно дѣтямъ), есть весь сводъ небесный, который, по тогдашнимъ понятіямъ, обращался около земли въ теченіе 24-хъ часовъ. Сравненіе неба съ рѣзвымъ ребенкомъ было столько же порицаемо, сколько и одобряемо критиками. Во всякомъ случаѣ оно не такъ удачно, какъ почти все прочія сравненія поэта. Между рѣзвыми, разнообразными движеніями дитяти и вѣчно спокойнымъ, всегда равномернымъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ не можетъ быть ничего сходнаго.

7—9. Надобно помнить, что, прежде чѣмъ поэты дойдутъ до лѣстницы, ведущей въ высшій кругъ, они всегда огибаютъ извѣстное пространство около горы.—«Отъ морского берега къ подошвѣ горы поэты шли (Чистилища III, 16 и примѣч.) съ востока къ западу. Потомъ они направились направо (V, 1—6 примѣч), вдоль изгиба горы, подъ прямымъ угломъ къ первоначальному направлению (слѣдовательно къ сѣверу). Теперь они обошли вокругъ горы на одну четверть, стало быть идутъ опять къ западу». К. Витте.

7. «Лучи» заходящаго солнца.

10—11. Съ уступа на уступъ возводятъ поэтовъ ангелы; но чѣмъ выше поднимаются они, тѣмъ ярче и лучезарнѣе блескъ отъ ангеловъ. Въ данную минуту сиянье заходящаго солнца сливается съ блескомъ отъ ангела и ослѣпляетъ Данте. Сличн Чистилища XII, 79 и слѣд.

16—21. Сличн Чистилища IV, 62—63.—Отраженный лучъ свѣта образуетъ съ перпендикуляромъ, опущеннымъ на отражающую поверхность, уголъ, равный углу между лучомъ падающимъ и тѣмъ же перпендикуляромъ; короче: уголъ паденія равенъ углу отраженія, какъ учитъ катоптрика и подтверждаетъ наблюденіе. Отвѣсь, въ подлинникѣ: *Dal cader della pietra*, паденіе камня, какъ было названъ перпендикуляръ Альбертомъ Великимъ.

22—26. Данте думаетъ, что лучъ солнца отразился (по приведенному выше закону катоптрики) отъ гладкой поверхности карниза, по которому они идутъ, и отсюда поразилъ ему глаза, такъ какъ онъ не можетъ защитить ихъ отъ блеска приложенными къ глазамъ руками.

30. «Посоль» (*messo*), т. е. ангель (*ἄγγελος*—посланникъ). Ангель, стоящій у первой ступени лѣстницы, ведущей изъ одного круга чистилища въ другой, ожидаетъ приближенія душъ и, лишь только замѣтитъ издали ихъ приближеніе, идетъ тотчасъ имъ навстрѣчу, принимаетъ ихъ и подводитъ съ привѣтствіями къ слѣдующему входу. Чистилища XII, 88; XVII, 67 и слѣд.; XIX, 46 и слѣд.; XXII, 1 и слѣд., XXIV, 136 и слѣд., XXVII, 55 и слѣд.

28—33. Въ подлинникѣ: *diletto quanto natura a sentir ti dispose*—удовольствіе къ какому способна лишь твоя природа. — Все наслаженіе, въ какой мѣрѣ почувствовать его сдѣлала тебя способнымъ твоя природа, ты чувствуешь въ будущемъ, когда укрѣпившіеся глаза твои, что теперь еще ослѣпляются, будутъ въ состояніи переносить блескъ небесной семьи, т. е. ангеловъ.

36. Съ очищеніемъ себя отъ перваго грѣха, слѣдующіе шаги на пути очищенія становятся все легче и легче. Чистилища XII, 115—126 и примѣч.

38—39. Съ удаленіемъ изъ круга высокомерныхъ (Чистилища XII, 110) путники были встрѣчены воззваніемъ къ смиренію; точно такъ и здѣсь ихъ встрѣчаютъ слова, призывающія къ милосердію и человѣколюбію,—добродѣтелямъ, противоположнымъ зависти. «*Beati misericordes*»—слова Христа изъ Евангелія Матѣ. V, 7: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ». «Слава, побѣдитель» въ подлинникѣ: *Godi tu che vinci*, повидимому, намекъ на слова ангела въ Апокалипсисѣ, II, 7: «*Vincenti dabo edere de ligno vitae quod est in Paradiso Dei mei*», —побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни, которое посреди рая Божія». Лонгфелло.

41—45. Воскличаніе романьїла Гвидо дель Дука (Чистилища XIV, 81):

О родъ людской! зачѣмъ такъ любишь то,
Въ чемъ есть запретъ сообществу чужому?

46—47. «Справедливыя души очищающихся желаютъ, чтобы живущіе на свѣтѣ не впади въ тотъ же грѣхъ, въ который они впади при жизни и горестныя послѣдствія котораго испытываютъ теперь въ чистилищѣ». Скартаццини.

49. «Дивно прекрасное мѣсто вплоть до стиха 75; оно такъ ясно, что, не смотря на всю глубину свою, почти не нуждается въ комментаріи». Флейдереръ.

51. «Зависть васъ разжигаетъ, и жаръ ея заставляетъ васъ вздыхать,—вздыхать въ той, а еще болѣе въ этой жизни. Какъ кузнечный мѣхъ раздуваетъ огонь, такъ зависть разжигаетъ сердце человѣка, пожирая его пыломъ своимъ». Скартаццини.

52. Т. е. къ высшимъ благамъ, жилище которыхъ въ эмфирѣ,—высочайшей изъ всѣхъ сферъ небесныхъ. «Ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога». Посл. къ Колос. III, 1. «Если бы любовь къ нетлѣнному и небесному направляла ваши желанія къ небу, вы не ощущали бы въ сердцѣ опасенія, что богатство и наслажденіе у другихъ уменьшитъ ваше собственное наслажденіе». Скартаццини.

55—57. Т. е. чѣмъ большее число наслаждающихся въ небѣ однимъ и тѣмъ же благомъ, тѣмъ болѣе наслаждается тамъ каждый въ отдѣльности. «Nullo enim modo fit minor, accedente sed permanente consorte, possessio bonitatis; imo possessio bonitatis tanto fit latior quanto concordior eam individua sociorum possidet charitas». Блаж. Августинъ. De civ. Dei I. XV, с. 15.—«Той чашѣ» (въ подлинникѣ: in quel chiostro, въ томъ монастырѣ), т. е. на небѣ.

64—66. «Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ». I посл. къ Коринѣ. II, 14, 15.—Потому-то, говоритъ Виргилій, ты извлекаешь только мракъ изъ совершенно ясныхъ словъ моихъ.

67. Неизреченное, безконечное благо—самъ Богъ.

68—69. «Какъ лучъ солнца тѣмъ ярче освѣщаетъ тѣло, чѣмъ оно само по себѣ чище и болѣе блестяще, такъ и высочайшее благо тѣмъ болѣе сообщается, чѣмъ болѣе оно находитъ къ тому воспримчивости». Филалетъ.—Эту мысль Данте еще подробнѣе развиваетъ въ своемъ Convivio. Въ переводѣ К. Витте lucido согро замѣнено словами lichte Körper, и въ комментаріи къ этому мѣсту переводчикъ говоритъ: «прозрачное тѣло вполне принимаетъ въ себя солнечный лучъ и, соответственно тому, солнечный лучъ направляется къ нему въ полной мѣрѣ».

70—72. Сличи Рая XIV, 40.

73. Въ подлинникѣ: E quanta gente più lassù s'intende, въ древнихъ кодексахъ—s'attende, въ немногихъ—s'incende; въ большинствѣ, впрочемъ, первое какъ и въ лучшихъ изданіяхъ. Intendersi—старинное выраженіе, то же, что innamorgarsi. К. Витте перевелъ этотъ стихъ: «Je mehr der Herzen droben sich begegnen», Лонгфелло—«And the more people thitherward aspire». Терцина вынудила меня держаться этой, менѣе принятой, редакціи подлинника.

74—75. Чѣмъ болѣе праведныя души познаютъ другъ друга, тѣмъ болѣе онѣ и любятъ другъ друга, такъ что не только непосредственное истеченіе къ нимъ вѣчной любви, но и послѣдующее отраженіе ея отъ одной къ другой увеличиваютъ ихъ любовь, а съ нею и ихъ взаимное блаженство. Филалетъ.—Бенвенуто Рамбалди.—Джіоберти.

77. «Только на небѣ чрезъ созерцаніе Бога (Беатриче) впервые выяснится вполне разница между земными благами, уменьшающимися отъ совместнаго обладанія ими, и благами небесными, которыя обогащаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе дѣлятъ ихъ между собою». Флейдереръ.

79—81. Т. е. остальные пять P, или остальные грѣхи, начертанные на лбу ангеломъ (Чистилища IX, 112). Безъ покаянія нѣтъ исправленія. «Oportet eum, qui agit poenitentiam, affligere animam suam, et humilem animo se praestare in omni

negotio, et vexationes multas variasque perferre». Ермъ, Пастырь. III, 7. Раны закрываются, когда онѣ болятъ, т.-е. когда, сознавая грѣхъ свой, чувствуютъ раскаяніе и страдаютъ.

83—84. Путники восходили до сихъ поръ вверхъ (со стиха 35); теперь—они опять идутъ по ровной поверхности сѣдующаго карниза, гдѣ наказуется гнѣвъ, и гдѣ они встрѣчаютъ (стихъ 142) густой дымъ.

85. «Эти видѣнія имѣютъ то же значеніе, какъ и пластическія изображенія въ кругѣ высокоумѣрныхъ и голоса въ кругѣ завистливыхъ. Они здѣсь служатъ какъ бы подготовленіемъ къ очищенію наказуемаго здѣсь грѣха — гнѣвливости, именно служатъ тѣмъ, что напоминаютъ о противоположной гнѣву добродѣтели—кротости. Такъ какъ кругъ этотъ, какъ увидимъ ниже, наполненъ непроницаемою тьмою отъ дыма, то было бы невозможнымъ представить примѣры кротости другимъ какимъ нибудь видимымъ образомъ; являясь же въ видѣ сновидѣній, или грезъ, они тѣмъ самымъ указываютъ на изступленное, сходное со сномъ, состояніе, въ которое приводитъ человека грѣхъ. Тутъ Данте опять беретъ, между прочимъ, одинъ примѣръ изъ язычества для выраженія христіанской добродѣтели, ибо все дѣло тутъ въ томъ, чтобы воплотить свою мысль. То же и въ Чистилища XII, 28.—Бриарей.

87—92. Ев. отъ Луки II, 48: «И матеръ Его сказала Ему: Чадо! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ, отецъ твой и я съ великою скорбью искали Тебя».

94—105. «Другую» — жену аѳинскаго тирана Пизистрата. Валерій Максимъ рассказываетъ (Facta ac dicta mem. 1, VI, с. 1), что какой-то юноша, влюбленный въ дочь Пизистрата, обнялъ и поцѣловалъ ее въ публичномъ мѣстѣ, на площади, и что на требованіе матери ея объ отмщеніи Пизистратъ отвѣчалъ словами, буквально переведенными Данте изъ Валерія Максима: «Si nos qui nos amant interficimus, quid his faciemus, quibus odio sumus?»—«Если мы будемъ умерщвлять любящихъ насъ, что же станемъ дѣлать съ ненавидящими насъ?».

98. Аѳины. Посейдонъ (Нептунъ) и Паллада Аѳина (Минерва)—оба желали, чтобы Аѳины были названы ихъ именами. Но аѳиняне, по приговору женщинъ, предпочли Аѳину, принесшую въ даръ оливковое дерево, почти этотъ даръ болѣе высокимъ, чѣмъ принесенный Посейдономъ даръ — лошадь. Овидія Превращенія. VI, 70 и слѣд.

106—111. Третье видѣніе: избіеніе камнями первомученика Стефана. Дѣян. VII, 54—60: «...И побивали камнями Стефана, который молился и говорилъ: Господи Иисусе! приими духъ мой. И, преклонивъ колѣна, воскликнулъ громкимъ голосомъ: Господи! не вмѣни имъ грѣха сего. И, сказавъ сіе, почилъ».

110. «Врата очей своей» (porte degli occhi) —оборотъ чисто дантовскій, «странный, но сильный». Томазео.—«Поэтъ хочетъ сказать, что образъ Христа на небѣ проникалъ ему чрезъ глаза въ сердце». Чезари.

112—113. О мученіи св. Стефана говоритъ Фульгенцій въ своемъ Ep. Serm. de S. Stephano: «Stephanus charitatem pro armis habebat, et per ipsam ubique vincebat. Per charitatem Dei saevientibus Judaeis non cessit; per charitatem proximi pro lapidantibus intercessit».

117. «Смысль нелиживыхъ тѣхъ обмановъ», въ подлинникѣ: non falsi errori. Обманъ быть здѣсь въ томъ смыслѣ, что поэтъ считалъ эти явленія за ничто объективное, дѣйствительно совершающееся передъ его глазами; но тѣмъ не менѣе эти обманы чувствъ были нелиживы въ отношеніи того, что ими изображалось, такъ какъ они были основаны на истинныхъ событіяхъ и служили къ назидательному поученію». Филалетъ.

130—132. Т.-е. тебѣ даны были эти видѣнія, чтобы сердце твое было расположено къ ученіямъ мира (acque della pace) и кротости, которыя особенно

нужны для очищающихся въ этомъ кругу. Гнѣвъ есть огонь,—огонь тушится водой. «Токъ вѣчныхъ силъ», т.-е. отъ Бога: «У Тебя источникъ жизни». Псалт. XXXV, 10; и во многихъ мѣстахъ св. писанія. Слѣдовательно и здѣсь, какъ въ пѣсни XIII, 39, предшествующіе бичи, побуждающіе къ добродѣтели; ниже въ пѣсни XVII, 93, послѣдуетъ узда, для обузданія порока.

133—138. Виргилій даетъ здѣсь двойное объясненіе, во-первыхъ: цѣль совершившихся здѣсь видѣній, о которыхъ онъ знаетъ и потому не нуждается въ сообщеніи ему о нихъ Данте,—была показать, какъ себя можно обуздать во время гнѣва. Форма же вопроса, предложеннаго имъ своему ученику, почему онъ идетъ въ такомъ сонномъ состояніи, объясняется имъ въ томъ смыслѣ, что онъ, Виргилій, спрашивалъ не такъ, какъ человѣкъ, взирающій однимъ лишь тѣлеснымъ окомъ и вопрошающій лишь о какомъ нибудь событіи. Напротивъ, онъ сдѣлалъ ему свой вопросъ на выраженномъ въ стихахъ 136—139 основаніи, именно затѣмъ, чтобы вслѣдъ за совершившимися только что видѣніями, побуждающими къ кротости, — на самомъ дѣлѣ побудить поэта идти по пути къ улучшенію и не оставить его пребывать лишь въ мечтательномъ созерцаніи бывшихъ передъ нимъ видѣній, какъ бы ни было полезно созерцать ихъ». Ноттеръ.—Мѣсто это вообще довольно темное и толкуется различно даже итальянскими комментаторами. Дельфъ, въ своей: *Die Idee der Göttlichen Kom.* очень глубокомысленно замѣчаетъ: «Проходящій этимъ путемъ (какъ бы ни было благотворно производимое на него этими видѣніями вліяніе), обязанъ не предаваться одному лишь ихъ созерцанію и размышленію. Ибо путь этотъ (именно на гору очищенія) есть путь работы, борьбы, упражненія».

140. «Насколько можно»: идя противъ вечерняго солнца, лучи котораго сверкаютъ прямо въ глаза, нельзя видѣть далеко.

144. Скрыться не было возможности, потому что узкій выступъ или карнизъ вокругъ горы очень узокъ, всего лишь въ три человѣческихъ роста ширины (X, 24), и ограниченъ съ одной стороны пустымъ пространствомъ, съ другой—стѣною крутого утеса.

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1—9. «Въ дыму, и при томъ самомъ густомъ и черномъ, очищаются тѣни отъ ярости гнѣва. Дымъ—это продуктъ огня и при томъ такой продуктъ, который не грѣетъ и не освѣщаетъ, но только омрачаетъ и смущаетъ глаза и разумъ,—это то, что огонь извергаетъ изъ себя, для того, чтобы согрѣвать и свѣтить. Отсюда становится само собою понятнымъ, почему именно въ дыму гнѣвливые должны познать свой недостатокъ и въ немъ очищаться отъ своего грѣха». Штрекфуссъ.—«Выраженіе, что этотъ дымъ еще темнѣ ада,—слишкомъ сильно и, разсматриваемое въ тѣсномъ смыслѣ, должно бы было указывать на то, что и въ аду нѣтъ такого ужаснаго грѣха, какъ гнѣвъ, а слѣдовательно и казни болѣе жестокой; но смыслъ тутъ, кажется, заключается въ томъ, что осужденные въ аду все еще сознаютъ свѣтъ божественнаго правосудія и порядка; въ аффектѣ же гнѣва уже вовсе нѣтъ этого сознанія». Ноттеръ.

8—9. Виргилій (разумъ) предлагаетъ Данту плечо въ опору, чтобы не дать ему сбиться съ дороги среди темноты дыма (гнѣва): аллегорическій смыслъ совершенно ясенъ.

17—19. «Вотъ Агнецъ Божій, который беретъ на Себя грѣхъ міра». Іоан. I, 29. — Души поютъ молитву, троекратно повторяемую въ католической мессѣ и литаніи. *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem*. — «Здѣсь первые два стиха умоляютъ о милосердіи, третій — о мирѣ». Бути.—«Агнецъ есть символъ кротости, добродѣтели, противоположной гнѣву». Ноттеръ.

20—21. «Согласіемъ и гармоніей уничтожается здѣсь гнѣвливость, какъ выше согбеніемъ уничтожалась гордость. Въ этомъ единогласіи уже обозначается прогрессъ въ дѣлѣ очищенія». Филалеть. Штрекфуссъ.

27. Въ подлинникѣ: *per calendi*, по календамъ, такъ какъ римляне дѣлили время на *calendae*, *nonae* и *idus*. Вопросъ, сдѣланный Данте въ стихѣ 22, заставляетъ душу вопрошающаго предположить, что Данте еще живой человѣкъ, раздѣляющій время по недѣлямъ и мѣсяцамъ, а не какъ тѣни, дѣлящія безконечность на болѣе долгіе періоды.

33. Т.-е. о томъ, что человѣкъ живой идетъ въ загробный міръ.

42. Т.-е., какъ никогда не случалось ни съ однимъ изъ живыхъ людей со времени Энея и апостола Павла (Ада II, 32).

45. Пусть указаніе твое о дорогѣ ускоритъ наши шаги, и послужитъ намъ проводникомъ; въ подлинникѣ: *E tue parole fien le nostre scorte.*

46. Почти всѣ комментаторы принимаютъ этого Марко Ломбардо за венеціанца, также за человѣка храбраго, щедраго, привыкшаго къ придворному обращенію, на что намекаетъ стихъ 47. Франческо да Бути говоритъ, что щедрость его была преимущественно обращена къ бѣднымъ дворянамъ и что онъ опредѣлилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи ничего не требовать отъ своихъ должниковъ. Оттимо, напротивъ, говоритъ, что подъ конецъ жизни онъ самъ жилъ насчетъ щедрости другихъ. Кромѣ того, по словамъ Бенвенуто да Имола, онъ былъ человѣкъ надменный, раздражительный и расположенный къ гнѣвливости, по поводу чего рассказываютъ много анекдотовъ (*Cento Novelle Antiche* Nov. 41, 52), по мнѣнію Лонгфелло, не заслуживающихъ вниманія. По мнѣнію Филалета, это тотъ самый благоразумный человѣкъ, о которомъ сказано въ историческомъ очеркѣ событій въ Пизѣ во времена Уголино (Приложение III къ I книгѣ Божественной Комедіи, Адъ, стран. 317). Оттимо, между прочимъ, говоритъ что Ломбардо нарицательное имя и что онъ названъ такъ по французской манерѣ, такъ какъ во Франціи было въ обычаѣ называть всѣхъ итальянцевъ ломбардцами; Марко же (Бути называетъ его Марко Дака) долго жилъ въ Парижѣ. Напротивъ Боккаччіо считаетъ его прозвище Ломбардо за фамилію. Совершенно неосновательно мнѣніе Портичелли, считающаго его за знаменитаго путешественника Марко Поло, такъ какъ послѣдній жилъ еще при Данте и умеръ не ранѣе 1323 г., въ которомъ было сдѣлано его духовное завѣщанье. «Марко Дака изъ Венеціи, прозванный Ломбардо, былъ то, что въ средніе вѣка называли придворнымъ, т.-е. такой человѣкъ, который, переходя отъ одной династіи къ другой, по своимъ нравамъ, находчивости, а также по своимъ остроумамъ и запасамъ анекдотовъ повсюду былъ принимаемъ, какъ желанный гость, котораго рѣдко отпускали отъ себя иначе, какъ наградивъ щедро подарками, и который, при случаѣ, служилъ въ ратномъ дѣлѣ, или въ посольствахъ». К. Витте.

48. Т.-е. уже не мѣтятъ изъ лука въ эту цѣль, или, другими словами, никто не дорожитъ ею.

49. Т.-е. въ четвертый кругъ чистилища: это отвѣтъ на второй вопросъ Данте.

51. «Въ томъ чертогѣ», т. е., когда ты будешь на небѣ и узришь дворы Господни (стихъ 41).

52—53. «Здѣсь Данте въ первый разъ высказываетъ, что онъ еще во время своего странствованія самъ молится за другихъ, не дожидаясь своего возврата на землю, чтобы просить живыхъ молиться за умершихъ. То же самое повторяется въ Чистилища XXVI, 130». Ноттеръ.

53—55. Въ подлинникѣ: *Ma io scoppio dentro a un dubbio, s'io non me ne spiego*, буквально: но я разорвусь отъ одного сомнѣнія, если я не разрѣшу его себѣ. «Поэтъ самъ убѣжденъ, что міръ въ дурномъ положеніи. То, что ему сказалъ объ этомъ въ XVI пѣсни Гвидо дель Дука (простое сомнѣніе), и то, что ему говоритъ теперь Марко, утверждаетъ его въ этомъ убѣжденіи (удваиваетъ сомнѣніе). Самое же сомнѣніе состоитъ въ томъ, чтобы дознаться настоящей причины этой порчи, именно: слѣдствіе ли это испорченной воли людей, или предопредѣленія свыше и вліянія звѣздъ, какъ въ это вообще вѣрили въ средніе вѣка (стихъ 67—68). Штрекфуссъ.—Сказавъ: «Таковъ ли грунтъ страны, или свѣчай злой влечетъ тамъ къ злу для горя» (XIV, 38—39), Гвидо дель Дука оста-

виль этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ для Данте: это-то собственно и составляетъ простое сомнѣніе.—«Марко порицаетъ настоящій вѣкъ (стихъ 48) точно такъ, какъ порицалъ его выше Гвидо дель Дука. Сличивъ слова обѣихъ тѣней, Данте удваиваетъ тѣмъ самымъ свое сомнѣніе и безпокойство: онъ заблуждается насчетъ божественнаго правосудія, допустившаго такъ много прегрѣшеній въ настоящемъ вѣкѣ». Ноттеръ.

62. «На небѣ», т. е. во вліяніи звѣздъ; «вообще во всемъ этомъ мѣстѣ подъ именемъ неба надобно разумѣть не Бога, а единственно это вліяніе созвѣздій. Въ это вліяніе вѣрилъ и Данте наравнѣ съ современниками, но однако такъ, что свобода воли человѣка не слишкомъ сильно ограничивается этимъ вліяніемъ». Филилетъ.

66. «Т.-е. сомнѣніе, тобою выраженное, ясно доказываетъ, что ты еще житель міра (или, буквально, что ты идешь изъ міра), помраченнаго слѣпотою невѣжества и заблужденія». Скартаццини.

67—69. «Въ слѣдующемъ положеніи совершенно опредѣленно высказана свобода нравственной воли. Это положеніе направлено противъ тѣхъ, которые вѣрили, что непреодолимое предназначеніе отдѣльной личности къ специальнымъ добродѣтелямъ или грѣхамъ прямо зависитъ отъ его созвѣздія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не противорѣчитъ господствовавшему тогда ученію блаж. Августина о наслѣдственномъ грѣхѣ и о благодати по избранію. Ибо можно отрицать такое непреодолимое предназначеніе, не принимая черезъ то падшую природу человѣка за способную, или, по крайнѣй мѣрѣ, за достаточно сильную для того, чтобы она по своей собственной силѣ могла жить, безусловно подчиняясь нравственному закону. По ученію блаж. Августина, свобода воли не можетъ уничтожаться; но онъ отрицаетъ, чтобы этой своей собственной воли было достаточно для достиженія святости». Каннегиссеръ.

70—72. «Мнѣніе, что человѣкъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на него одновременно дѣйствуютъ два противоположныхъ и совершенно равныхъ раздраженія, не имѣетъ будто бы свободы воли и потому находится подъ гнетомъ (Рая IV, 1—3 и 7—9),—такое мнѣніе, очевидно, не есть мнѣніе самого Данте, но должно быть принято лишь какъ приноровленіе къ научнымъ положеніямъ тогдашней схоластики. Данте хочетъ этимъ показать свою ученость». Ноттеръ. «Божественное правосудіе требуетъ отъ человѣка свободной воли, которую не должно ограничивать никакое вліяніе звѣздъ. Поэтъ является въ этихъ мысляхъ и въ слѣдующемъ затѣмъ изложеніи не только великимъ ученымъ, но и истинно глубокомысленнымъ и просвѣщеннымъ изслѣдователемъ». Флейдереръ. Сличи Боэція, Cons. phil. V, 2, гдѣ онъ говоритъ: «Neque enim fuerit ulla rationalis natura, quin eidem libertas adsit arbitrii».—«Corpora coelestia in corpora quidem imprimunt directe et per se, in vires autem animae quae sunt actus organorum corporeorum, directe quidem, sed per accidens; quia necesse est hujusmodi actus harum potentiarum impediri secundum impedimenta organorum, sicut oculus turbatus non bene videt. Unde si intellectus et voluntas essent vires corporeis organis alligatae, ex necessitate sequeretur quod corpora coelestia essent causa electionum et actuum humanorum; et ex hoc sequeretur quod homo naturali instinctu ageretur ad suas actiones, sicut caetera animalia, in quibus non sunt nisi vires animae corporeis organis alligatae: nam illud quod fit in istis inferioribus ex impressione corporum coelestium, naturaliter agitur, et ita sequeretur quod homo non esset liberi arbitrii, sed haberet actiones determinatas, sicut et ceterae res naturales; quae manifeste sunt falsa». Тома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CXV, art. 4.—«Уже Тертуллианъ говорилъ, что если бы нравственные поступки зависѣли не отъ свободной воли, а были бы подчинены

закону необходимости, то хорошіе не заслуживали бы похвалы и дурные по-
рицанія». Каннегиссеръ.—«Nec boni nec mali jure merces pensaretur ei qui
aut bonus aut malus necessitate fuisset inventus, non voluntate». Тертуллианъ.
Contr. Marc. 1. II.

73. По астрологическимъ представленіямъ среднихъ вѣковъ, все происходя-
щее на землѣ находилось подъ вліяніемъ звѣздъ (Рая XIII, 61). Вліяніе ихъ обу-
словливаетъ въ животныхъ и растеніяхъ большее или меньшее преуспѣяніе;
самые даже камни заимствуютъ отъ звѣздъ свои силы. Точно такъ и въ чело-
вѣкѣ созвѣздіе обусловливаетъ натуру его наклонностей какъ тѣлесныхъ, такъ
и духовныхъ. Венера дѣлаетъ его воспримчивымъ къ любви, Марсъ надѣляетъ
его воинскимъ мужествомъ и охотой къ воинственнымъ забавамъ и т. д. Но
эти дары вмѣстѣ съ тѣмъ и искушенія. Родившіеся подъ вліяніемъ Венеры бо-
лѣе увлекаются плотскими удовольствіями, нежели тѣ, которые явились въ міръ
подъ вліяніемъ Сатурна; но эти искушенія не непреоборимыя. Они должны
и могутъ быть побѣждены успѣшно волею, определяемою нравственнымъ за-
кономъ и освящаемою чрезъ божественную милость. Эта то побѣда надъ зама-
нивающимъ вліяніемъ неба (стихъ 77) уподобляется восхожденію на гору Чисти-
лища. Вначалѣ она тяжела для тѣла; но мало-по-малу становится все болѣе
легкой и, наконецъ, битва вовсе уже не представляется битвою». К. Витте.—
«Corpora coelestia non possunt esse per se causa operationum liberi arbitrii; pos-
sunt tamen ad hoc dispositive inclinare, in quantum imprimunt in corpus huma-
num, et per consequens in vires sensitivas, quae sunt actus corporalium organo-
rum, quae inclinant ad humanos actus». Тома Акв. Sum. Theol. p. II. 2-oe qu.
XCV, art. 5.

74. «Не всѣмъ, во-первыхъ, побужденіямъ нашей души даютъ толчокъ
свѣтила; но, кромѣ того всегда въ человѣкѣ остается точно выраженная соб-
ственная рѣшимость, для того чтобы стать ему соучастникомъ высшей, «лучшей
природы» и воли (собственно силы—*forza*), т.-е. божественной благодати, на-
вѣчно ставящей духъ его превыше незнаемой силы свѣтилъ (свобода во Хри-
стѣ)». Флейдереръ.

75. «Свѣтъ», т.-е. свѣтъ разума и откровенія для того, чтобы отличать
доброе отъ злого, хорошее отъ дурного.

76—78. «Съ небомъ бой», т.-е. со вліяніемъ свѣтилъ. «Вскормленная» воля,
т.-е. развитая научными познаніями, любовью и добродѣтелью (Сличн Ада I,
104) «побѣдитъ во всемъ»,—«Nihil prohibet per voluntariam actionem impediri
effectum coelestium corporum, non solum in ipso homine, sed etiam in aliis re-
bus, ad quas hominum operatio se extendit». Тома Акв. Sum. Theol. p. I,
qu. CXV, art. 6.—«Contra inclinationem coelestium corporum homo potest per
rationem operari». Ibid. p. II, 2-oe qu., XCV, art. 5.—Резюмируя все сказанное
поэтомъ въ стихахъ 67—78, получимъ слѣдующія положенія: 1) люди стараются
оправдать себя въ дурныхъ своихъ поступкахъ тѣмъ, что приписываютъ при-
чину ихъ вліянію свѣтилъ въ томъ смыслѣ, что были-де побуждены къ такимъ
поступкамъ силою необходимости; 2) Такое ученіе совершенно уничтожаетъ
свободный выборъ, свободную волю и обвиняетъ въ несправедливости Бога,
награждающаго добро и наказующаго зло. 3) Хотя и вѣрно, что небо, т. е. свѣ-
тила, ниспосылаетъ въ человѣка первыя наклонности—побужденія, порывы,
хотя и не всѣ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ приобретаются дурными при-
вычками; однакожь 4) руководствуясь свѣтомъ разума и откровенія, человѣкъ
можетъ и долженъ бороться противъ вліянія свѣтилъ, т.-е. дурныхъ природ-
ныхъ наклонностей. 5) Эта борьба хотя трудна и утомительна вначалѣ, но тѣмъ
не менѣе 6) человѣку удается вполне преодолѣть элементы, сообщенные небомъ—

свѣтилами, если только свободная воля питается сказаннымъ свѣтомъ». Скартаццини.

79. Т.-е. Богу, воля котораго (сила) больше, а природа несравненно совершеннѣе силы и природы небесныхъ тѣлъ.

80. Т.-е. Богъ, создавая васъ, не лишилъ васъ свободной воли, не побуждая васъ ни къ добруму, ни къ злему; разумная же и интеллектуальная душа ваша создана силою и природою самого Бога,—вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ средневѣковыхъ схоластиковъ, полагавшихъ, что хотя душа человѣка и рождена Богомъ, но не непосредственно Имъ. Данте слѣдуетъ здѣсь Томъ Аквинскому: «Anima brutorum producitur ex virtute aliqua corporea, anima vero humana a Deo». Sum. Theol. p. I, qu. LXXV, art. 6; и далѣе: «Quidam posuerunt quod Angeli, secundum quod operantur in virtute Dei, causant animas rationales. Sed hoc est omnino impossibile, et a fide alienum. Ostensum est enim, quod anima rationalis non potest produci nisi per creationem. Solus autem Deus potest creare... Anima rationalis non potest produci nisi a Deo immediate». Ibid. qu. XC, art. 3.

80—81. «Даже и послѣ грѣхопаденія у человѣка все еще остались разумъ и свободная воля, хотя и въ ослабленной степени. Но въ борьбѣ съ грѣхомъ человѣкъ нуждается въ божественной милости. Онъ долженъ слѣдовать влеченію этой высшей силы, для того чтобы устоять въ этой борьбѣ; но и это слѣдованіе есть движеніе добровольное. Человѣкъ долженъ дѣйствовать одновременно съ милостью Господнею. Если, такимъ образомъ, онъ останется побѣдителемъ въ первой битвѣ и получить оправданіе, то благодать содѣйствующая и его собственное усиліе приведутъ его въ общеніе съ истинной свободой чадъ Господнихъ, гдѣ ему уже нечего опасаться какого бы то ни было вліяніе свѣтиль. Исходя изъ этой Согословской точки зрѣнія, можно подъ сказанной «лучшей природой» разумѣть движимую самимъ Божествомъ высшую волю, а подъ «смысломъ» (въ подлинникѣ *mente*)—привычку къ добру, въ чемъ и состоитъ добродѣтель». Филалетъ.

85—93. «Для того чтобы перейти къ основанному на борьбѣ за свободу воли души, самимъ Богомъ установленному «церковно-государственному» міроправленію, — Данте возвращается къ возникновенію самой души, которое онъ понимаетъ, какъ актъ божественнаго творчества. Сличн Чистилища XXV». Флейдереръ.

85. «Прежде чѣмъ ей быти» (*prima che sia*) — оборотъ рѣчи церковно-славянскій, какъ въ Псал. LXXXIX, 3: «Прежде даже горамъ не быти», и Иерем. I, 5: «Прежде неже мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесть, освятихъ тя».

86. «Какъ рѣзвое дитя» (*a guisa di fanciulla*, дѣвочка)—сравненіе заимствовано изъ Платона (*Olimpiodorus*): *ὅτι χορικός μὲν εἰς γένεσιν κάτεσιν ἢ ψυχῇ*, на подобіе дѣвочки нисходитъ душа въ рожденіи.

87. Въ подлинникѣ: *Che piangendo e ridendo pargoleggia*, которая плачетъ и смѣется играя, «чѣмъ выражается, что мы уже отъ природы расположены къ страстямъ и что съ этимъ расположеніемъ уже рождаемся и потому измѣнчивы, какъ дѣти». Бутт.

88. Схоластники объясняли душу человѣческую какъ чистую форму; но такъ какъ она вмѣстѣ съ тѣмъ есть и субстанція, каждая же субстанція существуетъ внѣ Божества, или же должна быть изъ возможности (*potentia*) переводима въ дѣйствительности (*actus*), то отсюда приходили въ затрудненіе, когда не принимали никакой матеріи для души, подъ чѣмъ именно разумѣлось *ens in potentia*. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, ничего болѣе не находили, какъ

принять душу за продукт чистаго творческаго акта, для чего требовалось допущеніе не иной какой матеріи, кромѣ чистой мысли бытія въ божественной сущности. Тома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XC». Филалетъ.

89—93. «Испешая отъ самаго Бога, душа стремится возвратиться опять къ Богу же, какъ къ высочайшему благу. Во всемъ, что ей кажется сколько-нибудь хорошимъ, она мнитъ видѣть Его образъ, и потому устремляется къ этому мнимому благу. Но при этомъ она нерѣдко ошибается, почему и нуждается въ поученіи (вождѣ) и дисциплинѣ (уздѣ), которые удерживали бы ее отъ преслѣдованія ошибочныхъ цѣлей». К. Витте.

91—92. Данте говоритъ въ своемъ Convivio, IV, 12: «Высочайшее желаніе всего сущаго и прежде всего дарованное ему природою—возвращеніе къ своему источнику; а какъ Богъ есть источникъ нашихъ душъ, и создатель ихъ по своему образу, какъ написано: «Сотворимъ челоуѣка по нашему образу и подобию», то душа эта главнымъ образомъ желаетъ возвратиться къ Нему. И какъ пилигримъ, идущій по дорогѣ, на которой онъ никогда прежде не бывалъ, принимаетъ каждый домъ, который онъ издали видитъ, за гостиницу, и увидя, что это не гостиница, направляетъ свою надежду на другой домъ, и такъ отъ дома къ дому, пока не достигнетъ гостиницы; точно такимъ же образомъ душа наша, тотчасъ какъ вступитъ въ новый и не пройденный ею путь сей жизни, обращаетъ глаза къ цѣли ея высочайшаго блага; и потому что ни увидитъ она кажущееся ей заключающимъ въ себѣ какое-нибудь благо, она считаетъ, что это именно оно и есть. А какъ ея знаніе въ началѣ несовершенно, и такъ какъ душа неопытна и не научена, то малыя блага кажутся ей большими, а потому съ нихъ и начинаются ея желанія. И вотъ мы видимъ, что дѣти чрезмѣрно хотятъ сперва имѣть яблоко, а потомъ, идя далѣе, желаютъ имѣть птичку, еще далѣе—красивую одежду, а потомъ—лошадь, затѣмъ—женщину, а затѣмъ—богатство не очень большое, а потомъ—побольше, и потомъ—еще больше. И это происходитъ оттого, что она не находитъ во всѣхъ сихъ вещахъ того, чего она ищетъ, и полагаетъ найти его дальше».

92. «Изъ стиховъ 67—69 видно, что это изреченіе не означаетъ, что душа безъ руководства и вождя должна необходимо выбрать себѣ дурную дорогу. Слѣди Чистилища XVIII, 61—75». Ноттеръ.

93. «Узда», удерживающая душу отъ стремленія къ ложнымъ благамъ. «Вождь»—направляющій ее къ благу истинному.

94—96. Convivio tr. IV, c. 4: «A perfezione della umana spezie conviene essere uno quasi nocchiere, che considerando le diverse condizioni del mondo, e li diversi e necessarij ufficj ordinando, abbia del tutto universale e irrepugnabile ufficio di comandare. E questo ufficio è per eccellenza imperio chiamato e chi a questo ufficio è posto, è chiamato imperadore.—«Царь (въ подлинникѣ король, rege) означаетъ очевидно императора. Этотъ стихъ освѣщается наилучшимъ образомъ соответствующими мѣстами изъ Convivio и Liber de Monarchia. «Чтобы достигнуть своей высшей божественной цѣли, родъ челоуѣческій прежде всего нуждается во внѣшнемъ мирѣ, чтобы отдѣльныя личности людей, города и государства не приходили во враждебныя столкновенія другъ съ другомъ, но взаимно бы другъ другу помогали. Для того жѣ, чтобы не нарушалось это мирное состояніе, необходимо, чтобы люди познавали правое и хотѣли бы имѣть его. Первое достигается существованіемъ писаныхъ законовъ, послѣднее—присутствіемъ единовластителя, императора, поставленнаго столь высоко, что онъ владѣетъ всѣмъ, такъ что и желать ему больше нечего, и потому можетъ быть величепріятнымъ судьей королей. Въ его вѣдѣніи находится лишь то, что относится къ волѣ челоуѣка, почему онъ также называется всадникомъ чело-

вѣческой воли. Напротивъ, область мышленія и познаванія что ни на есть вышаго въ чловѣкѣ не подлежитъ его скиптру. На него должно смотрѣть, какъ на того, который постоянно имѣетъ въ виду не болѣе, какъ внѣшніи стѣны Божественнаго Града (въ подлинникѣ: башню, la torre), ограждаемая имъ отъ внѣшнихъ враговъ соблюденіемъ существующихъ законовъ и правосудіемъ». Филалетъ. Ноттеръ. — «Прежде всего чловѣчество нуждается въ мирномъ правителѣ, который бы въ «Градѣ Правды», въ Божьемъ царствѣ на землѣ, имѣлъ въ виду башню, т. е. обезпечивалъ бы внѣшній миръ чловѣчества. — Этимъ обозначается необходимость и кругъ дѣятельности императорства, въ отличіе отъ папства». Флейдереръ. Сличи Ада I, 71, 124; Рая XXVII, 139 и слѣд.

97. Хотя и есть необходимые законы, но кто же заботится объ ихъ исполненіи? Императоръ объ этомъ не заботится, такъ какъ онъ далекъ отъ Италіи; господствующій тамъ пастьеръ, т. е. папа, столь же мало о нихъ заботится, напротивъ, препятствуетъ, чтобы гдѣ-нибудь утвердилось нравственное правленіе.

98—99. Данте сравниваетъ здѣсь папу съ нечистымъ животнымъ, намекая на законъ Моисеевъ, раздѣляющій животныхъ, относительно употребленія ихъ въ пищу, на чистыхъ и нечистыхъ (Левитъ XI, 3, и слѣд.; Второзак. XIV, 7 и слѣд.). Объ аллегорическомъ значеніи этого закона Моисеева Фома Аквинскій говоритъ: «Animal enim quod ruminat et unguam findit, mundum est significatione, quia fissio unguulae significat distinctionem duorum testamentorum, vel Patris et Filii, vel duarum naturarum in Christo, vel discretionem boni et mali; ruminatio autem significat meditationem Scripturarum, et sanum intellectum earum». Sum. Theol., p. I, 2-e qu. CII, art. 6.—По объясненію блаж. Августина, отрыганіе жвачки обозначаетъ мудрость, двоеніе копытъ—нравственность; словомъ, — подъ первымъ разумѣлось въ средніе вѣка познаніе божественныхъ вещей, подъ вторымъ — безупречный образъ жизни и христіанская дѣятельность. (По мнѣнію нѣкоторыхъ, нераздвоенное копыто обозначаетъ папскій дворъ, не различающій свѣтской власти отъ духовной; но что же обозначаетъ въ такомъ случаѣ отрыганіе жвачки?). Итакъ, очевидно, что Данте, придерживаясь ученію Фомы Аквинскаго, хотеть сказать, что хотя папа и могъ бы размышлять и понимать Писаніе, но не желаетъ различать пути міра отъ божественныхъ, папскій посохъ отъ меча, или правленія: временное и духовное. Такъ его понимали и другіе комментаторы, напр. Postillatore Cassinese: «Non habet unguulas scissas, idest, non habet discretionem nec facit inter temporalia et spiritualia differentiam». — Петръ Данте: «Praesentes pastores, licet sint sapientes, et sic ruminant, tamen non habent unguulas fissas in discernendo et dividendo temporalia a spiritualibus». Ландино.—По мнѣнію Филалета, Ноттера и Флейдерера, подъ отрыганіемъ жвачки должно разумѣть толкованіе о добродѣтели и законахъ, подъ двоеніемъ копытъ—добрыя поступки и, въ особенности, щедрость, въ противоположность сжатымъ кулакамъ, признаку скупости (Ада VII, 56). Въ такомъ случаѣ Данте, повидимому, хотеть сказать, что правящій теперь папа Бонифацій VIII, хотя и жуеть жвачку, т. е. знаетъ христіанское ученіе, или то, что онъ подъ симъ разумѣетъ, декреты (Рая IX, 134), и много о нихъ толкуетъ; но какъ образецъ, который онъ долженъ представлять въ жизни, онъ не имѣетъ раздвоенныхъ копытъ. Последнее же обозначаетъ, что не только папа не идетъ путемъ добродѣтели, но и указываетъ специально на его алчность, что онъ все держитъ въ крѣпко сжатомъ кулакѣ. Въ немъ удерживается папой все притекающее въ Римъ золото и отнятая у императора власть.

102. «Тотъ же кормъ», т. е. земныя богатства и свѣтское могущество и почести, какъ сказано въ старинномъ французскомъ стихотвореніи, приведенномъ въ комментаріи Лонгфелло:

Au temps passé du siècle d'or
Crosse de bois, évêque d'or;
Maintenant changent les lois,
Crosse d'or, évêque de bois.

103—105. «Это—пастыри безсмысленные: всѣ смотрятъ на свою дорогу, каждый до послѣдняго, на свою корысть». Исайи LVI, 11.—«Народъ мой былъ какъ погибшія овцы; пастыри ихъ совратили ихъ съ пути, разогнали ихъ по горамъ». Иереміи, I, 6.

106—108. «Два солнца», т. е. папа и императоръ. «Первый долженъ вести человѣка къ вѣчному блаженству, указывая ему путь божественный; второй—руководитъ человѣкомъ въ достиженіи имъ блаженства въ этой жизни, указывая ему пути мірскіе. Обѣ эти власти Данте называетъ солнцемъ въ томъ смыслѣ, какъ оно имъ принято въ Ада I, 17 (Che mena dritto altrui per ogni calle).—Это изреченіе совершенно объясняется тѣмъ, что сказано Данте въ Liber de Monarchia III, с. 16». Скартаццини.—«Итакъ, два солнца, а не одно солнце папства», «мѣсяцемъ коего служитъ императорство», какъ сказалъ папа Григорій VII». Флейдереръ.—Папа Бонифаций VIII сказалъ по поводу императора Альбрехта: «Io son Cesare, io l'imperadore».

109—112. Слившись между собою въ одной рукѣ, эти двѣ власти, естественно, не имѣютъ болѣе уваженія другъ къ другу, а чрезъ это уничтожается осторожное исполненіе той и другой. «Quando li cherici non aveano se non lo spirituale, temevano di falire e di vivere disonestamente se non per l'amore di Dio, al meno per paura de' secolari che, vedendo la loro mala vita, non denegasseno loro le loro elemosine; e cosi li secolari temevano difallire e vivere male, considerando lo prelato e si diritto che non m'assolverà; ora vedendo lo cherico dato a le cose temporali, dice: Così passo fare io, com' elli». Бути.

114. Намекъ на слова Спасителя: «По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые, а худое дерево приноситъ и плоды худые: не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итакъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ». Матѣ. VII, 16—18 и 20. Данте извратилъ эти евангельскія слова: по сѣмени узнаютъ злакъ, а не по алаку сѣмя.

115. «Льетса По съ Адиджемъ»—этимъ обозначаются область Тревизская Ломбардія и Романья.

117. «Фридрихъ II Гогенштауфенскій, такъ какъ съ него началась борьба императоровъ съ папами. Ада X, 119. Всѣ комментаторы разумѣютъ здѣсь ссоры этого императора съ папами Гоноріемъ III, Григоріемъ IX и Иннокентіемъ IV (что, впрочемъ, исторически не доказано, Виго, Dante e la Sicilia, p. 19).—«Per Lombardia et per la Marca Trevigiana si solea trovare liberalità, magnanimità et cortesia; ma ora nullo si sa di quelle, et questo è stato dappoi che Federigo, cioè lo' mperio, è stato imbrigato da' cherici». Бенвенуто Рамбалди. Очевидно, поэтъ порицаетъ въ этомъ мѣстѣ не только папство, но и императора, приписывая имъ обоимъ вину порчи нравовъ въ народѣ—новое доказательство справедливости и непристрастія его сужденій». Скартаццини.

118—120. «Жесточайшая пронія! Всякій негодяй, которому прежде стыдъ

не позволялъ не только говорить, но даже приблизиться къ честному человѣку, можетъ теперь спокойно проходить по этимъ странамъ въ полной увѣренности, что не встрѣтитъ хорошаго человѣка, къ которому бы онъ не посмѣлъ приблизиться». Скартаццини.

124—126. Куррадо да Палаццо, изъ древней брешіанской фамиліи, въ 1279 г. былъ подестою въ Сьенѣ и вообще былъ, повидимому, человѣкомъ, часто призывавшимся на эту должность въ различные города.—Герардо да Каммино, предводитель гвельфской партіи въ маркѣ Тревизианской, уже въ 1206 г. головой въ Фельтро и Беллуно. Съ 1283 по 1305 г. онъ управлялъ въ Тревизо. Умеръ въ 1307 г. Въ своемъ *Convivio* Данте отзывается о немъ съ большой похвалой. По словамъ Тирабоски, онъ былъ почитатель и покровитель провансальскихъ поэтовъ.—Гвидо да Кастель—гвельфская фамилія Роберти, дѣлилась на двѣ вѣтви: Гвидо принадлежалъ къ вѣтви да Кастелло и былъ родомъ изъ Реджіо». См. Филалетъ. Лонгфелло. К. Витте.

126. Французы и вообще ультрамонтаны называли въ средніе вѣка итальянцевъ ломбардцами. Въ Парижѣ улица, называемая теперь Rue des Italiens, до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія называлась Rue des Lombards. Боккаччіо въ одной изъ своихъ новеллъ заставляетъ двухъ французовъ сказать объ итальянцахъ: «*Questi Lombardi cani*». «Простой ломбардъ» означаетъ, что Кастель отличался безукоризненной прямою и честностью.

127. Это отвѣтъ на вопросъ, предложенный Данте въ стихахъ 58—63, т. е., что мѣръ пришелъ въ упадокъ, виною тому церковь римская, смѣшавшая власть свѣтскую съ духовной, повергшаяся въ грязь и запачкавшая и себя и свою тиару.

129. «*Ante omnia ergo dicimus, unumquemque debere materiae pondus propriis humeris excipere aequale, ne forte humerorum nimio gravatam virtutem in coepum cespitare necesse sit*». Данте, *De Vulg. Eloq. lib. II, c. 4*.

130—131. «И сказалъ Господь Аарону: въ землѣ ихъ не будешь имѣть удѣла и части не будетъ тебѣ между ними. И часть твоя и удѣлъ твой среди сыновъ Израилевыхъ». Числѣ XVIII, 20.—«Только колѣну Левіину не дасть онъ удѣла: жертвы Господа Бога Израилева суть удѣлъ его, какъ сказалъ ему Господь». Исуса Навина XIII, 14.

133—134. Какъ тосканецъ, Данте не могъ не знать о Герардѣ, имя котораго было извѣстно всей Тосканѣ; но поэтъ дѣлаетъ видъ, что онъ не знаетъ его, затѣмъ чтобы вызвать его этимъ на упоминаніе объ его дочери Гайѣ.

140. Герардо имѣлъ дочь, названную, вслѣдствіе ея красоты, Ганей (Gaja—радостная); «она была такъ скромна и добродѣтельна, что слава о ея красотѣ и добродѣтели распространилась по всей Италиі». Бути.—Напротивъ Оттимо, предшественникъ Бути, говоритъ о ней нѣсколько иначе: «*Madonna Gaja* была дочь мессера Герардо въ Каммино; это была синьора такого поведенія въ любовныхъ удовольствіяхъ, что имя ея стало пресловутымъ по всей Италиі; по чему и говорится здѣсь о ней въ такомъ смыслѣ».—«Все это, впрочемъ, одни предположенія: извѣстно только то, что она умерла въ 1311 г. и погребена въ Тревизо». К. Витте.

143—144. Души въ чистилищѣ, по ихъ собственной волѣ и желанію скорѣе очиститься, не покидаютъ круга назначеннаго имъ мученія (Чистилища XXI, 51 и примѣч.).

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

3. «По существовавшему въ средніе вѣка мнѣнію, кроты лишены зрѣнія. Учитель Данте Брунетто Латини говоритъ въ своемъ Tesoro: «Sapiate, che la talpe non vede lume, che natura non volle adoperare in lei d'aprire le pelli de suoi occhi, si che non vede niente, perche non sono aperti. Ma ella vede con la mente de cuore, tanto che ella vae come se ella avesse occhi». Впрочемъ Сави въ Пизѣ нашель на Апеннинахъ породу кротовъ, повидимому, совершенно слѣпыхъ, названную поэтому talpa саеса. Глазное яблоко, выдающееся у обыкновенныхъ кротовъ конусообразно изъ расщелины глаза,—у нихъ совершенно покрыто кожей, имѣющей у обыкновенныхъ породъ весьма небольшое отверстіе». Филалетъ.

10—12. Лучи заходившаго (стихъ 9) солнца освѣщали одни лишь верхнія круги горы, тогда какъ внизу уже наступила ночь.

13. «Фантазія», въ подлинникѣ: *imaginativa*. Она — хранительница чувственныхъ образовъ.—«Ad harum autem formarum retentionem aut conservacionem ordinatur phantasia, sive imaginatio quae idem sunt; est enim phantasia, sive imaginatio quasi thesaurus quidam formarum per sensum acceptarum». Тома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LXXVIII, art. 4.

15. Изъ жизни Данте приводятъ случаи, гдѣ онъ самъ до такой степени былъ увлеченъ своей фантазіей, что не замѣчалъ окружающаго; такъ однажды, погруженный въ чтеніе книги на улицѣ въ Сьенѣ, онъ не замѣтилъ длинной, проходившей мимо него при громѣ трубъ, праздничной процессіи. Боккаччіо

17. «По мнѣнію поэта, возбужденіе фантазіи,—если не является слѣдствіемъ внѣшняго, чувственного повода,—то объясняется дѣйствіемъ разлитаго по всей вселенной свѣта (Чистилища III, 30), какъ бы напитаннаго отпечатками давно совершившихся событій; порою онъ дѣйствуетъ на насъ случайно, самъ собой, порою,—по изволенію Божьему, представляетъ человѣку одинъ изъ такихъ образовъ». Ноттеръ.

19. По изволенію Божьему, какъ и въ Чистилища XV, 85 и примѣч., въ фантазіи поэта являются многіе образы; предметъ ихъ—гибельное дѣйствіе гнѣва; здѣсь они играютъ роль узды, тогда какъ въ XV пѣсни имѣли значеніе побудителей—бичей.

19—21. Мнѣ о Филомелѣ (Ovid. Metam. VI, 412—676). Насильственно обезчещенная своимъ тестемъ Тереемъ и лишенная имъ языка, Филомела

умертвила вмѣстѣ съ сестрой своей Прогной (женой Терей) Итиса, сына своего отъ Терей, и приготовила его голову въ видѣ блюда Терейю, въ невѣдѣніи съѣвшаго ее. Затѣмъ всѣ дѣйствующія лица этой драмы превращены въ птицъ: Терей въ удода, Прогна въ ласточку, Филомела въ соловья. Слѣжи Чистилища IX, 15 примѣч. Гомеръ рассказываетъ этотъ мифъ иначе:

Плачетъ Аида, Пандорова дочь блѣдноликая, плачетъ;
Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ
Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми
Сѣнями рощи, и жалобно льется рыдающей голосъ;
Плача, Итилоса милаго, сына Цетосова, мѣдью
Острой печально ею сраженнаго, мать поминаетъ.

Одиссея, Жуковскій XIX, 518—523.

25—30. Кн. Есѣиръ VII, 9—10: «И сказалъ Харбона, одинъ изъ евнуховъ при царѣ: вотъ и дерево, которое приготовилъ Аманъ для Мардохея, говорившаго доброе для царя, стоитъ у дома Амана, вышиною въ пятьдесятъ локтей. И сказалъ царь: повѣсьте его на немъ. И повѣсили Амана на деревѣ, которое онъ приготовилъ для Мардохея. И гнѣвъ царя утихъ». Данте слѣдовалъ здѣсь, конечно, латинскому переводу Библии (Vulgata), гдѣ Артаксерксъ нашей Библии называется Assuerus и вмѣсто висѣлицы говорится о крестѣ: «Et jussit excelsam parari crucem». Esth. V, 14.

31. «Сага», т. е. легендарный образъ этого сказанія. Слово сага достаточно извѣстно въ нашей литературѣ, почему я и рѣшился употребить его вмѣстѣ съ образомъ.

34—39. Третье видѣніе Данте заимствовало, въ честь своего учителя Виргилія, изъ Энеиды (XII, 601 и далѣе). Лицо, говорящее здѣсь,—Лавинія, единственная дочь царя Лаціума Латина (Ада IV, 125—126) и Аматы. Последняя въ гнѣвѣ, или, лучше сказать, въ отчаяніи, что ея дочь Лавинія, просватанная ею за царя рутуловъ Турна, должна была выйти замужъ, вопреки желанію матери, за Энея, рѣшилась въ досадѣ и безсильной злобѣ повѣситься, находясь при этомъ въ невѣдѣніи, что Турнъ уже побѣжденъ и убитъ Энеемъ, хотя въ дѣйствительности онъ былъ еще живъ въ то время, когда Амата рѣшилась на самоубійство. Въ письмѣ къ Генриху VII Данте говоритъ: «Наес Amata illa impatiens, quae, repulso fatali connubio, quem fata negabant generum sibi adscire non timuit, sed in bella furialiter provocavit, et demum, male ausa luendo laqueo se suspendit».

36. Въ подлинникѣ: Per ché per ira hai voluto esser nulla? Самоубійца дѣйствительно полагаетъ въ минуту совершенія имъ преступленія, что уничтожаетъ себя. Нечего, кажется, говорить, что Данте не сомнѣвался въ безсмертіи души.

40—42. Дѣйствуя черезъ закрытыя вѣки на сѣтчатую оболочку глаза, внезапный свѣтъ вызываетъ пробужденіе; но сознание не можетъ тотчасъ же освободиться отъ сна, и грѣзы, вызванныя сномъ, какъ бы раздробленныя на части или обломки, носятся (собственно животрепещуть: guizza) передъ глазами пробудившагося.

44. Свѣтъ отъ ангела, охраняющаго этотъ кругъ.

47. «Свѣтъ» внезапно поражаетъ очи Данте, восхищенное экстазомъ воображеніе котораго все еще погружено въ созерцаніе пагубныхъ послѣдствій гнѣва, и когда онъ, ослѣпленный блескомъ и разстроенный, спрашиваетъ самого себя, гдѣ онъ находится, къ внезапному свѣту присоединяется еще чей-

то голосъ, который, кротко приглашая его взойти на гору, вмѣстѣ съ тѣмъ разгоняетъ передъ нимъ всѣ странныя видѣнія. Этотъ свѣтъ и голосъ исходятъ отъ ангела мира и первый, конечно, ослѣпляетъ и угнетаетъ только что выступившаго изъ дыма гнѣва; но, слившись тотчасъ же съ голосомъ, вливающимся въ глубину души чувство безопасности, просвѣщаетъ и побуждаетъ человѣка на тѣхъ мирныхъ путяхъ, гдѣ благополучно шествуютъ люди кроткіе». Перецъ.

49. Буквальный переводъ: E fece la mia voglia tanto pronta.

52—54. «Сила моего зрѣнія была безсильна усмотрѣть представшій мнѣ предметъ, подобно тому, какъ она уничтожается при взглядѣ на солнце; ослѣпляя глаза чрезмѣрнымъ своимъ блескомъ, оно скрываетъ въ немъ свой видъ». Скартаццини.

55—56. «Безъ нашихъ просьбъ». Человѣколюбіе не требуетъ, чтобы его просили, оно подаетъ помощь безъ просьбъ, по доброй волѣ. «La terza cosa, nella quale si può notare la pronta liberalità, si è dare non domandato: perciocchè dare 'l domandato è da una parte non virtù, ma mercatanzia: perocchè quello ricevitore compra, tutto ché 'l datore non venda; perchè dice Seneca: che nulla cosa più cara si compara, che quella dove l'prieghi si spendono (Сенека, De Benef. 1. II, C, 1: Nulla res carius constat, quam quae praecibus empta est). Onde, acciocchè nel dono sia pronta liberalità è che essa si possa in esso notare, allorè, conviene essere netto d'ogni atto di mercatanzia; e così conviene essere lo dono non domandato. Convivio, tr. I, c. 8 in fin.

57. «Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою». Псалт. СIII, 2.

58—60. Человѣкъ не ждетъ отъ самого себя просьбы, чтобы сдѣлать себѣ что-нибудь пріятное. Данте сравниваетъ здѣсь любовь ангела къ людямъ съ собственною любовью послѣднихъ къ самимъ себѣ. Ангель поступаетъ здѣсь по евангельскому правилу: «И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними», Луки, VI, 31; Матѣ. VII, 12; «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя». Марк. XII, 31; Посл. къ Галат. V, 14; Левитъ XIX, 18.

60. «Tarde velle nolentis est; qui distulit diu, noluit», говоритъ Сенека, De Benef. 1. II с. 1, цитата Ломбарди.

63. О причинѣ, препятствующей восходить на гору по захожденіи солнца, см. Чистилища VII, 44 и далѣе.

65. Т. е. въ слѣдующій кругъ чистилища.

67. «Beati pacifici, quoniam filii Dei vocabuntur—блаженны миротворцы, яко сынами Божиими нарекутся». Матѣ. V, 9. Въ подлинникѣ къ латинскимъ словамъ Beati pacifici еще прибавлено: che son senza ira mala, т. е., въ которыхъ нѣтъ неправеднаго гнѣва. Такъ въ Писаніи говорится о гнѣвѣ Божіемъ, который именно не есть гнѣвъ неправедный. Такъ и псалмопѣвецъ говоритъ: «Гнѣваясь не согрѣшайте». Псалт. IV, 5. Данте различаетъ здѣсь ira mala отъ ira buona, различіе, излагаемое подробно Фомою Аквинскимъ, Sum. Theol. p. II, 2 ae, qu. CLVIII, art. 1, 2, 3. Скартаццини.

68. Этотъ вѣтеръ возникаетъ отъ вѣянія крыль ангела, снимающаго еще одно Р съ чела поэта.

70—72. «Когда намъ случается быть на значительной высотѣ и когда солнце, скрытое отъ нашихъ глазъ въ низменныхъ долинахъ, позлащаетъ только самыя возвышенныя вершины горъ,—въ чистой и прозрачной атмосферѣ начинаютъ показываться въ разныхъ мѣстахъ неба звѣзды первой величины, блеску которыхъ не дѣлаетъ значительнаго препятствія чистый покровъ, составляющій сумерки угасающаго свѣта». Антонелли.—«Итакъ, со времени восхожденія въ третій кругъ прошло еще около трехъ часовъ. Теперь стало быть 28-е марта, или 8-е апрѣля, или 11-е апрѣля, около 6 ч. вечера». Филалетъ.

73—75. «Наступаетъ утомленіе, потому что исчезаетъ свѣтъ, который лишь одинъ придаетъ силу и терпѣніе на дорогѣ къ добру». Штрекфуссъ. Съ наступленіемъ ночи наступаетъ вообще бездѣйствіе въ чистилищѣ.

80. Т. е. въ четвертомъ, гдѣ наказуется грѣхъ унынія, стихъ 85 и далѣе.

83. «Въ скалистомъ гротѣ,» т. е. въ этомъ кругу, названномъ мною (для рѣмы) гротомъ, подобно тому, какъ и Данте нерѣдко употребляетъ это выраженіе для обозначенія скалъ (Чистилища III, 90; XIII, 45; XXVII, 87, равно и во многихъ мѣстахъ Ада XIV, 114; XXI, 110; XXXIV, 9).

85. «Любовь къ добру, ослабшую въ полетѣ,» въ подлинникѣ: *L'amor del bene, scemo di suo dover*, т. е. ослабленную въ исполненіи своего долга. Этими словами Данте опредѣляетъ грѣхъ унынія, состоящій въ недостаткѣ любви ко благу. «*Acedia ita deprimit animum hominis, ut nihil ei agere libeat; sicuti ea quae sunt acida, etiam frigida sunt. Et ideo acedia importat quoddam taedium operandi, ut patet per hoc quod dicitur in glossa (ord. Aug.) super illud psal. 106: Omnem escam abominata est anima eorum; et a quibusdam dicitur quod acedia est torpor mentis bono negligentis inchoare*». *Θομα Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae, qu. XXXV, art. 1. «Tristari de bono divino, de quo charitas gaudet, pertinet ad specialem vitium, quod acedia vocatur*». *Ibid. art. 2.*

87. *In questo luogo si emenda quello che s'è male indugiato nel mondo; e parla per similitudine: come li naviganti che sono stati infingardi a vogare, sono fatti dal nocchieri ristorare poi nel luogo dove può intendere a loro; così quive s'emenda coll'ardore de la mente la negligenzia avuta in questa vita ne le buone operazioni*. Бути.

91. «Въ слѣдующихъ стихахъ поэтъ даетъ образъ моральнаго построенія чистилища, точно такъ, какъ онъ представилъ намъ его для ада въ XI пѣсни 1-ой части своей поэмы. Для достиженія этой цѣли онъ, слѣдуя *Θомѣ Аквинскому*, излагаетъ такое ученіе. Любовь можетъ быть двоякая: естественная, природная, инстинктъ, и любовь душевная, духовная, рождаемая руководимыми свободною волею стремленіями. Первая любовь непроизвольная, зато вѣрная относительно своего предмета. Вторая либо избираетъ ложный предметъ, либо устремляется на надлежащій предметъ безъ мѣры, или слишкомъ нерадиво, или слишкомъ горячо. Если она выбираетъ первое, т. е. главнѣйшее, небесное благо, и стремится ко второму благу, т. е. къ земному счастью, но въ извѣстной мѣрѣ и надлежащемъ порядкѣ, тогда она приводитъ къ добродѣтели, въ противномъ же случаѣ—къ пороку, который есть насиліе противъ Создателя, предназначившаго насъ къ доброму и радостному. Сбившуюся съ пути своего любовь, которая ведетъ къ ненависти, человекъ не можетъ направить ни противъ самого себя (стихи 106—108), ни противъ Бога (стихи 109—111), ибо все это противорѣчило бы естественному стремленію. Потому любовь къ дурному можетъ быть направлена лишь во вредъ ближняго. Она ведетъ къ высокомерію (стихи 121—123). Эта любовь, отъ которой очищаются тѣни въ первыхъ трехъ кругахъ, грѣшитъ въ выборѣ предмета. Выше на горѣ очищаются тѣ души, любовь которыхъ не держалась надлежащей мѣры, и прежде всего тѣ, которыя были слишкомъ вялы въ любви своей къ первому благу, къ божественному, далѣе — тѣ, которыя были слишкомъ пылки въ своихъ стремленіяхъ къ земнымъ благамъ». Штрекфуссъ. — «Ты знаешь», намекъ на Иенку Аристотеля.

92. «Богъ есть любовь» (Иоан. I посл. IV, 8)—ученіе, многократно развиваемое отцами церкви. Слич: Варки, *Lezioni lette nell' Accademia Fiorentina Fir. 1594, Vol. I, p. 164*; также *Оцанамъ, Dante et la philosophie catholique, Paris 1845, p. 122* и др.

93. Природная, т. е. врожденная, инстинктивное, естественное стремление всѣхъ тѣлъ; духовная—любовь по выбору, любовь моральная, или любовь свободныхъ существъ. «Omne agens quodcumque sit, agit quatumcumque actionem ex aliquo amore». Тома Акв. Sum. Theol. P. I, 2-ое qu. XXVIII, art. 6; сличи также Convivio, tr III, с. 3.

94. «Инстинктъ, предоставленный самъ себѣ, никогда не ошибается; а если когда и кажется ошибающимся въ человѣкѣ, то ошибка здѣсь не со стороны инстинкта, а со стороны моральной любви; инстинктъ въ такомъ случаѣ встрѣчаетъ препятствіе къ проявленію своей силы». Скартаццини.

95. Т. е. любовь свободная или по выбору. Она ошибается троякимъ образомъ, а именно: во-первыхъ, избирая дурное: а) стараясь первенствовать, затоптать ближняго—гордость; в) страдая внутренно изъ страха быть униженной чрезъ повышеніе другихъ—зависть; с) считая себя жестоко обиженной и стараясь потому мстить за малѣйшую обиду—гнѣвъ; во-вторыхъ, любя безконечное благо менѣе должнаго, т. е. являя себя вялою въ приобрѣтеніи онаго—уныніе; въ-третьихъ, чрезмѣрно любя конечное благо и противъ должнаго и при томъ: а) неумѣреннымъ желаніемъ богатствъ, или же злоупотребленіемъ ихъ — скупость, расточительность; в) незнаніемъ мѣры въ удовольствіяхъ чрева—чревоугодіе и с) необузданнымъ удовлетвореніемъ плотскихъ удовольствій—сладострастіе. Сличи Ланчи, De spiritali tre regni cantati de Dante. Roma, 1855—56. P. II, Tav. I,—«Ad hoc ait Augustinus: sicut virtus est amor ordinatus, sic vitium, amor non ordinatus. Et hoc dupliciter: primo si sit amor mali; secundo si sit amor boni nimius vel modicus secundum duas species bonorum. Nam quaedam sunt bona parva, ut temporalia et corporalia; quaedam magna, ut bona gratiae et gloriae. Inordinatus ergo amor magni boni est, si sit modicus; et iste amor est radix gulae, luxuriae et avaritiae». Петръ Данте.

99. «Не безъ конца», т. е. умѣренно, въ надлежащихъ границахъ. «Любовь къ земнымъ благамъ, необходимымъ для сохраненія отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ родовъ, какъ питаніе тѣла, земныя богатства и т. п., не только не грѣховна, но, удерживаемая въ извѣстныхъ границахъ, называется даже добродѣтелю—умѣренностью. Грѣховною же она становится только при излишествѣ въ ту или другую сторону». К. Витте.

101. «Ко благу», т. е. къ земному благу.

103—105. Согласно ученію Тома Аквинскаго: «Primus motus voluntatis et cujuslibet appetitivae virtutis est amor». Sum. Theol. P. I qu. XX, art. 1. «Ex amore causatur et desiderium, et tristitia, et delectatio, et per consequens omnes aliae passiones: unde omnis actio quae procedit ex quacumque passione, procedit etiam ex amore sicut ex prima causa». Ibid. qu. XXVIII, art. 6.—«Boni aut mali mores sunt boni aut mali amores». Блаж. Августинъ, по цитатѣ Оцанама.

106—108. «Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти». Посл. къ Ефес. V, 29.—«Impossibile est quod aliquis, per se loquendo odiat se ipsum. Naturaliter enim unumquodque appetit bonum, nec potest aliquid sibi appetere, nisi sub ratione boni; nam malum est praeter voluntatem. Amare autem aliquem est velle ei bonum. Unde necesse est quod aliquis amet se ipsum; et impossibile est quod aliquis odiat se ipsum, per se loquendo». Ibid. P. I, 2-ое qu. XXXI, art. 1. Скартаццини.

109—111. «Deus autem per essentiam suam est ipsa bonitas, quam nullus habere odio potest, quia de ratione boni est ut ametur; et ideo impossibile est quod aliquis videns Deum per essentiam eum odio habeat». Ibid. qu. XXXIV, art. 1.

112. «Осталась», relinquitur, техническое выраженіе схоластическихъ школъ.

114. «Въ тѣлѣ нашемъ».—«И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земного». Бытія II, 7.

115—117. Въ этой терцинѣ обрисовывается гордость. «Suprbia dicitur esse amor propriae excellentiae, in quantum ex amore causatur inordinata prae-sumptio alios superandi; quod proprie pertinet ad superbiam». Ома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae qu. CLXII, art. 3.

118—120. Здѣсь характеризуется зависть. «Invidia est tristitia de alienis bonis... Aliquis tristatur de bonis alicujus, in quantum alter excedit ipsum in bonis; et hoc proprie est invidia». Ома Акв. p. II, qu. XXXVI art. 1, 2. «Invidia est tristitia de bono proximi». Ibid. art. 3. — Въ этихъ двухъ терцинахъ излагаются наказуемые въ первомъ и второмъ карнизахъ пороки гордости и зависти. Оба истекаютъ изъ одного и того же источника, именно изъ желанія стать выше своего ближняго, и тогда, какъ первый изъ нихъ состоитъ въ истекающей отсюда радости при видѣ приниженія ближняго, послѣдній — въ неудовольствіи отъ его повышенія. Эта радость и это неудовольствіе, если они истекаютъ не изъ вышепоименованной, а изъ другой причины, напр. изъ опасенія быть угнетеннымъ могущественнымъ врагомъ, или изъ радости по поводу справедливаго суда Божьяго гнѣва, — чувства эти не всегда бываютъ грѣховными. Такое мнѣніе Ома Аквинскій прямо высказываетъ по отношенію къ зависти, и называетъ этимъ именемъ только ту печаль при видѣ чужого счастья, которая происходитъ оттого, что счастье другого принимаютъ за свое собственное несчастье, такъ какъ оно уменьшаетъ собственную славу (in quantum est diminutivum propriae gloriae vel excellentiae. Ibid. art. 1). Гнѣвъ онъ вообще обозначаетъ лишь какъ *disordinatus appetitus propriae excellentiae*. Ibid. P. II, 2-ae qu. CLXIII. Филалетъ.

121—123. «Третій видъ зложеланія ближнему — гнѣвъ. Ома Аквинскій тоже говоритъ, что цѣль гнѣва есть мщеніе, но и здѣсь онъ отличаетъ похвальный гнѣвъ, когда желаемое мщеніе возникаетъ по законамъ разума, и недозволенный гнѣвъ, когда месть несправедлива, или поводъ къ ней быть неправый, т. е., если ею не сохраняется право, или не отмщается вина Ibid. qu. CLVIII. Данте говоритъ здѣсь именно объ этомъ послѣднемъ гнѣвѣ; въ стихѣ 69 слѣдующей пѣсни онъ прямо называется злымъ гнѣвомъ; наоборотъ въ стихѣ 9 Рая XXII идетъ рѣчь о гнѣвѣ дозволенномъ». Филалетъ.

126. Т. е. любовь, погрѣшающая избыткомъ или недостаткомъ силы.

127. «Добро», т. е. высшее благо Бога. — «Voi o terreni animali, avvegna che con sottil imagine, nondimento il vostro principio sognate, e quel vero fine di beatitudine, avvegna che non con chiaro, con alcuno almen pensiero (confusamente) ragguardate: e perciò vi mena al vero bene la naturale intenzione, e da quello multiplice errore vi ritrae. Боэціо, Consol. filos. 1. III, pr. 2». Скартацини.

129. «Fecisti nos, Domine, ad Te, et inquietum est cor nostrum donec requiescat in Te», говоритъ блаж. Августинъ.

132. «Уныніе и недѣятельность безъ покаянія ведетъ не въ чистилище, но въ то преддверіе ада, гдѣ пребываютъ души, жившія «безъ хулы и славы бытія, (Ада III, 36). Филалетъ.

133. Т. е. благо земное, не способное сдѣлать человѣка истинно счастливымъ.

134—135. «Въ Богѣ нѣтъ раздѣленія между формой и матеріей, между бытіемъ и сущностью; въ Немъ нѣтъ ничего случайнаго; все, что Онъ есть, есть существенное». Ома Акв. Sum. Theol. p. 1, qu. III. «Бытіе и благо въ дѣйствительности не отличаются; ибо все, что дѣйствительно есть, имѣетъ и извѣстное совершенство, оно есть благо въ извѣстномъ отношеніи. Но Богъ, Который во всемъ, что Онъ есть, совершененъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и существенно благо»

(bonum simpliciter)». Ibid. qu. XXVI. «Такъ какъ Богъ существенно благъ, то Онъ и обладаетъ высочайшимъ блаженствомъ, которое Фома Аквинскій прекрасно называетъ полнымъ счастьемъ духа, и лишь въ познании его заключается, въ свою очередь, высочайшее блаженство для существъ духовныхъ». Ibid. «Отъ Бога исходитъ все благое, какъ изъ своего первичнаго источника, первообраза и дѣйствующей причины, но такъ же, какъ и конечной причины; ибо все благое приводитъ опять-таки къ Богу. Потому Богъ и называется корнемъ и плодомъ всего благого. Но тѣмъ не менѣе благое, будучи однимъ и тѣмъ же во всѣхъ вещахъ, свойственно въ извѣстныхъ отношенiяхъ самимъ вещамъ, образуя въ нихъ различныя особенности». Ibid. qu. VI. По цитатѣ Филалета. Вотъ подлинныя слова Фомы Аквинскаго: «Solus Deus est bonus per suam essentiam. Unumquodque enim dicitur bonum, secundum quod est perfectum. Perfectio autem alicujus rei triplex est. Prima quidem, secundum quod in suo esse constituitur; secunda vero prout ei aliqua accidentia superadduntur ad suam perfectam operationem necessaria, tertia vero perfectio alicujus est per hoc quod aliquid aliud attingit sicut finem; utpote prima perfectio ignis consistit in esse, quod habet per suam formam substantialem; secunda vero ejus perfectio consistit in caliditate, levitate et siccitate, et hujusmodi; tertia vero perfectio ejus est secundum quod in loco suo quiescit. Haec autem triplex perfectio nulli creato competit secundum suam essentiam, sed soli Deo, cujus solius essentia est suum esse, et cui non adveniunt aliqua accidentia; sed quae de aliis dicuntur accidentaliter, sibi conveniunt essentialiter, ut esse potentem, sapientem, et alia hujusmodi; ipse etiam ad nihil aliud ordinatur sicut ad finem, sed ipse est ultimus finis omnium rerum. Unde manifestum est quod solus Deus habet omnimodam perfectionem secundum suam essentiam; et ideo ipse solus est bonus per suam essentiam». Sum. Theol., p. I, qu. VI, art. 3. Итакъ, Богъ корень и плодъ всего благого. «Unumquodque dicitur bonum bonitate divina, sicut primo principio, exemplari effectivo et finali totius bonitatis». Ibid. art. 4.

136—138. Скупость и расточительность, чревоугодие и сладострастiе. По Фомѣ Аквинскому (р. I, 2-ае, qu. LXXII, art. 2) эти три грѣха — грѣхи плоти, прочiе же — грѣхи духа.

139. «Omai per quello che detto é puote vedere chi ha nobile ingegno, al quale é bello un poco di fatica lasciare». Convivio, tr. III, c. 5.

ПѢСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

2. «Мудрѣйшій мужъ», Virgilii; въ подлинникѣ: *L'alto dottore*, высокій докторъ.

5—6. «Наружно молчаливый»—«и тѣмъ самымъ доказывать, что не вполне убѣдился». Бути.— То же опасеніе Данте выражаетъ и въ другихъ мѣстахъ поэмы, напр., въ Ада III, 80 и 56.

13—14. Въ предыдущей пѣсни (стихи 104—106) Virgilii сказалъ, что любовь даетъ посѣвъ какъ для добрыхъ, такъ и злыхъ дѣлъ.

18. Намекъ, повидимому, на ученіе эпикурейцевъ, по мнѣнію которыхъ всякое наслажденіе, а стало быть и любовь, похвально. Ниже этотъ обманъ разсматривается подробно. — «Вождей среди ихъ слѣпоты»: «Они слѣпые вожди слѣпыхъ; а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму». Матѣ XV, 14.

19—21. «Человѣческая душа легко подвижна ко всему прекрасному и пріятному (сличи Ада V, 100 и Чистилища XVI, 90—91), но она устремляется къ нему не прежде, какъ такое удовольствіе дѣйствительно будетъ существовать, при чемъ познавательная сила восприметъ въ себя нѣчто пріятное». Филалетъ.— «Присущая душѣ воля находится въ усыпленіи, она пребываетъ въ ней лишь какъ способность желанія, до тѣхъ поръ, пока не устремится къ желаемой цѣли и чрезъ то не станетъ пробудившеюся дѣятельною волей. Пробуждается же она вслѣдствіе удовольствія отъ достигнутой ею цѣли» К. Витте.

22—24. «Это побужденіе происходитъ такимъ образомъ, что чувственное представленіе вещей внѣшняго міра черезъ такъ называемый пассивный разумъ представляетъ душѣ отраженные образы, какъ въ зеркалѣ, которые затѣмъ становятся предметомъ сужденія. Если сужденіе объ этихъ образахъ будетъ благопріятное, то оно побуждаетъ волю обратиться къ этимъ образамъ, а стало быть и къ самому объекту этихъ образовъ». К. Витте.— «Возникновеніе любви изображено здѣсь точно такъ, какъ и въ «Очеркѣ Психологін» Фомы Аквинскаго. Два стиха, 26 и 27, довольно темные сами по себѣ, объясняются тѣмъ же очеркомъ; они относятся именно къ есте-

ственной гармонии, долженствующей существовать между предметом удовольствия и чувственною или духовною природою человѣка. Черезъ удовольствіе человѣкъ привязывается къ тому, къ чему онъ предрасположенъ природою». Филалетъ.

25—27. Это сужденіе и возникающая изъ него любовь основаны на законѣ природы, который сближаетъ между собою одно къ другому принадлежащее. Любовь, при помощи удовольствія содиняясь съ личностью любящаго, съ его самочувствіемъ, съ его первою природою, составляетъ для нея вторую природу, новую стихію». К. Витте.—«Эта любовь, которая названа «природной», въ Чистилица XVII, 93. Если здѣсь она называется сверхъ того даже просто «природой», то подъ этимъ надобно разумѣть высшую степень природной любви, возбуждающейся въ душѣ; ее должно отличать отъ врожденной или вкорененной. Любовь, напримѣръ, къ самому себѣ есть любовь врожденная или собственно природная; любовь къ другому лицу есть уже возбужденная, самопроизвольная». Каннегиссеръ.

28—30. «Наклонность огня подыматься вверхъ есть любимый примѣръ у схоластиковъ для олицетворенія такъ называемаго *appetitus naturalis* здѣсь—высшей степени любви. По своей формѣ, по внутреннему существу, огонь имѣетъ наклонность подыматься кверху, гдѣ онъ находитъ самую удобную стихію для развитія своей сущности. Потому-то школы допускали особенную область огня надъ воздушнымъ пространствомъ, гдѣ огонь предсуществуетъ въ нѣкоторой степени уже *in potentia*, прежде чѣмъ станетъ огнемъ *in actu*». Филалетъ. Слич Чистилица I, 15 примѣч.—«По сущности своей», въ подлинникѣ: *Per la sua forma*. «Форма въ схоластическомъ языкѣ есть то, что даетъ каждой вещи то, что она есть. И такъ, форма огня есть его сущность, или то, что его дѣлаетъ огнемъ. Древніе не знали, что тяжесть воздуха больше, чѣмъ тяжесть пламени, и что по этой именно причинѣ воздухъ побуждаетъ пламя подыматься вверхъ, и потому полагали, что огонь уже по природѣ рожденъ къ тому, чтобы подыматься вверхъ, устремляясь къ своей сферѣ, которую они помѣщали между крайнею границей атмосферы и небомъ луны». Скартаццини. Сличи Рая I, 115.

31—33. «Какъ изъ удовольствія и т. д. возникаетъ любовь, такъ, далѣе, изъ любви же возникаетъ желаніе къ поддержанію ея. Это-то желаніе есть тотъ духовный актъ, который приводитъ волю въ дѣятельность, въ духовное движеніе». К. Витте.—«Въ этихъ стихахъ ясно выражены три стадіи желательныхъ, направленныхъ къ приобрѣтенію блага страстей; именно: любовь, томленіе и наслажденіе. Филалетъ. — «Духовнымъ актомъ», т. е. противоположно подъему огня: это движеніе—движеніе матеріальное».

34—36. Здѣсь прямо говорится объ ошибочности ученія «вождей среди ихъ слѣпоты», на которое намекалось выше, въ стихъ 18.

37—39. «Какъ суть», въ подлинникѣ: *matéria*. *Materia*, на языкѣ послѣдователей Аристотеля, — родъ вещей, опредѣляемый различными признаками, какъ первичная матерія, и опредѣляемый личными формами. «Зачатокъ любви, желаніе благого, всегда хорошъ, но не каждое конкретное осуществленіе ея хорошо, ибо человѣкъ часто ошибочно считаетъ за благо то, что въ дѣйствительности не есть благо». К. Витте.—Почти тѣми же словами мысль эту высказалъ еще прежде Филалетъ. — «Можетъ быть, Данте употребляетъ это для того, чтобы показать, что любовь сама по себѣ ни добра, ни зла». Конти. *Stor. della Filos. Vol. II, p. 238.*

43—45. Сомнѣніе, высказанное здѣсь Данте, есть одно изъ самыхъ сильныхъ выраженій детерминизма противъ существованія свободной воли. Если

любовь нечто необходимое и если любовь при этом не может идти другой дорогой, то, следовательно, она не имѣетъ ни свободы, ни произвола. Сличи: *Θομα Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LXXXIII, art. I. Dubium est istud; vult dicere: tu dixisti mihi, quod animus recipit speciem rei visae intra se, et quod illa reflexio est amor; modo si est verum, quod necessario veniat de foris, et dicis quod amor est causa virtutis et vitii, quae causa, quare debeo habere culpa mei vitii, vel iaudem meae virtutis? Post. Caet.*

46—48. «Виргилій въ Божественной Комедіи символъ власти временной, или императорской (разума), которая, согласно съ ученіемъ Данте (*De Monarchia I, III, c. 16*), должна направлять людей къ блаженству въ этой жизни по указаніямъ философскимъ; поэтому Данте заставляетъ Виргилія сказать, что его разъясненія не могутъ простираться далѣе предѣловъ чистаго разума, или философіи, и что во всемъ томъ, что касается вѣры, онъ долженъ ожидать разрѣшенія своихъ сомнѣній отъ Беатриче, т.-е. отъ власти духовной или еклезиастической, долгъ которой состоитъ въ томъ, чтобы направлять человѣческій разумъ къ счастью, согласно съ откровеніемъ». Скартаццини.

49—51. «Формою, на языкѣ школы, называется то, при помощи чего что нибудь переводится изъ возможности въ дѣйствительность. Формы бываютъ субстанціальныя и случайныя, смотря по тому, будетъ ли вещь простая, или же она будетъ такая или иная. Душа, напримѣръ, дѣлающая то, что возникаетъ человѣкъ, — есть форма субстанціальная, способъ же, дѣлающей его мудрымъ, есть форма случайная. Чистые духи, ангелы, — только формы, безъ всякой матеріи. Душа человѣческая есть также форма и отличается отъ матеріи тѣмъ, что она можетъ существовать и безъ нея, хотя и соединенная съ ней; напротивъ, души животныхъ не могутъ существовать сами по себѣ, и потому уничтожаются вмѣстѣ съ тѣломъ. Поэтому въ этой терминѣ идетъ рѣчь лишь о человѣческой душѣ». Филалетъ. «*Anima est forma substantialis hominis*». *Θομα Акв. Sum. Theol., p. I, qu. LXXVI, art. 4.* — «*On nomme l'âme Forme Substantielle, parce que seule elle fait que l'homme soit, et que sa seule retraite fait perdre à ce merveilleux composé son existence et son nom*». *Оцанамъ, Dante et la Phil., p. 113.* — «Форма каждой вещи есть то, что дѣлаетъ эту вещь именно этимъ особеннымъ индивидуумомъ. Также и тѣ свойства, которыя придаютъ этой вещи или предмету его большее совершенство, цѣнность и т. д., принадлежатъ также къ ея формѣ; но они придаютъ ему лишь случайную форму. Субстанціальною формою называется то, чѣмъ индивидуумъ своего рода дѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ есть; поэтому-то разумная душа — субстанціальная форма человѣка. Въ ней заключена особенная специальная сила, помощью которой индивидуумъ, смотря по своему роду, развивается и существуетъ; помощью этой силы, напримѣръ, одни и тѣ же питательныя средства перерабатываются въ человѣческомъ тѣлѣ для образованія и поддержки человѣческихъ членовъ, а проходя чрезъ желудокъ животнаго, уподобляются тѣлу животнаго. Субстанціальная форма можетъ быть соединена съ веществомъ, какъ въ человѣкѣ и животныхъ; но она можетъ существовать и безъ вещества, какъ въ ангелахъ и въ душахъ усопшихъ людей; тогда она называется отдѣльной субстанціей». К. Витте.

50. «По Аристотелю, душа отдѣльно отъ тѣла существовать не можетъ. *Ὅτι ἐστιν ἡ Ψυχὴ χωριστὴ τοῦ σώματος*; *De anima, II.* Данте, напротивъ, отличаетъ душу, соединенную съ матеріей, и душу, отдѣльную отъ матеріи. «*Anima intellectiva unitur corpori ut forma substantialis*». *Θομα Акв., p. I, qu. LXXVII art. 1 et art. 4.* «Душа имѣетъ лишь соединеніе съ матеріей, но не тождество». Скартаццини.

51. «Надѣлены всѣ силой разной мѣры», въ подлинникѣ: *Specifica virtute ha in se colletta*, т. е. заключаютъ въ себѣ специфическую, особую силу. «Особая сила формы человѣка—разумъ, который не познается безъ дѣйствія и выражается не иначе, какъ по дѣйствіямъ, изъ него истекающимъ». Велутелло.— «Это та сила, которую римляне называли геніемъ, т. е. частною особенностью каждаго живущаго». Daniello.— «Специфическая сила есть великая тайна: можно принимать ее за геній, укоренившійся въ индивидуальномъ темпераментѣ каждаго». Вентури.

56. «Первичныя идеи», т. е. «такъ называемыя аксіомы: напримѣръ то, что изъ двухъ прямо противорѣчащихъ положеній можетъ быть вѣрнымъ лишь одно положеніе (Рая, VI, 21)». К. Витте.— «Метафизики вели жестокіе споры касательно первичныхъ идей и въ частности о томъ, врожденныя ли эти идеи и существуетъ-ли одна такая идея или многія. Данте однимъ ударомъ порѣшаетъ этотъ споръ, отвѣчая прямо, что это скрыто во мглѣ (въ подлинникѣ: *uoto non sapere*, человѣкъ не знаетъ), сознание, достойное не только величайшаго поэта, но и глубочайшаго мыслителя». Скартаццини.

59—63. «Первая та доля»: *questa prima voglia*. «Эта первичная способность и эти первичныя идеи находятся внѣ свободы выбора и возникаютъ въ лонѣ нашей природы, безъ содѣйствія со стороны нашей воли, и потому не заслуживаютъ ни славы, ни осужденія, т. е. невмѣняемы. А такъ какъ въ послѣдствіи къ этой не свободной, но естественной волѣ, т. е. къ этому комплексу естественныхъ расположеній и стремленій, присоединяются и сопровождаютъ ихъ тѣ похотѣнія, тѣ желанія, которыя, какъ уже свободныя, могутъ быть хорошими или дурными, то природа предоставила человѣку свободу выбора, которая должна «блюсти границы поля» (въ подлинникѣ: *tener la soglia*, охранять пороги) своимъ согласіемъ, или несогласіемъ, т. е. упорядочивать ихъ. Эта-то сила есть разумъ. Итакъ, имѣя, съ одной стороны, свободу выбора, съ другой—разумъ совѣщательный, мы уже становимся вмѣняемыми, и наши привязанности, приобретаемыя свободно, подлежатъ вмѣненію, поскольку въ насъ есть свѣтъ для познаванія добраго и злаго и свобода принять или отвергнуть то или другое». Джіоберти.

64—66. «Этотъ-то регулирующий разумъ, который врожденъ въ васъ, есть тотъ источникъ, изъ котораго почерпается поводъ къ возмездію вамъ, смотря по тому, принимаетъ ли или выбираетъ этотъ разумъ ваши привязанности между добрыми или злыми». Скартаццини.— «*Judicium medium est apprehensionis et appetitus; nam primo res apprehenditur, deinde apprehensa, bona vel mala judicatur, et ultimo judicans prosequitur, sive fugit*». De Monarchia, 1, I с. 12.

67—69. «Свобода воли — основаніе нравственнаго ученія, которое было бы необязательнымъ для существъ несвободныхъ; потому-то свобода воли — высочайшій даръ, данный въ щедрости своей Господомъ человѣку при его сотвореніи (Рая V, 19)». К. Витте.— «*Primum principium nostrae libertatis est libertas arbitrii quam multi habent in ore, in intellectu vero pauci*». De Monarchia 1, I, с. 12. Сличи Чистилища XVI, 70—72.

73. «Биче», сокращенное Беатриче. «Беатриче употреблено здѣсь вмѣсто богословскаго школьнаго языка; ибо во всемъ томъ, что просвѣтленная влюбленная Данте говоритъ во всей поэмѣ, нигдѣ не встрѣчается этого выраженія». К. Витте.

74. «Эта благородная мощь, выборъ средствъ для цѣли, слыветъ въ богословіи подъ именемъ свободной воли». Филалетъ.

75. «Въ стихахъ 19—75 воспроизведено аристотеле-схоластическое учение объ основныхъ силахъ души, служащее однимъ изъ самыхъ выдающихся примѣровъ тому, какъ нашъ поэтъ умѣетъ прекрасно, пластично и поэтически говорить даже о чисто философскихъ предметахъ». Флейдереръ въ переводѣ Бож. Ком. Штрекфусса.

76—78. «Луна, воставъ изъ волнъ въ полночной тѣмѣ», въ подлинникѣ: *La luna, quasi a mezza notte tarda*, запоздавшая до полуночи. Вначалѣ загробнаго странствованія Данте было полнолуніе (Ада XX, 127: «Еще вчера былъ полонъ мѣсяцъ блѣдный»). Съ ущербаніемъ мѣсяца затемняется сегментъ его диска къ востоку, и чрезъ это онъ принимаетъ форму, напоминающую котель, или не слишкомъ высокое мѣдное ведро съ круглымъ дномъ, какіе обыкновенно употребляются въ Италіи. «Луна, когда идетъ на ущербъ, подымается надъ горизонтомъ съ каждымъ днемъ позднѣе почти на одну часть, а такъ какъ теперь уже пятый день странствованія, то она должна подыматься пятью часами позже захожденія солнца, слѣдовательно около полуночи. Идущій на ущербъ мѣсяцъ уже не слишкомъ сильно помрачаетъ своимъ свѣтомъ блескъ звѣздъ, но во всякомъ случаѣ свѣтъ его еще достаточно силенъ, чтобы затмить мелкія звѣзды». Филалетъ.

79—81. «Кажущееся обращеніе свода небснаго совершается съ востока на западъ, луна же обращается съ запада на востокъ, слѣдовательно, навстрѣчу теченію звѣздъ, «противъ звѣздъ», при чемъ она съ каждымъ днемъ восходитъ все далѣе къ востоку. Она идетъ по направленію зодіака и въ полнолуніе находилась въ созвѣздіи Вѣсовъ. Теперь же она стоитъ въ противоположномъ тому, въ которомъ находится солнце, слѣдовательно въ знакѣ Скорпіона (Чистилища IX, 1—3). Хотя объ этомъ и не говорится прямо, но тѣмъ не менѣе на это явственно намекается, ибо сказано, что когда солнце (Фебъ) пылаетъ на этомъ пути, то жители Рима видятъ его захожденіе между Сардиніей и Корсикой, или, правильнѣе, нѣсколько южнѣ Рима, такъ какъ проливъ Санъ-Бонифачіо лежитъ на $1/2^\circ$ южнѣ Рима». Филалетъ. К. Витте.— Сарды и Корсы—древнія наименованія сардинцевъ и корсиканцевъ.

82—84. «Славный духъ»: *Виргилій*, родившійся въ мѣстечкѣ Андахъ (Ада I, 68 примѣч.), по однимъ въ нынѣшней деревушкѣ Банде, по другимъ — въ Пьетолѣ, близъ Мантуи, на юго-восточномъ концѣ Мантуанскаго озера, на Минчіо. «Грузъ заботъ», т. е. тѣхъ сомнѣній, которыя разрѣшилъ ему его учитель.

86—87. По мнѣнію однихъ комментаторовъ, дремота эта означаетъ, что и Данте былъ нѣсколько подверженъ грѣху унынія, наказуемому въ этомъ кругу; но вѣроятнѣе допустить, что и здѣсь Данте напоминаетъ, что онъ былъ облеченъ въ «ризы Адама» (Чистилища IX, 10), и потому дремалъ отъ утомленія, такъ какъ въ теченіе всего странствованія онъ засыпалъ лишь однажды (Чистилища IX, 11).

88—90. Въ этомъ кругу очищаются души тѣхъ, которые въ жизни недостаточно усердно стремились къ достиженію перваго блага,—тѣхъ духовныхъ тунеядцевъ, которые свой грѣхъ унынія возмещаютъ теперь быстротой, съ какою они безустанно и день и ночь пробѣгаютъ по мѣсту ихъ очищенія. Быстрота ихъ бѣга сравнивается съ неистовствомъ вакхантовъ въ Беотіи.

91—93. Именъ и Азопъ, двѣ рѣки въ Беотіи. Вдоль этихъ рѣкъ епьяне бѣгали по ночамъ въ огромныхъ толпахъ, съ зажженными факелами, для умиловленія, въ случаяхъ какого-либо бѣдствія, Бахуса или Вакха, покровителя города Фивъ и всей Беотіи, какъ о томъ повѣствуетъ любимый поэтъ Данте Стацій въ своей Фивандѣ (*Theb.* 1, IX).

94—96. «Круговое движеніе свершать онъ обуюнть», въ подлинникѣ: *per quel giron suo passo falca*. «Falcare» (отъ *false*, серпъ) значитъ сгибать на подобіе серпа и есть терминъ изъ коннаго дѣла, когда лошадь гоняется на кордѣ. «*Correndo dunque il cavallo isforzatamente a tondo, come sasso di frombola, per rilirare lo slancio della forza centrifuga che gli dà il correre si forte in circolo, ed edli tiene il corpo piegato verso il centro, sicchè sta fuor di bilico: e questo è forse propriamente falcare il passo*». Чезари. Сличи: Бланкъ, *Versu ch*, II, p. 65 и далѣе.

99. Въмѣсто поощряющихъ и устрашающихъ изображеній, какъ въ первомъ кругѣ,—голосовъ, какъ во второмъ,—и видѣній, какъ въ третьемъ, здѣсь сами очищающіеся высказываютъ другъ другу примѣры: сперва—усиленной дѣятельности и усердія, а потомъ—наказанной недѣятельности и косности унынія. Въ первомъ случаѣ примѣры эти—бичи, во второмъ—узды.

100—102. Два примѣра усердія, одинъ изъ христіанской, другой—изъ языческой исторіи. Въ первомъ говорится о посѣщеніи Маріею родственницы своей Елисаветы: Лук. I, 39—«Вставши же Марія во дни сіи, съ поспѣшностью пошла въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ». По поводу этого говоритъ Св. Амвросій (in *Luc. 1. I*). «*Laeta pro voto, religiosa pro officio, festina pro gaudio, in montana perrexit. Quo enim jam Deo plena, nisi ad superiora cum festinatione contenderet? Nescit tarda molimina Sp. S. gratia*». Во второмъ примѣрѣ говорится о Юліѣ Цезарѣ (Цезарь. *De Bello civ. 1, I et II*; Луканъ, *Phars. 1, III et IV*). Послѣ того, какъ (за 49 лѣтъ до Р. X.) Помпей очистилъ Италію и переправился въ Грецію, городъ Массилія (Марсель) объявилъ себя противъ Цезаря, а испанскіе помпеянцы укрѣпились въ городѣ Илердѣ (нынѣ Лерида въ Каталоніи, на рѣкѣ Сегре). Напавши на Массилію, Цезарь предоставилъ осаду города К. Требонію и Децію Бруту, а самъ, не теряя времени, устремился къ главной своей цѣли—въ Испанію и скоро взялъ Илерду, гдѣ заперлись Помпеевы намѣстники Афраній и Петрей. Луканъ сравниваетъ эту поспѣшность Цезаря съ быстротою молніи (*Phars. 1. I, v. 151 et seq.*). «Въ этихъ двухъ, какъ и въ предыдущихъ, примѣрахъ нельзя не видѣть политической мысли Данте. Марія спѣшитъ привѣтствовать рождающагося Іоанна (Лук. I, 41), долженствовашаго приготовить царство Христа, или владычество духовное; Цезарь спѣшитъ уничтожить помпеянцевъ, и тѣмъ приготовить имперію Рима, идеаль временной монархіи по идеямъ поэта. Первымъ примѣромъ поэтъ вызываетъ заботливость о вещахъ, касающихся духовной власти и царствія небснаго; вторымъ—о вещахъ, относящихся къ гражданскому обществу и управленію. Такъ точно и въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ (стихи 133—138) онъ указываетъ тѣхъ, которые пренебрегаютъ тѣмъ и другимъ. Въ хронологическомъ порядкѣ Марія должна бы слѣдовать послѣ Цезаря; но здѣсь она предшествуетъ, потому что духовное, по разуму Данте, предшествуетъ временному, ибо *mortalis ista felicitas quodammodo ad immortalem felicitatem ordinetur*. *De Monarchia 1, III*. Сличи: Перецъ, *Sette Cerchi*, p. 188 et seq.

103. «Съ волею негвердой», въ подлинникѣ: *Per raso amog*, по малой любви, т. е. ко благу.

105. Т. е. усердіе дѣлать благое возобновить и укрѣпитъ надъ нами благодѣтель Милосердаго.

111. «Щель», т. е. лѣстницу, ведущую въ скалѣ въ вышележащій кругъ.

115—117. Не счити за невѣжливость съ нашей стороны то, что мы не останавливаемся; что тебѣ кажется невѣжливымъ, то мы считаемъ совершенно согласнымъ съ требованіемъ вѣчнаго правосудія.

118. «Санъ-Зено, древнее аббатство въ Веронѣ, основаніе котораго приписывается многими королю Пипину. Говорящая здѣсь личность мало извѣстна. Старинные комментаторы называютъ его Альбертомъ, а Бенвенуто да Имола называютъ его *bonus moribus et vita*, но лѣнливымъ. Вѣрнѣе, кажется (по Целли), подразумѣвается здѣсь аббатъ Герардо II († 1178 г.), жившій при Фридрихѣ Барбароссѣ, тогда какъ Альбертъ жилъ при императорѣ Фридрихѣ II». Филалетъ.

119. «Здѣсь разумѣется славный императоръ Фридрихъ Барбаросса, который, по народному нѣмецкому сказанію, еще и до сихъ поръ сидитъ въ пещерѣ въ горахъ, въ ожиданіи какого-то событія, при чемъ борода его вросла въ каменный столъ передъ нимъ. Въ 1162 году онъ сжегъ и опустошилъ Миланъ, Брешию, Пьяченцу и Кремону. Онъ утонулъ въ рѣкѣ Салефѣ въ Арменіи, во время крестоваго похода въ 1190 году, переѣзжая рѣку въ бродъ». Лонгфелло.— «Эпитетъ «добрый», по мнѣнію нѣкоторыхъ, употребленъ здѣсь иронически, что, впрочемъ, сомнительно; скорѣе можно думать, зная возрѣніе Данте на императорство, что онъ оправдываетъ Фридриха за наказаніе его возмущившихся миланцевъ, представляя себѣ его, какъ законную кару правосудія; тѣмъ болѣе, что и древніе комментаторы, Франческо да Бутти и Пиетро Данте, принимаютъ это мѣсто не въ ироническомъ смыслѣ; послѣдній даже говоритъ про Фридриха: *Fuit magnus in probitate*». Филалетъ.

121. «Нѣкто». Здѣсь разумѣется Альберто делла Скала, отецъ Кана Великаго. Уже въ 1272 году онъ былъ подестой въ Мантуѣ; въ 1277 г., по убіеніи брата своего Мастино, онъ вернулся въ свое отечество Верону и въ слѣдующемъ году получилъ здѣсь неограниченную власть, которою и пользовался вплоть до своей смерти, управляя страной въ духѣ гибеллинской партіи. Онъ умеръ въ 1301 году, слѣдовательно, назадолго до начала замогильнаго странствованія Данте, почему и сказано, что онъ стоитъ одной ногой въ могилѣ.

124—126. Альберто имѣлъ, кромѣ тронныхъ законныхъ сыновей, Вареолемея, Альбоина и Кана Великаго, правившихъ другъ за другомъ краемъ послѣ него, еще незаконнаго сына Джузеппе, котораго онъ поставилъ въ 1292 году аббатомъ въ монастырѣ С.-Зено, и въ этомъ санѣ онъ оставался до 1314 года: стало быть, онъ былъ возведенъ въ этотъ санъ около того времени, когда Данте жилъ въ Веронѣ. Это возведеніе было противъ церковныхъ канонѣвъ, потому что онъ былъ незаконный сынъ, къ тому жѣ хромой и, кромѣ того, человѣкъ развратный. Бенвенуто да Имола говоритъ о немъ: «*Fuit enim vir violentus, de nocte discurrens per suburbia et capiens multa et implens meretricibus locum illum*». Вскорѣ послѣ него былъ аббатомъ въ С.-Зено другой Джузеппе, также незаконная вѣтвь изъ дома делла Скала и такой же развратный; почему одинъ веронецъ замѣтилъ, что хотя С.-Зено и изгоняетъ сѣсовъ (монастырь этотъ славился чудотворной силой исцѣлять бѣсноватыхъ), но зато содержитъ ихъ въ собственномъ домѣ». Филалетъ.

133—135. Примѣръ послѣдствія унынія изъ еврейской исторіи. Евреи, передъ которыми разступилось Черное море для перехода, всѣ, за исключеніемъ Иисуса Навина и Халева, умерли, прежде чѣмъ увидали Иорданъ и обѣтованную землю, въ наказаніе за ихъ медлительность въ исполненіи божественнаго повелѣнія. «Люди сии, вышедшіе изъ Египта, отъ двадцати лѣтъ и выше (знающіе добро и зло), не увидятъ земли, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, потому что они не повиновались Мнѣ, кромѣ Халева, сына Иефонина Кенезеянина, и Иисуса, сына Навинова, потому что они повиновались Господу». IV Числ. XXXII, 11, 12.

136—138. Второѣ примѣръ того же порока. Эней, по сожженіи части своего флота, оставилъ стариковъ, женщинъ и тѣхъ изъ своихъ спутниковъ, которые

не добивались славы, подъ начальствомъ Ацеста въ Сициліи. Виргилій Aen. l. V, v. 604 et seq. Замѣчательно, что Данте самъ ни слова не обращаетъ къ унылымъ и вообще посвящаетъ имъ гораздо меньше стиховъ, чѣмъ всѣмъ прочимъ духамъ въ Чистилищѣ, можетъ быть для того, чтобы выразить тѣмъ свое презрѣніе къ людямъ лѣнливымъ и недѣятельнымъ». Скартаццини. Сличи также Перець, *Sette Cerchi*, p. 192, 193.

145. Этимъ закончивается второй день пребыванія Данте въ чистилищѣ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

1—3. Въ этой терциѣ обозначаются послѣдніе часы ночи, предшествующіе восхожденію солнца. Эти часы, какъ извѣстно, самыя холодныя во всей ночи. Древніе естествоиспытатели объясняли это явленіе тѣмъ, что дневной жаръ, разливаемый въ теченіе дня солнцемъ по землѣ и въ воздухѣ, мало-помалу ослабляется отъ природнаго холода земли, какъ планеты, находящейся подъ вліяніемъ холода луны, которая считалась за холодную планету на томъ основаніи, что это охлажденіе бываетъ всего замѣтнѣе въ лунныя безоблачныя ночи. Охлажденію земли содѣйствовало кромѣ того вліяніе Сатурна, который, по причинѣ его значительнаго разстоянія отъ солнца, также относился къ числу холодныхъ планетъ. Потому *Виргилій* говоритъ, *Georg. I, 135* и сл.:

*Noc metuens coeli menses et sidera serva,
Frigida Saturni sese quo stella receptet.*

Брунетто Латини говоритъ о Сатурнѣ: «*crudele e maligno e freddo di natura*».

4—6. Второе обозначеніе этихъ часовъ ночи заимствовано изъ такъ называемой геомантіи, одного изъ средневѣковыхъ искусствъ предсказывать будущее. Оно состояло въ разсматриваніи сдѣланныхъ палкою произвольно, зажмуривъ глаза (впослѣдствіи даже на бумагѣ чернилами) точекъ и въ образованіи изъ этихъ точекъ, носившихъ у геомантовъ различныя наименованія (матери, дочери, внуки и проч.),—отвѣтовъ на вопросы. Одна изъ этихъ фигуръ,

имѣющая расположеніе своихъ точекъ въ слѣдующей формѣ $\begin{matrix} \cdot & \cdot & \cdot \\ \cdot & & \cdot \\ \cdot & & \cdot \end{matrix}$, называлась

Большою Фортуной. При нѣкоторомъ воображеніи можно образовать подобную фигуру изъ тѣхъ звѣздъ, которыя находятся въ концѣ Водолея и въ началѣ созвѣздія Рыбъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что наступилъ тотъ часъ, въ который (такъ какъ солнце находилось въ знакѣ Овна) уже поднялась надъ горизонтомъ часть Водолея съ частию созвѣздія Рыбъ (а это въ свою очередь означаетъ, что вскорѣ должно подняться солнце, ибо сказанныя два созвѣздія непосредственно предшествуютъ Овну),—*Данте* прибѣгаетъ здѣсь къ такому обозначенію времени: былъ тотъ часъ, въ который геоманты видятъ восхожденіе ихъ Большой Фортуны на восточномъ небѣ при утреннихъ

сумеркахъ на той дорогѣ, которая, по причинѣ ожидаемаго восхода солнца, не будетъ долго оставаться темною. Эти предутренніе часы выбраны поэтомъ для изображенія сновидѣнія, которое разсказывается въ слѣдующихъ терцинахъ, такъ какъ предутренніе часы, именно тѣ, когда намъ снится правда. Сличи: Ада XXVI, 7 и примѣч.; Чистилища IX, 16—18 и примѣч.

7—9. Это сновидѣнье — символическое изображеніе трехъ пороковъ или грѣховъ, очищающихся въ остальныхъ трехъ кругахъ горы Чистилища, именно: скупости, чревоугодія и сладострастія (Чистилища XVII, 127—136). Собственно же являющаяся здѣсь сирена есть чувственное удовольствіе. Пороки эти по природѣ своей гнусны и отвратительны, но человѣкъ въ безумномъ своемъ ослѣпленіи считаетъ ихъ за нѣчто привлекательное и достойное вниманія. Ничтожные сами по себѣ, они получаютъ свою прелесть отъ того, что человѣкъ самъ къ нимъ обращается; слѣдовательно, это благо только лишь кажущееся (Чистилища XVI, 91; XVII, 133; XVIII, 65). Потому-то намъ и кажется, что предметъ нашего увлеченія измѣняется въ своей природѣ, когда мы начинаемъ смотрѣть на него со всею силой нашего разсудка. Нѣкоторые древніе комментаторы, какъ Ландино, Оттимо и др. видѣли здѣсь лишь одинъ символъ скупости; но, очевидно, Данте заимствовалъ этотъ образъ изъ Библии изъ Притч. Солом. VII, 10—12: «И вотъ—навстрѣчу къ нему женщина въ нарядѣ блудницы, съ коварнымъ сердцемъ, шумливая и необузданная; ноги ея не живутъ въ домѣ ея: то на улицѣ, то на площадяхъ, и у каждаго угла строить она ковы».

10—12. «Этимъ сравненіемъ Данте нѣкоторымъ образомъ возобновляетъ или дополняетъ описаніе предутреннихъ часовъ ночи, описанныхъ въ первыхъ терцинахъ». Скартаццини.

13—14. «Аллегорически Данте хочетъ сказать намъ, что ложныя блага, за которыми гонятся люди, богатство, удовольствія чрева и сладострастіе, сами по себѣ вещи низкія, безобразныя, а потому и не имѣютъ въ себѣ никакой реальной цѣны; но человѣкъ своимъ воображеніемъ и страстями дѣлаетъ ихъ прекрасными и совершенными. Какъ самая безобразная вещь становится мало-по-малу прекрасной, по мѣрѣ того какъ на нее смотритъ поэтъ, такъ и увлеченіе, которому поддается человѣкъ въ отношеніи этихъ ложныхъ благъ, дѣлаетъ ихъ для него привлекательными и придаютъ имъ цѣну, которой они не имѣютъ въ дѣйствительности. Но какъ отвратительная вещь въ сущности есть та же самая, и переходъ ея изъ отвратительной въ прекрасную есть только обманъ, кажущееся явленіе, такъ точно и ложныя блага имѣютъ цѣнность и привлекательность лишь въ глазахъ тѣхъ, которые судятъ о нихъ ошибочно. Сказалъ же Лафатеръ: красота существуетъ лишь въ глазахъ влюбленнаго, а не въ лицѣ самой дѣвушки». Скартаццини.

19. «Сирены, дочери Мельпомены и Ахелоя, имѣли чудовищное тѣло, но прекрасныя женскія лица и сладкозвучнѣйшіе голоса; жили въ морѣ, откуда выплывали верхнею частію тѣла, и губили моряковъ, завлекая ихъ сладостными пѣснями. Уже по мифологіи они были символами увлеченія ложными земными благами». Ibid.

22. Улиссъ, по указанію Цирцеи, заткнулъ уши своимъ спутникамъ разогрѣтымъ воскомъ, а себя велѣлъ привязать къ мачтѣ, чѣмъ спасъ себя и спутниковъ отъ зазыва сиренъ, пѣвшихъ ему:

Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава Ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися!

Одис. Жуков. XII, 184—185.

Данте здѣсь какъ бы противорѣчить Гомеру, заставивъ сирену сказать, что она привлекла къ себѣ Одиссея. Впрочемъ, Данте, не зная греческаго, и въ другихъ случаяхъ нерѣдко отклоняется отъ Гомера, особенно относительно Улисса. Можетъ быть, впрочемъ, подъ именемъ сирень онъ разумѣетъ Цирцею, у которой Улиссъ прожилъ цѣлый годъ.

24. «Рѣдко», потому что при содѣйствіи божественной милости иногда случается, что человѣкъ освобождается изъ сѣтей и снова обращается къ истинному благу.

26. «Пречистая Жена», *donna santa*. Эта святая жена есть, очевидно, опять-таки та самая Лючія, которая уже являлась (Чистилища IX, 55). Она представляетъ искушаемому человѣку грѣхъ въ его истинномъ свѣтѣ и такимъ образомъ облегчаетъ свободной нашей волѣ выборъ прямой дороги». К. Витте.—По Филалету, эта жена есть высшая, всегда лишь къ благу направленная и божественною благостію вызываемая воля или *gratia* *sooperans*, приводящая въ движеніе человѣческой разумъ (Виргилія), чтобы обнажить предъ нами обольщенія чувственности.—Каннегиссеръ видитъ въ ней, кромѣ того, противоположность пороку, т. е. добродѣтели; своимъ вопросомъ (стихъ 28) она какъ бы дѣлаетъ упрекъ Виргилію въ томъ, что онъ допустилъ своего ученика взглянуть на сирену.

31. «Раскрою предъ ними наготу твою,—и увидятъ весь срамъ твой». Іезек. XVI, 37.—«И снимутъ съ тебя одежды твои, возьмутъ наряды твои. И оставятъ тебя нагою и непокрытою, и открыта будетъ срамная нагота твоя и распутство твое и блудодѣйство твое». Тамъ же, XXIII, 26, 29.

36. «Входъ», т. е. начало лѣстницы, по которой всходятъ въ слѣдующій кругъ.

37—39. «Теперь настало утро 24-го марта, 9-го или 12-го апрѣля, 6 часовъ отъ начала дня. Такимъ образомъ поэты оставались 12 часовъ въ четвертомъ кругу. Но такъ какъ теперь, съ 7-го стиха XV-ой пѣсни, они обогнули по третьему карнизу еще часть горы, то путь ихъ идетъ не прямо на западъ, но нѣсколько къ юго-западу. Восходящее солнце, которое при закатѣ, по причинѣ южнаго положенія горы Чистилища, осталось нѣсколько къ сѣверу, должно свѣтить имъ теперь почти въ тылъ». Филалеть.

42. «Изображеніе это очень пластично и рисуетъ намъ человѣка, который, находясь въ глубокомъ размысленіи, наклоняетъ впередъ голову и верхнюю часть тѣла. Если бы два такихъ человѣка сошлись другъ съ другомъ въ подобномъ положеніи, то намъ представился бы такой, хотя не совсѣмъ правильный, сводъ или арка моста». Штрекфуссъ.—Впрочемъ походка Данте, по словамъ Виллани, дѣйствительно была такою, какъ описана, именно въ старости. «*Is dum annis maturisset, curvatis aliquantulum renibus incedebat, incessu tamen gravi, mansuetoque aspectu*».

47. «Намъ говорившій», это ангелъ, стражъ этого круга, указывающій путникамъ лѣстницу, ведущую въ слѣдующій кругъ.

48. «Между двухъ стѣнъ», составляющихъ бока лѣстницы, прорубленной въ скалѣ. По толкованію старинныхъ комментаторовъ, «эти двѣ стѣны обозначаютъ постоянство и твердость, какія долженъ имѣть восходящій къ очищенію себя отъ порока скупости». Бути.

49. Этотъ взмахъ крыль ангела служить къ уничтоженію съ чела поэта четвертаго *P*, или знакъ грѣха унынія. Слич: Чистилища IX, 112; XII, 98.

50—51. «*Beati qui lugent: quoniam ipsi consolabuntur*»—«Блаженны плачущіе: ибо они утѣшатся». Матѣ. V, 4. Последнія слова и въ подлинникѣ переведены на итальянскій языкъ. Это евангельское изреченіе, на первый взглядъ, мало

примѣнимо къ душамъ этого круга, т. е. къ грѣху унынія. Филалетъ объясняетъ эту трудность такимъ образомъ: «Плачущіе суть тѣ, которые, будучи недовольны своимъ земнымъ несовершенствомъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы стать лучшими; въ этомъ именно и состоитъ недостатокъ людей недѣятельныхъ (унылыхъ), а потому эта божественная скорбь есть то блаженство, котораго они должны достигнуть».—*Lugere de malo ut fugiamus ipsum, in quantum avertit ab amico sic lugere est solius caritatis. Lugere vero de quolibet malo speciali est cuiuslibet virtutis; quaelibet enim virtus luget de suo contrario.* Бонавентура, *Comp. tot. th. ver. 1. V, c. 50.*

52. Подразумѣвается: что такъ грустишь послѣ ангельскаго утѣшенія?

58. «Древняя вѣдьма»—обманчивая чувственность. Ея-то дѣйствіе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. обманъ души, заставляющій мнимыя блага принимать за истинныя, собственно и наказуются въ болѣе высшихъ кругахъ.

61. «Довольно съ насъ!» «Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ». Пушкинъ, *Чернь.*

61—63. «Данте до сихъ поръ все еще смотритъ въ землю. Но какъ соколъ долженъ смотрѣть на то, что его манитъ вверхъ на воздухъ, а не на землю, такъ и человѣкъ долженъ направлять къ землѣ однѣ лишь ноги, глазами же устремляться къ приманкѣ, которую кажетъ ему Богъ (Чистилища XIV, 148) среди вращающихся звѣздъ, приманку, состоящую въ вѣчныхъ, не подверженныхъ обману сказанной вѣдьмы, благъ небесныхъ. Эта приманка противопоставляется здѣсь той наживѣ, которую древній противникъ ставитъ людямъ въ земныхъ прелестяхъ (Чистилища XIV, 145)». Ноттеръ.—Приманка (logogo, вабило, чучело, сдѣланное изъ кожи и перьевъ на подобіе птицы, чѣмъ сокольники приманиваютъ соколовъ. Ада XVII, 127), здѣсь фигурально вмѣсто прельщенія. «Эти прельщенія суть величіе неба, къ которому должно быть направлено стремленіе человѣческой воли, находящей лишь тамъ свое блаженство. Круги небесные вѣчно вращаются по внутреннему ихъ стремленію къ божеству. Значитъ, Господь ихъ кружитъ, нѣкоторымъ образомъ, непосредственно. Итакъ впередъ! попирай землю ногами и стреми взоръ въ небо. Слова эти относятся къ Данте въ собственномъ,—къ человѣчеству же въ переносномъ смыслѣ». Филалетъ. Слич: Чистилища XIV, 148—150.

64—66. Опять сравненіе изъ соколиной охоты, столь любимой въ средніе вѣка. Слич: Ада XVII, 127 и слѣд.; XXII, 130 и примѣч.; Рая XIX, 34 и примѣч.—Филалетъ ссылается на книгу императора Фридриха II: «*De arte venandi cum avibus*», и говоритъ, что смотрѣть себѣ въ ноги—естественное движеніе каждой хищной птицы, когда ее несутъ на шестѣ или на рукѣ. Но, замѣтивъ какой-нибудь предметъ, могущій служить ей добычей, на примѣръ, если она услышитъ знакомый крикъ птицы, тотчасъ устремляетъ глаза въ эту сторону, размахивая при этомъ крыльями. Обыкновенно отъ пойманной птицы оставляютъ часть въ пользу сокола, что называютъ правомъ птицы. Должно замѣтить, что и въ предыдущей терцинѣ, говоря о приманкѣ, Данте употребляетъ техническія выраженія изъ соколиной охоты.

69. Данте подымался сперва по лѣстницѣ, прямо; взойдя же на карнизъ, опоясывающій гору, онъ пошелъ по кругу около горы, *il cerchiar si prende.*

71. Это сонмъ душъ скупыхъ, какъ увидимъ ниже.

73. «*Adhaesit pavimento anima mea*—душа моя повержена въ прахъ». Псал. CXVIII, 25; въ псалмѣ: «ожнии мя по слову Твоему». Такой молитвой души эти исповѣдуютъ свой древній грѣхъ.

74. «Шумъ такой», т. е. отъ вздоховъ и стenanій.

76—77. Т. е. избранный къ будущимъ небеснымъ блаженствамъ; казнь ваша облегчена сознаниемъ въ ея справедливости и надеждою на ея окончаніе (Чистилища III, 73; XIII, 143); въ подлинникѣ: *li cui soffriri E giustizia e speranza fan men duri*.

78. Т. е. наставьте насъ, гдѣ находится лѣстница для входа въ шестой кругъ?

81. Т. е. идите направо.

84. Именно то, что говорящій духъ (какъ видно изъ стиха 79) догадывается, что одинъ изъ путниковъ живой человѣкъ, который можетъ упросить живыхъ помолиться о немъ (стихи 95—96).

86. Т. е. позволенія говорить съ этимъ духомъ.

91—92. Въ подлинникѣ: *in cui pianger matura Quel senza il quale a Dio tornar non puossi*—въ чьемъ плачѣ зрѣтъ то, безъ чего нельзя вернуться къ Богу, т. е. совершенная чистота и истребленіе всего грѣховнаго.

99. Т. е. «узнай, я былъ намѣстникомъ Петровымъ»,—папой. Порядокъ латинскихъ словъ нѣсколько измѣненъ ради размѣра стиха. Портичелли полагаетъ, что Данте для того заставляеть папу произнести эти слова по-латыни, чтобы тѣмъ самымъ выразить ученость папъ; но латинскій языкъ употребленъ здѣсь, кажется, для большей торжественности.

100. «Говорящій здѣсь духъ есть кардиналь Оттобуони изъ знаменитаго рода Фіески, графовъ Лаванья, впоследствии папа Адрианъ V. Дядя его, папа Иннокентій IV, изъ того же рода, возвелъ его въ кардиналы-діаконы подъ именемъ Адриана. Климентъ IV посылалъ его легатомъ въ Англію (1268 г.), когда королевская партія, подъ предводительствомъ принца Эдуарда, возстановила опять Генриха III въ прежнемъ его могуществѣ. Здѣсь онъ склонилъ одержавшую верхъ партію къ умѣренности и издалъ нѣсколько предписаній противъ церковнаго злоупотребленія въ собираніи бенефицій и т. п., которыя и до сихъ поръ имѣютъ силу въ церковныхъ судахъ Англій. Лингардъ, *History of England* T. III, Cap. II.—Фіески вмѣстѣ съ Гримальди были главами одной, Доріа и Спинола — другой партій въ Генуѣ. Послѣдняя партія взяла верхъ и Оттобуони жаловался папѣ Григорію X на то, что генуэзцы завладѣли нѣкоторыми его имѣніями, вслѣдствіе чего папа подвергъ городъ отлученію (1274 г.). Впрочемъ, въ кратковременное правленіе папы Иннокентія V партіи примирились при его содѣйствіи. — Въ іюль 1276 года Оттобуони былъ избранъ въ папы, но управлялъ только одинъ мѣсяць и девять дней, послѣ чего умеръ. За это короткое время объ немъ ничего не извѣстно, кромѣ только того, что онъ отмѣнилъ постановленіе, сдѣланное папой Григоріемъ V на Лионскомъ соборѣ относительно избранія папъ, а также уничтожилъ наложенное по его же желанію отлученіе на Геную. Касательно его скупости, приписываемой ему Данте, исторически ничего неизвѣстно». Филалетъ.

101. «Омытъ рѣкой»—подразумѣвается рѣка Лаванья, названіе которой послужило титуломъ для графовъ Фіески. Она течетъ тотчасъ за мѣстечкомъ Кьявери вдоль Левантскаго побережья въ Генуэзской области, если ѣхать оттуда въ Сьестри Левантскую, и впадаетъ въ море въ заливъ Рапалло. Мѣстность между Кьявери и Сьестри гористая.

103—105. «*Non est facile stare in loco Petri et papalem tenere cathedram regnantium cum Christo. Nam non sanctorum filii qui tenent locum sanctorum, sed qui sanctorum exercent operationem*»,—говоритъ блаж. еронимъ. Слич: Ада XIX, 69.—«Грузъ всякій чту я пухомъ», въ подлинникѣ: *piuma sembran tutte l'altre some*.

109—111. Эта терцина, хотя смыслъ ея вполне удержанъ, переведена нѣсколько перифразически. Слово въ слово: я увидѣлъ, что тамъ не успо-

каивается сердце, и что выше (моего папства) нельзя подняться въ той жизни, почему и зажглась во мнѣ любовь къ этой (небесной) жизни.—«Говорилъ я съ сердцемъ моимъ такъ: вотъ я возвеличился.... узналъ, что и это—томленіе духа». Еккл. I, 16, 17.

115. «Данте сдѣлалъ папѣ Адриану три вопроса, стихи 94—96, именно: кто онъ, почему духи лежатъ опрокинутые лицомъ внизъ и, наконецъ, не желаетъ ли онъ чего-нибудь на землѣ? Адрианъ отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы по порядку: сперва — кто онъ и изъ какой страны, какъ и когда обратился къ Богу и какой былъ главный грѣхъ его (стихи 99—114); во-вторыхъ, — объясняетъ свойство муки, которую терпятъ души въ этомъ кругѣ (115—126), и наконецъ, послѣ короткаго перерыва, говоритъ о племянницѣ, которая одна можетъ помолиться о немъ на землѣ». Скартаццини.

118—126. «Явственнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, указываетъ Данте здѣсь на то, что характеръ мукъ, которымъ подвергаются очищающіеся, нерѣдко есть символическое изображеніе того порока, которому они были преданы въ жизни. Однакожъ это не всегда такъ бываетъ: напротивъ, мука очищающихся, въ противоположность мученіямъ осужденныхъ въ аду, состоитъ иногда не въ продолженіи сдѣлавшагося теперь скорбью состоянія земной души, а прямо въ противоположности этому состоянію; напримѣръ, мученіе высокоумныхъ, гордые головы которыхъ пригибаютъ къ землѣ камни (Чистилища X, 119). Но представляетъ ли мука символически очищающійся грѣхъ, или нѣтъ, или даже составляетъ противоположность этому грѣху, — во всякомъ случаѣ сущность очищенія, говоря словами Дельфа (Dante Alighieri, eine Studie etc.), можно кажется, выразить такъ: «Такъ какъ всякая святость состоитъ въ лишеніи естественной и собственной воли, а грѣхъ — въ дѣятельности ея, то поэтому и самый грѣхъ можетъ быть уничтоженъ такимъ страданіемъ, которое какъ по своему количеству, такъ и качеству вполне соответствуетъ этой дѣятельности (Чистилища XI, 70)». «Съ этой точки зрѣнія становится понятной совершенно характерная казнь завистливыхъ (Чистилища XIII, 58—72)». Ноттеръ. — «Казнь скупыхъ напоминаетъ нѣсколько казнь симонистовъ въ аду (Ада XIX, 22; 74 и примѣч.), уткнутыхъ въ землю головами; эти вѣчно прикованы къ землѣ, на которой собирали свои сокровища». «*Aurum natura grave, gravius fit avaritia: plus habentem deprimit, quam ferentem, et vehementius aggravat corda, quam corpora. Nascitur in terra profunda, sectatur ipsa montium fundamenta, perque ima venarum coecis discurrit anfractibus: et dum ad suam semper repetit naturam, coelestes animos ad inferum deponit: obscurat sensus semper: alta mentium semper in terrena demergit.*». «Петра Хризолога, Serm. 29», по цитатѣ Скартаццини.

124. «Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ». Матѣ. XXII, 13.

127—129. Изъ уваженія къ святымъ ключамъ Петровымъ, Данте хочетъ поклонить колѣни передъ папой (сличи Ада XIX, 101).

130. «Замѣчательно, что здѣсь, гдѣ царитъ вѣчный порядокъ, кающійся папа ничѣмъ не отличается отъ прочихъ кающихся. Въ Аду (XI, 8) мы находимъ для папы Анастасія большую гробницу, а между симонистами (Ада XIX, 73—82) для папы предназначена особая яма. Даже предъ вратами чистилища великіе міра сего отдѣлены отъ прочихъ» (Чистилища VII, 91 и примѣч.). Штрекфуссъ.

133. Папа, обращаясь къ Данте, называетъ его братомъ, а не сыномъ, какъ вообще обращаются папы къ вѣрнымъ; въ томъ мірѣ нѣтъ уже папъ, и всякое неравенство исчезаетъ». Скартаццини.

134—135. Намекъ на откровене св. Іоанна XIX, 10: «Я палъ къ ногамъ его, чтобы поклониться ему; но онъ сказалъ мнѣ: смотри, не дѣлай сего; я служитель тебѣ и братьямъ твоимъ».—«Предъ вѣчнымъ Океаномъ» (въ подлинникѣ: ad una potestate), т. е. предъ Богомъ.

136—138. «Не женятся», слова Христа саддукеямъ, насмѣшливо спросившимъ, чьею женой будетъ по воскресеніи имѣвшая семерыхъ мужей на землѣ. Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не зная писаній, ни силы Божіей; ибо въ воскресеніи не женятся, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ». Матѳ. XXII, 29, 30. Этимъ папа хочетъ сказать, что онъ, какъ папа, хотя и былъ духовнымъ мужемъ церкви (Ада XIX, 111), но что бракъ этотъ расторгнутъ смертью; слѣдовательно, онъ не долженъ считаться и получать почести, какъ глава церкви.

142. Аладжіа де'Фіески, по древнимъ комментаторамъ, была супругой Марселло Маласпины, того самаго, у котораго Данте гостилъ по изгнаніи изъ Флоренціи (1307 г.), старшаго изъ внуковъ древняго Коррадо Маласпины (Чистилища VIII, 119). Оттимо, не приводя доказательствъ, считаетъ ее за тождественную съ Джентуккой, о которой говорится ниже (XXIV, 36).

143. «Въ злыя сѣти»,—такой неблагоприятный отзывъ Данте о фамиліи Фіески основанъ на томъ, что члены ея были вообще граждане безпокойные, неоднократно изгонявшіеся изъ Генуи за крамолы и смуты; женщины этого дома, по словамъ Бенвенуто да Имола, не отличались нравственностью.

145. «Не то, чтобы одна изъ его рода, но единственная, святая молитвы которой могутъ помочь ему въ чистилищѣ». Филалетъ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

1. Въ подлинникѣ: *Contra miglior voler voler mal pugna*, слово въ слово: худо сражается воля съ лучшей волей. Лучшая воля здѣсь есть воля Адриана, которой должна была уступить воля Данте. Послѣдній хотѣлъ продолжать еще бесѣду съ папой, но Адрианъ не желалъ, чтобы ему мѣшали продолжать его покаяніе, и эта послѣдняя воля была лучше воли Данте, желавшаго говорить и слушать.

3. Т. е. я замолчалъ, не будучи вполнѣ удовлетвореннымъ.

5. «Путемъ свободнымъ», т. е. не занятымъ простертыми по землѣ тѣнями.

6. Поэты идутъ, какъ увидимъ ниже (стихъ 9), по внутреннему краю карниза. Чтобы понять это сравненіе, надобно вообразить средневѣковой замокъ, или башню, вокругъ зубцовъ которой изнутри идетъ узкая тропинка, или парпетъ, на которой становятся защитники.

8. «Зло», т. е. скупость. «Проливая слезы, души очищаются отъ этого порока. Съ каждой слезой онѣ изливаютъ частичку яда очами, этими дверьми, или окнами, которыми входитъ скупость въ сердце человѣка. Какъ скоро не останется ни малѣйшаго слѣда этого порока въ сердцѣ, когда выльется послѣдняя частица его въ формѣ слезы, тогда очищеніе будетъ окончено и душа вознесется на небо». Скартаццини.

9. Простертыя на землѣ души приближены почти къ самому внѣшнему краю карниза, такъ что поэтамъ не остается мѣста, чтобы идти по этому краю безъ опасенія упасть съ откоса карниза. Число лежащихъ немовѣрно велико, что выражаетъ, какъ велико на землѣ число одержимыхъ скупостью, почему Данте и называетъ ее «всемирной бѣдой»: *l'mal che tutto il mondo oscura*.

10—12. «Здѣсь опять является Волчица I пѣсни Ада. Очевидно, она обозначаетъ здѣсь скупость, и замѣчательно, что здѣсь опять скупой—духовный, папа, подаетъ поводъ къ этому воззванію. Нельзя не замѣтить при этомъ, что выраженіе волкъ, волчица и пр. (какъ очень остроумно развилъ Розетти), всегда обозначаетъ гвельфскую партію». Филалетъ. — Зло, заразившее весь міръ, какъ всемирная бѣда, — скупость или алчность, которую Данте ниже (стихъ 43) называетъ корнемъ многихъ другихъ пороковъ. При этомъ, какъ видно изъ стиха 15 этой пѣсни, рядомъ съ Волчицей опять намекается на Борзаго Пса. (Ада, I, 101—102). Сличи Скартаццини.

11. «Болѣ, чѣмъ всѣ звѣри», *più che tutte l'altre bestie hai preda*,—потому, что скупость есть «*radix omnium malorum*».—«Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе». 1 посл. Тим. VI, 10:—«*Praecipue autem inter alias virtutes morales usus rationis recte apparet in justitia, quae est in appetitu rationali. Et ideo usus rationis indebitus etiam maxime apparet in vitiis oppositis justitiae: opponitur autem ipsi maxime avaritia. Et ideo praedicta vitia (proditio, fraus, fallacia, perjurium, inquietudo, violentia et obduratio) maxime ex avaritia oriuntur*». Тома Акв. Sum. Theol. р. II, 2-ae qu. LV, art. 8.—«Кто любитъ серебро, тотъ не насытится серебромъ, и кто любитъ богатство, тому нѣтъ пользы отъ того». Еккл. V, 9.

13. «О небеса, чей ходъ (по общей вѣрѣ)»,—«намекъ на мнѣніе, общее въ средніе вѣка, приписывавшее перевороты въ частныхъ дѣлахъ людей вращанію небесъ, — мнѣніе, принимаемое Данте лишь до извѣстной степени (Чистилища XVI, 67 примѣч.)». Скартаццини.

19. Отсюда начинаются примѣры достойнымъ образомъ перенесенной бѣдности. «Это—не изображенія или голоса, идущіе извнѣ, но вызываемые самими душами вслѣдствіе ихъ размышленія. Они, какъ увидимъ ниже, примѣч. къ ст. 100—102, предлагаются самими очищающимися, какъ темы для ихъ размышленій, предлагаются такъ живо, какъ будто видятся ими воочию и слышатся ихъ собственными ушами. Въ теченіе дня души благословляютъ и славятъ добрыхъ, въ теченіе же ночи—проклинаютъ и порицаютъ злыхъ. Такъ съ утренней зарей онѣ оживляются сладостнымъ чувствомъ добродѣтели, а съ наступленіемъ ночного мрака чувствуютъ ужасъ и отвращеніе къ пороку». Перець, *Sette Cerchi*, р. 202 et seq.

22—24. «И родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его въ ясли, потому что не было имъ мѣста въ гостиницѣ». Лук. II, 7.

25—27. Кай Фабрицій Лусциній, римскій консулъ, славный своей бѣдностью и безкорыстіемъ. Онъ отвергъ съ негодованіемъ подарки, предложенные ему въ видѣ подкупа царемъ Пирромъ, и умеръ въ такой бѣдности, что римляне похоронили его на государственный счетъ, а дочерямъ его назначили выдать приданное изъ казны въ ознаменованіе великихъ заслугъ Фабриція для республики. Виргилій сказалъ о немъ: «*Parvoque potentem Fabricium*» (Aen. 1, IV, 844). Въ своемъ *Convivio* и *De Monarchia* Данте отзывается о немъ съ великой похвалою.

31—33. Св. Чудотворецъ Николай Мирликійскій, равно чтимый церковью восточной и западной, мощи котораго почиваютъ въ Бари, въ Италіи (перенесеніе ихъ празднуется 9-го мая). Эта терцина намекаетъ на слѣдующую легенду: «*Cum ejus civis egens tres filias jam nubile in matrimonio collocare non posset earumque pudicitiam prostituere cogitaret, re cognita, Nicolaus noctu per fenestram tantum pecuniae in ejus domum injecit, quantum unius virginis doti satis esset; quod cum iterum et tertio fecisset, tres illae virgines honestis viris in matrimonium datae sunt. Іоаннъ Діаконъ, Vita St. Nicol. ep. Myr. et Brev. Rom. Campod. 1872.*— По этому [поводу Тома Акв. Sum. Theol. II, 2-ae qu. CVII, art. 3, говоритъ: «*Beatus Nicolaus aurum furtim in domum projiciens vitare voluit humanum favorem*». — Этотъ трогательный эпизодъ дивно изображенъ кистью благочестиваго Фіезоле на картинѣ, хранящейся въ ватиканской картинной галереѣ. Можетъ быть, на этой легендѣ и основанъ существующій въ нѣкоторыхъ странахъ обычай класть подъ подушки дѣтей подарки въ Николинъ день.

36. Въ четвертомъ кругѣ всѣ очищающіяся души выкрикивали примѣры дѣятельности и наказуемой лѣности; здѣсь поэтъ слышитъ лишь одного поющего объ этихъ примѣрахъ; причина этому объясняется ниже (стихи 121—123).

39. «Каждого влечетъ къ его кончинѣ» — Сличн: Чистилища XXXIII, 54: «Той жизни, гдѣ все къ смерти есть лишь шагъ».

40—41. «Большая часть душъ, очищающихся въ чистилищѣ, умоляетъ Данте упросить живыхъ, особенно родственниковъ, молиться о сокращеніи ихъ пребыванія въ чистилищѣ; но говорящій здѣсь духъ не дѣлаетъ этого, не до-вѣряя своей участи злымъ своимъ потомкамъ». Каннегиссеръ.—«Тамъ», т. е. на землѣ.— «Кающійся духъ считаетъ живущихъ еще членовъ его рода до того безславными и порочными, что не полагаетъ ихъ способными для благо-честивыхъ молитвъ, почему и не ждетъ отъ нихъ сокращенія срока очисти-тельныхъ своихъ мукъ». Штрекфуссъ.

43. Поэтъ выводитъ здѣсь Гуго Великаго, герцога Франціи, Орлеана и Бургундіи, родоначальника Капетинговъ, для того, чтобы излить всю свою злобу на ту династію, изъ которой вышелъ его главный врагъ, Карлъ Валуа. Послѣ того, какъ Каролинги, точно такъ, какъ за два вѣка передъ тѣмъ Ме-ровинги, прекратились вслѣдствіе своего ничтожества, Гуго Капетъ, сынъ Ве-ликаго Гуго, правнукъ Роберта Сильнаго, былъ избранъ въ 987 году въ короли Франціи. Отсюда слѣдуетъ заключить, что мѣтніе, будто бы старшій Гуго былъ сыномъ мясника (стихъ 52), основано на пустой, впрочемъ, очень распростра-ненной въ средніе вѣка баснѣ; равно и сказанное въ стихѣ 54, что во времена Гуго Великаго оставался лишь одинъ изъ Каролинговъ, и притомъ во влася-ницѣ, т. е. въ монашескомъ званіи, повидимому, тоже не совсемъ вѣрно; ибо Гуго Великій умеръ въ 956 году, и когда, спустя 37 лѣтъ, сынъ его по смерти Людовика V взомель на французскій престолъ, Карлъ, герцогъ лотарингскій, дядя Людовика, стало быть одинъ изъ Каролинговъ, предъявилъ свои права на корону Франціи, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Этого-то послѣдняго имѣетъ, вѣроятно, въ виду Данте, называя его монахомъ, такъ какъ онъ смѣ-шиваетъ время Гуго отца съ временемъ Гуго сына.

44. «Всея... семья»: Капетинги царствовали въ 1300 году во Франціи, Испа-ніи и Неаполѣ.

46. Города Фландріи: Доагю (древ. Duacum, нынѣ Дуэ на рѣкѣ Скарпу), Кванто, нынѣ Гандъ, Лилла, нынѣ Лилль, Бруггіа, нынѣ Брюгге. Данте приво-дитъ здѣсь эти четыре главныхъ города Фландріи, намекая на событія 1269 г. и слѣдующихъ годовъ (см. Шлоссеръ, Weltgeschichte, vol. VI; также примѣча-ніе Филалета и, наконецъ, Виллани, lib. VIII, с. 32). Филиппъ Красивый за-владѣлъ частью силой, частью обманомъ Фландріей, послѣ чего среди народа Фландріи возникло сильное неудовольствіе. Мщеніе, которое испрашиваетъ у Бога говорящій (стихи 48), случилось въ 1303 году, когда жители Фландріи воз-мутились и разбили на голову французовъ при Куртре, послѣ чего вся часть страны, лежащая къ сѣверу отъ Ли (Lis), перешла опять къ Гуго, графу фландр-скому, лежащая же къ югу—осталась за Франціей.

50. Съ восшествія на престолъ Капетинговъ до временъ Данте царство-вало четыре Филиппа и четыре Людовика, а именно:

Гуго Великій, герцогъ французскій	† 956
Гуго Капетъ, король французскій съ 987 года . .	† 996
Робертъ I (Дьяволъ, Мудрый)	† 1031
Генрихъ I	† 1060
Филиппъ I	† 1108
Людовикъ VI (Голстый)	† 1137
Людовикъ VII (Младшій)	† 1180
Филиппъ II (Августъ, прозв. Завоевателемъ) . .	† 1223

Людовикъ VIII (Левъ)	† 1226
Людовикъ IX (Святой)	† 1270
Филиппъ III (Смѣлый)	† 1285
Филиппъ IV (Красивый)	† 1314
Людовикъ X (Сварливый)	† 1316
Филиппъ V Длинный)	† 1322
Карль IV (Красивый)	† 1328

52. Мы уже сказали, что это мнѣніе неосновательно, какъ и вообще въ этой пѣсни Данте слѣдуетъ не столько историческимъ даннымъ, сколько народнымъ преданіямъ. Гуго Капетъ не былъ сыномъ мясника, но, какъ теперь всѣмъ извѣстно, происходить отъ могущественныхъ графовъ Парижскихъ и герцоговъ французскихъ. Его отецъ былъ Гуго Великій, а его дѣдъ Робертъ. Нѣкоторые даже ведутъ его родъ отъ одного изъ братьевъ Карла Мартелла. Но уже въ средніе вѣка возникло нѣсколько легендъ о генеалогіи Гуго Капета; одна—религіозная, ведущая егъ родъ отъ Св. Арнольда († 640), герцога Австрійскаго, потомъ епископа Лотарингскаго; вторая—королевская—отъ Карла Великаго, третья—народная, именно та, которой слѣдуетъ Данте и, можетъ быть, только одна ему извѣстная. Современникъ Данте историкъ Виллани приводитъ ее, какъ наиболѣе достовѣрную. Та же легенда повторяется какъ въ одной старинной нѣмецкой поэмѣ (напечатанной въ 1508 г. въ Страсбургѣ), такъ особенно въ *Chanson de Geste de Hugues Capet*, Paris 1864, изданіи г. маркиза Делагранжа. Вѣроятно, изъ этихъ народныхъ поэмъ сказаніе перешло и въ итальянскія хроники. Хотя эта легенда была переработана извѣстнымъ французскимъ поэтомъ Фр. Виллономъ въ XVI вѣкѣ, однакожъ потомокъ счастливаго похитителя престола Францискъ I не зналъ о ея существованіи, такъ что этотъ стихъ Данте вызвалъ въ немъ сильнѣйшее негодованіе противъ поэта и его поэмы. Филалетъ. Скартаццини. К. Витте.

53. «Власяницу», въ подлинникѣ: *in ranni bigi*, въ сѣрья одежды. Опять исторически невѣрно. Людовикъ V, послѣдній изъ Каролинговъ, умеръ 21-го мая 987 г., и со смертію его изъ всего рода остался въ живыхъ Карль, герцогъ Нижней Лотарингіи; но онъ отнюдь не былъ монахомъ, а былъ заключенъ въ заточеніе, гдѣ и умеръ. Поэтъ, очевидно, смѣшалъ здѣсь послѣдняго Каролинга съ послѣднимъ изъ Меровинговъ—Хильдерихомъ III († 752).

58. «Вдовственной короной», т. е. сдѣлавшейся вакантной по смерти Людовика Лѣвиваго, послѣдняго изъ Каролинговъ». Скартаццини.

59. «Мой сынъ»; отсюда по необходимости должно заключить, что говорящее здѣсь лицо Гуго Великій, а не Гуго Капетъ, между тѣмъ предыдущіе стихи могли быть сказаны лишь этимъ послѣднимъ. Вообще, Данте здѣсь не умѣлъ отличить двухъ лицъ, не будучи знатокомъ исторіи этого дома. Извѣстно, что самъ Гуго Капетъ не короновался, а черезъ годъ послѣ своего избранія, въ 988 г., велѣлъ короновать своего сына Роберта. — Мишле говоритъ: *Ceci est exact au sens littéral. On sait qu' Hugues Capet ne voulut jamais porter la couronne. Robert est le premier des Capetiens qui la porta.* Камерини.

60. «Помазанныхъ костей», *le sacrate ossa*, либо въ смыслѣ бальзамированныхъ, освященныхъ, или, можетъ быть, въ ироническомъ. Бланкъ, въ своемъ *Versuch. etc.* II, p. 74, говоритъ: «*Ich glaube dass Hugo Capet wohl sacrate im gewöhnlichen Sinne nimmt aber freilich mit der Gewissheit dass seine Zuhörer das Wort als bittere Ironie in Beziehung auf die von ihm angeführten Thaten seiner Nachkommen verstehen würden.*»

61. Людовикъ IX женился въ 1234 г. на Маргаритѣ, старшей дочери графа Раймонда Беренгара IV Прованскаго (сличи: Чистилища VII, 129 примѣч. и Рая VI, 133). По смерти графа сынъ короля Карлъ Анжуйскій (Чистилища VII, 129) женился на младшей дочери того же Раймонда, Беатрисѣ, объявленной наслѣдницей Прованса, который пошелъ за нею въ приданое. Лангедокъ по Парижскому миру (1229 г.) былъ уже присоединенъ къ французской коронѣ послѣ войны съ Альбигойцами и съ Раймондомъ VI Тулузскимъ, помогавшимъ Альбигойцамъ. Впослѣдствіи сила и вліяніе Франціи еще болѣе возросли даже по ту сторону Альпъ; вообще захваты Филиппа Красиваго и Карла Анжуйскаго не принадлежать къ блестящимъ страницамъ исторіи.

65. «Чтобъ зло поправить», *per ampenda*,—«злѣйшая иронія надъ тѣмъ, который, раскаяваясь въ дурнѣмъ дѣлѣ, совершаетъ дѣйствія еще болѣе злыя. Трехкратное повтореніе этихъ словъ придаетъ ироніи еще болѣе силы и злой краснорѣчивости». Скартацини.

66. «Нормандія,—провинція Франціи, принадлежавшая Англій со временъ Вильгельма Завоевателя; Филиппъ-Августъ присоединилъ ее къ Франціи въ 1204 г. (окончательно она присоединена Карломъ VII въ 1450 г.).—Гасконья,—провинція Франціи, отнятая Филиппомъ IV у англійскаго короля Эдуарда I болѣе обманомъ, чѣмъ силою.—Поньи—графство нижней Пиккардіи, при впаденіи рѣки Сомы въ море, съ главнымъ городомъ Аббевиллемъ; принадлежало тоже Англій и также обманомъ присоединено къ Франціи Филиппомъ IV». Ibid.

67. «Къ вамъ», т. е. въ Италію. Карлъ Анжуйскій (Чистилища VII, 113), тать и убійца, явился въ 1265 г. въ Италію, чтобы завладѣть Неаполемъ и Сициліей, при содѣйствіи папы Климента IV и вслѣдствіе измѣны графа Казенскаго и апулійцевъ при Беневенто (Ада XXVIII, 16 примѣч. и Чистилища III, 115—118).

68. «Конрадинъ Швабскій, послѣдняя отрасль Гогенштауфеновъ, сынъ императора Конрада IV, родившійся въ 1252 г. На третьемъ году жизни, потерявъ отца, наслѣдовалъ права на корону Неаполя и Сициліи. Въ 1267 г. высадился съ войскомъ въ Италію, чтобы вырвать наслѣдіе своихъ предковъ изъ рукъ низкаго убійцы Карла Анжуйскаго; но, разбитый въ сраженіи при Тальякоццо 23-го августа 1268 г. (Ада XXVIII, 17 примѣч.), попалъ въ руки безславнаго Анджіоино, который казнилъ его въ Неаполѣ 20-го октября 1268. Скартацини.

69. Великій схоластическій учитель церкви св. Ѳома Аквинскій (Рая X, 99) покинулъ въ концѣ января 1274 г. Неаполь, въ сопровожденіи патера Ринальдо да Пипомо отправившись на соборъ, созванный папой Григоріемъ X въ Ліонѣ. Несмотря на то, что ему было только 47 лѣтъ, онъ былъ крайне изнуренъ и болѣзненъ, и потому былъ принужденъ прервать свое путешествіе и остановиться въ капуцинскомъ монастырѣ Fossa puova, въ разстояніи полдня дороги отъ Терричины, на окраинѣ Понтинскихъ болотъ, недалеко отъ Пиперно. Тамъ онъ и умеръ 7-го марта. Мнѣніе, что онъ былъ отравленъ по приказанію Карла I изъ страха, чтобы не сдѣлалъ разоблаченій о немъ передъ папой и соборомъ, — мнѣніе это, кромѣ Данте, раздѣлялось и другими современниками поэта. О подробностяхъ его смерти рассказываютъ, впрочемъ, весьма разнорѣчиво». К. Витте—Такъ Толломмео, ученикъ св. Ѳомы и современникъ Данте, пишетъ о его смерти слѣдующее (*Lucensis, Hist. Eccles. lib. XXIII, cap. VIII, ap. Murat. Rer. It. script. Vol. XI, pag. 1168 et seq.*): «*Vocatus ad Concilium per Dominum Gregorium, ac recedens de Neapoli ubi regebat, et veniens in Campaniam, ibidem graviter infirmatur. Et quia prope locum illum nullus Conventus Ordinis Praedicatorum habebatur, declinavit ad unam sollennem Abbatiam, quae*

dicitur Fossa-nova, et quae Ordinis erat Cisterciensis, in qua sui consanguinei Domini de Ceccano erant patroni: ibique sua aggravata est aegritudo. Unde cum multa devotione, et mentis puritate, et corporis, qua semper floruit, et in Ordine vixit, quemque ego probavi inter homines, quos umquam novi, qui suam saepe confessionem audivi, cum ipso multo tempore conversatus sum familiari ministerio, ac ipsius auditor sui; ex hac luce transiit ad Christum».—«Возвелъ на небо»—«прекрасное выраженіе для обозначенія насильственной смерти святого чловѣка, который, оставляя землю, возносится на небо». Джіоберти.

71. «Карль другой»,—Карль Валуа, сынъ Филиппа Смѣлаго и братъ Филиппа Красиваго, родившійся въ 1270 г. Воспитанный въ интригахъ римской куріи, онъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ папы Бонифація VIII. Въ 1303 г., по приглашенію папы Бонифація, онъ прибылъ со свитой французскихъ рыцарей въ Италію. Папа хотѣлъ воспользоваться его помощію частію для Карла II Неаполитанскаго, противъ Фридриха Арагонскаго, частію противъ партіи Бѣлыхъ во Флоренціи (къ которымъ принадлежалъ Данте) и, въ этихъ видахъ, не только назвалъ его графомъ Романьи и «миротворцемъ» въ Тосканѣ, но и обнадѣживалъ его императорскою короною. Его первый не совершенъ удачный походъ во Флоренцію изложенъ въ примѣчаніи къ Ада VI, 64. Результатомъ было изгнаніе партіи Бѣлыхъ, въ числѣ ихъ и Данте. Оттуда онъ отправился въ 1302 г. въ Сицилію, и хотя и высадился туда, но не могъ завладѣть, кромѣ Термоли, ни однимъ городомъ. Король Фридрихъ избѣгалъ всякаго съ нимъ сраженія до тѣхъ поръ, пока нужда и болѣзни не понудили его отступить; въ 1302 г., въ ноябрѣ, онъ вернулся во Францію, говоря словами Виллани, «scemata e consumata sua gente e con poco onore», почему и было о немъ сказано: «Messer Carlo venne in Toscana per paciario, e lasciò il paese in guerra; e andò in Sicilia per fare guerra, e reconne vergognosa pace». Онъ умеръ въ 1324 г., оставивъ сына, который вступилъ на французскій престолъ (1328 г.) подъ именемъ Филиппа VI: съ него начинается династія Валуа. Объ этомъ Карль говоритъ: «fu figlio di re; padre di re, e non mai re». Скартаццини.

73. «Безъ войскъ, съ одной лишь тою пикой». Карль прибылъ въ Италію въ Аланью, гдѣ находился дворъ Бонифація, лишь съ своими баронами и 50 рыцарями. Пика Іуды Искаріотскаго—обманъ и измѣна.

75. Въ подлинникѣ: «a Fiorenza fa scorporar la rancia».—«Въ то время Флоренція была тучна тѣломъ и наполнена гражданами, надутыми гордыней, и Карль настолько вскрылъ ей животъ, что изъ него вывалились кишки, т. е. главнѣйшіе граждане, въ числѣ которыхъ былъ Данте». Бенвенуто Рамбалди.

76—78. «Не земли»—жесточайшая иронія, намекающая на прозвище Карла Валуа—Безземельный, такъ какъ онъ никогда не могъ пріобрѣсть себѣ владѣній. Чѣмъ менѣе онъ раскаивается въ этомъ, тѣмъ болѣе жестоко будетъ ему наказаніе, другими словами—онъ будетъ наказанъ въ адскихъ кругахъ.

79. «Карль новый», это Карль II Неаполитанскій (Апулійскій), Хромой, Іерусалимскій (Рая XIX, 127, также VI, 106); онъ былъ сынъ Карла Анжуйскаго (родился 1243 г. и умеръ 1309 г.); еще наслѣднымъ принцемъ, онъ попалъ вмѣстѣ со своей галерой въ плѣнъ 6-го іюня 1284 г. къ адмиралу короля Педро Арагонскаго Руджъери д'Орѣа въ морскомъ сраженіи въ Неаполитанскомъ заливѣ, и послѣ многихъ лѣтъ заключенія, уже по смерти своего отца (1289 г.), возвратился въ Неаполь и короновался.

80. Карль II выдалъ дочь свою Беатриче замужъ за маркиза Этскаго Аццо VI (assai veggio, такъ какъ онъ былъ вдовецъ, будучи лѣтъ 20 женатъ на Джіованнѣ Орсини). Это тотъ самый Аццо, котораго Данте помѣстилъ въ аду

(XII, 111) и о котором онъ такъ строго отзывается въ Чистилища V, 77. Неравенство брака заставило современниковъ предполагать, что отецъ продалъ свою дочь; увѣряли даже, что онъ взялъ будто бы за это 30,000 золотыхъ гульденовъ.

84. «Плоть свою»,—«ибо онъ братъ нашъ, плоть наша». Быт. XXXVII, 27.

85. Все предшествовавшее кажется поэту ничтожнымъ въ сравненіи съ величайшимъ преступленіемъ — плѣномъ папы Бонифація VIII и оскорбленіемъ, нанесеннымъ ему по повелѣнію Филиппа Красиваго его придворнымъ Нагаретомъ въ Ананьи (или Аланьи, такъ какъ въ народномъ говорѣ буквы l и p смѣшиваются), вслѣдствіе чего папа черезъ мѣсяць скончался (1303 г.). Флейдереръ. — (См. слѣд. примѣч.; подробности изложены въ Приложеніи I къ I книгѣ Божественной Комедіи, Ада стр. 307).—«Данте высказываетъ здѣсь опять, какъ и въ предыдущей пѣсни, стихъ 127, а также и другихъ мѣстахъ, свое высокое уваженіе къ институту папства, какъ бы сильно онъ ни осуждалъ дурное управленіе папъ. Всю высоту своего міровоззрѣнія онъ высказываетъ именно здѣсь, называя вызывающимъ омерзѣніе оскорбленіе даже того папы, который, по его убѣжденію, предназначенъ самимъ судомъ Божиимъ къ адскимъ мукамъ (Ада XIX, 52 и примѣч.). Одни лишь возвышеннѣйшіе умы въ состояніи подняться на такую высокую точку зрѣнія во время ожесточенія партій». Штрекфуссъ.

87. Виллани (l. c.) повѣствуетъ: «Папа Бонифацій, слыша шумъ тревоги и видя, что онъ покинутъ всѣми кардиналами, бѣжавшими и попрятавшимися со страха, а кто и со злымъ умысломъ, и брошенъ также почти всѣми слугами своими, и видя, что враги его завладѣли городомъ и дворцомъ, гдѣ онъ находился, приготовился къ смерти и, какъ человѣкъ великодушный и мужественный, сказалъ: «*Dacchè per tradimento, come Gesù Cristo voglio esser preso e mi conviene morire, almeno voglio morire come papa*», и тотчасъ же велѣлъ приготовить себѣ мантию св. Петра и съ короною Константина на головѣ, съ ключами и крестомъ въ рукѣ возсѣлъ на папское сѣдалище. Приблизившись къ нему, Скиарра и другіе враги его гнусными словами поносили и арестовали его и его семейство, остававшееся при немъ». Спокойствіе его духа обезоружило Нагарета и Скиарру, такъ что никто не смѣлъ наложить на него руки. Вскорѣ однако по возвращеніи въ Ватиканъ онъ умеръ (7-го окт.), отъ разрыва сердца.

89. Иоанн. XIX, 29; Псалт. LXVIII, 22. «И дали мнѣ въ пищу желчь и въ жаждѣ моей напоили меня укусомъ».

91. Новый Пилать, король Филиппъ Красивый, предавшій намѣстника Христа въ руки Колоннамъ, смертельнымъ врагамъ папы, точно такъ, какъ Пилать «Исуса предалъ въ ихъ волю». Луки, XXIII, 25.

92—93. «Намекъ на уничтоженіе ордена храмовниковъ (тамплиеровъ). По особенному настоянію Филиппа Красиваго, домогавшагося завладѣть имѣніями тамплиеровъ, папа Климентъ V принялъ съ 1306 г. мѣры противъ этого ордена. 2-го апрѣля 1312 г. было рѣшено уничтоженіе ордена на Вѣнскомъ соборѣ; но гроссмейстеръ ордена Яковъ де Молэ былъ сожженъ лишь 11-го марта 1314 г. по повелѣнію Филиппа, который получилъ папское полномочіе на уничтоженіе, по мнѣнію Данте, незаконнымъ путемъ «безъ Божескаго слова» (въ подлинникѣ: *senza decreto*). К. Витте.

94—96. «Тѣнь Капета ожидаетъ какого-либо возмездія за всѣ эти ужасы. Безъ сомнѣнія, поэтъ имѣетъ здѣсь въ виду, какъ уже сказано (стихъ 46), сраженіе при Куртрэ; а можетъ быть онъ намекаетъ на приведенное у Виллани (VIII, 64) къ 1303 году пророчество, по которому власть Филиппа, какъ и всего его дома, скорѣ должна прекратиться». Ноттеръ.

97—98. Отвѣтъ на второй вопросъ, см. выше, стихъ 19.—Невѣста Св. Духа—Дѣва Марія, называемая такъ на церковнослужебномъ языкѣ.

100—102. «Поэтъ развиваетъ обстоятельнѣе высказанное имъ выше (Чистилища VII, 44 и далѣе, см. примѣч. этой пѣсни къ ст. 19) мнѣніе. Днемъ души выхваляютъ добродѣтель въ такихъ примѣрахъ, которые могутъ, въ силу вышесказаннаго, служить какъ бичи, побуждающіе къ совершенію добрыхъ дѣлъ; ночью, когда прогрессъ на пути къ усовершенствованію становится невозможнымъ (Чистилища VII, 44), онѣ бесѣдуютъ о дѣйствіяхъ порока, чтобы наложить на себя эпитимію или, собственно, чтобы почувствовать цѣлительное покаяніе (Чистилища XXVI, 80—81), такъ какъ онѣ не подлежатъ уже искушеніямъ (Чистилища XI, 22 и примѣч.)» Ноттеръ.

103—105. Пигмаліонъ, царь Тирскій, одержимый сребролюбіемъ, умертвилъ своего брата, мужа Дидоны, чтобы завладѣть его богатствами и трономъ. Дидона бѣжала изъ Тира и основала Карфагенъ (Виргилій Аен., lib. I, 340 и далѣе).

106—108. Мидасъ, царь фригійскій, который выпросилъ у Бахуса могущество превращать въ золото, все, до чего ни коснется; но скорѣ въ этомъ раскаялся, потому что не могъ ничего ѣсть, такъ какъ всякая пища при его прикосновеніи превращалась въ золото. Его безумное желаніе возбуждаетъ скорѣ смѣхъ, чѣмъ состраданіе.

109—111. Аханъ, изъ колѣна Іудина, сражался въ войскѣ Іисуса Навина при взятіи Іерихона. Вопреки запрещенію Іисуса, Аханъ присвоилъ себѣ и утайлъ часть іерихонской добычи (пурпурную одежду, двѣсти сиклей серебра и слитокъ золота), и за это былъ побитъ вмѣстѣ съ сыновьями и дочерьми своими и всѣмъ скотомъ, по приказанію Навина, въ долинѣ Акоръ и затѣмъ сожженъ. Кн. Іисуса Навина, VII, 1—26.

113. «Сафиру съ мужемъ», т. е. съ Ананіемъ; см. Дѣян. Апост. V, 1—11.

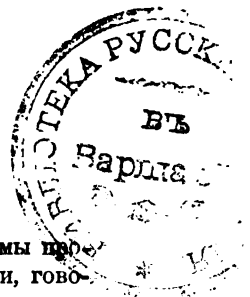
113. См. Кн. II Маккав. III, 7—40.

114. Полимнесторъ, царь Фракіійскій, зять Пріама. Послѣдній, видя, что Троя осаждена и Азія угѣснена греками, отправилъ младшаго своего сына Полидора къ Полимнестору, въ надеждѣ, что онъ его укроетъ и защититъ отъ опасности. Но жадный Полимнесторъ убилъ Полидора и завладѣлъ его богатствами (Ада примѣч. къ XXX, 13—20); Овидія Превращенія, кн. XIII, ст. 429—438.

116—117. Маркъ Лициній Крассъ, извѣстный своимъ богатствомъ и сребролюбіемъ. Подъ начальствомъ Суллы онъ сражался противъ Рима и рѣшительной своей побѣдой положилъ конецъ войнѣ со Спартакомъ (71 до Р. X.), а въ слѣдующемъ году получилъ консульство вмѣстѣ съ Помпеемъ; черезъ шесть лѣтъ составилъ первый триумвиратъ вмѣстѣ съ Помпеемъ и Цезаремъ и, сдѣлавшись правителемъ Сиріи, началъ войну противъ пареянъ, но былъ разбитъ ими и затѣмъ убитъ по приказанію Сурены, полководца царя Ороду. Говорятъ, что когда голову Красса принесли Ороду, онъ велѣлъ влить въ ротъ ея расплавленное золото, сказавъ: «Ты жаждалъ золота, пей же теперь его» (В. Веллей, II, 82).—Плутархъ, впрочемъ, не упоминаетъ объ этомъ фактѣ.

117. Итакъ, здѣсь приведено 7 примѣровъ скупости. Это не безъ причины. По ученію Θомы Аквинскаго, у скупости 7 дочерей: измѣна, обманъ, лживость, клятвопреступленіе, безпокойство, насиліе, безчеловѣчіе. «Filiae avaritiae dicuntur vitia quae ex ipsa oriuntur, et graecis prae secundum appetitum finis etc.» Скартаццини.—«Въ Пигмаліонѣ мы видимъ измѣну; въ Мидасѣ—безпокойство; въ Аханѣ—обманъ; въ Ананіи и Сафирѣ—клятвопреступленіе (солгали св. Духу); въ Геліодорѣ, пришедшемъ похитить сокровища Іерусалимскаго храма подъ ложнымъ предлогомъ,—лживость; въ Полимнесторѣ—безчеловѣчность и, наконецъ, въ Крассѣ—насиліе; новое доказательство, какъ глубоко обдуманно у Данте каждое слово». Ibid.

118—123. «Это отвѣтъ на вопросъ Данте въ стихѣ 36. Кающійся хочетъ сказать: такъ какъ наши рѣчи вообще произносятся то тихимъ, то громкимъ го-

лосомъ, то и я дневныя воззванія, т. е. похвалу добродѣтели, которую мы проносимъ днемъ, произносили не для одного лишь себя; но другія тѣни, говорящія вмѣстѣ со мною, произносили ихъ лишь тихимъ голосомъ». Ноттеръ.

127. «Дрожаніемъ горы выражается тотъ душевный трепеть, который вызывается въ душѣ очистившагося благодатнымъ чувствомъ улучшения ея состоянія и божественнымъ помилованіемъ. Чистилища XXI, 58». Каннегиссеръ. — Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ аду (III, 130 и далѣе). Тамъ землетрясеніе означаетъ, что души прибыли къ вѣчнымъ мукамъ; здѣсь оно означаетъ, что муки окончились навѣки. Тамъ за землетрясеніемъ слѣдуютъ явленія ужасающія, приводящія въ оцѣпенѣніе и даже уничтожающія чувство; здѣсь за нимъ слѣдуетъ гимнъ радости, который поютъ хоромъ тѣмъ тѣмъ душъ и который, потрясая, наполняетъ всю гору восторгомъ и восхваленіемъ Бога. Тамъ трепеть ужаса; здѣсь гора трепещетъ отъ радости. Тамъ гора, такъ сказать, подавляетъ отчаянные вопли осужденныхъ: «И говорятъ горамъ и камнямъ: падите на насъ и сокройте насъ». Открыв. св. Іоан. VI, 16; здѣсь же напротивъ, исполняется пророчество: «Когда вышель Израиль изъ Египта... вы прыгаете, горы, какъ овны, и вы, холмы, какъ агнцы». Псалт. СХІІІ, 1, 6. Скартаццини.

130—132. Островъ Делось, нынѣ Сдило или Дили, одинъ изъ Цикладскихъ въ Греческомъ Архипелагѣ, славившійся въ древности своимъ культомъ Діаны и Аполлона. По мифологіи, Нептунъ выдвинулъ его изъ водъ, вслѣдствіе чего Латона, преслѣдуемая ревнивою Юноной на сушѣ и морѣ, нашла наконецъ здѣсь себѣ убѣжище и родила близнецовъ, Аполлона и Діану. Островъ до этого былъ плавающимъ, но съ этого времени сталъ на морѣ и сдѣлался неподвижнымъ, Виргилій. Аеп. III, 69 и др. Овидія Превращенія, кн. VI, ст. 189 и далѣе». «Латона» или Лета, дочь титана Цея, любовница Юпитера.—«Два ока», т. е. солнце и луна, Аполлонъ и Діана, названные очами неба можетъ быть въ подражаніе Овидію, который солнце называетъ—mundi oculus. Превращенія, кн. IV, ст. 228.

136. «Gloria in excelsis Deo»—«слава въ вышнихъ Богу», начало гимна, воспѣтаго ангелами при рожденіи Спасителя (Лук. II, 14) пастырямъ въ Вифлѣемѣ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

1—3. «Врожденная жажда», т. е. жажда познанія: «*Omnes homines natura scire desiderant*». Аристотель. *Met. lib. I, in princ.*—«Врожденная жажда—это жажда истины и врожденное человѣческой душѣ томленіе о благѣ вообще. Она можетъ удовлетвориться здѣсь, на землѣ, лишь божественнымъ откровеніемъ, а въ томъ мірѣ вполне утоляется лишь созерцаніемъ Божества, какъ частью блаженства. Фома Акв. *Sum. Theol. II. 1-ая quae. IV, art. 8.*—На то и другое намечается водою, о которой говоритъ Христосъ». Филалетъ.—Въ предыдущей пѣснѣ любознательность Данте не могла быть утолена; эту любознательность разумѣетъ онъ подъ именемъ «жажды», въ примѣненіи къ евангельскимъ словамъ, гдѣ Христосъ говоритъ самарянкѣ: «Кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать вѣвѣкъ». И самарянка Христу: «Господинъ, дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды». Іоан. IV, 14, 15.

4. «Томился я», т. е. сгоралъ нетерпѣливымъ желаньемъ узнать истину. «*Homo non est perfecte beatus quamdiu restat ei aliquid desiderandum et quaerendum... In tantum procedit perfectio intellectus, in quantum cognoscit essentiam alicujus rei*». Фома Акв. *Sum. Theol. p. I, 2-ая qu. III, art. 8.*

7—9. «Двумъ ученикамъ», шедшимъ въ Эммаусъ. Ев. отъ Луки XXIV, 13—16.

10. Духъ этотъ—римскій поэтъ Стацій. Публий Папиній Стацій, сынъ поэта того же имени, славный въ свое время стихотворецъ, жилъ при Домиціанѣ (86—96 по Р. Х.). Отецъ Стація неоднократно бывалъ увѣнчанъ на поэтическихъ состязаніяхъ, праздновавшихся черезъ каждыя пять лѣтъ въ Неаполѣ, и умеръ въ Римѣ въ 80 г. нашей эры, на 65 году жизни. По мнѣнію Додвелля, сынъ его Стацій родился въ 61 г. по Р. Х. и умеръ въ 96—на 35-мъ году жизни, что, кажется, не совсемъ вѣрно. Онъ былъ женатъ на римлянкѣ, вдовѣ, по имени Клавдіи, отъ которой не имѣлъ потомства. Въ высшей степени льстивый къ Домиціану, Стацій пользовался великою милостію императора. Онъ былъ обожаемъ въ Римѣ, гдѣ взялъ нѣсколько побѣдныхъ вѣнцовъ на поэтическихъ состязаніяхъ; но такъ какъ восторгъ къ нему римлянъ скоро остылъ, то Стацій удалился въ Неаполь, гдѣ и умеръ, какъ сказано, въ 96 г. по Р. Хр. Объ его сочиненіяхъ будетъ сказано въ примѣчаніи къ 91 стиху. О Стаціи писано очень многими.—Скалигеръ вмѣстѣ съ Данте ставитъ Стація наряду съ Виргиліемъ и говоритъ, что онъ подошелъ бы еще ближе къ послѣднему, если

бы не желалъ слишкомъ близко подойти къ нему. Но теперь едва ли кто станетъ цѣнить его такъ высоко, какъ цѣнили Данте. Тѣмъ не менѣе въ среднѣе вѣка Virgilii и Stazio считались первыми эпическими поэтами; творенья ихъ читались всѣми и цитировались въ школахъ. Скартаццини.

11. «Стацій, теперь уже очищенный (см. ниже, стихъ 68) послѣ совершеннаго имъ покаянія, созерцаетъ еще тѣни, лежащія тамъ на землѣ, т. е. онъ взвѣшиваетъ свой грѣхъ, отъ котораго только что освободился, и послѣдствія его». Штрекфусъ.

13. Стацій считаетъ путниковъ за души, идущія къ небу по очищеніи, и привѣтствуетъ ихъ по глаголу Христа: «Входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему». Матѳ. X, 12.

16. «Совѣтъ».—«Не устоятъ нечестивые на судѣ, и грѣшники—въ собраніи праведныхъ». Псалт. I, 5.—Сличн: Рая XXVI, 120.—Совѣтъ означаетъ здѣсь рай, собраніе праведныхъ.

18. «Въ изгнаніе вѣчныхъ бѣдъ», nell'eterno esilio, т. е. въ изгнаніе изъ неба, истиннаго отечества душъ. «Virgilii, какъ язычникъ, не можетъ проникнуть въ рай, такъ какъ однимъ разумомъ невозможно достигнуть высочайшаго». Штрекфусъ.

19. Здѣсь Стацій прерываетъ рѣчь Virgilii, который продолжаетъ путь, не останавливаясь.

22. «Письменъ», т. е. буквъ P, начертанныхъ на лбу Данте.

23. Т. е. рукою ангела, охраняющаго врата чистилища (IX, 112).

24. Т. е. онъ долженъ войти въ царство праведныхъ, небо. «Наслѣдуйте царство, уготованное вамъ». Матѳ. XXV, 34. «Если терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ». II посл. къ Тимоф. II, 12.

25—27. Парка Лахезисъ, прядущая нить жизни каждаго живого существа; другими словами,—Данте еще не вполне кончилъ теченіе своей жизни. Извѣстно, что древніе поэты подчиняли жизнь человѣка тремъ богинямъ, называвшимся парками, помѣщая ихъ около Плутона; первая называлась Клото, вторая Лахезисъ, третья Атропосъ (Ада XXXIII, 126). Первая навивала кудель на прялку въ минуту рожденія человѣка, вторая безостановочно пряла кудель, третья по своему усмотрѣнію перерѣзывала нить. Отсюда стихъ: Clotho colum bajulat, Lachesis trahit, Atropos secat.

28. Такъ какъ она вышла, какъ и наши души, изъ рукъ одного и того же Создателя, или, по объясненію Ландино, потому что «всѣ мы одного и того же рода, хотя ты уже достигъ блаженства, я нахожусь въ числѣ осужденныхъ, а онъ—въ неопредѣленномъ состояніи».

30. Т. е. глядя на все глазами живого человѣка. «На землѣ, по теоріи Фомы Аквинскаго и Данте, мы видимъ вещи не непосредственно, но только какъ отпечатки предметовъ; тамъ же видимъ ихъ въ зеркалѣ Бога (Чистилища XXV, 82—81)». Каннегиссеръ.

31. «Широкая пасть», ampia gola, т. е. изъ перваго круга ада, или Лимба (Ада IV, 24), составляющаго какъ бы отверстіе, пасть адской воронки.

33. «Опять, какъ всегда и повсюду, намекъ на значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіе разума по отношенію къ правильному церковно-гражданскому мѣроуправленію (Чистилища XVIII, 46)». Флейдереръ.

38. «Въ желанія какъ нить въ ушко иглы попадь»—въ подлинникѣ: la spina del mio disio.—«Латинское выраженіе: acu tangere—вѣрно попасть». Каннегиссеръ.

41. «Религія святая», т. е. святость горы. Стихъ этотъ взятъ изъ Virgilioвой Энеиды VIII, 349, 350:

«Jam tum religio pavidos terrebat agrestis
Dira loci, iam tum silvam saxumque tremebant».

Также Ibid. XII, 181:

«Aetheris alti religio».

43—51. «Въ этой и слѣдующихъ двухъ терцинахъ перечисляются всѣ атмосферическіе метеоры: дождь, снѣгъ, градъ, роса, иней, облака всѣхъ видовъ, молнія, радуга, которая, являясь всегда насупротивъ солнца, занимаетъ различныя мѣста на небѣ. Всѣ эти метеоры, говоритъ Данте, не исключая и вѣтровъ, обозначаемыхъ словами: паръ сухой (который, будучи нагрѣтъ, черезъ то нарушаетъ равновѣсіе температуры), существуютъ ниже вратъ чистилища». Антонелли.—«Только за вратами чистилища, описанными въ IX пѣсни, начинается вѣчный порядокъ и владычество чисто-небесныхъ силъ». Флейдереръ.—Прототипъ этого представленія, перешедшій отъ греческихъ къ римскимъ поэтамъ и отъ нихъ къ Данте, мы находимъ у Гомера въ его описаніи блаженной вершины Олимпа, горы, которая, подобно горѣ рай, возвышается изъ моря:

....«Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь на шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подьметъ метелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнуть».

Одиссея, Жуков. VI, 42—46.

48. Въ подлинникѣ: *La scaletta dei tre grandi breve*, т. е. возвышеніе изъ трехъ ступеней, на которомъ сидитъ привратникъ чистилища (Чистилища IX, 78 и далѣе и примѣч.).

51. «Тауманта дщерь», Ириса, дочь кентавра Тауманта и Электры (Гезіодъ Theog. 265), посланница боговъ, особенно Юноны, которая по радугѣ спускается и подымается на небо (Рая XII, 10). Здѣсь разумѣется просто радуга.

52. «Паръ сухой». По Аристотелю (*Metaph. II*) паръ, подымающійся съ земли, есть причина всѣхъ перемѣнъ въ нашемъ мірѣ. Паръ этотъ раздѣляется на влажный и сухой; отъ перваго рождается дождь, снѣгъ, градъ, роса, иней; отъ сухого и тонкаго—вѣтеръ; отъ сухого и плотнаго—землетрясеніе. Эти пары не могутъ, впрочемъ, подыматься выше третьей области воздуха; этихъ областей отъ сферы луны до центра земли существуетъ четыре: область жаркая, холодная, холодно-жаркая и нѣдро земли. Вслѣдствіе этого сказанныя перемѣны не могутъ восходить выше холодной области. И такъ поэтъ, говоря, что пары не подымаются выше трехъ ступеней вратъ чистилища, тѣмъ самымъ говоритъ, что эти врата помѣщены на самой верхней границѣ третьей области воздуха, т. е. въ холодной области. То же самое онъ говоритъ ниже устами Матильды въ земномъ раю (Чистилища XXVIII, 97—102). Скартаццини.—«По теоріи Данте, согласной съ Брунетто Латини, сухіе пары вызываютъ молніи, когда подымаются на высоту, и землетрясенія, когда проникаютъ въ нѣдра земли». К. Витте.

55. «Тамъ», т. е. на горѣ Чистилища, ниже вратъ Петровыхъ. — Ученые говорятъ, что землетрясеніе происходитъ такимъ образомъ: земля имѣетъ видъ губки, и внутри ея зарождается вѣтеръ и кружится и ходитъ по

этимъ пещерамъ. Когда же вырастетъ до той степени, до какой лишь можетъ достигать, онъ ищетъ себѣ дороги для выхода въ воздухъ и сотрясается съ такой силой, что земля увлекается за нимъ и нерѣдко растрескивается, чтобы выгнать его вонъ». Оттимо.

58—60. «Здѣсь», т. е. выше вратъ чистилища.—«Какъ скоро духъ..... почувуетъ», въ подлинникѣ: *quando alcuna anima monda Sentesi, si che surga, o che si mova Per salir su*»,—мѣсто очень темное и толкуемое комментаторами различно. По нѣкоторымъ, гора Чистилища дрожитъ всякій разъ, когда очищенная отъ грѣховъ душа возносится на небо, или когда, очистившись отъ одного грѣха, идетъ въ слѣдующій кругъ чистилища для очищенія отъ другого грѣха. Бути. Ландино.—Но такое толкованіе едва ли правильно. Лучше, кажется, объясненіе Велутелло: «Встаетъ, т. е. встаетъ на ноги, и это сказано поэтомъ именно въ отношеніи душъ въ этомъ кругѣ, гдѣ очищающіяся лежатъ ницъ, такъ какъ первое ихъ движеніе, которое онѣ должны сдѣлать, почувствовавъ себя очистившимися отъ грѣха, состоитъ, конечно, въ томъ, что онѣ поднимаются съ земли. «Почуетъ къ полету мощь»—сказано въ отношеніи душъ, не лежащихъ на землѣ, но возносящихся прямо въ небо по очищеніи». Сличи Скартаццини.

61—69. «Для объясненія этого мѣста всего лучше можетъ служить соотвѣтствующее мѣсто изъ *Θомы Аквинскаго*. При разрѣшеніи вопроса о томъ, есть ли казнь въ чистилищѣ добровольная казнь, *Θома* дѣлаетъ различіе въ отношеніи къ слову добровольное—добровольное вслѣдствіе абсолютной воли и добровольное вслѣдствіе условной воли. Въ первомъ смыслѣ ни одна казнь не есть добровольная, ибо это противорѣчитъ понятію о ней. Въ послѣднемъ смыслѣ казнь можетъ быть добровольною двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что воля пріобрѣтенія какого либо блага принимаетъ на себя наказаніе, или, по крайней мѣрѣ, охотно подвергается ему и не желаетъ, чтобы оно не существовало, какъ при самобичеваніи или мученичествѣ, и во-вторыхъ—тогда, когда извѣстно, что безъ наказанія нельзя достигнуть извѣстнаго блага, когда воля хотя и не налагаетъ сама на себя наказанія и могла бы отъ него освободиться, но тѣмъ не менѣе выносить его». Вотъ подлинныя слова: «*Aliquid dicitur voluntarium dupliciter. Uno modo voluntate absoluta; et sic nulla poena est voluntaria, quia ex hoc est ratio poenae quod voluntati contrariatur. Alio modo dicitur aliquod voluntarium voluntate conditionata; sicut ustio est voluntaria propter sanitatem consequendam. Et sic aliqua poena potest esse voluntaria dupliciter. Uno modo quia per poenam aliquod bonum acquirimus; et sic ipsa voluntas assumit poenam aliquam, ut patet in satisfactione: vel etiam quia ille libenter eam accipit, et non vellet eam non esse, sicut accidit in martyrio. Alio modo quia quamvis per poenam nullum bonum nobis accrescat, tamen sine poena ad bonum pervenire non possumus, sicut patet de morte naturali, et tunc voluntas non assumit poenam, et vellet ab ea liberari: sed eam supportat, et quantum ad hoc voluntaria dicitur. Et sic poena purgatorii est voluntaria*». (*Sum. Theol. p. III, *Suppl. append. qu. II, art. 2*).—«То же ученіе излагаетъ и Данте. Абсолютная воля желаетъ освобожденія отъ казни; но условная воля предпочитаетъ этой абсолютной волѣ данное душѣ Богомъ желаніе полного удовлетворенія, и такимъ образомъ человѣкъ можетъ только лишь послѣ полного очищенія свободно и радостно вознестись къ блаженству. Прекрасная мысль, достойная благороднаго поэта!» Филалетъ. — «Истинно свободная воля должна необходимо вполнѣ согласоваться съ божественной; поэтому, пока не вполнѣ очистившаяся душа еще не созрѣла для неба, по божественному міроуправленію, до тѣхъ поръ она не можетъ имѣть въ себѣ желанія покинуть чистилище». К. Витте.

67. «Стацій умеръ около 96 лѣтъ по Р. Хр. (примѣч. къ стиху 10 этой пѣсни); Данте встрѣчаетъ его въ чистилищѣ въ 1300 г.; отсюда слѣдуетъ, что Стацій былъ 12 вѣковъ въ чистилищѣ; 5 вѣковъ онъ находился въ кругу скупныхъ; другіе 4 вѣка—въ кругу недѣятельныхъ (XXII, 92—93); остальные триста лѣтъ, какъ надо предполагать, онъ провелъ въ преддверіи чистилища или въ одномъ изъ трехъ первыхъ круговъ». Скартаццини.

72. «Прекрасная мысль! Души хвалятъ Бога за освобожденіе одной изъ ихъ сестеръ, вполне очистившейся, а Стацій, съ своей стороны, молитъ Его, да содѣлаетъ Онъ то же освобожденіе отъ грѣховъ и для прочихъ кающихся». Ibid.

73—76. Подобіе сѣти, въ которой Богъ запутываетъ грѣшниковъ, заимствовано изъ Св. Писанія: «И раскину на него сѣть Мою, и будетъ пойманъ въ тенета Мои». Іезек. XII, 13.—Подобіе утоленія жажды взято также оттуда: «Что холодная вода для истомленной жаждой души, то добрая вѣсть изъ дальней страны». Притчи XXV, 25.

82. Т. е. въ 70 г. нашей эры, когда былъ разрушенъ Іерусалимъ римлянами подъ предводительствомъ Веспассіана, потомъ его сына Тита, впоследствии римскаго императора (отъ 79—81 г.).

84. «Продану Іудой кровь»—*il sangue per Giuda venduto*, оборотъ церковно-славянскій, подобно тому, какъ сказано: «возложиша верху главы его вину его написану».—«Слова эти указываютъ, что миссія Virgilia уже приближается къ концу, что мало-по-малу онъ замѣняется и восполняется символами христіанской жизни. Сличн: III, 52 прим.; XVIII, 46; XXI, 33; XXVII, въ концѣ». Флейдереръ.

85. «Подъ званіемъ» и проч., т. е. подъ именемъ поэта—подражаніе Лукану

*O sacer, et magnus vatam labor, omnia fato
Eripis, et populis donas mortalibus aevum!*

Phars. lib. IX, 980—981.

87. Т. е. безъ вѣры христіанской, былъ еще язычникомъ.

88. Можетъ быть намекъ на стихъ Ювенала:

*Curritur ad vocem jucundam et carmen amicae
Thebaidos, laetam fecit cum Statius urbem
Promisitque diem: tanta dulcedine captos
Afficit ille animos. Sat. VII, 82.*

Впрочемъ, послѣднія слова сказаны Ювеналомъ, кажется, иронически.

89—90. Тулузецъ, житель г. Тулузы. Смыслъ тотъ: Мой голосъ былъ такъ сладостенъ и мое имя, какъ поэта, такъ славно, что, хотя я былъ родомъ изъ Тулузы, Римъ открылъ для меня свои чертоги, т. е. я былъ призванъ въ Римъ. Какъ мы видѣли (примѣч. 10), Стацій родился въ Неаполѣ, а не въ Тулузѣ. Ошибка эта произошла отъ того, что Стація-поэта смѣшивали долго съ риторомъ Стаціемъ Саркуломъ или Уреуломъ, родомъ изъ Галліи; ошибка, которая, по мнѣнію Ландино, встрѣчается и у Плацида Лактанція комментатора къ Овивандѣ Стація, и которая продолжалась до XV вѣка, пока Поджіо не отыскалъ неизвѣстное дотолѣ собраніе лирическихъ стихотвореній подъ заглавіемъ Лѣсъ (Silvae). «Въ одномъ изъ нихъ (Lib. III, eclog. V) «Къ Клавдію», женѣ своей, Стацій, описывая красоты Партеоны (Неаполь), называетъ ее матерью и нянькой обоихъ ихъ, *amborum genetrix altrixque*». Лонгфелло.

90. Не только лавры, но и мирты служили въ древности для увѣнчанія поэтовъ особенно эротическихъ. Находясь въ Римѣ, Стацій трижды былъ увѣнчанъ ими.

91—93. Главное поэтическое произведение Стація была эпическая поэма Эиваида въ 12 книгъ, на которую онъ употребилъ 12 лѣтъ непрерывной работы. Онъ описываетъ въ ней походъ Семи противъ Эивъ и, въ частности, борьбу между Полиникомъ и Этеокломъ (Ада XXVI, 53—54 и примѣч.). Второе произведение Стація—Ахиллаида, поэма, задуманная имъ по весьма обширному плану, но доведенная лишь до 452 стиха второй книги,—ранняя смерть помѣшала ему окончить трудъ, почему и сказано: «со второй я ношей палъ въ дорогѣ» (жизненной). Лучшее произведение Стація, неизвѣстное Данте, было его «Лѣсъ», въ 5 книгахъ, гдѣ собрано 32 стихотворенія на различные случаи.—«Тамъ», т. е. въ мѣрѣ живыхъ.

94. Буквальный переводъ: Энеида Виргилия вдохновила меня. Очевидно, Данте имѣлъ здѣсь въ виду стихи самого Стація:

Vive, precor, nec tu divinam Aeneidam tempta,
Sed longe sequere, et vestigia semper adora.

Theb. XII, 816—817.

98. «Мать обозначаетъ, что Виргилий родилъ въ Стаціѣ любовь къ поэзии, нянька (собственно кормилица: *nutrix*),—что Виргилий воспиталъ въ немъ вкусъ къ поэзии и изящный стиль въ стихотворствѣ». Скартаццини.

99. Т. е. не имѣлъ бы никакого значенія. «Дѣйствительно, въ своей главной поэмѣ Стацій до того рабски слѣдовалъ Энеидѣ, что удержалъ то же число книгъ, какъ и въ послѣдней, и справедливо заслужилъ прозвище обезьяны Виргилия». Бенвенуто Рамбалди. — Чтобы сохранить характерное (и не безъ ироніи сказанное) слово «драхмы», переводчикъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ рѣчамъ: «благъ мы», «стихахъ мы», къ которымъ прибѣгали иногда и Пушкинъ и къ которымъ, несмотря на богатство въ рѣчахъ на итальянскомъ языкѣ, нерѣдко прибѣгаетъ самъ Данте и другіе итальянскіе поэты.

100—102. Т. е. еще бы остался на годъ въ чистилищѣ. Какъ ни прекрасно съ человѣческой точки зрѣнія то, что говоритъ здѣсь Стацій, тѣмъ не менѣе оно едва ли здѣсь уместно и во всякомъ случаѣ противорѣчитъ ученію Катона (II, 120—122). Штрекфуссъ.—Вообще этотъ стихъ подвергался сильному порицанію со стороны иезуитовъ, комментаторовъ Данте, напримѣръ Вентури.

103. «Въ сценѣ, занимающей остальную часть этой кѣсны, нельзя не подивиться, съ какой истиной, изяществомъ и характерностью поэтъ сумѣлъ придать своему творенію характеръ и прелесть драмы». Штрекфуссъ.

106—108. Т. е. смѣхъ и слезы не повинуются нашей волѣ. Также и Тома Аквинскій принимаетъ, что не всѣ движенія тѣла могутъ быть управляемы волей, именно движенія, принадлежащія къ вегетативной сферѣ. *Sum. Theol.* II, 2-е, qu. XVII, art. 9.

108. Собственно, «правдивѣйшихъ», въ подлинникѣ: *Che men seguon voler nei più vegaci.*

113. «Молнія улыбки»—*Un lampeggiar di riso.* Стиху этому подражали Петрарка (*il lampeggiar dell' angelico riso*), Тассо и другіе.

130—131. Какъ прежде тѣнь Сорделло (Чистилища VII, 15), Стацій выказываетъ такую любовь къ Виргилию не только какъ къ своему учителю въ поэзии, но и какъ къ своему обратителю въ христіанскую вѣру (Чистилища XXII, 66 и примѣч.).

132. «Я палъ къ ногамъ его... онъ сказалъ мнѣ: смотри, не сдѣлай сего». Откров. св. Іоан. XIX, 10.

135. Слича Ада VI, 36.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

1. Поэты начинаютъ теперь подыматься съ пятого на слѣдующій шестой карнизъ.

2—3. До сихъ поръ путниковъ встрѣчалъ каждый разъ ангелъ при восхожденіи на каждую отдѣльную лѣстницу и снималъ со лба Данте знакъ буквы *P*; на этотъ разъ не говорится подробно объ ангелѣ, а просто упоминается, что ангелъ находился при входѣ на лѣстницу, ведущую въ шестой кругъ,—можетъ быть для избѣжанія повтореній, или по какой-либо другой причинѣ.—«Знакъ», т. е. букву *P*.

4—6. «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся». *Matth. V, 6.*—Здѣсь жажда къ золоту противопоставляется жажда къ правдѣ.—«*Ubi intelligatur de justitia spirituali, quod est quod homo reddat unicuique quod suum est, convenienter dicitur: Beati qui esuriunt et sitiunt justitiam; quoniam esuries et sitis proprie avarorum est, quia nunquam satiantur qui aliena injuste possidere desiderant. Et vult Dominus quod ita anhelemus ad istam justitiam, quod nunquam quasi satiemur in vita nostra, sicut avarus nunquam satiatur.*» *Томас Акв. in Matth. Cap. V.*—«Ангелъ произноситъ здѣсь лишь первую половину евангельскаго изреченія и оканчиваетъ его на словѣ «*sitiunt*»; вторая половина будетъ произнесена при выходѣ изъ шестого круга, гдѣ очищаются чревоугодники (въ концѣ XXIV пѣсни). «Вообще текстъ этой терцины очень испорченъ въ рукописяхъ и былъ предметомъ многихъ толкованій». Скартаццини.

7. По причинѣ снятія со лба Данте пятой изъ семи буквъ, на что прямо указывается въ Чистилища XII, 116, 117. При выходѣ изъ прочихъ круговъ уже не говорится объ этой легкости, но она подразумѣвается (сличи Чистилища IV, 88 и примѣч.).—«Долы»—въ подлинникѣ *foci*, т. е. круги чистилища.

9. «Легкихъ душъ», т. е. *Виргилія* и *Стація*.

10. «Когда намъ извѣстно, что кто нибудь любить насъ за то, что въ насъ есть хорошаго, къ тому навѣрное мы питаемъ взаимную любовь. Потому-то и *Виргилій* любилъ *Стація*, какъ скоро узналъ о любви его къ себѣ отъ *Ювенала*». *Штрекфуссъ*.

13. «Геенскаго преддверья», т. е. *Лимба*, *limbus patrum* (*Ада* IV, 24 прим., и 45). «*Si considerentur limbus patrum et infernus secundum locorum qualitatem, sic non est dubium quod distinguuntur, tum quia in inferno est poena sensibilis quae non erat in limbo patrum; tum etiam quia in inferno est poena aeterna;*

sed in limbo patrum detinebantur sancti temporaliter tantum. Sed si considerantur quantum ad situm loci, sic probabile est quod idem locus, vel quasi continuus, sit infernus et limbus ita tamen quod quaedam superior pars inferni, limbus patrum dicatur... Infernus et limbus sunt idem quantum ad situm». *Томас Акв. Sum. Theol. p. III, Suppl. qu. LXIX, art. 5.*

14. «Ювеналь», знаменитый римский сатирик эпохи Траяна, родившийся в Аквино около 47-го и умерший около 130 г. нашей эры. Данте приводит его здесь, как современника Стация, а также потому, что Ювеналь отзывался с похвалой о Эванде Стация (Чистилища XXI, 88 прим.). Подобно многим другим поэтам древности, Ювеналь находится в Лимбе.

18. Для того, чтобы иметь удовольствие долге оставаться в твоём обществе и бесѣдѣ съ тобой.

20. Т. е. буду слишкомъ свободно говорить съ тобою.

22. «Узнавъ отъ папы Адриана (Чистилища XIX, 115), что въ пятомъ кругу очищаются скупые, и не зная, что въ томъ же кругу очищается грѣхъ, противоположный скупости, расточительность, *Виргилій* полагаетъ, что Стаций въ жизни былъ зараженъ сребролюбиемъ, и потому удивляется, какъ такой низкій порокъ, какъ скупость, могъ вмѣститься въ благородномъ сердцѣ поэта, тѣмъ болѣе поэта, надѣленнаго мудростью». *Скартаццини.*

23. «При мудрости толикой»: *tra cotanto senno*; то же выраженіе *Ада IV, 102: Si ch' io fui sesto tra cotanto senno.*

25. «Съ улыбкой легкой», т. е. какъ прилично мудрому человѣку. «Глупый въ смѣхѣ возвышаетъ голосъ свой, а мужъ благоразумный едва тихо улыбнется». *Премудр. Ис. сына Сирах. XXI, 23.—«Si conviene all' uomo, a dimostrare la sua anima nell' allegrezza moderata, moderatamente ridere con un' onesta severita e con poco movimento delle sue membra». Convivio tr. III, c. 8.*

28—30. «Часто встрѣчаются вещи, причину и взаимную связь которыхъ люди не знаютъ. Это незнаніе вызываетъ сомнѣніе и ложное толкованіе истинной причины и взаимнаго соотношенія этихъ вещей». *Скартаццини.*

31—33. «Твое предположеніе, будто я былъ на землѣ скупцомъ, вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что ты встрѣтилъ меня въ кругѣ скупыхъ, а также тѣмъ, что я передъ этимъ сказалъ тебѣ, что я находился 500 и болѣе лѣтъ въ томъ самомъ кругѣ, гдѣ наказуются скупые». *Ibid.*

35. «На много лунныхъ сроковъ», въ подлинникѣ: *migliaia di lunari* (на тысячи лунныхъ сроковъ), «именно около 6000 мѣсяцевъ, если Стаций проведетъ 500 лѣтъ на пятомъ карнизѣ (Чистилища XXI, 67)». *Филалетъ.* «Луна обращается вокругъ земли въ 29½ дней». *Скартаццини.*

36. «За грѣхъ иной», собственно, противоположный, именно расточительность; въ подлинникѣ: *dismisura*. Слич: *Ада VII, 42: «Che con misura nullo spendio ferai».*

40—41. Эти два стиха—переводъ извѣстныхъ стиховъ *Виргилія* (*Аен. III, 56*).

*Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames!*

Это мѣсто подало комментаторамъ поводъ къ различнѣйшимъ толкованіямъ сводъ которыхъ можно видѣть у *Скартаццини*. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ это мѣсто у *Виргилія* могло открыть глаза Стацию на грѣховность расточительности. Потому многіе принимали, что Данте ошибочно припаялъ эпитетъ *sacra* въ обыкновенномъ его значеніи—священный и подъ именемъ *sacra fames* разумѣлъ умѣренное стремленіе къ земнымъ богатствамъ, ни

слишкомъ сильное, ни слишкомъ слабое. «Эпитетъ, который придаетъ Виргилію по поводу Полиместора (см. Ада XXX, 13) жаждѣ къ золоту, можетъ быть буквально понятъ и какъ «священный», и какъ «проклятый», хотя Виргилію безспорно употребляетъ его въ послѣднемъ значеніи. Такъ какъ и скупые и расточители очищаются сообща въ этомъ кругѣ (такъ же, какъ и въ Аду наказываются они вмѣстѣ), то Данте принимаетъ это слово для первыхъ въ его истинномъ, а для расточителей въ смыслѣ—лексически возможномъ, хотя и не употребленномъ у Виргилія». К. Витте.—«По Аристотелю, расточитель также гоняется за золотомъ, какъ и скупой. Потому-то, по мнѣнію Стація, это мѣсто у Виргилія касается и его порока». Флейдереръ.

43. Т. е. я былъ бы осужденъ въ аду въ числѣ расточителей, вращающихъ тяжелые камни противъ скупыхъ (Ада VII, 22).

44. «Рукъ нашихъ ненасытность», въ подлинникѣ: *aprir l'ali Potean le mani a spendere*, т. е. безумная расточительность.

46—47. Сличи: Ада VII, 56—57.

47. «Такъ упрямо», слѣдовало перевести: по невѣдѣнію, *per ignoranza*, т. е. по незнанію, что расточительность тоже грѣхъ. Есть два рода невѣдѣнія: одно извинительное, другое — нѣтъ. Незвинительно то невѣдѣніе, котораго можно было бы избѣжать упражненіемъ и усовершенствованіемъ разума. «*Quicumque negligit habere vel facere id quod tenetur habere vel facere, peccat peccato omissionis. Unde propter negligentiam ignorantia eorum quae aliquis scire tenetur est peccatum; non autem imputatur homini ad negligentiam si nesciat ea quae scire non potest.*» Ома Акв. *Sum. Theol. p. I, 2-e, qu. LXXVI, art. 2.* — «Расточительность у великихъ міра сего нерѣдко восхваляется и потому не считается многими порокомъ». Каннегиссеръ.

49—51. «Грѣхъ... здѣсь долженъ сохнуть», въ подлинникѣ: *qui sub verde secca*. «Порочныя наклонности истребляются въ душѣ очищающими муками, такъ точно какъ злаки изсушаются солнечнымъ жаромъ. Замѣчательно, что Данте высказываетъ только здѣсь, въ пятомъ кругу чистилища, точно такъ, какъ и въ четвертомъ кругѣ ада, ту мысль, что два противоположныхъ грѣха очищаются и наказываются въ одномъ и томъ же мѣстѣ». Филалетъ.

54. О расточительности Стація исторически ничего неизвѣстно; сколько же извѣстно о его жизни, — онъ скорѣе нуждался въ средствахъ; слѣдовательно расточительность Стація не болѣе, не менѣе, какъ поэтический вымыселъ Данте, основанный, можетъ быть, на томъ, что люди, живущіе въ области идеальнаго, какъ поэты, вообще расточительны». Скартаццини.

56. «Двойную скорбь Юкасты». Юкаста—дочь Креона, царя Фивскаго, жена Лая и мать Эдипа, за котораго, не зная его, вышла замужъ, и родила отъ него двухъ сыновей, Этеокла и Полиника и двухъ дочерей, Антигону и Исмену. Стацій описываетъ въ Фиваидѣ войну Этеокла и Полиника, кончившуюся тѣмъ, что они убили другъ друга въ поединкѣ» (Ада XXVI, 54).

57. «Творецъ пастушескихъ сказаній», т. е. Виргилію, какъ единственно извѣстный во времена Данте буколическій поэтъ (Эклоги Т. Калпурнія были открыты Поджіо лишь въ XV вѣкѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь выражается противоположность между ужасами, воспѣтыми въ Фиваидѣ, и мирными сценами Виргилиевыхъ буколикъ, а также напередъ указывается на четвертую эклогу его, значеніе которой будетъ сейчасъ отмѣчено Стаціемъ». К. Витте. Каннегиссеръ.

58. «Клио»,—одна изъ 9 музъ, завѣдующая исторіей и возвѣщающая славу. Къ этой музѣ взываетъ Стацій въ началѣ Фиваиды: «*Quem prius heroum Clío dabis.*» *Theb. lib. I, v. 41.*—Смыслъ, слѣдовательно, тотъ: судя по твоей поэмѣ, ты былъ, когда ее писалъ, не христіаниномъ, а язычникомъ.

60. «Безъ вѣры угодить Богу невозможно». Посл. къ Евр. XI, 6. Сличн: Ада IV, 34.

63. «Рыбарь»—св. апостоль Петръ, названный такъ на основаніи словъ, сказанныхъ ему и брату его Андрею: «Идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ». Матѳ. IV, 19; Марк. I, 17; Лук. V, 10.—«Т. е. что побудило тебя направить свой челнокъ за кораблемъ св. Петра»—за тою церковью, которую св. отцы часто называютъ кораблемъ св. Петра.

64—66. Стацій признаетъ Virgiliya за своего учителя въ поэзіи, въ нравственности и вѣрѣ. Ниже онъ говоритъ: *Per te poëta fui, per te cristiano* (стихъ 73).—Парнасъ, гора въ Фокидѣ, по мнѳологіи, мѣстопребываніе Аполлона и 9 музъ.

67—69. Т. е. какъ слуга, который, провожая ночью своего господина, идетъ передъ нимъ, неся за собою фонарь, такъ что самъ слуга идетъ въ темнотѣ. Подобное же сравненіе встрѣчается у Поло де Реджіо, въ сонетѣ 1230 г.:

Si come quel che porta la lumiero
La notte quando passa per la via,
Alluma assai più gente della spera,
Che sè medesmo, che l'ha in balia.

Raccolta di Rime Antiche Toscana. 1817.

70—73. Это буквальный переводъ трехъ стиховъ (5-го и слѣд.) четвертой эклоги Virgiliya:

Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo
Iam redit et virgo, redeunt Saturnia regna;
Iam nova progenies caelo demittitur alto.

«Это пророчество Сивиллы Кумской примѣнено Virgiliemъ, поэтомъ придворнымъ, къ рожденію сына Азинія Полліона. Въмѣсто того Данте видитъ въ немъ возвѣщеніе рожденія Искупителя. Но поэтъ нашъ не первый понялъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ. Предчувствіе, внушаемое всей этой эклогіей объ обновленіи въ ближайшемъ будущемъ всего міра въ вѣкъ счастья, правосудія, любви и мира, связь, въ которую ставится въ эклогѣ это чаяніе съ рожденіемъ младенца, и древній авторитетъ Сивиллы, на которую опирается все это провидѣнье,—все это вмѣстѣ было слишкомъ соблазнительно для христіанъ чтобы при чтеніи этой эклоги они не вспомнили о рождествѣ Христа и не отнесли обновленія міра къ чистому и кроткому вѣроученію, изливавшемуся челоуѣчеству. И дѣйствительно, христіанское толкованіе четвертой эклоги было въ сильномъ ходу у христіанскихъ писателей уже въ IV вѣкѣ. Весьма пространное толкованіе въ этомъ смыслѣ находится въ рѣчи императора Константина передъ собраніемъ духовенства (по словамъ Евсевія, *Vita Const. IV, 32*). Разобравъ съ различныхъ сторонъ это стихотвореніе Virgiliya, императоръ находитъ въ немъ пророчество о пришествіи Христа, пророчество, охарактеризованное многими подробностями: возвратъ дѣвы означаетъ дѣву Марію; новое поколѣніе, посылаемое небомъ, есть Христось; змѣй, котораго уже болѣе не будетъ, есть древній искунитель нашихъ отцовъ; амомъ, который родится повсюду есть многочисленное племя христіанское, очищенное отъ грѣховъ, и въ этомъ смыслѣ истолкована вся эклога. Онъ полагаетъ, что поэтъ съ яснымъ сознаніемъ писалъ свое пророчество о Христѣ, но выразить его покровенно, примѣшивая къ своей рѣчи еще имена божествъ языческихъ, чтобы не слишкомъ сильно столкнуться съ тогдашними вѣрованьями и не вызвать тѣмъ самымъ

гнѣва со стороны власти. Лактанцій, жившій, какъ и Константинъ, въ IV вѣкѣ, истолковываетъ также эклогу въ смыслѣ христіанскомъ, относя, впрочемъ, пророчество ея не къ первому, а ко второму пришествію Христа. Лактанцій. Div. instit. lib. VII, с. 24. Блаж. Августинъ, допуская существованіе пророковъ между язычниками, предсказывавшихъ пришествіе Христа, приводитъ также четвертую эклогу, особенно обращая вниманіе на стихи 13 и 14, которые онъ относитъ къ отпущенію грѣховъ по заслугамъ Спасителя (Epist. 137 ad Volus. cap. 12. Epist. 258 с. 5. De Civ. Dei, lib. X, с. 27). Тщетно возставалъ противъ такихъ идей Св. Иеронимъ, насмѣхаясь надъ тѣми, которые считали Виргилія христіаниномъ безъ Христа (Epist. 53 ad Paulin. с. 7). Христіанскіе теологи продолжали истолковывать пресловутую эклогу по своему, и даже въ глазахъ тѣхъ, которые полагали, что Виргилій не имѣлъ въ виду того смысла, который ему приписывали, римскій поэтъ представляется такимъ писателемъ, который, самъ того не зная, излагалъ свидѣтельство или аргументъ въ пользу вѣры. Мнимая неотразимость этого аргумента подала поводъ къ возникновенію церковныхъ легендъ объ обращеніяхъ, вызванныхъ стихами четвертой эклоги, какъ обращеніе Стація (объ этомъ см. Рутъ, Heidelberg Jahrbücher, 1849) и обращеніе трехъ язычниковъ: Секундіана, Марцелліана и Веріана, внезапно просвѣтившихся стихами Виргилія, и изъ гонителей христіанъ обратившихся въ мучениковъ Христовыхъ (сл. Vincent. Bellovac. Spec. hist. XI, с. 50. Acta Sanctor. Aug. T. II, р. 407). Другая легенда повѣствуетъ о Донатѣ, епископѣ Фьезольскомъ: чувствуя приближеніе смерти, онъ пришелъ въ собраніе своихъ братій и исповѣдывалъ вѣру свою передъ ними, приводя между своими словами и слова поэта: «*Iam nova progenies*» и т. д., послѣ чего испустилъ духъ (Оцанамъ, Docum. niedit, р. 55.—Папа Иннокентій III цитируетъ эти стихи Виргилія въ подтвержденіе вѣры, въ одной проповѣди на Рождество (Serm. II in fest Nativ. Dom. Opp. р. 80). Въ томъ же христіанскомъ смыслѣ они были понимаемы въ средніе вѣка и притомъ людьми великаго авторитета, какъ напримѣръ Абеляромъ (Introduct. ad Theolog. lib. I, с. 21 Epist. 7 ad Helois, р. 118) и Марсиліемъ Фичиномъ (De christ. relig. с. 24). И такъ, Данте слѣдуетъ здѣсь толкованію, вообще принимавшемуся въ его время, что Виргилій былъ пророкъ Христа. Кромѣ многихъ сочиненій по этому вопросу особенно важно для желающихъ его изучить сочиненіе Компаретти, Vergilio nel medio evo. Livorno, 1817. Vol. I, р. 128 e seq. Нечего, кажется, говорить, что обращеніе Стація въ христіанство исторически нигдѣ не подтверждается». Скартаццини. «Тѣмъ не менѣе, во времена Данте было въ общемъ ходу мнѣніе, хотя ни на чемъ не основанное, что Стацій былъ тайный христіанинъ, можетъ быть вслѣдствіе смѣшиванія Стація—поэта съ однимъ изъ его толкователей Лактанціемъ Плацидомъ, изъ IV вѣка, о христіанствѣ или нехристіанствѣ котораго до сихъ поръ еще спорятъ». Ноттеръ.

73. Т. е. подражая тебѣ, я сдѣлался поэтомъ, убѣжденный твоимъ пророчествомъ (въ четвертой эклогѣ), я обратился къ Богу и увѣровалъ въ Христа.

74—75. Поэтъ продолжаетъ свою метафору; сдѣлавъ сперва легкій очеркъ рисунка (сказавъ, что онъ сталъ христіаниномъ), онъ покрываетъ его затѣмъ красками. Очеркъ даетъ лишь общее представленіе о предметѣ, краски придаютъ ему живость.

77. «Послами», т. е. апостолами.

79. «Съ словами», именно съ пророчествомъ четвертой эклоги.

83. Титъ Флавій Домиціанъ, второй сынъ Веспасіана, былъ императоромъ римскимъ послѣ брата своего Тита съ 81 по 96 г. по Р. Хр. Христіане, какъ

напримѣръ, Евсевій, обвиняли его въ жесточайшемъ гоненіи ихъ (Chron. lib. II ad Olymp. 218), а Тертуллианъ называетъ его по этому случаю: *portio Neronis de crudelitate*. Но исторически это гоненіе не доказано. Домиціанъ особенно покровительствовалъ Стацію.

88. Въ подлинникѣ: «И прежде чѣмъ я привелъ грековъ къ рѣкамъ Фивскимъ (Исмену и Азопу); нѣкоторые комментаторы заключаютъ отсюда, что Стацій крестился прежде, чѣмъ написалъ IX книгу своей поэмы, такъ какъ въ этой книгѣ греки пришли подъ предводительствомъ своего паря Адраста къ рѣкамъ Исмену и Азопу на помощь Полинику. Но, оче идно, Стацій не хочетъ этимъ стихомъ обозначить годъ и день своего обращенія, а просто желаетъ сказать, что онъ это сдѣлалъ прежде, чѣмъ кончилъ свою Фиваиду.

92—93. «Въ кругу четвертомъ», гдѣ очищается грѣхъ унынія. «Изъ 12 вѣковъ, протекшихъ со времени кончины Стація до 1300 г. (см. примѣч. къ XXI ст. 67), 500 лѣтъ онъ находился въ 5-мъ и 400 лѣтъ—въ 4-мъ кругу (все вмѣстѣ около 1.000 лѣтъ); остальные 200 лѣтъ онъ находился или въ другихъ кругахъ, или въ преддверіи». Филалетъ

94—95. «Покровъ» на символическомъ библейскомъ языкѣ: обозначаетъ невѣріе и слѣпоту духовную. «Донынѣ, когда они читаютъ Моисея, покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ; но когда обращаются къ Господу, тогда это покрывало снимается». 2-е посл. къ Коринѣ. III, 15, 16.—Стацій говоритъ Виргилію: «ты, который приподнялъ съ моихъ глазъ покрывало, скрывавшее отъ меня столь великое благо», т. е. истину христіанской религіи.

96. «Ровъ», т. е. ущелье, въ которомъ устроена лѣстница, ведущая къъ этого круга въ вышележащій, куда теперь восходятъ поэты.

97. Теренцій—римскій комикъ, родившійся въ Карфагенѣ въ 183 г. до Р. Хр. Стацій называетъ Теренцію другомъ, какъ поэта. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто *amico* стоитъ *poetra antico*; и дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ упоминаются лишь одни древніе латинскіе писатели.

98. «Цецилій Стацій—драматическій писатель, современникъ Эннія и Пакувія († 168 до Р. Хр.).—«Титъ Макцій Плавтъ», латинскій комикъ, родившійся въ 255 и умершій въ 184 г. до Р. Хр.—«Варронъ»,—подъ этимъ именемъ извѣстны два римскихъ писателя: 1) Маркъ Теренцій Варронъ, полигисторъ, отъ котораго намъ осталась часть его *Libri de lingua latina* и 2) Публий Теренцій Варронъ, поэтъ, кромѣ многихъ другихъ сочиненій, прославившійся двумя эпическими поэмами: *Bellum Sequanicum* и *Bellum Punicum* (объ потерянныхъ). Такъ какъ Данте говоритъ здѣсь о поэтахъ, то вѣроятно онъ разумѣетъ послѣдняго; можетъ быть даже онъ принимаетъ обоихъ за одно лицо». Филалетъ.

100. Персій—Авлъ Персій Фликкъ, римскій сатирикъ (род. въ 24 г. по Р. Хр.), авторъ шести, дошедшихъ до насъ, сатиръ.

101. Грекъ—Гомеръ, любимецъ Музъ (Ада IV, 86 и примѣч.).

102. Въ подлинникѣ: *Che le Muse lattâr più ch'altro mai*. По мифологіи, Музы—кормилицы поэтовъ.

103. Въ Лимбѣ, образующемъ первый кругъ ада. Слѣпой тюрмой Данте называетъ адъ и въ Ада X, 58.

104. Скала, собственно гора; разумѣется здѣсь гора Парнасъ, гдѣ, по мифологіи, обитаютъ Музы, кормилицы поэтовъ (въ подлинникѣ: *le nutrici nostre*).

106—108. Еврипидъ,—знаменитый греческій трагикъ, родился въ день Саламинской битвы въ 480 г. до Р. Хр., умеръ въ 406. Странно, что Данте нигдѣ не упоминаетъ ни объ Эсхилѣ, ни о Софоклѣ. О греческихъ поэтахъ Данте

могъ знать изъ Аристотеля, Цицерона и Квинтиллиана; самъ, очевидно, онъ не читалъ ихъ.—«Антифонъ»—греческій трагикъ, отъ котораго до насъ ничего не дошло, но о которомъ съ похвалою отзывается Аристотель и въ особенности Плутархъ; въ своей *De Monarchia* Данте говоритъ о немъ, какъ и объ Агатонѣ, также трагическомъ поэтѣ. Въ другихъ рукописяхъ вмѣсто Антифона стоитъ Анакреонъ.—Симонидъ, славный греческій лирикъ (род. въ 559 г. до Р. Хр.); отъ него остались эпиграммы и нѣсколько лирическихъ стихотвореній (Подробнѣе см. у Скартаццини).

109—114. Въ этихъ двухъ терцинахъ Virgilii приводитъ имена тѣхъ личностей, которыя играютъ роль въ поэмахъ Стаціа. «Антигона», дочь Эдипа рожденная отъ его матери Юкасты, сестра Исмены, Этеокла и Полиника.—«Дейфила», дочь Адраста, царя аргивскаго, жена Тидея, одного изъ семи, осаждавшихъ Фивы, мать Диомеда.—«Аргія», сестра Дейфилы, жена Полиника: ей принадлежало злополучное ожерелье, такъ понравившееся Эрифилѣ, что она открыла, гдѣ находился мужъ ея Амфіарай (Чистилища XII, 50, 51).—«Исмена», другая дочь Эдипа и Юкасты; «печальная», потому что на ней особенно тяготѣла роковая судьба этого дома.—«Матрона», Изифила—дочь Тоанта (Ада XVIII, 92); покинутая Язономъ, она попала въ плѣнъ къ морскимъ разбойникамъ, которые продали ее Ликургу Немейскому; этотъ сдѣлалъ ее кормилицею своего сына Офелла. Въ то время, когда царь Адрасту, направляясь съ войскомъ въ походъ къ Фивамъ, проходить черезъ страну Ликурга, за неимѣніемъ воды, онъ едва не погибъ отъ жажды: встрѣтившая его случайно Изифила положила младенца въ траву, а сама пошла показать Адрасту Лангійскій источникъ; тѣмъ временемъ младенецъ былъ заѣденъ змѣями.—«Дщерь Терезія», предсказателя, — Манто, о которой Стаціей тоже упоминаетъ въ Фиваидѣ. Изъ этой терцины можно понять, что Данте помѣщаетъ и Манто въ Лимбъ, тогда какъ она уже помѣщена имъ въ числѣ предсказательницъ въ злые-рвы восьмого круга ада (Ада XX, 55). Хотя у Терезія были еще двѣ дочери, Дафна и Историада, но, очевидно, онъ разумѣетъ здѣсь никого иного, кромѣ Манто (такъ какъ о ней говорится у Стаціа). Данте, очевидно, позабылъ здѣсь это обстоятельство.—О Фетидѣ и Дейдаміѣ Стаціей говоритъ въ Ахиллендѣ, неоконченной своей поэмѣ. Фетида—морская богиня, мать Ахилла.—«Дейдамія, дочь сциросскаго царя Ликомеда, у котораго былъ укрытъ его матерью Ахиллъ, переодѣтый женщиной, для избѣжанія ожидавшей его подъ Троей смерти (Ада XXVI, 61; Чистилища IX, 34).

115—116. «На уступѣ», т. е. на послѣдней ступени той лѣстницы, по которой они меня вели въ ущельѣ, прорубленномъ въ скалѣ и лежащемъ между пятымъ и шестымъ кругами чистилища.

118—120. «Прислужницы, или рабыни (ancelle) дня,—это часы или Горы, изъ которыхъ каждая въ теченіе часа влечетъ колесницу солнца (Чистилища XII, 81). Слѣдовательно, теперь между 10 и 11 часами дня и солнце подымается къ полудню, почему и сказано, что рогъ дышла солнечной колесницы поднять вверхъ. Такимъ образомъ со времени подъема изъ четвертаго круга до прибытія въ этотъ шестой кругъ прошло четыре часа, которые проведены поэтами частью на пятомъ карнизѣ, частью употреблены на восхожденіе въ ущельѣ». Филалетъ.

121—123. До сихъ поръ поэты обыкновенно освѣдомлялись у душъ о кратчайшей дорогѣ на гору; но тутъ, на основаніи опыта, научившаго ихъ идти всегда направо, они идутъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Слича Чистилища XIX, 81.

125—126. Такъ какъ ихъ руководитъ инстинктивное стремленіе къ небу.

127. *Виргилій и Стацій идуць впереди рядомъ, Данте слѣдуетъ за ними сзади одинъ.* «Данте называетъ себя ученикомъ *Виргилія* (*Ада I, 85 и слѣд.*); здѣсь онъ высказываетъ, что своимъ поэтическимъ развитіемъ онъ обязанъ и *Стацію*. Это шестіе его позади двухъ предшествующихъ есть признакъ величайшей скромности, тѣмъ болѣе поразительной, что въ *Ада IV, 94—102* онъ говоритъ, что высочайшіе пѣвцы приняли его въ свою среду. Но рядомъ со скромностью здѣсь выражено и чувство собственнаго достоинства. Данте считаетъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ слѣдуетъ по славнымъ стопамъ *Виргилія и Стація*». *Скартаццини*. — «Dante infatti molto studiò Virgilio e Stazio e dall' uno e dall' altro molto appese, e non ingrato loro retribuiscе la debita lode e riconoscenza». *Бенвенуто Рамбалди*.

131—132. «Въ этомъ кругу привлекають вниманіе два дерева, обремененныя сладчайшими сочными и ароматными фруктами и веселящія взоръ яркою зеленью; одно здѣсь при входѣ, другое при выходѣ изъ круга (*Чистилища XXIV, 103 и примѣч.*). Говоря о второмъ, поэтъ заявляетъ, что оно есть отпрыскъ, заимствованный отъ того дерева познанія добра и зла, которое помѣщено на вершинѣ горы въ земномъ раю (*Чистилища примѣч. къ XXIII, 67—69 и XXIV, 116, 117*). По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ (*Бути, Перець и др.*), и это дерево есть отпрыскъ отъ того же дерева познанія; но разниа между двумя деревьями слишкомъ велика, чтобы можно было согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Изъ одного слышатся примѣры похвальные, изъ другого—примѣры плачевные. Можно скорѣе допустить, что если это дерево есть отпрыскъ отъ дерева познанія, то другое — есть отпрыскъ отъ другого дерева въ земномъ раю — отъ дерева жизни. *Бытія. II. 9*». *Скартаццини*. — «Въ этомъ кругѣ очищаются души сластолюбцевъ. Въ слѣдующей пѣсни мы увидимъ ихъ исхудалыми и изможденными (стихъ 22 и далѣе). Непомѣрная алчность къ пищѣ на землѣ привела души въ жалкое состояніе и отклонила ихъ отъ стремленія къ истиннымъ и настоящимъ наслажденіямъ. Это-то истинное наслажденіе и олицетворяетъ собою дерево, сочныхъ плодовъ котораго тщетно здѣсь стараются достать очищающіеся, такъ какъ снизу очень трудно залѣзть на него, отъ значительнаго его объема; но чѣмъ оно выше, тѣмъ большія вѣтви оно даетъ; листья и фрукты на нихъ постоянно освѣжаются вѣчно струящеюся съ неба чистою влагою» *Штрекфусъ*.

132. «Оно пріятно для глазъ и вожделѣнно». *Быт. III, 6*.

133—135. Ель даетъ все менѣе длинныя вѣтви по мѣрѣ того, какъ растетъ вверхъ. Это, наоборотъ,—чѣмъ выше, тѣмъ становится шире въ вѣтвяхъ. «Съ этой все возрастающей шириной дерева, символомъ все возрастающихъ въ ширину девяти небесъ, увеличивается и число плодовъ на немъ, т. е. духовныхъ наслажденій, по мѣрѣ того, какъ возносятся ближе къ Божеству. Но душамъ, предававшимся земнымъ наслажденіямъ, хотя и указываются, но не даются ведущія къ Богу наслажденія до окончанія ихъ очищенія, ибо при настоящемъ ихъ состояніи они могли бы ими пользоваться лишь при помощи своихъ земныхъ чувствъ, почему къ нимъ и вѣзываетъ удерживающій ихъ голосъ (стихъ 141). «*Ноттеръ*.—Несмотря на ясность описанія этого дерева, нѣкоторые комментаторы представляли его сѣбѣ такъ, какъ будто бы оно было обращено корнями къ небу, а верхушкою къ землѣ. Но въ изданіи *Dogé*, а также въ иллюстрированномъ изданіи, комментированномъ *Томмазо*, изображено обыкновенное дерево, съ вѣтвями, постепенно расширяющимися кверху.

136. Т. е. съ лѣвой стороны, съ которой по карнизу подымается скала.

137. Вѣроятно, воды источника *Эвнѣ* (*Чистилища XXX, 129*), имѣющаго свойство возстановлять отжившія силы. «Данте не говоритъ, куда стекаетъ

эта постоянно льющаяся вода; можетъ быть, она безпрестанно всасывается деревомъ, такъ что на землю же не попадаетъ ни капли. Скартаццини.

140—141. «Что въ первомъ кругѣ было выражено скульптурными изображеніями, то выражено здѣсь деревомъ, или, лучше сказать, двумя деревьями (второе въ концѣ круга) и голосами, раздающимися въ ихъ листьѣ. Голосъ перваго напоминаетъ о добродѣтели воздержанія, второго—о порокахъ сластолюбія и его послѣдствіяхъ. Аллегорія очень удачна, хотя Данте имѣлъ при этомъ образцы одинъ—языческій, другой—христіанскій. Первый напоминаетъ Тантала (см. Чистилища примѣч. къ XXIII, 67—69), который помѣщенъ въ Тартарѣ подъ плодовыми деревьями и видитъ у себя въ ногахъ воду, но не можетъ достигнуть ни того, ни другого и вслѣдствіе этого томится страшнымъ голодомъ и жаждою (Одис. XI, 580). Христіанскій образецъ—древо познанія добра и зла изъ книги Бытія». Каннегиссеръ. — По мнѣнію Бути, голосъ этотъ есть голосъ ангела, приставленнаго стражемъ этого дерева и помѣщающагося между вѣтвями, согласно со словами Θомы Аквинскаго: *Omnia corporalia reguntur per Angelos* (Sum. Theol. p. I, qu CX, art. 1).

141. Въ подлинникѣ: *Di questo cibo avrete caro*; въ переводѣ Лонгфелло: *Of this food ye shall have scarcity*; у Филалета: *An dieser Kost wird es euch noch gebrechen*.

142—144. Первый образецъ воздержанія представляетъ Дѣва-Марія, которая на бракѣ въ Канѣ Галилейской, не заботясь объ удовлетвореніи собственныхъ устъ своихъ, просила божественнаго Сына своего о винѣ, изъ желанія сдѣлать брачное пиръство благопрістойнымъ. Ев. отъ Іоан. II, 1-11. Св. Амвросій (*De Virg. lib. II c. 2*) говоритъ по этому случаю: *Quid exequar ciborum parsimoniam, officiorum redundantiam? alterum ultra naturam superfuisset, alterum pene ipsi naturae defuisse: illic nulla intermissa tempora, hic congeminos jejunio dies? Et si quando reficiendi successisset voluntas, cibus plerumque obivus qui mortem arceret, non delicias ministraret*.

145—146. Во время республики римлянки воздерживались отъ вина. «*Vini usus olim romanis foeminis ignotus fuit, ne scilicet in aliquod dedecus prolaberentur, quia proximus a Libero patre intemperantiae gradus ad inconcessam Venerem esse consuevit*». Валерій Максимъ, *lib. II, c. I, § 3*. — Θома Акв. *Sum. Theol P. II, 2-ae, qu. CXLIX, art. 4*: «*Sobrietas maxime requiritur in juvenibus et mulieribus, quia in juvenibus viget concupiscentia delectabilis propter fervorem aetatis; in mulieribus autem non est sufficiens robur mentis ad hoc quod concupiscentiis resistent. Unde secundum Valerium Maximum (I. c.) mulieres apud Romanos antiquitus non bibebant vinum*».

147. Третій примѣръ—пророкъ Даніиль. Дан. I, 8, 11—12.

148. Четвертый примѣръ — золотой вѣкъ первобытныхъ жителей земли. Овидій. *Превращ. lib. I, v. 103—106*. Кромѣ того Боеціо, *Consol. filos. lib. II, 5*:

*Felix nimium prior aetas
Contenta fidelibus arvis
Nec inerti perdita luxu,
Facili quae sera solebat
Jeunia solvere glande.
Non bacchica munera norant
Liquido confundere melle
Nec lucida vellera Seram
Tyrio miscere veneno».*

При воспоминаніи о золотомъ вѣкѣ, кажется, слышится вздохъ Данте о первыхъ временахъ Флоренціи, когда она *Si stava in pace, sobria e pudica*. Рая XV, 99.

151—154. Пятый образецъ — Св. Іоаннъ Креститель, патронъ Флоренціи. Марк. I, 6. Матѣ. III, 4.

154. «Истинно говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя»; Матѣ. XI, 11. — «Ибо говорю вамъ: изъ рожденныхъ женами нѣтъ ни одного пророка больше Іоанна Крестителя». Лук. VII, 28.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

1—3. Подобно тому, который убиваетъ свое время въ ловлѣ птицъ, слѣдя за ихъ перепархиваніемъ по вѣткамъ, Данте устремляетъ глаза въ листву, чтобы узнать, откуда исходятъ голоса.

4. Т. е. *Виргилій*, котораго онъ называетъ въ другихъ мѣстахъ сладкимъ отцомъ, *dolce padre*, но здѣсь—еще нѣжнѣе.

5. Въ недѣлительномъ созерцаніи мы понапрасну тратимъ жизнь. При восхожденіи на гору Чистилища слышатся постоянно увѣщанія не останавливаться ни на минуту: остановка—это возвратъ назадъ!

7—9. Къ *Виргилію* и *Стацію*, которые вели между собою столь пріятный разговоръ, что Данте не чувствовалъ утомленія при восхожденіи на лѣстницу. «*Comes facundus in via pro vehiculo est*». *Публий Сиро*.

10—12. «Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою». Псалт. *L*, 17. Слова эти поютъ души сластолюбцевъ, очищающихся въ этомъ кругу. «Чтобы очиститься отъ грѣха сластолюбія, души должны быть теперь открыты для славословія Божія, такъ какъ въ жизни были неумѣренно открыты для утоленія чрева». *Бенвенуто Рамбалди*.—Когда-то эти души желали пищи земной, теперь онѣ желаютъ лишь пищи небесной. Слова, которыя поютъ души, заимствованы изъ псалма *Miserere*, имѣющаго столь обширное употребленіе въ церковной службѣ.

13—15. Эта терцина по формѣ своей весьма напоминаетъ терцину Чистилища *XVI*, 22—24,—тотъ же вопросъ, тотъ же отвѣтъ, та же форма.

16—18. Изъ этой терцины видно, что души идутъ въ томъ же направленіи, какъ и поэты, т. е. направо.

21. «Въ большей лишь тревогѣ»—*più tosto mota*, собственно: идя быстро, чѣмъ мы. Кончивъ пѣніе гимна передъ деревомъ, онѣ идутъ теперь молча, погруженные въ думы о Богѣ.

22—24. Это описаніе голодающихъ есть подражаніе *Овидію*, *Превращенія*, кн. *VIII*, ст. 803—810:

Волосы встали копромъ, глаза ввалились, лнзъ блѣдень,
Губы засохли въ грязи, и ржавчиной зубы покрыты,
Кожа тверда и насквозь увидѣть внутренность можно;
Подъ искривленными бедрами кости сухія торчали;

Тамъ, гдѣ брюху бы быть, осталось лишь мѣсто для брюха,
Грудь, какъ будто вполнѣ, держалась лишь связью спинною.
Вздуться отъ худобы суставы, вспухли колѣней
Чашки, и щиколотки, но въ мѣру припухнувъ, торчали.

Переводъ Фета.

25—27. «Эризихтонъ», сынъ ессалійскаго царя Триопы, человѣкъ крайне безбожный, вырубившій рощу, посвященную Церерѣ, и наказанный ею за это ненасытнымъ голодомъ, такъ что, проѣвъ все свое состояніе и продавъ свою дочь Местру, сталъ, наконецъ, терзать самъ себя. Овидій, Превращ., кн. VIII, ст. 740—880. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Эризихтонъ—символь солнца, а Местра—луны.

28—30. Иосифъ Флавій, еврейскій историкъ, описывая ужасы во время осады Иерусалима императоромъ Титомъ (de Bello Jud. lib. VI, с. 3), говоритъ, что одна благородная женщина, дочь Елеазара—Марія, доведенная голодомъ до отчаянія, умертвила собственнаго сына, изжарила его и съѣла до половины. Привлеченные запахомъ мяса, голодные воины не позволили ей съѣсть другую половину.—«Склеванъ быть», въ подлинникѣ—die' di becco: Данте сравниваетъ Марію съ хищной птицей.—Эти исхудалыя тѣни походили, по мнѣнію Данте, на голодныхъ евреевъ въ Иерусалимѣ.

31. Т. е. глазницы ихъ походили на перстни, изъ которыхъ выпали драгоценныя камни, такъ какъ глазныя яблоки помѣщались у нихъ въ самой глубинѣ глазныхъ впадинъ.

32—33. Во времена Данте, въ Италиі было въ общемъ ходу мнѣніе что человѣческое лицо носитъ въ себѣ отпечатокъ слова homo (homo, uomo, человѣкъ), а именно: два глаза представляютъ двѣ буквы O; глазныя дуги, скулы и носъ букву M, или m, какъ писали ее въ XIV столѣтіи, все же вмѣстѣ—нѣчто подобное: . Эта буква m, естественно, должна быть особенно замѣтною на лицахъ исхудалыхъ. Подобное мнѣніе существовало и въ Германіи; такъ, францисканскій монахъ Бертольдъ изъ Регенсбурга († 1272 г.) доказывалъ въ проповѣди своей, что на лицѣ человѣка написано «Homo Dei».

37—39. «Худобу тѣней вызываютъ упомянутыя въ предшествовавшей пѣснѣ (стихи 132 и 137) яблоки и потокъ воды. Причина, почему эти два условія производятъ такое дѣйствіе единственно вызываемымъ ими желаніемъ, такъ какъ тѣни сами по себѣ не нуждаются въ пищѣ, а потому не могутъ худѣть отъ лишенія,—причина эта будетъ объяснена поэту ниже, въ стихѣ 67 и слѣд. этой пѣсни, почему онъ и замѣчаетъ, что находится въ полнѣйшемъ невѣдѣніи причины этой худобы». Ноттеръ.

39. «Чажлости невзрачной», trista squama, грязной чешуйчатости; кожа этихъ тѣней совершенно суха и ломка, какъ бы чешуйчата: патологически чрезвычайно вѣрная картина.

40—41. «Сказавъ, что въ глазахъ было темно и пусто (стихъ 22), поэтъ съ ужасающей наглядностью изображаетъ эти глазныя впадины, изъ которыхъ выглядываютъ въ глубинѣ глазныя яблоки». Скартаццини.

42. Это говоритъ Форезе, другъ и родственникъ Данте. Форезе считаетъ за особую къ нему милость Божию встрѣчу съ своимъ другомъ.

44. Голосъ не измѣняется отъ голода такъ сильно, какъ черты лица, почему Данте и узнаетъ его по голосу.

46. «Искра», favilla, въ другихъ спискахъ favella; звукъ голоса этой тѣни былъ какъ бы искрой, воспламенившей во мнѣ всю память объ этомъ измѣнившемся лицѣ.

48. «Форезе» — одинъ изъ членовъ фамилии Донати, братъ знаменитаго мессера Корсо Донати, главы Черныхъ, и Пиккарды, какъ это будетъ видно изъ стиха 13 слѣдующей пѣсни. Онъ былъ другомъ и свойственникомъ Данте, женившася, спустя два года по смерти Беатриче, на Джеммѣ изъ фамилии Донати. О немъ вообще мало извѣстно; повидимому, онъ не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ Флоренціи, ведя жизнь разгульную и веселую, и въ молодости своей былъ большимъ любителемъ хорошаго стола. Изъ стиховъ 76—78 этой пѣсни слѣдуетъ заключить, что Форезе умеръ въ 1295 г., когда еще не существовало во Флоренціи партій Бѣлыхъ и Черныхъ, возникшихъ, какъ извѣстно, въ 1300 году.

49. «Проказа», *lerga*; въ подлинникѣ, собственно, чесотка, короста, *asciutta scabbia*. — «И вотъ, авторъ представляетъ намъ сластолюбивыхъ въ видѣ чесоточныхъ; ибо насколько они во время земной жизни хорошо упитывали свое тѣло, чтобы сдѣлать его жирнѣе и глаже, настолько онъ представляетъ ихъ теперь, въ загробной жизни, истомленными отъ скорби и сокрушенія сердца; а такъ какъ голодъ дѣлаетъ ихъ блѣдными и изъязвляетъ тѣло, то онъ и говоритъ: *Che mi scolora la pelle*, т. е. что короста сдѣлала меня блѣднымъ и измѣнила цвѣтъ кожи». Бути. — По словамъ Ландино, Форезе и въ земной жизни имѣлъ нечистое лицо, покрытое угрями.

52. «Лишь правдой дорожа», т. е. скажи откровенно причину, почему тыздѣсь? Изъ восклицанія въ стихѣ 42, изъ дальнѣйшаго разговора съ поэтомъ (стихи 112—114) видно, что Форезе узналъ Данте, а равно и то, что онъ живой человѣкъ.

53. Т. е. Виргилій и Стацій.

55. По обычаю у древнихъ плакать надъ лицомъ своихъ усопшихъ родственниковъ и друзей. Форезе былъ, какъ мы видѣли, другъ и родственникъ Данте.

58. «Что сушитъ васъ?» въ подлинникѣ: *che si vi sfoglia?* — что васъ такъ лишаетъ листьевъ? Поэтъ сравниваетъ души съ растениями — сравненіе, очень часто употребляемое въ священномъ Писаніи. Души теряютъ свое тѣло, какъ высохшее дерево теряетъ листья.

59—60. Т. е. не проси, чтобы я отвѣчалъ тебѣ, пока я нахожусь въ такомъ изумленіи, потому что нельзя разсуждать о чемънибудь, пока голова занята другою мыслью. Разсказываютъ, что Демосѳенъ, когда его спросили, какъ можно хорошо говорить о какомъ-нибудь предметѣ? отвѣчалъ: «отдайся совершенно тому предмету, о которомъ ты говоришь, и не устремляй мыслей въ другую сторону».

62. Т. е. дерево, описанное въ стихѣ 131 предыдущей пѣсни, и ниспадающій на это дерево со скалы потокъ (стихъ 137). Въ нихъ-то по промыслу Божественному и вложена та сила, которая изсушаетъ эти тѣни.

64—66. Поютъ, подходя къ таинственному дереву (примѣчаніе къ стиху 21), и оплакивая грѣхъ сластолюбія, *la gola oltre misura*: — *Gula non nominat* (Григорій) *quemlibet appetitum edendi et bibendi, sed inordinatum. Dicitur autem appetitus inordinatus ex eo quod recedit ab ordine rationis, in quo bonum virtutis moralis consistit... Inordinata ciborum concupiscentia spiritualiter hominem coinquinat... Vitium gulae non consistit in substantia cibi, sed in concupiscentia non regulata ratione... Hoc solum pertinet ad gulam quod aliquis propter concupiscentiam cibi delectabilis excedat mensuram in edendo*. *Θομα Акв. Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. CXLVIII, art. 1.*

67—69. «Дѣлая круговое движеніе по этому карнизу, души останавливаются съ страстнымъ томленіемъ всякій разъ, когда достигнуть дерева съ прекрасными плодами и свѣжаго потока, которыхъ они не могутъ коснуться ни устами, ни рукою; отъ прекраснаго вида и аромата яблоковъ и свѣжести воды

вдыхается въ нихъ тайная сила, вѣчно зажигающая въ нихъ все большее и большее желаніе пищи и питья, такимъ образомъ мучительно ихъ терзающее и иссушающее. Одно изъ этихъ деревъ есть отпрыскъ, взятый отъ дерева познанія добра и зла (Чистилища XXII, 131—132 примѣч.) Чѣмъ болѣе приближается и чѣмъ чаще возвращается человекъ къ познанію добра и зла, тѣмъ болѣе онъ совершенствуется въ любви своей къ благу и въ ненависти ко злу. Другое изъ двухъ деревъ есть, по всей вѣроятности, какъ мы сказали уже выше, отпрыскъ отъ дерева жизни. Итакъ, эти души, считавшія когда-то за высшее благо роскошь въ пищѣ и напиткахъ, теперь, вмѣсто того, алчутъ и жаждутъ плодовъ познанія и воды жизни (Слича Перець, *Sette Cerchi*, p. 220). Словомъ, казнь этихъ душъ напоминаетъ муку Танталя въ Тартарѣ (см. Чистилища примѣч. къ XXII, 140—141), гдѣ онъ погруженъ по шею въ рѣку Эриданъ, воды которой ускользаютъ отъ его жаждущихъ устъ, тогда какъ съ другой стороны остаются тщетными всѣ его усилія схватить рукою плоды, висящіе надъ его головою. Скартаццини.

Никакой тебѣ, Танталь,
Вѣкъ воды не черпнуть, и хоть дерево близко—уходить.

Овидій. Превращ. кн. IV, ст. 457—458, переводъ Фета.

68. Яблоко у Данте есть всегда символъ высшаго блага, на которомъ успокаивается человекъ (Ада XVI, 61; Чистилища XXVII, 115—117; XXXII, 73—74).

70—74. Души постоянно совершаютъ круговое движеніе, и каждый разъ, какъ онѣ подходятъ къ одному изъ двухъ деревъ въ этомъ кругѣ, усиливается мука очищающихся. Нѣкоторые комментаторы (Бути, Фратичелли, Андри, Филалетъ и др.) заключаютъ изъ этого стиха, что въ этомъ кругѣ находится много такихъ деревъ; но поэтъ ничего объ этомъ не говоритъ.

72. Въ подлинникѣ: *Io dico pena, e dovei dir sollazzo*. Души въ чистилищѣ переносятъ свои мученія не только безропотно, но даже жаждутъ ихъ, находятъ въ нихъ свое утѣшеніе, ибо воля въ нихъ согласуется теперь съ волею Божественною. «И не симъ только, но хвалимся и скорбями, зная, что отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда, а надежда не постыжаетъ, потому что любовь Божія излилась въ сердца наши». Посл. къ Рим. V, 3—5.—«*Videtur quod alia poena sit voluntaria, quia illi qui sunt in purgatorio, rectum habent cor. Sed haec est rectitudo cordis, ut quis voluntatem suam divinae voluntati conformet, ut Augustinus dicit, conc. 1, in psal. 32 a princ. Ergo cum Deus velit eos puniri, ipsi illam poenam voluntarie sustinet. Praeterea, omnis sapiens vult illud sine quo non potest pervenire ad gloriam, nisi prius puniantur. Ergo volunt puniri*». Тома Акв. *Sum. Theol.*, p. III. *Supplem. Append. qu. II, art 2.*—Одна католическая святая называетъ чистилище самымъ любезнымъ мѣстомъ послѣ рая: «*Non credo che si possa trovare contentezza da comparare a quella d' un' anima del Purgatorio, eccetto quella de' santi nel Paradiso*». Св. Екатерина Женевская, *Trattato del Purgatorio*, Cap. II.

74. Т. е. съ какой Христосъ шелъ на вольную смерть Свою, когда Онъ въ минуту высочайшей скорби произнесъ: «Или! Или! лама савахани?» «Боже мой! Боже мой! почто Ты меня оставилъ?» Матѳ. XXVII, 46; Марк. XV, 34; Псал. XXII, 1.

76—78. Данте встрѣтилъ Форезе въ шестомъ кругѣ чистилища весною 1300 г.; если въ это время не прошло еще 5 лѣтъ со дня его смерти, то значитъ онъ умеръ въ 1295 или 1296 г. (См. примѣч. къ 48 стиху).

79—84. Форезе, какъ было вполне извѣстно столь близкому его другу, Данте, откладывалъ свое обращеніе къ Богу, т. е. покаяніе, вплоть до самой смерти и

покаялся лишь въ послѣднія минуты (по словамъ Оттимо, самъ Данте именно и убѣдиль его къ этому покаянію). Поэтому онъ, собственно, долженъ былъ бы находиться въ преддверіи чистилища, гдѣ, по словамъ Белаки (Чистилища IV, 130 и примѣч.), душа пребываетъ столько лѣтъ, сколько откладывала въ жизни покаяніе.

81. «Благая скорбь» (buon dolor) — сокрушеніе сердца о содѣянныхъ грѣхахъ. Грѣхъ удаляетъ человѣка отъ Бога, раскаяніе приближаетъ. Слостолубцы — люди, для которыхъ чрево — богъ (Посл. къ Филипп. III, 19; къ Римл. XVI, 18), слѣдовательно, — идолопоклонники.

83. «Тамъ», т. е. въ преддверіи чистилища, между нерадивыми.

86. «Полюнь мученій», — муки сами по себѣ горьки, но по своимъ послѣдствіямъ сладостны.

88. Нелла, сокращенное отъ Giovanna, Giovannella, Anella, Nella, жена Форезе Донати, женщина непорочной, честной жизни, всегда удерживавшая отъ пороковъ мужа и часто его убѣждавшая, хотя и вынужденная ежедневно ему готовить дорогія блюда. Оставшись послѣ мужа еще молодою, она не вышла замужъ, но осталась навсегда вдовою (vedovella, вдовушка, стало быть еще молодою) и молила Бога о сокращеніи срока пребыванія мужа въ чистилищѣ. Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія заимствованы комментаторами изъ словъ самого же Данте, такъ какъ другихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о ней не имѣется. Нелла принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, имена которыхъ были бы навсегда забыты, если бы ее не обезсмертилъ Данте.

90. «Остальныхъ твердынь», т. е. круговъ чистилища. «Здѣсь, впрочемъ, должно разумѣть собственно четвертый кругъ, гдѣ наказуется уныніе; тамъ, напримѣръ, Стацій (Чистилища примѣч. XXII, 91—93) оставался 400 лѣтъ, прежде чѣмъ былъ впущенъ въ кругъ своего главнаго грѣха». Ноттеръ.

94. Барбаджія — гористая мѣстность въ Сардиніи. Уже Прокопій (de bello Vand. lib. II, c. 3) говоритъ, что вандалы отправили значительное число мужчинъ и женщинъ въ Сардинію и тамъ содержали ихъ въ плѣну. Эти поселенцы овладѣли впослѣдствіи горой близъ Кальяри и вначалѣ тайкомъ, а затѣмъ, когда число ихъ возрасло до 3.000 душъ, совершенно открыто стали производить въ окрестностяхъ грабежи. Туземцы прозвали ихъ «барбарицини». Въ бытность папою Григорія Великаго (по словамъ де ла Маннара въ его путешествіи по Сардиніи) нѣкто Госпитръ, котораго Григорій въ письмѣ своемъ называетъ герцогомъ барбарициновъ, обратился въ христіанство, и примѣру его послѣдовало все племя; но тѣмъ не менѣе не тотчасъ отстало отъ своихъ языческихъ обычаевъ, на что и жаловался тотъ же папа въ своемъ посланіи къ Януарію, архіепископу въ Сассари. Манни, въ своей исторіи Сардиніи, говоритъ, что имя этого народа сохранилось и до сихъ поръ въ трехъ уѣздахъ, именуемыхъ и по сей часъ Барбаджія. Комментаторы изображаютъ барбарициновъ полудикимъ племенемъ жившимъ безъ истинной религіи и не знавшимъ браковъ, при чемъ женщины отличались безнравственностью и, по причинѣ жаркаго климата, носили только льняную, совершенно открытую на груди одежду. Бенвенуто да Имола считаетъ ихъ потомками сарациновъ изъ Африки. Во времена Данте безстыдство женщинъ Барбаджіи вошло въ поговорку. Филалетъ. Скартаццини.

96. Т. е. Флоренціи, второй Барбаджіи, превзошедшую настоящую безстыдствомъ и развращенностью женщинъ.

100—105. Франческо да Бутти описываетъ, какъ низко флорентинки его времени вырѣзали себѣ платье на груди и спинѣ, и къ этому прибавляетъ: «слава Богу, мода становится теперь нѣсколько приличнѣе». Вотъ подлинныя слова его: «Al tempo de l'autore le donne fiorentine andavano tanto sgoilate e scollate li panni, che mostrovano di rieto lo canale de le rene, e d'inanti lo pet-

to e lo fesso del ditello; ma laudato sia Iddio che ora portano li collaretti, sicchè sono uscite di quella abominazione». — Также Франко Саккети, Nov. 178, подробно говоритъ о безнравственности моды его времени. Впрочемъ, что бы сказали эти простодушные комментаторы среднихъ вѣковъ при видѣ декольте нашихъ женщинъ!—«Каедра—возвышенное мѣсто, съ котораго проповѣдники возвѣщаютъ слово Божіе народу». Бути. — Замѣчательно, что извѣстный нѣмецкій переводчикъ и знатокъ Данте Августъ Копишъ смѣшалъ слово pergamo съ pergamena и перевелъ этотъ стихъ такъ: «Wo man verbieten vird auf Pergamente»,—ошибка, повторенная имъ и въ Раю (XXIX, 105) и не исправленная даже и во второмъ изданіи перевода.—Здѣсь разумѣются или проповѣди вообще противъ скандальсозной одежды женщинъ, или епископскіе декреты и каноническія эпитимьи. Въ примѣчаніи Оттимо Коммента, сдѣланномъ, очевидно, въ позднѣйшее время, говорится, что епископъ Аньоло Аччиайоли издалъ подобный декретъ въ 1350 г., но, разумѣется, слова Данте къ этому не относятся.

103. Въ средніе вѣка сарацинами называли безразлично всякій народъ, не исповѣдывавшій христіанской религіи, за исключеніемъ евреевъ.

106—108. Здѣсь Данте, повидимому, намекаетъ въ особености на поражение флорентинцевъ пизанцами подъ предводительствомъ Угуччюне делла Фаджинола при Монтекатини, 29-го августа 1315 г., въ которомъ пало много знатныхъ людей почти изъ всѣхъ извѣстныхъ фамилій Флоренціи и множество знатныхъ гражданъ». Виллани, lib. IX, cap. 72.—Если Данте дѣйствительно намекаетъ на это сраженіе, то стихи эти, очевидно, написаны послѣ 1315 г.

111. Въ подлинникѣ: *Colui che mo si consola con pappa. Pappa—баю-баюшки-баю.* Оттимо приводитъ слова этой колыбельной пѣсни: *Nana, nana fante che la mamma é ita nell' alpe.* Такимъ образомъ смыслъ стиха слѣдующій: они раскаются прежде, чѣмъ новорожденные теперь мальчишки стануть юношами.—«Тамъ», т. е. на землѣ.

114. Т. е. на тѣнь, которую ты бросаешь отъ себя на солнцѣ (Чистилища III, 17 и примѣчаніе къ 9).

116. Въ подлинникѣ: *Qual fosti meco, e quale io teco fui—чѣмъ ты былъ для меня и чѣмъ я для тебя.* Повидимому, Данте и Форезе въ молодости оба равно предавались удовольствіямъ стола, и потому поэтъ порицаетъ за это не только Форезе, но и самого себя.

118—120. Т. е. изъ этой грѣховной жизни, о которой вспоминать тяжело намъ обоимъ, вывелъ меня (въ подлинникѣ «надняхъ»: *l'altr' ier*) идущій впереди Виргилій въ то время, когда сестра солнца, т. е. луна, находилась въ полнолуніи (Ада XX, 127: *e gia iernotte fu la luna tonda*).

121. «Темницей» (въ подлинникѣ: *per la profonda Notte*), т. е. черезъ адъ.

122. «Истинныхъ мертвецовъ», т. е. осужденныхъ въ аду, утратившихъ не только жизнь тѣлесную, временную, но и вѣчную, и ставшихъ добычей второй смерти (Ада I, 117).

124. «Оттуда», т. е. изъ ада.

125—126. «Править васъ сгорбленныхъ въ томъ мірѣ отъ грѣховъ», въ подлинникѣ: *Che drizza voi che il monde fece torti.*

128. До Беатриче—т. е. до земного рая.

130—133. Замѣчательно, что Данте, будучи спрошенъ Форезе, кто его вожди, называетъ одного только Виргилія, имя же Стація скрываетъ, можетъ быть потому, что имя послѣдняго мало интересовало Форезе. Для него важнѣе знать, что это именно та самая тѣнь, для которой потряслось все чистилище.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1—2. Наше восхождение по лѣстницѣ не мѣшало разговору, и наоборотъ. Этому стиху подражалъ Аріосто, *Orl. Fur.* с. XXXI, st. 34:

Non, per andar, di ragionar lasciando,
Non di seguir, per ragionar, lor via.

5. «Умершихъ какъ бы снова» (въ подлинникѣ: cose rimorte), т. е. «мертвецовъ, имѣющихъ какъ бы призракъ мертвыхъ тѣлъ, вслѣдствіе неимовѣрной худобы отъ голода и жажды». Бенвенуто Рамбалди.—«Осеннія деревья, дважды умершія». *Посл. Иуды*, I, 12.

Люди желѣзные, заживо врѣвши область Аида,
Дважды узнавши смерть, всѣмъ доступную только однажды.

Жуков. *Одис.* XII, 21—22.

7. Данте продолжаетъ прерванную въ предыдущей пѣсни рѣчь, говоря о Стаціи, котораго онъ не поименовалъ.

8. «Она», т. е. тѣнь Стація, стремится къ небу, можетъ быть, медленно, чѣмъ слѣдовало бы, но она желаетъ сдѣлать угодное другому моему вожатому, т. е. Виргилію.

10. «Пиккарда — дочь Симона Донати, сестра мессера Корсо и Форезе. Сдѣлавшись монахиней ордена св. Клары, она была насильно уведена изъ монастыря братомъ своимъ Корсо Донати и противъ воли выдана замужъ за Розеллино дела Тозе. О ней подробнѣе будетъ сказано Рая III, 42». Скартаччини.

12. «Смущена» удивленіемъ, видя меня живого среди мертвыхъ.

13. Въ подлинникѣ:

La mia sorella, che tra bella e buona,
Non so qual fosse piú...

Стихъ, заимствованный Петраркой, о Лаурѣ:

Tra bella e onesta
Non so qual fosse piú.

15. Олимпъ (nell' altro Olimpo)—эмпирей неба. Олимпъ отъ греческаго *ὄλος* и *ὄλιπος*—весь блестящій.

17—18. Въ этомъ кругѣ можно назвать каждую тѣнь по имени; никто этимъ не оскорбится (Сличи Ада XXXII, 85—123 и примѣч. къ 94—96), потому что всѣ мы такъ обезображены голодомъ, что никого изъ насъ нельзя узнать по наружному виду (Чистилища XXIII, 43 и примѣч.).

20. «Бонаджіонть изъ Лукки». Бонаджіонти дельи Орбиччіани или Урбиччіани, по профессіи нотаріусъ, былъ, по общему отзыву всѣхъ комментаторовъ, поэтъ, а по словамъ Бенвенуто да Имола,—нотаріусъ въ Луккѣ. Данте упоминаетъ о немъ въ своей *De vulg. Eloq.*, какъ о поэтѣ, писавшемъ на простонародномъ нарѣчій своего города, которое онъ возвысилъ до болѣе чистаго языка, названнаго имъ языкомъ *Volgare curiale* или *illustre* (lib. I, С. XIII). Повидимому, онъ былъ лично знакомъ съ Данте и обмѣнивался съ нимъ письмами и сонетами; впрочемъ, въ сборникѣ стихотвореній Данте этихъ сонетовъ не находится. Онъ процвѣталъ около 1250 г. Бенвенуто Рамбалди говоритъ о немъ: «*Luculentus orator in lingua materna, et facilis inventor rhythmorum, sed facillior vinorum, qui poverat auctorem in vita, et aliquando scripserat sibi.*»

21. Т. е. всѣхъ болѣе изнуренъ голодомъ и, слѣдовательно, всѣхъ болѣе былъ преданъ грѣху сластолюбія.

22. Т. е. былъ папой. Данте называетъ церковь прекрасной женой (Ада XIX, 57 и примѣчаніе), а папу—мужемъ церкви. Здѣсь разумѣется папа Мартинъ IV, наслѣдникъ того Николая III Орсини, который помѣщенъ поэтомъ въ аду между симонистами (Ада XIX, 46 и 74).—«Мартинъ былъ избранъ папой 8-го марта 1281 г. и умеръ 5-го апрѣля 1285 г. До своего избранія онъ назывался Симономъ, изъ фамиліи Бріе въ Шампаньи, и былъ пребендаріемъ въ Турѣ во Франціи. Папа Урбанъ IV возвелъ его въ кардиналы. Непосредственный предшественникъ Мартина, папа Николай III, не благопріятствовалъ французской партіи въ Италіи. По смерти его Карлъ Анжуйскій успѣшилъ прибыть въ Витербо, гдѣ въ то время собрался конклавъ, чтобы упрочить успѣхъ выбора въ благопріятномъ для него смыслѣ, и наконецъ, при его помощи, былъ избранъ Симонъ подъ именемъ Мартина IV. Въ теченіе своего папствованія онъ постоянно благопріятствовалъ французской партіи; такъ, въ дѣлахъ сицилійскихъ онъ всегда держалъ сторону дома Анжуйскаго; также и во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ былъ постояннымъ противникомъ партіи Орсини. Въ частной жизни, за исключеніемъ порока, приписываемаго ему Данте, онъ отличался вообще чистотою нравовъ.—Виллани (lib. VII, с. 58) говоритъ о немъ: «*Di vile nazione, ma molto fu magnanimo e di grande cuore ne' fatti della Chiesa, ma per sè proprio e per suoi parenti nulla cupidigia ebbe.*»—По смерти онъ былъ почитаемъ едва не за святого; на могилѣ его, по увѣренію современниковъ, происходили чудеса (Muratori Script. Rer. Ital. Vol. III, p. 1)». Филалетъ.

24. Большена, озеро въ провинціи Витербо въ Папской области, богатое рыбой, изъ которой особенно славились во времена Данте жирные угри. Фра Пипино, современникъ Данте, рассказываетъ, что папа Мартинъ очень любилъ угрей, которыхъ онъ «топилъ» въ винѣ (*vegnaccia*, изъ особой породы винограда съ Генуэзскихъ горъ), почему по смерти папы были сочинены насмѣшливые стихи:

Gaudent anguillae, qui mortuus hic jacet ille
Qui quasi morte reas excoxiabat eas.

Онъ же повѣствуетъ, что въ одномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «*Incipit initium malorum*», папа Мартинъ изображенъ въ первосвященническомъ обла-

ченіи съ угрями подлѣ него. Вообще всѣ комментаторы единогласно утверждаютъ, что папа очень любилъ хорошій столъ и вино. Сличи у Филалета.

26. «Довольны». По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, души здѣсь довольны своей славой; но едва ли это справедливо. Души въ аду дѣйствительно гордятся своей славой; но души въ чистилищѣ считаютъ славу міра сего за дыханіе вѣтра (Чистилища XI, 99 и примѣч.). Онѣ, напротивъ, желаютъ, чтобы живущіе на землѣ молились о нихъ. Поэтому надобно полагать, что души здѣсь довольны тѣмъ, что ихъ называютъ по именамъ, въ надеждѣ, что Данте когда-нибудь помолится о нихъ, или напомнитъ о нихъ ихъ сродникамъ. По итальянскому тексту, здѣсь, слѣдовательно, подъ выраженіемъ «довольны» надобно понимать, что онѣ не были огорчены. Скартаццини.

28. Въ подлинникѣ: *Vidi per fame a vòto usar li denti*, подражаніе Овидію, Превращ. VIII, 826—829.

Онъ яствъ все искать въ видѣніяхъ сонныхъ:

Движетъ напрасно онъ ртомъ и третъ лишь зубы зубами;

Горло, въ обманъ приводя, томитъ небывалою пищей:

И намѣсто всѣхъ яствъ глотаеъ лишь воздухъ текуцій.

Переводъ Фета.

«Убальдинъ» изъ древней фамиліи дельи Убальдини, братъ кардинала Отто-віано Убальдини, помѣщеннаго Данте въ шестомъ кругу ада (Ада X, 120 и примѣч.). Онъ носилъ прозвище делья Пила отъ замка Пила въ Мугело. Вместе съ тѣмъ онъ былъ братомъ того Уголино д'Аццо, который выведенъ Данте въ Чистилища XIV, 105, и отцомъ архіепископа Руджьери, врага графа Уголино (Ада XXXIII, 14). Онъ любилъ хорошо покушать. Ландино пишетъ о немъ: «fu molto goloso, e pecco molto in volerne in quantità oltra misura. Elli chiamava un suo castaldo, e dicea: Che fa'tu fare da dessinare? E gli dicea: tale e tale cosa; e dicea di tre o quattro imbandigioni. Ed elli sempre dicea: or fa anche di tale, e aggiungeali tre, ovvero quattro vivande».—Убальдини принадлежали къ гибеллинской партіи. Одинъ братъ помѣщенъ въ адъ, какъ эпикуреецъ, другой въ чистилище, какъ лакомка.

29. Бонифацій, по общему мнѣнію комментаторовъ, архіепископъ Равеннский; какъ кажется, онъ происходилъ изъ фамиліи Фіески въ Генуѣ и былъ племянникомъ папы Иннокентія IV. Относительно его сластолюбія ничего положительно неизвѣстно; напротивъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій проповѣдникъ и благодѣтель бѣдныхъ, которымъ онъ открывалъ свои житницы во времена голода. Эпархія Равенскаго архіепископа простиралась до города Пармы, почему и сказано, что онъ пасъ своимъ жезломъ множество духовныхъ общинъ.

31—33. Мессеръ Маркезе — личность неизвѣстная. По Боккаччіо, онъ происходилъ изъ фамиліи Орделаффи, по Піетро ди Данте, — изъ фамиліи Аргольози изъ Форли (Ада XXVII, 45 и II Приложение, 309 стран.—Политическое состояніе городовъ Романьи въ 1274—1302 гг.).—Вентури рассказываетъ, безъ указанія на источникъ, слѣдующій анекдотъ о Маркезе: когда слуга его замѣтилъ ему однажды, что въ городѣ про него говорятъ, будто онъ ничего иного не дѣлаеъ, какъ только пьетъ,—онъ отвѣчалъ: скажи имъ, что у меня всегда жажда.

35. Т. е. къ Бонаджіонту, съ которымъ, какъ мы видѣли (стихъ 20 и примѣч.), Данте былъ знакомъ при жизни.

37—38. Т. е. въ полости рта, гдѣ онъ всего болѣе ощущалъ терзаніе отъ голода, вслѣдствіе котораго тѣло его изнывало, какъ бы таяло (въ подлинникѣ: *riùssa—riùssare*, обрывать ягоды одну за другой на виноградномъ гроздѣ).

39. Джентукка—одно изъ самыхъ темныхъ и потому спорныхъ мѣстъ во всей Божественной Комедіи. Большинство комментаторовъ принимаютъ это слово за имя собственное и видятъ въ немъ имя одной дамы, которую Данте знавалъ и любилъ во время своего пребыванія въ Луккѣ въ изгнаніи. Франческо ди Бути говоритъ, что Данте, будучи въ Луккѣ, воспылалъ любовью ad una gentil donna chiamata madonna Gentucca, che era di Rossimpelo, per la virtù grande et onesta che era in lei, non per altro amore».—Другіе, на основаніи того, что Джентукка, какъ имя собственное, вовсе неизвѣстно, принимаютъ это слово за имя нарицательное, за gentuccia—чернь и притомъ одни—за поэтввъ луккскихъ, предшествовавшихъ Данте, другіе—за партію Бѣлыхъ, состоявшую болѣе изъ простого народа, которую самъ Данте называетъ партіей Лѣсною (Ада VI, 65). Но теперь доказано, что Джентукка, какъ имя женское, существовало въ Луккѣ во времена Данте, извѣстны даже, по крайней мѣрѣ, двѣ Джентукки, изъ нихъ одна была жена Бернардо Морла дельи Антелминелли Аллюцини (Тройа, *Veltro di Dante*, p. 142). Во всякомъ случаѣ существовавшая здѣсь любовь Данте къ этой особѣ чистаго, платоническаго характера, въ родѣ любви трубадууровъ; ибо Данте едва ли бы здѣсь сдѣлалъ сознание другого рода, не осудивъ себя при этомъ. Филалетъ. Скартаццини. *Dante Aligh. Biel 1869, pag. 40.*

40—42. Данте замѣчаетъ, что Бонаджіонта хочетъ заговорить съ нимъ.

43—44. Тутъ комментаторы опять несогласны между собой, кого разумѣтъ здѣсь Данте. Одни называютъ Аладжію, племянницу папы Адріана V (Чистилища XIX, 142 и примѣч.); другіе—нѣкую донну Парголетту; но, очевидно, тутъ разумѣется не кто иной, какъ та же Джентукка, имя которой шептали губы Бонаджіонты.—«Поязка женъ»: только замужнія и вдовы носили на головѣ поязки или покрывала, какъ у насъ чепчики.

45. «Городъ мой», т. е. Лукку, которую столь многіе, а въ числѣ ихъ и ты, такъ сильно порицаютъ за ея пороки.—«*Quasi diceret: quocumque modo ipsa civitas redarguatur de suis vitiis, ipsa tamen tibi placebit propter istam dominam.*» *Postillatore Cassinese.*—Данте порицаетъ Лукку, сказавъ, что всѣ ея жители взяточники (Ада XXI, 41 и примѣч.).

49. Изъ всего, что говорилъ выше Бонаджіонта, видно, что онъ узналъ Данте, и потому совершенно вѣрно толкуетъ это мѣсто *Postillatore Cassinese*:—«*Petit Dantem de Dante, quia laudare praesentem est species adulationis.*» Въ отвѣтъ Бонаджіонту Данте не называетъ себя по имени, но объясняетъ лишь причину, почему онъ пишетъ именно такъ свои стихи.

50. «Новѣйшихъ рѣмъ» (*le nuove rime*), т. е. новый родъ поэзіи, новѣйшій поэтическій стиль, стоящій несравненно выше, чѣмъ стиль всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ.

51. Въ подлинникѣ: *Donne ch'avete intelletto d'Amore*,—первый стихъ одной изъ канцонъ въ его *Vita Nuova*, о происхожденіи которой поэтъ рассказываетъ слѣдующее (§ 19): «*Avenne poi che passando per un cammino, lungo il quale correva un rio molto chiaro d' onde, giunse a me tanta volontà di dire, che cominciai a pensare il modo ch' io tenessi; e pensai che parlare di lei non si convenia se non che io parlassi a donne in seconda persona; e non ad ogni donna, ma solamente a coloro che sono gentili, e non sono pure femmine. Allora dico che la mia lingua parlò quasi come per sè stessa mossa, e disse: Donne ch' avete intelletto d'amore. Queste parole io riposi nella mente con grande letizia, pensando di prenderle per mio cominciamento.*» Очевидно, Данте считаетъ эту канцону въ честь Беатриче за одну изъ лучшихъ.

52—54. Въ подлинникѣ:

Io mi son un che, quando
Amore spira, noto.

Прекрасное изображеніе сущности поэтического искусства! Въ этой терцинѣ заключается вся ars poetica. Два условія: замѣчать, удерживать въ умѣ вдохновеніе любви, затѣмъ—облекать во внѣшность, т. е. въ слово, то, что внутри, т. е. въ сердцѣ, диктуется любовь. — «Amore è uno dittatore, et io sono suo scrivano». Anonimo Fiorentino. — Также въ Vita Nuova, § 9: «La mia lingua parlò quasi per sè stessa mossa».

55—57. Т. е. теперь я вижу, что отсутствіе чувства и вдохновенія лишаютъ нѣжности стиль Нотарія, Гвигтоне и мой собственный. «Нотарій—это Якопо да Лентини изъ Сициліи, прозванный по своей профессіи (нотаріусъ), процвѣтавшій въ послѣдніе годы царствованія Фридриха II. По мнѣнію Кресчимбени, какъ поэтъ, Нотарій стоитъ ниже Гвигтоне». Филалетъ.— Данте приводитъ въ De Vulg. Eloquen. lib. I, с. 12, одну его канцону, начинающуюся словами: «Madonna, dir vi voglio». Онъ писалъ около 1250 г. — Гвигтоне процвѣталъ послѣ 1250 г. Онъ родился въ благородной фамиліи въ Санта Фирмина (или Формена), въ замкѣ въ двухъ миляхъ отъ Ареццо. Его часто называютъ Фра Гвигтоне, какъ принадлежавшаго къ ордену Веселыхъ. Вначалѣ онъ велъ разгульную жизнь, потомъ женился на аретинкѣ, прижилъ съ ней трехъ дѣтей и затѣмъ надѣлъ рясу Св. Маріи, т. е. Веселой братіи, и съ этого времени началъ проповѣдывать противъ развращенія вѣка, а также противъ злоупотребленій синьоріи, угнетавшей его родину. Сдѣлавшись «ораторомъ» Флорентинской республики, онъ старался и дѣломъ и своими сочиненіями прекратить въ странѣ раздоры партій. Но, лишенный дома и имущества, онъ покинулъ родину и умеръ во Флоренціи въ 1294 г., положивъ основаніе монастырю дельи Анджіоли. Въ свое время Гвигтоне былъ челоуѣкъ ученый, ораторъ и поэтъ, писалъ любовныя стихотворенія, но въ стилѣ холодномъ, дѣланномъ. Данте въ своей De Vulg. Eloquen. lib. I, с. 13, говоритъ, что онъ «nunquam se ad curiale vulgare direxit». Впрочемъ, современники высоко цѣнили Гвигтоне. Петрарка (Trionfo d' Amore, с. IV, р. 31) ставитъ его рядомъ съ Цино изъ Пистойи и самимъ Данте. Еще разъ Данте говоритъ о Гвигтоне въ Чистилища XXVI, 134.

58. «У васъ»,—относится или къ одному Данте и изъ вѣжливости употреблено во множественномъ числѣ, или вообще къ новѣйшимъ поэтамъ; въ послѣднемъ случаѣ надобно разумѣть Данте, Гвидо Кавальканти, и Цино изъ Пистойи.

62. Въ подлинникѣ: «Non vede più dall' uno all' altro stilo», тотъ не видитъ разницы въ двухъ стиляхъ.—«Я разумѣю это мѣсто такъ: истинный поэтъ слѣдуетъ порыву энтузіазма; онъ пишетъ то, что ему подсказываетъ сердце. Мы же, слѣдуя примѣру провансальцевъ, гонялись лишь за искусственными оборотами и натяжками мысли и, такимъ образомъ, какъ бы перешагнули за предѣлы цѣли. Кто поступаетъ такъ, тотъ не знаетъ, чѣмъ отличается плоскій, грубый стиль отъ естественнаго, благороднаго; онъ впадаетъ всегда въ крайность. Замѣчательно, что во всей итальянской литературѣ проведенъ этотъ двойственный стиль, одинъ видъ котораго достигъ полной своей красоты у Петрарки, Аріосто и Тассо, другой—у Боккаччіо, оба же вмѣстѣ являются какъ бы совмѣщенными въ возвышенномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне народномъ стилѣ Данте, совершенно умѣстномъ въ его Божественной Комедіи». Филалетъ.—«Кто познакомился нѣсколько ближе съ искусственностью въ мысляхъ и формѣ, въ которой сицилійскіе и итальянскіе поэты до Данте старались не только сравняться, но и превзойти провансальцевъ,—тотъ согласится,

какъ мѣтко противопоставляетъ Бонаджіонта столь неудовлетворяющимъ стремленіямъ простой способъ выраженія чувства въ лирическихъ стихотвореніяхъ Данте». К. Витте.—«Въ этомъ мѣстѣ своей поэмы Данте высказываетъ столько же вѣрно, сколько и прекрасно самое первое и общее основаніе эстетики, равно и признакъ истиннаго поэтическаго призванія. Здѣсь (стихъ 54) говорится не только о той любви, которою одушевляется поэтъ въ своихъ любовныхъ стихотвореніяхъ, но и о той общей, возвышенной любви и о томъ одушевленіи, изъ которыхъ вытекаетъ всякое созданіе искусства, ибо только въ этой любви и есть истина. Что поэты времени Данте искали и не находили себѣ славы на совершенно иномъ пути и что Данте обращеніемъ своимъ къ природѣ сталъ этимъ самымъ изобрѣтателемъ новаго стиля,—это какъ нельзя лучше явствуетъ изъ этого мѣста». Штрекфуссъ.

63. Души въ чистилищѣ не имѣютъ въ себѣ и тѣни зависти, потому Бонаджіонта не только не высказываетъ никакого неудовольствія тому, кто превзошелъ его въ поэтическомъ искусствѣ, но даже признаетъ съ нѣкоторымъ наслажденіемъ превосходство своего побѣдителя.

64. Подобное же сравненіе Ада V, 47; Рая XVIII, 73—75.

68. Т. е. направо, какъ шли сначала; удивленные видомъ поэта (стихи 4—6), они нѣсколько замедлили свой шагъ.

69. «По волѣ», т. е. отъ желанія претерпѣвать муку для своего очищенія.

73. «Святому стаду», т. е. толпѣ очищающихся.

75. «Данте уже созналъ себя грѣшнымъ въ гордости и отчасти въ зависти (Чистилища XIII, 133—135); здѣсь онъ сознается въ сластолюбіи (чревоугодіи), почему Форезе ожидаетъ встрѣтиться съ нимъ снова въ этомъ кругу вслѣдствіе того образа жизни, о которомъ упомянуто въ предыдущей пѣсни» (ст. 115 и примѣч.). Скартаццини.

78. «Брегъ», т. е. берегъ острова, на которомъ стоитъ гора Чистилища.

79. «Градъ», т. е. Флоренція, гдѣ, какъ природный флорентинецъ, Данте надѣялся жить и умереть. Пороки города такъ велики, что преждевременную смерть поэтъ почелъ бы за особенную милость Божію.

82—90. Всѣ комментаторы единогласно разумѣютъ здѣсь не кого иного, какъ извѣстнаго мессера Кюсо Донати, главу Черныхъ и брата Форезе. Ни о комъ нельзя сказать съ большимъ правомъ, какъ о немъ, что онъ былъ первымъ виновникомъ несчастія для Флоренціи, ибо, сколько бы ни звучала въ такомъ приговорѣ ненависть партіи, во всякомъ случаѣ вполне достоверно, что онъ былъ крайне безпокойнымъ гражданиномъ и главнымъ виновникомъ изгнанія партіи Бѣлыхъ. Виллани передаетъ разсказъ о трагической смерти Донати въ слѣдующихъ чертахъ, существенно различныхъ отъ соотвѣтствующаго мѣста у Данте. Вскорѣ по изгнаніи партіи Бѣлыхъ возникли новыя недоразумѣнія между членами побѣдившей партіи; эти недоразумѣнія достигли крайней степени вслѣдъ за отъѣздомъ изъ города кардинала Николая Прато, пріѣзжавшаго во Флоренцію въ качествѣ миротворца. Мессеръ Донати и дворянскія фамиліи увидѣли себя исключенными отъ всѣхъ должностей партіей такъ называемыхъ разбогатѣвшихъ гражданъ, во главѣ которыхъ стояли Россо делла Тоза, Джери Спини, Падино де Пацци и Бетто Брунелески. Донати былъ поэтому вынужденъ примкнуть къ дворянской партіи, къ которой присоединились и семейства гражданъ Бордени и Медичи (впервые здѣсь встрѣчающееся имя), и при томъ, по мнѣнію однихъ, съ цѣлью восстановленія порядка въ городѣ, по мнѣнію же другихъ,—для того, чтобы завладѣть властью надъ городомъ. Помимо того, образъ его мыслей, какъ гвельфа и Чернаго, сталъ подозрителенъ вслѣдствіе его связи съ предводителемъ гибеллиновъ Угучіоне

делла Фаджіола, за котораго онъ выдалъ замужъ свою дочь. Флорентинскіе гвельфы рѣшились предупредить его истинные и мнимые замыслы. Главы этой партіи принесли на него жалобу подестѣ города Пьеро делла Бранка изъ Агоббіо, который вызвалъ его въ судъ и, такъ какъ Донати не явился, объявилъ его бунтовщикомъ и измѣнникомъ передъ общиной. Мессеръ Корсо заперъ цѣпями цѣлую часть города Борго ди С.-Піетро Маджіоре и рѣшился защищаться въ ней до послѣдней крайности противъ народа и каталонскихъ солдатъ короля неаполитанскаго. Можетъ быть, онъ надѣялся на поддержку своей партіи, а можетъ быть,—на помощь со стороны Угуччіоне делла Фаджіола, какъ думаетъ Виллани. Это случилось 15-го сентября 1308 г. Въ городѣ поднялось возстаніе. Власти, солдаты, вооруженный народъ бросились осаждать домъ Донати. Цѣлый день защищался онъ, тщетно надѣясь на прибытіе помощи. Подъ вечеръ народъ прорвалъ цѣпи и, когда врывался въ садъ, Корсо, жестоко страдавшій подагрой, успѣлъ уже ускакать одинъ вдоль Арно до виллы Ровенцано, гдѣ его нагнали каталонскіе всадники и повели плѣнникомъ въ городъ. Достигнувъ поды ихъ стражей аббатства С.-Сальви (много посѣщаемога путешественниками ради «Тайной вечера» Андреа дель Сарто), онъ попытался подкупить солдатъ; но такъ какъ они не соглашались ни на какія условія, то онъ умышленно свалился съ лошади, при чемъ одинъ изъ каталонцевъ проткнулъ его шею копьемъ. Ни Виллани, ни Дино Компаньи (сомнительный авторитетъ) не говорятъ ни слова о томъ, чтобы его волочила лошадь; напротивъ, они говорятъ, что онъ умеръ на рукахъ монаховъ въ вышеупомянутомъ монастырѣ. Впрочемъ, Бенвенуто да Имола старается примирить слова поэта съ историками, говоря, что Корсо запугался ногой въ стремени при паденіи и въ такомъ видѣ волочился лошадыю, а затѣмъ его убили солдаты. Оба историка изображаютъ его красивымъ собой, храбрымъ, краснорѣчивымъ, весьма обходительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордымъ, любившимъ, чтобы его называли «барономъ», такъ что народъ, встрѣчая его, кричалъ обыкновенно: «да здравствуетъ баронъ». Дино Компаньи въ *Muratori Script. Rer. Ital. Vol. IX, p. 498; 521—523*; Виллани, *lib. VIII, Cap. 46*, по цитатамъ Филалета и Скартаццини.

84. «Долина»—*valle d'abisso Dolorosa* (Ада IV, 7—8; Райя XVII, 137), т. е. адъ.

86. «Свирѣпый звѣрь» т. е. конь. По мнѣнію Бути, аллегорически тутъ разумѣется демонъ.

88—90. Т. е. пророчество мое исполнится вскорѣ. Форезе говоритъ эти слова весною 1300 г. (годъ замогильнаго странствованія Данте), Донати же погибъ въ 1308 г.—Форезе не досказываетъ своей мысли или потому, что, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ, долженъ торопиться, или потому, что ему самому страшно входить въ дальнѣйшія подробности касательно жестокой судьбы своего брата.

94—96. Превосходное изображеніе битвы временъ Данте; такъ и видишь передъ собою наѣзниковъ при кавалерійской схваткѣ поды Кампальдино, гдѣ участвовалъ самъ Данте. Филалетъ.

99. «Два героя», въ подлинникѣ: *maliscalchi*, т. е. маршалы. Слово «маршалъ» обозначало сперва шталмейстера; во времена Данте оно получило значеніе важнаго придворнаго и военнаго сановника; при дворѣ такіе сановники играли роль церемонимейстеровъ, на войнѣ—они первые схватывались съ неприятелемъ; потому маршалами—героями Данте называется Виргилія и Стация, какъ знаменитыхъ поэтовъ и мудрецовъ въ ученый міръ.

102. Т. е. какъ вначалѣ. слѣдя слухомъ за его рѣчами, я не понимаю исполнѣ ихъ значеніе. Ст. 101 есть подражаніе Виргилію, *Aen. VI, 200*:

Quantum acie possent oculi servare sequentem.

103—105. Занятый разговоромъ съ Форезе и слѣдя потомъ за его бѣгомъ, Данте не могъ примѣтить этого дерева, къ которому теперь подошли поэты. Это то самое дерево, о которомъ говорится въ Чистилища XXII, 131 и XXIII, 68. Одно дерево при входѣ, другое при выходѣ изъ этого круга.

106. По мнѣнію Ноттера, это не что иное, какъ видѣніе; ибо если бы это были дѣйствительно души, то онѣ, какъ алчущія плодовъ, не стали бы съ непослушаніемъ тянуться къ нимъ, но, какъ очищающіяся (Чистилища XXIII, 73), смиренно покорились бы волѣ Божьей.

115. Какъ изъ перваго дерева, такъ и изъ этого слышатся голоса, призывающіе къ воздержанію. Оба голоса согласуются между собою, но послѣдній напоминаетъ запрещеніе, данное Богомъ прародителямъ: «А отъ древа познанія добра и зла — не ѣшь отъ него». Бытія II, 17.

116. Т. е. древо познанія добра и зла; оно помѣщено на вершинѣ горы Чистилища, въ земномъ раю. «Здѣсь представленъ первый примѣръ невоздержанія. Первое дерево возвѣщало о воздержаніи Маріи (Чистилища XXII, 142), второе — о невоздержаніи Евы. Какъ св. отцы любили противопоставлять Марію Евѣ, именно мать плода жизни — матери, отъ которой возникъ плодъ смерти, т. е. грѣхъ, такъ противопоставляетъ ихъ здѣсь и Данте». Скартаццини.

117. «Эти два дерева, долженствующія приучить кающихся къ послушанію и воздержанію, представляютъ нѣкоторымъ образомъ развѣтвленія древа познанія добра и зла». К. Витте.

118. Вѣроятно, это голосъ ангела, охраняющаго это дерево (сличи Чистилища XXII, 140 и примѣч.).

119—120. Они идутъ, прижавшись другъ къ другу, такъ какъ дерево и окружающая карнизъ скала суживаютъ дорогу.

121—123. «Съ грудью нелюдской», въ подлинникѣ съ двойною грудью, *coi doppi petti*, т. е. наполовину человѣческой, наполовину лошадиной. Здѣсь раздумются кентавры, дѣти Иксиона, царя лапитовъ, и Нефелы (Облака). Иксионъ желалъ совокупиться съ Юноною; узнавъ объ этомъ, Зевсъ представилъ ему облако въ образѣ Юноны. Отъ этого облака родились чудовища, кентавры, полулюди, полукони. Приглашенные лапитами на бракъ Перитоя и Гипподамин, кентавры перепились и хотѣли похитить невѣсту и другихъ женщинъ, но были убиты Тезеемъ, Перитоемъ и Геркулесомъ (Овидія, Превращ. XII, 226 — 231) (См. Ада XII, 56 и прим.). Здѣсь они приводятся, какъ примѣръ наказаннаго невоздержанія.

124—126. Кн. Суд. VII: Когда Геденъ шель на мадіамлянъ, Господь повелѣлъ ему взять съ собою на войну только тѣхъ, которые будутъ пить воду изъ источника Харода пригоршнями; тѣхъ же, которые станутъ на колѣни чтобы удобнѣе напиться, не брать съ собою. Только триста выдержали это испытаніе умѣренности.

127. Именно, внутреннимъ краемъ, гдѣ скала обрамляетъ этотъ кругъ.

129. «Посрамленъ» — удареніе церковно-славянское.

130. До сихъ поръ поэты шли, тѣснясь другъ къ другу; выйдя теперь на дорогу, не загражденную деревьями, они идутъ свободнѣе.

132. О всемъ нами виданномъ и слышанномъ.

134. Голосъ ангела воздержанія.

137—138. Сравненіе, весьма часто встрѣчающееся въ Библии (Іез. I, 7; Дан. X, 6; Откров. I, 15).

140. «Свернуть» налѣво, гдѣ находится лѣстница, ведущая въ седьмой кругъ.

143—144. Ослѣпленный свѣтомъ, Данте идетъ за поэтами, слѣдуя за ними по слуху, какъ ходятъ слѣпые.

145—150. Новое, дивно-прекрасное изображение того момента, когда на челѣ его снова уничтожается буква Р. Для сличенія этого сравненія приводимъ подобное же изъ Тассо, Освобожд. Иерусал. III, 1:

Ужъ вѣтерокъ проснулся, другъ Авроры;
Она межъ тѣмъ вѣнокъ изъ райскихъ розъ
Ужъ обвила, въ полетъ готовая скорый,
Вокругъ главы подъ золотомъ волосъ.

150. Амброзія—не только пища и напитокъ боговъ, но и благовонная масть, препятствующая разложенію мертваго тѣла.

151. Говоритъ тотъ же ангелъ воздержанія.

151—154. «Beati qui esuriunt justitiam»: «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды». Матѣ. V, 6; «но этому блаженству евангельскому Данте даетъ такой смыслъ: блаженны тѣ, кои соблюдаютъ должную мѣру въ пищѣ и питіи и воздерживаются отъ грѣха чревоугодія». Скартаццини. Филалетъ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

1—3. Опять астрономическое опредѣленіе времени дня. «Въ первомъ весеннемъ мѣсяцѣ солнце находится въ созвѣздіи Овна, а ночь, діаметрально противоположно солнцу,—въ созвѣздіи Вѣсовъ. Знакъ Тельца слѣдуетъ тотчасъ за Овномъ, знакъ Скорпіона—тотчасъ за Вѣсами. Слѣдовательно, если знакъ Тельца стоитъ на полуднѣ, то это означаетъ, что знакъ Овна, а съ нимъ и солнце, покинули уже часа 2 тому назадъ полуденный кругъ, такъ какъ каждое созвѣздіе въ продолженіе двухъ часовъ занимаетъ каждую двѣнадцатую долю неба. Отсюда видно, что теперь было 2 часа пополудни на Чистилищѣ и 2 часа утра, или пополуночи, въ антиподѣ, гдѣ на полуднѣ теперь стоитъ знакъ Скорпіона». Каннегиссеръ.—«Если теперь 2 часа, то это значитъ, что поэты оставались въ шестомъ кругѣ, который они теперь готовы оставить, отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ». Филалетъ.—Какъ и вездѣ, поэтъ представляетъ здѣсь солнце и ночь какъ бы живыми существами, при чемъ солнце діаметрально противоположно ночи. Сличн Чистилища II, 1 и примѣчаніе; IV, 13 и примѣчаніе; IX, 7 и примѣчаніе.

8. Три поэта идутъ одинъ за другимъ, впереди Virgilій, за нимъ Стацій и, наконецъ, Данте. Лѣстница слишкомъ узка для того, чтобы можно было идти всѣмъ троимъ рядомъ. «Узокъ путь, ведущій въ жизнь». Матѣ. VII, 14.

10—21. Данте горитъ желаніемъ узнать причину, почему существа безтѣлесныя, не имѣющія надобности въ пищѣ, подвергаются исхуданію, и, ободренный Virgiliемъ, выражаетъ свое недоумѣніе.

10—12. Изъ уваженія къ Virgiliю, Данте колеблется, спросить-ли его объ этомъ или нѣтъ. Это внутреннее колебаніе мастерски изображено поэтомъ въ сравненіи съ аистомъ.

16. Несмотря на быстроту хода, Virgilій замѣчаетъ колебаніе ученика; онъ постоянно читаетъ всѣ мысли Данте, какъ заботливый отецъ.

17—18. Т. е. выскажи свободно то, что у тебя уже на губахъ.—Когда лукъ совершенно натянутъ, то желѣзный конецъ стрѣлы (копьецо, слова Данте), касается вершины лука. Сравненіе это заимствовано, очевидно, отъ простого лука, а не отъ арбалета или самострѣла, какъ полагаетъ К. Витте.

22—30. Virgilій старается дать Данте нѣкоторую идею объ этомъ примѣрѣ, взятомъ изъ мнѳологій, и кромѣ того подобіемъ естественнымъ и мате-

матическимъ; затѣмъ онъ обращается къ Стацію и проситъ его разрѣшить недоумѣніе поляѣ и удовлетворить желаніе поэта.

22—24. Мелеагръ—сынъ калидонскаго царя Энея (Oeneus) и Алтея, участникъ ловли калидонскаго вепря. Въ моментъ его рожденія богини судьбы (парки) положили въ огонь плаху и объявили, что жизнь его продлится, пока будетъ горѣть плаха. Алтея загасила огонь и тщательно укрыла плаху. По умерщвленіи вепря, двое дядей Мелеагра, братья Алтея, Плексипшъ и Токсей, стали оспаривать у Аталанты, возлюбленной Мелеагра, нанесшей первую рану чудовищу, право на славу этого геройскаго подвига; Мелеагръ убилъ ихъ за это. Тогда Алтея рѣшилась отомстить сыну за смерть своихъ братьевъ, вытащила роковую плаху и зажгла ее. Мелеагръ, снѣдаемый внутреннимъ огнемъ, испустилъ послѣднее дыханіе въ моментъ, когда головня превратилась въ пепель (Овидія Превращ. кн. VIII, ст. 431—524).—Этимъ примѣромъ Виргилій (чистый разумъ) хочетъ показать, что человѣкъ можетъ исхудать и даже погибнуть не только отъ недостатка пищи, но и отъ совершенно иной причины; какъ сила невидимая и совершенно ему неизвѣстная уничтожила Мелеагра, такъ невидимая, таинственная сила производить худобу душъ, или безтѣлесной плоти сластолюбцевъ. Нѣкоторые находятъ это сравненіе не совсѣмъ удачнымъ, но Данте можетъ тѣмъ съ большимъ правомъ употребить это сравненіе для объясненія худобы душъ, изнуряемыхъ невидимой силой, что въ средніе вѣка было въ общемъ ходу суевѣрное мнѣніе о возможности уничтоженія жизни человѣка отъ медленнаго растапливанія на огнѣ очарованныхъ восковыхъ изображеній человѣка, котораго желаютъ погубить. Смотри знаменитую балладу англійскаго поэта Данте Россети, Sister Ellen.

24. Т. е. тебѣ легко будетъ понять эту трудность.

25—26. Т. е. «тѣло, въ особенности воздушное тѣло этихъ тѣней, есть какъ бы зеркало души; какъ зеркало вѣрно изображаетъ каждое движеніе, въ немъ отражающееся, такъ точно и тѣло воздушное изображаетъ во внѣшности всѣ движенія и страданія души». Варки.

29. Мнѣніе комментаторовъ различно относительно того, почему Виргилій обращается здѣсь къ Стацію, какъ и о символическомъ значеніи Стація вообще. Піетро Данте, которому слѣдуетъ большинство толкователей, говоритъ: «Virgilius, id est philosophia rationalis, committit hoc Statio poetae christiano, vel philosophiae morali, ut hoc decidat».—Также думаютъ Ландино, Велутелло, Вентури, Ломбарди и др.—По Филалету, Стацій означаетъ аллегорически философію, озаренную христіанствомъ, каково, напримѣръ, ученіе Θомы Аквинскаго и его учениковъ. Скартаццини говоритъ: Виргилій есть символъ власти гражданской и императорской, которая, по системѣ Данте, должна направлять людей къ временному блаженству, *secundum philosophica documenta*. Но Виргилій—язычникъ. Чтобы трактовать хорошо о сотвореніи и вдуновеніи рациональной души въ человѣческое тѣло, а равно и о состояніи ея по освобожденіи отъ тѣла,—для этого необходимъ свѣтъ вѣры христіанства. Для Данте Стацій не только великій поэтъ и философъ, почти такой же, какъ и Виргилій, но и христіанинъ, посвященный въ тайны вѣры. Поэтому Стацій можетъ и сумѣетъ лучше Виргилія опредѣлить тезисъ, который языческая философія никогда не могла объяснить удовлетворительно. Такимъ образомъ, Стацій—дополненіе Виргилія, онъ представляетъ собой философію, озаренную вѣрой, или философію христіанскую. Слѣдуетъ сверхъ того замѣтить, что Данте въ дальнѣйшемъ теченіи своего мистическаго странствованія не долженъ былъ оставаться покинутымъ временнымъ авторитетомъ, символомъ котораго служитъ Виргилій; но

Виргилію дозволено сопроводять его лишь до земного рая, и тамъ его мѣсто заступаетъ Стацій, остающійся съ Данте и по исчезновеніи Виргилія: онъ продолжаетъ странствованіе вмѣстѣ съ Данте, не играя, впрочемъ, роли вождатаго, а подчиняясь, подобно Данте, смиренной роли ученика, покорно выслушивая наставленія и повинуюсь повелѣніямъ Матильды и Беатриче».

30. Сомнѣніе есть рана разума, которая излѣчивается лишь тогда, когда умъ завладѣетъ истиной. «Vulnere ignoantiae», говоритъ Св. Григорій (Ev. Ном. XXVI, по цитатѣ Томмазо).

31—33. Стацій извиняется передъ Виргиліемъ въ томъ, что онъ, не смѣя отказать ему ни въ чемъ, рѣшается говорить въ его присутствіи, считая дерзкимъ всякое слово при томъ, чья мудрость и чье краснорѣчіе требуютъ, чтобы онъ одинъ говорилъ, а всѣ другіе его слушали.—«Эта вѣжливость Стація относительно Виргилія напоминаетъ, въ аллегорическомъ смыслѣ, такое же отношеніе схоластикомъ къ Аристотелю и его ученикамъ, олицетвореніемъ которыхъ служитъ Виргилій». Филалетъ.

32. «Судъ вѣчный». Въ однихъ спискахъ vendetta, въ другихъ veduta; послѣднее принято лучшими изданіями, между прочимъ К. Витте. Я употребилъ «судъ вѣчный», примиряющій эти два разнорѣчія; собственно, здѣсь разумѣется способъ, по которому распределены божественныя наказанія.

34—36. Стацій любовно обращается къ Данте, называя его, въ знакъ пріязни сыномъ, чтобы возбудить въ немъ все вниманіе, говоря, что, если онъ вникнетъ въ его слова, то его сомнѣнія разрѣшатся. «Сынъ мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себѣ заповѣди мои,.... то уразумѣешь страхъ Господень и найдешь познаніе о Богѣ». Притчи Солом. II, 1, 5.

37—60. Стацій развиваетъ теоріи рожденія и образованія тѣла съ душою вегетативною и сенситивною. То же самое ученіе, но вкратцѣ, изложено Данте прозой въ его Convivio IV, 21. Оно же изложено отчасти у Θомы Аквинскаго въ его Sum. Theol. p. I, qu. CXIX: De propagatione hominis quantum ad corpus.—Это мѣсто вызывало такой восторгъ со стороны Варки (Sezioni sul Dante, Firenze, 1845), что, по его мнѣнію, одного этого мѣста уже достаточно, чтобы признать Данте за врача, философа и теолога высшей степени. При этомъ онъ говоритъ: «Я не только сознаю, но объявляю клятвенно, что всякій разъ, когда я прочитывалъ его (и такихъ случаевъ и днемъ и ночью болѣе тысячи), мой восторгъ и изумленіе все болѣе и болѣе усиливались, ибо каждый разъ я, казалось, находилъ въ немъ новыя красоты и новыя поученія, а слѣдовательно, и новыя трудности».

37. «Кровь лучшая» (въ подлинникѣ: perfetto—совершенная). — «Sanguis, qui digestionem quadam est praeparatus ad conceptum est purior et perfectior alio sanguine». Θома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXXI, art. 5. — «Не всасется» (въ подлинникѣ: non si beve Dall assetate vene, не всасывается жаждущими венами). «Данте слѣдуетъ здѣсь Аристотелю, который (De Gener. animal. lib. I, c. 19) говоритъ: semen est superfluum alimenti; точно также полагаетъ и Θома Аквинскій (Sum. Theol. p. I, qu. XIX, art. 2)». Скартаццини. — «Ученіе Θомы Аквинскаго о происхожденіи спермы, основанное на Аристотелѣ, совершенно согласно съ Данте въ этомъ мѣстѣ. Доказавъ предварительно, что воспринимаемая пища, какъ питающая и возвращающая, дѣйствительно превращается отчасти въ человѣческую плоть, онъ переходитъ затѣмъ къ рѣшенію вопроса о томъ, возникаетъ ли сперма отъ излишка питательныхъ веществъ, и отвѣчаетъ на него утвердительно, давая ему слѣдующее объясненіе. Въ природѣ человѣческой, согласно съ вышесказаннымъ, заключается сила сообщать свою форму пнороднымъ веществамъ. Но это сооб-

щение совершается постепенно. Принятое и переваренное вещество получает прежде всего одну лишь общую силу образовывать из себя всѣ части тѣла; потомъ уже эта сила къ образованію отдѣльныхъ членовъ, такъ сказать, специфицируется. Это совершается въ то время, когда кровь переливается по жиламъ и образуетъ, такимъ образомъ, отдѣльныя части тѣла. Но часть крови—полагаетъ Фома—остается, не превращаясь въ существо членовъ, и потому-то она, какъ онъ выражается, составляетъ матерію для цѣлаго тѣла, и эта-то часть и есть сперма. Теперь становится весьма понятнымъ, почему Данте сравниваетъ эту часть съ пищей, которая снимается со стола и не съѣдается. При этомъ Фома рѣшительно отклоняетъ то мнѣніе, по которому сперма есть какъ бы экстрактъ уже специализированнаго для всѣхъ членовъ вещества крови, ибо, говорить онъ, она была бы ничѣмъ инымъ, какъ животнымъ въ маломъ видѣ, а человѣческое рожденіе было бы подобно распложенію многихъ низшихъ животныхъ чрезъ отрѣзываніе ихъ частей (Sum. Theol., p. I, qu. CXIX). Замѣчательно, что это, отвергаемое Фомою, мнѣніе очень близко подходитъ къ позднѣйшимъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ; именно, паренхиматозная жидкость, которая, проникая по всему тѣлу чрезъ всѣ первичныя ткани, представляется настоящимъ жизненнымъ сокомъ, возвращается при безпрестанной переработкѣ опять-таки въ кровь, стало быть и въ сердце, въ которомъ она, однако, не остается, но выдѣляется изъ крови дѣйствительно, какъ экстрактъ всего тѣла, въ извѣстные органы, сберегаясь въ нихъ вплоть до своего изверженія и выхода». Филалетъ.

40—41. «Силу, каждый членъ творящую», въ подлинникѣ: *Virtuto informativa*, т. е. силу, дающую сущность и природу каждому члену, или части человѣческаго тѣла.

41—42. «*Alimentum convertitur in viritatem humani corporis... Alimentum vere convertitur in viritatem humanae naturae, in quantum vere accipit speciem carnis et ossis, et hujusmodi partium*». Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CXIX, art. 1.

43. Въ подлинникѣ: *scende ov' e più bello Tacer che dire*—нисходитъ въ тѣ части, о которыхъ приличнѣе молчать, чѣмъ говорить, т. е. въ сѣменные сосуды сѣменныхъ желѣзъ.

44. «Очищенная вновь», въ подлинникѣ: *Ancor digesto*, т. е. еще болѣе потенцированная, вслѣдствіе дальнѣйшаго кровеобращенія.

45. «Сосудъ природный» (*natural vasello*), т. е. матка (*uterus*).—«*Foemina ad conceptionem prolis materiam ministrat (quae est sanguis menstruus), ex qua naturaliter corpus prolis formatur*». Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXXII art. 4.—«*Ad formationem corporis—requirebatur motus localis quo sanguines—ad oculum generationi congruum pervenirent*». Ibid. qu. XXXIII, art. 1.—«*Materia quam foemina subministrat ad generationem, est sanguis, non quicumque, sed lperductus ad quandam ampliorem digestionem per virtutem generativam matris*» Аристотель. De Gener. animal. I.—«По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, жидкій зародышъ въ микроскопическихъ пузырькахъ яичниковъ, въ $\frac{1}{12}$ линіи въ діаметрѣ, находится въ женскомъ организмѣ уже съ самаго ранняго дѣтства, съ утробной жизни. Потому эти зародыши, какъ и сперма, могутъ быть названы кровью въ томъ смыслѣ, что какъ они, такъ и сперма суть продукты паренхиматозной жидкости, съ тѣмъ только различіемъ, что женскій зародышъ есть жидкость, свернувшаяся въ видѣ зародышей лишь одинажды внутри своихъ клѣточекъ; мужская же сперма есть безпрестанно возобновляющееся выдѣленіе паренхиматозной жидкости всего организма». Филалетъ.—«Въ кровь чужую» (*altrui sanguine*), т. е. въ кровь женскую.

46—47. Т. е. мужская кровь (сперма) съ женской (менструальной); первая играет активную, вторая—пассивную роль.—«Foemina materiam ministrat; ex parte maris fit principium activum in generatione». Аристотель, 1. с.—«In generatione distinguitur operatio agentis et patientis. Unde relinquitur quod tota virtus activa sit ex parte maris, passio autem ex parte foemiae». Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXXII, art. 4.

48. Т. е. сердце, какъ органъ, въ которомъ, по мнѣнiю Данте, кровь приобретаетъ свою силу или способность образовать каждый членъ тѣла.

49. «Къ дѣлу», т. е. къ образованiю зародыша.

51. Въ подлинникѣ: e poi avvina Cio che per sua materia fe' constare, т. е.: а потомъ оживляетъ (животворитъ) то, что сгустила, какъ матерiю или матерiаль, необходимый для своего дѣйствiя.—«Potentia generativa in foemina est imperfecta respectu potentiae generativae quae est in mare. Et ideo sicut in artibus ars inferior disponit materiam, ars autem superior inducit formam, ita etiam virtus generativa foeminae praeparat materiam, virtus autem activa maris format materiam praeparatam». Аристотель, Phys. II, 25.

50. «Зародышевые пузырьки, какъ мы видѣли, сгущаются или кристаллизуются въ женскомъ организмѣ въ самой ранней эпохѣ жизни; но тѣмъ не менѣе и въ актѣ рожденiя происходитъ новая кристаллизацiя, вслѣдствiе метаморфозы содержащейся внутри пузырька жидкости. Въ одномъ только ошибается поэтъ, именно въ томъ, что онъ оба акта—и свертыванiе и оживленiе—принимаетъ, какъ акты отдѣльные и слѣдующiе одинъ за другимъ, тогда какъ они, въ сущности, одинъ и тотъ же актъ». Филалетъ.—«Сгущаетъ», собственно,—свертываетъ, *congulando*, выраженiе библейское: «Не Ты ли вылилъ меня, какъ молоко, и, какъ творогъ, сгустилъ меня». Иова X, 10.—«Образовался въ плоть въ десятидневное время, сгустившись въ крови отъ сѣмени мужа». Премудр. Солом. VII, 2.

52—54. «Активная тутъ сила», т. е. сперма отца.—«Quia generans est simile generato, necesse est quod naturaliter tam anima sensitiva, quam aliae huiusmodi formae producantur in esse ab aliquibus corporalibus agentibus transmutantibus materiam de potentia in actum per aliquam virtutem corpoream quae est in eis... Ex anima generantis derivatur quaedam virtus activa ad ipsum semen animalis, vei plantae... In animalibus perfectis, quae generantur ex coitu, virtus activa est in semine maris; materia autem faetus est illud, quod ministratur a foemina: in qua quidem materia statim a principio est anima vegetabilis, non quidem secundum actum secundum, sed secundum actum primum, sicut anima sensitiva est in dormientibus; cum autem incipit attrahere alimentum, tunc jam actu operatur. Huiusmodi igitur materia transmutatur a virtute quae est in semine maris, quousque perducatur in actum animae sensitivae... Postquam autem per virtutem principii activi quod erat in semine, producta est anima sensitiva in generato quantum ad aliquam partem principalem, tunc jam illa anima sensitiva prolis incipit operari ad complementum proprii corporis per modum nutritionis et augmenti». Фома Акв. 1. с., p. I, qu. CXVIII art. 1. — «О тройственной жизни, тройственной душѣ челоуѣка, какъ выражается школа, было ужъ упомянуто выше (Чистилища IV, 5 и примѣч. къ 1—12). Пробужденный къ жизни зародышъ имѣетъ вначалѣ въ утробѣ матери жизнь растительную. Онъ питается, растетъ, но безъ ощущенiя и безъ способности къ самопроизвольному движенiю. Но эта еще только вегетативная жизнь утробнаго младенца въ низшей степени его развитiя отличается отъ настоящаго растенiя тѣмъ, что послѣднее не восходитъ уже ни на какую высшую ступень (стихъ 54), тогда какъ въ первомъ жизнь эта есть только переходная ступень. Мало-по-малу этотъ

зародышъ переходитъ черезъ состояніе зоофита (стихъ 56, морского гриба) въ настоящее животное, получаетъ способность двигаться и чувствовать—сенситивная жизнь. Человѣческій образъ развивается и соарѣваетъ для воспріятія разумной души. Эту рациональную душу младенецъ получаетъ не прежде, какъ когда уже достигнетъ извѣстной степени развитія (стихъ 69), получаетъ еще въ матерней утробѣ чрезъ непосредственный актъ творчества Божьяго, и при томъ каждый младенецъ получаетъ свою разумную душу, индивидуальную, отъ всѣхъ другихъ отличную (Рая XXXII, 64)». К. Витте.—«Цѣль этого изложенія Данте опровергнуть ученіе о расчлененіи души на простую множественность силъ (тройственность души, напр. Чистилища къ IV, 1—12 и примѣч.) и доказать единство души, ея постепенное, нераздѣлимое въ единствѣ развитіе съ ея божественнымъ происхожденіемъ и вѣчнымъ, субстанціальнымъ духовнымъ содержаніемъ. Это достигается чрезъ сліяніе Traducianismus съ Creationismus; а именно, человѣкъ имѣетъ вначалѣ, конечно, вегетативную жизнь (стихъ 53). Но, тогда какъ растеніе на этомъ и останавливается, жизнь въ человѣческомъ зародышѣ развивается далѣе до способности къ движенію и ощущенію (стихъ 54—55) (сенситивная или животная жизнь. Переходъ отъ одной жизни къ другой—(стихъ 61) совершается чрезъ промежуточное состояніе зоофита (стихъ 56, морского гриба)». Флейдереръ, продолженіе сходно съ предшествующей цитатой.

54. Въ подлинникѣ: *Che quest' è in via, e quella è già a riva*, т. е. эта еще въ пути, а та уже у берега, т. е. съ тѣмъ различіемъ, что душа растенія уже у берега, т. е. достигла окончательнаго развитія, душа же человѣческаго зародыша еще развивается, и жизнь растительная составляетъ для нея лишь переходное состояніе къ состоянію души рациональной. По Томѣ Аквинскому, человѣческая душа проходитъ послѣдовательно три степени жизни: вегетативную, сенситивную и интеллектуальную: «*Anima praeexistit in embryone, a principio quidem nutritiva, postmodum autem sensitiva, et tandem intellectiva. Dicunt ergo quidam, quod supra animam vegetabilem, quae primo inerat, supervenit alia anima, quae est sensitiva, supra illam autem alia, quae est intellectiva. Et sic sunt in homine tres animae, quarum una est in potentia ad aliam, quod supra improbatum est (Сличи Чистилища IV, 1—12 примѣч.). Et ideo alii dicunt, quod illa eadem anima, quae prima fuit vegetativa tantum, postmodum per actionem virtutis quae est in semine, perducitur ad hoc ut ipsa eadem fiat sensitiva, et tandem ad hoc ut ipsa eadem fiat intellectiva, non quidem per virtutem activam seminis, sed per virtutem superioris agentis, scilicet, Dei deforis illustrantis. Sed hoc stare non potest..... Et ideo dicendum est quod cum generatio unius semper sit corruptio alterius, necesse est dicere, quod tam in homine, quam in animalibus aliis, quando perfectior forma advenit, fit corruptio prioris; ita tamen quod sequens forma habet corruptiones pervenit ad ultimam formam substantialem tam in homine quam in aliis animalibus. Et hoc ad sensum apparet in animalibus ex putrefactione generatis. Sic igitur dicendum est, quod anima intellectiva creatur a Deo in fine generationis humanae, quae simul est et sensitiva et nutritiva, corruptis formis praeexistentibus*». I. c., p. I, CXVIII, art. 2.

55—57. Въ этой терціи заключаются изображеніе сенситивной (животной) жизни. «Гораздо труднѣе понять возникновеніе сенситивной души. Тома Акв. предлагаетъ себѣ поэтому вопросъ, возникаетъ ли сенситивная душа непосредственнымъ творческимъ актомъ, или, какъ продуктъ сѣмени, черезъ рожденіе?—и рѣшаетъ его въ пользу послѣдняго, ибо, говоритъ онъ, однѣ только чистыя формы, не возникающія ни изъ какой матеріи, были созданы непосредственно. Сенситивная же душа не есть такая чистая форма, напротивъ, она есть только

случайность соединенной съ тѣломъ души, а потому и можетъ воспроизвестись только при помощи такого сложнаго существа. Главное возраженіе на это состояло въ томъ, что все же невозможно признать чувствительную душу продуктомъ какой нибудь болѣе низкой силы, принадлежащей къ вегетативнымъ силамъ. Фома Акв. отстраняетъ это возраженіе слѣдующимъ соображеніемъ: чѣмъ выше сила, тѣмъ далѣе распространяется ея дѣйствіе; потому безжизненные вещи непосредственно сами собою могутъ воспроизвести только себѣ подобное, какъ, напримеръ, огонь воспроизводитъ самъ собою лишь огонь; одушевленные вещи, будучи выше по своей природѣ, производятъ изъ веществъ какъ непосредственно, такъ и посредственно нѣчто себѣ подобное, именно: непосредственно—процессомъ питанія, посредственно—процессомъ рожденія. Въ послѣднемъ именно процессѣ сперма есть какъ бы орудіе, которому чувствительная душа сообщаетъ свою активную силу, при помощи которой оживленные зародыши преобразовываются вслѣдствіе развитія въ чувствительныя души. — Отсюда ясно, какъ разумѣетъ Данте въ этомъ мѣстѣ своей поэмы возникновеніе вегетативной и чувствительной души въ зародышѣ. Вегетативная жизнь въ зародышѣ отличается отъ настоящей растительной души—жизни—тѣмъ, что послѣдняя уже достигла своей цѣли, своего развитія; принципъ же вегетативный въ зародышѣ еще ожидаетъ дальнѣйшаго развитія. Но и животная душа, отличающаяся отъ души растенія чувствительностью и произвольнымъ движеніемъ, находится вначалѣ лишь на низшей ступени морской губки, или полипы, и развивается сначала лишь постепенно, смотря потому, какъ развиваются органы высшей животной жизни. Но тутъ Данте, повидимому, уклоняется нѣсколько отъ Фомы Акв. въ томъ, что онъ допускаетъ активную силу въ самой спермѣ дѣлаться душою, тогда какъ послѣдній рѣшаетъ это отвергаетъ (*Sum. Theol.*, р. I, qu. CXVIII art. 1).—До сихъ поръ мнѣніе Данте, а еще болѣе мнѣніе Фомы Акв., повидимому, совершенно соответствуетъ возрѣнію позднѣйшихъ физиологовъ, которые также принимаютъ постепенное развитіе растительной и животной жизни въ зародышѣ, но такимъ образомъ, что въ низшихъ ступеняхъ уже заключаются въ зачаткѣ и высшія ступени». Филалетъ.

55. Чувствительность и произвольное движеніе — отличительные признаки жизни животной отъ растительной. «Чувства», т. е. чувствительность; «движенія»,—конечно, произвольныя.

56. «Силамъ», подъ которыми разумѣются собственно извѣстныя пять чувствъ.

56—59. См. выше, прим. къ ст. 37.

61—78. Стацій объясняетъ, какъ изъ животнаго, которымъ былъ зародышъ, онъ становится человѣкомъ, надѣленнымъ разумною душою. Здѣсь Данте излагаетъ проблему происхожденія человѣческой души. Христіанскіе философы и святые отцы церкви пытались троякимъ образомъ рѣшить эту проблему. Одни, слѣдуя теоріи Платона, учили, что всѣ души были созданы Богомъ въ началѣ міра и заключены въ тѣла въ наказаніе за грѣхи, совершенныя ими въ предшествующія времена. Такъ училъ между прочимъ Оригенъ и его послѣдователи (*Eriph. haer.* 64, 4: *Τὴν Ψυχὴν γὰρ τὴν ἀνθρώπιαν λέγει προῦπαρχειν*).—Другіе старались рѣшить проблему чрезъ «*traducianismus*», и учили въ томъ смыслѣ, что человѣческая душа рождается вмѣстѣ съ тѣломъ. Таково ученіе Тертуліана (*De anima*, с. 19).—Но большинство отвергало эти гипотезы и проповѣдывало такъ называемый «*creationismus*», т. е., что каждая душа создается непосредственно Богомъ. Таково ученіе Лактанція (*De orificio Dei* с. 19), блаж. Августина и всѣхъ схоластиковъ. Ансельмъ Кентерберійскій говоритъ: «Никакой человѣческій умъ не можетъ себѣ представить, чтобы человѣкъ пох

ab ipsa conceptione rationalem animam habeat (De conceptu virginali, c. 7). Гуго ди С.-Витторие (De sacram. P. VII, lib. I, c. 30): Fides catholica magis credendum elegit animas quotidie corporibus vivificandis sociandas de nihilo fieri, quam secundum corporis naturam et carnis humanae proprietatem de traduce propagari. Петръ Ломбардскій (Sent. lib. II, dist. 17, c.): De aliis (о душах потомковъ Адамовыхъ) certissime sentiendum est, quod in corpore creentur. Creando enim infundit eas Deus, et infundendo creat. Тома Аквинскій (Sum. Theol., p. I, du. CXVIII, art. 3): Animae non sunt creatae ante corpora: sed simul creantur, cum corporibus infunduntur. И въ другомъ мѣстѣ (Ibid. art. 2): Haereticum est dicere, quod anima intellectiva traducatur cum semine. Аквинатъ, какъ мы видѣли, отличаетъ animam intellectivam ab anima sensitiva (какъ предшественники его отличали $\Psi\upsilon\chi\eta$ отъ $\kappa\omega\sigma\mu\alpha$, $\acute{\omicron}$ $\nu\omicron\sigma\varsigma$); первая сотворяется Богомъ, вторая передается путемъ рожденія. Данте слѣдуетъ здѣсь строго Аквинату. Онъ учитъ, что anima intellectiva исходитъ непосредственно отъ Бога, который, какъ скоро образование мозга достигло въ зародышѣ извѣстнаго предѣла, обращаетъ полный любви взоръ къ великому созданію природы и вдыхаетъ въ него мощный духъ, который принимаетъ въ себя все активное, встрѣчаемое въ зародышѣ, и такимъ образомъ создается единая душа съ тремя актами растительности, животности и интеллигенціи». Скартаццини.

61—66. Въ этихъ двухъ терцинахъ намекается на Аверроэса, великаго комментатора Аристотеля (Ада IV, 144). Въ своемъ комментарий De anima, lib. III, Аверроэсъ учитъ въ томъ смыслѣ, что существуетъ два интеллектуальныхъ принципа: одинъ пассивный, другой активный. Интеллектъ активный безличенъ, вѣченъ, отдѣленъ отъ индивидуумовъ, которые по временамъ воспринимаютъ его. Интеллектъ пассивный преходящъ и не можетъ существовать безъ активнаго. Интеллектъ активный соединенъ, слѣдовательно, съ индивидуумомъ лишь форменно, но отдѣленъ отъ него по сущности и есть одинъ и тотъ же для всѣхъ людей. По поводу этого ученія Оцанамъ говоритъ: «Or, étant détruite la diversité l'intellect possible, qui est seul immortel, il s'en suit qu'après la mort il ne reste rien des âmes humaines que l'unité de l'intellect, et ainsi on supprime les peines et les récompenses. Сличи Ренана, Averroës et l'Averroïsme, Paris 1861 pag. 122. — Тома Аквинскій опровергалъ это ученіе, основываясь на слѣдующихъ аргументахъ: 1) интеллектъ соединенъ съ тѣломъ, какъ форма съ матеріей; невозможно, чтобы существовала одна форма для различныхъ матерій, ибо всякое дѣйствіе предполагаетъ свою собственную потенцію, ей пропорциональную; слѣдовательно, невозможно допустить одинъ единый интеллектъ для всѣхъ людей; 2) каждый двигатель нуждается въ своемъ собственномъ инструментѣ. Инструментъ флейтиста отличается отъ инструмента архитектора. Интеллектъ же есть двигатель тѣла. Итакъ, какъ архитекторъ не можетъ пользоваться инструментомъ, какимъ пользуется флейтистъ, такъ невозможно, чтобы интеллектъ одного человѣка былъ бы интеллектомъ другого человѣка; 3) возможный интеллектъ, по Аристотелю, тотъ, помощью котораго человѣкъ мыслитъ, получаетъ зачатіе идей. Итакъ, если человѣкъ мыслитъ не иначе, какъ при помощи интеллекта возможнаго, то каждый долженъ мыслить только то, что мыслится каждымъ человѣкомъ отъ самаго уже начала, а это очевидно ложно. Тома Акв. Sum. contra Gent. lib. II, c. 73; Sum. Theol., p. I, qu. LXXVI, art. 2». Скартаццини. — Замѣчательно, что ученіе Аверроэса имѣетъ разительное сходство съ воззрѣніями нѣкоторыхъ позднѣйшихъ философовъ. — «Великій комментаторъ Аристотеля Аверроэсъ выводитъ заключенія, совершенно отличныя отъ христіанскихъ схоластиковъ, которымъ слѣдовать Данте. Аверроэсъ принимаетъ одинъ общій человѣчскій духъ (уни-

версальный интеллектъ), который, однако же, какъ господствующій лишь надъ матеріальнымъ подлуннымъ міромъ, находится глубоко ниже приводящаго въ движеніе всю вселенную, непосредственно отъ Бога исходящаго, высочайшаго интеллекта. Этотъ духъ человѣческій, одинъ и тотъ же для всѣхъ индивидовъ и для всѣхъ временъ, входитъ, по мнѣнію Аверроэса, въ связь съ призваннымъ къ жизни младенцемъ на срокъ его жизни; человѣкъ мыслить лишь при его помощи. Но связь вегетативной и животной жизни съ этимъ интеллектомъ весьма слабая; въ человѣкѣ нѣтъ такого органа, съ которымъ интеллектъ былъ бы неразрывно связанъ. Со смертью тѣла эта слабая связь совершенно уничтожается. Поэтому не существуетъ личнаго безсмертія. Это-то учение и послужило преимущественно къ тому, что Аверроэсъ былъ признанъ еретикомъ и подробно опровергаемъ Альбертомъ Великимъ и Томомъ Аквинскимъ». К. Витте. Сличы у Филалета.

65—66. «Разумность возможная» (*possibile intelletto*). Подъ этимъ терминомъ Данте разумѣетъ, подобно всѣмъ вообще схоластикамъ, всемірную интеллигенцію, сообщающуюся съ душою, не дѣлаясь при этомъ частью ея и не будучи приуроченной къ какому нибудь особенному органу тѣла.—«*Quandoque enim ponunt quatuor intellectus, scilicet intellectum agentem, possibilem, et in habitu, et adeptum: quorum quatuor intellectus agens et possibilis sunt diversae potentiae, sicut et in omnibus est alia potentia activa et alia passiva; alia vero tria distinguuntur secundum tres status intellectus possibilis; qui quandoque est in potentia tantum, et sic dicitur possibilis; quandoque autem in actu primo, qui est scientia, et sic dicitur intellectus in habitu; quandoque autem in actu secundo, qui est considerare, et sic dicitur intellectus in actu, sive intellectus adeptus*». Тома Акв. *Sum. Theol.*, p. I, qu. LXXIX, art. 10.

70—72. «Первый Двигатель»—Богъ,—«та Любовь, что движетъ солнца и всѣ хоры звѣзды», Рай XXXIII, 14.—Выраженіе *Motor primo* заимствовано изъ Тома Аквинскаго, *Sum. Theol.*, p. I, qu. CV, art. 2.

71. «Торжество природы», въ подлинникѣ: *si volge lieto Sopra tanta arte di natura*—радостно обращается къ такому искусству природы. «*Natura est quoddam instrumentum Dei moventis*». *Ibid.* p. 2. qu. VI, art. 1.

72. «Духъ новый»,—новую душу разумную. Говоря «новый», Данте, можетъ быть, хотеть сказать: вновь созданный, желая тѣмъ самымъ исключить ученіе Платона о «предсуществованіи» человѣческой души.

72—73. Т. е. «только что созданная, интеллектуальная душа привлекаетъ къ себѣ и отождествляетъ съ собственной своей субстанціей душу вегетативную и сенситивную и создаетъ изъ себя и изъ нихъ душу единую съ тремя потенціями—вегетативной, сенситивной и интеллектуальной». Скартаццини.—«Такимъ образомъ человѣкъ имѣетъ въ себѣ не три, болѣе или менѣе слабо между собою соединенныя души, но одну душу человѣческую, разумную, въ самой себѣ вращающуюся, т. е. мыслящую». К. Витте. Сличы Чистилища IV, 5.—«Интеллектуальная душа, по ученію схоластиковъ, есть *esse subsistens*, чистая форма. Такое существо не можетъ возникнуть вслѣдствіе рожденія, но единственно лишь путемъ непосредственнаго созданія. Но въ такомъ случаѣ, какъ можетъ быть душа формою тѣла? какъ спасти единство души? Ибо эти три души, о которыхъ часто говоритъ Тома Акв., обозначаютъ не три различныя субстанціи, но лишь три главныя категоріи душевныхъ силъ—это достаточно ясно видно изъ многихъ мѣстъ, и высказывается также весьма опредѣленно Данте въ Чистилища IV, 5. Нѣкоторые объясняютъ дѣло такъ, что та же самая душа, которая была вначалѣ вегетативною, становится, вслѣдствіе присутствія мужескому сѣмени силы, душою сенситивною, а потомъ, отъ присоеди-

ненія силы божественнаго въздѣйствія, душою интеллектуальною. Это мнѣніе, повидимому, близко подходит къ мнѣнію Данте, который уже сказалъ въ своемъ *Convivio*, что три вышеупомянутыя главныя категоріи душевныхъ силъ находятся въ такомъ другъ къ другу отношеніи, что всегда одна изъ нихъ служитъ основаніемъ для другой, что сила вегетативная есть основа для сенситивной, сенситивная—для интеллектуальной. Тома Акв., однако, еще не доволенъ этимъ; онъ именно говоритъ, что невозможно, чтобы какая-либо субстанціальная форма отъ присоединенія другой, новой, становилась чѣмъ-то большимъ или меньшимъ, но что, напротивъ, она станетъ черезъ то совершенно новымъ видомъ. Итакъ, слѣдуетъ принять, что всякая такая перемѣна должна разумѣть предыдущую форму, и что возникаетъ новая форма, равномѣрно собою объемлющая и новую и старую (*Sum. Theol.*, p. I. qu. CXVIII, art. 11). Филалетъ.

75. «Себя въ себѣ вращаетъ», въ подлинникѣ: *e sé in sé rigira*, т. е. отражаясь сама въ себѣ, получаетъ сознаніе о своемъ собственномъ существованіи. «Сознаніе, получаемое душою о своемъ собственномъ существованіи, рождается отъ ея отраженія въ самой себѣ, вслѣдствіе чего она, какъ кругъ, себя въ себѣ вращаетъ». D. C. ediz-e dell' Ancora. Сличи Боэція. *Phil. Cons. lib. III. Poes. IX*, 15 и далѣе.

*Quae (anima) cum secta duos motum glomeravit in orbes,
In semet reditura meat mentemque profundam
Circuit et simili convertit imagine coelum.*

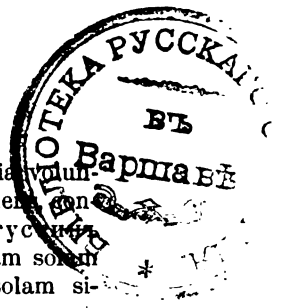
76—78. Какъ солнечный жаръ, соединяясь съ сокомъ винограда, превращаетъ его въ вино, такъ новый духъ, созданный Богомъ и одушевленный душою сенситивною, превращается въ интеллектуальную душу. О виноградѣ говоритъ Цицеронъ (*De Senect. XV*, 53): «*Quae et succo terrae et calore solis aurescens, primo est peracerba gustatu, deinde maturata dulcescit*».—«Здѣсь, говоритъ Антонелли, философъ-поэтъ разсматриваетъ солнце съ точки зрѣнія ботаника, насколько именно оно имѣетъ громадное вліяніе на жизнь растений, на развитіе цвѣтовъ, созрѣваніе фруктовъ, и высказываетъ это удивительно поэтично, потому что говоритъ совершенно вѣрно».

79—108. Стацій излагаетъ, какимъ образомъ существуютъ души послѣ смерти тѣла, и рѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ могутъ подвергаться худобѣ воздушныя тѣла.

79. Лахезисъ, одна изъ трехъ паркъ, прядущихъ нить жизни. Смыслъ: когда наступаетъ смерть человѣка.

81. «Въ зародышѣ», въ подлинникѣ: *in virtute; virtualiter*—учено-схоластическое выраженіе, противоположное выраженію: *formaliter* и *actualiter*. «Душа удерживаетъ по смерти не только духовное, но и тѣлесное; но послѣднее остается безсильнымъ и недѣятельнымъ». Каннегиссеръ. «Земной» вмѣсто человѣческій и «небесный», для риомы, вмѣсто божескій. Человѣческія потенціи—тѣлесныя или сенситивныя; божескія потенціи—духовныя или интеллектуальныя. «Божественныя, т. е. тѣ силы, которыя суть только случайности души; они остаются при ней дѣйствительно по отдѣленіи отъ тѣла; человѣческія, т. е. силы, составляющія случайности тѣла, соединеннаго съ душой и которыя остаются при ней лишь въ зародышѣ». Филалетъ.

82. Т. е. способности, отличныя отъ интеллектуальныхъ, по причинѣ разрушенія со смертію ихъ органовъ, гаснутъ (въ подлинникѣ: *нѣмѣютъ, mute*), т. е. становятся недѣятельными.

83. Три духовныя потенціи. «Haec igitur tria, memoria, intelligentia, voluntas, quoniam non sunt tres vitae, sed una vita, non tres mentes, sed una mens, consequenter utique nec tres substantiae sunt sed una substantia. Блаж. Августинъ. De Trinit. lib. X, с. 11.—Omnes potentiae animae comparantur ad animam solam sicut ad principium. Sed quaedam potentiae comparantur ad animam solam sicut ad subjectum, ut intellectus et voluntas; et huiusmodi potentiae necesse est, quod maneant in anima, corpore destructo. Quaedam vero potentiae sunt in conjuncto sicut in subjecto, sicut omnes potentiae sensitivae partis et nutritivae. Destructo autem subjecto, non potest accidens remanere. Unde corrupto conjuncto, non manent huiusmodi potentiae actu, sed virtute tantum manent in anima sicut in principio vel radice. Тома Акв., Sum. Theol., p. I, qu. LXXVII, art. 8. «Въ дѣйствительности душа удерживаетъ лишь разумъ, волю и интеллективную память, но удерживаетъ ихъ въ усиленномъ состояніи, ибо, теперь можно говорить лишь объ одномъ интеллектѣ, который теперь познаетъ себя и все, что подъ нимъ и съ нимъ, своею собственною сущностью, а не черезъ образы. Напротивъ, низшія и пребывающія въ зародышѣ силы какъ бы нѣмбуютъ, или остаются въ скрытомъ состояніи». Филалетъ.

85—87. Т. е. или на берегъ Ахерона (ада), или на берегъ Тибра (чистилища). «По мнѣнію Данте, душа, выходя изъ тѣла, инстинктивно, сама себя неволя, устремляется или къ Ахерону или къ Тибру, не зная, куда она направляется, осуждена ли она, или спасена. И только когда достигнетъ этихъ мѣстъ, она узнаетъ впервые о своей вѣчной участи. Но тутъ противорѣчитъ самъ себѣ, ибо за душой Гвидо да Монтефельтро (Ада XXVII, 113 и примѣч.) къ его смертному одру является демонъ, а только что вышедшую изъ тѣла душу Буонконте (Чистилища V, 104 и примѣч.) принимаетъ ангелъ; слѣдовательно, обѣ эти души знали о своей участи прежде, чѣмъ упали на одинъ изъ этихъ береговъ». Скартаццини.

88. Т. е. душа облачается воздушнымъ тѣломъ, лишь только придетъ на одинъ изъ этихъ береговъ, и, такъ сказать, очерчивается занятымъ ею пространствомъ. Хотя, по мнѣнію Тома Аквинскаго, отдѣлившіяся отъ тѣла души не могутъ быть прикованы, по своей сущности, какъ чистые духи, ни къ какому мѣсту; но такъ какъ высшимъ формамъ соотвѣтствуютъ извѣстныя высшія тѣлесныя субстанціи, то, говоритъ онъ, и нѣкоторыя мѣста соотвѣтствуютъ духамъ, по ихъ достоинству, болѣе чѣмъ другія, и, такимъ образомъ, назначаются имъ извѣстныя мѣста per congruentiam quandam, въ которыхъ они какъ бы находятся, точно такъ, какъ мы говоримъ о Богѣ, что Онъ находится на небѣ, такъ какъ это мѣсто всего болѣе приличествуетъ Его достоинству. «Quamvis substantiae spirituales secundum esse suum a corpore non dependeant, corporalia tamen a Deo mediantibus spiritualibus gubernantur. Ed ideo est quaedam convenientia spiritualium substantiarum ad corporales substantias per congruentiam quandam, ut scilicet dignioribus substantiis digniora corpora adaptentur... Quamvis autem animabus post mortem non assignentur aliqua corpora, quorum sint formae, vel determinati motores, determinantur tamen eis quaedam corporalia quibus sint quasi in loco eo modo quo incorporalia esse possunt in loco... Incorporalia non sunt in loco modo aliquo nobis noto, et consueto, secundum quod dicimus corpora proprie in loco esse; sunt tamen in loco modo substantiis spiritualibus convenienti, qui nobis plene manifestus esse non potest». Sum. Theol., p. III, Suppl., qu. LXIX, art. 1.

89—90. Т. е. изливая въ видѣ лучей свою силу (въ подлинникѣ: la virtú formativa) въ окружающій воздухъ, душа образуетъ тѣло, совершенно сходное по формѣ и величинѣ съ тѣмъ, которое она оживляла собою въ мірѣ, подобно

тому, какъ въ живомъ тѣлѣ заключалось стремленіе къ образованію своей формы, безпрестанно преобразующейся изъ поступающихъ въ него питательныхъ веществъ.

91—93. Въ этомъ сравненіи заключается теорія происхожденія радуги, вполне объясненная лишь со временъ Декарта и Ньютона. Антонелли.

94—95. «Духовно», въ подлинникѣ: *virtualmente* (техническій терминъ), т. е. «не потому, чтобы сама душа имѣла эту форму и отпечатлѣвала ее въ воздухѣ, но потому, что въ ней есть сила такъ дѣйствовать на окружающій воздухъ, что въ немъ отражается этотъ образъ». Каннегиссеръ.

96. Прибывъ въ адъ или чистилище, душа отпечатлѣваетъ въ окружающемъ воздухѣ свой образъ, облакаясь какъ бы покрываломъ или легкою воздушною оболочкою. Мысль не новая. Слѣдуя ученію Платона, отцы церкви, Климентъ Александрійскій, Оригенъ и другіе, учили, что душа по смерти можетъ имѣть сходство съ тѣломъ и со всѣми членами его, ибо являющаяся во снѣ душа ходитъ, сидитъ, движется, чего она не могла бы дѣлать, если бы не походила на тѣло. Блаж. Августинъ, повидимому, сомнѣвается въ этомъ (*De Civ. Dei* lib. XXI, с. 10), а Фома Аквинскій отрицаетъ это и говорить прямо: *Anima separata a corpore non habet aliquod corpus*. *Sum. Theol.*, р. III, *Suppl. qu. LXIX, art. 1*. Какъ кажется, Аквинатъ считалъ это мнѣніе почти еретическимъ. Но тѣмъ не менѣе Данте прибѣгаетъ къ этому ученію, такъ какъ безъ него онъ никоимъ образомъ не могъ бы сдѣлать для насъ нагляднымъ состояніе души по смерти. Скартаццини. Филалетъ.

97—98. «Самое простое и весьма наглядное сравненіе души, за которою повсюду слѣдуетъ ея воздушная оболочка». Вентури.

101. «Какъ тѣнь только кажется и остается неосязаемою, такъ и душа въ этомъ тѣлѣ есть нѣчто воздушное и неосязаемое». Бути.

103—104. «*Hinc metunt cupiuntque, dolent gaudentque*». *Виргилиѣ, Aen., lib. IV, 733*. Смысль тотъ: «Въ силу этого воздушнаго тѣла мы говоримъ, смѣемся, плачемъ и вздыхаемъ, такъ какъ тѣнь наша принимаетъ такое выраженіе, какое ей придаютъ наши желанія и другія радостныя или печальныя побужденія». Скартаццини.

108. Т. е. на твой вопросъ (стихъ 20), почему тѣни подвергаются худобѣ.— «Смерть не есть распаденіе въ ничто, когда парка спрядетъ весь ленъ, т. е. перерѣжетъ нить жизни; напротивъ, душа освобождается при смерти отъ тѣла, унося съ собою въ зародышѣ соединеніе божескаго и человѣческаго (стихи 79—81). Въ то время, какъ низшія силы тѣла нѣмѣютъ и угасаютъ теперь безъ органа тѣла,—собственно ей (душѣ) свойственныя атрибуты, именно разсудокъ, воля и память, выступаютъ тѣмъ сильнѣе на первый планъ, такъ какъ безъ посредства тѣла могутъ дѣйствовать гораздо совершеннѣе (стихи 82—84). (Сличи *Посл. Пав. I Кор. 13, 12*). Когда затѣмъ душа упадетъ, согласно приговору суда Божьяго (стихъ 31), на одинъ изъ береговъ, Ахерона или Тибра, и оттуда перенесется опять въ одно изъ опредѣленныхъ для нея мѣстъ ада или чистилища, то она занимается, излучая изъ себя свою собственную творческую силу, окружающій воздухъ, для того чтобы отпечатлѣть на немъ свой собственный образъ, подобно тому, какъ она нѣкогда придавала его веществамъ тѣла на землѣ (стихи 85—96). Это и есть тѣло тѣни, которое стало быть и образуетъ подвижную форму отшедшаго изъ міра духа и представляетъ органъ вновь присоединяющихся къ нему свойствъ души, высшихъ и низшихъ. Потому ему дано каждое чувство, какъ зрѣніе и слухъ, и возможность выражать желаніе, воспоминаніе, радость и скорбь, сообразно и сораамѣрно волнующимъ его душевнымъ силамъ (стихи 97—108). Этимъ положеніемъ Данте

отвѣчаетъ въ концѣ всего изложенія на сдѣланный въ стихѣ 20 вопросъ. Впрочемъ, читатель уже знаетъ изъ другихъ мѣстъ, что это кажущееся тѣло не болѣе, какъ переходное и временное, и что въ день Страшнаго Суда всѣмъ душамъ возвратится ихъ земное тѣло въ просвѣтленномъ навѣки или потемненномъ видѣ». Флейдереръ.

109. Т. е. въ седьмой кругъ чистилища, гдѣ, какъ сейчасъ увидимъ, очищается грѣхъ сладострастія.

112—114. Въ этомъ кругу очищаются души сладострастныхъ въ пламени, исходящемъ отъ скалистой стѣны и занимающемъ большую часть дороги, окружающей гору. У внѣшняго края пути остается для путниковъ весьма узкая тропинка, свободная отъ огня вслѣдствіе того, что дующій снизу вѣтеръ постоянно отгоняетъ пламя вверхъ и внутрь къ утесистой стѣнѣ. Пламя служитъ естественнымъ выраженіемъ плотской похоти и ея мученія. Въ пламени, какъ это особенно ясно видно изъ Чистилища XXVII, 33—42, должно разумѣть истинную божественную любовь къ высочайшему благу (Чистилища XVII, 97 и примѣч.), которая, пробуждаясь въ первый разъ въ душахъ, преданныхъ ложной любви, мучитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ совершенно не освободятся отъ послѣдней. Дующій снизу вверхъ вѣтеръ или буря служитъ, можетъ быть, символомъ именно этой ложной любви, нечистой похоти. Вѣтеръ дуетъ отъ внѣшняго края окружающей дороги, этотъ край, какъ намечается въ Чистилища XX, 9, обозначаетъ противоположность божественной скалы, сторону наиболѣе удаленную отъ Бога. Согласно этому объясненію, Данте страшится, чтобы вѣтеръ—ложное стремленіе похоти—не снесъ его съ узкой тропы въ бездну; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще страшится и жара божественной любви. Здѣсь пламя представляется очищающимъ, сплоченнымъ, совершеннымъ, а не въ видѣ дождя, отъ котораго бѣгутъ въ аду души (Ада XIV, 28 и примѣч.); здѣсь же, напротивъ, они съ радостью его выносятъ. Ноттеръ. Копишъ.

118—120. «Намекъ на бдительность, которая необходима для защиты себя отъ обольщенія сладострастіемъ». Филалетъ.—«Здѣсь нельзя блуждать глазами по всѣмъ направленіямъ, но должно съ одной стороны взирать на огонь, а съ другой—на пропасть. Недаромъ сказалъ Проперцій: *Oculi sunt in amore duces*». Скартаццини.

121—139. Очищающіяся въ огнѣ души читаютъ молитву, приводя примѣры цѣломудрія.

121. «*Summae Deus clementiae*» — начальный стихъ гимна, поющагося во время заутрени. Breiar. Roman., Campod. 1872. I, pag. 849:

*Summae parens clementiae,
Mundi regis qui machinam,
Unius et substantiae,
Trinusque personis Deus.
Nostros pius cum canticis
Fletus benigne suscipe,
Ut corde puro sordium
Te perfruamur largius.
Lumbos, jecurque morbidum
Flammis adure congruis,
Accincti ut artus excubent
Luxu remoto pessimo.
Quicunque ut horas noctium
Nunc concinendo rumpimus*

Dixerunt omnes affatim
 Donis beatæ patriæ
 Præsta, Pater piissime,
 Patrique compar Unice,
 Cum Spiritu Paraclito
 Regnas per omne sæculum. Amen.

Пѣснь эта какъ нельзя лучше идетъ къ состоянію очищающихся здѣсь.

125. Т. е. узкой тропинкой между пламенемъ, псходившимъ отъ утесистой стѣны этого карниза и внѣшнимъ его краемъ, граничавшимъ съ пропастью.

127. «Virum non cognosco»—Я мужа не знаю—слова Пречистой Дѣвы Маріи Архангелу Гавріилу во время Благовѣщенія, Ев. Луки I, 34.—Замѣчательно, что Данте всегда противопоставляетъ семи смертнымъ грѣхамъ Дѣву Марію, какъ типъ противоположныхъ этимъ грѣхамъ добродѣтелей. Гордымъ—какъ образецъ благоволенія (XIII, 29); гнѣвнымъ—какъ образецъ кротости (XV, 89 и примѣч.); недѣятельнымъ—какъ образецъ заботливости (XVIII, 100 и примѣч.); скупымъ—какъ образецъ нищеты и щедрости (XX, 19 и примѣч.); чревоугодникамъ—какъ образецъ воздержанія (XXII, 142 и примѣч.); и наконецъ, здѣсь, въ кругу сладострастныхъ,—какъ образецъ цѣломудрія. Итакъ, образъ Маріи наставляетъ души вначалѣ, сопутствуетъ имъ и доводитъ ихъ до конца очистительнаго пути къ небу. Впрочемъ, этотъ типъ Богоматери не придуманъ Данте, онъ заимствованъ цѣликомъ изъ Св. Бонавентуры (Speculum Beatae Virginis): Ipsa est Maria, quae et omni vitio caruit, et omni virtute claruit. Ipsa, inquam, est Maria, quae a septem vitiis capitalibus fuit immunissima. Maria enim contra superbiam fuit profundissima per humilitatem, contra invidiam affectuosissima per charitatem, contra iram mansuetissima per lenitatem, contra accidiam indefessissima per sedulitatem. Maria contra avaritiam tenuissima per paupertatem; Maria contra gulam temperatissima per sobrietatem: Maria contra luxuriam castissima per virginitatem fuit. Haec omnia ex illis scripturis intelligere possumus, in quibus nomen Mariae expressum invenimus. Вотъ что говорятъ между прочимъ этотъ doctor seraphicus о первомъ и послѣднемъ смертномъ грѣхѣ, что имѣетъ прямое отношеніе къ Данте: Maria profundissima fuit per humilitatem; ipsa enim est Maria, de qua dicitur in Luca: Ecce ancilla Domini.—Maria castissima fuit per virginitatem; ipsa enim est Maria, de qua dicitur: Dixit autem Maria ad Angelum: Virum non cognosco. Скартаццини.

127—129. Т. е. лишь кончили пѣть «Summae Deus clementiae», какъ раздался возгласъ: «Virum non cognosco», и затѣмъ души опять заплѣли потихоньку первый гимнъ.

130—132. Примѣръ цѣломудрія изъ мифологіи. Діана, богиня цѣломудрія, изгоняетъ изъ своего сообщества обольщенную Юпитеромъ нимфу Калисто, превращенную Юноной въ медвѣдицу. Юпитеръ помѣстилъ ее на небѣ въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдницы послѣ того, какъ сынъ этой нимфы Аркасъ умертвилъ ее стрѣлою (Овидія Превращ. 1 пѣснь, ст. 453—465).

138—139. «Такимъ лѣченіемъ», т. е. пѣніемъ гимна и возгласами среди пылающаго огня. «Раны»—намекъ на семь *P*, начертанныхъ на челѣ Данте ангеломъ при вратахъ чистилища.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

3. Виргилій повторяетъ наставленіе, данное своему ученику въ предшествующей пѣснѣ, стихъ 118 и слѣдующіе.

4—6. Время клонится къ вечеру, теперь около 5 час. пополудни; слѣдовательно, поэты употребили около трехъ часовъ на восхожденіе по лѣстницѣ между шестымъ и седьмымъ карнизомъ. Такъ какъ заходящее солнце свѣтитъ имъ справа, то значитъ, что теперь они идутъ прямо на югъ и стало быть они прошли въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ карнизахъ четвертую часть окружности горы, такъ какъ при восхожденіи изъ второго карниза они направились прямо на западъ (Чистилища XV, 8).

6. «Изъ голубого бѣлымъ сталъ». «Естественный цвѣтъ безоблачнаго неба голубой; отъ лучей солнца цвѣтъ этотъ становится ослѣпительно бѣлымъ». Ландино и др.

7—8. Тѣни, ходящія въ огнѣ, подобно тѣмъ, которыя встрѣчались въ другихъ кругахъ, узнаютъ въ Данте живого человѣка по падающей отъ него не на землю тѣни, а на огонь, который становится при этомъ болѣе темнымъ, вѣрнѣе—болѣе пламеннымъ, краснымъ—явленіе, мѣтко подмѣченное поэтомъ въ природѣ». Освѣщенное солнцемъ пламя представляется блѣднымъ, тогда какъ въ темнотѣ оно яркое, и притомъ, чѣмъ темнѣе, тѣмъ оно становится болѣе яркимъ. Явленіе это не только свѣтовое, какъ результатъ ослабленія силы свѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть слѣдствіе дѣйствительно уменьшенной интенсивности процесса горѣнія при солнечномъ свѣтѣ. Макъ-Киверъ (Annals of philosophy. New Ser. Vol. X. 344) открылъ, что восковыя свѣчи совершенно равнаго вѣса, зажженныя въ одно и то же время, на солнечномъ свѣтѣ сгораютъ медленнѣе, чѣмъ въ темнотѣ, а всего быстрѣе—въ совершенной темнотѣ: этимъ несомнѣнно доказывается уменьшеніе интенсивности горѣнія при свѣтѣ и въ особенности при солнечномъ». Филалетъ.

13—15. Т. е. насколько онѣ могли приблизиться съ тѣмъ, чтобы не выходить изъ очищающаго ихъ пламени. Муки въ чистилищѣ, какъ не разъ было говорено, не только не страшны, но даже переносятся душами съ наслажденіемъ и любовію. Слича Чистилища XI, 13 и слѣдующіе; XII, 1—2; XIV, 124—125; XVI, 142; XVIII, 115, XIX, 139; XXI, 66; XXIV, 91; XXIII, 72 и 86.

16—17. «Двухъ», т. е. Виргилія и Стація. Въ этомъ кругу уже нѣтъ мѣста для лѣности, потому что по мѣрѣ восхожденія Данте на гору и по мѣрѣ того, какъ съ чела его исчезаютъ знаки *P*, онъ становится все легче и легче; здѣсь

же, въ послѣднемъ кругу, онъ дѣлается особенно легкимъ на ходу. Слѣдовательно, заключаютъ души, онъ отстаётъ отъ своихъ товарищей не по лѣности или усталости, но единственно по долгу уваженія къ нимъ.

18. Въ подлинникѣ: *in sete ed in foso ardo*, т. е. я горю отъ жажды и огня. Смыслъ: я горю въ огнѣ, въ которомъ очищаюсь, и отъ жажды желанія узнать, кто ты такой.

25. «Одинъ изъ нихъ», т. е. Гвидо Гвиничелли, какъ увидимъ ниже (стихъ 92).

28. Очищающіеся здѣсь сладострастные раздѣлены на два строя, идущіе въ противоположномъ другъ другу направленіи, подобно душамъ въ аду (XVIII, 26—27) идущимъ тоже двумя строями.

32. Пиетро ди Данте объясняетъ значеніе этихъ поцѣлуевъ такъ: «*Dicendo quomodo in conjunctionem osculantur se, ut denotet osculum peccatum in eis fuisse in libidine*». Это одно изъ многочисленныхъ объясненій комментаторами символическаго значенія этого поцѣлуя. Подробнѣе см. Скартаццини.

34—36. Одно изъ удивительныхъ сравненій, доказывающихъ замѣчательную способность подмѣчать малѣйшія подробности нравовъ и жизни животныхъ: «*Vera poi nella similitudine ogni circostanza: la fretta, l'incontrarsi muso a muso, la brevità dell'atto, e il continuar senza sosta*». Вентури, *Similitudini*, p. 275.

40—42. Города въ Палестинѣ, сожженные огнемъ небеснымъ за противоположные пороки ихъ жителей. О Пазифаѣ см. примѣчаніе Ада XII, 12. Два сонма гѣней выставляютъ другъ другу на видъ, какъ поношеніе, эти примѣры позорнаго невоздержанія (стихъ 47 и 79).

44. «Къ пескамъ», именно Ливійскимъ, въ жаркѣмъ климатѣ. Рифейскія горы (*τὰ Ριψαία ὄρη*), горы, помѣщавшіяся древними греками гдѣ-то далеко на сѣверѣ, вѣчно покрытыя снѣгомъ, можетъ быть Уральскія горы.

48. «Ту же гѣснь»—*Summae Deus clementiae* (Чистилища XXV, 121).

52. Т. е. я, видѣвшій уже два раза ихъ сильное желаніе узнать обо мнѣ (стихи 12 и 16).

52—57. Т. е. я еще не умеръ ни въ молодыхъ годахъ, ни въ старости. «Тамъ», т. е. на землѣ. «Судьбой моей отмѣченъ», т. е. нахожусь подъ особымъ покровительствомъ неба.

58. «Стихъ этотъ имѣетъ величайшую важность для яснаго уразумѣнія основной идеи Божественной Комедіи. По засвидѣтельствованію самого поэта, цѣль его странствованія въ странахъ вѣчности заключается въ томъ, чтобы излѣчиться отъ своихъ заблужденій. Цѣль же его странствованія и цѣль его поэмы одна и та же. И такъ, цѣль поэмы не только политическая, ни чисто поэтическая, но глубоко нравственная и религіозная». Скартаццини.

59. По мнѣнію однихъ, Беатриче; по мнѣнію другихъ—Дѣва Марія.

62—63. Т. е. въ высочайшемъ кругѣ неба—эмфирѣ, имѣющемъ наибольшую быстроту движенія.

64. Разумѣется: вписать въ страницы моей поэмы, чтобы передать потомству.

74. Т. е. Гвидо Гвиничелли.

76—78. Юлій Цезарь въ юности въ своихъ сношеніяхъ съ царемъ вивинскимъ Никомедомъ такъ опозорилъ свою славу, что получилъ въ насмѣшку названіе царицы; вслѣдствіе этого во время триумфальнаго шествія Цезаря въ Римъ послѣ завоеванія Галліи (Светоній, *Vit. Jul. Caes.* с. 49) солдаты его между другими пѣснями пѣли слѣдующее:

*Gallias Caesar sulegit, Nicomedes Caesarem:
Ecco Caesar nunc triumphat, qui subegit Gallias:
Nicomedes non triumphat, qui subegit Caesarem.*

Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ этомъ сонмѣ очищаются души преданныхъ противоестественному пороку.

81. Т. е. ихъ самообвиненіе усиливаетъ жаръ огня, служащаго къ ихъ очищенію.

82—84. «Грѣхъ—гермафродитъ», peccato fu ermafrodito. Гермафродитъ—сынъ Меркурія (Гермеса) и Венеры (Афродиты): *nomen quoque traxit ab illis*; съ чертами отца онъ соединялъ грацію и красоту матери. Онъ слился въ одно тѣло съ нимфой Салмакидой. Эта терцина подала поводъ къ толкованіямъ, особенно со стороны старинныхъ комментаторовъ. Сдѣлавъ оцѣнку большей части этихъ мнѣній, Скартаццини приходитъ къ слѣдующему выводу: «Il Poeta parla qui di semplici lussuriosi, e le sue parole bisogna intenderle: Que' che non vengon con noi peccarono maschio con maschio; noi peccammo maschio con femina; ma perché non ci tenemmo entro i limiti della ragione e dell' ordine, perché seguimmo l'appetito come fanno le bestie, perciò gridiamo a nostra vergogna il nome di Pasifae». Въ подтвержденіе этого мнѣнія, Скартаццини приводитъ слова Аквината касательно этого грѣха, тѣмъ болѣе здѣсь важныя, что Данте постоянно слѣдуетъ Аквинату. «Peccatum luxuriae consistit in hoc quod aliquis non secundum rectam rationem delectatione venerea utitur. Quod quidem contingit dupliciter: uno modo secundum materiam in qua hujusmodi delectationem quaerit; alio modo secundum quod materia debita existente, non observantur aliae debitaе conditiones». Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. CLIV, art. 1. Въ томъ же параграфѣ Тома Акв. различаетъ шесть видовъ сладострастія: *fornicatio simplex, adulterium, incestus, stuprum, raptus et vitium contra naturam*. Послѣдній грѣхъ той толпы, которая кричитъ, уходя: «Содомъ и Гоморра!» Другая толпа согрѣшила въ одномъ изъ остальныхъ пяти видовъ грѣха. Что же касается до грѣха скотоложства, то, очевидно, Данте и не упоминаетъ о немъ, основываясь на словахъ Аквината. «Bestialitas a Sanctis ponitur extra numerum peccatorum, quasi gravius eis; tamen si ad aliquod de septem capitalibus reduci debeat, poterit ad superbiam reduci, secundum definitionem Augustini». Ibid., art. 11. Что же касается басни о Паизифаѣ, то, очевидно, Данте смотрѣлъ на нее, какъ на аллегорію, точно такъ, какъ смотрѣлъ на нее Сервій (*ad Virg. Aen., lib. VI, v. 24*), т. е. какъ на символъ немѣреннаго, возводящаго на степень животнаго, стремленія человѣка къ удовлетворенію плотской своей страсти.

83. «Законовъ человѣческихъ». См. предыдущее примѣчаніе. «*Usus venereorum potest esse absque peccato, si fiat debito modo et ordine, secundum quod est conveniens ad finem generationis humanae*». Тома Акв., p. II, 2-ae, qu. CLII, art. 2. — Каннегиссеръ очень вѣрно объясняетъ этотъ стихъ: «*Menschliches Gesetz, entgegengesetzt dem natürlichen*».

84. «По-скотски». — «Человѣкъ, который въ чести и неразумень, подобенъ животнымъ, которыя погибаютъ». Псаломъ XLVIII, 21.

90. «Нѣтъ времени» или потому, что наступаетъ вечеръ, или, что вѣрнѣе, потому, что число этихъ грѣшниковъ такъ велико, что имѣ недостало бы времени всѣхъ ихъ перечислить—обстоятельство, которое опять говоритъ въ пользу вышеприведеннаго (примѣчаніе къ стиху 82) объясненія очищающагося здѣсь грѣха. Бенвенуто Рамбалди.

92. Гвидо Гвиничелли изъ Болоньи, одинъ изъ лучшихъ раннихъ итальянскихъ поэтовъ, предшественникъ Данте, который отзывается о немъ съ большою похвалою, называя его *pobile* (*Convivio, tr. IV, c. 20*) и *massimo* (*Vulg. eloq. lib. I, c. 15*). Онъ процвѣталъ около 1250 г. († 1276), былъ ярый гибеллинъ, а по профессіи юристъ (Слѣди примѣчаніе къ Чистилища XI, 98).—Кардуччи говорить о немъ (*Studi letterari, p. 35*): «*Nella canzone del Guinicelli la fredda af-*

fettazione dei secoli cede luogo all' imaginoso sentimento lirico, la dovizia misera del ritmo provenzale all' ondeggiamento armonioso e solenne della stanza italiana, le forme convenute agl' intelletti della scienza».—Особенно прославилась его канцона, начинающаяся словами: «Al cor gentil giraga sempre Amore».

94—96. Смысль—радость моя при видѣ Гвиничелли была такъ же велика, какъ радость Тоанта и Эвнея при видѣ найденной ими матери Изифиллы въ ту минуту, когда ей угрожала смерть за то, что она не сберегла отъ змѣи сына немецкаго царя Ликурга (Слича Чистилища XXII, 109—114 примѣч.). Данте имѣеть здѣсь въ виду стихи Стація, Theb., lib. V, v. 721 и слѣдующіе:

Per tela manuzque
Irruerant, matremque avidis complexibus ambo
Diripiunt flentes, alternaque pectora mutant.

96. «Сравнюсь ли съ ними днесъ?», ибо я не могъ броситься къ нему въ объятія, какъ сдѣлали дѣти Изифиллы, такъ какъ этому препятствовало пламя, въ которомъ находился Гвиничелли. Замѣчательно, что то же самое дѣлаетъ Данте при встрѣчѣ съ своимъ учителемъ Брунетто Латини (Ада XV, 43 и слѣд.) и съ тремя флорентинцами (Ада XVI, 46 и слѣд.) въ седьмомъ кругу ада.

98. «Данте, вѣроятно, потому называетъ Гвиничелли своимъ отцомъ въ искусствѣ стихотворства, что онъ (Гвиничелли), какъ кажется, былъ чуть ли не первымъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые воспѣвали не только любовь, но и философскіе предметы подъ видомъ любви, какъ впоследствии это дѣлалъ самъ Данте. По крайней мѣрѣ, приведенная у Кресчимбени канцона («Al cor gentil giraga sempre Amore») написана именно въ этомъ родѣ; она даже имѣеть до того разительное сходство съ послѣднею, комментируемою въ Convivio, канцоною Данте («Le dolci rime d'Amor ch'io solia»), что нѣкоторые, напр. Фавсто да Лангиано, пришли къ убѣжденію, что Convivio написать не Данте, а Гвиничелли». Филалетъ.—Знаменитый стихъ Данте: «Amor, che al cor gentil ratto s'apprende» (Ада V, 100), заимствованъ у Гвиничелли, который еще до Данте пѣлъ: «Foco d'Amore in gentil cor s'apprende».

112. «Вашихъ»—изъ чувства уваженія, Данте обращается къ Гвиничелли, какъ и къ учителю своему Брунетто Латини въ аду, а также къ предку своему Каччя Гвиди въ раю на «вы», «ваши».

115—120. Упоминаемые здѣсь два провансальскихъ поэта, безъ сомнѣнія, Арнольдъ Даниель изъ Перигора и Герольдъ де Борнейль изъ Лиможа, которыхъ Данте очень часто цитируетъ въ своей de Vulgari Eloquentia. Изъ числа трехъ предметовъ, которые онъ считаетъ преимущественно передъ другими достойными быть воспѣваемыми народнымъ языкомъ, именно оружіе, любовь и прямодушіе, первое, говоритъ онъ, воспѣвалъ Бертрамъ де Борнъ, вторую—Арнольдъ и третье—Герольдъ. Арнольдъ изъ Перигора жилъ въ концѣ XII вѣка († 1189), занимался въ началѣ науками, затѣмъ бросилъ это поприще, чтобы воспѣвать въ стихахъ одну прекрасную даму. Позднѣе онъ пѣлъ въ честь многихъ другихъ дамъ, почему Данте, можетъ быть, и помѣстил его въ этотъ кругъ, такъ какъ его любовныя похождения едва ли всегда были чисто платоническими. Отличительная черта его стихотвореній—необыкновенная искусственность въ построеніи словъ, образовъ и особенно римъ. «Секстина», повидимому, его изобрѣтеніе. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ былъ также авторомъ романа Lancelot du lac. Напротивъ, Герольдъ (Лиможець) чуждался брака и любви; зиму онъ посвящалъ наукамъ, лѣтомъ—обходилъ дворы съ двумя музыкантами, какъ трубадуръ, но не бралъ ничего въ свою пользу, раздавая бѣднымъ все, что ни полу-

чаль въ награду за пѣніе. Въ свое время онъ пользовался великой славой и былъ названъ главою трубадуровъ († 1278). Почему Данте ставитъ Арнольда выше «Лиможца»—вопросъ этотъ теперь трудно рѣшить при нашемъ маломъ знакомствѣ съ сочиненіями обонхъ этихъ поэтовъ. Сисмонди, въ своей *Littérature du Midi*, не особенно хвалитъ Арнольда, какъ поэта, также Ренуаръ, величайшій знатокъ провансальской литературы, ставитъ ему въ упрекъ темноту и изысканность. Напротивъ, въ свое время онъ былъ весьма прославляемъ и Петрарка сказалъ о немъ:

Fra tutti il primo Arnolfo Daniello,
Gran maestro d'amor; ch' alla sua terra
Ancor fa onor col suo dir nuovo e bello.

(Trionfo d'Amore IV, 40—42).

Отзывы о Герольдѣ также не очень высоки. Монахъ Монтанда говоритъ, что стихи его жидки, плаксивы и напоминаютъ крики утки, которая трещитъ на солнцѣ (Кресчимбени, выпускъ II, 1710, стр. 22—22, 106—107). Филалетъ, К. Витте, Скартаццини.

116—117. Т. е. писалъ стихи на провансальскомъ языкѣ лучше, чѣмъ на родномъ итальянскомъ. «Наикъ, мать родной намъ рѣчи»: *del parlor materno*. «Forse intese Dante che la lingua provenzale d'allora e l'italiana fossero una». Біаджіоли.

118. Въ подлинникѣ: *Versi d'amore e prose di romanzi*. Слово «проза» здѣсь надобно понимать такъ, какъ оно понималось Данте. По опредѣленію *Glossarium del Du Fresne*: «*Prosa, latinis scriptoribus, oratio pedestris, recta, quae versificatae opponitur*»; также и Данте *poeti* противопоставляетъ *prosaici dicitori* (Vit. Нов. § 25); Бланкъ (*Vocab. Dant.* p. 404) говоритъ: «*les troubadours appelaient prose leurs compositions qui n'étaient pas divisées en stances, mais écrites en tirades monorimes et qui consistaient en recits épiques*». Діецъ (*Poësie der Troubadours*, стр. 208) полагаетъ, что Данте разумѣетъ подъ именемъ прозы низкій поэтический стиль, а подъ словомъ «*versi*»—высокій стиль, стихотворный. Для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы знать, какъ написаны два романа Арнольда Даниеля—стихами или прозой. Торквато Тассо (*Discorso sopra il parlare di Francesco Patricio*, Vol III, p. 167) замѣчаетъ, что романы на языкахъ провансальскомъ или кастильянскомъ всегда писались не въ стихахъ, но въ прозѣ. Но изъ трехъ дошедшихъ до насъ провансальскихъ романовъ—«*Girart de Roussillion*», «*Jaufre*» и «*Philomena*»—два первыхъ написаны въ стихахъ, а послѣдній—въ прозѣ.

121. «*Anche gli altri dicono così, è la perpetua scusa degli stolti*». Бенвенуто Рамбалди.—*Plures enim magnum saepe nomen falsis vulgi opinionibus abstulerunt*. Боецій. *Cons. phil.*, lib III, p. 6.

124. Гвигтонъ изъ Арещо, Сличы Чистилища XI, 98 примѣчаніе.

124. Слово «аббатъ» имѣло въ древнемъ языкѣ весьма высокое значеніе и означало отецъ или вождь; такъ Гуго Капетъ титуловался аббатомъ Парнжа.

130—132. Очищающіеся въ чистилищѣ болѣе уже не грѣшатъ (Чистилища XI, 22—24 примѣчаніе), потому прочти за насъ молитву Господню лишь до словъ: «не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго», такъ какъ такое прошеніе для насъ уже излишне.

133—134. «Такъ какъ эти спутники идутъ въ одномъ направленіи съ Данте и его спутниками, то Гвидо долженъ былъ уступить свое мѣсто Арнольду,

шедшему тотчасъ передъ нимъ; такъ что Гвидо сталъ вторымъ въ ряду душъ». Филалеть.

140—148. Эти терцины въ подлинникѣ написаны на провансальскомъ языкѣ. Филалеть перевелъ ихъ стариннымъ нѣмецкимъ языкомъ Нибелунговъ (и тѣмъ же размѣромъ), Бланкъ—просто древненѣмецкимъ языкомъ. Я хотя и перевелъ эти терцины на русскій языкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ и провансальскій подлинникъ, соединивъ его, какъ и у Данте, посредствомъ рима съ цѣпью предшествовавшихъ терцинъ. Надобно замѣтить, что эти провансальскія терцины очень испорчены въ спискахъ, такъ что существуетъ около 8 различныхъ редакцій этихъ стиховъ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

1—4. «Данте опредѣляетъ здѣсь время дня на четырехъ различныхъ точкахъ земного шара: въ Иерусалимѣ (гдѣ Богочеловѣкъ пролилъ кровь Свою) былъ часъ восхожденія солнца; на рѣкѣ Гангѣ—полдень (но на есть церковный терминъ, обозначающій полдень: отсюда англійское слово noon); на горѣ Чистилища—вечеръ; на рѣкѣ Эбро (въ Испаніи)—полночь, ибо знакъ Вѣсовъ, въ которомъ теперь находится солнце, стоитъ діаметрально противоположно знаку Овна. Отсюда видно, что Данте, какъ уже было сказано въ примѣчаніяхъ Чистилища II, 1—3, представлялъ себѣ Гангъ и Испанію (Эбро), отстоящими отъ Иерусалима къ востоку и западу равно на 90°. Сличи Рая IX, 86. Теперь вообще около шести часовъ вечера 29-го марта, или 9-го, или 12-го апрѣля 1300 года; поэты провели въ этомъ кругѣ около часа». Филалетъ. — «Солнце теперь восходитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ искупилъ міръ Своею кровію, и въ тотъ самый мигъ, когда странники должны вступить въ огонь пламенной любви, которымъ Онъ креститъ, по слову евангелиста Луки III, 16: «Онъ будетъ креститъ васъ Духомъ Святымъ и огнемъ». Копишъ.

6. «Господень Ангель». Въ другихъ кругахъ одинъ, здѣсь два ангела, одинъ по ту, другой по эту сторону пламени. Первый ангель — ангель цѣломудрія, второй, повидимому, — стражъ вратъ въ земномъ раю. — *In principio noctis quando ut plurimum committitur et incalescit vitium et crimen luxuriosi ignis, fingit se mitti et duci ab Angelo, id est ab iudicio conscientiae, et a Virgilio, id est ab iudicio rationis, eodem tempore in flammam et incendium conscientiae et reprehensionis talis vitii*. Пьетро ди Данте.

7. «Съ края» (*in su la riva*), т. е. въ концѣ дороги, по которой идутъ другъ за другомъ поэты.

8. «*Beati mundo corde*», блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ». Матѣ. V, 8. Безъ совершенной чистоты невозможно приблизиться къ Богу. «*Quemadmodum lumen hoc videri non potest nisi oculis mundis, ita nec Deus videtur, nisi sit mundum cor quo videri potest*». Блаж. Августинъ. *De Serm. Dom.* — Итакъ, стихъ этого евангельскаго блаженства приведенъ здѣсь весьма умѣстно при выходѣ изъ послѣдняго круга и вмѣстѣ съ тѣмъ при выходѣ изъ всего чистилища.

9. Сличи Чистилища XIX, 45.

11. Смысл,—последнее *P* (*peccatum*) уничтожается не иначе, какъ огнемъ Божественнаго правосудія.

14—15. Намекъ на жестокою казнь, которой въ средніе вѣка подвергались убійцы, зарывавшіеся живыми, головою внизъ, въ ямъ, что называлось *pro-paginare* (Ада XIX, 49—51 примѣчаніе).

17. «Этотъ стихъ въ высшей степени пластично изображаетъ наклоненіе впередъ верхней части тѣла съ вытянутыми впередъ сложенными руками,—движеніе отчаянія и вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняющей просьбы». Штрекфуссъ.

18. Слѣдовательно Данте присутствовалъ при исполненіи правосудія надъ преступниками, осужденными на огненную смерть на кострѣ. Это страшное зрѣлище рисуется теперь въ его воображеніи.

19. Т. е. *Виргилій* и *Стацій*.

21. Огонь чистилища горитъ, но не истребляетъ. Наказаніе и здѣсь соотвѣтствуетъ свойству грѣха. Огонь седьмого круга есть символъ огня плотскаго, который здѣсь очищается. «*Dum carnalis vita corrigitur, et usque ad abstinentiae atque orationis studium a perficientibus perveniretur, quasi jam in altari caro incenditur: ut inde omnipotentis Dei sacrificium redoleat, unde prius culpa displicebat*». Св. Григорій. *Mor. lib. XXVII, c. 3.*

23. Ада XVII, 91 и слѣд.

27. «И волосъ съ головы вашей не пропадетъ». Луки XXI, 18; Мате. X 30. Дѣянія Апост. XXVII, 34.

34. Въ подлинникѣ: *fermo e duro*. «*Ille qui in suo sensu perseverat rigidus et durus per similitudinem vocatur*». *Θομα Акв. Sum Theol., p. III, Suppl. qu I, art. 1.*

35—36. Въ подлинникѣ: *Or vedi, figlio! Tra Beatrice e te è questo muro*. «Отъ царицы», т. е. отъ Беатриче: «Здѣсь личная цѣль, поэтически-аллегорическая основа всей Божественной Комедіи, напоминаетъ намъ въ прекрасно-поэтическомъ образѣ Беатриче». Флейдереръ. Смыслъ: одно только препятствіе отдѣляетъ тебя отъ твоей царицы Беатриче, которая явится тебѣ въ земномъ раю. При имени Беатриче поэтъ тотчасъ же рѣшается преодолѣть опасность страшнаго пути. Сличи Чистилища VI, 49 и слѣд.

37—39. Овидій, *Превращ.*, кн. IV, ст. 138—146. Пирамъ и *Фисбея* изъ Вавилона тайно отъ своихъ родителей любили другъ друга и нерѣдко переговаривались между собою сквозь щель въ стѣнѣ, раздѣлявшей два смежные дома ихъ родителей. Разъ они назначили свиданіе за городомъ, у гробницы *Нина*. *Фисбея* пришла первая, но, испуганная львицей, бѣжала отъ нея, оставивъ головное покрывало. Вскорѣ затѣмъ явился Пирамъ и, видя львицу съ окровавленнымъ въ пасти покрываломъ своей возлюбленной и полагая, что львица растерзала *Фисбею*, въ отчаяніи кинулся на свой мечъ. Вслѣдъ за этимъ возвратилась *Фисбея* на назначенное мѣсто и нашла умирающаго своего друга; на звукъ ея голоса послѣдній открылъ глаза, чтобы закрыть ихъ затѣмъ навѣки.

Имя Тизбы внемля, глаза уже тяжкія смертью
Поднялъ Пирамъ. Переводъ Фета.

Не желая пережить Пирама, *Фисбея* умертвила себя подлѣ своего любовника его же мечомъ. Отъ брызнувшей при этомъ крови на кустъ шелковицы, подъ которымъ это происшествіе случилось, перемѣнился, отъ состраданія, бѣлый цвѣтъ ягодъ на алый (у Овидія въ черный, *ater*).—«Сравненіе выбрано здѣсь весьма глубокомысленно, такъ какъ дѣло идетъ о рѣшеніи при выборѣ между вѣчною жизнью и вѣчною смертію». Ноттеръ.

43. «Покачиваніе головою, какъ замѣчено въ примѣчаніи Чистилища I, 42, означаетъ въ Италіи и неудовольствіе, и вопросъ». Ноттеръ. — «Виргилій качаетъ головой потому, что онъ побуждаетъ своего ученика лишь наградой сдѣлать то, чего потребуетъ разумъ; ибо онъ похожъ на ребенка, упрямство котораго побѣждаютъ обѣщаніемъ дать ему яблоко». Штрекфуссъ. — «Что-жъ, остаемся здѣсь?», въ подлинникѣ: *Come! Volemei star di qua?*—выраженіе ироническое, подобное тому, какъ говорятъ съ дѣтьми.

47. Вначалѣ впереди шель Виргилій, за нимъ Стацій и наконецъ Данте; теперь Данте идетъ за Виргилиемъ, а за Данте Стацій. Въ земномъ раю Данте идетъ впереди обоихъ поэтовъ.

54. «*Gli occhi di Beatrice sono le ragioni sottilissime et efficacissime e l'intelletti sottilissimi, che hanno avuto li Teologi in considerare e contemplare Iddio et insegnare a considerarlo e contemplarlo*». Бути.

55. «Не видя пути въ огнѣ, поэты идутъ на звукъ голоса. Это голосъ ангела, стоящаго съ другой стороны пожара. Во всѣхъ кругахъ странники встрѣчали лишь одного ангела; здѣсь же два ангела; первый изъ нихъ—ангелъ цѣломудрія; этотъ второй, какъ мы уже сказали, какъ бы стражъ земного рая, представляющій тѣхъ стражей съ пламенными мечами, которыхъ поставилъ Господь въ охрану сада Эдема. Во всѣхъ другихъ кругахъ ангелъ всегда уничтожалъ одно изъ *P* на челѣ поэта; въ этомъ кругѣ Данте не говоритъ, чтобы кто нибудь снялъ съ него послѣднее *P*, безъ сомнѣнія, намекая на то, что послѣднее *P*, обозначающее *peccatum luxuriae*, уничтожило у него на челѣ самое пламя, черезъ которое они проходятъ. «*Et nota auctorem in hoc vitio fuisse multum implicitum, ut nunc ostendit de incendio quod habuit in dicta flamma in remiscencia conscientiae*». Пьетро ди Данте.

57. Т. е. до лѣстницы, высѣченной въ скалѣ и ведущей на самый верхъ горы — въ земной рай.

58. «Придите, благословенные Отца Моего», слова Спасителя, которыя онъ говоритъ праведнымъ въ день Страшнаго Суда. Матѹ. XXV, 34. — Слова эти здѣсь говоритъ ангелъ тѣмъ, которые уже очистились, въ особенности Стацію. И здѣсь я удержалъ, какъ и вездѣ, латинскій текстъ; но послѣднее слово *mei* слѣдуетъ читать, для риѣмы, слитно, какъ мей.

64—66. Читатель можетъ теперь себѣ представить весь кольцеобразный путь, пройденный Данте вокругъ горы Чистилища. Начиная съ берега острова, на которомъ стоитъ гора Чистилища, шли преимущественно къ западу вверхъ по горѣ до вратъ чистилища (Чистилища IX, 76); слѣдуя оттуда постепенно къ сѣверу, западу и югу по лѣстницамъ и кольцевиднымъ дорогамъ, чрезъ семь круговъ, они обогнули половину горы и достигли противоположной стороны того пункта, къ которому причаливаютъ къ горѣ съ моря. Остается лишь послѣдній подъемъ по лѣстницѣ въ восточномъ направленіи для достиженія края верхней террасы, представляющей земной рай». Флейдереръ. — «Лѣстница, по которой теперь подымаются поэты, идетъ совершенно прямо въ разсѣлиніи скалы и озаряется лучами заходящаго противъ нея солнца, почему тѣнь отъ Данте ложится на ступеняхъ прямо передъ нимъ. Итакъ, лѣстница была обращена къ западу и поэты шли теперь по ней на востокъ. Антонелли.—Согласно примѣчаніямъ Чистилища XXVI, 4—6, поэты шли по дугѣ седьмого круга прямо къ югу; теперь, обратясь для восхожденія на гору къ ея центру, они должны идти къ востоку и имѣть заходящее солнце у себя за спиною. Слѣдовательно, они взбираются теперь на гору въ направленіи, противоположномъ тому, по которому они шли вначалѣ (Чистилища III, 16), обогнувъ, такимъ образомъ, понемногу половину всей окружности горы». Филалетъ.

67—69. Не имѣя права оборачиваться назадъ (Чистилища IX, 132), поэты и Данте заключаютъ о заходженіи солнца по мгновенно исчезающей передъ Данте тѣни. «Кому случалось когда нибудь видѣть съ высокаго мѣста заходженіе солнца въ море и постепенное погруженіе міра въ ночной мракъ на обширномъ кругозорѣ, тому эти немногія слова покажутся въ высшей степени пластичными». Флейдереръ.

70. «Безмѣрный небосклонъ», въ подлинникѣ: *in tutte le sue parti immense orizzonte*. «Съ той высоты, на которой теперь находится Данте, горизонтъ дѣйствительно представляется безмѣрнымъ». Антонелли.

72. Въ подлинникѣ: *E notte avesse tutte sue dispense*. «*Aud Night her boundless dispensation held*», переводъ Лонгфелло.

74—75. По заходженіи солнца законы чистилища воспрещаютъ восходить на гору. Сличь Чистилища VII, 58—59 примѣч.

76—81. Въ этихъ двухъ удивительныхъ, чисто-идиллическихъ сравненіяхъ поэтъ изображаетъ, какимъ образомъ онъ и его спутники провели ночь въ ожиданіи разсвѣта; въ первомъ сравненіи онъ описываетъ себя, во второмъ—двухъ поэтовъ, бодрствующихъ на стражѣ около него.

89—90. «Снова ночь препятствуетъ, какъ и вездѣ, восхожденію въ гору. Снова странники должны ее переждать въ узкомъ ущельѣ на лѣстницѣ. Но небольшой кругозоръ, открытый глазамъ между скалъ, сіяетъ необыкновенною многообъщающею ясностью». Флейдереръ.—«Такой видъ свѣтилъ Данте, вѣроятно, относитъ значительному своему приближенію къ звѣздному небу, или дѣйствію необыкновенной чистоты атмосферы на такой высотѣ». Филалетъ.

92—93. «*Il sogno, Che si sogna dalla nona ora della notte infino al principio delle aurora, dicono che si dee compiere infra a uno anno, o sei mesi, o tre, o infra' termine di dieci di. E questi sogni, che si fanno intorno all' alba del di, secondo ch' e' dicono, sono i più veri sogni che si facciano, e che meglio si possano interpretare le loro significazioni*». Пассаванти, *Specchio di vera penitenza*, pag. 407.

94—95. «Цитерея»—утренняя звѣзда, денница, Венера, названная Цитереей по острову Цитерѣ. Изъ примѣчанія Чистилища I, 21, видно, что Данте, хотя и ошибочно, полагаетъ что въ это время года планета Венера подымается на востокъ за нѣсколько времени до восхода солнца. О силахъ, какія приписывались этой планетѣ, смотри примѣчаніе Чистилища I, 19.—«Надъ горой», т. е. надъ горой Чистилища.

97—99. «Младая дѣва»,—это Лія (см. стихъ 101 и примѣч.). Она умерла не молодою, но поэту она представляется въ томъ возрастѣ, въ которомъ воскреснуть веѣ мертвые. «*Omnes resurgent in aetate juvenili*». Тома Акв. *Sum. Theol.*, p. III, qu. XLVI, art. 9. «Цвѣтки», по Ландино, суть «*le virtudi adoperate murali*», по Пьетро ди Данте—«*le opere apparecchiate a far frutto*».

101. «Лія»—первая жена патріарха Іакова, дочь Лавана. Кн. Бытія, XXXIX, 16 и слѣд. Отцы церкви считали ее символомъ активной жизни (еврейское значеніе—утомленная). «*Per Liam*», говоритъ Св. Григорій (Hom. 11 in Ezech.), «*quae fuit lipa, sed fecunda, significatur vita activa, quae dum occupatur in opere, minus videt: sed dum modo per verbum, modo per exemplum ad imitationem suam proximos accendit multos in opere bono filios generat*». Онъ же въ другомъ мѣстѣ (Mor. lib. VII, c. 28): «*Quid per Liam nisi activa signatur? Quid per Rachelem nisi contemplativa? In contemplatione principium, quod Deus est, quaeritur; in operatione autem sub gravi necessitate fasce laboratur*». — «Рукѣ» означаютъ «*le opere, gli atti virtuosi li quali, come fiori vari, fanno corona di loda e di gloria a chi li coglie e penseli in capo, cioè in su lo suo intelletto*». Бути.

103. Т. е. я украшаюсь здѣсь, чтобы самой себѣ мнѣ любоваться, отражаясь въ Богѣ, который есть зеркало совѣсти, какъ совѣсть есть зеркало человѣка.

104. Рахиль, сестра Лии, вторая жена Іакова, символъ, какъ сказано, жизни созерцательной (еврейское значеніе—быть нѣжнымъ, мягкимъ).

104—105. «Отъ своего зеркала», т. е. отъ Бога.

108. Въ подлинникѣ: *Lei lo vedere, e me l'ovvare appaga*, т. е. мнѣ дѣйствовать согласно волѣ Бога, ей созерцать дивныя свойства Его. О значеніи этого сновидѣнія смотри заключительное примѣчаніе къ этой пѣсни.

109—111. Человѣкъ, совершающій долгое путешествіе, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ каждое утро; самое же пріятное утро для путника будетъ то, которое дастъ ему надежду увидѣть въ тотъ же день до наступленія ночи свою родину. Такое именно утро наступило теперь для Данте, когда онъ можетъ навсегда утолить свой голодъ до наступленія ночи (стихъ 117).—«Первые зари набѣги», въ подлинникѣ: *gli splendori antelucani*, т. е. предутренніе. «Какъ капля утренней росы, сходящей на землю». Премудр. Соломона, XI, 23.—«Въ этомъ, какъ бы случайномъ прибавленіи или украшеніи заключается намекъ на скорое окончаніе второй части странствованія и вообще всего странствованія въ замогильной странѣ». Каннегиссеръ.

114. «Славные вожди»—Виргилій и Стацій.

115—117. О значеніи яблока см. выше (Чистилища XXII, 131—132). Яблоко, которое ищетъ по вѣтвямъ вѣтвямъ человѣчество, есть высшее или истинное благо, то, что дѣлаетъ человѣка истинно счастливымъ (Чистилища XVI, 91—92 и примѣчаніе). Символомъ счастья въ этой жизни служитъ земной рай, куда въ настоящую минуту готовъ вступить Данте. И такъ, Виргилій говоритъ: «То счастье, котораго ищутъ люди на столькихъ и столь различныхъ путяхъ, утолить сегодня твои желанія въ земномъ раю». Сличи Боеція (*Phil. Cons. lib. III* рг. 2), откуда слова этихъ стиховъ взяты почти буквально. Въ Божественной Комедіи Данте—не только отдѣльная личность, но и представитель всего человѣчества. Люди стремятся различными путями достигнуть того блага, которое можетъ сдѣлать ихъ истинно счастливыми. Но есть только одна дорога, ведущая къ истинному блаженству, и эта дорога—именно та, по которой до сихъ поръ проходилъ Данте подъ руководствомъ Виргилія, дорога черезъ адъ, или чрезъ сокрушеніе, и потомъ чрезъ чистилище, или чрезъ очищеніе. Сладкое яблоко не созрѣваетъ въ аду, но искать его должно не иначе, какъ пройдя черезъ адъ. Этого яблока нѣтъ между осужденными; но человѣкъ можетъ и долженъ отыскивать его чрезъ созерцаніе, но не испытываніе, мукъ надъ осужденными. Равно нѣтъ этого яблока и въ различныхъ кругахъ чистилища, но оно находится на вершинѣ горы; человѣкъ можетъ и долженъ отыскивать его, не только созерцая, но и испытывая на себѣ муки очищающагося. Только лишь покинувъ за собою круги ада и карнизы чистилища, только лишь послѣ того, какъ испытаны и ужасъ грѣха, и благо обращенія на путь истинный, Данте можетъ надѣяться, что сладкое яблоко утолитъ навѣки голодъ его желаній» Скартаццини. Сличи Чистилища XV, 77 примѣчаніе.

121. Въ подлинникѣ: *Tanto voler sopra voler mi venne*.

124. Въ подлинникѣ: *Come la scala tutta sotto noi Fu corsa*, т. е. когда подъ нами вся лѣстница пробѣжала. Восхожденіе это было столь быстро и радостно, что поэту кажется, будто не онъ и его два спутника бѣгутъ по лѣстницѣ, но что сама лѣстница бѣжитъ подъ ихъ ногами.

126. Поэты взошли теперь на самую вершину горы Чистилища.

127. «Огонь временный»—огонь чистилища, огонь «вѣчный»—огонь ада. «И пой дуть *sin* (осужденные) въ муку вѣчную». Матѣ. XXV, 46.—«*Ibunt in ignem aeter.*

num. Sed purgatorius ignis est temporalis... Ignis purgatorius est aeternus quantum ad substantiam, sed temporalis quantum ad effectum purgationis». Тома Акв. Sum. Theol., p. III, Suppl. art. duo, de Purg. art. 2.

129. Гдѣ земныя знанія достигли своего конечнаго предѣла, т. е. въ земномъ раю; гдѣ функція Вергилія, какъ символа императорской власти, кончилась, поскольку эта власть должна вести человѣка къ счастью временному, символомъ котораго служить земной рай. До этого предѣла можетъ достигнуть человѣкъ подъ руководствомъ одного разума; для того же, чтобы продолжать отсюда путь для достиженія блаженства въ жизни вѣчной, одного разума уже недостаточно, но необходимо откровеніе—*il lume divino* (De Monar. lib. III, c. 16). Хранитель разума, по ученію Данте,—императоръ; хранитель откровенія церкви, или, если угодно, глава церкви—папа. Но разумъ не видитъ далѣе того, гдѣ необходимо, чтобы имѣло свое начало откровеніе. Потому Данте заставляетъ Вергилія сказать, что онъ теперь достигъ того предѣла, гдѣ онъ самъ по себѣ, безъ озаренія божественнаго, не можетъ уже ничего видѣть. «*Dicendo Virgilius quod ulterius eum ducere non poterat, hoc est, quod ratio deficit circa ea quae sunt fidei. Unde in Decretis: fides non habet meritum, cui ratio praebet experimentum; et ubi ratio deficit, fides supplet*». Пьетро ди Данте.—«Таково толкованіе всѣхъ древнихъ и значительной части новѣйшихъ комментаторовъ. Одно впрочемъ забываютъ прибавить при этомъ, что этотъ Вергилій, ведущій Данте туда, куда можетъ достигнуть разумъ человѣческій, олицетворяетъ собою не только отвлеченный человѣческій разумъ, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ и символъ того, котораго функція состоитъ въ томъ, чтобы направлять родъ человѣческій къ временному блаженству—*secundum philosophica documenta* (De Monar. I т.), и что, стало быть, и Беатриче не можетъ быть символомъ теологій и откровенія in abstracto, но олицетворяетъ собою и ту власть, функція которой есть *secundum revelata humanum genus perducere ad vitam aeternam* (De Monar. *ibid.*)». Скартаццини.

130. Въ подлинникѣ: *Tratto t'ho qui con ingeno e con arte*.—«Развитіемъ спекулятивнаго и практическаго разума достигъ ты этой точки; теперь же начинается созерцаніе непосредственнаго познанія». Филалетъ.—«До сихъ поръ было потребно изслѣдованіе и стремленіе; теперь же начинается свободное, внутреннее познаніе въ единствѣ съ божественною благодатью». Флейдереръ.—«*Io t'ho condotto sin qui facendo uso del dono concessomi da natura come pure delle arti da me studiate*». Скартаццини.

131. Въ подлинникѣ: *Lo tuo piacere omai prendi per duce*, собственно—иди по своей волѣ. «Онъ (Богъ) оставилъ его (человѣка) въ рукѣ произволенія его». Премудр. Ис. сына Сирах., XV, 14.—*Piacere* выражаетъ иногда свободный выборъ, иногда совѣтъ. Здѣсь, очевидно, *piacere* употреблено въ смыслѣ совѣта, а не произвола. «*Piacere* не можетъ имѣть значенія воли; воля не можетъ быть здѣсь воздемъ, но воля должна управляться разумомъ. Только въ концѣ этой части (XXXIII, 145) Данте чувствуетъ себя вполне чистымъ и способнымъ вознестись къ звѣздамъ. Но прежде чѣмъ вознестись къ нимъ, Данте, хотя и очищенный отъ семи смертныхъ грѣховъ, долженъ еще принести тяжкое покаяніе при появленіи Беатриче. Въ какомъ же грѣхѣ долженъ онъ предъ ней покаяться? Въ грѣхѣ, какъ мы увидимъ ниже, сомнѣнія, колебанія вѣры». Скартаццини.

133. Смыслъ: «ты обратился къ востоку, гдѣ рождается всяческая благодать и слава, т. е. на прямой путь къ достиженію послѣдней цѣли, блаженства». Ландино.—Вообще подъ символомъ солнца Данте разумѣетъ Бога, солнце духовное и интеллектуальное (*Convivio*, tr. III, c. 12). Итакъ, Вергилій хо-

четь сказать, что Данте достигъ теперь того состоянія, при которомъ онъ не нуждается болѣе въ вождѣ, имѣя теперь лучшаго вождя—свѣтъ божественный». Скартаццини.

134—135. Эти стихи будутъ подробно изъяснены въ слѣдующей пѣсни.

136—137. Т. е. Беатриче. Сличи Ада II, 116: *Gli occhi lucenti lagrimando volse, Per che mi fece del venir piú presto.*

138. Опять намекъ на жизнь дѣятельную и созерцательную; первую обозначаетъ хожденіе, вторую—сидѣніе.

138. Хотя *Виргилій* и остается нѣсколько мгновений при Данте и *Стаціи* (*Чистилища XXVIII, 146* и примѣч. XXIX, 55—57 и примѣч.) и исчезаетъ лишь съ появленіемъ *Беатриче* (XXX, 43—54), но не открываетъ болѣе устъ и остается лишь для того, чтобы передать своего ученика той, которая его поручила покровительству его.

140. «Послѣ всѣхъ этихъ очищеній сердце человѣка опять становится чистымъ и безпорочнымъ, и оно хочетъ только справедливаго и благого». Каннегиссеръ.

142. Въ подлинникѣ: *Perch' io te sopra te cogono e mitrio.*—«Твоя воля исцѣлилась отъ всѣхъ дѣйствій первороднаго грѣха и стала свободною отъ всего, что противорѣчитъ свѣту Божьему: ты можешь и долженъ ей слѣдовать, ибо она ведетъ прямо къ цѣли; поэтому-то ты и не нуждаешься въ томъ двоякомъ руководствѣ, которое приводитъ въ порядокъ все человѣческое (примѣчаніе *Чистилища XVI, 94—96*). Теперь ты сталъ нѣкоторымъ образомъ твоимъ собственнымъ и императоромъ и папою». *Филалетъ*. Сличи *Скартаццини*.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Это мѣсто, составляетъ послѣ IX пѣсни *Чистилища* (стихи 42—132), второе основное мѣсто для развитія всей Божественной *Комедіи*. — Исполненнымъ раскаяніемъ созерцаніемъ мукъ ада и продолжительнымъ очищеніемъ и освобожденіемъ отъ грѣховъ въ *чистилищѣ*, къ чему поэтъ допускается отпущеніемъ въ IX пѣсни, Данте, человѣкъ, пріобрѣтаетъ вновь свободу духа, потерянную въ грѣхахъ; воля его чиста и не въ противорѣчій съ Богомъ; Богъ возрождается въ немъ всецѣло. До сихъ поръ онъ имѣлъ главнымъ путеводителемъ *Виргилія*. Но состоянія, котораго по волѣ Божьей ищетъ человѣкъ и находить только чрезъ правильное примѣненіе разума при посредствѣ установленнаго Провидѣніемъ института императорства и папства,—этого состоянія достигъ уже теперь и Данте; все же онъ долженъ еще окончательно приблизиться къ Богу при помощи единственнаго руководства благодати—*Беатриче*, которая уже по дальнѣйшему ходу развязки начинаетъ съ IX пѣсни понемногу замѣнять *Виргилія*. Такимъ образомъ роль *Виргилія* окончена. Хотя онъ идетъ еще нѣкоторое время (вмѣстѣ со *Стаціемъ*), но не произнося ни единого слова, и внезапно исчезаетъ въ XXX, 49.—Соотвѣтственно этому получаетъ форму послѣднее развитіе событій въ третьемъ отдѣлѣ *Чистилища*, въ который мы вступаемъ съ XXVIII пѣснью. На плоской вершинѣ горы, красиво опоясанный лѣсомъ и огражденный привѣтливымъ ручейкомъ, на противоположномъ его берегу расположенъ «земной рай» съ дровомъ жизни, мѣстопробываніе совершенныхъ душъ, созрѣвшихъ и готовыхъ къ воспріятію ихъ настоящимъ раемъ, т. е. небомъ. Отождествленный въ этой пѣсни (стихи 77—142) съ эдемомъ и первобытнымъ состояніемъ, земной рай наглядно пред-

ставляетъ: 1) въ общемъ, первоначально Богомъ положенное, идеальное состояніе христіанства, которое наступило бы уже при надлежащемъ поведеніи людей (Виргилій); оно собственно воплощаетъ именно основную идею всей Божественной Комедіи (см. XXXI, Предварительное примѣчаніе); 2) для каждаго отдѣльнаго человѣка, тѣмъ болѣе для Данте,—тоже возвращеніе къ первобытному состоянію, завершеніе происшедшаго въ IX пѣсни оправданія чрезъ освященіе и возрожденіе, и, такимъ образомъ, достиженіе состоянія совершеннаго блаженства, того христіанскаго совершенства, которымъ Чистилище необходимо должно закончиться, а человѣкъ подняться отъ «земного» къ «небесному блаженству» и такимъ образомъ совершиться переходъ отъ второй части Божественной Комедіи къ третьей.—Сначала намъ тутъ встрѣтятся подготовительные символы; мы увидимъ Данте приближающимся къ ручью; на противоположномъ его берегу онъ видитъ чудную процессію—истинную церковь и собраніе праведныхъ, пока въ срединѣ процессіи Беатриче не снимаетъ съ себя покрывало, чтобы, какъ восполняющая благодать и небесная премудрость свыше, утвердить весь совершенный до настоящаго времени поэтомъ очистительный путь и сообщить ему вѣнецъ,—послѣднее освященіе христіанскаго совершенства и подготовки къ пути небесному, какъ мы это ближе увидимъ въ XXX—XXXII пѣсняхъ». Флейдереръ.

«Мы очевидно достигли здѣсь третьяго отдѣла Чистилища, т. е. земного рая, и этотъ сонъ есть какъ бы его предчувствіе. Для облегченія пониманія умѣстно еще разъ возобновить въ памяти значеніе первыхъ двухъ отдѣловъ: преддверія чистилища и самого чистилища, чтобы объяснить ими значеніе третьяго отдѣла, прибавивъ къ этому изъ философіи того времени все, что можетъ служить къ его освѣщенію.

Если преддверіе чистилища означаетъ дѣйствія, предшествующія акту настоящаго очищенія, если вступленіе во врата чистилища означаетъ самый этотъ актъ или воспріятіе освящающаго помилванія въ таинствѣ крещенія или покаянія и если, кромѣ того, семь круговъ очищенія (собственно чистилище) означаютъ исправленіе и освобожденіе отъ грѣховъ, происходящія отъ взаимодѣйствія вспомошествовающей благодати и свободной воли, то третій отдѣлъ долженъ означать завершеніе очищенія чрезъ посредство восполняющей благодати. Весьма глубокомысленно, что поэтъ помѣщаетъ сюда земной рай, такъ какъ по совершеніи очищенія устраняется всякое дѣйствіе наслѣдственнаго грѣха, и человѣкъ вступаетъ вновь въ райское состояніе первоначальной праведности, безгрѣшности и блаженной внутренней гармоніи, безъ котораго онъ можетъ безпрепятственно вознестись къ конечной своей цѣли, созерцанію Бога.

Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны три сновидѣнія Данте, которыя онъ видѣлъ въ продолженіе трехъ ночей, проведенныхъ имъ въ чистилищѣ. Въ первую ночь, у вратъ чистилища, ему представляется Лючія—восполняющая и дѣйствующая благодать; во вторую, среди круговъ покаянія, онъ видитъ борьбу человѣка съ чувственностью и поддержку его вспомошествовающей благодатью, и здѣсь, у входа въ земной рай, ему приснился третій сонъ, значеніе котораго видно изъ послѣдующаго, какъ указаніе на состояніе совершенства.

Чтобы надлежащимъ образомъ понять взглядъ на совершенство Фомы Аквинскаго, котораго мы здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, принимаемъ нашимъ путеводителемъ, необходимо нѣсколько углубиться въ его ученіе, поскольку оно касается взглядовъ на добродѣтель. Всюду, гдѣ заходитъ рѣчь объ этомъ вопросѣ, онъ разсматриваетъ добродѣтель, какъ склонность къ добру.

Она такъ же обозначается еще, какъ совершенство силы душевной, направленной къ дѣятельности, именно—хорошей: *perfectio potentiae quae determinatur ad bene operandum*. Оттого-то она можетъ принадлежать только собственно душевнымъ силамъ, случайностямъ только душевнымъ; потому что тѣло, какъ матерія, можетъ чѣмъ-нибудь стать; духъ же, какъ форма, можетъ что-нибудь совершить. *Sum. Theol.* 2-ae, I, qu. LVI, art. 3, 6.—Соответственно этому добродѣтели подраздѣляются, во-первыхъ, по двумъ душевнымъ силамъ, разуму и волѣ, на умственные и нравственные, смотря потому, будутъ ли онѣ усовершенствованіемъ той или другой силы.

Умственные добродѣтели, опять таки, во-первыхъ, такія, которыя принадлежатъ спекулятивному, и, во-вторыхъ, практическому разуму. Къ первымъ причисляютъ: разумъ, знаніе и мудрость, а именно—разумъ обозначаетъ способность по отношенію къ непосредственно познаваемымъ принципамъ, двѣ другихъ добродѣтели означаютъ способности по отношенію къ познанию истины чрезъ посредство изслѣдованія, а именно знаніе—относительно различныхъ познаваемыхъ предметовъ, мудрость—относительно высшей правды. Практическому разуму, напротивъ, принадлежатъ: искусство и благоразуміе; первое—правильное знаніе того, что должно дѣлать, второе—того, какъ должно поступать. Изъ всѣхъ этихъ добродѣтелей одно лишь благоразуміе причисляется къ добродѣтелямъ въ собственномъ смыслѣ, потому что оно направляетъ свободу выбора людей относительно средствъ для достиженія определенной конечной цѣли. Такъ какъ добродѣтель—способность дѣйствовать хорошо, то предметами добродѣтели могутъ быть только такія душевныя силы, которыя или сами принадлежатъ волѣ, или же руководятся волею. Это случается при благоразуміи, такъ какъ оно предполагаетъ волю для достиженія цѣли.

Другія же умственные добродѣтели—второстепенныя добродѣтели, потому что онѣ даютъ только способность къ правильному познанию, которая—благое проявленіе разума, и къ этому должна еще присоединиться воля, которая приводитъ въ движеніе разумъ.

Нравственныхъ добродѣтелей насчитывается весьма много; изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія лишь три, которыя вмѣстѣ съ благоразуміемъ составляютъ четыре главныя добродѣтели. Одна изъ этихъ трехъ относится собственно къ поступкамъ,—справедливость, и двѣ—къ обузданію и направленію страстей, именно умѣренность по отношенію къ чувственнымъ и самообладаніе по отношенію къ гнѣвливымъ страстямъ. Всѣ онѣ принадлежатъ къ добродѣтелямъ въ собственномъ смыслѣ. *Ibid.* qu. LVII—LXI.

Человѣкъ можетъ достигнуть этихъ добродѣтелей и пріобрѣтаемаго чрезъ нихъ блаженства своими природными, врожденными ему силами, хотя и не безъ божественной помощи. Но есть еще высшее блаженство, состоящее въ извѣстномъ участіи въ божественномъ существѣ, и для его пріобрѣтенія необходимы высшія добродѣтели, достигнуть которыхъ человѣкъ можетъ лишь тѣмъ, что ему придается нѣчто исходящее отъ Бога; однако же при этомъ не исключается свобода дѣйствія со стороны человѣка. Эти добродѣтели называются богословскими, потому что онѣ имѣютъ предметомъ Бога, исходятъ отъ Бога и даруются намъ божественнымъ откровеніемъ.

Одна изъ нихъ—вѣра—относится тоже къ области умственной; это особаго рода добродѣтель, такъ какъ человѣкъ долженъ актомъ своей воли подчинить спекулятивный разумъ откровенію. Напротивъ, надежда и любовь относятся къ области воли, при чемъ первая направляетъ ее къ своей цѣли, какъ къ чему нибудь достижимому, послѣдняя же, такъ сказать, превращаетъ ее въ

эту цѣль. Въ этой послѣдней, какъ самой высокой добродѣтели, находятся соединенными всѣ нравственныя добродѣтели и даже можно сказать, что только ею довершаются богословскія добродѣтели. Ibid. qu. LXII—LXV. Оттого-то въ ней, а не въ исполненіи евангельскихъ поученій, и заключается совершенство; поученія же служатъ скорѣй только средствами для совершенства.

Но совершенство, котораго можетъ достигнуть человѣкъ, двоякое: во-первыхъ, когда его склонность постоянно и дѣйствительно, насколько онъ это можетъ, бываетъ направлена только къ Богу, и этого совершенства онъ можетъ достигнуть только въ небесномъ раю; во-вторыхъ, когда онъ находится въ состояніи, въ которомъ онъ, не будучи постоянно дѣйствительно направленъ къ Богу, тѣмъ не менѣе исключаетъ изъ себя все, что противно любви къ Богу, и это совершенство достижимо на землѣ и олицетворяется земнымъ раемъ.

Оно достижимо двоякимъ образомъ, а именно: или дѣятельною жизнью, или созерцательною.

Дѣятельная жизнь имѣетъ прямою цѣлю исполненіе добрыхъ дѣлъ; познаніе истины — ея средство. Оттого она и состоитъ, во-первыхъ, въ достиженіи нравственныхъ добродѣтелей, включая и благоразуміе, но не исключая и умственныхъ добродѣтелей. Созерцательная жизнь имѣетъ прямою цѣлю познаніе истины, особливо божественной. Для нея существенно необходимо пріобрѣтеніе умственныхъ добродѣтелей, но она не можетъ тоже обойтись безъ нравственныхъ; такъ какъ любовь къ Богу предназначаетъ разумъ для стремленія къ познанію Бога, то другія добродѣтели этого отдѣла нужны ей какъ предварительныя условія, ибо безъ овладѣнія страстями чистое познаніе истины невозможно.

Хотя оба пути годны для достиженія блаженства, все же созерцательная жизнь имѣетъ больше заслуги, такъ какъ она непосредственно направлена къ любви къ Богу. Дѣятельная жизнь, напротивъ, лишь посредственно, а непосредственно — къ любви къ ближнему. Поэтому дѣятельная жизнь должна предшествовать созерцательной. Теперь не трудно изложить значеніе сна, о которомъ идетъ рѣчь. Мы находимъ и у *Θомы*, съ ссылками на нѣкоторыя мѣста у св. Григорія, Лю и Рахиль выставленными, подобно Марѣ и Маріи, какъ типы дѣятельной и созерцательной жизни; такъ о Лии сказано, что она была слаба глазами, но плодна, имя же Рахили означаетъ видимое начало: она была неплодна, но красива. Ibid., qu. CLII.

Дѣятельная жизнь имѣетъ цѣлю украшеніе себя добрыми дѣлами, какъ цвѣтами, созерцательная — находить удовлетвореніе въ познаніи истины, которое есть, такъ сказать, око души.

Конечная цѣль человѣка, достигаемая имъ чрезъ посредство добродѣтели, — блаженство, которое въ своемъ совершенствѣ состоитъ въ созерцаніи и внушеніи Божества, а чрезъ это разумъ и воля человѣка находятъ полное удовлетвореніе. Ibid. 2-е, qu. IV. Это блаженство достижимо лишь въ будущей жизни. Но уже и въ этой жизни можно найти неполное блаженство, которое дается добродѣтельному частью въ надеждѣ на небесное блаженство, частью въ начинающемся пользованіи имъ, какъ бы въ предвкушеніи его. Это блаженство олицетворено земнымъ раемъ.

Для толкованія поэта важное значеніе имѣетъ и то, что *Θома*, подобно Данте, считаетъ евангельскія блаженства какъ ступени, по которымъ человѣкъ достигаетъ высшаго блаженства, но только онъ не считаетъ ихъ, по-

добно Данте, дарованными людямъ въ награду за побѣду надъ главными грѣхами, но принимаетъ, что въ первыхъ трехъ блаженствахъ указывается на устраненіе ложнаго земнаго счастья, именно чрезъ «блаженны нищіе духомъ»—по отношенію къ вѣшнимъ благамъ и вѣшной славѣ, чрезъ «блаженны плачущіе»—по отношенію къ гнѣвливымъ, чрезъ «блаженны кроткіе»—по отношенію къ чувственнымъ страстямъ. Два слѣдующихъ относились къ дѣятельной жизни и къ приобретаемому ею блаженству, притомъ «блаженны алчущіе и жаждущіе правды»—къ исполненію долга справедливости и «блаженны милостивые»—къ исполненію долга любви; наконецъ, два послѣднихъ—«блаженны чистые сердцемъ» и «блаженны миротворцы»—къ созерцательной жизни, условіе которой—чистота сердца, плодъ — мирное блаженство». Филалетъ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1—21. «Едва-ли слѣдуетъ указывать читателю на величественную, чисто лирическую прелесть изображенія утра посреди этого лѣса». Флейдереръ.— «Исполненный жизни божественный лѣсъ, весь проникнутый чистымъ воздухомъ богоподобія и вѣяніемъ послушанія Господу, противопоставляется здѣсь дикому, лютому, смерть приносящему лѣсу грѣховнаго міра передъ началомъ ада» (Ада I, 2 и примѣч.). Ноттеръ.

2. «Божественныхъ», насажденныхъ рукою самого Господа. «Насадить Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ». Бытія II, 8.

4. Новый день, т. е. четвертый по выходѣ изъ ада. День здѣсь вмѣсто солнца.—«Ступень», въ подлинникѣ: *la riva*—край, берегъ, т. е. послѣдняя, верхняя ступень лѣстницы. Отсюда начинается равнина или плоскость на вершинѣ горы Чистилища, на которой расположенъ земной рай.—«Помѣщая земной рай на вершинѣ высочайшей въ мірѣ горы Чистилища, Данте придерживается мнѣнія схоластиковъ, въ особенности Фомы Аквинскаго, который подробно трактуетъ курьезный вопросъ о томъ, есть ли земной рай мѣсто тѣлесное, было-ли это мѣсто удобно для обитанія въ немъ человѣчества и проч. (Фома Акв. *Sum. Theol.*, р. I, qu. CII, art. 1—4). Аквинатъ именно учитъ, что рай былъ мѣсто тѣлесное, помѣщенное въ восточныхъ странахъ земнаго шара, въ странахъ, составляющихъ благодатнѣйшія части земли. *Cum autem Oriens sit dextera coeli, dextera autem est nobilior quam sinistra: conveniens fuit ut in orientali parte paradisi terrenus institueretur a Deo.* Это высочайшее мѣсто, которое *pertingit usque ad lunarem circulum*, и кромѣ того *seclusus a nostra habitatione aliquibus impedimentis vel montium vel marium, vel alicujus aestuosae regionis, quae pertransiri non potest*; это—страна божественная, *et digna ejus qui secundum imaginem Dei erat, conversatio; locus temperato et tenuissimo et purissimo aere circumfulgens, plantis semper floridis comatus, etc.* Также Петръ Ломбардскій (*Sent. lib. II, dist. 17*) учитъ, что рай земной отдѣленъ отъ земли, нынѣ обитаемой, *et in altro situs, usque ad lunarem circulum pertingens.* И Гуго С. Викторъ, по цитатѣ Фомы: *In parte orientali fertur esse locus eminentissimus, ut non aquae diluvii ibi pertingere potuissent.* Наконецъ, въ томъ же смыслѣ учили Дамаскинъ (*De orthod. Fid. lib. II, c. 11*), блаж. Августинъ (*in Genes. VIII, c. 7*) и др. Но никто до Данте не помѣщалъ чистилища на отко-

сахъ той горы, на вершинѣ которой, по общему мнѣнію, былъ помѣщенъ земной рай. Сличн Чистилища I, 1 и примѣчаніе». Скартаццини.

5. Слѣдовательно Данте, тотчасъ же начинающій шествіе, предпочитаетъ направленіе жизни дѣятельной направленію жизни созерцательной (сличн примѣчаніе къ ст. 138 предыдущей пѣсни). Ноттеръ.—«Тихо-тихо»: *lento lento*—оборотъ итальянскій, значить очень тихо, какъ въ церковно-славянскомъ: зело-зело (весьма много).

7. «Въ этомъ тихомъ вѣтерѣ древніе толкователи видятъ вѣчно живую, но безстрастную волю». Каннегиссеръ.

11. Всѣ листья нагибались къ западу, куда обращена теперь и утренняя тѣнь отъ горы; причина этому объяснится въ примѣчаніи къ стиху 103 этой пѣсни.

13. Аллегорическій смыслъ: «дѣятельность очистившагося человѣка не столько еще велика, чтобы онъ вслѣдствіе ея позабывалъ возноситься къ Богу молитвою и благодарственнымъ славословіемъ». Каннегиссеръ.

14—15. Т. е. сгибаая вѣтви; вѣтерокъ былъ не настолько силенъ, чтобы могъ слугнуть сидящихъ на нихъ птичекъ. «Слѣдовательно птицы, подобно прочимъ живымъ существамъ, не изгнаны изъ рая. Вообще птицы, по крайней мѣрѣ пѣвчія, по народному воззрѣнію, суть такія существа, въ которыхъ удержалось нѣчто райское». Ноттеръ.

18. Въ подлинникѣ: *Che (le foglie) tenevan bordone alle sue rime.*—*Bordone*—родъ толстой и длинной дудки, которая, на подобіе контрабаса, издавала постоянно одну ноту (гудѣла), между тѣмъ какъ другіе инструменты выводили различныя ноты. Итакъ, шумъ листьевъ служитъ какъ бы второй тѣнію птицъ.

19—20. Въ этомъ сравненіи говорится о знаменитомъ лѣсѣ пиній—зонтикообразныхъ сосенъ, съ незапамятныхъ временъ растущихъ на адриатическомъ берегу, недалеко отъ Равенны (гдѣ погребено тѣло Данте), въ той мѣстности, которую Данте называетъ *Кіасси* или *Классе*. «Живя изгнанникомъ въ Равеннѣ, Данте часто посѣщалъ этотъ едва-ли не самый великолѣпный лѣсъ Италіи, и тамъ въ уединеніи, погруженный въ свои думы, внималъ этому шуму на берегу Адриатическаго моря». Бенвенуто Рамбалди.—Лѣсъ этотъ находится недалеко отъ запустѣвшаго нынѣ приморскаго городка *Классе*, гдѣ когда-то была гавань, въ которой стоялъ на якорѣ флотъ императоровъ. Въ подлинникѣ: *Tal, qual di ramo in ramo si raccoglie Per la pineta, in sul lito di Chiassi*, т. е. какъ шелестъ, передающійся отъ вѣтви къ вѣтви; здѣсь выражается какъ бы каждый малѣйшій звукъ, прежде чѣмъ все сольется въ одинъ шелестъ. Вентури (*Le similitudine dantesche*).

20. Спирокко—извѣстный южный вѣтеръ, дующій (иногда даже зимою) въ Италіи и приносящій удушливый жаръ.—«Эоль»—богъ вѣтровъ. Сравненіе заимствовано изъ *Виргилія*, *Aen. I, 52* и слѣд.

*Acoliam venit. His vasto rex Aeolus antro
Luctantes ventos tempestatesque sonoras
Imperio premit ac vinclis et carcere frenat.*

22—24. Подобная же мысль выражена почти тѣми же словами при входѣ Данте въ лѣсъ самоубійцъ (*Ада XV, 13—15*). «Данте идетъ медленно (стихъ 5) для того, чтобы все осмотрѣть надлежащимъ образомъ: и при направленіи въ активную жизнь не должна быть оставляема безъ вниманія и жизнь созерцательная». Ноттеръ.

25. Такъ какъ Данте идетъ съ запада прямо на востокъ, а этотъ потокъ пересѣкаетъ ему путь, то стало быть онъ течетъ съ юга на сѣверъ.—Этотъ потокъ, какъ увидимъ ниже (стихи 124—128)—раздвоенный потокъ изъ одного источника; въ этомъ мѣстѣ онъ называется Летою, уничтожающей воспоминанія о грѣхахъ, а далѣе, въ противоположномъ отъ Леты направленіи, Эвноз, оживляющей воспоминанія о добрыхъ дѣлахъ. Итакъ, поэтъ еще отдѣляетъ отъ настоящаго рѣка рѣка Лета, изъ которой онъ еще долженъ испытать (XXXI, 101), и наконецъ рѣка Эвноз, въ которую онъ долженъ будетъ погрузиться (XXXIII, 143) для того, чтобы вознестись на небо». Штрекфуссъ.—«Состояніе воспринятой безгрѣшности обусловливаетъ два обстоятельства: во-первыхъ то, что воспоминаніе о прежнихъ заблужденіяхъ и прегрѣшеніяхъ утрачивается, а вторыхъ то, что воспоминаніе о нашихъ добрыхъ дѣлахъ оживаетъ и беретъ перевѣсъ. Это олицетворяется двумя рѣками—Летою и Эвноз. Забвеніе грѣховъ при этомъ предшествуетъ; потому и Данте прежде всего встрѣчаетъ Лету». Каннегиссеръ.

31—33. Аллегорическій смыслъ этой терцины былъ объясняемъ комментаторами различно. Такъ, напримѣръ, по толкованію Бути, воды Леты означаютъ «добродѣтельныя мысли въ душѣ очищенной, уничтожающія въ ней память о прошедшихъ порокахъ и грѣхахъ», деревья—«святыя рѣчи», солнце, не освѣщающее волны Леты,—«мірскую похвалу», луна—«измѣнчивость жизни» и проч. Но вѣрнѣе полагать, что здѣсь Данте держался ученія схоластиковъ. По ихъ мнѣнію, у воскресшихъ въ день Страшнаго Суда сохранится память о совершенныхъ ими дѣлахъ добрыхъ и злыхъ. «*Quamvis multa merita et demerita a memoria exciderint, tamen nullum eorum erit quod non aliquo modo maneat in suo effectu, quia merita quae non sunt mortificata, manebunt in praemio quod eis redditur; quae autem mortificata sunt, manent in reatu ingratitude, quae augetur ex hoc quod homo post gratiam susceptam peccavit. Similiter etiam demerita quae non sunt per poenitentiam delecta, manent in reatu poenae, quae eis debetur; quae autem poenitentia delevit, manent in ipsa poenitentiae memoria, quam simul cum aliis meritis in notitia habebunt. Unde in quolibet homine erit aliquid ex quo possit ad memoriam sua opera revocare*». Тома Акв. Sum. Theol., р. III, Suppl. qu. LXXXVII, art. 1. Согласно съ этимъ ученіемъ, у Данте души въ аду имѣютъ память о совершенныхъ ими дѣлахъ злыхъ и добрыхъ; избранныя души терзаютъ память о совершенныхъ грѣхахъ при входѣ въ рай. По мнѣнію Скартаццини, эта терцина не заключаетъ въ себѣ никакого аллегорическаго смысла; но Данте, какъ кажется, имѣлъ въ виду при описаніи божественнаго лѣса нѣкоторыя черты Новаго Іерусалима изъ Святаго Писанія, напримѣръ изъ Апокалипсиса XXI, 23: «Городъ не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего; ибо слава Божія освѣтила его, и свѣтильники съ нимъ—Ангель». Этой терцинѣ подражалъ, почти скопировавъ ее, Тассо въ своемъ Освобожденномъ Іерусалимѣ, XV, ст. 56:

Но межъ береговъ муравчатыхъ и влачныхъ,
Въ руслѣ глубокомъ быстрая волна,
Укрытая въ тѣни деревьевъ мрачныхъ,
Бѣжать, журча, прохладна и темна;
Но такъ свѣтла струя тѣхъ водъ прозрачныхъ,
Что явственна вся пестрота ихъ дна,
И берегъ ихъ, покрытый травкой нѣжной.
Даетъ пріютъ прохладно безмятежный.

«Мраченъ-мраченъ» — опять итальянскій оборотъ: *bruna-bruna*, см. примѣчаніе къ стиху 5.

34. Данте останавливается на лѣвомъ берегу Леты и смотритъ на другой берегъ, созерцая роскошь райской, вѣчно юной растительности; въ подлинникѣ: *per mirare La gran variazion de' freschi mai*; — маіо — цвѣтуція деревца. Бланкъ *Vocab. Dant.*: *majo*, proprement le *Cytisus laburnum*, le *cytis* des Alpes ou *Libourne*, pour un arbre en général.

37—39. «*Omnis subita mutatio rerum non sine quodam quasi fluctu contingit animorum*». Боецій (*De Cons. philos. lib. II, pr. 1*). Также Данте (*Convivio*, tr. II, cap. II): «*Ogni subito mutamento di cose non avviene senza alcuno discorrimento d'animo*».

40. Жена — это Матильда которую Данте называетъ по имени лишь въ концѣ этой части поэмы (XXXIII, 119). Комментаторы весьма разногласны относительно того, откуда Данте заимствовалъ это имя. Большинство, однакожъ видитъ въ этой Матильдѣ знаменитую пріятельницу папы Григорія VII, графиню Тосканскую. Она была внукою греческаго императора; мать ея переселилась въ Италию; сама она была надѣлена римскимъ императоромъ большими имѣніями, отличалась великимъ благочестіемъ, построила много монастырей и завѣщала все свое имущество папскому престолу. Она погребена въ 1060 году въ Пизанскомъ соборѣ. Слѣдовательно, она была великая благотворительница римской церкви, но едва ли въ смыслѣ, согласномъ съ возрѣніемъ Данте на папскую власть. Нѣкоторые, особенно итальянскіе изслѣдователи, видятъ въ Дантовской Матильдѣ германку, саксонку, одни — набожную супругу Генриха Птицелова, внуку Видекинда и мать императора Оттона Великаго, умершую въ Кведлинбургѣ въ 968 году и впослѣдствіи сопричисленную къ лику святыхъ. Дѣйствительно, вся ея личность превосходно соотвѣтствуетъ всѣмъ намѣреніямъ поэта; неизвѣстно только, была ли она достаточно извѣстна въ Италиі во времена Данте. Другіе (*Dr. Лубенъ*, въ Грацѣ, въ своемъ сочиненіи (1860) «*La Matelda di Dante Allighieri*») видятъ въ ней святую бенедиктинскую монахиню Матильду изъ монастыря Хельпеде, нынѣ Хельфта при Эйслебегѣ, сестру святой Гертруды. Отъ нея (+ 1292) сохранились нѣкоторыя «Видѣнія», имѣющія много аналогичнаго съ Божественной Комедіей и въ особенности съ Чистилищемъ; такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ этихъ «Видѣній», описанная гора добродѣтели имѣетъ поразительное сходство съ горою Чистилища у Данте. Какъ у него, она раздѣлена на 7 отдѣловъ, хотя нѣсколько въ иномъ порядкѣ, чѣмъ у Данте. Но едва ли эта монахиня могла послужить тѣмъ символомъ, который придаетъ Данте своей Матильдѣ; къ тому же сказанныя «Видѣнія» первоначально были писаны по-нѣмецки, и едва ли Данте зналъ о ихъ существованіи. Наконецъ, третьи видятъ въ ней просто аллегорію; между прочимъ Гёше ль въ своемъ посмертномъ сочиненіи весьма остроумно высказываетъ ту мысль, что Матильда есть не что иное, какъ *Donna gentile* его *Vita Nuova* и *Convivio* и олицетворяетъ собою философію, уже не какъ противоположность Беатриче—богословію, но примиренную съ нею. — «Изъ примѣчанія къ Чистилищу XXVII, 97 видно, что Матильда реализируетъ представившійся Данте въ сновидѣніи образъ Ліи, слѣдовательно, дѣятельную жизнь, ревность къ добрымъ дѣламъ. Но точно также въ Матильдѣ можно видѣть высшую степень усердія къ добрымъ дѣламъ, именно преданность и любовь къ церкви и благотворительность къ ней, чѣмъ собственно прославилась историческая Матильда; слѣдовательно, это дѣятельная любовь, — первая изъ трехъ благодатей. Матильда относится къ Ліи, какъ Беатриче къ Рахили». Каннегиссеръ. — «Эту прекрасную жену всего проще, по нашему мнѣнію, разсматривать какъ повто-

реніе идеи Ліи (XXVII, примѣч. къ 101). Какъ тамъ Ліи противопоставляется Рахиль, такъ здѣсь противоположностью къ Матильдѣ будетъ долженствующая скоро явиться Беатриче. И что тамъ, какъ бы въ предчувствіи, было изображено въ сновидѣніи, то здѣсь совершается во-очію, въ дѣйствительности, именно то, что Данте, какъ человѣкъ, подвергшійся очищенію, теперь дѣйствительно достигъ цѣли того христіанскаго совершенства, которое опредѣлено въ XXVII пѣсни. Это вполнѣ доказывается той функціей, которую исполняетъ Матильда здѣсь и впослѣдствіи. Она—хранительница, равно и вступленіе въ земной рай, т. е. въ полное совершенство; она ведетъ, поучаетъ Данте, указываетъ ему на Беатриче, и Беатриче, въ свою очередь, указываетъ Данте на нее для того, чтобы она окунула его въ волны Леты. Итакъ, очевидно раскрывается здѣсь взаимно восполняющее соотношеніе двухъ женъ, изъ коихъ одна олицетворяетъ дѣятельную, другая—чисто внутреннюю, ведущую къ блаженству сторону.—Не настолько достоверно можно опредѣлить, какое именно историческое лицо разумѣть здѣсь Данте, такъ какъ даже чисто-аллегорическіе свои символы Данте никогда не создаетъ безъ исторической къ нимъ подкладки. Можно даже думать, что Данте имѣлъ здѣсь въ виду и знаменитую графиню Тосканскую, какъ бы мало ни согласовалась ея дѣятельность въ пользу папской власти съ теоріей Данте касательно папства. Ноттеръ обращаетъ здѣсь вниманіе на индивидуальное пламенное изображеніе Матильды (XXVIII, 46—60; 64—66; 73—75; XXIX, 1). Отсюда онъ заключаетъ, что, судя по стиху 49 и слѣдующимъ, здѣсь та «прекрасная и сострадательная» жена, о которой говорится въ *Vita Nuova* по смерти его возлюбленной, можетъ дать ему краски для начертанія плѣнительнаго образа, хотя имя для него съ намѣреніемъ заимствовано или у графини Тосканской, или у монахини Мехтильды въ Эйслебенѣ. Какъ бы то ни было, мы должны быть благодарны поэту, начертавшему, при всемъ аллегорическомъ смыслѣ, столь поэтической и полный жизни образъ, такъ прекрасный оживляющій дальнѣйшій ходъ развитія его поэмы». Флейдереръ.—Слич: Скартаццини, *La Matelda di Dante*, p. 595; Ноттеръ, *Gött. Kom., das Fegefeuer, Excurs über Mathilde*, s. 359.

48. Данте слышитъ пѣніе, но не можетъ разслышать словъ.

49. «Прозерпина, дочь Юпитера и Цереры, жена Плутона и царица ада. Въ то время, какъ она собирала цвѣты среди вѣчной весны, близъ озера Перга въ Сициліи, она была похищена Плутономъ, при чемъ отъ страха растеряла собранные цвѣты. Такимъ образомъ потерянная ею весна можетъ означать вѣчно-юную весну этихъ странъ; можно разумѣть также подъ этимъ просто цвѣты, дѣтей весны». Филалетъ.—Мѣсто это—подражаніе Овидію Превращ., V, 385—401.

52—54. «Данте изображаетъ чистоту дѣвственной души въ двухъ сравненіяхъ: въ первомъ рисуется круговое движеніе безъ приподнятія глазъ съ земли, во второмъ—благопристойное передвиженіе на другое мѣсто». Скартаццини.

55. Въ подлинникъ: «in su' vermigli ed in su' gialli Fioretti», т. е. по аленькимъ и желтымъ цвѣточкамъ. «Замѣчательно, какъ мало мѣста посвящаетъ Данте, при всей своей фантазіи, описанію роскоши цвѣтовъ даже въ земномъ раю (Сличи VII, 13—71). Но надобно помнить, что въ то время въ Италіи почти совсѣмъ не было декоративныхъ цвѣтовъ и сады были большою рѣдкостью. Только въ XV вѣкѣ стали они появляться въ Италіи; поэтому во всей Божественной Комедіи слово giardino нигдѣ не встрѣчается въ его настоящемъ значеніи, но всегда лишь какъ выраженіе высшей степени весенней красоты, такъ земной рай Адамовъ называется садомъ, какъ въ Библии, Рай XXVI, 110; такъ Италія названа садомъ имперіи, Чистилища VI, 106». Ноттеръ.

63. До сихъ поръ Матильда держала очи опущенными внизъ отъ стыдливости.

64—66. Описывая дивную красоту Матильды, Данте беретъ пособіемъ Венеру, когда она случайно (а не съ намѣреніемъ, какъ обыкновенно) была уколота стрѣлою Амура въ то время, когда онъ цѣловаль свою мать, отчего въ ней загорѣлась любовь къ Адонису.

.... когда свою мать обнималъ тулоносный ребенокъ,
Неосторожно стрѣлою торчавшей онъ грудь ей поранилъ.

Овидій, Превращ. X, 525—526, перев. Фета.

69. «Безъ посъва»—см. ниже, 116—117. Говоря о золотомъ вѣкѣ, Овидій, *Metam.* I, 107—108, повѣствуетъ:

Вѣчно стояла весна и вѣжно вефиры ласкали
Теплымъ дыханьемъ цвѣты, что безъ сѣмени сами родились.

Переводъ Фета.

70. Три шага, отдѣляющіе Данте отъ Матильды, напоминаютъ три ступени во вратахъ чистилища (IX, 94 и слѣд.). Первымъ изъ этихъ шаговъ будетъ пристыженіе Данте по поводу его заблужденій (XXX, 76—78); вторымъ—сознаніе въ нихъ (XXXI, 14, 34—36); третьимъ—ощущеніе терзаній раскаянія и чувство ненависти къ тому, что вначалѣ ему нравилось (XXXI, 85—87). Его очищеніе еще не вполне закончено; онъ еще находится по эту сторону Леты, тогда какъ прекрасная жена, т. е. Матильда, и Беатриче и Колесница Церкин—на той сторонѣ. Ему еще остается принести строгую исповѣдь, прежде чѣмъ перейти на ту сторону рѣки. Это заставляетъ думать, что истинный земной рай начинается лишь по ту сторону Леты, которая составляетъ одну изъ его границъ. У Данте мы находимъ преддверіе ада,—передъ входомъ въ адъ; преддверіе чистилища—передъ входомъ въ чистилище и преддверіе рая—передъ входомъ въ рай. На это обстоятельство первый изъ всѣхъ комментаторовъ обратилъ вниманіе Скартаццини. — «Какая удивительная аллегорія, — говоритъ онъ: Со стороны земли земной рай граничитъ рѣкою Летою, которая уничтожаетъ всякую память о томъ, что только есть земного, негоднаго для неба; со стороны неба — земной рай граничитъ рѣкою Эвноэ, которая даритъ душу памятью обо всемъ томъ, что сдѣлано ею для принесенія своего сокровища небу. Одна рѣка отрѣзаетъ душу отъ земли, другая—связуетъ ее съ небомъ».

70—75. «Ксерксъ, царь персидскій, два раза переправлялся черезъ Геллеспонтъ; въ первый разъ съ великою гордостью и роскошью по построенному имъ мосту, чрезъ который онъ переправилъ свое несмѣтное войско для завоеванія Греціи; во второй разъ — послѣ того, какъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ униженіи, въ бѣдномъ рыбацкомъ челнокѣ. Здѣсь разумѣется эта послѣдняя переправа, ибо при обратномъ слѣдованіи была обуздана его гордость и высокомеріе; примѣръ его долженъ научить гордыхъ и высокомерныхъ кротости и смиренію. — Геллеспонтъ раздѣляетъ Европу и Азію значительнымъ проливомъ; на азиатскомъ берегу его лежалъ городъ Абидосъ, на европейскомъ—Сестъ. Греческій юноша Леандръ переплывалъ по ночамъ проливъ для свиданія съ своей возлюбленной Геро въ Сестъ, пока не погибъ наконецъ въ волнахъ во время бури». Каннегиссеръ. — См. извѣстную балладу Шиллера, «Геро и Леандра».

76. Матильда, говоря «вы», обращается ко всѣмъ тремъ путникамъ: Данте, Стацію и Виргилю.

79—81. Смысль—«Вы удивляетесь тому, что я улыбаюсь; но въ состояніи полнаго отъ грѣховъ оправданія заключается и радость духовнаго наслажденія, а потому и сказано въ 91 псалмѣ, стихъ 5-й: «Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ; я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ».—*Delectatio*, наслажденіе высочайшимъ благомъ,—уже часть вѣчнаго блаженства». Филалетъ.

82. Данте просилъ прекрасную жену приблизиться къ нему, чтобы разслушать слова пѣсни, которую она пѣла. Матильда не только исполнила его просьбу, но и уничтожила сомнѣніе въ его умѣ насчетъ ея улыбки, побуждая его высказаться свободно, нѣтъ ли у него еще какихъ сомнѣній.

85—87. Сомнѣніе въ Данте было, повидимому, слѣдующее: «Если метеорологическія явленія, о которыхъ упоминалось въ Чистилища XXI, 46 и слѣдующихъ, не восходятъ выше вратъ чистилища, то почему же здѣсь происходитъ вѣтеръ, такъ какъ онъ возникаетъ въ воздухѣ вслѣдствіе нарушеннаго равновѣсія, и откуда происходитъ потокъ—здѣсь, гдѣ никогда не идутъ дожди? Должно замѣтить, что Данте ушелъ тутъ далѣе въ метеорологіи, чѣмъ учитель его Брунетто Латини, который не могъ себѣ объяснить причину вѣтра (*Tosco*, Lib. II, Cap. 37).—Смысль: вода р. Леты и шумъ деревьевъ лѣса, качаемыхъ вѣтромъ, колеблутъ во мнѣ понятіе, сложившееся у меня со словъ Стація, а именно то, что, начиная отъ вратъ чистилища, вверху нѣтъ болѣе на всей горѣ ни вѣтровъ, ни дождей, ни инея, ни града, ни снѣга, ни облаковъ, ни молній (XXI, 43—54). Это-то понятіе и находится теперь во мнѣ въ противорѣчій съ тѣмъ, что я вижу и слышу здѣсь, т. е. рѣку и шумъ лѣса отъ вѣтра.

91. Въ подлинникѣ: *Lo sommo Ben, che solo esso a sè piace*, т. е. Богъ, «*Deus est summum bonum simpliciter, et non solum in aliquo genere vel ordine rerum. — Oportet quod cum bonum sit in Deo sicut in prima causa omnium non univoca, quod sit in eo excellentissimo modo; et propter hoc dicitur summum bonum*». Тома Акв., *Sum. Theol.*, p. I, qu. VI, art. 2.

92—93. «*Iddio, che è sommo Bene, fece Adamo buono, siccome buono artefice; e questo Paradiso terreno gli diede per arra del pagamento, ch'egli l'intendea di fare del Paradiso celeste*». Оттимо.—Богъ создалъ человѣка добрымъ, именно въ первичной его святости и правотѣ, и для блага—для вѣчнаго блаженства. Если бы человѣкъ не согрѣшилъ, то онъ предвкусилъ бы сперва небо въ земномъ раю, а потомъ вкусилъ бы небснаго рая, какъ и теперь законченная работа переходитъ отъ состоянія земного къ состоянію небснаго совершенства. Если же сказано, что предъ Богомъ лишь Онъ одинъ правый, то это должно понимать не такъ, чтобы Онъ не находилъ удовольствія ни въ одномъ изъ своихъ созданій, но такъ, что Онъ находитъ полное удовлетвореніе лишь въ созерцаніи Самого Себя». Филалетъ.—«Задатокъ»—земной рай сотворенъ Богомъ для того, чтобы быть началомъ и залогомъ небснаго блаженства, для котораго Онъ сотворилъ человѣка. Сличн: Гёшель, *Dante's Unterweisung über Welterschöpfung und Weltordnung diesseits und jenseits*. Berl. 1842.

94. Рая XXVI, 139—142.

95. «Смѣхъ обозначаетъ наслажденіе созерцательною, забавы—дѣятельною жизнью». Томмазо.

97—89. Уже Брунетто Латини объяснялъ происхожденіе облакъ притягательною силой солнца, которое какъ бы высасываетъ воду изъ земли. Поэтому, по теоріи Данте, бури, какъ уже было упомянуто, возникаютъ вслѣдствіе испареній, при чемъ пары, привлекаемые въ холодныя страны атмосферы, сгущаются тамъ въ облака и, какъ таковыя, служатъ на землѣ источникомъ ключей и рѣкъ,—теорія, совершенно согласная съ нынѣшнею наукою,

99. Въ подлинникѣ: *quanto posson, t. e. насколько могутъ, т. е. до вратъ чистилица*. «Древніе, не зная тяжести воздуха, полагали, что пары, какъ легчайшіе, восходятъ вверхъ, стремясь къ солнцу». Андруоли. — Аристотель училъ: *natura calidi est attrahere*.

101. Блаж. Августинъ (*De civ. Dei, lib. XV, c. 27*) говоритъ объ Олимпѣ: «*Supra quem perhibentur nubes non posse conscendere, quod tam sublimis quam coelum sit, ut non ibi sit aer elementorum crassissimam terram ibi esse potuisse*».

101—102. Гора свободна отъ испареній съ земли и воды, начиная отъ вратъ чистилица до ея вершины. *Alexander de Hales alt, Paradisum esse in aere quieto et tranquillo, qui superior est hoc nostrali aere inquieto ac turbulento; et locum Paradisi esse ubi finis est et terminus exhalationum et vaporum fluxus et progressus Lunae potestati ac efficientiae attribuitur*. Перейръ. In *Genes. III. 9.*—«*Homo sic erat incorruptibilis et immortalis, non quia corpus ejus dispositionem incorruptibilitatis haberet, sed quia inerat animae vis quaedam ad praeservandum corpus a corruptione. Corrupti autem potest corpus humanum et ab interiori et ab exteriori. Ab interiori quidem corrumpitur per consumptionem humidi et per senectutem, quae corruptioni occurrere poterat primus homo per esum ciborum. Interea vero quae exteriori corrumpunt, principium videtur esse distemperatus aer: unde huic corruptioni maxime occurritur per temperiem aeris. In paradiso autem utrumque invenitur; quia, ut Damascenus (De orthod. Tid. I. II, c. 11) dicit, est locus temperato et tenuissimo, et purissimo aere circumfulgens, plantis semper floridis comatus. Unde manifestum est quod paradisos est locus conveniens habitationi humanae secundum primae immortalitatis statum*». *Thom. Aquin. Sum. Theol., p. I, qu. CII, art. 2.*—«И здѣсь нельзя не замѣтить аллегорическаго значенія. Испаренія земныя, собственно чувственныя похотѣнія, отчуждающія душу отъ ея небеснаго назначенія, смертныя грѣхи, восходятъ не выше вратъ чистилица; ибо послѣ оправданія въ чловѣкѣ уже нѣтъ ничего подлежащаго осужденію, хотя бы и оставались въ немъ еще слабости и недостатки». Филалетъ.—Въ стихахъ 91—102 заключается отвѣтъ Матильды на сомнѣніе Данте относительно слышаннаго имъ отъ Стація (XXI, 43—54) увѣренія, что пары земныя не восходятъ выше третьяго круга, гдѣ врата чистилица. Теперь она приступаетъ къ рѣшенію втораго вопроса, почему вѣтеръ колеблетъ здѣсь листья деревь и откуда беретъ начало Лета.

103—104. «Коловратъ первичный», въ подлинникѣ: *la prima volta, это primum mobile, т. е., по системѣ Птолемеевой, девятая небесная сфера, самая быстрѣйшая изъ всѣхъ, совершающая въ 24 часа свой оборотъ вокругъ земли, неподвижно стоящей въ центрѣ міра, и сообщающая свое движеніе прочимъ нижнимъ, въ ней заключающимся, сферамъ*.

102—108. 1) «Древніе принимали кругообразное движеніе всей вселенной, въ центрѣ которой неподвижно стояла земля. Отъ этого движенія и атмосфера приводится въ круговое движеніе, которое какъ бы нарушается высоко поднимающеюся къ небу горою Чистилица. Это мнѣніе было, впрочемъ, вполне соответствующимъ идеѣ, которую, согласно съ тогдашнимъ богословіемъ, имѣли о дѣйствительномъ земномъ раѣ. Чловѣкъ въ состояніи невинности былъ неразрушимъ даже въ тѣлѣ своемъ, не вслѣдствіе присущей тѣлу силы безсмертія, но по причинѣ сверхъестественной, сообщенной душѣ, крѣпости, которая могла защитить тѣло отъ разрушенія. Разрушеніе же это могло послѣдовать какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ причинъ. Внутренняя причина заключается въ истощеніи влажности вслѣдствіе старости, что чловѣкъ можетъ предотвратить употребленіемъ питательныхъ веществъ. Между внѣшними причинами главное мѣсто занимаетъ перемѣна температуры. Слѣдо-

вательно, для предупрежденія этого рай долженъ быть окруженъ чистымъ умѣреннымъ воздухомъ». *Θομα Акв. Sum. Theol.*, p. I, qu. 97, art. 4; p. II, qu. 102; сличи выше, примѣч. къ стихамъ 101—102». Филалетъ.—2) «Ощущаемое здѣсь движеніе вѣтра происходитъ, слѣдовательно, не отъ испареній, но вслѣдствіе никогда не прекращающагося равномернаго движенія свѣтилъ съ востока къ западу. Потому здѣсь постоянно дуетъ равномерный восточный вѣтеръ. Эта равномерность движенія воздуха, не зависящая ни отъ какихъ земныхъ случайностей, соответствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоянію души очистившагося отъ грѣховъ человѣка; это уже явствуетъ изъ вышесказаннаго, а также изъ того контраста, въ которомъ находится этотъ вѣтеръ съ тѣмъ вѣтромъ, который возбуждаетъ въ различныхъ направленіяхъ Люциферъ движеніемъ своихъ крыльевъ (Ада XXXIV, 50 и слѣд.). Штрекфуссъ.—3) «По ошибочному положенію астрономіи того времени, земля стоитъ въ центрѣ вселенной. Атмосфера земли вращается вмѣстѣ съ *primum mobile* (смотри примѣч. къ 103 стиху) и со всѣми подъ нимъ находящимися кругами неба съ востока къ западу, такъ какъ *primum mobile* вращеніемъ своимъ увлекаетъ за собой и лежащій подъ нимъ воздухъ. Пары, производящія на землѣ вѣтры, придаютъ воздуху нерѣдко движенія, противоположныя его движенію отъ востока къ западу. Сюда же пары не восходятъ; поэтому воздухъ вращается здѣсь всегда вмѣстѣ съ *primum mobile*, если не будетъ разорванъ въ какомъ нибудь мѣстѣ постороннею причиною. И такъ, воздухъ, постоянно вращающійся съ востока къ западу, встрѣчаетъ здѣсь, въ раю, сопротивленіе въ густотѣ лѣса, а это вызываетъ шумъ, который слышитъ Данте и о которомъ онъ спрашиваетъ Матильду». Скартаццини.

106. «Живой эфиръ», *aer vivo*, т. е. совершенно чистый и свободный отъ земныхъ испареній.

110. «Такая жизнь», т. е. растительная. «Ударяясь о деревья лѣсовъ, воздухъ наполняется ихъ силою или жизнью, и потомъ, достигая въ своемъ круговращеніи до обитаемой нами земли, влагаетъ въ нее такую силу, что она производитъ чрезъ это растенія, сѣмена которыхъ человѣкъ никогда въ ней не сѣялъ». Скартаццини.—«Итакъ чистая воля, изначала посѣянная Богомъ въ человѣка, есть именно та сила, которая еще и доннынъ разсѣиваетъ по землѣ сѣмена добра и счастья, къ которымъ былъ первоначально предназначенъ человекъ. Эта аллегорія выступаетъ повсюду, при внимательномъ изслѣдованіи текста». Штрекфуссъ.

112. «Вашъ край», *l'altra terra*, т. е. то полушаріе, на которомъ обитаютъ люди, противоположное горѣ Чистилища.

116. «Тамъ», т. е. на обитаемой вами землѣ.

117. Точно такъ, какъ растенія въ раю (XXVII, 135 и XXVIII, 69) возникаютъ безъ посѣва сѣмянъ,—такъ точно принимаетъ, повидимому, Данте независящее отъ сѣмянъ происхожденіе, такъ называемое *generatio aequivoca*, многихъ растеній, нерѣдко какъ бы внезапно возникающихъ на нашей землѣ; въ сущности же они, по его мнѣнію, рождаются отъ воздуха, насыщеннаго зародышами рая. Этимъ Данте старается объяснить возникновеніе такихъ растеній, которыя при благоприятныхъ почвѣ и климатѣ, повидимому, сами по себѣ рождаются на землѣ. По его мнѣнію, они возникаютъ не изъ сѣмени, но какъ бы непосредственно отъ божественной силы, точно такъ, какъ наши первые родоначальники возникли не отъ человѣческихъ родителей. Въ этомъ мнѣніи заключается, повидимому, тотъ аллегорическій смыслъ, что и до сихъ поръ возникаютъ на землѣ по временамъ нравственныя и другія явленія—такія, которыя какъ будто непосредственно исходятъ изъ рая, и притомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ

болѣе благоприятствуетъ къ тому почва, т. е. народъ и вся прочая окружающая обстановка, при которой совершаются эти явленія, находясь подъ покровительствомъ природы и небесной благодати (стихъ 113)». Ноттеръ.

120. «Излагая это ученіе, Данте описываетъ природу потеряннаго рая, какимъ онъ, свободный отъ всѣхъ возмущеній, свойственныхъ грѣшной землѣ, еще существуетъ здѣсь, на вершинѣ горы Чистилища (стихи 92—96), не зная никакихъ ни бурь, ни испареній (стихи 97—102), рождая растенія безъ сѣмянъ, воды безъ дождей и ключей (стихи 109—128) и удивительнымъ образомъ оказывая нерѣдко свое вліяніе и на нашъ міръ, на землю, гдѣ мы нерѣдко видимъ возникновеніе живыхъ существъ безъ сѣмянъ (стихи 112—114). Въ то же время это имѣетъ и символическій смыслъ: въ первобытномъ, райскомъ состояніи не имѣла мѣста мрачная сила природы, но единственно чистая воля Божія, которою все было сотворено ко благу, будучи неисчерпаемо-обильною побудительною силою въ человѣкѣ, невидимымъ сѣменемъ всего благого. Это ненарушимо-мирное состояніе до сихъ поръ существуетъ единственно на горѣ Чистилища, т. е. вполне пріобрѣтается только путемъ оправданія и очищенія—покаянія. Но и все то, что помимо этого совершается въ отдѣльныхъ случаяхъ, всѣ тѣ грандіозныя и, повидимому неизъяснимымъ образомъ возникающія нравственныя явленія—въ сущности не что иное, какъ отголоски этого непосредственнаго вліянія Божія, какъ бы сѣмена, приносящія изъ рая обѣтованіе возрожденія этого первичнаго единства съ Божьей волей. Глубокомысленная и глубоко-истинная идея!» Флейдереръ.

121. По разрѣшеніи перваго сомнѣнія, Матильда приступаетъ къ разрѣшенію втораго вопроса: какимъ образомъ можетъ существовать здѣсь вода, если нѣтъ дождей? Отвѣтъ заимствованъ изъ книги Бытія, II, 5, 6: «Господь Богъ не посылалъ дождя на землю;... но паръ подымался съ земли и орошалъ все лицо земли».

122—123. «Этотъ потокъ не возникаетъ ни отъ дождя, ни отъ воды, поднимающейся изъ моря черезъ пустоты внутри земли. Уже Брунетто Латини называетъ эти пустоты въ землѣ жилами, по которымъ вода, какъ кровь въ тѣлѣ, то восходитъ, то опускается, и приводитъ находящіяся въ горахъ ключи въ доказательство тому, что стихія воды находится надъ стихіею земли, ибо законъ жидкости тотъ, что она не можетъ подняться выше того, насколько можетъ упасть (Тезого lib. II, cap. 45). Самая же высокая точка, до которой можетъ подняться вода, есть высота облаковъ, откуда она потомъ изливается на сушу и море. А такъ какъ эта гора выше облаковъ, то вода и не можетъ подняться до ея вершины. О дѣйстви холода на воду сличу Чистилища V, 111. Отъ различія притока воды зависитъ различіе и въ водномъ обилии рѣкъ, которыя то поднимаются, то опадаютъ; въ подлинникѣ: Come fiume ch'acquista e perde lena,—то увеличивается, то ослабѣваетъ дыханіе рѣкъ,—выраженіе весьма поэтическое». Филалетъ.

127—132. Такъ какъ человѣку оправданному тягостно воспоминаніе о содѣянныхъ грѣхахъ, а съ другой стороны—отрадно воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ, то поэтъ, приготовляя душу къ переходу отъ рая земнаго къ небесному, гдѣ все—единая радость, приводитъ здѣсь двѣ эти рѣки, которыя, исходя изъ одного и того же истока, расходятся по различнымъ направленіямъ. Рѣка, уничтожающая память о грѣхахъ—Лета (отъ греческ. λήθη,—забвеніе); другая—Эвнот (отъ греч. слова, означающаго «добрая память»). А какъ мѣсто грѣху будетъ въ день Страшнаго Суда налѣво—для осужденныхъ, направо—для избранныхъ (Матѣ. XXV, 33), то поэтому и здѣсь одна рѣка (Лета) течетъ налѣво, другая (Эвнот)—направо.—Согласно съ библейскимъ сказаніемъ, одна рѣка исхо-

дила изъ Эдема для орошенія сада и отсюда раздѣлялась на четыре рукава, или рѣки. Помѣщая рѣки въ своемъ раю, Данте слѣдуетъ библейскому сказанію (Бытіе II, 10 и слѣд.), но ни число, ни названія библейскихъ рѣкъ не соотвѣтствовали цѣлямъ поэта. Поэтому изъ Библии онъ беретъ лишь идею рѣкъ земного рая, такъ же и ту идею, что рѣки эти, расходясь по различнымъ направленіямъ, имѣютъ тѣмъ не менѣе одинъ и тотъ же истокъ. Число же его рѣкъ — собственное изобрѣтеніе поэта; равно и имена имъ онъ заимствуетъ изъ классической мифологіи; впрочемъ, одни имена, но не болѣе. Лета дантовская не есть Лета древнихъ, которая, уничтожая память обо всемъ земномъ, причиняла тѣмъ самымъ истинную смерть усопшимъ. Напротивъ, дантовская Лета, испиваемая душою, производила на нее благотвѣльнѣйшее дѣйствіе: она позволяла ей забыть все, что въ грѣхѣ содержится истинно-горькаго и постыднаго, пока грѣхъ не вполнѣ еще искушленъ и пока человѣкъ находится еще въ страхѣ, что онъ не будетъ ему отпущенъ, или по крайней мѣрѣ пока онъ не знаетъ, какая участь его ожидаетъ. Затѣмъ Данте Эвное изобрѣтеніе совершенно новое. Эта рѣка оживляетъ въ памяти все благое, сдѣланное душою когда бы то ни было и какое бы ни было; дѣла не только болѣе замѣчательныя, на которыя она наиболѣе надѣется, но и каждое самое малое доброе дѣло, вытекшее изъ нея по силѣ доброй-ли привычки, или по внезапному порыву любви, безъ всякаго рефлекса на нее самое, безъ всякаго приготовленія. Сличи Перець, Скартаццини, стр. 578. — «Идею о Летѣ и Эвное Данте заимствовалъ, повидимому, изъ естественной исторіи Плинія, гдѣ говорится объ этихъ рѣкахъ. Не зная греческаго языка, Данте не могъ заимствовать ихъ у Павзанія, который говоритъ, описывая оракула въ пещерахъ Трофонія (Кн. IX, 39): «Откуда жрецы ведутъ его (посѣтителя) не тотчасъ къ оракулу, но къ источникамъ, которые находятся очень близко одинъ отъ другого. Здѣсь онъ долженъ испить такъ называемой воды Леты или забвенія для того, чтобы забыть все, что у него было до сихъ поръ въ душѣ, и потомъ еще другой воды, Мнемозины или воспоминанія, чтобы чрезъ это онъ могъ вспомнить все происходившее, когда спустится». «О добромъ и зломъ здѣсь не говорится ни слова». Ноттеръ.—Сличи Откр. Іоан. XIV, 13 и слѣд.

142. «Это двойственное дѣйствіе есть опять указаніе на двойственную природу оконченнаго очищенія, состоящую въ прощеніи грѣховъ и въ соединенномъ съ нимъ полномъ успокоеніи совѣсти и измѣненіи души, неуклонно стремящейся ко Благу». Филалеть.

135. «Жажда», т.-е. желаніе познанія. См. Чистилища XXI, 1.

136. «Королларій». Боэціѣ, Phil. Cons. lib. III, pr. 10: «Igitur veluti geometrae solent demonstratis propositis aliquid inferre quae porismata ipsi vocant, ita ego quo, que tibi veluti corollarium dabo». И lib. IV, pr. 3: «Memento corollarii illius quod paulo ante praecipuum dedi». — «Какъ милость», т.-е. добровольно, безъ твоего прошенія

140. «Felix nimium prior aetas». Боэціѣ, Phil. Cons. lib. II, poes. 5.

143. Въ подлинникѣ: Qui primavera sempre, ed ogni frutto. О золотомъ вѣкѣ, Овидіѣ. Превращ. I, 107: «Вѣчно стояла весна». Перев. Фета.

146. «Поэты улыбаются по поводу заблужденія, въ которомъ они находились вмѣстѣ со всѣмъ древнимъ міромъ; именно Виргилій самолично воспѣвалъ золотой вѣкъ въ своихъ Георгикахъ I, 125—140.—Здѣсь уже въ предпоследній разъ Данте видитъ Виргилія; въ последній разъ онъ его видитъ въ Чистилища XXIX, 55; но въ обоихъ случаяхъ Виргилій не говоритъ больше ни слова. Въ XXX, 46 поэтъ еще разъ обращается къ нему взоромъ, но Виргилій уже исчезъ.—Улыбка поэтовъ многозначительна, —очищенной душѣ представится нѣкогда земная поэзія не болѣе какъ пріятнымъ заблужденіемъ». Каннегиссеръ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

3. «Блаженъ, кому отпущены беззаконія»—слова псалма XXXI, 1.—«E viene questo salmo a proposito de la materia: impero che l'autore era per passare lo fiume che tollie la memoria del peccato. E però finde che Matelda cantasse questo, per accenderlo al passamento del ditto fiume et acconciamento di venire a si fatto stato, quale e quello de innocenzia e de la purità de la mente». Бути.—Пылая любовію къ церкви, Матильда, въ концѣ своей рѣчи, начинаетъ пѣть этотъ псаломъ, привѣтствуя поэта, у котораго всѣ семь *P* (при чемъ о послѣднемъ отдѣльно не упоминается) исчезли на челѣ, и который черезъ омовеніе въ рѣкѣ Леты вскорѣ утратитъ даже и воспоминаніе о своихъ грѣхахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она прославляетъ свое собственное блаженство.

4—6. Поэтъ сравниваетъ Матильду съ мифологическими нимфами, чтобы выразить цѣломудренную легкость ея движеній вдоль берега священной рѣчки Подражаніе Виргилію, *Georg. lib. IV, 381—383*:

. simul ipsa precatur
Oceanumque patrem rerum nymphasque sorores
Centum quae silvas, centum quae flumina servant.

7. Т. е. противъ теченія волнъ Леты, на противоположномъ къ Данте ея берегу.

9. Виргилія, *Aen. II, 724*: *Sequiturque patrem non passibus aequis.*

11—12. «Когда поэтъ, идя къ востоку, вошелъ въ лѣсъ, Лета заграждала ему путь подъ прямымъ угломъ (*XXVIII, 25*). Поэтому, чтобы идти за Матильдой противъ теченія потока, должно было направиться вдоль берега, повернувъ къ югу. Но здѣсь потокъ измѣнилъ свое теченіе отъ центра земного рая (смотри ниже, *XXXIII, 112*): теперь онъ течетъ къ внѣшней его окраинѣ, именно съ востока на западъ». К. Витте.

14—15. Смыслъ символическій: благодать быстро идетъ навстрѣчу тѣмъ, кто ея ищетъ.—«Этотъ поворотъ Матильды къ Данте всѣмъ тѣломъ (*tutta a me si torse*)—прекрасный образъ ся благоволенія къ поэту. Незадолго предъ этимъ Матильда обращалась къ нему лишь очами (*XXVIII, 63*); теперь она оборачивается къ нему всѣмъ тѣломъ, выражая этимъ движеніемъ, а также

нѣжнымъ словомъ «братъ», ту любовь и ту великую силу, которая побуждаетъ ее явиться ему теперь на помощь». Джиулиани.

16—18. Подражаніе Виргилію, Аен. IX, 109—110:

Hic primum nova lux oculis offulsit et ingens.
Vivus ab Aurora coelum transcurrere nimbus.

19—21. «Свѣтъ вѣры восходитъ самъ собою очистившемуся отъ грѣховъ человѣку, и притомъ не въ видѣ быстро пролетающей молніи, но въ видѣ свѣта, ежеминутно увеличивающагося и становящагося все свѣтлѣе и свѣтлѣе». Штрекфуссъ.—Въ подлинникъ: *Ma perchè il balenar, come vien, resta,*—въ высшей степени поэтическое изображеніе молніи, исчезающей мгновенно за своимъ блескомъ.

23—24. Данте клянетъ Еву, какъ болѣе виновную, чѣмъ Адамъ: «И не Адамъ прельщенъ, но жена. прельстившись, ввела въ преступленіе». I посл. къ Тимоѳ. II, 14. Сличнѣ Ома Акв. *Sum. Theol.*, р. II, 2-ae, qu. CLXIII, art. 4.

25. «Тамъ», т. е. въ земномъ раю.

26—27. Вкушеніемъ плода отъ древа познанія она хотѣла открыть то, что было скрыто Богомъ.—«Въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло». Бытіе, III, 5.—«*In statu primae conditionis hominis non erat obscuritas culpaе vel poenae; inerat tamen intellectui hominis quaedam obscuritas naturalis.*» Ома Акв. *Sum. Theol.*, р. II, 2-ae, qu. V, art. 1.—Гуго да Санъ-Витторе, напротивъ, полагаетъ, что человѣкъ въ первобытномъ состояніи былъ надѣленъ троякимъ познаніемъ: 1) *cognitio perfecta omnium visibilium*; 2) *cognitio Creatoris per praesentiam contemplationis seu per internam inspirationem*; 3) *cognitio sui ipsius, qua conditionem et ordinem et debitum suum sive supra se sive in se sive sub se non ignoraret.*»

28—30. Буквальный смыслъ: если бы Ева пребыла покорною Богу, я бы наслаждался этими благами теперь не впервые, ибо я родился бы въ земномъ раю и пребывалъ бы въ немъ во всю свою жизнь. О символическомъ значеніи этой терцины комментаторы между собой несогласны. Смотри Скартаццини, стр. 623.—«Давно», т. е. со дня моего рожденія до окончательнаго моего перехода въ рай небесный. Въ подлинникъ: *Avrei quelle ineffabili delizie Sentite prima, e poi lunga fiata.*

31—32. «Первозданные небесные первенцы»: *primizie odell'eterno piacer*, т. е. «первые задатки будущихъ радостей небеснаго рая (Бенвенуто Рамбалди, Бути, Ломбарди), такъ какъ земной рай есть задатокъ небеснаго». Скартаццини.

33. Т. е. явленія Беатриче, которую Данте ожидаетъ съ минуты на минуту, желаніе видѣть которую дало ему смѣлость войти въ пламень (XXVII, 34—51).

37—42. «Приступая къ изложенію высочайшихъ предметовъ небесныхъ и божественныхъ и притомъ такихъ, о которыхъ не только писать, но и помышлять трудно, Данте призываетъ на помощь всѣхъ музъ вообще и въ особенности Уранію, что значитъ небесная». Велутелло.—Здѣсь разумѣются музы, именно музы христіанскаго поэтическаго творчества, почему поэтъ и называетъ ихъ пресвятыми дѣвами.—«*Sacrum è la cosa santa quanto s'appartiene a Dio, e sanctum è la cosa ordinata et indicata inviolabile quanto al mondo.*» Бути.—«Пресвятыи» т. е. святыи въ высочайшей степени. Акад. Словарь.

37—39. Сличнѣ Рая XXV, 3.—Боккаччио въ *Vita di Dante* говоритъ: «*Non curando nè caldo, nè freddo, nè vigille, nè digiuni, nè niuno altro corporale di-*

sagio con assiduo studio divenne a conoscere della divina essenza e delle altre separate intelligenze quello che per umano ingegno qui se ne può comprendere» Также Виллани, Vita Dantis: «Tanto pernoscentiae poesis amore flagravit, ut dies noctesque nil aliud cogitaret». Самъ Данте: «Oh quante notti furono, che gli occhi dell'altre persone chiusi dormendo si posavano, che li miei nell'abitacolo del mio amore fisamento miravano!» Convivio, tr. III, с. 1.

40. «Геликонъ»—знаменитая гора въ Беотіи, мѣстопробываніе музъ, начало двухъ источниковъ—Аганиппе и Ипокрены.

41. «Уранія»—одна изъ девяти музъ—муза астрономіи. Она призывается здѣсь предпочтительно передъ прочими, какъ представительница небесныхъ музъ, теперь, когда поэтъ приступаетъ къ изображенію небесныхъ предметовъ. Въ подлинникѣ: Urania m'aiuti col suo sogo—съ своимъ хоромъ, т. е. со всѣми прочими музами, такъ какъ музы никогда не являются по одиночкѣ, но всегда вмѣстѣ.

43—54. «Видѣніе мистической процессіи въ земномъ раю раздѣляется на двѣ главныя части. Первая часть (XXIX—XXX, 33) изображаетъ, какъ церковь—учрежденіе божественное, или идеаль церкви—идетъ навстрѣчу кающемуся грѣшнику, страстно ищущему спасенія; она—сокровищница божественныхъ мистерій и путей милости. Во второй части (XXXII, 16—XXXIII, 12) Данте созерцаетъ въ видѣніи судьбы церкви отъ начала ея до перенесенія папскаго престола въ Авиньонъ, и затѣмъ старается (XXXIII, 34—78) отгадать, чрезъ уста Беатриче, будущность этой церкви. Въ то же самое время видѣніе это служитъ ареною великихъ событій чисто личнаго свойства—последняго покаянія Данте и его примиренія съ Беатриче. Въ этой части грандіознаго видѣнія поэтъ намъ указываетъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, желающій достигнуть блаженства. Церковь идетъ навстрѣчу грѣшнику, такъ сказать—сама ищетъ его, какъ добрый пастырь заблудшуюся овцу, принимаетъ его въ свои нѣдра, указываетъ ему пути милости; самъ грѣшникъ идетъ навстрѣчу церкви и добровольно подчиняется ея требованіямъ, стыду за содѣянные грѣхи (XXX, 78; XXXI, 64 и далѣе), плачу о своихъ грѣхахъ (XXX, 97 и далѣе), полной исповѣди (XXXI, 13—42), чистосердечному раскаянію (XXXI, 85 и далѣе), возрожденію (XXXI, 91 и далѣе, подвигамъ добродѣтели (XXXI, 103 и далѣе)». Скартаццини.—«Отсюда начинается великое аллегорическое видѣніе Данте—невидимой и торжествующей церкви, на что Матильда (стихи 61—63), которая здѣсь въ особенности обнаруживаетъ въ этомъ свою дѣятельность, какъ наставница, христіанская учительница, обращаетъ вниманіе Данте. Для большей ясности мы дадимъ общій очеркъ символическаго значенія мистическаго видѣнія, а въ дальнѣйшемъ комментарий войдемъ лишь въ частныя подробности. Вообще все это видѣніе излагаетъ послѣдовательный порядокъ и теченіе или исторію человѣческаго спасенія Христовою вѣрою, предшественницей которой была вѣра иудейская; и та и другая символомъ своимъ имѣютъ Ветхій и Новый Завѣты, т. е. Библию. Что самъ Данте былъ руководимъ при этомъ Библией, особенно Іезекилемъ и Іоанномъ, это онъ самъ говоритъ въ стихахъ 100—104.—Семь свѣтильниковъ означаютъ семь даровъ Святого Духа: страхъ, состраданіе—любовь къ ближнему, мужество, знаніе, совѣтъ, мудрость и прозорливость; семь полосъ—семь церковныхъ таинствъ: крещеніе, мвропомазаніе, священство, причащеніе, покаяніе и отпущеніе, елеосвященіе и бракъ. Эти семь полосъ образуютъ собою цвѣта радуги (стихъ 78), и притомъ, по Ландино, въ слѣдующемъ порядкѣ: мвропомазаніе—красный цвѣтъ, какъ знакъ страха, искореняемаго любовью къ Богу; отсюда возникаетъ затѣмъ смиреніе—добродѣтель, противоположная гордости, которая наказуется въ первомъ кругу чистилища; крещеніе образуетъ кармазинно-красный цвѣтъ и озна-

часть состраданіе, основанное на любви къ ближнему—добродѣтели, противоположной зависти, наказуемой во второмъ кругѣ чистилища; священство даетъ зеленый цвѣтъ и означаетъ мужество, основанное на надеждѣ, откуда возникаетъ добродѣтель, противоположная гнѣву; причащеніе имѣетъ бѣлый цвѣтъ, обозначающій знаніе, основанное на вѣрѣ и вызывающее добродѣтельную дѣятельность, противоположную унынію; покаяніе даетъ опять зеленый цвѣтъ, символъ совѣта, основаннаго на надеждѣ, вызывающей воздержаніе,—добродѣтель, противоположную скупости; елеосвященіе—опять красный цвѣтъ, знакъ мудрости, основанной на любви къ ближнему, вызывающей воздержаніе, противоположное невоздержанности; бракъ кроваво-краснаго цвѣта,—знакъ прозорливости, основанной также на любви къ ближнимъ, вызывающей цѣломудріе, противоположность сладострастія. Слѣдующіе за свѣтильниками мужи (стихъ 83)—патріархи и пророки, безпорочности которыхъ обозначается ихъ бѣлымъ блескомъ. Двадцать четыре старца обозначаютъ библейскія книги Ветхаго Завѣта; они увѣнчаны бѣлыми лиліями для обозначенія чистоты библейскаго ученія и вѣры. Эти двадцать четыре старца заимствованы изъ Откровенія Іоанна (IV, 4). Чтобы получить число въ 24 книги, должно держаться счету св. Іеронима, а именно: 1—5—книги Моисеевы; 6—книга Іисуса Навина; 7—Софетима, Судей; 8—Самуила; 9—Мелакимъ—книга Царствъ; 10—Исайи; 11—Іереміи; 12—Іезекииля; 13—Терназуръ, Малые пророки; 14—Іова; 15—Давида, Псалмы; 16—Соломона, Притчи; 17—Кохелетъ, Екклесіастъ; 18—Сирхассиримъ, Пѣснь Пѣсней; 19—Даніила 20—Паралипоменонъ; 21—Ездры; 22—Есеири; 23—Рувъ; 24—Циноть, Нееміи. Они поютъ пѣснь Дѣвъ Маріи, ибо Ветхій Завѣтъ содержитъ въ себѣ пророчество о ней и о воплощеніи Христа. Стихъ 88 описываетъ промежутокъ между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами. Четыре животныя — четыре евангелиста: Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ, или, вѣрнѣе, четыре написанныя ими евангелія, именно: Матѳей представленъ, какъ человѣкъ, потому что всего болѣе пишетъ о человечности Христа; Маркъ—какъ левъ, ибо онъ пишетъ о воскресеніи, какъ бы левъ, пробуждающій спящихъ отъ сна; Лука—какъ телець, ибо онъ говоритъ о священствѣ, обозначаемомъ жертвеннымъ тельцомъ; Іоаннъ—какъ орелъ, ибо онъ выше всѣхъ другихъ, какъ орелъ, возносится въ облака и въ евангеліи своемъ имѣетъ передъ глазами божественность Христа. Они украшены зеленью, ибо евангеліе вѣчно зеленѣетъ. Каждое животное имѣетъ шесть крылъ, при чемъ Данте (стихъ 105) слѣдуетъ Іоанну; изъ этихъ крылъ, по Велутелло, первая пара означаетъ прошедшее, вторая—настоящее, третья—будущее, слѣдовательно вѣчность времени. Множество глазъ (стихъ 95) указываютъ на провидѣніе и прозорливость, выказанныя евангелистами при изложеніи своихъ писаній. Триумфальная колесница (стихъ 107)—новая церковь; два колеса ея—Ветхій и Новый Завѣты. Грифъ—Христось, полу-птица, полу-левъ, для обозначенія двойственности его естества: божественнаго и человѣческаго. Два крыла его — правосудіе и милосердіе. Онъ простираетъ ихъ между семью полосами такимъ образомъ, что они заключаютъ въ себѣ одну изъ полосъ, и самая средняя полоса—причастіе; три полосы на лѣво—покаяніе, елеосвященіе и бракъ — принадлежатъ къ милосердію Божьему. Три жены при правомъ колесѣ — три теологическія добродѣтели, принадлежація Новому Завѣту: любовь—краснаго, надежда—зеленаго, вѣра—бѣлаго цвѣта. Четыре жены у лѣваго колеса, обозначающаго Ветхій Завѣтъ, — четыре основныя добродѣтели: правосудіе, мужество, благоразуміе и умѣренность. Онѣ облечены въ пурпуровый цвѣтъ, т. е. въ цвѣтъ любви, ибо безъ нея не можетъ быть никакой добродѣтели. Одна изъ нихъ, благоразуміе, имѣетъ три ока, ибо она должна видѣть прошедшее, настоящее и будущее. Два старца обозначаютъ Луку и Павла, перваго—сочини-

теля Дѣяній Апостольскихъ, второго—сочинителя многихъ твореній Новаго За-
вѣта. Четверо въ убогихъ одеждахъ—апостолы Іаковъ, Петръ, Іоаннъ и Іуда,
тоже писатели посланій Новаго Заѣта. Старець, замыкающій шествіе,—апостоль
Іоаннъ, сочинитель Откровенія. Слѣдовательно, здѣсь обозначены всѣ писанія
Новаго Заѣта. Іоаннъ проходитъ спящій, въ обозначеніе его вдохновенія; живой
взглядъ обозначаетъ глубокой смыслъ Откровенія. Первые двадцать четыре
старца были увѣнчаны лиліями, символомъ вѣры; послѣдніе семь—розами,
символомъ любви; четыре евангелиста одѣты въ зеленую одежду—символь на-
дежды. Громъ здѣсь не обыкновенный громъ, ибо на горѣ Чистилища нѣтъ ни
грома, ни молніи; это знакъ Бога, гласа Божьяго, того гласа, который слы-
шится при крещеніи Христа въ Іордани. Шествіе останавливается, чтобы Данте
могъ созерцать его и олицетворенное въ немъ очищенное человѣчество и чтобы
онъ одушевлялся его созерцаніемъ. Первая знамена—семь полосъ свѣта. Все
шествіе образуетъ форму креста». Каннегиссеръ.

43. «Силы нашихъ чувствъ воспринимаютъ, собственно, лишь отдѣльные
признаки предметовъ, а не самые предметы; потому если такими признаками
обладаютъ многіе предметы сообща, то возникаютъ обманы чувствъ. Но если
мы разсматриваемъ предметъ съ такою тщательностью, что замѣчаемъ при
этомъ при общихъ признакахъ и болѣе мелкія черты, которыми различные пред-
меты отличаются между собою, то разумъ нашъ начинаетъ сознать это раз-
личіе. То же случилось и съ Данте, который семь свѣтильниковъ, какъ мы сей-
часъ увидимъ, принялъ вначалѣ, пока онъ находился отъ нихъ въ отдаленіи,
за деревья». Филалетъ.—«Простыя силы нашихъ чувствъ не въ состояніи по-
стигнуть эти духовныя вещи; здѣсь потребенъ озаренный разумъ». Флейдереръ.—
Къ поясненію этого мѣста можетъ служить ученіе Аристотеля (*De anim.*
lib. II, c. 6): «*Sensibile igitur trifariam dividitur. Sensibile enim duo quidem per
se, unum vero per accidens sentiuntur. Et illorum rursus aliud est uniuscujus-
que proprium sensus, aliud commune cunctis. Atque proprium id sensibile dico,
quod alio sensu sentiri non potest, et circa quod error fieri nequit, ut color res-
pectu visus, et sonus auditus, et sapor gustus. Tactus autem plures differentias
habet quidem, indicat tamen de illis, ut coeterorum sensuum quisque de suo sen-
sibili, et non decipitur. Visus enim non errat esse colorem, aut auditus esse so-
num: sed quid sit id, quod est infectum colore vel ubi: aut quid sit it, quod so-
nat, vel ubi. Hujusmodi igitur sensibilia dicuntur uniuscujusque propria sensus.
Communia vero sunt haec, motus, quies, numerus, figura et magnitudo. Talia nam-
que nullius sunt propria sensus, sed omnibus communia sunt. Etenim tactu mo-
tus quidam sensibilis est, atque visu. Per se igitur sensibilia haec sunt*». Такъ
было и съ Данте,—золото, т. е. цвѣтъ, какъ объектъ, принадлежащій соб-
ственно глазу,—не обмануло его; но фигура—какъ объектъ, принадлежащій и
глазу и осязанію, обманула.

49. Въ подлинникѣ: *La virtù che a ragion discorso ammannna*, «именно раз-
судокъ, который даетъ разуму способность облекать свои умозаключенія въ
слово, сообщая ему для этого матеріаль или, говоря ученымъ языкомъ, *species
intelligibiles*». Филалетъ.

50. Шествіе открываютъ семь свѣтильниковъ, изливающихъ яркой свѣтъ.
«*Septenarius numerus universitatem significat*». Тома Акв. *Sum. Theol.*, р.
1, 2, qu. II, art. 5.—Семь слагается изъ трехъ (Троица) и четырехъ (части свѣта);
3+4=7 означаютъ соединеніе Бога и міра, вообще согласіе и гармонію. Богъ
и міръ—двѣ идеи, предполагающіяся въ каждой религіи. Это соединеніе со-
вершается въ цифрѣ 7, которая поэтому есть число или цифра религіи. Семь
свѣтильниковъ напоминаютъ прежде всего свѣтильники скинии (Исходъ, XXV,

37; Числь VIII, 2); далѣе они напоминаютъ семь духовъ: «Почіетъ на Немъ Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія» Исаи, XI, 2.—Данте, очевидно, заимствовалъ ихъ изъ Откровенія, гдѣ Іоаннъ видитъ семь золотыхъ свѣтильниковъ (I, 12), которые суть семь церквей (I, 20).—Большая часть комментаторовъ видитъ въ этихъ семи свѣтильникахъ семь даровъ Духа Святого, «которые, говорятъ Ландино и Алопимо Fiorentino, должны быть въ каждомъ вѣрномъ христіанинѣ. Первый даръ—состраданіе, противоположный зависти; второй—смиреніе, противоположный гордости; третій—кротость, противоположный гнѣву; четвертый—твердость духа, противоположный унынію; пятый—осторожность, противоположный скупости; шестой—цѣломудріе, противоположный сладострастію; седьмой—мудрость, противоположный чревоугодію».—Пьетро ди Данте одинъ видитъ въ нихъ семь степеней церковнослужителей: *presbyteratus, diaconatus, subdiaconatus, et isti tres majores ordines sunt, quia in sacris; exorcistatus, acolithatus, lectoratus et ostiatus et isti minores*; но это толкованіе никѣмъ не принято. Велутелло, какъ мы видѣли, «ставитъ еще въ связь съ ними семь таинствъ; окончательное ученіе о таинствахъ и седмичности ихъ было вполне установлено незадолго передъ временемъ Данте Томою Аквинскимъ, изъ котораго онъ черпалъ такъ обильно». Ноттеръ.—«Эти семь свѣтильниковъ вообще принимаютъ за семь даровъ Духа Святого, семь свѣтовыхъ полосъ—или за плоды Святого Духа, или за семь таинствъ. Что касается свѣтильниковъ, то они несомнѣнно заимствованы изъ Откровенія Іоанна (IV, 5), который называетъ ихъ семью Духами Божьими. Слѣдовательно, толкованіе это правильно». Подъ именемъ семи даровъ, заимствованныхъ изъ Исаи XI, 2, Тома Аквинскій разумѣетъ готовность различныхъ силъ души человѣческой слѣдовать наитію Св. Духа. Они относятся къ божественному наитію, какъ нравственные добродѣтели къ разуму.—Поэтому, въ то время, какъ нравственные добродѣтели относятся только къ силамъ воли, эти дары относятся ко всѣмъ силамъ души. Они называются: благоразуміе, осторожность, воздержаніе (мудрость), знаніе, кротость, твердость духа и состраданіе и раздѣляются слѣдующимъ образомъ: благоразуміе и осторожность относятся къ познаванію истины путемъ спекулятивнаго разума; мудрость и знаніе—къ правильной оцѣнкѣ истины во всѣхъ отношеніяхъ. Кротость, твердость духа и смиреніе относятся къ желательнымъ силамъ, и притомъ кротость въ отношеніи дѣйствій къ другимъ (Богу и людямъ), твердость духа и смиреніе—къ порядку собственныхъ наклонностей. *Sum. Theol., p. II, 1-ae, qu. 68.*—Изъ этого объясненія становится яснымъ, какъ умѣстно открываютъ семь даровъ Св. Духа шестіе этихъ сверхчувственныхъ средствъ милости, ведущихъ насъ къ божественному, такъ какъ они именно и составляютъ условіе полной дѣйствительности этихъ средствъ. Какое же значеніе имѣютъ полосы свѣта? Подъ именемъ плодовъ Св. Духа Тома разумѣетъ дѣйствіе, которое производятъ на человѣка его высшія милости (*Ibid., qu. 70*). Поэтому весьма удобно изобразить ихъ, какъ истеченія изъ семи даровъ. Впрочемъ, этому противорѣчатъ то, что въ посл. къ Галат. V, 22 плодовъ ихъ постоянно насчитывается двѣнадцать. Потому, кажется, вѣрнѣе мнѣніе тѣхъ толкователей, которые видятъ въ семи полосахъ семь таинствъ, находящихся, какъ средства милости—спасенія, конечно, въ близкомъ отношеніи къ этимъ дарамъ; хотя не должно трудиться, какъ это дѣлали многие комментаторы, чтобы найти соотношеніе каждаго таинства съ каждымъ опредѣленнымъ имъ даромъ, тѣмъ болѣе, что это вовсе не согласуется съ духомъ Аквина товой системы (*Sum. Theol., p. III, qu. 62*). Филалетъ.

52. «Сосудъ тотъ дивный»—*il bello agneso*, т. е. прекрасный строй изъ свѣтильниковъ. Данте, говоря о семи свѣтильникахъ, не безъ намѣренія употре-

блаеть сосудъ въ единственномъ числѣ, желая тѣмъ указать читателю, что семь свѣтильниковъ составляютъ одно цѣлое, раздѣленное на семь.

53—54. Пламя этихъ свѣтильниковъ блеститъ ярче, чѣмъ мѣсяцъ при полнолуніи—въ срединѣ между однимъ и другимъ новолуніемъ, и притомъ въ полночь, когда блескъ его бываетъ всего сильнѣе на безоблачномъ небѣ, когда воздухъ чистъ и совершенно прозраченъ. Въ подлинникѣ: *luna per sereno Di mezza notte nel suo mezzo mese.*

55—57. Появленіе Беатриче и все ее окружающее принадлежитъ всецѣло созерцательной жизни; потому-то *Виргилій*, или разумъ, земное знаніе, точно также объятъ изумленіемъ, какъ и самъ Данте. «*Виргилій* пришелъ туда, гдѣ онъ уже самъ собою ничего не видитъ (XXVII, 129)».—«Или, по другому толкованію, въ вещахъ божественныхъ пониманіе власти гражданской не идетъ далѣе того, что понимаетъ и каждый христіанинъ въ отдѣльности». *Скартаццини*.—Слѣдуетъ замѣтить, что Данте здѣсь въ послѣдній разъ видитъ *Виргилія*; черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, когда Данте обернулся къ *Виргилію*, онъ уже исчезъ (XXX, 43—57).

61. «Донна», т. е. *Матильда*.

61—63. Совершенно такой же упрекъ сдѣлала Данте Беатриче въ раю (Рая XXIII, 70—72):

Что взоръ вперилъ такъ въ очи ты мои?
Вагляни на садъ плѣнительный, гдѣ снова
Въ лучахъ Христа всѣ вѣтви расцвѣли!

64—65. «Сонмъ» — 24 старца. — Бѣлый — цвѣтъ чистоты и непорочности. «Облечены были въ бѣлыя одежды». *Откров. Іоанна*, IV, 4.

67. «Воды Леты, освѣтившіяся отъ отраженія въ нихъ семи свѣтильниковъ, должны были находиться съ лѣвой стороны поэта, такъ какъ, достигнувъ ихъ, онъ обратился направо. Въмѣстѣ съ тѣмъ это означаетъ отраженіе въ Летѣ лѣвой стороны поэта, стороны грѣшнаго его сердца,—той стороны, содержаніе которой заслуживаетъ забвенія». *Ноттеръ*.

70—71. Церковь идетъ навстрѣчу вѣрующему, вѣрующій — навстрѣчу церкви.

73—75. Въ подлинникѣ: *E di tratti pennelli avean sembiante.* Этотъ стихъ подаль поводъ къ различнѣйшимъ толкованіямъ. Во-первыхъ, одни читали *pennelli*, другіе—*panelli*; въ первомъ случаѣ это слово означаетъ штрихи, проведенные кистью, во второмъ—длинные, узкіе вымпела, которые прикрѣпляютъ корабельщики къ верхушкамъ мачтъ въ праздничные дни. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности (см. *Скартаццини*, 631), скажемъ, что *Тассо* подражалъ этому стиху и комментировалъ его (*Освобожд. Іерусалимъ*, VIII, окт. 32):

И видѣлъ я, какъ отъ звѣзды огнистой,
Иль отъ ночного солнца, лучъ спадалъ,
Какъ проведенный кистью штрихъ златистый,
Съ небесъ туда, гдѣ славный трупъ лежалъ.

77. «Семь лентъ», или полосъ—*sette liste*. О символическомъ ихъ значеніи говорено выше (стихъ 43 и примѣч.). Приводимъ еще нѣкоторыя мнѣнія. *Ландино* считалъ ихъ за плоды Св. Духа; *Anonimo Fiorentino* и *Пьетро ди Данте* полагали въ нихъ семь членовъ вѣры, относящихся къ божественности Христа; *Бути* первый признавалъ ихъ за семь таинствъ церкви, которыя суть символы

семи даровъ Духа Святого. Этого толкованія придерживается большая часть новѣйшихъ комментаторовъ и переводчиковъ. Скартаццини (633) не согласенъ и съ этимъ толкованіемъ; но, такъ какъ вопросъ этотъ слишкомъ отвлеченный, мы и не войдемъ здѣсь въ подробное его разсмотрѣніе и предоставляемъ читателю обратиться къ цитированному сочиненію.

78. Въ подлинникѣ: *Onde fa l'arco il sole, e Delia il cinto*. Здѣсь разумѣется семь цвѣтовъ радуги («дуги» въ церковно-славянскомъ языкѣ). Вслѣдствіе отраженія и преломленія лучей свѣта въ парахъ воздуха образуется радуга вокругъ солнца и поясъ вокругъ луны. Радуга въ Святомъ Писаніи — знакъ завѣта между Богомъ и людьми послѣ потопа (Бытіе IX, 9—17). Каждый отдѣльный цвѣтъ имѣетъ въ церковномъ символѣ свое особенное значеніе. Бѣръ, *Symbolik des mosaischen Cultus*, 1837, I, s. 325.

79. «Знамя» въ подлинникѣ: *ostendali* и *stendali*, — это второе сравненіе свѣтлыхъ полосъ, которыя тянутся отъ пламени свѣтильниковъ. Онѣ выются далѣе, чѣмъ сколько можетъ видѣть взоръ; символическій смыслъ: семеричная, озаряющая и освящающая сила Св. Духа простирается со своими дарами надъ церковью отъ отдаленнѣйшихъ временъ во времена грядущія, конецъ которыхъ не дано видѣть взору человѣческому. «О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ». Матѣ. XXIV, 36. — Бути: «*A significare che niuno può sapere quanto dobbiamo di quā durare, se non Iddio*».

81. «Десять шаговъ», по общему толкованію, означаютъ 10 заповѣдей, исполненіе которыхъ ведетъ къ полученію даровъ Духа Святого, а также и самихъ плодовъ таинствъ. Впрочемъ, цифра 10 принимается здѣсь какъ символическое число (можетъ быть даже вслѣдствіе этого символизма и число заповѣдей десять). Сличи: Бѣръ, I, 175; Данте, *Convivio*, tr. II, c. 15.

82. «Подъ чуднымъ небомъ», въ подлинникѣ: *Sotto così bel ciel*. — «Семь разноцвѣтныхъ полосъ въ воздухѣ образуютъ какъ бы балдахинъ надъ процессіей». К. Витте.

83. «Двадцать четыре старца». Заимствовано изъ Откров. Іоанна IV, 4: «И вокругъ престола двадцать четыре престола; а на престолахъ видѣль я сидѣвшихъ двадцать четыре старца, которые облечены были въ бѣлыя одежды и имѣли на головахъ своихъ золотыя вѣнцы». Въ Откровеніи Іоанна здѣсь, вѣроятно, разумѣются 12 патриарховъ и 12 апостоловъ (Ебраръ, *Die Offenbarung Johannes*, Kōnigsb. 1853, s. 223). Но у Данте, какъ мы видѣли (примѣч. къ стихамъ 43—54), здѣсь разумѣются книги Ветхаго Завѣта по экзегезу блаж. Іеронима (*Prologus galeatus*), который, впрочемъ, насчитываетъ всего 22 книги. Вотъ подлинныя слова его: «*Atque ita fiunt pariter Veteris legis libri viginti duo: id est, Moysi quinque et Prophetarum octo, Hagiographorum novem. Quamquam nonnulli Ruth et Cinot inter Hagiographa scriptitent, et libros in suos putent numero supputandos: ac per hos esse priscae legis libros vigintiquatuor, quos sub numero vigintiquatuor seniorum, Apocalypsis Ioannis indicit adorantes Agnum, et coronas suas prostratis vultibus offerentes stantibus coram quatuor animalibus*» etc.

84. «По-два», какъ Христосъ посылалъ учениковъ Своихъ (Луки X, 1), чтобы выразить согласіе въ ихъ ученіи (Бенвенуто Рамбалди), и потому, что такъ обыкновенно ходятъ въ процессіяхъ. Бути.—Вѣнки изъ лилій означаютъ чистоту ученія въ книгахъ Ветхаго Завѣта, а можетъ быть и вѣру въ грядущаго Мессію. Бѣлый цвѣтъ—символь вѣры.

85—87. По мнѣнію большей части толкователей, и притомъ древнѣйшихъ, слова эти относятся къ долженствующей скорѣ явиться Беатриче; по мнѣнію другихъ — къ Дѣвѣ-Маріи; третьихъ — къ церкви, изображаемой колесницею.

Слова эти представляют перифразировку словъ св. Елисаветы, которыми она привѣтствовала Пречистую Дѣву: «Благословенна Ты между женами, и благословенъ плодъ чрева Твоего!» Луки, I, 42.

85—86. «О красъ твоей вѣкъ да хвалится вселенна»,—*beata Virgo nullum actualem peccatum commisit nec mortale, nec veniale; ut sic in ea impleatur quod dicitur Cant. IV, 7: Tota pulchra es, amica mea, et macula non est in te* (Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нѣтъ на тебѣ). Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXVII, art. 4.

88—105. Здѣсь поэтъ изображаетъ мистическое видѣніе четырехъ животныхъ, при чемъ самъ и указываетъ на источники, откуда имъ заимствованъ этотъ дивный образъ: во-первыхъ, на Іезекіиля (I, 4—14): «И я видѣлъ: и вотъ бурный вѣтеръ шелъ отъ сѣвера», и т. д. Далѣе, въ видѣніи пророкъ Даниль (VII, 3 и слѣд.) видѣлъ четырехъ животныхъ, выходящихъ изъ моря; одно изъ нихъ имѣло 10 роговъ. Это послѣднее мы опять видимъ у Данте. Наконецъ, въ своемъ видѣніи Іоаннъ видѣлъ (Откров. IV, 6—8) ихъ около престола Божія: «И посреди престола и вокругъ престола четыре животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади: и первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имѣло лицо, какъ человекъ, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести крыль вокругъ, а внутри они исполнены очей». — Число четыре есть число міра, какъ три — число Бога. Міръ въ порядкѣ своемъ и правильности есть откровение Бога; поэтому четыре — знаменіе божественнаго откровенія. Бѣръ, *Symb. Vol. I, c. 115—174.*—По экземпляру Святыхъ Отцовъ, въ патристикѣ, четыре животныхъ суть символы четырехъ евангелистовъ, и притомъ животное съ образомъ человѣческимъ представляетъ Евангеліе отъ Матѳея, начинающееся съ человечности Христа; животное съ подобіемъ льва — Евангеліе отъ Марка, начинающаго велимъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; животное съ подобіемъ тельца — Евангеліе отъ Луки, начинающаго съ жертвоприношенія Захаріи; животное съ подобіемъ парящаго орла — Евангеліе отъ Іоанна, приемлющее свое начало съ божественности Христа. Слич: Григорія Великаго. *Homil. sup. Ezech.*—Скартаццини.

89. Т. е. въ земномъ раю.

93. «Зеленый цвѣтъ — цвѣтъ надежды; въ четырехъ Евангеліяхъ совершилось упованіе пророковъ Вѣтхаго Завѣта и возвѣстилась надежда вѣчной жизни. Лавръ — дерево вѣчно зеленѣющее: ученіе евангельское — вѣчная истина, которая никогда не пройдетъ. Лавровый вѣнокъ — эмблема триумфа; Евангеліе побѣдило и будетъ побѣждать своихъ враговъ». Скартаццини.

94. Какъ въ Откровеніи Св. Іоанна. Крылья животныхъ въ видѣніи Іезекіиля и Іоанна олицетворяютъ божественное Провидѣніе, дѣйствующее одновременно повсюду. Въ видѣніи Данте они, повидимому, обозначаютъ быстроту, съ которою Евангеліе распространилось по всѣмъ частямъ міра. Нѣкоторые полагаютъ иначе (Ландино и *Anonimo Fiorentino*),—что этимъ обозначается высота, широта и глубина Св. Писанія; по Пьетро ди Данте—шесть законовъ: естественный, Моисеевъ, пророческій, евангельскій, апостольскій и каноническій. Слич слѣдующее мѣсто у блаж. Іеронима: «*Matthaeus, Marcus, Lucas et Iohannes, quadriga Domini, et verum Cherubin, quod interpretatur scientiae multitudo, per totum corpus oculati sunt, scintillae emicant, discurrunt fulgura, pedes habent rectos, et in sublime tendentes, terga pennata et ubique volitantia, tenent se mutuo, sibi que perplexi sunt, et quasi tota volvuntur, et pergunt quocumque eos flatus Spiritus sancti perduxerit.*» Іеронимъ Павлино.

95—96. «Очи». Оставляя въ сторонѣ многочисленныя толкованія древнихъ и новѣйшихъ комментаторовъ, будемъ держаться при объясненіи значенія очей экзегеза, предложеннаго блаж. Иеронимомъ, котораго, очевидно, держался и Данте; онъ говоритъ (Prolog. galeatus): «. . . stantibus coram quatuor animalibus, oculatis ante et retro, id est in praeteritum et in futurum respicientibus». Итакъ, очи въ крыльяхъ животныхъ означаютъ пониманіе вещей прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, являющееся въ четырехъ Евангеліяхъ.—Аргусъ, сынъ Агенора или Арестора, былъ полонъ глазъ, почему и названъ *καυαλις*—всезрѣчій. Юнона поручила ему сторожить Іо, превращенную Юпитеромъ въ сороку. По повелѣнію Юпитера, Меркурій усыпилъ егои затѣмъ отрубилъ ему голову. Онъ былъ превращенъ Юноной въ хвостъ павлина. Овидія, Превращенія, I, 625—627:

Сто вокругъ головы у Аргуса глазъ помѣщалось:
Пара только изъ нихъ въ свою очередь отдыхъ вѣдушала,
А другіе служили и все пребывали на стражѣ.

Переводъ Фета.

98—99. Смысль,—чтобы не выйти изъ-подъ власти искусства—*il freno dell' arte*. Чистилища XXXIII, 141.

100—102. «И я видѣлъ: и вотъ бурный вѣтеръ шель отъ сѣвера, великое облако и клубящійся огонь, и сіяніе вокругъ него». Іезек. I, 4 и въ 13 и 14. Сличі примѣчаніе къ стиху 88.

104—105. Іезекиль видѣлъ животныхъ съ четырьмя, Іоаннъ—съ шестью крылами. Откров. IV, 8.

106—108. Побѣдная колесница и Грифонъ, очевидно, самые главные или центральные символы всей мистической процессіи. Скажемъ о нихъ подробнѣе. Очевидно, Данте заимствовалъ колесницу изъ видѣнія Іезекіиля (I, 15—21), по крайней мѣрѣ первую идею ея; но колеса Іезекіиля въ рукахъ Данте превратились въ колесницу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта колесница обозначаетъ могущество и величіе Божіе (Исаи, LXVI, 15). Она напоминаетъ огненную колесницу пророка Іліи (IV Царствъ II, 11—12). По мнѣнію большей части древнихъ и многихъ новыхъ комментаторовъ, колесница Данте означаетъ вселенскую церковь. Ломбарди первый высказалъ мысль, что колесница обозначаетъ одну лишь папскую кафедру, а не церковь христіанскую; это мнѣніе приняли многіе новѣйшіе комментаторы. Скартаццини, подробно разбирая эти мнѣнія (стр. 642), говоритъ, что мнѣніе древнихъ толкователей самое вѣрное, т. е. что колесница эта изображаетъ вообще Церковь Христову, и въ подтвержденіе приводитъ слѣдующее мѣсто изъ письма Данте къ итальянскимъ кардиналамъ (§ 4): «Vos equidem, Ecclesiae militantis veluti primi praepositi pili, per manifestam orbitam Crucifixi currum Sponsae regere negligentem non aliter quam falsus auriga Phaeton exorbitastis; et quorum sequentem gregem per saltus peregrinationis hujus illustrare intererat, ipsum una vobiscum ad praecipitium traduxistis. Nec ad imitandum recenseo vobis exempla, quum dorsa, non vultus, ad Sponsae vehiculum habeatis». — «Двухколесной». Менѣ согласны между собою толкователи о символическомъ значеніи колесъ. Толкованій предложено множество, но всѣ они болѣе или менѣ сомнительны. Ландино и Аннонио Фиорентино видятъ въ нихъ активную и созерцательную жизнь, что, впрочемъ, у Данте уже выражено Лией и Рахилью; Оттимо Коммента, которому слѣдуетъ большинство комментаторовъ, видитъ въ нихъ Ветхій и Новый Завѣты; но они уже выражены у Данте двадцатью четырьмя старцами, Тотъ же Оттимо замѣтилъ, впрочемъ (на что въ позднѣйшее время обратилъ вниманіе впервые Понта), что два колеса могутъ обозначать также св. Домп-

ника, т. е. учение, науку богословскую, и св. Франциска, т. е. созерцание, нищету и любовь, тѣмъ болѣе, что самъ Данте въ Раю (XII, 106) называетъ ихъ двумя колесами церкви. Но и это мнѣніе встрѣчаетъ противорѣчіе.—Филалетъ видитъ въ колесахъ Библию и преданіе; нѣкоторые (Барелли)—церкви восточную и западную, и проч.—Леопольдъ Витте, толкуя это мѣсто, говоритъ и, кажется, весьма основательно, слѣдующее: «Die Räder müssen etwas bezeichnen, worauf der Wagen der Kirche ruhen und sich bewegen kann. Ausserdem müssen concrete Gestalten vom Dichter damit gemeint sein, nicht abstracte Begriffe, die nimmermehr mit irdischem Reichthum überwachsen können. Endlich müssen es solche geschichtliche Erscheinungen sein, aus deren Mitte der Drache, die Gier nach allem Irdischen, hervorbrechen und die ganze Kirche bedecken und verunreinigen kann. Diese drei Merkmale aber scheinen mir unbedenklich angewendet werden zu dürfen, wenn wie unter den zwei Rädern den Clerus in seiner zweifachen Gestalt als Weltgeistlichkeit und Klostergeistlichkeit verstehen. Auf ihnen ruhte allerdings, nach katholisch-christlicher Anschauung, der gesammte Bau der Kirche; sie waren dazu berufen, die Christenheit zu tragen und weiter zu führen, nach der Richtung, welche durch die Peitschel angegeben ward. Aus ihrem Schoosse brach das Ungeheuer der Weltgier hervor und verdarb und zerstörte die Kirche. Und bei dem Clerus, dem klosterlichen sowohl als dem weltlichen, kam allerdings auch die Gier nach Geld zu ihrem Ziele—die Geistlichkeit bereicherte sich mit den Federn der Adlers, nahm die Güter des heiligen römischen Reiches zu einem grossen Theile in Besitz und verschaffte dadurch der Kirche die verhängnissvolle Umwandlung in das Bild des Drachen».

108. Въ подлинникѣ: Ch' al collo d'un grifon tirato venne,—которая подвигалась, влекомая выей грифона. — Грифъ или грифонъ, по-гречески Γρύψ, по-латыни Gryphus и Грыпс, мифологическое животное съ тѣломъ льва, съ головой и крыльями орлиными, жившее въ горахъ Рифейскихъ и оберегавшее золото Сѣвера (Herodot, III, 116). Въ Откровеніи Іоанна Христосъ названъ львомъ отъ колѣна Іудина (V, 5). Данте заимствовалъ идею о грифонѣ, очевидно, у св. Исидора, который говоритъ о грифонѣ: «animal pennatum et quadrupes... Omni parte corporis leones sunt; alis et facie aquilis sumiles» (Isid. Hisp. Orig. lib. XII, c. 2), при чемъ прибавляетъ: «Sed et Cristus est Leo pro regno et fortitudine... Aquita propter quod post resurrectionem ad astra remeavit». (Ibid. lib. VII, c. 2). Итакъ, Грифонъ есть символъ Иисуса Христа, Богочеловѣка. Это подтверждается эпитетами самого же Данте: animal binato (XXII, 47), biforme fiera (XXXII, 96), doppia fiera (XXXI, 122), и въ особенности, выраженіемъ (XXXI, 81): «двумя въ одно сливался естествами»—e sola una persona in due nature. Это выраженіе, какъ переводъ древняго символа вѣры Халкедонскаго: ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν χριστὸν Ἰῶν, κύριον, μονογενῆ ἐν ὄμο φύσει. Съ такимъ толкованіемъ Грифона согласно громадное большинство комментаторовъ.

109. Въ числѣ крылъ также видятъ аллегорическое значеніе. Бути, Ландино, Велутелло и другіе видятъ въ правомъ крылѣ божественное правосудіе, въ лѣвомъ — милосердіе. Но едва ли тутъ заключается символическій смыслъ. Данте даетъ два крыла Грифону, потому что этому баснословному животному всегда приписываются лишь два крыла.

110—111. «Подвигаясь сзади свѣтильниковъ и посреди ихъ по одной и той же стезѣ, Грифонъ долженъ, слѣдовательно, имѣть по три свѣтильника съ каждой стороны, и, простирая то и другое крыло въ высъ, занимать два боковыхъ пространства каждымъ крыломъ; такъ что, разсѣкая эти пространства, онъ не разстраивалъ ни одной изъ цвѣтныхъ полосъ». Бенвенуто Рамбалди.—

Таковъ буквальныйъ смыслъ; аллегорическій объяснить труднѣе. Многие комментаторы его и не объясняютъ.—Велутелло говоритъ: «*nè la giustizia nè la misericordia divina impedisce mai i sette sacramenti*».—«Крылья Грифона заключаютъ между собою четвертую изъ свѣтлыхъ полосъ. Если эти полосы обозначаютъ семь таинствъ, то, согласно обыкновенному счету ихъ въ катехизисахъ, котораго придерживается и Тома Аквинскій, четвертая полоса будетъ означать таинство покаянія. А такъ какъ прощенье грѣховъ есть главная цѣль вочеловѣченія и искупленія, то кажется очень умѣстнымъ помѣщеніе этого таинства въ срединѣ крыль, обозначающихъ соединеніе божественнаго съ человѣческимъ». Филалетъ.—Скартаццини несогласенъ съ этимъ и приводитъ свое объясненіе: «Если семь свѣтильниковъ означаютъ семикратный Духъ святой (стихъ 50, примѣч.), семь полосъ — семикратный даръ или силу Духа Св. (стихъ 77, примѣч.), Грифонъ — Христа; если орлиная часть Грифона — божественное естество въ Христѣ; если столь высокое поднятіе крыль его означаетъ, что Христосъ, находясь на землѣ, въ то же время находится и на небѣ и уносится, какъ Богъ, изъ вида, — то отсюда слѣдуетъ, что намѣреніе Данте было показать, что Христосъ, хотя Онъ отъ неба и въ небѣ, однако не прерываетъ чрезъ то силы Святого Духа, согласно со словами самого Христа: «Отецъ Мой доннѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю». Иоанна, V, 17.—«Я и Отецъ одно». Иоанна, X, 30.—Впрочемъ поэтъ не безъ умысла сказалъ: «*Tra la mezzana e le tre e tre liste*, различая такимъ образомъ три и три и четвертое. Припомнимъ, что три есть число божественное (примѣч. къ стиху 50), а четыре — число міра (*ibid.*), что эти два числа соединены и содержатся въ цифрѣ 7. Считая число полосъ справа и слѣва до праваго и лѣваго крыла Грифона, получимъ по три и справа и слѣва—число Божества; присоединимъ среднюю полосу, получимъ число четыре—число человѣчества. Всѣ вмѣстѣ составляютъ семь—число, выражающее соединеніе Божества съ человѣчествомъ. — Крылья Грифона не пересѣкаютъ ни одну изъ этихъ полосъ, т.-е. не нарушаютъ прекрасной гармоніи между 3 и 4, ни соединенія ихъ въ 7. Смыслъ аллегоріи, кажется, ясенъ.

112. Чистый разумъ не можетъ постигнуть божественнаго естества Христа.

113—114. Намекъ на слова Пѣсни Пѣсней, V, 11: «Голова его—чистое золото». Золото — символъ трехъ качествъ Божества: свѣта, чистоты и величія, какъ и блеска ослѣпительнаго. Бѣръ. *Symbol.* I, s. 282. — Видъ золота имѣло все птичье, орлиное, т.-е. передняя часть Грифа. Тыльная часть, львиная, представляла смѣсь бѣлаго съ алымъ. «Возлюбленный мой бѣлъ и румянь». Пѣснь Пѣсней, V, 10. — Бѣлый цвѣтъ—символъ чистоты, непорочности, алый — цвѣтъ любви; по Филалету, бѣлый и алый цвѣта обозначаютъ вѣру, полную любви, составляющую вмѣстѣ съ тѣмъ совершенство человѣческой добродѣтели. По Скартаццини, такъ какъ цвѣтъ представляетъ смѣсь бѣлаго съ алымъ, и слѣдовательно здѣсь разумѣются не два отдѣльныхъ цвѣта, а сляніе цвѣтовъ, то должно разумѣть просто тѣлесный цвѣтъ, а это выражаетъ человѣчность Божественнаго Слова, которое «стало плотію». Иоанна, I, 14. Такъ толкуютъ Бути, Велутелло и другіе комментаторы.

115—116. Публий Корнелій Сципіонъ Африканскій или Африканъ Старшій (*Africanus major*), побѣдитель Аннибала при Замѣ (19 окт. 202 до Р. X.), почтенъ римлянами великимъ триумфомъ и названъ Африканскимъ. — Августъ, первый императоръ римскій, о которомъ Светоній говоритъ: «*Curules triumphos tres egit, Dalmaticum, Actiacum, Alexandrinum; continuo triduo omnes*» (*Vita Aug.*, с. 22).

117—120. Сличн Ада XVIII, 106 и слѣд. и прим.—Великолѣпіе колесницы солнца описано у Овидія, Превращ. II, 107—110:

— Ось золотая была, золотое и дышло и ободъ
 Вкругъ всего колеса и серебряныхъ спиць весь порядокъ.
 А на ярмѣ хризолиты и камни цвѣтные рядами
 Отражали лучами блестящими Феба сіянье.

Переводъ Фета.

Солнечная колесница, управляемая Фаэтономъ, сошла съ своей колени и зажгла небо и землю. Последняя замолилась при этомъ великомъ бѣдствіи къ Юпитеру о помощи («и гласомъ священнымъ сказала». Овидія, перев. Фета, Превращ. II, 278), послѣ чего Зевесъ кинулъ молнію въ неискуснаго возницу, который упалъ въ рѣку Эриданъ, а колесница распалась на обломки. Въ подлинникъ: *Quando fu Giove arganamente giusto*. Это выраженіе *arganamente*, таинственнымъ образомъ, дало поводъ Бруноне Біанки подозревать, что здѣсь разумѣется папство, завладѣвшее, какъ Фаэтонъ, солнечной колесницей—свѣтскимъ управленіемъ церкви, и что оно, какъ и Фаэтонъ, понесетъ за то заслуженное наказаніе.

121—126. Три жены у праваго колеса, какъ сказано, три богословскія добродѣтели и, какъ уже видно изъ ихъ цвѣта, любовь—краснаго, надежда зеленаго («какъ смарагдъ», изумрудъ) и вѣра—бѣлаго цвѣта. Ихъ пребываніе у праваго колеса означаетъ ихъ болѣе высокое достоинство въ сравненіи съ прочими четырьмя женами, представляющими главныя нравственныя добродѣтели. Объ ихъ значеніи Тома Аквинскій говоритъ: *Cum bonum in humanis actibus attendatur secundum quod regulantur debita regula, necesse est quod virtus humana, quae est principium bonorum actuum, consistat in attingendo humanorum actuum regulam. Est autem duplex regula humanorum actuum, scilicet ratio humana et Deus; sed Deus est prima regula, a qua etiam humana ratio regulanda est. Et ideo virtutes theologicae, quae consistunt in attingendo illam regulam primam, eo quod earum objectum est Deus, excellentiores sunt virtutibus moralibus vel intellectualibus, quae consistunt in attingendo rationem humanam*» (*Sum. Theol.*, p. II, 2-ae, qu. XXIII, art. 6).

126. Въ подлинникъ: *La terza pareva neve testè mossa*—только что выпавшій снѣгъ. Здѣсь я не могъ удержать это сравненіе; но вынужденъ былъ употребить его для стиха 66 этой же пѣсни вмѣсто: *Tal candor di qua giammai non fuci*.

127—129. «Почему три богословскія добродѣтели предводятся то вѣрою, то любовью,—объясняется слѣдующимъ образомъ: Тома Аквинскій отвѣчаетъ на вопросъ, какая изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей первая, такъ: по его мнѣнію, по порядку возникновенія, вѣра—первая добродѣтель, ибо только тогда можно надѣяться и любить, когда мы объяли умомъ предметъ надежды и любви, а это совершается лишь вѣрою. Напротивъ, по порядку совершенства, любовь первая, потому что только она дѣлаетъ совершенными (полными) двѣ другія (p. II, 1-ae, qu. LXII, art. 4).—Вѣра и надежда безъ любви—только начало добродѣтели, а не сама добродѣтель; онѣ относятся къ любви, какъ вещество къ формѣ. Вѣра состоитъ въ добровольномъ подчиненіи откровенной черезъ Бога истины; а такой актъ воли вполне можетъ исходить лишь изъ любви. Точно такъ и надежда на небесное благо вообще не есть еще собственно добродѣтель; сначала еще нужно въ частности для себя, въ силу пріобрѣтенной заслуги, надѣяться обладать имъ, а это невозможно безъ любви (*Ibid.* qu. LXV, art. 4). Филалетъ. — «А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше». I Кор. XIII, 13. — «Если имѣю... всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто». I Кор. XIII, 2.

130—132. «Двѣ четы», т. е. четыре главныя добродѣтели: правосудіе, мужество, воздержаніе и мудрость. Онѣ одѣты въ пурпуръ—въ цвѣтъ любви. Какъ

добродѣтели естественныя, вполне достаточныя для естественныхъ цѣлей человека, онѣ могутъ существовать и безъ любви. Въ высшемъ, однакожь, христіанскомъ смыслѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ должны соответствовать сверхчувственнымъ цѣлямъ человека, онѣ такъ же не могутъ существовать безъ любви; здѣсь же онѣ являются какъ христіанскія добродѣтели. Тома Аквинскій говоритъ именно (Sum. Theol., p. I, 2-ae, qu. LXV, art. 2): «Virtutes morales, prout sunt operativae boni in ordine ad finem qui non excedit facultatem naturalem hominis, possunt per opera humana acquiri; et sic acquisitae sine charitate esse possunt, sicut fuerunt in multis gentilibus. Secundum autem quod sunt operativae boni in ordine ad ultimum finem supernaturalem, sic perfecte et vere habent rationem virtutis; et non possunt humanis actibus acquiri, sed infunduntur a Deo; et hujusmodi virtutes morales sine charitate esse non possunt. Aliae virtutes morales enim non possunt esse sine prudentia. Prudentia autem non potest esse sine virtutibus moralibus, in quantum virtutes morales faciunt bene se habere ad quosdam fines ex quibus procedit ratio prudentiae. Ad rectam rationem prudentiae multo magis requiritur quod homo bene se habeat circa ultimum finem, quod fit per charitatem, quam circa alios fines, quod fit per virtutes morales; sicut ratio recta in speculativis maxime indiget primo principio indemonstrabili, quod est contradictoria non simul esse vera. Unde manifestum fit, quod nec prudentia infusa potest esse sine charitate, nec aliae virtutes morales consequenter, quae sine prudentiae esse non possunt».

131. «Добродѣтель съ тремя очами есть мудрость, которая состоитъ изъ трехъ частей: Εὐβουλία, Σύνεσις и Γνώμη, которыя соответствуютъ вышеупомянутымъ тремъ стадіямъ свободнаго выбора, именно: Εὐβουλία соответствуетъ Consilio, Σύνεσις — Consensui и Γνώμη — Usui, или, какъ выражается Тома Аквинскій, относятся къ совѣтующей, направляющей и повелѣвающей дѣятельности разума (Р. II, 1-ae, qu. LVII, art. 6). Почему же именно мудрость руководитъ всеми прочими главными добродѣтелями? Это, по теоріи Тома Аквинскаго, происходитъ оттого, что безъ мудрости нравственныя добродѣтели существовать не могутъ. Сами по себѣ онѣ не болѣе, какъ склонность къ цѣли человека; а такъ какъ добродѣтель есть способность къ свободному выбору, то такая склонность къ цѣли можетъ лишь тогда получить имя добродѣтели, когда мудрость руководитъ этою способностью къ выбору правильнаго средства къ достиженію цѣли (Ibid. qu. LXV, art. 1). Поэтому же и въ Convivio поэтъ самъ называетъ мудрость руководительницею нравственныхъ добродѣтелей, показывающей имъ путь, чрезъ который онѣ возникаютъ и безъ котораго онѣ существовать не могутъ». Филалетъ. — Вотъ подлинныя слова Тома Аквинскаго: «Prudentia est directiva omnium moralium virtutum (Sum. Theol., p. III, qu. LXXXV, art. 3); въ другомъ мѣстѣ: «Idem medium, quod est virtutis moralis etiam est ipsius prudentiae, scilicet rectitudo rationis: sed prudentiae quidem est istud medium ut regulantis et mensurantis; virtutis autem moralis ut mensuratae et regulatae» (Ibid. p. 1, 2-ae, qu. LXIV, art. 3); еще: «Una est intellectualis virtus dirigens in omnibus moralibus actibus, scilicet prudentia» (Ibid., qu. LX, art. 1) и еще: «Prudentia non solum dirigit virtutes morales in eligendo ea quae sunt ad finem, sed etiam in praestituendo finem» (Ibid. qu. LXVI, art. 3).

133—135. «Два старца», первый — авторъ Дѣяній Апостольскихъ — Лука, второй — авторъ посланій, св. апостоль Павелъ (со включеніемъ посланія къ Евреямъ, которое со временъ блаж. Августина приписывается также св. Павлу). Въ посланіи къ Колоссянамъ (IV, 14) евангелистъ Лука названъ врачомъ («Привѣтствуетъ васъ Лука, врачъ возлюбленный»). Согласно преданію, Лука былъ

живописцемъ; замѣчательно, что Данте не упоминаетъ объ этомъ преданіи, а держится исключительно Св. Писанія, а можетъ быть блаж. Иеронима, который (De Spirit. Eccl. in Brev. Rom.) называетъ Св. Луку «*medicus Antiochensis*», при чемъ прибавляетъ: «*vixit octoginta et quatuor annos*», почему Данте и называетъ его старцемъ.

134. «Несходные ни въ чемъ,» собственно, въ одеждѣ—*in abito dispari*.

136—138. Гипократъ, знаменитый греческій врачъ, отецъ медицины, родился около 470 г. до Р. X. на о-вѣ Косѣ, умеръ въ Лариссѣ въ 356 г. — «Рожденнаго природой», въ подлинникѣ: *che natura Agli animali fe' ch' ella ha più cari*, — смыслъ: природа создала его съ особенными способностями къ врачебной наукѣ, чтобы оказывать своимъ «любимцамъ», т. е. человѣку, какъ вѣнцу творенія (*l'uomo è perfectissimo di tutti gli animali*), Convivio, tr. II, c. 9), помощь въ болѣзняхъ.

139—141. До своего обращенія ко Христу Павелъ преслѣдовалъ христіанъ съ мечомъ въ рукѣ, а по обращеніи своемъ былъ обезглавленъ мечомъ. Джемсонъ (Sacred and Legendary, Art. I, p. 188, по цитатѣ Лонгфелло) замѣчаетъ, что мечъ сталъ атрибутомъ св. Павла съ XI вѣка. «When S. Paul is leaping on the sword, it expresses his martyrdom; when he holds it aloft, it expresses also his warfare in the cause of Christ; when two swords are given to him, one is the attribute, the other the emblem; but this double allusion does not occur in any of the older representations». — Здѣсь мечъ, повидимому, есть «мечъ духа», т. е. «слово Божіе» (Ефес. VI, 17). Острота меча означаетъ слово Божіе, которое живо и дѣйствительно: «Слово Божіе живо и дѣйствительно, и острѣе всякаго меча обоюду остраго; оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя» (Посл. къ Евр. IV, 12). Мечъ этотъ напоминаетъ здѣсь мечъ у привратника чистилища (IX, 78—84 и примѣч.). Поэтому-то, вѣроятно, онъ и внушаетъ страхъ Данте, хотя и очистившемуся отъ семи смертныхъ грѣховъ въ семи кругахъ чистилища, но все еще не чувствующему себя вполне чистымъ и готовымъ вознестись къ странамъ звѣзднымъ.

142—144. Первые четыре—символы каноническихъ посланій, писанныхъ ап. Іоанномъ и Іудой. Наконецъ, спящій старецъ, «съ виду — огневой» (*con la faccia arguta*),—символь Откровенія, писаннаго ап. Іоанномъ. Нѣкоторые возражали на это, говоря, что апостоль Іоаннъ является здѣсь въ третій разъ: во-первыхъ, въ видѣ животнаго, во-вторыхъ, въ видѣ смиреннаго старца, и въ третьихъ, въ видѣ спящаго старца, а потому въ четырехъ старцахъ нѣкоторые хотѣли видѣть четырехъ отцовъ католической церкви: Григорія Великаго, Иеронима, Амвросія и Августина, или четырехъ главныхъ пророковъ: Исаію, Иеремію, Іезекііля и Даниіла; также въ спящемъ старцѣ—то Моисея, то Бернарда. Но здѣсь не представляется никакой трудности. Дѣло въ томъ, что въ мистической процессіи участвуютъ не лица, а олицетворенія. Двадцать четыре старца—не авторы книгъ Ветхаго Завѣта, а самыя книги; четыре животныхъ—не Евангелисты, а Евангелія; два старца за колесницею—не Лука и Павелъ, а олицетвореніе Дѣяній Апостольскихъ и Посланій Павловыхъ. Точно такъ и здѣсь четыре смиренныхъ старца—олицетвореніе прочихъ каноническихъ посланій (Іакова, Петра, Іоанна и Іуды); они названы смиренными (*in umile raguta*), единственно, по краткости этихъ посланій, а не по бѣдности апостоловъ. Наконецъ, спящій старецъ—олицетвореніе Откровенія Іоанна, а не самъ Іоаннъ; онъ идетъ одинъ, потому что Откровеніе—единственная пророческая книга въ Новомъ Завѣтѣ; онъ старецъ, ибо авторъ Откровенія умеръ въ глубокой старости; онъ идетъ сзади всѣхъ, такъ какъ Откровеніе—последняя книга Библии; онъ представленъ спящимъ, но съ видомъ огневымъ, потому что Откро-

веніе — рядъ видѣній, написанныхъ «чтобы показать, чему надлежитъ быть вскорѣ» (Откров. I, 1) и есть «libro di grande sottilezza ad intenderlo» Бути. — «Итакъ, великая процессія представляетъ намъ вселенскую церковь, предшествующую семикратнымъ Духомъ Божиимъ, осѣненную семью Его силами, предшествующую книгами Ветхаго Завета, ведомую Исусомъ Христомъ посреди Евангелій, окруженную богословскими и нравственными добродѣтелями и сопровождаемую остальными книгами Новаго Завета. Въ своемъ перечнѣ и выборѣ книгъ, сопровождающихъ церковь, Данте не хочетъ выходить изъ предѣловъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, можетъ быть, въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ, которые считали декреталии основаніемъ вѣры. Сличи De Mon., lib. III, c. 3: «Sunt etiam tertii, quos Decretalistas vocant, qui Theologiae ac Philosophiae cujuslibet inscii et expertes, suis Decretalibus (quas profecto venerandas existimo) tota intentione innixi, de illarum praevalentia credo sperantes, Imperio derogant. Nec mirum, quum jam audiverim quendam de illis dicentem, et procaciter asserentem, traditiones Ecclesiae fidei fundamentum. Quod quidem nefas de opinione mortalium illi submoveant, qui, ante traditiones Ecclesiae, in Fidem Dei Christum, sive venturum, sive praesentem, sive jam passum crediderunt, et credendo speraverunt, et sperantes caritate arserunt, et ardentem ei coheredes factos esse mundum non dubitat». Итакъ, въ основу церкви Данте полагаетъ лишь книги Ветхаго и Новаго Завета. Точно такъ и въ Раю (XXIV, 136), вопрошаемый ап. Петромъ объ основѣ его вѣры, Данте ограничивается одними книгами Ветхаго и Новаго Завета и не упоминаетъ ни о какихъ другихъ, ни о какихъ декреталияхъ». Скартаццини.

146. «Какъ первый сонмъ», т. е. двадцать четыре старца въ бѣлыхъ одѣяніяхъ.

146—148. Они увѣнчаны не бѣлыми лиліями, но вѣнками изъ розъ и другихъ алыхъ цвѣтовъ, какъ символомъ ихъ кроваваго мученичества, которое они украшали небесными цвѣтами, объемлющими ихъ головы, какъ свѣтлыя повязки (brōlo—садъ; περιβόλιος, περιβολος—огражденное мѣсто) и вмѣстѣ съ тѣмъ символъ полной христіанской добродѣтели, fides caritate formata. — Стоящій вдали, глядя на эти цвѣты, могъ бы поклясться, что онъ видитъ огни на головѣ ихъ, такъ ярко ихъ цвѣтъ.

151. Процессія не движется съ мѣста во все время, пока Данте не испилъ водъ Леты и не былъ приведенъ четырьмя женами къ груди Грифона (XXXI, 100 и слѣд. и примѣч.). Въ этотъ промежутокъ времени Данте приноситъ послѣднее покаяніе и окончательно примиряется съ Беатриче. Аллегорическій смыслъ: церковь идетъ навстрѣчу кающемуся грѣшнику, принимаетъ его въ свое лоно и, ведя его съ собою, охраняетъ его на пути, ведущемъ къ блаженству вѣчной жизни.

152. «Громъ». При входѣ Данте въ адъ было землетрясеніе, вихрь, молнія и громъ (Ада III, 130—136, и IV, 1—2). Здѣсь опять слышится громъ. Откуда происходитъ этотъ громъ? Бути отвѣчаетъ: «Questo tuono si dee intendere che fusse in quello luogo cosa sopra natura, e fusse segno da Dio dato che la processione si dovesse fermare». — При этомъ слѣдуетъ замѣтить, какъ говоритъ Велутелло, что «поэтъ изобразилъ церковь въ формѣ креста, обращеннаго къ западу, какъ обыкновенно изображаются кресты, ибо впереди помѣстилъ семь свѣтильниковъ, образующихъ основаніе или подножіе креста; затѣмъ—24 старца попарно, образующихъ древо креста до того мѣста, гдѣ онъ перекрещивается и гдѣ онъ помѣстилъ узелъ, т. е. колесницу, влекомую Грифономъ, посреди четырехъ животныхъ; на мѣстѣ правой вѣтви креста—три, а на мѣстѣ лѣвой—четыре жены. Наконецъ, въ видѣ верхней части креста—семь старцевъ, одѣтыхъ, какъ и первый строй».

154. «Знамена», т. е. семь свѣтильниковъ, съ тянущимися за ними свѣтлыми полосами на подобіе стяговъ.

ПѢСНЬ ТРИДЦАТАЯ.

1. Въ подлинникѣ: *il settentrion del primo cielo* (септентріонъ перваго, высшаго, неба). «Этотъ мистическій септентріонъ означаетъ не колесницу, а семь предшествующихъ ей свѣтильниковъ, какъ это видно изъ Чистилища XXIX, 64—154. Септентріономъ (семизвѣдіемъ) поэтъ называетъ семь свѣтильниковъ, по имени семи звѣздъ Малой Медвѣдицы, озаряющей сѣверную часть нашего неба. Одна изъ семи звѣздъ этого созвѣдія есть Полярная Звѣзда. Созвѣдіе это никогда не заходитъ на нашемъ полушаріи и есть путеводное созвѣдіе для мореходцевъ. Точно такъ и семь свѣтильниковъ руководятъ колесницей церкви». Скартаццини.—«Небо неподвижныхъ звѣздъ—послѣ эмпирея второе подъ нимъ—имѣетъ ближайшимъ къ сѣверному полюсу созвѣдіе изъ семи звѣздъ, Малую Медвѣдицу, къ которой принадлежитъ и Полярная Звѣзда. Это созвѣдіе, называемое, по причинѣ семи звѣздъ, по-латыни *Septentrio* (семь воловъ, или слово въ слово—семиволіе), указываетъ кормчему направленіе, котораго онъ долженъ держаться, чтобы достигнуть пристани. Оно никогда не заходитъ на нашемъ полушаріи, и потому исчезаетъ съ нашихъ глазъ лишь тогда, когда помрачается наша атмосфера. Что совершается въ смыслѣ тѣлесномъ, то поэтъ переноситъ въ область духовную. И безтѣлесное высшее небо (стихъ 1) божественнаго свѣта и божественной любви (Рая XXVII, 113; XXX, 39) имѣетъ свой септентріонъ (семизвѣдіе), руководящій странника на его прямомъ пути, никогда не заходящій и омрачающійся для глазъ христіанина лишь его собственнымъ грѣхомъ; септентріонъ этотъ—тѣ семь свѣтильниковъ, обозначающихъ семь даровъ Св. Духа, которые предшествуютъ триумфальному шествію церкви (Слич: XXIX, 62 и слѣд.)». К. Витте.

4—6. Въ подлинникѣ: *E che faceva li ciascuno accorto Di suo dover*, и который научаетъ здѣсь, въ земномъ раю, cadaго своему долгу. — «Небесный септентріонъ, предшествуя колесницѣ, указываетъ каждому участвующему въ процессіи его долгъ, т. е. прямую дорогу, подобно какъ септентріонъ изъ звѣздъ нашей гемисферы указываетъ кормчему, куда онъ долженъ направлять корабль. *Qui* (септентріонъ) *non mergitur undis Axis innociduus... ille regit puppes*. Луканъ, VIII, 174. — «Этотъ лучезарный огонь духовнаго семизвѣдія служитъ каждому человѣку къ его нравственному благу; другой блескъ — дѣйствительной Полярной Звѣзды—существуетъ на пользу кормчему». Каннегиссеръ.

7. «Всѣ пророки міра», въ подлинникѣ: *la gente vegase*—правдивый народъ, т. е. 24 старца, сочинители писаній Ветхаго Завѣта, или, вѣрнѣе, олицетворенія двадцати четырехъ книгъ Ветхаго Завѣта, заключающихъ въ себѣ высшую истину. Они обращаются къ христіанской церкви, о которой они пророчествовали.—«Какая глубокая мысль! Ветхо-завѣтный предшествующій строй оборачивается къ тому, что онъ же самъ предвозвѣщаль; строй новозавѣтный идетъ вслѣдъ за Христовой церковью, слѣдовательно, онъ уже обращенъ къ ней». Копишь.

8. «Межъ нимъ», т. е. между семью свѣтильниками, септентріономъ, и колесницею, влекомою Грифономъ (XXIX, 82 и слѣд.).

9. Т. е. какъ къ предѣлу ихъ упованій, лежащему во Христѣ (Грифонѣ) въ Его церкви (колесницѣ). «Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ» (Луки II, 29)—слова Симеона Богопріимца.

10. «Одинъ изъ нихъ», т. е. Соломонъ, или, вѣрнѣе, Пѣснь Пѣсней, олицетворяемая однимъ изъ 24-хъ старцевъ. «Сказавъ, что этотъ одинъ казался какъ бы посланнымъ съ неба (въ подлинникѣ: *quasi da ciel messo*) для призванія Беатриче, поэтъ тѣмъ самымъ говоритъ, что Беатриче невѣста Пѣсни Пѣсней. По толкованію Святыхъ Отцовъ, невѣста Пѣсни Пѣсней—церковь; а символъ церкви, какъ мы видѣли, колесница. Тѣмъ не менѣе, какъ символъ власти духовной, Беатриче, вмѣстѣ съ тѣмъ, — въ извѣстномъ родѣ представительница и церкви, почему Данте и могъ отнести къ ней то, что Пѣснь Пѣсней говоритъ о невѣстѣ. Должно помнить, что невѣста Пѣсни Пѣсней, согласно съ тѣмъ, что говоритъ о ней Данте въ другомъ мѣстѣ (*Convivio*, tr. II, c. 15), есть божественное знаніе: «*che piena è di tutta pace, la quale non soffera lite alcuna d'opinioni o di sofisciti argomenti per la eccellentissima certezza del suo soggetto, lo quale è Iddio*». Скартаццини.

11. «Со мною иди съ Ливана, невѣста!»,—слова Пѣсни Пѣсней (IV, 8), или въ Вульгатѣ: *Veni de Libano, sponsa mea, veni de Libano, veni!* (Иди съ Ливана, невѣста моя, иди съ Ливана, иди!) Подъ Ливаномъ здѣсь разумѣется небо, подъ невѣстой — долженствующая сейчасъ явиться Беатриче. — «При этомъ надобно замѣтить, что, по католическому толкованію, Ливанъ съ своими кедрами часто обозначаетъ «гордыхъ», которые, въ противоположность «благочестивымъ», олицетворяютъ міръ. Псал. XXXVI, 35. Упоминаемые въ Пѣснѣ Пѣсней барсъ и левъ—образы враговъ Царства Божія (Исаи, XI, 6 и Іер. V, 6),—слѣдовательно, церковь должна оставить мѣсто гордыхъ, враговъ Царства Божія. Это и сдѣлалъ Данте, покинувъ (Ада I, 136) лѣсистую юдоль, мѣстопробываніе Барса, Льва и Волчицы. Итакъ, онъ теперь опять при церкви, которой нѣтъ мѣста въ помянутомъ лѣсу (XXXII, 100)». Копишь.

12. «Трижды», ибо слово *veni* три раза повторяется въ библейскомъ текстѣ Вульгаты.

13—15. Т. е. въ день Страшнаго Суда, когда, по слову апостола Павла: «Вдругъ, во мгновение ока при послѣдней трубѣ... воскреснутъ мертвыми» (I посл. къ Коринѣ. XV, 52).—«Облекшись въ плоть». Я слѣдовалъ обыкновенному тексту: *La rivestita carne*, хотя большинство лучшихъ новѣйшихъ изданій предпочитаетъ чтеніе: *La rivestita voce*. Сличи Скартаццини, 659.

16. «Колесницей», въ подлинникѣ: *basterna*, такъ во времена Данте называлась колесница или повозка на двухъ колесахъ, изукрашенная коврами и флагами, на которой ѣздили благородныя матроны. Данте, можетъ быть, употребляетъ здѣсь это слово для того, чтобы показать, что на ней вскорѣ появится Беатриче.

17—18. Послы и слуги (*ministri e messaggier' di vita eterna*)—ангелы, которые уже въ Святомъ Писаніи называются слугами — въ Псалт. CII, 20—21, къ

Евр. I, 7—14: «Ангелы.. всѣ суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе». Къ тому же слово *посолъ*—переводъ греческаго ἄγγελος.—Надо полагать, что эти доселѣ не упоминавшіеся ангелы невидимо носились вокругъ колесницы; теперь же, когда призывается на нее Беатриче, они возносятся надъ нею и становятся видимыми (быть можетъ намекъ на Псаломъ XXXIII, 8: «Ангель Господень ополчается вокругъ боящихся его и избавляетъ ихъ), по гласу такого старца», т. е. при возгласѣ вышеупомянутаго старца (Соломона), воскликнувшаго: «Иди, невѣста, съ Ливана!»—«Сто»—опредѣленное число взято вмѣсто неопредѣленнаго; собственно, множественно.—Латинскія слова: «ad vocem tanti senis», употреблены здѣсь единственно для риемы съ двумя приемами слѣдующей терцины.

19. «Benedictus, qui venis»: благословенъ грядый,—слова, которыми привѣтствовалъ Христа народъ Еврейскій при входѣ Его въ Іерусалимъ (Матѣ. XXI, 9; Марк. XI, 9; Лук. XIX, 38; Іоан. XII, 13).—Комментаторы несогласны между собою въ томъ, къ кому относятся эти слова? По однимъ—къ Данте, по другимъ—къ Беатриче. Въ пользу перваго мнѣнія говоритъ мужское окончаніе слова *benedictus*; но это ничего не доказываетъ, такъ какъ латинскія слова здѣсь заимствованы изъ «Sanctus» католической обѣдни и заключаютъ въ себѣ намекъ на эту обѣдню. Филалетъ полагаетъ, впрочемъ, весьма маловѣроятнымъ, чтобы Данте здѣсь привѣтствовалъ самого себя словами, обращенными къ Спасителю. Другіе (Фратичелли, Каммерини, Бланкъ и Каннегиссеръ) относятъ эти слова къ Беатриче.

21. «Manibus o date liliâ plenis»: разсыпайте лиліи полными пригоршнями—слова Лахиза въ подземномъ царствѣ, когда онъ въ числѣ тѣней будущихъ римлянъ показывалъ Энею юнаго Марцелла, преждевременно умершаго племянника Августа, и при этомъ говорилъ:

«Tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis;
Purpureo spargam flores».

Виргилій, Энеида. VI, 883.

22—23. «La similitudine che segue è fra le più belle del Poema, tanto per verità di colori quanto per dolcezza di versi». Л. Вентури (Similit. dantes., pag. 5). Этимъ стихамъ подражалъ Петрарка, Son. CCL, 1, 2:

Quand io veggio dal ciel scender l'Aurora
Con la fronte di rose, e co' crin d'oro.

Также Тассо, Освобожд. Іерусалимъ, пѣснь VIII, ст. 1:

И золотопорстая заря въ лазури
Въ вѣнкѣ изъ розъ въ обычный вышла путь.

28. «Освѣжите меня яблоками». Пѣснь Пѣсней, II, 5. Въ Вульгатѣ это мѣсто переведено: «Fulcite me floribus»—освѣжите меня цвѣтами.

29. «Ангеловъ несмѣтныхъ», сличн примѣч. къ стихамъ 17—18.

31—33. Данте является Донна (Беатриче) съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ и въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ вѣтвей поверхъ него. Подъ зеленой мантией она одѣта въ хитонъ цвѣта пламени. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь три цвѣта: бѣлый, зеленый и красный—цвѣта вѣры, надежды и любви. Олива—символь мудрости, а можетъ быть и мира. Беатриче является подъ покрываломъ, такъ какъ Данте еще недостойнъ видѣть ее безъ покрывала, не будучи вполне

очищенъ и примиренъ съ нею.—«Ella (Beatrice) apparvemi vestita di nobilissimo colore umile ed onesto, sanguigno, cinta ed ornata alla guisa che alla sua giovanissima etade si convenia». Vita Nuova, § 2. — «Беатриче представилась въ первый разъ Данте, какъ повѣствуетъ Vita Nuova, также въ красной одеждѣ; въ такой же одеждѣ является она ему и теперь (стихъ 40). Съ присоединеніемъ зеленого цвѣта мантии въ одеждѣ Беатриче повторяются все цвѣта—вѣры, надежды и любви». К. Витте. — «До сей минуты жена эта еще не возсѣдала на колѣнницѣ: она является впервые только теперь, полузакрытая парящими окрестъ ангелами и цвѣтами; жена эта—Беатриче. Она являетъ въ одеждѣ своей три цвѣта: бѣлый—вѣры, зеленый—надежды и красный—любви, точно такъ, какъ каждая изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей (XXIX, 122) облечена въ одинъ изъ этихъ цвѣтовъ. Случаю было угодно, чтобы прославленная возлюбленная Данте, національнѣйшаго поэта Италиі, въ лицѣ которой многіе толкователи видятъ аллегорическое воплощеніе національной идеи, явилась здѣсь въ цвѣтахъ, которые нынѣ, спустя болѣе 500 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ поэмы, составляютъ цвѣта соединенной итальянской націи.—Покрывало Беатриче имѣетъ цвѣтъ вѣры и повито притомъ вѣнкомъ мира (II, 70) и мудрости,—мысль тѣмъ болѣе глубокая, если припомнить, что въ предыдущей пѣсни, стихъ 26, Данте клянетъ неразуміе, съ которымъ Ева не захотѣла нести никакого покрывала и вмѣсто вѣры требовала себѣ познанія». Ноттеръ.—Здѣсь будетъ умѣстно обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, «съ какою неподражаемой геніальностью и прелестью изображены здѣсь рано скончавшаяся возлюбленная юности поэта и божественная благодать, питаемая отъ юности любовь къ обѣимъ и уклоненіе отъ той и другой». Штрекфуссъ.—«Съ этой минуты она уже не покидаетъ поэта вплоть до самаго престола Божія; послѣ аллегорическаго изображенія XXIX пѣсни мы съ удвоеннымъ удовольствіемъ ощущаемъ, какъ съ этимъ 31-мъ стихомъ, послѣ долгаго странствованія, Данте достигаетъ того, чего такъ желало его пламенное сердце,—появленія во всей славѣ его возлюбленной, и какъ вмѣстѣ съ нею его святая пѣснь приѣмлетъ новый полетъ, удерживающійся на одинаковой высотѣ во все слѣдующія пѣсни и придающій имъ наивысшую поэтичность во всей его поэмі». Флейдереръ.

34—36. Такое же впечатлѣніе производила на Данте и земная Беатриче, когда на девятомъ году ея жизни впервые ему явилась: «In quel punto dico vegacemente cho lo spirito della vita, lo quale dimora nella segretivissima camera del cuore, cominciò a tremare si fortemente che apparia ne' menomi polsi orribilmente; e tremando disse queste parole: Ecce Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi! In quel punto lo spirito animale, il quale dimora nell' alta camera, nella quale tutti gli spiriti sensitivi portano le loro percezioni, si cominciò a maravigliare molto, e parlando spezialmente allo spirito del viso, divse queste parole: Apparuit jam beatitudo vestra». Vita Nuova, § 2. — «Поэтъ неоднократно говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о чрезмѣрномъ трепетѣ, испытываемомъ имъ каждый разъ, когда онъ находится вблизи Беатриче, почему женщины однажды спросили его: изъ-за чего любишь ты эту даму, если не можешь перенести ея присутствія? (стихи 46—48). К. Витте.

35. «Такъ много лѣтъ». Беатриче скончалась въ 1290 году; видѣніе Божественной Комедіи случилось въ 1300 году; слѣдовательно, прошло 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ духъ Данте не приходилъ болѣе въ жестокой трепетъ (tremando, affranto) при видѣ Беатриче.

37—39. Беатриче до сихъ поръ находится еще подъ покрываломъ и невидима Данте; но изъ нея исходитъ какая-то таинственная сила, производящая на него дѣйствіе, подобное тому, которое онъ испытывалъ, когда видѣлъ ее.

41. «Та мощь любви»: *L'alta virtù*,—та дивная, сверхъестественная, небесная сила, вследствие которой онъ называетъ Беатриче въ *Vita Nuova*: «*un miracolo, la cui radice è solamente la mirabile Trinitade*» (§ 30).

42. «Во мнѣ, ребенкѣ». Данте полюбилъ Беатриче, когда ему было всего 9 лѣтъ.—«Грудь уже рвалась» (въ подлинникѣ: *già m'avea trafitto*)—«Плѣвила ты сердце мое, сестра моя, невѣста! плѣвила ты сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ». Пѣснь Пѣсней, IV, 9.

43. «Какъ младенецъ». Сличн Гомера, *Иліада*, XVI, 7—10:

Что ты расплакался, другъ Менетидъ? какъ дѣва-младенецъ,
Если за матерью бѣгая, на руки просится съ плачемъ,
Ловить одежду ея, уходящую за полу держать,
Плачетъ и въ очи глядитъ, чтобы на руки подняла мать.

Подобное же сравненіе въ Псалмѣ СXXX, 2: «Какъ дитяти, отнятаго отъ груди матери».

45—46. «Смущенный, подавленный силой чрезвычайныхъ впечатлѣній, Данте, естественно, обращается еще разъ къ своему прежнему вождю, и такъ какъ онъ еще не соединился съ Беатриче и видитъ при этомъ, что *Виргилій* уже исчезъ, стало быть стоитъ на границѣ между прежнимъ и новымъ положеніемъ, то онъ, понятно, долженъ чувствовать себя на минуту безпомощнымъ и пораженнымъ горемъ». Флейдереръ.

46—48. «Каждый атомъ», въ подлинникѣ: каждая драхма (мельчайшій вѣсъ), *Men che dramma Di sangue m'è rimaso*.—«Слѣдъ прежней страсти познаю я вновь»,—буквальный переводъ изъ *Виргилія*, *Энеида*, IV, 20—23:

*Anna, fatebor enim, miseri post fata Sychaei
Conjugis et sparsos fraterna coede penates
Solus hic inflexit sensus animumque labantem
Impulit. Agnosco veteris vestigia flammae.*

49. «*Виргилій* исчезаетъ, въ знакъ того, что разумъ человѣческій исчезаетъ предъ чудесами вѣры, что божественное ученіе мы не можемъ постигнуть, подобно тому, какъ постигаемъ другія знанія, но должны воспринимать ихъ по-дѣтски, чистымъ сердцемъ». Копинъ.—«Какъ уже и прежде, пролагавшее ему путь ко спасенію земное знаніе оказывалось для него недостаточнымъ, такъ теперь оно покидаетъ его окончательно, чтобы уступить мѣсто божественному познанію». Филалетъ.—Беатриче принимаетъ отнынѣ на себя руководительство Данте. Замѣчательно, что въ земномъ раю *Виргилій* и Беатриче не обмѣниваются между собою ни единымъ словомъ.

49—51. Полный любви къ *Виргилію*, Данте, не разъ называвшій его сладкимъ отцомъ, здѣсь называетъ его сладчайшимъ (*dolcissimo padre*) и три раза называетъ его по имени, подражая здѣсь, можетъ быть, самому *Виргилію* который (*Georg. IV*, 525—527) трижды повторяетъ имя *Эвридики*:

... *Eurydicen vox ipsa et frigida lingua,
A miseram Eurydicen anima fugiente vocabat,
Eurydicen toto referebant flumine ripae.*

52—54. Т. е. всѣ прелести и радости земного рая, утраченныя когда-то Евой, не удержали его отъ того, чтобы лицо его не оросилось слезами вследствие утраты *Виргилія*.

53—54. «Ликъ... омрачился вдругъ слезой», въ подлинникѣ: *guance nette di rugiada*, щеки омытыя росой—намекъ на Чистилица I, 95 и примѣч., 122 и далѣе, гдѣ *Виргилій* оmyваетъ росой лицо Данте.

55. «Эта внезапная развязка—черта высочайшей поэзии: нужно было тотчасъ представить Беатриче читателю, и вотъ она сама выполняетъ эту задачу». Чезари.—«Говорить эти слова Беатриче. Мѣсто это, начало укорительнаго суда, который вслѣдъ за тѣмъ произноситъ Беатриче надъ Данте, —единственное во всей Божественной Комедии, гдѣ столь безошадный къ своей человѣческой природѣ и строгій, равно и гордый въ отношеніи своего поэтическаго призванія и сознающій самъ свое достоинство, поэтъ рѣшается самъ произнести свое имя. Въ другомъ мѣстѣ, именно *Рая XXVI, 104*, нѣкоторые издатели вмѣсто *da te* читаютъ *Dante*, очевидно, ошибочно, какъ это явствуетъ изъ всего контекста этого спорнаго мѣста». Ноттеръ.

57. «Другихъ ... насилій», въ подлинникѣ: *per altra spada*, отъ иного меча, т. е. отъ меча сокрушенія своего собственнаго сердца, разумя тѣ жестокие упреки, которые сдѣлаетъ Беатриче Данте впослѣдствіи. Въ Святомъ Писаніи о словѣ *Божіемъ* говорится, что оно «острѣ всякаго меча обоюду остраго и проникаетъ до раздѣленія души и духа, суставовъ и мозговъ» (Посл. къ Евр. IV, 12).

58—60. По важности выведеннаго здѣсь лица (адмирала) и его служебныхъ обязанностей, сравненіе указываетъ на полное достоинства величіе Беатриче, и, выражая попеченіе и краткія рѣчи, обращаемыя адмираломъ къ экипажу другихъ судовъ, т. е. другихъ меньшихъ кораблей, чтобы ободрить его къ исполненію своихъ обязанностей, показываетъ, что въ дѣйствіяхъ и изъ взоровъ Беатриче проявляется величіе ея души. Самая мистическая колесница, на которой покоится Беатриче, имѣетъ нѣчто аналогичное съ главнымъ кораблемъ флота, на которомъ находится адмиралъ». *Л. Вентури, Similit. p. 214.*—Почти такое же сравненіе употребляетъ Данте въ *Convivio* (tr. IV, c. 4): «*Siccome vedemo in una nave, che diversi ufficii e diversi fini di quella a uno solo fine sono ordinati, civè a prendere loro desiderato porto per salutevole via: dove siccome ciascuno ufficiale ordina la propria operazione nel proprio fine; così è uno che tutti questi fini considera, e ordina quelli nell' ultimo di tutti: e questi è il nocchiere alla, cui voce tutti ubbidire deono.*»

61. Въ стихѣ 28-мъ не совсѣмъ ясно сказано, находилась ли Беатриче въ минуту своего появленія въ колесницѣ, или подлѣ нея; но изъ сравненія съ адмираломъ, находящимся, конечно, на кораблѣ, надобно допустить, что Беатриче находилась на колесницѣ, точно такъ, какъ и въ пѣсни XXXII, 36, она на ней находится. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы она ни была, въ колесницѣ ли, или внѣ ея, она теперь находится у лѣваго обвода (въ подлинникѣ: *spronda*, бортъ,—терминъ, одинаково пригодный и для корабля, и для колесницы); такъ какъ при этомъ *Лета* протекаетъ съ лѣвой ея стороны (см. стихи 67—71), то и Беатриче должна стоять на этой же сторонѣ, чтобы обращать взоры на противостоящаго Данте. Въ такомъ положеніи она обращена къ четыремъ свѣтскимъ добродѣтелямъ (XXIX, 130—132 и примѣч.). Ноттеръ.

62—63. «*Parlare di sè medesimo pare non licito.. Non al concede per li retorici alcuno di sè medesimo senza necessaria cagione parlare.*» *Conv. tr., II, c. 2.*—«Поэтъ говоритъ, что по необходимости написалъ здѣсь свое имя, такъ какъ *донна* должна была назвать его по имени по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что онъ былъ именно то лицо между многими, къ которому она направила свое слово; во-вторыхъ, потому, что людская рѣчь всего болѣе трогаетъ, когда къ кому-либо обращаются съ его собственнымъ именемъ, и въ этомъ обращеніи къ Данте выражено къ нему болѣе любви; точно такъ и

упрекъ явить тѣмъ болѣе, когда лицо упрекаемое названо упрекающимъ по имени». Оттимо.

64. «Та», т. е. Беатриче.

65. Т. е. облакомъ цвѣтовъ, бросаемыхъ руками ангеловъ (стихъ 28 и примѣч.).—«Намекъ на то, что въ очистившемся человѣкѣ лишь мало-по-малу возникаетъ познание божественнаго». Штрекфуссъ.

67. Голова Беатриче прикрыта покрываломъ, на которое возложенъ вѣнокъ изъ оливы (стихъ 31), называемой деревомъ Минервы, такъ какъ во время спора между Минервой (Аѳинной) и Посейдономъ, кому обладать Атикой, первая привлекла къ себѣ ея жителей тѣмъ, что принесла имъ въ даръ дерево оливы или маслины. — «Атрибутъ языческой богини мудрости принимается и какъ олицетвореніе небесной мудрости». Каннегиссеръ.

70. «Dal principio essa filosofia pareva a me, quanto dalla parte del suo corpo (civè sapienzia), fiera, chè non mi ridea, in quanto le sue persuasioni ancora non intendea; e disdegnosa, chè non mi volgea l'occhio, civè ch'io non potea vedere le sue dimostrazioni. E di tutto questo il difetto era dal mio lato». Conv., tr. III, c. 15. Эти слова Совивіо имѣютъ разительное сходство съ разсматриваемымъ мѣстомъ поэмы.

71—72. Т. е. какъ тотъ, кто берегаетъ сильнѣйшіе упреки и порицанія къ концу рѣчи.

73. Въ подлинникѣ: «Guardami ben: ben son, ben son Beatrice!»

74—75. Слова, сказанныя проницески: почель-ли, наконецъ, достойнымъ труда взойти на эту гору, единственно на которой человѣкъ можетъ найти блаженство. Въ переводѣ эти стихи нѣсколько измѣнены; въ подлинникѣ: «Come degnasti d'accedere al monte? Non sarei tu, che è l'uom felice?» Въ провѣ этихъ словъ заключается упрекъ, относящійся къ гордому, самонадѣянному изслѣдователю, которому грѣховно предавался Данте въ тотъ періодъ жизни, когда онъ искалъ себѣ спасенія не въ божественномъ откровеніи Писанія, но въ философіи и политическихъ дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же всецѣло и послушно обратиться къ откровенію божественныхъ книгъ, какъ того хотѣлъ Богъ». Копишь.

76. Т. е. въ Лету (XXVIII, 25 и примѣч.).

78. Итакъ, Данте чувствуетъ себя виновнымъ, но въ чемъ же? Конечно, не въ тѣхъ грѣхахъ, которыя очищаются въ предверіи и въ семи кругахъ чистилища, ибо вмѣстѣ съ семью Р уничтожены и отпущены ему и семь грѣховъ, и онъ не можетъ уже стыдиться ихъ или считать себя въ нихъ виновнымъ. Итакъ, грѣхъ его долженъ быть грѣхъ еще не очищенный и не отпущенный. И дѣйствительно, гордость философская, сомнѣніе въ предметахъ, касающихся вѣры, не очищается ни въ одномъ изъ круговъ чистилища. Если Данте грѣшенъ въ этомъ отношеніи, то этотъ грѣхъ еще остается въ немъ, и этотъ грѣхъ и есть именно тотъ, въ которомъ его уличаетъ Беатриче». Скартаццини.

79—80. «Данте часто сравниваетъ Беатриче съ матерью (Рая I, 102; XXII, 4). Трудно понять, почему богословіе называется матерью; матерью можетъ быть лишь церковь. Но власть церковная — представительница церкви. Итакъ, если Беатриче олицетворяетъ церковную власть, то Данте справедливо сравниваетъ ее съ матерью». Скартаццини.—«Въ этихъ словахъ Данте изображаетъ состраданіе, или милосердіе, которое не умалчиваетъ передъ грѣшникомъ о его грѣхахъ, и потому кажется ему горькимъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ эта горечь служитъ ему же ко благу». Каннегиссеръ.—«Сравненіе съ матерью, строгой къ своему сыну, показываетъ, что здѣсь поэтъ выражаетъ общее правило, при чемъ надобно разумѣть, что наказующее милосердіе всегда отзывается чѣмъ-то горькимъ наказуемому». Скартаццини.

82. Ангелы, окружающіе колесницу, отвѣчаютъ вмѣсто Данте Беатриче.— «Вы приступили къ горѣ Сіону и ко граду Бога живого, къ небесному Іерусалиму и тьмамъ ангеловъ». Посл. къ Евр. XII, 22.

83—84. «На Тебя, Господи, уповаю», слова XXX псалма. Ангелы поютъ первые девять стиховъ этого псалма: «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовѣкъ; по правдѣ Твоей избавь меня», и проч. до послѣдняго стиха девятаго: «И не предашь меня въ руки врага; поставилъ ноги мои на пространномъ мѣстѣ». Цѣль ангельскаго пѣнія—утѣшить и успокоить поэта, почему ангелы и не поютъ остальную часть псалма, какъ сюда не относящуюся.—«Какъ величественно, какъ психологически вѣрно дѣйствуетъ эта утѣшительная пѣсня на глубокосокрушеннаго поэта, растерзанное сердце котораго облегчается благодѣтельными вздохами и слезами, это выражаютъ слѣдующіе прекрасные стихи». Штрекфуссъ.

85—90. Сравненіе, въ которомъ заключается два сравненія; Данте сравниваетъ себя со снѣгомъ, а слышанныя имъ слова—съ вѣтрами, слова Беатриче—съ сѣвернымъ, дующимъ съ Словенскихъ горъ, слова ангеловъ—съ южными,—изъ Африки. Первые вѣтры заставляютъ смерзаться мокрый снѣгъ, вторые—заставляютъ его таять, какъ свѣчу. «Словенскіе вѣтры, отъ которыхъ снѣгъ замерзаетъ между вѣтвями деревьевъ, это тѣ вѣтры, которые въ древности назывались boreales и которые теперь называются въ Италіи gresali, потому что Славонія лежитъ между востокомъ и сѣверомъ относительно Апеннинскаго полуострова. Вѣтеръ, отъ котораго таетъ снѣгъ, дуетъ съ юга и запада, что обозначается у поэта странами «безъ тѣни» (la terra, che perde ombra); этимъ свойствомъ обладаютъ однѣ лишь страны тропическія или жаркаго климата, гдѣ два раза въ году солнце въ полдень бываетъ въ зенитѣ, вслѣдствіе чего тѣнь отъ предметовъ вертикальныхъ, упавая на ихъ основаніе, становится невидимою». Антонелли. Древніе полагали, что это свойство тѣни замѣтно уже въ Сіенѣ, на южной границѣ Египта, лежащемъ вблизи поворотнаго круга, что несправедливо.—«У мачтъ живыхъ» (tra le vive travi)—«въ вершинахъ Апеннинъ», собственно на хребтѣ Италіи (Per lo dosso d'Italia). Данте весьма поэтично называетъ вытянутыя въ длину Апеннины хребтомъ, какъ бы позвоночникомъ Италіи; въ его время онѣ были покрыты великолѣпными лѣсами пиній или «живыми мачтами». «Денистоунъ, Mem. of the Duke of Urbino, I, 4, говоритъ: На вершинѣ росли тѣ великолѣпныя пиніи, которыя дали округу Массы наименованіе Trabaglia; ихъ вывозили отсюда для дворцовъ Рима: они-то и названы поэтому «живыми брусьями» (мачтами). Лонгфелло.

92. «Хоръ Божій», т. е. ангелы, всегда поющіе согласно гармоніи небесныхъ сферъ. «По мнѣнію Платона и Пифагора, міровыя тѣла своимъ движеніемъ производятъ музыку, гармонію сферъ. Данте держится здѣсь этого мнѣнія и прибавляетъ, что ангелы сопровождаютъ эту музыку своимъ пѣніемъ». Каннегиссеръ. Скартаццини.—«Locutione qua Angeli loquuntur Deo, laudantes ipsum, et admirantes, semper Angeli Deo loquuntur». Ома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CVII, art. 3.

94—95. «Скорбь», т. е. состраданіе. «Peccatores—quamdiu sunt in hoc mundo, in tali statu sunt, quod sine praedicio divinae justitiae possunt in beatitudinem transferri de statu miseriae et peccati. Et ideo compassio ad eos locum habet et secundum electionem voluntatis (prout Deus, angeli et beati eis compati dicuntur, eorum salute volendo), et secundum passionem, sicut compatiuntur eis homines boni in statu viae existentes». Ома Акв. Sum. Theol., p. III, Suppl. qu. XCIV, art. 2.

98. «Вздохи и слезы исходятъ изъ устъ и очей»—«Изъ глазъ моихъ текутъ потоки водъ, оттого что не хранятъ закона Твоего». Псаломъ СХVIII, 136.

100. Въ подлинникѣ: *Ella, pur ferma in sulla detta coscia Del carro*—она же, стоя неподвижно на сказанной (лѣвой) сторонѣ колесницы.

101. Къ существамъ предвѣчнымъ (*sustanzie pie*), т. е. къ ангеламъ. Томъ Аквинскій называетъ ангеловъ *forma subsistens*: «*Angelus—est quaedam forma subsistens, et per hoc intelligibilis in actu. Unde sequitur quod per suam formam, quae est sua substantia, se ipsum intelligat*». *Sum. Theol.*, p. I, qu. LVI, art. 1.

103—105. Смыслъ тотъ, что ангелы никоимъ образомъ и ни въ какое время не могутъ отрѣшиться отъ непрестаннаго созерцанія Бога; тогда какъ мы, привлекаемые земными и тѣлесными предметами, единственно на нихъ только и обращаемъ вниманіе, не подымая ни на минуту своихъ умственныхъ очей для созерцанія небснаго и божественнаго. Итакъ, Беатриче говоритъ ангеламъ, что они вѣчно бодрствуютъ и созерцаютъ своего Создателя, такъ что ни ночь, ни сонъ не похищаютъ у нихъ шага, который дѣлаетъ въ своемъ пути вѣкъ, принимая вѣкъ вообще за время, которое есть не что иное, какъ тѣнь вѣчности». Даниелло. — «Въ свѣтѣ безконечномъ», въ подлинникѣ: *nell'eterno die* (въ вѣчномъ днѣ). «Въ день вѣчный». II посл. Петра, III, 18.—«Здѣсь высказывается противоположность созерцанія ангеловъ созерцанію смертныхъ, на которыхъ имѣютъ вліяніе и ночь и день».—Копишъ.—По Томѣ Аквинскому, ангелы знаютъ будущее и мысли сердецъ человѣческихъ: «*Sicut Deus per suam essentiam materialia cognoscit, ita Angeli ea cognoscunt per hoc quod sunt in eis per suas intelligibiles species*». *Sum. Theol.*, p. I, qu. LVII, art. 1.

106—108. Смыслъ тотъ: какъ вы знаете, что творится въ мірѣ, то цѣль моего отвѣта направлена не къ тому, чтобы наставить васъ, но къ тому, чтобы ее могъ понять тотъ, кто плачетъ по ту сторону рѣки Леты и чтобы горестъ его была соразмѣрна (пропорциональна) его грѣхамъ.

109—117. «Чудесные круги» (*quote magne*), небесныя сферы. По вѣрованіямъ астрологовъ того времени, небесныя сферы и расположеніе созвѣздій имѣли вліяніе на развитіе духовныхъ даровъ, называемыхъ натуральными (Сличи Ада XV, 55 и примѣч.; Чистилища XVI, 73 примѣч.). Смыслъ этой и слѣдующихъ двухъ терцинъ, значить, тотъ: не только вслѣдствіе вліянія свѣтилъ въ часъ рожденія (по астрологии), но и по особенной благодати Божіей, изливающейся на человѣка на подобіе тихаго дождя, хотя мы и не можемъ понять, какъ и почему (стихъ 114) онъ бываетъ предрасположенъ къ добру.

110. Т. е. даютъ всему рождающемуся наклонность къ чему-нибудь, добру или злему.

111. Смотри по тому, какую силою обладаетъ звѣзда, подъ которою родится человѣкъ.

113—114. Метафора заимствована отъ дождя, причина котораго—пары. Пророкъ Іоиль (II, 23) сравниваетъ милость Божію для отдѣльныхъ душъ (Рая XXXII, 64) съ каплющимъ съ неба дождемъ. Источникъ земныхъ дождей — атмосферныя пары; но той сферы, гдѣ иной паръ вызываетъ эти божественныя дожди благодати, не достигаютъ не только умы человѣческіе, но и умы праведныхъ и даже ангеловъ. Матѳ. XXIV, 36. Рая XX, 118 и примѣч.—«*Licet Angeli beati divinam sapientiam contemplantur, non tamen eam comprehendunt; et ideo non oportet quod cognoscant quidquid in ea latet*». Томъ Акв. *Sum. Theol.*, p. I, qu. LVII, art. 5.

115. «Въ жизни новой» — относится къ юности поэта, но съ особеннымъ указаніемъ на его юношеское сочиненіе подъ этимъ наименованіемъ—*Vita Nuova*.

116. «Могъ бы быть», въ подлинникѣ: *virtualmente*, т. е. въ возможности быть тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы стать вслѣдствіе даровъ, данныхъ небесами, и по обилію божественной благодати. «*Sunt enim ingeniis nostris semina innata virtu-*

tum, quae si adolescere liceret, ipsa nos ad beatam vitam natura perduceret». Цицеронъ. Tuscul., III.—Итакъ Данте, говоритъ здѣсь Беатриче, былъ расположенъ для каждаго добраго нрава, для достиженія всякаго навыка въ добромъ и прекрасномъ и притомъ вслѣдствіе двухъ вышеупомянутыхъ источниковъ всѣхъ природныхъ и божественныхъ добродѣтелей,—вслѣдствіе природы и благодати Божіей. Все сотворенное, а съ тѣмъ вмѣстѣ и духъ человѣчскій, имѣетъ свои природныя расположенія; а эти расположенія, согласно съ упомянутой теоріей поэта, приводятся къ цѣли своей вліяніемъ звѣздъ. Въ этомъ-то, или, выражаясь иначе, во врожденной способности и во внѣшнихъ условіяхъ и состоятъ дары природы. Но благодать Божія исходитъ изъ области болѣе высокой, чѣмъ та, изъ которой изливается дождь, каплющій съ облаковъ; она непосредственно исходитъ отъ Бога, изъ высочайшихъ небесъ, лежащихъ выше звѣзднаго неба, куда не достигаетъ взоръ человѣка». Филалетъ.

117. Въ подлинникѣ: *Fatto averebbe in lui mirabil pruova.*

118—120. «Но эти дары не могутъ помочь, они дѣлаютъ человѣка еще болѣе наказуемымъ, когда онъ пріемлетъ ихъ не съ полною охотою». Филалетъ.—«Грѣхъ становится болѣе тяжкимъ, смотря по состоянію согрѣшившаго, не потому, чтобы грѣхъ самъ по себѣ сталъ большимъ; но согрѣшившій, чѣмъ больше совершаетъ грѣховъ, тѣмъ большаго заслуживаетъ наказанія, почему поэтъ и говоритъ въ видѣ примѣра, что насколько почва сильнѣе, свѣжѣе, и способнѣе воспроизводить, — настолько, если восприметъ въ себя злое сѣмя и не будетъ воздѣлываться, — настолько болѣе дастъ злыхъ плодовъ». Ландино. *Anonimo Fiorentino.*

121. «На время», т. е. въ теченіе 16 лѣтъ. Беатриче было 8 лѣтъ, когда 9-ти-лѣтній Данте въ первый разъ увидѣлъ ее (1274); она скончалась въ 1290 году, когда ей было 24 года. Въ чемъ же такъ жестоко упрекаетъ его Беатриче? Не входя здѣсь въ подробное изслѣдованіе этого спорнаго вопроса, приведемъ здѣсь превосходныя толкованія Ландино и *Anonimo Fiorentino*: «Нѣкоторое время, т. е. въ дѣтствѣ, когда авторъ не допытывался никакого рациональнаго основанія настоящихъ своихъ познаній, онъ довольствовался знанъ *quia sic est* (Чистилища III, 37). Затѣмъ онъ пожелалъ резонерствовать и требовать для каждой вещи доказательства до очевидности; изъ теолога сдѣлался философомъ, покинувши богословіе и всякое доказательство *ab auctoritate*». Вообще замѣтимъ, что всѣ древніе комментаторы одинаково понимаютъ, что Беатриче упрекаетъ Данте въ томъ, что онъ оставилъ изученіе теологіи и Св. Писанія, чтобы предаться, по мнѣнію однихъ, поэзіи (Оттимо, Пьетро ди Данте и др.) по другимъ—для иныхъ занятій и любви (Бути, Ландино), по третьимъ—для почестей, богатства и мірскаго величія (Велутелло, Даніелло), по Бенвенуто Рамбалди—для того, чтобы гоняться за другими женщинами. Подробнѣе см. Скартаццини (стр. 716), также К. Витте, *Ueber das Missverständnis Dante's* (Hermes, 1824), перепечатанное въ его *Dante-Forschungen*.

124—125. «Но лишь чреда настала днямъ вторымъ» и проч., т. е. въ началѣ моея юности. *La umana vita si parte per quattro etadi. La prima si chiama adolescenza, civè accrescimento di vita: la seconda si chiama gioventù... Della prima nullo dubita, ma ciascuno savio s'accorda, ch'ella dura infino al venticinquesimo anno*. Conv., tr. IV, c. 24. Беатриче скончалась 9 іюня 1290 г., 24-хъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ, стало быть тогда, когда кончала первый періодъ своей жизни и была уже на порогѣ второго періода.—«Лишь» (*si tosto*) должно принимать не въ буквальномъ смыслѣ, ибо Данте оплакивалъ Беатриче два года. *Vita Nuova*, § 35, 36.

125. «И въ жизнь вошла иную», е *mutai vita*, т. е. когда я скончалась, перемѣнила земную жизнь на жизнь загробную.

126. Буквально: «предался» *donna gentile* въ его *Vita Nuova* (§ 36—39), а затѣмъ и другимъ женщинамъ, какъ увидимъ ниже, аллегорически: — философскимъ умозрѣнiямъ, покинувъ вѣру и любовь сыновнюю.

127. Т. е. когда изъ смертной я стала безсмертною.

129. «Онъ пересталъ цѣнить», въ подлинникѣ: *Fu'io a lu men saza e men gradita*, онъ охладѣлъ ко мнѣ въ то время, когда бы долженъ былъ любить меня еще болѣе.

130. «Ложный путь», т. е. путь философскихъ умозрѣнiй, послѣ того какъ оставилъ прямой путь вѣры, — ясное доказательство, что Данте упрекается здѣсь не только за любовныя дѣла, но и за грѣхъ совѣтъ иного рода. Грѣхъ этотъ тройкій: 1) по смерти Беатриче Данте влюблялся въ другихъ женщинъ (стихи 124—126); 2) любовь его къ Беатриче охладѣла, когда она стала безсмертною и святою (стихи 127—129); 3) Данте покинулъ прямую дорогу и направилъ шаги на ложный путь, вслѣдъ призракамъ истиннаго блага (стихи 130—132). Это служить прямымъ опроверженiемъ тѣхъ, которые видятъ здѣсь упрекъ за его плотскiя прегрѣшенiя (какъ, напримѣръ, Вегеле, *Dante Aligh. 2 Heft*, S. 92). Ложный путь есть тотъ, о которомъ говоритъ Исаия, LXV, 2: «Народу, ходившему путемъ недобрымъ, по своимъ помышленiямъ».

132. «Несбыточной мечтѣ», т. е. такой, которая никогда не можетъ привести къ хорошей цѣли. *Non igitur dubium est, quin hae ad beatitudinem viae devia quaedam sint, nec perducere quemquam eo valeant, ad quod se perducturas esse promittunt*. Боецій. *Phil. Cons. lib. III*, pr. 8.

133—134. Очевидно, намекъ на тѣ видѣнiя, которыя Данте разсказалъ въ своей *Vita Nuova*, § 40.

136. Сличи Чистилища I, 63.

140. Предъ *Виргилиемъ*, Ада II, 116 и Чистилища XXVII, 137.

144. «Пай», въ подлинникѣ: *scotto*, собственно плата (въ тавернѣ за ѣду), *le payement, ce que l'on donne pour racheter une faute* (Бланкъ, *Vocab. Dantesco*); я перевелъ словомъ пай, доля, часть въ какомъ нибудь общемъ дѣлѣ или общинѣ. Смысль: онъ не можетъ испить водъ забвенiя безъ слезъ покаянiя. Данте хотя и находится теперь въ земномъ раю, тѣмъ не менѣе долженъ подвергнуться новому покаянiю, прежде чѣмъ увидить Беатриче безъ покрывала и почувствуетъ себя чистымъ и готовымъ вознестись къ звѣздамъ. Хотя онъ и свободенъ отъ семи грѣховъ (*P*), на немъ все еще остаются грѣхи, которые не очищаются ни въ предверii, ни въ семи кругахъ чистилища. Какiе же это грѣхи?

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Эта пѣснь, вмѣстѣ съ первыми 12 стихами слѣдующей и пѣснями IX и XXVII Чистилища, составляетъ третье основное мѣсто для развитія всей Божественной Комедіи, такъ сказать настоящій центръ ея, вокругъ котораго вращается какъ все предшествовавшее, такъ и послѣдующее. Теперь значеніе этого центра, при непосредственной связи съ заключительнымъ примѣчаніемъ къ XXVII пѣсни Чистилища (стр. 371), можно охарактеризовать легко и просто. Дѣло идетъ, сказали мы тамъ, — объ окончательномъ освященіи очистившагося уже человѣка для вступленія въ райское состояніе и для перехода отсюда къ абсолютному блаженству, достигающему въ богопознаніи до созерцанія (III часть Божественной Комедіи—Рай). Это послѣднее освященіе, представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ и воспріятіе въ нѣдра невидимой церкви, совершается Беатриче, этимъ жизненнымъ началомъ ея, возсѣдающимъ на колесницѣ,—при помощи трехъ актовъ: 1) она приѣмлетъ послѣднюю, какъ бы все въ себѣ сосредоточивающую, но очевидно часто личную, общую исповѣдь отъ поэта (стихи 1—90); 2) она позволяетъ Матильдѣ погрузить поэта въ Лету и напоить его (родъ крещенія чрезъ погруженіе, истинное, духовное крещеніе), какъ символъ уничтоженія самаго тѣшаго болѣзненнаго воспоминанія въ его душѣ объ отпущенныхъ уже грѣхахъ (стихи 92—102), и позволяетъ той же Матильдѣ приобщить его къ хороводу четырехъ внѣшнихъ добродѣтелей, наконецъ, подвести его къ Грифону, Христу (стихи 103—123). Вмѣстѣ съ тѣмъ совершается и переходъ черезъ потокъ. Всѣ эти символы приличествуютъ Матильдѣ, какъ символу практической стороны христіанскаго совершенства, на высоту котораго Данте теперь становится (слич. XXVII, 100; XXVIII, 40). Только позднѣе—очевидно, изъ однихъ поэтическихъ соображеній, но въ тѣснѣйшей связи съ погруженіемъ въ Лету,—должна Матильда погрузить поэта и въ воды Эвноэ (XXXIII, въ концѣ). Какъ эти два потока въ сущности составляютъ лишь одинъ потокъ, такъ точно здѣсь является одно и то же дѣйствіе, окончаніе освященія, лишь раздѣленное на два акта, изъ которыхъ первый болѣе отрицательнаго свойства, второй же болѣе положительнаго характера, какъ воспоминаніе добраго, проявленіе стремленія къ добру. 3) Наконецъ, Беатриче сбрасываетъ съ себя

покрывало, не возбраняя болѣе вполне созерцать себя (ст. 124—XXXII, 6), и тѣмъ самымъ символизируетъ полное соединеніе Данте съ ней, какъ со все-творящею, восполняющею благодію свыше во Христѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ съ животворящимъ богопознаніемъ въ самомъ духѣ (христіанское совершенство съ созерцательной стороны. Чистилища XXVIII, 40 и XXXII, 9), и это совершенство продолжается теперь въ небѣ, въ раю, до самыхъ крайнихъ предѣловъ созерцанія Бога, гдѣ и кончается Божественная Комедія.— Такимъ образомъ здѣсь подтверждается высказанное уже выше (Ада I, прим. 79—81; 122; II, 53; 70) возрѣніе на символическое значеніе Беатриче. Здѣсь же умѣстно показать читателю, что дѣйствительно (конечно, совершенно идеальная) юношеская любовь поэта легла въ основу символической Беатриче; что воссоединеніе ихъ обоихъ празднуетъ здѣсь свой триумфъ, апофеозъ возлюбленныхъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ предъ очами поэта носится духовное подъятіе человѣка къ Богу, и что Данте, какъ здѣсь, такъ и вообще во всей своей поэмѣ, достигаетъ той тройственной цѣли, которая вообще составляетъ смыслъ всей Божественной Комедіи, а именно, на основаніи своей собственной житейской опытности предложить путь спасенія для всего человѣчества вообще и въ частности для своего времени.— Напоминанію этого послѣдняго — церковно-политическаго смысла и цѣли Божественной Комедіи — очевидно и назидательно посвящено видѣніе и предсказаніе объ исторіи церкви, которую Беатриче разоблачаетъ передъ Данте, послѣ всего сказаннаго въ XXXI пѣсни, въ XXXII и XXXIII пѣсняхъ, съ настойчивымъ, неоднократнымъ повелѣніемъ возвѣстить землѣ имъ видѣнное.— Впрочемъ, нельзя здѣсь не замѣтить въ краткихъ словахъ, что такое возрѣніе на тройственный смыслъ Божественной Комедіи отнюдь не исключаетъ того, чтобы въ отдѣльныхъ мѣстахъ поэмы то или другое изъ этихъ отношеній не выступало на первый или не отступало на задній планъ—это нерѣдко случается и даже требуется основнымъ характеромъ сочиненія, какъ свободной поэмы.—Мы почли наиудобнѣйшимъ предпослать здѣсь все вышесказанное въ одной общей связи, для того, чтобы читатель могъ болѣе быстрымъ ходомъ читать послѣднія и, въ особенности предстоящую, пѣсни и былъ бы въ состояніи оцѣнить ихъ въ общей, высокой красотѣ». Флейдереръ.

1—3. До сихъ поръ Беатриче говорила съ ангелами, не прямо (какъ бы лезвіемъ меча) касаясь Данте, теперь она обращается (остріемъ, концомъ) непосредственно къ нему. Здѣсь опять метафора меча, какъ и въ XXX, 57, см. прим.

11—12. «Въ рѣкѣ», т. е. въ рѣкѣ забвенія, въ Летѣ, еще не истребилась память о твоихъ грѣхахъ.

13. «Смущеніе вслѣдствіе стыда и страхъ заслуженнаго за грѣхи наказанія». Бути.

14. Т. е. сказанное столь тихимъ голосомъ, что объ немъ можно бы было заключить лишь глазомъ, по движенію губъ.

16—18. «Т. е. какъ арбалетъ или самострѣлъ, чрезмѣрно сильно натянутый, при выстрѣлѣ повреждается въ дугѣ и тетивѣ, при чемъ стрѣла летитъ медленнѣе и слабѣе ударяетъ въ цѣль». Бути. Ландино.

20. Сличу Виргилія, Энеиды XI, 150, 151:

. haeret lacrimansque gemensque
Et via vix tandem voci laxata dolorest.

23. «О Благѣ», т. е. о Богѣ, высшемъ благѣ: «Dio è nostra beatitudine somma». Conv. tr. IV, c. 22.—«Deum rerum omnium principem bonum esse communis humanorum conceptio probat animorum; nam cum nihil Deo melius excogitari queat, id quo melius nihil est bonum esse quis dubitet?» etc. Боеціи. Phil. Cons. lib. III, pr. 10.

25—26. «Овраги» и «чѣмъ былъ скованъ», т. е. препятствія вообще. Здѣсь разумѣются рвы, какими окружались средневѣковые замки, крѣпости, мосты и дороги.

27. Сличи: Ада I, 54: Io perdei la speranza dell' altezza.

28—30. Мѣсто довольно темное въ подлинникѣ и различно истолкованное комментаторами. Въ переводѣ Лонгфелло:

And what allurements or what vantages
Upon the forehead of the others showed,
That thou shouldst turn thy footsteps unto them?

32—33. Виргилій. Энеида I, 371: Suspirans imoque trahens a pectore vocem.

35. «Благъ земныхъ» (Le presenti cose), т. е. блага міра сего, почести, славу, удовольствія и проч.

36. Т. е. по смерти Беатриче; изъ уваженія къ ней Данте говоритъ ей вы.

38. «Судія», т. е. Богъ.

40—42. Здѣсь судъ Божій сравнивается съ колесомъ точильнаго камня. «Покаяніе притупляетъ силу грѣха, подобно тому, какъ колеса точильнаго камня, вращаясь противъ острія ножа, притупляютъ его». Ландино.—Ибо чистосердечное покаяніе есть свидѣтельство истинной скорби и раскаянія.—«Нашъ судъ» (postra corte), повидимому, сказано въ противоположность суду Миноса, предъ которымъ каждый грѣшникъ, по непреоборимой силѣ совѣсти, моментально высказываетъ свой грѣхъ, не получая за то никакого смягченія въ своей казни (Ада V, 4 и далѣе и примѣч.). Здѣсь же сознаніе грѣха—только дѣйствіе могущественно пробудившагося въ грѣшникѣ до сихъ поръ позабываемаго божества; если же кто-нибудь внемлетъ въ надлежащее время предостереженіямъ божественнаго голоса, то ему немедленно содѣйствуетъ въ этомъ его же свободная воля (XVI, 77 и др.; XXVII, 140); поэтому-то судъ небесный, въ противоположность адскому, такъ кротокъ и милостивъ». Ноттеръ.

43—44. Не надо забывать, что поэтъ является здѣсь лишь путникомъ, и долженъ снова вернуться на землю.

45. «Сирень» (сличи Чистилища XIX, 19 и примѣч.), т. е. мірскихъ прелестей и удовольствій, символомъ которыхъ служатъ Сирены.

46. «Источникъ слезъ», въ подлинникѣ: il seme del piangere, сѣмя слезъ или плача, выраженіе спорное у комментаторовъ, заимствованное, можетъ быть, изъ Псалма CXXV, 5: «Сѣяшіе со слезами будутъ пожинать съ радостью».

51. «Прахъ ты и въ прахъ возвратишься». Бытія III, 19. Сличи Рая XXV, 124.

55. Т. е. послѣ того, какъ ты впервые убѣдился въ ложности этихъ благъ и былъ уязвленъ ими, какъ стрѣлою.

56. «Въ святой предѣлѣ», т. е. на небо, когда я стала небожительницей.

59. «Женскихъ глазъ зараза», въ подлинникѣ: pargoletta, дѣвочка, дѣвчонка,—слово, подавшее поводъ къ нескончаемымъ спорамъ между комментаторами о томъ, кого именно разумѣетъ здѣсь Беатриче. Но изъ контекста рѣчи видно, что 1) Беатриче говоритъ не объ однихъ отвлеченныхъ, но разумѣетъ дѣйствительныя личности, и 2) что она не говоритъ здѣсь специально о какой-нибудь личности въ особенности, но вообще о молодыхъ дѣвушкахъ.

60. «Вся суетность». «Суета суетъ,—все суета!» Екклез. I, 2.

61—63. Метафора, заимствованная изъ книгъ Соломона: «Въ глазахъ всѣхъ птицъ напрасно разставляется сѣть». Притчи Солом. I, 17. — «И нашель я, что горче смерти женщина, потому что она — сѣть, и сердце ея — силки». Екклес. VII, 26. — «Горькая утрата, которую ты испыталъ, говоритъ Беатриче, должна бы была получше научить тебя непостоянству земныхъ благъ. Ибо позволила ли бы уже окрылившаяся птица поймать себя или застрѣлить, если передъ ея глазами разстлала бы сѣти, или натягивали лукъ?» Филалетъ.

68. «Бороду», вмѣсто лица, чтобы напомнить поэту, что онъ уже вполнѣ возмужалый человекъ, сказано иронически. «Тогда какъ всѣ биографы Данте единодушно говорятъ о его густой и курчавой бородѣ и такихъ же волосахъ на головѣ,—мы постоянно видимъ поэта на его портретахъ съ обритыми щеками и подбородкомъ. Очевидно, причина этому не иное что, какъ то, что всѣ извѣстные намъ портреты его, за исключеніемъ одного, берутъ начало съ маски, снятой съ мертвого поэта, для снятія которой, естественно, должно было предварительно удалить бороду; тотъ же единственный портретъ, о которомъ сказано выше (XI, 95 примѣч.), есть открытый въ 1840 г. (въ Palazzo del Bargello во Флоренціи) юношескій портретъ, которымъ мы обязаны другу Данте Джіотто и безбородость котораго никого не удивить». Пауръ. Ueber die Quellen zu Dante's Lebensgeschichte.

70—72. «Вязъ», въ подлинникѣ: *cerro, quercus cerris*, горный дубъ. Здѣсь обозначены два вѣтра—сѣверный (въ подлинникѣ: *postral vento*), называемый у итальянцевъ *tramontano*; другой—южный, дующій изъ Африки, названной страной Ярба, сына Юпитера Аммона, царя Ливійскаго, въ царствованіе котораго Дидона, избѣгая преслѣдованій брата своего, удалилась въ Африку и основала здѣсь Картегенъ (Виргилій, Энеида, IV, 196 и далѣе).—Филалетъ читаетъ здѣсь вмѣсто *postral—austral*, и полагаетъ, что здѣсь обозначаются вѣтры Австръ, или собственно южный, и *Africus*, называемый нынѣ *Libeccio*, югозападный,—на томъ основаніи, что оба эти вѣтра, вмѣстѣ съ юговосточнымъ сирокко, Брунетто Латини (Тесога II, сар. 37) называетъ вѣтрами, причиняющими наибольшее число буръ и грозъ.

74—75. Намекъ на латинскую пословицу: *barba crescit, caput nescit*.

78. «Существа первичныхъ»: *prime creature*, такъ въ большей части списковъ, которымъ слѣдуетъ К. Витте, Скартаццини и большинство новыхъ изданій; въ другихъ спискахъ — *belle creature*. Первичныя существа — ангелы. «Данте называетъ ихъ «первичными» частью, какъ существа совершеннѣйшія, частью же потому, что они, какъ чистыя формы, представляютъ нѣкоторымъ образомъ непосредственное изліяніе Божества (Чистилища XVI, примѣч. къ 80). Вопросъ о томъ, созданы ли ангелы прежде вещественнаго міра, или одновременно съ нимъ, былъ спорнымъ у теологовъ, и Тома Аквинскій склоняется болѣе къ послѣднему мнѣнію: *utrum Angeli sint creati ante mundum corporeum, invenitur duplex sanctorum doctorum sententia. Illa tamen probabilior videtur, quod Angeli simul cum creatura corporea creati sunt. Sum. Theol., p. I, qu. LXI, art. 3.* Филалетъ.

79. «Смутными очами»—отъ стыда, страха и благоговѣнія.

80—81. Беатриче, которая передъ этимъ была обращена лицомъ къ Леръ, обратила его теперь впередъ на Грифона, соединяющаго въ себѣ два естества Христа, божественное и человѣческое, и уже не глядитъ на своего невѣрнаго возлюбленнаго. *Et dicit quod vidit dictam Beatricem revolutam ad gryphonem, idest intuitus fuit ipse auctor theologiam novi Testamenti, in qua speculamur et vide-*

mus deitatem et humanitatem Christi, et sic unam personam in duabus naturis.
Пьетро ди Данте.

82—84. Текстъ этой терцины читается въ разныхъ спискахъ различно; въ большинствѣ, какъ принято во всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ:

Sotto suo velo, ed oltre la riviera
Verde pareami più sé stessa antica
Vincer che l'altre qui quand' ella c'era;

въ другихъ:

Sotto 'l suo velo, ed oltre la riviera,
Vincer pariami più sé stessa antica
Vieppiù che l'altre qui quand' ella c'era;

въ третьихъ, какъ у К. Витте и Скартаццини:

Sotto suo velo, ed oltre la riviera
Vincer pareami più sé stessa antica,
Vincer che l'altre qui, quand' ella c'era.

Смыслъ во всякомъ случаѣ тотъ, говоря словами *Postillatore Cassinense*: *Fac sic constructum: Videbatur mihi Beatricem antiquam, idest senem, sub suo velo et ultra flumen letheum plus vincere in pulchritudine, scilicet metipsam respectu pulchritudinis quam habebat dum vivebat quam vincere hic alias dominas*.—«Насколько здѣсь», т. е. на землѣ, она превосходила красотой всѣхъ прочихъ дѣвъ». Каннегиссеръ.

85. «Раскаянія жало», въ подлинникѣ: *l'ortico*, крапива. Видъ необычайной красоты Беатриче оказываетъ на Данте рѣшительное дѣйствіе: любовь оканчиваетъ и довершаетъ то, что подготовили страхъ, смущеніе, стыдъ и сознание». Скартаццини.

86. Т. е. отъ всего, что отклоняло его отъ Беатриче.

90. «Та», т. е. Беатриче.—Это паденіе обозначаетъ умираніе для грѣха для того, чтобы воскреснуть для благодати. Уже во второй разъ Данте падаетъ безъ чувствъ въ Божественной Комедіи; въ первый разъ онъ палъ, какъ падаетъ мертвецъ, во второмъ кругу ада, при видѣ мукъ Франчески и Паоло (*Ада V, 142*); это паденіе безъ чувствъ не есть слѣдствіе одного состраданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и терзанія совѣсти, при видѣ собственными глазами казни надъ грѣхомъ, въ которомъ Данте самъ сознаетъ себя болѣе или менѣе виновнымъ. Здѣсь Беатриче горько упрекаетъ его въ томъ же самомъ грѣхѣ, и упреки ея производятъ на него то же дѣйствіе, какое произвели слезы и горестный рассказъ Франчески. Этотъ-то грѣхъ собственно и есть тотъ самый, въ которомъ очищается Данте на берегу рѣки Леты». Скартаццини.

92. «Та донна», т. е. Матильда, встрѣтившая его у рѣки Леты (*XXVIII, 40*). Матильда, которая, какъ символъ дѣятельной жизни, подводитъ Данте къ Беатриче, символу созерцательной жизни, должна принять на себя этотъ послѣдній актъ очищенія поэта, т. е. погруженіе его въ волны рѣки забвенія. Въ известной степени можно бы было принять Матильду и за символъ видимой церкви, въ противоположность Беатриче, обозначающей собою церковь невидимую. На это указываетъ и самое имя (Матильда) великой сподвижницы въ дѣлѣ упроченія виѣшней церковной власти папъ, и потому въ этомъ уже смыслѣ ей совершенно приличествуетъ совершить такое крещеніе и очищеніе». Филалетъ.

94—95. «Мы вошли въ огонь и въ воду, и Ты вывелъ насъ на свободу». Псаломъ LXXV, 12; «Приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ очистивши сердца отъ порочной совѣсти, и омывши тѣло водою чистою». Посл. къ Евр. X, 22.

97—98. Съ приближеніемъ Данте къ правому берегу, названному въ подлинникѣ *beata riva*, хоръ ангеловъ поетъ слова L псалма: «Окропи меня иссопомъ, и буду чистъ; омой меня, и буду бѣлѣе снѣга». Этотъ псаломъ поется въ церкви всякій разъ, когда священникъ окропляетъ святой водой кающагося грѣшника—слова, стало быть, совершенно умѣстныя въ данномъ случаѣ.

100—101. Сперва Матильда погружаетъ его въ волны по шею; потомъ погружаетъ его съ головою, мѣстопробываніемъ памяти, для того, чтобы онъ испилъ воды забвенія, и такимъ образомъ уничтожилъ въ себѣ воспоминаніе о содѣянныхъ грѣхахъ.

103—105. Четыре дѣвы — четыре нравственныя добродѣтели (XXIX, 130—132 примѣч.). Утративъ память о порокахъ, поэтъ свыкается теперь съ добродѣтелями; сперва съ нравственными, основными, менѣе возвышенными, извѣстными и язычникамъ, и потому не требующими откровенія; потомъ съ добродѣтелями богословскими, болѣе возвышенными, открытыми лишь самимъ Богомъ. — «Сталь въ хороводъ», въ подлинникѣ: *m'offerse Dentro alla danza delle quattro belle*, что значитъ, поставили меня такъ, что всѣ четыре плясали вокругъ меня. — «Принять въ ихъ объятія», въ подлинникѣ: *E ciascuna del braccio mi sorregge*, и каждая покрыла меня рукой, что по объясненію Ландино, означаетъ: рука правосудія защищаетъ отъ неправды, рука мудрости — отъ глупости, рука мужества — отъ трусости и рука воздержанія — отъ похоти.

106. Толкованіе этого стиха у комментаторовъ весьма различно. Здѣсь достаточно сказать, что эти четыре жены (дѣвы) — тѣ четыре звѣзды, лучи которыхъ озаряли лицо Катона (I, 23, 37), и которыя служили Данте какъ бы руководителями (VIII, 91—92). Кромѣ того, согласно съ этимъ мѣстомъ, нравственныя добродѣтели находятся въ одно и то же время и на землѣ и въ небѣ, но не въ одномъ и томъ же образѣ и тамъ и здѣсь. На землѣ онѣ нимфы, гении спасительнаго совѣта; на небѣ — звѣзды, существа лучезарныя, свѣтъ которыхъ служитъ не для нихъ самихъ и не для неба, но единственно для земли. Поэтому смыслъ стиха тотъ, что нравственныя добродѣтели сіяютъ въ небѣ, какъ свѣтъ, озаряющій міръ, и что въ то же время онѣ на землѣ совѣтницы людей». Скартаццини.

107—108. Въ одномъ изъ своихъ сонетовъ Данте называетъ Беатриче: «*una cosa venuta Di cielo in terra a miracol mostare*» (Vita Nuova, § 36). «Беатриче является здѣсь опять символомъ богословія или вѣры. Прежде чѣмъ истинная вѣра явилась на свѣтъ, еще въ языческія времена существовали уже ея предшественницы или рабыни, нравственныя, т. е. языческія добродѣтели. Наоборотъ, этого не могли бы о себѣ сказать богословскія добродѣтели». Каннегиссеръ. — «Тотъ же постепенный переходъ отъ естественныхъ, черезъ благодать даруемыхъ, добродѣтелей къ добродѣтелямъ духовнымъ, богословскимъ, въ которыхъ лишь впервые познается и приобретается благость (стихи 110, 111), долженъ поэтому совершиться и при нравственномъ усовершенствованіи каждаго отдѣльнаго человѣка». Флейдереръ.

109—111. «Это мѣсто всего лучше объясняется соотвѣтствующимъ *Convivio*, дающимъ надлежащій свѣтъ и остальной части этой пѣсни. Въ одной изъ своихъ канцонъ Данте воспѣлъ очи и улыбку прекрасной донны, и затѣмъ въ буквальномъ толкованіи этого мѣста говорить, что упоминаетъ про очи и уста потому, что въ нихъ нерѣдко открывается душа, подобно прекрасной жен-

щинѣ на балконѣ, хотя и покрытой покрываломъ. Далѣе поэтъ объясняетъ эту прекрасную женщину въ аллегорическомъ смыслѣ, какъ философію (здѣсь въ болѣе высокомъ смыслѣ, равнозначительно съ Беатриче, символомъ созерцанія), и затѣмъ говоритъ: «Qui si conviene sapere, che gli occhi della sapienza sono le sue dimostrazioni, colle quale si vede la verita certissimamente, e'l suo riso sono le sue persuasioni, nelle quale si dimostra la luce interiore della sapienza sotto alcuno velamento, e in queste due cose si sente quel piacere altissimo di beatitudine il quale è il massimo bene in paradiso» (tr. III, с. 15). Отсюда становится яснымъ аллегорическій смыслъ мѣста. Естественныя (нравственныя) добродѣтели могутъ только приготовить человѣка для того, чтобы принять доказательства истины, такъ какъ онѣ устраняютъ лежащія въ страстяхъ препятствія къ невозмутимому познанію; поэтому онѣ и ведутъ поэта къ очамъ Беатриче. Но для того, чтобы дѣйствительно познать истину, именно истину божественную, и еще болѣе—для того, чтобы постичь ее и проникнуться ею,—для этого необходимы божественныя добродѣтели, почему и Беатриче лишь по просьбѣ этихъ другихъ нимфъ обращаетъ очи къ поэту и открываетъ ему свои уста». Филалетъ.

114. Беатриче глядитъ теперь на Грифона, и потому взоръ ея долженъ быть обращенъ къ Данте, ставшему передъ грудью Грифона.

116. «Къ смарагдамъ», изумрудамъ, камню зеленаго цвѣта. Странно, что Данте сравниваетъ глаза Беатриче съ изумрудами. Но, во-первыхъ, этимъ онъ желаетъ выразить пріятность этого цвѣта, о которомъ Плиній (Hist. nat. lib. XXXVII, cap. 5) сказалъ: «nullius coloris adspetus jucundior est»; во-вторыхъ, смарагды имѣютъ смыслъ мистическій,—по католическому толкованію Откровенія (IV, 3), это есть цвѣтъ божественной благодати, почему онъ и блещетъ въ глазахъ Беатриче. Кромѣ того, по II кн. Моисея, XXXIX, 10, смарагдъ камень племени Левія, камень церкви. Скартаццини. Колишъ.

117. Одинъ изъ своихъ сонетовъ Данте начинаетъ такъ: «Negli occhi porta la mia donna Amore»; также въ одной изъ канцовъ онъ говоритъ:

Ben negli occhi di costei
De star colui, che gli mie pari uccide.

Цит. Скартаццини и Филалета.

121—123. «Божественное и человѣческое естество неразрывно соединены во Христѣ въ одномъ лицѣ (subsistentia, ὑπόστασις). Поэтому о человѣкѣ-Христѣ можно въ нѣкоторой степени сказать все то, что можно сказать и о Богѣ-Христѣ, и наоборотъ, ибо этотъ человѣкъ—въ то же время и божественное лицо, и наоборотъ. Но въ этомъ одномъ лицѣ нѣкоторое только свойство Божественнаго естества, нѣкоторое же—только человѣческаго естества (Θома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XVI, art. 4). Потому-то и Грифонъ самъ по себѣ лишь одинъ, и только въ очахъ Беатриче онъ является то какъ одинъ орелъ, то какъ одинъ левъ; ибо богословское ученіе должно разсматривать единого Христа то какъ Бога, то какъ человѣка, чтобы не смѣшать его естества. Здѣсь весьма кстати привести одно мѣсто изъ окружнаго посланія папы Льва Великаго, цитированнаго у Θомы Аквинскаго (Ibid. art. 5): «Non interest, ex qua Christus substantia nominatur, cum inseparabiliter manente unitate personae idem sit et totus hominis filius propter carnem et totus filius Dei propter unam cum patre Deitatem». Филалетъ.—«Одна изъ глубочайшихъ,

если не самая глубокая, тайна вѣры, въ которыя углубляется теологія, — соединеніе двухъ естествъ, божественнаго и человѣческаго, въ единомъ лицѣ Христа (Сличи Рая II, 41; XXXIII, 137). Чтобы оградить себя отъ множества заблужденій, возникшихъ на почвѣ этого ученія (Ада XI, 8; Рая VI, 14), теологія обязана, твердо держась единства двухъ естествъ, направлять свое созерцаніе то на одно, то на другое естество». К. Витте.

127. «Полнь радости и дива». Душа Данте исполнена удивленія при видѣ измѣненія образа Грифона въ глазахъ Беатриче; но въ то же время душа его радуется, чувствуя себя освобожденною отъ бремени грѣховъ и видя себя наконецъ въ присутствіи той, которую онъ столько любилъ.

128—129 «У Сираха (XXIV, 23) мудрость говоритъ: «Ядушіе меня еще будутъ алкать, и пьюшіе меня еще будутъ жажжать». Хотя при созерцаніи Бога человѣкъ находитъ себѣ полное удовлетвореніе; однако же познаніе спекулятивной мудрости не есть еще высочайшее блаженство, но всегда рождаетъ въ насъ стремленіе къ высшему, хотя въ то же время въ извѣстной степени и удовлетворяетъ насъ. Даже въ самомъ небѣ будетъ имѣть мѣсто удовлетвореніе, но не пресыщеніе». Филалетъ.

130. Т.-е. три жены отъ праваго колеса колесницы (XXIX, 121)—три богословскія добродѣтели высшаго порядка (*del più alto tribo*, отъ латинскаго *tribus*).

134. «Другу твоему», въ подлинникѣ: *al tuo fedele*. Беатриче сама назвала Данте своимъ другомъ, когда онъ еще блуждалъ въ темномъ лѣсу (Ада II, 61).

135. «Путь не краткій» (въ подлинникѣ: *passi tanti*), т.-е. по всему аду и горѣ Чистилища.

136. Въ подлинникѣ: *Per grazia fa poi grazia*.

138. «Второй твой блескъ», т.-е. твою улыбку, о которой такъ часто говоритъ Данте въ третьей части своей поэмы.—Въ своемъ *Convivio* (т. III, сар. 8) Данте отличаетъ два мѣста, гдѣ проявляется красота: глаза и уста. До сихъ поръ онъ говорилъ лишь объ очахъ Беатриче, теперь онъ говоритъ объ устахъ. Первые четыре жены показали ему лишь очи Беатриче, эти три, высшаго порядка, молятъ Беатриче открытъ ему и ея уста, чтобы онъ могъ видѣть вторую ея красоту, которую она еще скрываетъ. Итакъ, вторая красота означаетъ здѣсь блескъ ея улыбки.

139. Книга Премудрости Соломона говоритъ о божественной мудрости (VII, 26): «Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благодати Его». Въ посланіи къ Евреямъ (I, 3) воплощенное слово названо «сіяніемъ славы Бога». Впрочемъ, Данте имѣетъ здѣсь въ виду не только символическую Беатриче, но и существо реальное. Онъ не описываетъ этой торжественной минуты, но выражаетъ восторгъ своимъ восклицаніемъ, сознаваясь, что никакое человѣческое искусство не въ состояніи изобразить красоты Беатриче по снятіи ея покрывала. «Даже святая, высочайшая поэзія, налагающая на блѣдное лицо поэта печать глубокой внутренней работы (прекрасное свидѣтельство со стороны поэта объ его строгомъ отношеніи къ поэтическому искусству, повторенное въ XXV, 1 и слѣд. Рая)—даже и она не въ состояніи изобразить такого момента. Но тѣмъ не менѣе эти самыя стихи, въ которыхъ Данте высказываетъ всю несостоятельность свою, равно какъ и первые стихи слѣдующей пѣсни, гдѣ онъ такъ торжественно воспѣваетъ свое желанное свиданіе,—принадлежать къ самымъ восторженнымъ, самымъ неподдѣльно-поэтическимъ стихамъ, когда-либо звучавшимъ на устахъ поэта». Флейдереръ.

140—142. «Тѣнь деревъ Парнаса», по описанію Овидія,—тѣнистый замокъ (Превращ. кн. I, ст. 467), алх umbrosa. Ключъ—знаменитая Ипокрена на горѣ Геликонѣ въ Беотіи, изъ котораго пили вдохновеніе Музы. Смысль: кто такъ трудился надъ поэтическими твореніями.

144. Въ подлинникѣ: *Là, dove armonizzando il ciel t'adombra*,—мѣсто очень спорное. Скартаццини понимаетъ такъ: тамъ, гдѣ небо пребываетъ въ гармоніи со странною непорочности, т. е. съ земнымъ раемъ.

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

1. Отсюда опять видно, что Беатриче, какъ сказано выше (XXX, 34), скончалась за 10 лѣтъ передъ симъ, именно въ 1290 г. «L'anima sua si parti nella prima ora del nono giorno del mese (di Giugno)..... in quello anno della nostra indizione, civè degli anni Domini, in cui il perfetto numero nove volte era compiuto in quel centinario, nel quale in questo mondo ella fu posta». Vita Nuova, § 30.

3. Гипократъ сказалъ: «Duobus doloribus simul obortis, vehementior obscurat alterum». То же самое можно сказать и о каждомъ сильномъ возбужденіи или ощущеніи.

6. Святая улыбка есть вторая красота, открывшаяся теперь Данте (XXXI, 138).

7—9. «Уже выше было указано (Чистилища XV, 133; XXVII, 100—108) на то, что рядомъ съ жизнью созерцательною такое же право на существованіе имѣетъ и жизнь дѣятельная; почему здѣсь и указывается на опасность односторонняго, слишкомъ неумѣреннаго созерцанія или углубленія; хотя, съ другой стороны, представительница исключительно созерцательной жизни, Рахиль, не подвергается за то прямому порицанію; напротивъ (Ада II, 102; Рая XXXII, 8), является всего ближе сидящею къ Беатриче. На землѣ, гдѣ должно исполнять свои обязанности и къ людямъ, такое непреклонное направленіе къ Богу во всякомъ случаѣ не было бы полнымъ совершенствомъ». Ноттеръ. — «Поэтъ стоитъ теперь передъ колесницей, обратившись къ ней лицомъ; поэтому три божественныя, т. е. богословскія, добродѣтели, подошедшія къ нему отъ праваго колеса, стоятъ теперь налѣво отъ него.—Уже выше, въ примѣч. къ XXXVII Чистилища, сказано, что человѣкъ на землѣ не всегда можетъ быть обращенъ единственно къ Богу. Мало того, такое неуклонное устремленіе духа къ Богу не можетъ даже составлять высочайшаго земнаго совершенства. Такъ и Тома Аквинскій ставитъ совершенство епископа выше совершенства монаха, ибо первый изъ любви къ Богу служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ближнимъ (Sum. Theol., р. II, 2-ae qu. CLXXXIV, art. 7). Поэтому и здѣсь именно богословскія добродѣтели, предводительница которыхъ любовь, призываютъ Данте, послѣ духовнаго созерцанія Беатриче, взглянуть на видѣніе, предназначенное къ тому, чтобы послужить къ назиданію и къ дѣлу исправленія его современникамъ и въ особенности духовенству времени. Именно отсюда начинается послѣдній отдѣлъ 2-й части поэмы, въ которомъ еще

разъ во всей силѣ выступаетъ политико-церковный элементъ. Здѣсь являются поэту въ видѣніи судьбы христіанской церкви, какъ прошедшія, такъ въ особенности настоящія. Нечего говорить, какъ было уместно именно здѣсь представить это видѣніе; ибо если полная добродѣтель и не есть необходимое условіе для даровъ пророческихъ (Фома Акв. Sum. Theol., р. II, 2-ае, qu. CLXXII, art. 4), то во всякомъ случаѣ для нихъ потребно пзвѣстное приведеніе въ порядокъ страстей, обузданіе ихъ; безъ этого человѣкъ не можетъ подняться до высшихъ духовныхъ предметовъ, ибо подобныя дары въ обычномъ ходѣ вещей предназначены однимъ только лучшимъ и благороднѣйшимъ. Поэтому нельзя согласиться со Шлоссеромъ (см. его глубокомысленный трактатъ о Раѣ Данте), будто бы погруженіе въ Лету обозначаетъ посвященіе поэта въ санъ пророка; но, по моему мнѣнію, скорѣе можно принять, какъ выше сказано, что погруженіе это просто обозначаетъ посвященіе въ болѣе совершенную жизнь вообще». Филалетъ.

10—12. Глазъ выносить лишь умѣренный свѣтъ; чрезмѣрный блескъ ослѣпляетъ глазъ и зрѣніе; эта потеря зрѣнія остается до тѣхъ поръ, пока не уменьшится раздраженіе, и съ уменьшеніемъ его органъ зрѣнія мало-по-малу приходитъ въ нормальное состояніе. Чтобы дать идею о силѣ блеска очей Беатриче, поэтъ сравниваетъ свое состояніе съ тѣмъ, которое испытываетъ тотъ, кто устремилъ свои глаза на солнце и потерялъ при этомъ мгновенно зрѣніе.

14—15. «Созерцаніе божественныхъ тайнъ въ лицѣ Беатриче было для его духовнаго ока чѣмъ-то болѣе поразительнымъ, чѣмъ все великолѣпіе земнаго рая, точно такъ, какъ солнце сильнѣе поражаетъ глазъ человѣка, чѣмъ всѣ другіе предметы, а потому и дѣлаетъ его нерѣдко надолго нечувствительнымъ для всего другого». Филалетъ. — «Оторванъ силой», т. е. возгласомъ трехъ женъ (стихъ 9).

16. «Воинство», т. е. процессія, описанная въ Чистилища XXIX, 64—150. Ниже, въ стихѣ 22, поэтъ называетъ его ратью Божьихъ силъ—*milizia del celesto regno*.

17—18. «Вся процессія повернулась теперь назадъ въ ту сторону, откуда она пришла, и идетъ слѣдовательно къ востоку. Но чтобы всѣ члены процессіи могли удерживать тотъ же порядокъ, для этого необходимо, чтобы свѣтильники, находившіеся сперва во главѣ шествія, выступили бы для прохождения впереди всѣхъ, встали бы опять во главу процессіи, а за ними также всѣ слѣдующіе члены, за исключеніемъ послѣдняго, который остается на мѣстѣ и обращивается лишь вокругъ самого себя». К. Витте.—Свѣтильники идутъ къ востоку, на которомъ теперь солнце.

19—21. «Весьма пластично и въ чисто военныхъ выраженіяхъ описано это движеніе. Должно себѣ представить отступающее войско со знаменемъ, или, по итальянскому обычаю, съ колесницею, везущею знамя, въ срединѣ. Войско принуждено вдругъ повернуться назадъ. Чтобы не разстроить порядка, оно должно сдѣлать нѣчто въ родѣ контрмарша, при этомъ поворотѣ дѣлаетъ сперва голова колонны, а за ней мало-по-малу и всѣ остальные; колесница же со знаменемъ сдвинется съ мѣста не прежде того, какъ мимо нея пройдутъ всѣ ей предшествовавшіе. Если они находятся вблизи непріятели, то передовыя части, по тогдашнему способу вооруженія, должны прикрыться щитами отъ направленныхъ въ нихъ непріятельскихъ выстрѣловъ» (Филалетъ), или сдѣлать изъ щитовъ родъ черепахи, какъ это описано у Тасса, Освобожд. Иерус. XI, 33:

У тѣхъ къ щиту щитъ крѣпкій плотно сдвинуть.
Ихъ головы подъ сводомъ скрывъ своимъ.

25. Т. е. три богословскія добродѣтели стали, какъ и прежде, у праваго, четыре нравственныя — у лѣваго колеса побѣдной колесницы (XXIX, 121—132).

26. «Ковчегъ», т. е. колесницу.

27. Когда церковь (колесница) окружена добродѣтелями духовными (богословскими) и свѣтскими (нравственными), тогда духъ Христа (Грифонъ) безпрепятственно подвигается впередъ, безъ всякаго внѣшняго потрясенія». Штрекфуссъ.—«Христосъ ведетъ церковь Свою не внѣшними средствами, но единымъ Своимъ словомъ и духомъ». Скартаццини.

28. Матильдой (XXXI, 92 и примѣч.).

29. Со вступленіемъ въ земной рай, Стаціи становится совершенно пассивнымъ лицомъ. Поэтъ, вѣроятно, имѣлъ свои причины упоминать о немъ до конца Чистилища (XXXIII, 134), но какія,—до сихъ поръ нельзя отгадать.

30. Т. е. за правымъ, такъ какъ процессія повернула направо, при чемъ оно должно было сдѣлать меньшую часть оборота или описать кратчайшую дугу. Слѣдовательно они шли въ соупутствіи трехъ женъ.

31. «Т. е. земной рай, не населенный теперь, по винѣ Евы (сличи XXIX, 24 и примѣч.). Это именно та часть лѣса, гдѣ находится древо познанія добра и зла, теперь, по винѣ Евы и Змія, лишенное зелени, какъ и весь лѣсъ. Данте снова порицаетъ Еву, какъ бы въ знакъ того, что онъ хочетъ сказать болѣе чѣмъ простое порицаніе ея за то, что люди, по ея винѣ, лишены рая». — «Самъ поэтъ говоритъ намъ, что должно разумѣть подъ лѣсомъ земного рая: *«Per terrestrem Paradisum figuratur beatitudo hujus vitae»* (De Monar., lib. III, c. 16). Далѣе онъ говоритъ, что это *beatitudo* состоитъ *in operatione propriae virtutis* (Ibid.). Итакъ, сказавъ, что по винѣ Евы лѣсъ этотъ лишенъ обитателей, онъ хочетъ сказать, что по причинѣ грѣха никто не упражняется въ дѣйствіяхъ своей собственной добродѣтели. До сихъ поръ упрекъ этотъ касается одной Евы, по винѣ которой грѣхъ вошелъ въ міръ. Но, сказавъ, что лѣсъ лишенъ обитателей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что ни одинъ человѣкъ не достигаетъ блаженства въ этой жизни. И здѣсь онъ намекаетъ уже на римскую курію. Буквально онъ говоритъ, что по винѣ праматери земной рай лишенъ обитателей, такъ какъ они удалены изъ него грѣхомъ; аллегорически же говорить, что по винѣ дурного управленія нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, который бы дѣйствовалъ добродѣтельно и достигалъ бы черезъ то благополучія въ этой жизни». Скартаццини.

34—35. «Итакъ отъ того мѣста, гдѣ Данте встрѣтился съ процессіей, до древа, о которомъ говорится ниже, разстояніе равняется тремъ перелетамъ стрѣлы, или почти 1,200 итальянскимъ браччіямъ, не много болѣе $\frac{1}{8}$ мили. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы теперь находимся въ срединѣ земного рая, или на оси горы Чистилища». Филалетъ.

36. Это схождение Беатриче съ колесницы объяснялось и объясняется древними и новѣйшими комментаторами весьма различно. По мнѣнію Скартаццини, это схождение означаетъ преклоненіе власти церковной свѣтскою, по слову св. Павла (къ Римл., XIII, 1): «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ». Преклоненіе передъ властью императорскою есть долгъ, уплаченный послушанію». Скартаццини.

37. Въ этомъ ропотѣ слышится упрекъ Адаму, непослушаніемъ котораго грѣхъ вошелъ въ міръ, а съ грѣхомъ и смерть (Посл. къ Римл. V, 2), а вмѣстѣ съ тѣмъ слышится упрекъ и каждому, не исключая и папы, виновному въ грѣхѣ непослушанія.

38. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь разумѣется древо познанія добра и зла, насажденное Богомъ въ Эдемѣ, или земномъ раю (Бытія, II, 9, 17). Но при

этомъ Данте имѣлъ въ виду и великое и крѣпкое древо, вершина котораго касалась неба, видѣнное во снѣ царемъ Навуходоносоромъ (Дан. IV, 10 и слѣд.), а можетъ быть также и тотъ кедръ, о которомъ говоритъ Іезекииль (XVII, 22; XXXI, 3). Вообще, древо на языкѣ библейскомъ есть символъ могущества и величія царскаго. Также и древо познанія добра и зла, по толкованію св. отцовъ, означаетъ, по однимъ, Божью заповѣдь (Гуго де С-тъ Витторъ), по другимъ—нарушеніе заповѣди Божьей (Исидоръ, на Бытіе, гл. 3), наконецъ свободную волю (Томас Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CII, art. 1). Отсюда видно, что это древо имѣетъ у Данте чрезвычайно важное значеніе; поэтому неудивительно, что комментаторами предложено великое множество толкованій его смысла. Желаящіе ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ цитируемому мѣсту Скартаццини (стран. 730 и далѣе), мы же ограничимся здѣсь лишь слѣдующими выдержками.—Главную роль въ великомъ видѣніи играютъ два предмета: древо и колесница. Последняя, какъ мы видѣли, означаетъ церковь. Земной же рай, какъ поучаетъ насъ самъ Данте, изображаетъ счастье этой жизни. Но въ этой жизни нѣтъ счастья, если не будетъ полнаго благоустройства. Для благоустройства міра необходима временная монархія, quae communiōni vocabulo nuncupatur Imperium (De Monar. I, c. 5). Если для благоустройства міра необходима власть и если земной рай обозначаетъ міръ благоустроенный, то необходимо, чтобы рядомъ съ символомъ церкви, вѣрный своей системѣ, поэтъ ввелъ въ великое свое видѣніе и символъ власти. Этотъ-то символъ власти въ его видѣніи и есть мистическое древо. Орелъ, падающій на него,—символъ императора. Древо Навуходоносора, идеѣ котораго Данте здѣсь несомнѣнно подражаетъ, признается всѣми комментаторами за символъ власти самого Навуходоносора, тѣмъ болѣе, что самъ Даниилъ придаетъ ему это значеніе (IV, 20—22). Итакъ, Данте принимаетъ древо за символъ монархіи или Римской имперіи. Это доказывается всѣми мѣстами, гдѣ говорится о дрѣвѣ, а именно: 1) древо находится въ срединѣ земного рая (какъ древо познанія добра и зла въ срединѣ Эдема). Имперія, по системѣ Данте, есть центральная власть благоустроеннаго міра; вокругъ нея, какъ вѣтви, собраны прочіе государи, какъ лучи, исходящіе изъ солнца и сосредоточивающіеся въ солнцѣ.—2) Богъ сотворилъ древо лишь для себя (Чистилища XXXIII, 60). Власть, какъ служащая Богу (Посл. къ Римл. XIII, 1—4), зависитъ непосредственно отъ Бога (De Monar. III) и неотвѣтственна ни предъ кѣмъ, кромѣ Бога. Богъ сотворилъ ее на славу Свою, чтобы при ея помощи привести людей къ счастью на землѣ.—3) Древо крѣпко и необычайно высоко (стихъ 42): власть—высшее могущество и высшій авторитетъ: «Est ergo temporalis Monarchia, quam dicunt Imperium, unicus Principatus, et super omnes in tempore, vel in iis quae tempore mensurantur (De Monar. I, 2).—4) Вѣтви дерева, вопреки строенію всѣхъ деревьевъ, тѣмъ шире распространяются, чѣмъ выше поднимается стволъ дерева (XXXII, 40—41; XXXIII, 64—66), — это знаменуетъ неприкосновенность власти, а также божественное ея происхожденіе и безпрестанное ея развитіе съ теченіемъ времени.—5) Кто ломаетъ и расхищаетъ древо, тотъ оскорбляетъ Бога (XXXIII, 58—59); по Данте, власть священна и предназначена для мира вселенной; нарушать ея единство — святотатство. —6) Это древо въ земномъ раю—то же древо, вкушать плодъ котораго было запрещено первымъ человѣкамъ (Чистилища XXIV, 116; XXXII, 45); вкусивъ этихъ плодовъ, наши прародители стали виновными въ грѣхѣ сопротивленія власти.—7) Отъ этого древа возникло одно изъ деревъ въ кругу чревоугодія (XXIV, 116—117); тамъ оно служитъ орудіемъ казни чревоугодниковъ. Власть императорская несетъ мечъ, врученный ей Богомъ; высшія власти наказуютъ, какъ слуги высочайшей власти, кото-

рая и есть власть императорская.—8) Грифонъ привязываетъ къ дереву мистическую колесницу (XXXII, 51). Папская власть и императорская установлены Богомъ для того, чтобы они шли вмѣстѣ и вели людей къ двоякому счастью; оба имѣютъ одно сѣдалище—Римъ (Ада II, 22 и примѣч.).—9) Грифонъ не касается дерева, какъ пищи (XXXII, 43—44). Христосъ, не подчиняя духовное управление Своей церкви авторитету имперіи, допущенной самимъ Провидѣніемъ для отправленія правосудія, Самъ призналъ ее и утвердилъ (XXXII, 43 примѣч.).—10) Дерево лишено цвѣта и листьевъ на всѣхъ своихъ вѣтвяхъ (XXXII, 38—39), и потому названо сиротой (въ подлинникѣ: вдовой, *vedova*, XXXII, 50). Имперія была лишена святыхъ дѣлъ до своего соединенія съ христіанствомъ (Какъ здѣсь дерево, такъ Римъ былъ названъ вдовой, Чистилища VI, 113, какъ лишенный императора. Сличн также XX, 58).—11) Дышло мистической колесницы взято отъ этого дерева и изъ него образовано (XXXII, 51). Апостольскій престолъ, или духовное управление, будучи образовано въ Римской имперіи изъ подданныхъ римскихъ, есть часть этой же имперіи.—12) Дерево обновляется, покрываясь менѣ яркими цвѣтами, чѣмъ розы, и болѣе яркими, чѣмъ фіалки (XXXII, 58—60). Вслѣдствіе соединенія съ церковью, императорское дерево зеленѣетъ и все покрывается цвѣтами; это оттого, что при такомъ присоединеніи облагороженная политическія добродѣтели становятся сами болѣе заслуживающими вѣчной жизни и производятъ прекраснѣйшіе цвѣты и плоды.—13) Орель падаетъ на дерево, обрывая кору, не только цвѣты и новые его листья (XXXII, 112—114). Гоненіемъ церкви императоры обнажали отъ листьевъ и терзали дерево императорское, потому что листьями, цвѣтами и новою корою оно было обязано церкви, которую преслѣдовали императоры. Орель, сидящій на вершинѣ дерева, не можетъ обозначать никого иного, какъ императоровъ.—14) Орель вторично опускается на дерево, чтобы осыпать колесницу своими перьями (XXXII, 124). Императоры обогатили церковь временными благами,—намекъ на знаменитый даръ Константина. — 15) Подъ зеленью дерева и на корнѣ его сидитъ Беатриче (XXXII, 86—87); авторитетъ церковный имѣетъ въ имперіи свою опору и свое покровительство, такъ какъ имперія — *braccio secolage*, покровительствующая и защищающая.—16) Гигантъ отвязываетъ отъ дерева колесницу, ставшую чудовищемъ, и удаляетъ ее (XXXII, 157). Филиппъ Красивый разобщаетъ церковь съ имперіей перенесеніемъ папскаго престола въ Авиньонъ». Скартаццини.—«Поэма переходитъ здѣсь отъ невидимой церкви къ видимой; отъ благодатнаго совершенства, сейчасъ лишь совершившагося надъ поэтомъ въ первой, невидимой, церкви, къ борьбѣ въ послѣдней, отъ идеальнаго духовнаго міра опять въ полную дѣйствительность, отъ идей нравственныхъ опять къ его церковно-политической основной идеѣ, какъ уже нами было вцередъ замѣчено въ пѣсни XXXI.—Именно, съ самого начала привязываніемъ колесницы къ дереву символически указывается на правое первоначальное соединеніе церкви на землѣ съ римскимъ императорствомъ (38—63). Затѣмъ отъ стиха 64 по 160 слѣдуетъ видѣніе исторіи церкви, въ отношеніи ея отпаденія отъ ея первоначальнаго порядка. Колесница церкви останавливается у дерева. Это «дерево познанія», первообразъ дерева, встрѣчавшагося въ пѣсни XXII, 131; XXIV 103, 115, есть 1) символъ того перваго, для человѣка столь роковаго, пробнаго камня послушанія въ раю. Но оно поэтому-то, очевидно, заключаетъ въ себѣ 2) символъ другого, не менѣ важнаго, Богомъ установленнаго пробнаго дерева, на которомъ теперь точно такъ же прегрѣшила церковь, какъ нѣкогда на томъ древѣ чувство вообще,—символъ римскаго императорства, поскольку оно, еще будучи языческимъ, было уже предопредѣлено для христіанства (дерево, лишенное листьевъ) и должно было позднѣе дѣйствительно сдѣлаться христіанскимъ, т. е.

покрыться листьями. Лежащее здѣсь въ основѣ собственно Дантовское учение, на которомъ покоится вся его политическая система, указано нами уже (Ада II, 13—30) и еще подробнѣе будетъ указано (Рая VI). Учение это состоитъ именно въ томъ, что Римская имперія отъ самыхъ раннихъ начатковъ своихъ (отъ Энея) есть непосредственно отъ Бога проистекшее учрежденіе, исключительно рассчитанное на споспѣшествованіе Христовой церкви и воздвиженіе римскаго престола. Подъ «древомъ познанія» и должно разумѣть именно такое божественное учрежденіе. Точно такъ и всѣ отдѣльныя подробности совершенно ясно указываютъ именно на это, а не на какое бы то ни было иное двойственное значеніе древа. Громадно высокое дерево является сперва безъ листьевъ, безъ Христа (стихъ 38), т. е. только появленіе христіанства научило міръ послушанію и истинѣ, оживило еще глубоко погруженную въ язычество Римскую имперію и точнѣе обозначило ея предназначеніе. Христосъ и Самъ въ Своей преобразовательной земной жизни не разорилъ древа (стихъ 43), т. е. онъ вообще не коснулся плода грѣховнаго и въ частности не посягнувъ на институтъ императорства (Марк. XII, 17). Напротивъ, Онъ навсегда привязалъ «дышло колесницы церкви», папство, къ «древу римскаго императорства», изъ котораго оно и произошло (стихи 49—51). Вслѣдствіе этого именно Данте и видитъ самое дерево развившимся въ полнѣйшемъ блескѣ его цвѣта, какимъ оно здѣсь, на землѣ, еще никогда до сихъ поръ не бывало, но какимъ оно должно быть (стихи 52—63), т. е. чрезъ признаніе императорства со стороны папства послѣднее приобретаетъ себѣ опору, а первое—свое Богомъ предназначенное развитіе, Дантовское нормальное состояніе церковно-политическаго мірового благоустройства, христіанскую міровую имперію (стихъ 48) и притомъ единственно тогда, когда самостоятельная церковь самопроизвольно пойдетъ рука объ руку съ самостоятельнымъ же государствомъ, что еще разъ символизируется въ стихѣ 59 цвѣтомъ цвѣтовъ, среднимъ между краснымъ и фіолетовымъ, цвѣтомъ, который, по Филалету, есть цвѣтъ епископскій. Но этого-то нормальнаго состоянія и нѣтъ на землѣ. Этотъ недостатокъ указывается поэту въ слѣдующемъ непосредственно за этимъ видѣніи въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, вмѣшательство (вторженіе) императорской власти (Орла) въ духовную область (стихи 112—124), во-вторыхъ—присвоеніе папской властью (Блудницею) императорской силы, вторженіе ея въ свѣтскую область (стихи 136—148). Въ промежуткѣ между этими главными видѣніями, Орла и Блудницы, на которыхъ, очевидно, лежитъ главный центръ тяжести, указываются поэту и другіе внутренніе и внѣшніе враги церкви (Лисица и Драконъ) (стихи 119 и 131).—Таково въ общихъ чертахъ развитіе идеи въ слѣдующемъ, столько же важномъ, какъ и трудномъ мѣстѣ и таково значеніе главнѣйшихъ его символовъ». Флейдереръ.

42. Въ лѣсахъ Индіи есть такія высокія деревья, что до вершинъ ихъ не долетаетъ стрѣла изъ лука. *Виргилій, Georg. II, 122—124:*

. gerit India lucos,
 Extremi sinus orbis, ubi aera vincere summum
 Arboris haud ullae jactu potuere sagittae.

Высота дерева обозначаетъ высшую власть земную (Посл. къ Римл. XIII, I). Въ *Convivio* (т. IV, с. 4) Данте называетъ императорскую власть: «*altissima nell' umana Compagnia*». Также о дрѣвѣ Навуходносора сказано у Даниила, IV, 7, 8: «Среди земли (росло) дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крѣпкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краевъ всей земли». Какъ у Даниила дерево это обозначаетъ Вавилонскую имперію, такъ и у Данте—имперію Римскую.

43—45. «Эти слова совершенно соответствуют двойному значенію древа, ибо Христосъ, Грифонъ, не вкусилъ отъ сладкаго, но смерть причиняющаго плода древа искушенія; Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не посягалъ на власть императорскую, ибо Онъ сказалъ: «Власть Моя не отъ міра сего», и «отдавайте кесарево кесарю» (Марк. XII, 17). Филалетъ. По ученію Данте, Христосъ признавалъ и подтвердилъ власть императорскую, во-первыхъ тѣмъ, что подчинился эдикту переписи, назначенной Августомъ (*De Mon. II, passim*; также Паоло Орозіо, кн. IV, гл. 22); далѣе,—покорившись смертному приговору, произнесенному преторомъ римскимъ, при чемъ призналъ законною власть, сказавъ Пилату: «Ты не имѣлъ бы надо Мною власти, если бы не было дано тебѣ свыше». Іоанна XIX, 11; а также знаменитыми словами: «отдавайте кесарево кесарю».

44. Запрещенные плоды сладки на вкусъ («Увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вождѣнно, потому что даетъ знаніе». Бытія III, 6), но пагубны для жизни. Можетъ быть намекъ и на то, что многіе люди находятъ сладостнымъ сопротивляться высшей власти и присвоивать ее себѣ. Властвовать и повелѣвать пріятнѣе, чѣмъ повиноваться: «*Nititur in vetitum*», говоритъ Гораций.

45. Въ подлинникѣ: «*Posciachè mal si torce il ventre quindi*».

46. «Въ толпахъ», т. е. въ святомъ воинствѣ, окружавшемъ дерево (стихъ 38).

47. «Существо двойное», въ подлинникѣ: *l'animal binato*, т. е. надѣленное двумя естествами, или Грифонъ, птица-левъ, сливавшійся въ одно двумя естествами (XXXI, 81).

48. Эти слова, вложенныя въ уста Грифона, представляютъ, по мнѣнію Скартаццини, парафраза словъ Христа, сказанныхъ Св. Іоанну Крестителю: «Такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду». Матѣ. III, 15.

49—50. Дышло колесницы, та часть ея, за которую Грифонъ ее везетъ, обозначаетъ, по моему мнѣнію, римскій престоль. Спаситель связываетъ престоль этотъ, имѣющій римское происхожденіе, съ императорствомъ, съ которымъ онъ (престоль) долженъ идти рука объ руку, и при томъ такъ, чтобы одно не стѣсняло бы круга дѣйствія другого, или не посягало бы на него. Потому-то Данте и принимаетъ, что дышло вырѣзано изъ ствола древа и къ нему привязано». Къ этому Филалетъ присовокупляетъ слѣдующее замѣчаніе изъ Франческо ди Бути, основанное на схоластическихъ повѣствованіяхъ: «Умирающій Адамъ отправилъ сына своего въ земной рай, чтобы принести ему оттуда нѣсколько елей божественнаго милосердія. Но ангель-стражъ рая не допустилъ его и сказалъ, что не настало еще время. Впрочемъ, послѣ того онъ далъ ему вѣтвь отъ райскаго древа и повелѣлъ ему посадить ее на могилѣ Адама, и къ этому присовокупилъ, что когда это древо принесетъ плоды, тогда Адамъ получитъ елей божественнаго милосердія. Сіеѣ, сказано далѣе, исполнилъ, какъ ему было повелѣно, и вѣтвь выросла въ дерево, но не приносила плодовъ вплоть до минуты смерти Искушителя. Тогда совершилось по волѣ Божіей то, что изъ вѣтви этого древа былъ изготовленъ крестъ для Христа, и такимъ образомъ дерево дѣйствительно принесло плодъ, тѣло Христово, чрезъ что Адамъ и всѣ праотцы стали соучастниками въ елей божественнаго милосердія. Дышло, по мнѣнію Бути, обозначаетъ крестъ, взятый отъ древа познанія. Это толкованіе, заключаетъ Филалетъ, не исключаетъ и моего вышеприведеннаго толкованія, ибо поэма Данте *roluseum*» (можетъ имѣть разнообразныя значенія). Объ этой легендѣ см. Як. Вораджине, *Legenda aurea*, cap. 68; Пьетръ Коместоръ, *Hist. evang.* cap. 81; и въ особенности Муссафія, *Sullà leggenda del legno della croce*, Studio. Vienna, Gerold. 1870.—«Съ древомъ-сиротою», въ подлинникѣ: *vedova frasca*, такъ

названо мистическое дерево, потому что лишено цвѣтовъ и зелени въ вѣтвяхъ своихъ (стихъ 38). Смыслъ: «Папа вмѣстѣ съ церковью (олицетворяемые колесницей и дышломъ) подчинены, какъ временные граждане, или какъ члены общества, бдительности и защитѣ императора». Понта. Бруноне Біанки.

52—57. Прекрасное сравненіе, означающее оживленіе растительнаго царства съ наступленіемъ весны. Здѣсь время опять опредѣляется астрономически, для яснаго пониманія котораго должно помнить, что непосредственно за знакомъ Рыбъ слѣдуетъ созвѣздіе Овна. Итакъ, это мѣсто означаетъ: «когда великій блескъ солнца, смѣшанный со свѣтомъ созвѣздія Овна, изливается на землю, т. е. во время весенняго равноденствія».—Къ половинѣ апрѣля всѣ деревья въ Италіи уже въ зелени. К. Витте.

56—57. Оборотъ Virgiliевскій и Овидіевъ: Энеида, I, 568: «Nec tam aversus equos Turgia Sol iungit ab urbe».—Превращ. II, 118: «Горамъ проворнымъ велитъ Титанъ закладывать коней» (Переводъ Фета).

59—60. «Большинство комментаторовъ видятъ въ этомъ цвѣтѣ намекъ на кровь, смѣшанную съ водою, излившуюся изъ Христа при прободеніи Его копіемъ, и ссылаются при этомъ на одно мѣсто у св. Бернарда, гдѣ онъ говоритъ: «Inspicite lateris aperturam, quia nec illa caret rosa, quamvis ipsa subgubea sit propter mixturam aquae» (О страст. Госп. I, 41). Но я долженъ сознаться, что Данте говоритъ здѣсь, повидимому, не о блѣдно-красномъ цвѣтѣ, но скорѣе о цвѣтѣ среднемъ между краснымъ и фіолетовымъ. Этотъ же цвѣтъ есть цвѣтъ католическихъ епископовъ. Потому я позволяю себѣ думать, что цвѣтъ этотъ намекаетъ на добродѣтели первыхъ римскихъ епископовъ, которыми украшался христіанскій Римъ, или на добродѣтели мучениковъ, символомъ которыхъ служитъ красный цвѣтъ, какъ цвѣтъ крови и любви, а также цвѣтъ голубой, какъ цвѣтъ постоянства». Филалетъ.—Это мѣсто вообще очень темно и, какъ справедливо выражается Скартаццини, это одно изъ темныхъ мѣстъ Божественной Комедіи, которое не имѣло еще своего Эдипа для разгадки тайны.

61—63. «Въ этомъ непониманіи заключается, конечно, непостижимость божественнаго міроуправленія въ отношеніи этого соединенія. Поэтому каждое размышленіе человѣка объ этомъ тщетно и мѣшаетъ только полезной человѣческой дѣятельности». Каннегиссеръ.—«Тамъ», т. е. на землѣ,—можетъ быть намекъ на пѣснь Агнцу (Откр. Св. Іоан. XV, 3), или на тѣ неизреченные глаголы, которыхъ ни одинъ человѣкъ произнести не смѣетъ, слышанные Св. Павломъ (II Коринѣ. XII, 4). Данте не могъ дослушать ихъ, ибо погрузился въ сонъ (см. ниже, стихъ 68).

65. «Аргусъ». Сличы Чистилища XXIX, 95 примѣч. «Подъ напѣвъ свирѣли» въ подлинникѣ: *udendo di Siringa*, ибо Меркурій усыпиль Аргуса повѣствованіемъ о Панѣ и Сирингѣ.

69. «Почти невозможно изобразить моментъ засыпанія, ибо съ засыпаніемъ прекращается и сознаніе; тѣмъ не менѣе это удалось Данте можетъ быть лучше, чѣмъ какому либо другому поэту. Сличы также Чистилища XVIII, 141 и слѣд.». Филалетъ.—«Въ этомъ снѣ Данте, можетъ быть, символически изображается миръ вѣры, покорной Богу и императорской власти, или, вѣрнѣе, сонъ этотъ есть образъ мира и полнаго блаженства, царствующихъ въ мирѣ томъ, гдѣ объ власти соединены вмѣстѣ и объ соотвѣтствуютъ идеалу, составленному объ нихъ Данте. Этотъ миръ и блаженство, по мнѣнію поэта, существовали въ мирѣ во время перваго появленія Христа на землю и при основаніи Его церкви. «*Si a lapsu primorum parentum, qui diverticulum fuit totius nostrae deviationis dispositiones hominum et tempora recolamus; non invenimus, nisi sub divo Augusto Monarcha, existente Monarchia perfecta, mundum undique fuisse quietum. Et*

quod tunc humanum genus fuerit felix in pacis universalis tranquillitate, hoc historiographi omnes, hoc poetae illustres, hoc etiam Scriba mansuetudinis Christi testari dignatus est, et denique Paulus, plenitudinem temporis statum illum felicissimum appellavit. Vere tempus et temporalia quaeque plena fuerunt, quia nullum nostrae felicitatis ministerium ministro vacavit. Qualiter autem se habuerit orbis, ex quo tunica ista inconsutilis, cupiditatis ungue scissuram primitus passa est, et legere possumus, et utinam non videre». De Mon. I, c. 16. До сихъ поръ великое видѣніе представляло намъ картину спокойствія, всемірнаго мира и блаженства, царствовавшаго въ мірѣ при началѣ христіанства; съ этой минуты поэтъ изображаетъ намъ, какъ въ зеркалѣ, положеніе міра съ того времени, какъ несотканная одежда сорвана съ него когтями сребролюбія и алчности». Скартаццини.

70—72. Чувствуя себя неспособнымъ изобразить свое усыпленіе, Данте переходитъ къ минутѣ, когда онъ возсталъ отъ сна, разсѣявшагося отъ яркаго блеска Грифона и «святого воинства», вознесшихся въ это время на небо (стихъ 89), и отъ возгласа Матильды: «проснись» (стихъ 72).

73—81. «При изображеніи своего усыпленія Данте подражаетъ евангельскому повѣствованію о Преображеніи Господнемъ. Какъ три ученика Христовы заснули на горѣ Ѡвораѣ, такъ засыпаетъ Данте на горѣ Чистилища; какъ ученики при пробужденіи и еще полусонные узрѣли славу своего Учителя (Луки IX, 32), такъ и Данте видитъ блескъ отъ Грифона; какъ Христосъ приблизился къ ученикамъ, прикоснулся къ нимъ и сказалъ: «встаньте» (Матѣ. XVII, 7), такъ и Данте слышитъ слово «проснись»; какъ ученики, проснувшись, не видѣли никого болѣе, кромѣ одного Іисуса (Матѣ. XVII, 8; Марк. IX, 7; Лук. IX, 36), такъ и Данте видитъ лишь Матильду». Скартаццини.

73—74. «Да узрять роскошь цвѣта той яблони» и проч. Здѣсь разумѣется яблоня, о которой говорится въ Пѣсни Пѣсней II, 3: «Что яблонь между деревьями, то возлюбленный мой между юношами». По общему толкованію св. отцовъ, въ яблонѣ Пѣсни Пѣсней подразумѣвается самъ Христосъ. Въ моментъ Преображенія Господня ученики Его предвкушали вѣчно блаженство, они видѣли цвѣты древа, плодовъ котораго вѣчно алкаютъ ангелы и вѣчно питаются ими, по слову св. Апостола (I Петр. I, 12): «Во что желаютъ проникнуть Ангелы».

74—75. Эти два стиха нѣсколько измѣнены въ переводѣ; въ подлинникѣ: *Che del suo pomo gli Angeli fa ghiotti, E perpetue pozze fa nel cielo».*

77—78. «Глаголь надежды», т. е. слова Спасителя: «Встаньте и не бойтесь». Матѣ. XVII, 7. Здѣсь намекается на слова Спасителя къ умершему Лазарю: «Лазарь! иди вонъ» (Іоанна XI, 43), и къ юношѣ: «Юноша! тебѣ говорю, встань». Луки VII, 14.

82. «Итакъ, смыслъ и значеніе внезапнаго усыпленія нашего поэта состоитъ въ томъ, что онъ, какъ нѣкогда ученики, укрѣпляется въ силахъ своихъ восторженнымъ предвкушеніемъ блаженства для созерцанія предстоящаго изображенія судьбы церкви. Именно тогда лишь, когда исчезли Христосъ и его спутники (стихъ 88), сошедшая съ колесницы Беатриче позволяетъ поэту узрѣть заманчивое изъ Іезекіиля (XVII, 3) и Откровенія (XII, 13—17) видѣніе съ заключительнымъ о немъ пророчествомъ. И здѣсь заключается опять глубочайшій смыслъ; именно дѣло идетъ теперь о томъ времени церкви, когда Христосъ видимо покинулъ ее, при чемъ осталась одна Его незримая благодать (Беатриче) съ своими добродѣтелями и духовными дарами, какъ неистребимыми благами, которыя не можетъ исторгнуть никакая буря (стихъ 99)». Флейдереръ.

83. «Благочестивую», въ подлинникѣ: *quella pia*, т. е. Матильда.

85. Т. е. въ страхѣ, что Беатриче покинула его.

86—87. «Дерево, какъ мы видѣли,—символь имперіи. Корень дерева, говоря все въ томъ же аллегорическомъ смыслѣ, не можетъ обозначать ничего иного, какъ то мѣсто, гдѣ возвысилась и откуда распространилась имперія, т. е. Римъ. Кромѣ того мы видѣли, что Беатриче олицетворяетъ власть церковную или папство. Итакъ, по снятіи аллегорической одежды, слова поэта будутъ означать, что папство возсѣдитъ на семи холмахъ, т. е. въ Римѣ, подъ сѣнью и покровительствомъ Римской имперіи». Скартаццини. — Другіе объясняютъ иначе; такъ Флейдереръ полагаетъ, что «здѣсь необходимо имѣть въ виду значеніе дерева, и тогда смыслъ будетъ тотъ, что божественная благодать даже и во время отпаденія неуклонно указываетъ на послушаніе Христу, и потому, даже и тогда, когда оставляется самое дерево, т. е. надлежащій внѣшній порядокъ (какъ мы это увидимъ въ стихѣ 157), вслѣдствіе постоянного указанія на эту внутреннюю норму жизни,—церковь ограждается отъ гибели (стихъ 95) и стремится возвратиться къ надлежащему порядку, даже во внѣшней своей формѣ».

88. «Сонмъ подругъ»: *la compagna* — семь мистическихъ женъ, олицетворяющихъ семь добродѣтелей. Онѣ окружаютъ Беатриче, въ подлинникѣ: *la circonda*.

89. «Другіе», т. е. святое воинство (стихъ 17). «За Грифономъ», — «Каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, потомъ Христовы, въ пришествіе Его (вѣрующіе)», I Коринѣ. XV, 23. — Поднятіе Грифона къ небу олицетворяетъ вознесеніе Господне.

92. «Она», т. е. Беатриче.

94. «На почвѣ чистой», въ подлинникѣ: *in su la terra vera*. По мнѣнію однихъ, почва эта обозначаетъ почву земного рая, по мнѣнію другихъ, напр. Коста, — Римъ. Но уже Бути, Ландино и Велутелло понимали слово *vera*, какъ *nuda* — голая или чистая. Въ такомъ случаѣ, слѣдуя Скартаццини, смыслъ будетъ такой: «Беатриче сидитъ у корня древа, что означаетъ, какъ выше сказано (ст. 86 примѣч.), что мѣстопребываніе духовной власти—Римъ, корень имперіи. Беатриче сидитъ одна и на истинной почвѣ. Истинная почва есть почва голая. Беатриче сидитъ одна, окруженная лишь семью нимфами, олицетворяющими семь добродѣтелей; она сидитъ на голой землѣ и подражаетъ въ этомъ Тому, Кто «не имѣлъ, гдѣ преклонить главу» (Матѣ. VIII, 20; Лук. IX, 58). Беатриче олицетворяетъ власть духовную, или папство, сообразное идеалу Данте. Въ грандіозномъ его видѣніи мы присутствуемъ теперь при зачаткахъ христіанства. Первые римскіе епископы засѣдали одни въ императорскомъ городѣ, безъ всякой свиты кардиналовъ, придворныхъ, слугъ и проч. Они были бѣдны; престолъ папскій еще не былъ воздвигнутъ; временныхъ богатствъ не имѣли ни церковь, ни папы; вѣрующіе собирались еще въ катакомбахъ, слѣдовательно не имѣли другого сѣдалища, кромѣ голой земли. Изображая Беатриче сидящую одиноко на голой землѣ, поэтъ рисуетъ однимъ штрихомъ кисти смиреніе и нищету первыхъ намѣстниковъ Христовыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ жестокій упрекъ въ роскоши и мірскомъ блескѣ папамъ послѣдующихъ временъ, и въ особенности современнымъ ему. Замѣтьте кромѣ того, что Беатриче уже не сидитъ въ колесницѣ, но на землѣ около нея. Впослѣдствіи блудница на свободѣ сидитъ на колесницѣ, превратившейся въ чудовище, какъ крѣпость на скалѣ. Сидѣніе на голой землѣ означаетъ смиреніе, сидѣніе же блудницы, очевидно, — признакъ гордости и наглости. Беатриче сидитъ какъ бы на стражѣ колесницы, она не хочетъ господствовать надъ достояніемъ, но единственно охраняетъ и служитъ примѣромъ стаду (I посл. Петра V, 3): она служитъ колесницѣ, а не колесница ей. Итакъ Беа-

триче, сидящая на истинной, голой, землѣ, есть олицетвореніе первыхъ преемниковъ св. Петра, или идеальнаго папы, по воззрѣнію поэта». Скартаццини.

96. «Двувидное существо»: *bifogme figa*, т. е. Грифонъ, полу-левъ, полу-орелъ, какъ описано выше—Чистилища XXIX, 113 и примѣч.

97—99. «Свѣтильники», см. Чистилища XXIX, 50 и примѣч. «Вначалѣ мистической процессіи эти свѣтильники подвигались впереди всѣхъ сами собой, не будучи никѣмъ несомы. За свѣтильниками слѣдовала и колесница, окруженная семью пляшущими нимфами. По буквальному смыслу, должно думать, что съ вознесеніемъ Грифона и старцевъ нимфы приняли свѣтильники въ свои руки въ то время, когда поэтъ спалъ. Аллегорически это обозначаетъ, можетъ быть, первое сошествіе св. Духа на главы апостоловъ. Съ того времени и вовѣки добродѣтели не будутъ отдѣлены отъ семи даровъ Божіихъ». Скартаццини.

98. «Семь нимфъ»—главныя и богословскія добродѣтели, и семь даровъ св. Духа не могутъ быть отторгнуты отъ церкви никакими бурями, ибо «врата адовы не одолѣютъ ее». По мнѣнію Копиша, Нордъ, сѣверный вѣтеръ, обозначаетъ насиліе со стороны императоровъ (Рая III, 119); Зефиръ, южный вѣтеръ,—насиліе со стороны папъ.

100—101. Въ подлинникѣ «*Qui sarai tu poco tempo silvano*», смыслъ: Не долго тебѣ, какъ представителю всего рода христіанскаго, здѣсь, въ церкви воинствующей, въ лѣсной тѣни, быть какъ бы изгнанникомъ въ пустынѣ во время сиротства Рима и заблужденій папы. Ты вознесешься, или, какъ въ подлинникѣ: будешь вѣчнымъ гражданиномъ: «*senza fine cive*», въ тотъ Римъ, т. е. въ небесный, гдѣ Христосъ есть римлянинъ искони, т. е. «станешь сочленомъ торжествующей церкви, гдѣ уже не нужны ни императоръ, ни папа и гдѣ Христосъ не есть уже не видимая, но зримая глава Ея общины». Филалетъ.—Итакъ вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу». Посл. къ Ефес. II, 19.

102. Очевидно, горькая иронія надъ папами; она означаетъ, что въ папскомъ Римѣ Христосъ не римлянинъ, не гражданинъ и не владыка; Онъ пребываетъ таковымъ лишь въ томъ Римѣ, который Евангеліе именуетъ небеснымъ Иерусалимомъ (Посл. къ Галат. IV, 26; къ Евр. XII, 22; Откр. Иоанна XXI, 2, 10). Слич. Чистилища XXVI, 128 и слѣд.

103. «На благо міру» и проч. Здѣсь указывается на конечную цѣль всей поэмы, именно общее благо всего человѣчества, живущаго худо, какъ въ социальномъ, такъ и нравственномъ отношеніи по причинѣ отсутствія порядка, учрежденнаго Богомъ, т. е. по немѣннѣю двухъ вождей—свѣтскаго и духовнаго, ведущихъ людей къ двойному счастью на землѣ.

105. «Запиши», какъ въ Откровеніи Иоанна: «То, что видишь, напиши въ книгу». I, 11;—Итакъ, напиши, что ты видѣлъ, и что есть, и что будетъ послѣ сего». *Ibid.*, ст. 19;—«Напиши, ибо слова сіи истинны и вѣрны». *Ibid.* XXI, 5.—«Когда придешь отсюда», само собою разумѣется на землю.

107. «Къ стопамъ ея велѣній»,—поэтический оборотъ, свойственный итальянскимъ поэтамъ; такъ у Петрарки: «*ginocchia della mente*»; у Боккаччо: «*mani della sua grazia*»; даже: «*orecchie del cuore*». Въ псал. XXXV, 12: «нога гордыни».

109. «Въ слѣдующемъ видѣніи, гдѣ предъ очами поэта проведены судьбы церкви, значеніе дерева получаетъ тотъ смыслъ, какой оно имѣло въ сновидѣніи Навуходоносора (Дан. IV, 7)». «Какъ Даніилъ объяснилъ дерево Навуходоносора его Вавилонскимъ царствомъ, такъ и здѣсь подъ деревомъ должно разумѣть всемірную монархію, которой Самъ Христосъ въ Своемъ воплощеніи человѣческомъ восхотѣлъ принадлежать и содѣлать ея столицу средоточіемъ Своей церкви».

(Ада II, 23). К. Витте. — «Нижеслѣдующія аллегоріи видѣнія почти согласно объясняются комментаторами такъ: Орель означаетъ римскаго императора такъ какъ при римскихъ императорахъ христіане претерпѣвали великія гоненія вслѣдствіе чего церковь была сильно потрясена. Подъ видомъ тощей Лисицы должно разумѣть лжеученія, не имѣющія истиннаго основанія. Во второй разъ упاداющій на дерево Орель есть императоръ Константинъ Великій; чрезъ даръ (пухъ), полученный отъ него папой Сильвестромъ, было положено основаніе властолюбію папъ. Гласъ съ неба есть гласъ св. Петра, возвѣщающаго порчу и искаженіе папства. — Драконъ есть Магометъ, такъ какъ чрезъ него отпала значительная часть христіанства. Но это толкованіе, несмотря на его распространенность, не вполне выдерживаетъ критики (см. ниже). Новое покрытие перьями означаетъ новыя дарственные пріобрѣтенія и обогащенія Христовой церкви, при чемъ дарители, можетъ быть, имѣли хорошія и благочестивыя намеренія. Семь главъ, по Даніелло, обозначаютъ семь кардиналовъ, которые избираютъ папъ; по другимъ же — семь смертныхъ грѣховъ, три на дышлѣ, двурогіе и наихудшіе, гордость, гнѣвъ и сребролюбіе; четыре другихъ—зависть, уныніе, чревоугодіе и сладострастіе. По Ландино, здѣсь обозначаются семь таинствъ, а десять роговъ — десять заповѣдей. — Блудница—это папа, въ особенности Бонифацій VIII; Гигантъ — всякій занскивающая милости у папской власти свѣтскій владыка, въ особенности же французскій король Филиппъ Красивый, такъ жестоко отмстившій папѣ Бонифацію, хотѣвшему вступить въ союзъ и съ другими свѣтскими монархами. Наконецъ, похищеніе колесницы означаетъ перевесеніе королемъ Филиппомъ Красивымъ папскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ». Каннегиссеръ.

109—111. Поэтъ сравниваетъ быстроту Орла съ быстротою молніи, какъ въ Чистилища IX, 28 и слѣд. Орель палъ на землю *terribil come folgore*.—«Изъ высшихъ сферъ». «Аристотель принимаетъ пары въ атмосферѣ двухъ родовъ: влажный паръ (*ἀτμός*), который онъ называетъ паромъ, и сухой (*καπνός*), названный дымомъ. Подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ преимущественно вѣтры. Тѣ и другіе пары, подымаясь въ верхніе слои атмосферы, превращаются, вслѣдствіе господствующаго тамъ холода, въ облака; отъ этого-то и происходитъ то, что влажные пары разрѣшаются дождями, сухіе же — молніей, которая хотя бы и должна была по огненной своей натурѣ восходить вверхъ, но вслѣдствіе сгущенія низвергается на землю». Филалетъ.

112. Птица Зевса—Орель; *Jovis ales*—Виргилій, Энеида, I, 394. Въ Раю (VI, 4) Данте называетъ ее *l'uccel di Dio*. — Отсюда начинается изображеніе историческихъ судебъ церкви. Первое событіе представляется подъ символомъ Орла, который, упадая въ листву и цвѣтъ древа, лишаетъ его не только ихъ, но и ломаетъ вѣтви и обдираетъ кору дерева, почти опрокидывая при этомъ самую колесницу. Орель, очевидно, заимствованъ у Іезекииля (XVII, 3, 4): «Большой орель съ большими крыльями, съ длинными перьями, пушистый, пестрый прилетѣлъ на Ливанъ и снялъ съ кедра верхушку, сорвалъ верхній изъ молодыхъ побѣговъ его» и т. д. У Іезекииля онъ символъ Вавилонской имперіи и въ частности Навуходоносора, у Данте — символъ первыхъ римскихъ императоровъ, подвергавшихъ церковь гоненію (это общее толкованіе всѣхъ комментаторовъ безъ исключенія); такихъ гоненій обыкновенно принимается десять, при императорахъ: Неронъ (64 г.), Домиціанъ (95), Траянъ (105), Маркъ-Аврели (177), Септимій Северъ (202), Максиминъ (235), Деціи (249), Валеріанъ (257), Аврелианъ (275) и Діоклитіанъ (303—311). Эти гоненія не только повредили юнымъ листьямъ и цвѣтамъ древа юной христіанской общины, но и коръ его, т. е. самой имперіи, и, хотя лишь только видимо,—потрясли церковь.

116—117. «Сравненіе церкви съ кораблемъ весьма удачно, ибо челнъ св. Петра есть обычная метафора церкви; къ тому же въ христіанскомъ искусствѣ продольныя части базиликъ назывались кораблемъ». Л. Вентури.—«Съ бортовъ разимый», въ подлинникѣ: *Vinta dall' onda, or da poggia or da orza*, т. е. съ обонхъ бортовъ.

118—120. Второе бѣдствіе видѣнія—Лисица. Въ Св. Писаніи лисица часто выражаетъ лжепророковъ и ересіарховъ (Псал. LXII, 11; Плачъ Іереміи, V, 18; Іезек. XIII, 4; Матѳ. XXIV, 24), также ереси и лжеученія (Пѣснь Пѣсней II, 15). «*Vulpes*», говоритъ блаж. Августинъ (in Psal. LXXX), «*insidiosos, maximeque haereticos fraudulentos significant... Istaе vulpes significantur in Cantitis canticorum, ubi dicitur, capite nobis vulpes parvulas*».—Итакъ Лисица, по общему толкованію, обозначаетъ здѣсь еретическія ученія, возставшія войной на церковь въ первые три вѣка; но какую именно ересь разумѣтъ здѣсь Данте въ особенности,—въ этомъ комментаторы несогласны. Одни видятъ здѣсь ересь, введенную въ апостольскую церковь папой Анастасіемъ II, впавшимъ въ ересь Фотина (Ада XI, 8—9); другіе и при томъ большинство—ересь Арія. Были и такіе (Джіов. Пецци), которые видѣли здѣсь Юліана Отступника. Вообще Лисица здѣсь символъ ереси. Изображеніе ея, скелетъ безъ мяса, *l'ossa senza polpe, и d'ogni pasto buon parea digiuna*, напоминаетъ волчицу въ I пѣсни Ада (49—50, 99).

120. Въ подлинникѣ: *Che d'ogni pasto buon parea digiuna. Buon pasto*—духовная пища, глубина ученія и желаніе исполнять волю Божію.

121—122. Беатриче, какъ символъ истиннаго богословія, опровергла всѣ лжеученія и уличила еретиковъ въ ихъ злыхъ дѣлахъ—намеръ на возвращеніе такихъ еретиковъ, какъ Базилідъ, Валентинъ, Карпократъ и др.; напротивъ, образъ жизни аріанъ и новаціанъ былъ безукоризненъ.

123. Можно понимать двояко: или настолько быстро, насколько тощее животное можетъ бѣжать при его слабости, или насколько оно стало легко отъ своей худощавости.

124—126. Третье бѣдствіе—церковь осыпается дарами императоровъ, въ особенности даромъ Константина (Ада XIX, 115). Легенду эту о мнимомъ дарѣ Рима императорами папамъ разсказываютъ *Acta Sylvestri*, потомъ житіе Адріана I; въ IX вѣкѣ вышелъ и самый актъ дарственной грамоты, которая гласила (*Decret Gratiani dist. XCVI, 13*): *Ut pontificalis apex non vilescat, sed magis quam imperii dignitas, gloria et potentia decoretur, ecce tam palatium nostrum, quam Romanam urbem, et omnes Italiae, seu accidentalium regionum provincias, loca et civitates beatissimo Pontifici nostro Sylvestro, universali Papae, contradimus atque relinquimus: et ab eo et a successoribus ejus per hanc divalem nostram, et pragmaticum constitutum decernimus disponenda, atque juri S. Romanae Ecclesiae concedimus permansura*.—Хотя уже императоръ Оттонъ III доказывалъ подложность этого документа, вплоть до Лоренцо Валла (сличн Ада XIX, 115 и примѣч.), большинство вѣрило въ подлинность его, и Данте нисколько не сомнѣвался въ этомъ, и видѣлъ въ этомъ мнимомъ дарѣ Константина Великаго главную причину упадка и разрушенія Римской имперіи.—«Отколь сперва притекъ», т. е. съ вершины древа, гдѣ гнѣздится Орелъ.

126. Въ подлинникѣ: *e lasciar lei di sè pennuta*, осыпаль перьями, т. е. благами земными. Сличн у Данте, *De Monar. III, c. 10*. Современникъ Данте Оттокаръ ди Гернекъ, жившій около 1300 г., такъ поетъ объ этомъ дарѣ (*Reimchronik, cap. 448, in H. Pezii scriptt. rer. Austr. III, 446*):

Ey Chaiser Constantin,
War tet du dein Sin,
Do du den Phaffengeb
Den gewalt und das Urleb,

Das Stet, Purger und Lant
Undertanig irr Hant
Und irm Gewalt schold wesen! etc.

127—129. Данте, повидимому, придерживается здѣсь древней легенды, о которой говорят Пьетро ди Данте, Ландино, Anonimo Fiorentino; по словамъ ея, въ то время, когда Константинъ принесъ церкви свой даръ, послышался голосъ съ неба: «Hodie diffusum est venenum in Ecclesia Dei».

130—132. Четвертое бѣдствіе—появленіе изъ земли Дракона, отторгающаго часть колесницы. Видѣніе это, очевидно, заимствовано изъ Откровенія Іоанна (XII, 3, 4): «Вотъ, большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадимъ; хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю». По библейскому новѣйшему толкованію драконъ обозначаетъ языческую Римскую имперію; семь головъ суть семь холмовъ, на которыхъ построенъ Римъ; по толкованію средневѣковому, драконъ Откровенія есть антихристъ. Самъ же творецъ Откровенія объясняетъ дракона діаволомъ. «И низверженъ былъ великій драконъ, древній змій, называемый діаволомъ» (Откр. XII, 9; XX, 2). Мнѣніе комментаторовъ Данте различно; по однимъ, это сатана; по другимъ—Антихристъ (Пьетро ди Данте); но большинство древнихъ и новѣйшихъ толкователей видятъ въ этомъ драконѣ Магомета, увлекшаго за собой много племенъ. Были и такіе, которые разумѣли въ этомъ видѣніи раздѣленіе церкви на восточную и западную (въ 858 г. при патріархѣ Фотіи). Но, кажется, всего вѣрнѣе мнѣніе Скартаццини: «Драконъ, какъ сказано, заимствованъ изъ Апокалипсиса, гдѣ онъ названъ діаволомъ и сатаною. Очевидно, и у Данте онъ обозначаетъ то же. Драконъ исходитъ изъ земли, какъ Грифонъ (Христосъ) съ неба, слѣдовательно, драконъ есть адскій антитезъ небесному Грифону. Непосредственное слѣдствіе появленія дракона есть то, что колесница мгновенно покрывается перьями Орла, т.-е. богатствомъ. Появленіе Магомета и Фотіи не могло имѣть такихъ послѣдствій. Это обогащеніе было слѣдствіемъ того, что демонъ сребролюбія, любостыжанія и скупости вселился въ сердца духовныхъ и мірянъ и изгналъ смиреніе и воздержаніе. Поэтому Данте заимствовалъ изъ видѣнія Евангелиста не только идею, но и аллегорическое значеніе дракона. Драконъ есть искуситель, показавшій церкви въ одно мгновеніе всѣ царства міра и сказавшій: дамъ тебѣ все это, если поклонишься мнѣ, и люди поклонились ему (Откр. XIII, 4); это тотъ искуситель, что ядовитымъ хвостомъ своимъ удаляетъ духъ смиренія и нищеты, положенныхъ Христомъ въ основу церкви Своей, и что вливаетъ въ сердца священниковъ и священнослужителей стремленіе къ обогащенію и увеличенію земной власти. Драконъ напоминаетъ, стало быть, Волчицу, которую первая выпустила зависть на землю изъ ада (Ада I, 110—111). «Волчица—символь скупости, Драконъ—символь демона скупости и сребролюбія». Скартаццини.

130. «Межъ двухъ колесъ», демонъ сребролюбія возникъ въ нѣдрахъ духовенства, духовныхъ лицъ мірскихъ и монастырскихъ, символомъ которыхъ служатъ колеса колесницы (сличи Чист. XXIX, 106 примѣч., въ концѣ).

131—133. Хвостъ дракона въ представленіи поэта снабженъ на концѣ остриемъ на подобіе копья, которое онъ сравниваетъ съ жаломъ осы по причинѣ его скрытности и ядовитости.

135. «Часть дна», т.-е. духъ смиренія и нищеты, который, какъ мы сказали, положенъ Христомъ въ основу Своей церкви.—«И радостный», въ подлинникѣ:

vago vago,—выраженіе, понимаемое комментаторами различно; но, принимая во вниманіе, что слово vago всегда употребляется у Данте въ значеніи желающій, жадный, кажется, будетъ вѣрнѣе перевести его, какъ радостный, или, еще лучше, желающій дѣлать еще новый и большій вредъ, подобно тому, какъ Волчица послѣ ѣды еще сильнѣй алкаетъ (Ада I, 99) и никогда не утоляетъ въ себѣ голода, или какъ скупой, который тѣмъ болѣе жаждетъ, чѣмъ больше копить богатства.

136—137. Пятое бѣдствіе—все то, что уцѣлѣло въ колесницѣ отъ нападенія дракона, колеса и даже дышло покрылись перьями и пухомъ Орла, что, по толкованію всѣхъ комментаторовъ, означаетъ обогащеніе церкви земными благами не только вслѣдствіе дара Константина, но и вслѣдствіе позднѣйшихъ приношеній и даровъ, сдѣланныхъ благочестивыми людьми, франкскими королями, тосканской графиней Матильдой и другими, а равно и другими благоприятными обстоятельствами.

136. «Сорною травой», въ подлинникѣ: *gramina*, по-латыни *gramen*, *gramineus*, ботан. *Panicum Dactylon* Lin. или *Cynodactylon*—растеніе, легко принимающееся и трудно искоренимое, особенно на почвахъ плодородныхъ. Аламани (*Coltiv. V, 19*), говоря объ немъ, сказалъ: «*che partorisca ognor vivace e verde E la gramigna e il fien*».

137—138. «Съ цѣлью чистой и благой»; слѣдовательно Данте признаетъ добрыя намѣренія въ дарѣ Константина, хотя онъ имѣлъ такія дурныя послѣдствія. Сличи Рая XX, 55 и слѣд. — «Забытый», въ подлинникѣ: *offerta*, предложенный, данный.

139—141. «Это покрывіе пухомъ совершилось быстрѣе, чѣмъ сколько нужно времени, чтобы открыть уста для изданія вздоха безъ словъ: сравненіе со вздохомъ здѣсь весьма умѣстно при повѣствованіи о бѣдствіяхъ церкви». Л. Вентури (*Similitudine*).

142—147. Какъ слѣдствіе всѣхъ этихъ бѣдствій, колесница преобразуется въ страшное, невиданное чудовище съ тремя двурогими головами на дышлѣ и съ четырьмя однорогими головами по сторонамъ колесницы. — Описаніе этого чудовища, очевидно, заимствовано Данте изъ видѣній Даніила и апокалиптическихъ Св. Іоанна (Дан. VII, 7, 23; Откров. XII—XIII, 1 и слѣд.; 16, 17). Блудница въ Откровеніи Іоанна, по новѣйшему толкованію,—есть Римъ; животное, на которомъ она сидитъ,—римская имперія; семь головъ животнаго—семь императоровъ, десять роговъ, по всему вѣроятію,—десять проконсуловъ (толкованіе Откровенія Эвальда, Люкне, Де-Ветте, Блеека, Фолькмара и др.).—Данте взялъ изъ Апокалипсиса самый образъ видѣнія, но далъ ему другое значеніе. У комментаторовъ существуетъ три главнѣйшихъ мнѣній: 1) Семь головъ означаетъ семь кардиналовъ и притомъ три двурогія—кардиналовъ-епископовъ, носящихъ двурогія митры, четыре головы съ однимъ рогомъ—прочихъ кардиналовъ-не-епископовъ; 2) семь головъ—семь таинствъ и десять роговъ—десять заповѣдей, и 3) семь головъ—семь смертныхъ грѣховъ; изъ нихъ три: гордость, зависть и гнѣвъ, съ двумя рогами, какъ грѣхи болѣе тяжкіе, а прочіе четыре: уныніе, сребролюбіе, чревоугодіе и сладострастіе, снабжены однимъ рогомъ, какъ грѣхи, направленные лишь къ удовлетворенію плотскихъ наслажденій. — Первое изъ этихъ мнѣній (Даніелло, Вольпи, Дж. Кольтелли) о семи кардиналахъ-избирателяхъ, учрежденныхъ со времени раздѣленія церкви на восточную и западную и названныхъ *de cardinibus mundi*, изъ которыхъ трое носятъ митры съ двумя рогами, однимъ спереди, другимъ сзади, тогда какъ остальные четверо, не будучи епископами, носятъ простыя митры,—не выдерживаетъ критики уже потому, что учрежденіе кардиналовъ, равно какъ и другихъ духовныхъ лицъ,

получило свое мѣсто уже съ самаго начала церкви, почти тотчасъ послѣ мнимо-го дара Константина; къ тому же это совершенно противорѣчитъ воззрѣнію Данте и его современниковъ на институтъ кардиналовъ и другихъ духовныхъ; въ видѣніи поэта триумфальная сперва колесница сдѣлалась чудовищною не отъ самаго ея начала, но тогда, какъ она выродилась и развратилась. — Если принять второе мнѣніе, то не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что развратившаяся церковь употребила во зло таинства и предписаніе декалога (десяти заповѣдей); но и это можно допустить развѣ лишь для однихъ таинствъ, а никакъ уже не въ отношеніи заповѣдей. Но даже въ этомъ смыслѣ, таинства и заповѣди всегда были и будутъ святы (Посл. къ Римл. VII, 7 и далѣе), и было бы безуміе допустить, что они, по мнѣнію Данте, стали, даже вслѣдствіе злоупотребленія церкви чудовищными. Къ тому же десять заповѣдей явились прежде церкви, семь таинствъ, по крайней мѣрѣ по мнѣнію средневѣковыхъ схоластиковъ, возникли вмѣстѣ съ нею; семь же головъ являются у Данте уже тогда, когда церковь переродилась. — Остается, слѣдовательно, принять третье мнѣніе, тѣмъ болѣе, что оно самое древнее. Защитники 2-го мнѣнія ссылаются на Ада XIX, 109 и слѣд., гдѣ Данте говоритъ, что сидящая на водахъ (т.-е. Римъ и римская церковь) родилась съ семью головами и имѣла силу въ десяти рогахъ, пока мужъ ея любилъ добро; тутъ дѣйствительно головы означаютъ таинства и десять роговъ—десять заповѣдей. Но тамъ все это, очевидно, находится въ прямой противоположности съ тѣмъ, что изображается здѣсь; первое было тогда, когда папы были добродѣтельны и не уклонялись отъ прямого пути; тамъ это были семь даровъ Св. Духа, здѣсь семь оскверненій этихъ даровъ; тамъ — десять заповѣдей Божіихъ, здѣсь десять нарушеній божественнаго закона; Данте раздѣлил эти семь головъ на три и четыре—на число, обозначающее Бога, и число, обозначающее міръ (Сличн Чистилища XXIX, 50 примѣчаніе). Вспомнимъ, что папы во время Данте хотѣли быть *sicut Deus*; три головы на дышлѣ напоминаютъ три лица Люцифера (Ада XXXIV, 38 и примѣч.), дьявольскаго антипода Божества. На колесницѣ, символѣ церкви,—четыре головы. Четыре—символъ міра. Слѣдовательно церковь побѣждена, угнетена тѣмъ міромъ, который она должна была побѣдить духомъ и освятить. Все опрокинуто вверхъ дномъ, извращено, разрушено, и папскій престолъ, и церковь и челоуѣчество! «*O genus humanum!*»—воскликаетъ въ другомъ мѣстѣ Данте (De Monar. lib. I, c. 16), «*quantis procellis atque jacturis, quantisque naufragiis agitari te necesse est, dum bellua multorum capitum factum, in diversa sonaris*». Церковь не разрушена, но превращеніе ея стало хуже самаго разрушенія. Но когда церковь стала чудовищемъ, что же случилось съ негнѣннымъ существомъ божественнаго учрежденія? Оно, конечно, сохранилось; но не въ превращенной колесницѣ; оно сохранилось въ Беатриче и Матильдѣ, въ семи нимфахъ и двухъ поэтахъ (Данте и Стаціи); сохранилось и мистическое дерево хотя отъ него удалились и Грифонъ и колесница, привязанная къ нему Грифономъ; другими словами,—церковь теперь состоитъ изъ малаго числа вѣрныхъ, живущихъ внѣ лона римской церкви. Итакъ, это послѣднее толкованіе, повидимому, самое правильное; при чемъ трудно понять, почему многіе изъ старинныхъ комментаторовъ ставили его въ противорѣчіе съ ортодоксальностью Данте, трудно понять потому, что Данте, порицая здѣсь испорченность нравовъ прелатовъ и духовенства, нисколько не выступаетъ здѣсь съ ученіемъ о погрѣшности самой церкви. Скартаццини. Филалетъ.

148—153. Блудница и Гигантъ. Кто эти лица? Первая, очевидно, взята изъ Откровенія Іоанна (XVII, 1 и др.), эта копія съ «великой блудницы, сидящей на водахъ многихъ, съ которой блудодѣйствовали цари земные». Блудница

Апокалипсиса есть «великій городъ, иже имать царство надъ царя земные» (Ibid. 18). Данте недалеко отклонился отъ символическаго значенія апокалиптической блудницы. Его блудница на свободѣ сидитъ тамъ, гдѣ сперва возсѣдала Беатриче, почему и названа въ подлинникѣ *fuja* (воровка), такъ какъ хитростью заняла мѣсто Беатриче. Въ этой части мистическаго видѣнія все намъ представляется въ превратномъ видѣ; значить, и въ Блудницѣ мы должны признать антиподъ Беатриче, т. е. превращеніе идеальной папской власти въ перерожденную и испорченную, т. е. власть папскую только по имени, занявшую хитростью мѣсто, ей не принадлежащее. Таковыми въ глазахъ Данте были современные ему папы, въ особенности Бонифаціи VIII и Климентъ V (сличь Рая XXVII, 22 и слѣд.). И такъ Блудница на свободѣ есть римская курія, выродившаяся и развращенная, и въ частности символъ двухъ современныхъ ему папъ—Бонифаціи VIII и Климента V, на котораго, какъ на преемника Бонифаціи, прямо указываютъ послѣдніе стихи.—Что же касается до аллегорическаго значенія Гиганта, то онъ есть подражаніе «царей земныхъ, упивавшихся съ блудницей виномъ ея блудодѣянія» (Апок. XVII, 2), и, по единогласному толкованію всѣхъ комментаторовъ, обозначаетъ королевскій домъ Франціи и въ частности короля Филиппа Красиваго, о борьбѣ котораго съ папою Бонифаціемъ VIII было сказано въ примѣч. къ Чистилища XX, 86.—Словомъ, все въ этой послѣдней части грандіознаго видѣнія представляетъ намъ лица и вещи, противоположныя тѣмъ, что являлись въ первой части. Чудовище есть антиподъ триумфальной колесницы; семь головъ—антиподъ семи нимфамъ или семи свѣтильникамъ; десять роговъ—антиподъ десяти шагамъ (Чистилища XXIX, 81); блудница—антиподъ Беатриче; пусканіе чудовища на свободу и бѣгство его въ лѣсъ—противоположность везенія колесницы и привязыванія ея къ дереву. Наконецъ и самый Гигантъ, по закону симметріи, усматриваемой во всемъ этомъ видѣніи, имѣетъ себѣ антипода въ Грифонѣ. Какъ Грифонъ влечетъ колесницу и привязываетъ ее къ дереву, такъ, наоборотъ, Гигантъ отвязываетъ ее и влечетъ по лѣсу. Грифонъ, какъ символъ Христа, есть женихъ церкви, Гигантъ—ея любовникъ и проч. Недаромъ Филиппъ Красивый названъ Данте (Чистилища XX, 91) «новымъ Пилатомъ»,—выраженіе вполне гармонирующее съ даннымъ толкованіемъ значенія Гиганта. Скартаццини.

148. «Какъ крѣпость» и проч. — «Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы». Матѣ. V, 14.

150. Каждое слово выражаетъ здѣсь наглость Блудницы. «Наклонность женщины къ блуду узнается по поднятію глазъ и вѣкъ ея». Премудр. Ис., сына Сирахова XXVI, 11. Намекъ, повидимому, на смѣлость и наглость, съ какими папа Бонифаціи VIII издавалъ свои наглыя буллы.

154—155. «Въ меня». Ландино разумѣетъ—вообще въ христіанъ; Бенвенуто Рамбалди объясняетъ: «*Quasi dicat: quia Bonifacius noluit respicere ad gentem italicam dimissa gallica, quia nolebat amplius pati servitutem Philippi*». Другіе объясняютъ «въ меня», въ мою партію, т. е. въ гибеллиновъ, враговъ французскаго дома. Очевидно, Данте намекаетъ здѣсь на опредѣленный историческій фактъ, а именно на то, что папа Бонифаціи VIII санкціонировалъ миръ, заключенный между Карломъ, королемъ Неаполитанскимъ, и Фридрихомъ, королемъ Сициліи (12-го іюня 1303), а также на то, что онъ призналъ Альберта Австрійскаго и объявилъ его императоромъ римскимъ. Вотъ что писалъ тогда Бонифаціи Альберту: «*Auctoritate apostolica et apostolicae plenitudine potestatis te in specialem filium nostrum recipimus et Ecclesiae Romanae, ac Regem Romanorum assumimus, in Imperatorem, auctore Domino, promovendum,—supplentes omnem defectum, si quis aut ratione formae, aut ratione tuae vel tuorum*

electorum personarum, seu ex quavis alia ratione vel causa, sive quocunque modo in hujusmodi tua electione, coronatione ac administratione fuisse noscatur. Omnia insuper et singula, per te vel alios de mandato tuo facta et habita in administratione praedicta, quae alias justa et licita extitissent ita valere decernimus et tenere sicut si administratio ipsa tibi competiisse legitime nosceretur». Скартацини.

155—156. Намекъ на оскорбленія, нанесенныя Бонифацію Филиппомъ Красивымъ, послѣ того какъ они поссорились, и въ особенности на знаменитое плѣненіе папы въ Ананьи (Чистилища XX, 85 и примѣч.).

157. «И волю даль», т. е. отвязалъ ее отъ дерева, къ которому она была привязана Грифономъ. Въ тревогѣ, чтобы Блудница не отдалась другимъ.

158—160. Значеніе этой терцины всѣхъ правилъ и яснѣе истолковалъ сынъ поэта Пьетро ди Данте: «Et hoc est quod dicit, scilicet, quomodo traxit eam secum per silvam, idest quod fecit ut Curia romana tracta est ultra montes in suo territorio de Roma».—Это толкованіе сына Данте признано теперь почти всѣми комментаторами. Поэтъ приводитъ здѣсь въ формѣ пророчества перенесеніе папскаго престола изъ Рима въ Авиньонъ, случившееся спустя пять лѣтъ послѣ изображеннаго здѣсь мистическаго видѣнія, при преемникѣ Бонифація папѣ Климентѣ V. Это тотъ самый папа, который разумѣется въ Ада XIX, 82 и далѣе. При этомъ нельзя не подивиться чрезвычайной смѣлости, съ какой поэтъ, если не прямо здѣсь, то въ сказанномъ мѣстѣ Ада выражаетъ свое мнѣніе о главѣ церкви, который, какъ надо думать, еще царствовалъ, когда вышелъ Адъ Данте. Впрочемъ по мнѣнію Вегеле, Климентъ долженъ былъ уже умереть, когда были написаны сказанные стихи Ада; онъ умеръ въ 1314 году, изъ чего Вегеле заключаетъ, что Адъ изданъ уже послѣ смерти папы. «Вообще, нельзя себѣ мысленно представить, какое потрясающее дѣйствіе должно было произвести на современниковъ поэта столь смѣлое изображеніе, именно здѣсь, на благодатной почвѣ земного рая, невидимой, истинной церкви; каковою она должна быть, въ противоположность церкви извращенной и развращенной. Нельзя не назвать глубокомысленною и потрясающею въ всѣхъ отношеніяхъ идею представить все развращеніе церкви именно здѣсь, въ этой части поэмы, которая по всему своему развитію собственно есть символъ истинной церкви, правильнаго церковнаго состоянія на землѣ». Флейдереръ.

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

1. «Deus, venerunt gentes»—начало 78-го псалма: «Боже, язычники пришли въ наслѣдіе Твое, осквернили святыи храмъ Твой, Іерусалимъ превратили въ развалины».—Псаломъ на разрушеніе Іерусалима и храма ассиріянами въ большомъ употребленіи въ католической церковной службѣ, особенно въ мессоѣ св. мученикамъ. Данте примѣняетъ его здѣсь къ бѣдствіямъ церкви.

2—3. Три божественныя и четыре главныя добродѣтели (жены) покоятъ этотъ псаломъ, стихъ за стихомъ, чередуясь въ два хора, какъ это дѣлается и нынѣ въ католическихъ церквахъ при отправленіи часовъ.

8. «Съ лицомъ какъ бы въ огнѣ»; въ подлинникѣ: *colorata come fuoco*, т. е. въ огнѣ ревности, любви и святого гнѣва при видѣ бѣдствій церкви, которой она служитъ стражемъ.

10—12. Слова Христа ученикамъ Своимъ (Іоан. XVI, 16): «Вскорѣ вы не увидите Меня, и опять вскорѣ увидите Меня». Спаситель предсказываетъ въ нихъ ученикамъ Свою смерть и воскресеніе. «Истинное ученіе (Беатриче) будетъ помрачено лишь на короткое время и вскорѣ затѣмъ вновь явится во всемъ своемъ свѣтѣ». Филалетъ.—По Скартаццини, Беатриче говоритъ здѣсь, какъ символъ церковной власти, поскольку она обладаетъ божественнымъ откровеніемъ и поскольку она соотвѣтствуетъ своему идеалу. Въ устахъ ея слова евангельскія означаютъ лишь, что міръ только на короткое время будетъ лишенъ своего духовнаго руководителя. вмѣстѣ съ тѣмъ пророчество это указываетъ на близкое возвращеніе папъ изъ Авиньона въ Римъ. — «Если въ этихъ стихахъ дѣйствительно указывается на возвращеніе папъ изъ Авиньона, то такое указаніе было бы равносильно съ настоящимъ пророческимъ провидѣніемъ поэта, такъ какъ этотъ возвратъ въ Римъ случился лишь 63 года послѣ того, какъ написана поэма, именно въ 1372 году, когда Данте уже умеръ. Вѣроятно же всего, здѣсь просто указывается на возвратъ истиннаго христіанства вслѣдствіе внутренней реформы церкви,—реформы, на скорое введеніе которой Данте намекаетъ въ очень многихъ мѣстахъ поэмы». Ноттеръ.—Относительно размѣра этой терцины слѣдуетъ замѣтить, что первый и послѣдній стихъ ея слѣдуетъ читать такъ:

*Modicum, et non vi-debitis me,
Modicum, et vos vi-debitis me.*

13—15. Процессія идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди семь женъ (добродѣтелей), въ серединѣ Беатриче, за нею Матильда, Данте и поэтъ Стацій,—слѣдовательно въ томъ же порядкѣ, какъ она шла вначалѣ (Чистилища XXIX, 43 и слѣд. и XXXII, 88 и слѣд.).

16. Объ аллегорическомъ значеніи шаговъ сличи сказанное о десяти шагахъ между свѣтильниками въ Чистилища XXIX, 80—81 и примѣч.

18. Т.-е. поразила мнѣ глаза блескомъ своихъ очей.

23. «О братъ мой», въ подлинникѣ: *Frater*, какъ обращаются другъ къ другу монахи Чистилища XXIX, 15 и примѣч.

27. «Едва сквозь зубы тянетъ слогъ за слогомъ», буквально какъ въ подлинникѣ: *«Che non traggon la voce viva a' denti»*. Сравненіе, напоминающее слова Телемака къ Ментору у Гомера (Одис. Жуковск. III, 23—24):

Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ,

Также не знаю, прилично ли младшимъ спрашивать старшихъ?

34. «Сосудъ», т.-е. мистическая колесница.—«Онъ бѣ и нѣсть»,—опять слова изъ Апокалипсиса (XVII, 8): «Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ, и нѣтъ его».—«Церковь, а именно апостольскій престолъ, претерпѣла сильныя потрясенія; можно даже сказать, что онъ теперь никѣмъ не занятъ, пока онъ занимается такими папами, какъ Бонифацій и Климентъ, завладѣвшіе имъ чрезъ обманъ и симонію». Филалетъ.—«Здѣсь Данте, очевидно, имѣетъ въ виду не вселенскую церковь, неразрушимую и вѣчно существующую, но единственно папскій престолъ, а именно съ перенесеніемъ его въ Авиньонъ. Слова «сосудъ нѣсть» означаютъ не то, чтобы церковь перестала быть святою, какъ установилъ ее Господь, но только то, что сосудъ разрушенъ, что солнце, которое должно вести человѣка къ блаженству вѣчной жизни, погашено. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что престолъ папскій, перенесенный въ Авиньонъ, не есть уже, по мнѣнію Данте, престолъ Св. Петра, а искаженіе его; что папы Бонифацій VIII и Климентъ V—не папы, не намѣстники Св. Петра, а наемники, воры и разбойники (Іоан. X, 8). Въ томъ же смыслѣ и уже безъ аллегоріи въ Раю (XXVII, 22 и далѣе.) ап. Петръ говоритъ:

Тотъ, кто похитилъ на землѣ мой тронъ,

Мой тронъ, мой тронъ, чрезъ что отыиѣ къ браку

Съ предвѣчнымъ Сыномъ сталъ негоденъ онъ.

36. Въ подлинникѣ: *Vendetta di Dio non teme suppe*. Темное мѣсто. *Suppe*, *la zuppa* — хлѣбъ, смоченный въ винѣ. По-провансальски и испански *sopa*, по-французски *soupe*, нѣмецкое *sorpe* и *suppe* (Діецъ, *Etym. Wörterb.*). По единогласному объясненію всѣхъ древнихъ комментаторовъ, здѣсь намекается на слѣдующій суевѣрный обычай среднихъ вѣковъ, распространенный въ разныхъ мѣстахъ, особенно во Флоренціи. Суевѣріе это состояло въ томъ, что если убійца въ теченіе девяти дней послѣ совершенія убійства успѣетъ съѣсть эту супу, т. е. смѣсь хлѣба съ виномъ, надъ могилой имъ убитаго, то онъ этимъ предохранитъ себя отъ мщенія со стороны родственниковъ за пролитую имъ кровь (кровомщеніе было въ общемъ ходу въ средніе вѣка). На основаніи этого, родственники убитаго стерегли обыкновенно могилу убитаго въ теченіе девяти дней, для того, чтобы не дать убійцѣ возможности спастись отъ ихъ мщенія. По словамъ Фальсо Боккаччіо, этотъ обычай былъ принесенъ изъ Франціи Карломъ Анжуйскимъ, который прибѣгалъ и самъ къ этому средству послѣ казни Конрадина и нѣмецкихъ бароновъ, чтобы не подвергнуться мщенію за это злодѣйство. Бенвенуто Рамбалди къ этому прибавляетъ: «*Et hoc*

fecerunt multi famosi Florentini, sicut Dominus Cursius Donatus.—Стало бытъ смыслъ этого мѣста будетъ слѣдующій: мщеніе Божіе скоро должно постигнуть виновника зла (кого бы здѣсь ни разумѣлъ поэтъ—Филиппа ли Красиваго, или папу Бонифація VIII или Климента V).—«Это мѣсто, какъ замѣчаетъ Эмилио Джіудъ (*Stor. della lett. ital. Vol. I, pag. 215 nt.*),—одинъ изъ грандіознѣйшихъ штриховъ Дантовской кисти,—рѣчь мистеріозная, которая, обладая для нашихъ глазъ темнотою отвѣта оракула, должна была казаться совершенно ясною современникамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ отозваться чрезмѣрною горечью на сердцѣ анжуйцевъ, осмѣивая суевѣріе, которымъ поэтъ грозитъ имъ страшнымъ мщеніемъ за ихъ злодѣйство». Скартаццини.

37. «Наслѣдникъ птицы», т.-е. орла. Беатриче здѣсь предсказываетъ, что имперія, императорская власть, не всегда будетъ упраздненной. Упраздненной, вакантной поэтъ называетъ всякую должность, когда несущее ее лицо не исполняетъ оную; обязанность же императора, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы соединить и подчинить своей власти садъ имперіи (Чистилища VI, 105), въ ту пору покинутый имъ. Барелли (*Aleg. 281*). Впрочемъ, въ то время, когда имѣло мѣсто видѣніе Данте, въ 1300 г., власть императора не была упразднена, но была таковою въ глазахъ Данте, названнаго послѣднимъ императоромъ и королемъ Римскимъ Фридриха II (Рая III, 120). «*Ultimo, dico, per rispetto al tempo presente, non ostante che Ridolfo e Adolfo e Alberto poi eletti sieno appresso la sua morte e de suoi discendenti*». Слѣдовательно, въ этомъ пророчествѣ выражена надежда Данте имѣть императора по сердцу. Если допустить, что Чистилище написано Данте до смерти Генриха Люксембургскаго (1313), то можно бы думать, что онъ разумѣетъ здѣсь именно его; но Чистилище, какъ доказываетъ Скартаццини (*Zu Dante's innerer Entwicklungsgeschichte въ Jahrbuch III*), написано послѣ его смерти; поэтому здѣсь выражается вообще надежда Данте, которой не суждено было исполниться. Скартаццини.

39. Сличи Чистилища XXXII, 147.

40—42. Т.-е. я вижу въ Богѣ, что звѣзды благопріятнымъ своимъ вліяніемъ скоро приведутъ такое время, когда новый духъ, т.-е. посолъ Божій (*messio di Dio*, стихъ 44), уничтоживъ всѣ преграды и грани, приведетъ всѣ дѣла въ лучшее состояніе. Пьетро ди Данте говоритъ при этомъ: «*Subdendo quomodo aquila imperialis non erit continue sine haerede, cum videat jam per conjunctionem, quae erit forte 44 praesentis millesimi, sive quinto de Iove et Saturno, dominari quemdam ducem*». Данте полагалъ, что его надежды осуществятся въ 1344 г. Скартаццини.

43. Вотъ самое темное и самое спорное мѣсто во всей поэмѣ Данте! Прежде всего должно сказать, что Данте и здѣсь подражаетъ мистическому етилю Апокалипсиса (XIII, 18), гдѣ говорится о звѣрѣ съ семью головами. Апостоль сказалъ: «Здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря, ибо это число человѣческое, число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть». Слова Неронъ Цезарь даютъ число 666 (Толкованіе Bibel-Lexicon, Шенкеля, I, p. 155). Данте обозначилъ таинственное число свое римскими цифрами: 500=D, 5=V и 10=X. Эти латинскія буквы, составленныя вмѣстѣ даютъ DVX, вождь, *duce, capitano*. Кого бы ни разумѣлъ подъ этимъ словомъ Данте, ясно, что онъ выражаетъ здѣсь надежду, что возстанетъ какая-то личность, которая должна произвести реформу въ церкви и въ императорской власти. Приводимъ мнѣніе Скартаццини по этому поводу: «Намъ кажется, что Алигieri не разумѣетъ здѣсь надежду безличную и неопредѣленную, но что, напротивъ, онъ имѣетъ здѣсь въ виду личность историческую своего времени, на которую возлагаетъ свои надежды. Сверхъ того, при срав-

нені этого мѣста съ пророчествомъ о Борзоѣ Псѣ, Veltro (Ада I, 100 и примѣч.) становится очевиднымъ, что Veltro и Dux — одно и то же. По смыслу всего мѣста, далѣе, видно, что предсказываемая Данте личность не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ вождемъ,—вождемъ свѣтскимъ, но отнюдь не папой, или какимъ-либо духовнымъ лицомъ. Обратимся теперь къ исторіи: 16-го декабря 1318 г. Канъ Великій делла Скала, владѣтель Веронскій, уже прославившійся храбростью и благоразуміемъ, былъ избранъ собравшимися начальниками гибеллиновъ главою союза противъ гвельфовъ. Тогда-то Канъ Великій развернулъ знамя орла, какъ вождь всей Италіи, всѣхъ сторонниковъ имперіи (Сличи Дж. Виллани, lib. IX, cap. 88 и слѣд.). И въ это-то время, въ концѣ 1318 и въ началѣ 1319 г., Данте окончилъ вторую кантику своей поэмы (сличи Витте, Dante-Forschungen, pag. 138 и слѣд.). Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить что Данте подъ именемъ DVX предсказывалъ о Канѣ Великомъ делла Скала. Это же самое доказывается сличеніемъ этого мѣста съ другимъ, гдѣ Данте уже несомнѣнно говоритъ о Канѣ Великомъ (Рая XVII, 76 и слѣд.).—Наконецъ, неопровержимая тождественность между DVX и Veltro говоритъ въ пользу такого толкованія. Скартаццини приводитъ еще слѣдующее замѣчаніе Джиузеппе Пиччи (I luoghi più oscuri e controversi della D. C., pag. 158): «Если написать имя и главные титулы Скалигера Kan Grande de Scala Signore di Verona и переложить на цифры начальныя буквы и предлоги, получимъ:

$$\begin{array}{r}
 K = 10 \\
 G = 7 \\
 d = 4 \\
 e = 5 \\
 S = 90 \\
 S = 90 \\
 d = 4 \\
 i = 5 \\
 V = 300 \\
 \hline
 515
 \end{array}$$

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ подлинникѣ цифры 515 переставлены именно такъ: пять-сотъ, десять и пять (un cinquecento, dieci e cinque) или римскими цифрами DXV; нѣкоторые толкователи видѣли поэтому въ этихъ цифрахъ начальныя буквы словъ: Domini Xristi Vicarius, указывающія на то, что реформаторомъ церкви долженъ быть папа, намѣстникъ Христа. Считаемъ не излишнимъ привести и другое совершенно противоположное мнѣніе Флейдерера (въ переводѣ Штрекфусса, стр. 391): «Предсказываемое мнѣніе надъ истребителемъ церкви и нарушителемъ политико-церковнаго міроуправленія совершится наслѣдникомъ Орла (стихъ 37), слѣдовательно, политическимъ героемъ. Соответственно этому главному положенію, таинственное число 515 (DVX) должно читать какъ слово Dux, а не какъ Domini Christi Vicarius, какъ предлагали нѣкоторые. Ибо въ послѣднемъ случаѣ это указывало бы на духовнаго спасителя, на папу, тогда какъ первое прямо указываетъ на военачальника или герцога.—Но кого разумѣетъ Данте подъ этимъ Dux,—это такой вопросъ, который навсегда останется нерѣшеннымъ за неизмѣнимъ опредѣленныхъ историческихъ данныхъ для его рѣшенія; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ихъ не имѣется; а главнымъ образомъ потому, что мы не знаемъ точно, когда были написаны отдѣльныя части поэмы, особенно же это и подобное ему мѣсто въ Аду I, 101. Что въ обоихъ этихъ мѣстахъ предсказываемое лицо

одно и то же, и притомъ, какъ думаетъ Филалетъ, — Канъ Великій ди Верона, — мнѣніе это, судя по хронологическимъ и другимъ даннымъ, сомнительно. Помимо того, что и въ I пѣсни Ада тождественность Veltro съ Скалигеромъ не абсолютно единственно возможная, хотя и самая вѣроятная, — спрашивается, могъ ли Данте разумѣть и здѣсь, гдѣ идетъ рѣчь не о простомъ изгнаніи Волчицы, сребролюбія Рима, но о гигантской задачѣ полного возстановленія императорской власти и освобожденія папства отъ ига Франціи, — могъ-ли онъ, говоримъ мы, разумѣть и здѣсь Кана Великаго, который при всемъ своемъ значеніи и высокомъ уваженіи къ нему, все-таки нечто иное, какъ подчиненный, отдѣльный князь? И если въ то время, когда Данте писалъ I пѣсню Ада, онъ имѣлъ въ виду именно Скалигера, то могъ ли онъ думать о немъ и теперъ, послѣ того, какъ Канъ, хотя по-прежнему уважаемый государь и даже увеличившій свое маленькое государство, тѣмъ не менѣе не былъ ни намѣстникомъ императора Генриха VII, ни самъ не былъ реформаторомъ. Или же между сочиненіемъ I пѣсни Ада и XXXIII пѣсни Чистилища лежалъ столь короткій промежутокъ, что, Чистилище было написано невѣроятно скоро, почти одновременно съ Адомъ, или же (какъ думаетъ Ноттеръ) мѣсто I пѣсни Ада было впоследствии вставлено поэтомъ. И эти же самыя хронологическія соображенія не позволяютъ признавать въ этомъ Дух и Генриха VII, ибо уже Чистилища VI, 100 и слѣд. рѣшительно указываетъ на время послѣ смерти Альбрехта (1308), — VII, 96 — почти осязательно на римскій походъ Генриха въ 1310 г., за которымъ въ 1313 г. послѣдовала смерть Генриха. Поэтому становится совершенно невозможнымъ допустить, что бы въ этомъ мѣстѣ возлагались надежды на Генриха. А такъ какъ здѣсь нельзя, какъ выше сказано, имѣть въ виду и реформатора папу, то остается одинъ исходъ — допустить именно, что Данте не помышлялъ здѣсь самъ о какомъ-нибудь опредѣленномъ лицѣ; напротивъ того, послѣ всѣхъ разочарованій относительно Кана Великаго и Генриха VII, выразилъ здѣсь въ общихъ чертахъ свое несокрушимое убѣжденіе въ неизбѣжности установленнаго Богомъ радикальнаго улучшенія несправимаго церковнаго и политическаго состоянія при помощи ниспосланнаго Богомъ героя, которымъ, наконецъ, одержится побѣда права и истины. Что при этомъ, конечно, играютъ роль и астрологическія предсказанія, въ которыя вѣрилъ Данте, — это видно изъ стиха 40. Вообще, по нашему мнѣнію, гораздо согласнѣе съ достоинствомъ генія въ такихъ общихъ выраженіяхъ, съ истинно-пророческимъ духомъ, высоко держать знамя надежды на улучшеніе въ будущемъ (что и исполнилось, хотя и при другихъ условіяхъ), — чѣмъ ошибаться въ своихъ пророческихъ указаніяхъ на какое-либо опредѣленное лицо! — Здѣсь умѣстно указать и на другія, по всей Божественной Комедіи разсѣянные мѣста, гдѣ пророчествуется о Дантовомъ героѣ и спасителѣ. За исключеніемъ Рая IX, 139 и XX, 14 и слѣд., гдѣ имѣется въ виду чисто-церковная реформа, эти мѣста, кромѣ сейчасть поименованныхъ I пѣсни Ада и XXXIII пѣсни Чистилища, суть слѣдующія: Чистилища VII, 96; XX, 13 и слѣд.; Рая XVII, 91 и слѣд., XXVII, 61 и слѣд., 142 и слѣд. Изъ нихъ въ VII пѣсни Чистилища указывается на Генриха VII и въ XVII Рая на Кана Великаго; всѣ же остальные мѣста, уже по формѣ ихъ изложенія, не указываютъ ни на какую опредѣленную личность; даже въ послѣднемъ изъ нихъ (Рая XXVII, 142 и слѣд.) наступленіе спасенія и мщенія отлагается въ самыхъ общихъ выраженіяхъ на цѣлыя тысячелѣтія впередъ! Эти факты, по нашему мнѣнію, довольно ясно говорятъ въ пользу того, что нашъ поэтъ, несмотря на свой непоколебимый взглядъ на Римскую имперію, все-таки не былъ настолько ослѣпленъ, чтобы по смерти Генриха VII уже не возлагать болѣе чѣмъ идеальныя надежды ни на Кана Великаго, ни

на какую-либо другую изъ живущихъ личность и чтобы съ этого времени онъ не отрелся отъ мысли видѣть въ комъ-нибудь звѣзду своей надежды и не остался при одномъ лишь твердомъ упованіи, что божественное Провидѣніе (Рая XXVII, 61) непремѣнно должно избрать къ тому надлежащее орудіе въ грядущемъ». Флейдереръ.

44. «Тварь», въ подлинникѣ: *fuja*, слово неизвѣстнаго происхожденія, объясняемое комментаторами различно, одними какъ *ladra* (тать, латинское *fur*), другими—какъ *pega*, *scellerata*. Бланкъ (*Vocab. Dant.*). Въ переводѣ у Коппабля—*scelerat*; Лонгфелло—*the thievish woman*; К. Витте — *Flücht'ge*; Филалета—*Vettel*. Здѣсь разумѣется Блудница.

46—48. Фемида, дочь Урана и Земли, родившая отъ Зевса нѣсколькихъ дочерей (Горы, Мойры), обладала пророческимъ даромъ, но облакала мракомъ свои предсказанія; такъ, напримѣръ, сказавъ Девкаліону и Пиррѣ, что для населенія земли людьми послѣ потопа имъ надобно бросать за спину «кости великой матери», разумѣла подъ этимъ камни. Загадка эта была разъяснена Прометеемъ (Овидій, переводъ Фета, Превращ. I, 393—394):

«Намъ земля вѣдь великая мать; полагаю, что камни
Значать тутъ кости земли: видать ихъ за спины велятъ намъ».

Сфинксъ, мифологическое существо (греческое, египетское или индійское), дочь Тифона и Химеры (Гезіодъ, *Theog.* 326), съ женскимъ лицомъ и свирѣпыми наклонностями, обитало недалеко отъ Эивы, гдѣ предлагало всѣмъ проходящимъ загадки, убивая тѣхъ, которые не могли отгадать ихъ. Эдипъ («царь», стихъ 48) отгадалъ такую загадку; тогда Сфинксъ бросился со скалы и утонулъ въ морѣ.

49. «Наядами тебѣ пусть будутъ числа»,—намекъ на одно мѣсто изъ Овидіевыхъ Превращеній (VII, 759 и слѣд.), гдѣ Кефаль рассказываетъ, что Фемида послала въ поля Эивскія волка, опустошавшаго поля и истреблявшаго стада, за то, что темные ея оракулы поняты и храмы ея покинуты:

Скоро иная сошла на Аонійскія Эивы
Кара, и много сельчанъ кормили звѣря утратой
И у себя и въ скотѣ.

Это мѣсто у Овидія (въ переводѣ Фета), начинается такъ:

Изреченья Лайядъ, непонятныя мудрости прочихъ,
Разрѣшилъ, и пророчица темная сброшена на земь,
И загадокъ своихъ уже и не помня, лежала.

«Въ древнихъ изданіяхъ Овидія вмѣсто *Laiades* (сынъ Лая, т. е. Эдипъ) читалось *Naiades* (Наяды), что и ввело Данте въ ошибку, будто бы истолкователями темныхъ оракуловъ были Наяды. Смыслъ стало быть тотъ: событія (числа) послужать сами къ объясненію темныхъ моихъ словъ, отъ исполненія которыхъ не только не послѣдуетъ никакого вреда, напротивъ—наступитъ благополучіе». Филалетъ.—«Противъ посланнаго отъ Бога *dux* никто не посмѣетъ возстать, какъ возстала Фемида противъ Лаева сына Эдипа. Потому не слѣдуетъ понимать эти слова такъ, будто спаситель совершитъ свое дѣло безъ борьбы и крови, т. е. что спаситель будетъ духовное лицо, папа. Здѣсь идетъ рѣчь не о мирномъ дѣйствии загадочнаго «спасителя», но единственно о невозможности противодѣйствія ему со стороны враговъ». Флейдереръ.

53—54. «La naturale morte è quasi porto a noi di lunga navigazione, e riposo». Convivio, tr. IV, c. 28.—Въ подлинникѣ: ai vivi Del viver ch'è un corgere alla morte.

55—57. «Два раза». Древніе комментаторы разумѣли: въ первый разъ древо расхищено Адамомъ, во второй — Гигантомъ; новѣйшіе—Орломъ и Дракономъ; Филалеть—Адамомъ и Орломъ. Но, кажется, справедливѣе толкованіе древнихъ комментаторовъ, т. е. въ первый разъ — Адамомъ, за что онъ и терпѣлъ продолжительную муку (стихи 61—63); во второй—Гигантомъ, т. е. французскимъ домомъ, отвязавшимъ колесницу отъ древа, перенесшимъ папскій престолъ изъ Рима въ Авиньонъ, за каковое похищеніе похититель будетъ наказанъ также строго, какъ и Адамъ.

58. Расхищаетъ тотъ, кто отнимаетъ колесницу отъ древа, какъ сдѣлалъ Гигантъ, и кто посягаетъ на власть императорскую.

59. «Оскорбляетъ» не только словомъ, но и дѣломъ. Въ подлинникѣ: Con bestemmia di fatio offende a Dio.—«Blastema è detrazione e mancamento d'onore, e però una blastema è di ditto ed altra è di fatto; blastema di ditto è quando con sole parole manchiamo l'onore d'Iddio; blastema di fatto è quando coi fatti manchiamo l'onore d'Iddio; e perchè li fatti sono maggior cosa che li ditti, però dice l'autore con blastema di fatto, a dimostrare maggiore offensione che fare si possa». Бути.

61. «Духъ первый», т. е. Адамъ.

62. «Пять тысячъ лѣтъ и болѣ», сличи Рая XXVI, 118 и далѣе, гдѣ Адамъ говоритъ, что онъ находился въ Лимбѣ 4302 года и на землѣ 990 лѣтъ (последняя цифра взята изъ Книги Бытія, V, 5: «Всѣхъ же дней жизни Адамовой было девятьсотъ тридцать лѣтъ; и онъ умеръ»). Откуда же взялъ Данте эту цифру 5000 лѣтъ? Хронологисты не согласны между собой относительно года Рождества Христова. По Филону, Христосъ родился въ 5170 году отъ сотворенія міра; по Іосифу—въ 4150 году; по Клименту Александрійскому—въ 5624 году; по Юлію Африканскому—въ 5300 году; по Евсеію—въ 5200 году; по Брунетто Латини—въ 5254 году. Данте стало быть придерживается счисленія Евсеія. Если Христосъ родился въ 5200 году отъ сотворенія міра и умеръ на 33 году жизни, то, слѣдовательно, Адамъ находился на землѣ и въ Лимбѣ всего 5232 года, именно какъ сказано у Данте.

63. «Того», т. е. Іисуса Христа, умершаго для искупленія грѣха Адама.

64. «Изъ пѣсни XXXII, стихъ 40, видно, что вѣтви древа становятся тѣмъ шире, чѣмъ онѣ выше, тогда какъ у всѣхъ другихъ деревьевъ вѣтви становятся все короче къ вершинѣ. Это для того, чтобы нельзя было подняться на него и повредить ему; точно такъ представляется и дерево на шестомъ карнизѣ горы; возникшее, какъ отпрыскъ отъ этого послѣдняго (Чистилища XXII, 133—135). Аллегорическій смыслъ; установленная Римская имперія не подлежитъ посягательству никакого человѣческаго могущества». Филалеть.

67—69. Эльса, маленькая рѣчка въ Тосканѣ, вытекающая повыше Колле и впадающая недалеко отъ Эмполи въ Арно. Недалеко отъ истока ея вода имѣетъ свойство покрывать въ короткое время каменистой оболочкой опущенныя въ нее дерево или растенія, подобно тому, какъ это замѣчается въ Карлсбадскомъ Шпруделѣ, такъ какъ вода рѣчки сильно пропитана угольной кислотой и углекислой известью (Тарджіони Viaggi nella Toscana Vol. V, p. 103)—Беатриче сравниваетъ съ этой водой тщетныя мірскія думы, которыя еще не позволяютъ Данте ясно понимать смыслъ совершавшагося предъ нимъ видѣнія. «Осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце». Посл. къ Римл. I, 21.—Но можетъ показаться страннымъ, какимъ обра-

зомъ даже и теперь, въ земномъ раю, Данте все еще препятствуютъ видѣть ясно тщетныя мысли и грѣховныя похотѣнія, даже и послѣ того, какъ онъ омылся въ волнахъ Леты. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что онъ не получилъ еще полнаго оправданія, которое должно вознестъ его на небо. Это онъ получить не прежде, какъ испивъ святѣйшихъ водъ потока Эвноэ (ниже стихъ 129). Онъ свободенъ отъ грѣха, но остаются еще его послѣдствія. Воды Леты снимаютъ грѣхъ, воды Эвноэ разсѣиваютъ мракъ души. Филалеть, Скартаццини.

70. «И ложь ихъ», въ подлинникѣ: *il piacer loro*, т. е. и лживое удовольствие, которое ты почерпаешь изъ тщетныхъ думъ своихъ, не запятнало непорочность и чистоту души твоей, какъ кровь Пирама измѣнила цвѣтъ ягодъ шелковицы. О Пирамѣ см. Чистилища XXVII, 37, 39 и примѣч. Овидій. Превращ. IV, 55—66.

70—72. Т. е. изъ столь многихъ, видѣнныхъ тобою на деревѣ прианковъ. — «*Quaecumque conditiones sunt extra substantiam, actus, et tamen attingunt aliquo modo actum humanum, circumstantiae dicuntur*». Ома Акв. Sum. Theol., р. I, qu. VII, art. 1. — «Изъ дивныхъ судебъ имперіи и церкви, представленныхъ тебѣ въ этомъ видѣнии, ты бы могъ уже понять, какъ правосудно поступилъ Господь, запретивъ нарушать и искажать всякое соотношеніе между ними, что и составляетъ нравственный смыслъ этого видѣнія. Данте, какъ извѣстно, принимаетъ въ своемъ *Convivio* (т. II, с. I), четвероякій смыслъ во всякомъ сочиненіи: во-первыхъ—буквальный; во-вторыхъ—аллегорическій, когда истина скрывается подъ прекрасной ложью (*una veritas ascosa sotto bella mensogna*), какъ въ языческихъ басняхъ; въ-третьихъ—нравственный, когда мы извлекаемъ себѣ какую-нибудь пользу изъ повѣствованія, и въ-четвертыхъ—аналогичный, когда нѣчто, помимо естественнаго, истиннаго смысла заключаетъ въ себѣ еще болѣе глубокое духовное значеніе». Филалеть.—Слѣдовательно, «нравственно» означаетъ здѣсь: въ пользу для себя.—Сличн Ноттеръ, 330.

73—74. «Твой разсудокъ скудный окаменѣлъ». — «Лица свои сдѣлали они крѣпче камня—не хотятъ обратиться». Иерем. V, 3. — «И темень сталъ въ грѣхахъ».—Въ спискахъ стихъ этотъ читается двояко, въ однихъ—*ed in pessato tinto*; въ другихъ—*ed impietrato tinto*. Я держался (можетъ быть, не совсѣмъ правильно) перваго.

76—78. Въ подлинникѣ: *e se non scritto, almen dipinto*, т. е. если не врѣзаннымъ въ каменномъ твоёмъ сердцѣ, то по крайней мѣрѣ какъ бы нарисованнымъ.—Смыслъ: «какъ паломникъ, возвращаясь изъ Палестины, приноситъ съ собою посохъ, изукрашенный пальмовыми вѣтвями, такъ и ты, хотя теперь и не можешь понять всего (врѣзать его въ свое каменное сердце), долженъ привести его хотя въ отблескѣ въ твоей памяти изъ рая на землю». Филалеть.—Пилигримы, отправлявшіеся въ Иерусалимъ, въ доказательство того, что они были въ странѣ пальмъ, прикрѣпляли къ своимъ посохамъ пальмовыя вѣтви, почему и назывались, въ отличіе отъ другихъ пилигримовъ, паломниками, *palmieri*.

79—84. «Какъ выше говоритъ Беатриче, что слова ея должны остаться въ памяти Данте если не записанными, то какъ бы нарисованными (въ слабѣмъ отблескѣ), такъ онъ отвѣчаетъ ей, что мозгъ его какъ бы запечатлѣнъ ими, и что онъ неизмѣнно сохранитъ ихъ хотя и не выполнѣ ихъ помнить». Филалеть.

79—102. «Бесѣда Данте съ Беатриче. Сказавъ, что слова ея глубоко врѣзались въ его умъ, Данте спрашиваетъ: «Почему рѣчь ваша возносится превыше моего разумѣнія?»—Затѣмъ, отвѣчаетъ она, чтобы ты позналъ, какъ мало спо-

собна понять мои идеи та школа, которой ты слѣдовалъ.—«Но я не помню, чтобы я когда-нибудь чуждался васъ».—Естественно, потому что испилъ сейчасъ воды рѣки забвенія.—Для яснаго пониманія этого разговора, надобно знать, что въ извѣстную эпоху жизни въ душѣ поэта возникло сомнѣніе и сильныя колебанія въ вѣрованіяхъ, хотя и не достигшія до полнаго отрицанія, скептицизма или равнодушія въ дѣлахъ вѣры. Беатриче упрекаетъ теперь въ этомъ колебаніи Данте и на вопросъ его: зачѣмъ говорите вы такъ, что я не могу понять,—отвѣчаетъ: зачѣмъ, чтобы ты зналъ, что школа, которой ты слѣдовалъ, или ученіе этой школы не въ состояніи слѣдовать за моими словами, что путь этой школы настолько же далекъ отъ пути божественнаго, насколько *primus mobile* отстоитъ отъ земли. Эта ложная школа есть не что иное, какъ философія, — та философія, которая хотя не открытый врагъ вѣры, тѣмъ не менѣе идетъ путемъ отличнымъ отъ религіи, — та философія, главами которой были Аверроэсъ и Авиценна, сочиненія которыхъ были усердно изучаемы Данте, — та школа, о которой пишетъ Апостолъ (Посл. къ Колос. II, 8): «Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу». Итакъ, школа, которой слѣдовалъ Данте, здѣсь, очевидно, противоположная той, представительницей которой служить Беатриче, т. е. ученію, основанному на откровеніи». Скартаццини.

86—87. Т. е. насколько она (школа) неспособна подняться до созерцанія тайнъ откровенія. «Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно». I Посл. къ Коринѣ. II, 14.

88—90. Заимствовано изъ пророка Исаіи (LV, 8, 9): «Мои мысли—не ваши мысли, ни ваши пути—пути Мои, говоритъ Господь. Но какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ, и мысли мои выше мыслей вашихъ».

90. По системѣ Птолемеевой, кругъ неба, наиболѣе быстрый въ своемъ вращеніи, есть *primus mobile*, эмпирей, всего далѣе отстоящій отъ земли, центра вселенной.

94—96. «Въ Летѣ уничтожается лишь воспоминаніе о грѣхахъ; поэтому, если ты теперь не помнишь о своемъ заблужденіи, то ясно, что это заблужденіе было грѣховное. Надобно припомнить, что, по философіи Эомы Аквинскаго, грѣхъ вообще основанъ на заблужденіи, или на обманѣ души». Филалетъ.

97. Или, другими словами, нѣтъ дѣйствія безъ причины, и по дѣйствию мы судимъ о причинѣ.

103—105. Вступивъ въ меридіанъ, солнце становится болѣе яркимъ и какъ бы замедляетъ свое теченіе (Рая XXIII, 11, 12), другими словами,—быть полдень. «Извѣстный обманъ зрѣнія заставляетъ насъ думать, что солнце въ полдень идетъ медленнѣе, чѣмъ утромъ и вечеромъ; это зависитъ оттого, что въ полдень солнце кажущимся образомъ находится далѣе отъ земныхъ предметовъ, почему и движеніе его дѣлается не столь очевиднымъ. Послѣдній стихъ этой терцины обозначаетъ различіе между меридіаномъ и экваторомъ; послѣдній для каждаго положенія остается всегда однимъ и тѣмъ же, первый же всегда бываетъ различнымъ.—Изъ этого видно, что Данте находился въ земномъ раю уже въ 6 часовъ, и что теперь полдень 30-го марта, 10-го или 13-го апрѣля, или, на нашемъ полушаріи теперь полночь съ 30-го на 31-е марта, съ 10-го на 11-е или съ 13-го на 14-е апрѣля». Филалетъ.—«Солнце въ полдень кажется движущимся медленнѣе, точно такъ и меридіанъ измѣняется съ нашимъ передвиженіемъ къ востоку и западу.—Это показаніе времени заставляетъ думать, что Данте вступилъ въ земной рай при восходѣ солнца и оставался въ

немъ 6 часовъ, и что, стало быть, на нашемъ полушаріи наступила полночь. У источника Эвнѳ Данте пробылъ еще до слѣдующаго утра, ибо только утромъ, когда на нашемъ полушаріи наступаетъ вечеръ, вознесся онъ на небо (Рая I, 43). Флейдереръ.

109—111. «Теперь мы достигли, повидимому, опушки божественнаго лѣса, занимающаго средину вершины горы Чистилища. Здѣсь тѣнь отъ лѣса не такъ уже мрачна, какъ она была изображена выше (Чистилища XXVIII, 31); напротивъ, здѣсь она блѣдна и пронизана свѣтомъ, подобно той, какая ложится на волны горнаго потока, надъ которыми наклонились высокія деревья». Филлетъ.

112—114. Евфратъ и Тигръ, рѣки, заимствованныя изъ Кн. Бытія (II, 10 и далее). Въ земномъ раю потокъ, орошавшій его, дѣлился на четыре рукава: Физонъ, Геонъ, Тигръ и Евфратъ. Но Данте говоритъ лишь о двухъ послѣднихъ; первые два рукава замѣнены у него рѣками Летою и Эвнѳ. Въ этой терцинѣ Данте имѣлъ, кажется, въ виду Боэція (Phil. Cons. V):

Tigris et Euphrates uno se fonte resolvunt.
Et mox abiunctis dissociantur aquis.

115—117. Воззваніе Данте къ Беатриче; въ подлинникѣ: O luce, o gloria della gente umana!—подобное тому, съ которымъ къ ней обращается Виргилій (Ада II, 75—78).

«О святая,
Дщерь благодати, тобою же одной
Сталъ смертный родъ превыше всѣхъ твореній
Подъ небомъ, что свершаетъ кругъ меньшей!»

Само собою разумѣется, что поэтъ здѣсь обращается къ ней не какъ къ дочери Фолько Портинари, но какъ къ символу власти, обладающей божественнымъ откровеніемъ (богословіемъ), какъ къ силѣ, долженствующей, по мнѣнію поэта, привести человѣчество къ высшему блаженству. Такъ какъ Беатриче убѣждала его выше (стихъ 31) смѣло предлагать ей вопросы, то онъ и исполняетъ теперь ея желаніе.

119. «Матильда». Здѣсь, наконецъ, названа въ первый разъ по имени прекрасная донна, явившаяся Данте при входѣ въ земной рай и играющая столь важную роль въ послѣднихъ пѣсняхъ Чистилища (XXVIII, 40 и слѣд.; XXXI, 92). Беатриче направляетъ Данте къ ней для полученія отвѣта на его вопросъ о представившейся его глазамъ рѣкѣ. Позднѣе, въ Раю, Беатриче, вмѣсто того, чтобы самой рѣшать его сомнѣнія, направляетъ поэта къ праведнымъ душамъ учителей церкви; какъ символъ власти церковной, Беатриче отправляетъ вѣрнаго сына церкви къ священнослужителю, олицетвореніемъ коего служить Матильда (Чистилища XXVIII, 40 примѣч.), и къ учителямъ церкви.

120. Упрекъ въ томъ, что она не исполнила своего долга—разрѣшить недоумѣнія Данте.

122. Лета, какъ мы видѣли, уничтожаетъ лишь память о грѣхахъ, а не о добрыхъ дѣлахъ (Чистилища XXVIII, 127—132).

124—126. «Maggior cura». Комментаторы не согласны между собою, какую «заботу» разумѣетъ здѣсь Данте. «Повидимому, главная забота—не потерять Беатриче изъ вида—позволила ему обратить лишь мимолетное, полуразсѣянное вниманіе на окружающіе предметы: прекрасное изображеніе человѣка, вполнѣ со-

средоточившаго всё свои помыслы на предметахъ высочайшихъ». Флейдереръ.

127. Эвноэ (Чистилища XXVIII, 25 и примѣч. 127—132 и примѣч.).

134. Здѣсь въ послѣдній разъ упоминается имя Стація (Чистилища XXI, 10 и примѣч.), играющаго во всей грандіозной сценѣ земного рая чисто пассивную роль (сличи Чистилища XXXII, 29 и примѣч.). Здѣсь поэтъ указываетъ на различіе между нимъ и Стаціемъ. Матильда беретъ за руку Данте, а Стацію велитъ слѣдовать за нимъ. Данте пьетъ воду изъ Эвноэ, но пьетъ-ли и Стацій, поэтъ не говоритъ ни слова.

135. Въ подлинникѣ: *Donnescamente disse*, т. е. съ той граціей и вѣжливостью, которыя составляютъ отличительныя свойства благородныхъ женщинъ.

136—141. Т. е. такъ какъ уже написаны 33 пѣсни, назначенныя для этой части поэмы. Данте и въ раздѣленіи великой своей поэмы соблюдаетъ законы симметріи. Каждая изъ трехъ кантикъ (названныхъ имъ еще канцонами, Ада XX, 3) состоитъ изъ 33 пѣсенъ (*capituli*), только Адъ состоитъ изъ 34; но первая пѣснь Ада служитъ какъ бы вступленіемъ для всей поэмы. Поэтому-то и воззваніе къ Музамъ находится въ Аду не въ первой, какъ въ Чистилищѣ и Раю, а во второй пѣсни. Такимъ образомъ всѣхъ пѣсенъ въ Божественной Комедіи 100, имѣющихъ всё вмѣстѣ 14,233 стиха, а именно: въ Аду 4,720, въ Чистилищѣ 4,755 и въ Раю 4,758.

145. Въ подлинникѣ: *alle stelle*. Всѣ три канцоны Божественной Комедіи кончаются словомъ «звѣзды». Въ концѣ хожденія по аду, Данте выходитъ, чтобъ вновь увидѣть звѣзды; по вкушеніи воды изъ источника Эвноэ, онъ чувствуетъ себя готовымъ вознестись къ звѣздамъ; въ концѣ же всего мистическаго странствованія своего онъ ощущаетъ въ себѣ волю, вполне согласную съ волею Того, Кто движетъ солнце и другія звѣзды. Оканчивая каждую изъ трехъ канцонъ своей поэмы словомъ «звѣзды», онъ желаетъ указать на конечную цѣль ея—небо, куда должны быть непрестанно направлены очи каждого, кому не безызвѣстно его великое начало и высокое предназначеніе». Скартаццини.

ה ס ס י ב

ס ל

ארוה ירוקה ססיוני

ה ס ס י ב

ПРИЛОЖЕНІЕ.

КЪ XVI—XVIII ПЪСНЯМЪ.

Очеркъ психологіи Ѳомы Аквинскаго

Sum. Theol., p. I, qu. LXXVIII — LXXXIX; p. II, 1-ae, qu. VI — XXVIII; LXXXIV*.

Ѳома принимаетъ тройственную душу: вегетативную, сенситивную и интеллективную, и пять родовъ (genera) душевныхъ силъ: вегетативную, сенситивную, интеллективную, мѣсто-перемѣнную (*motivae secundum locum*: Данте въ своемъ *Convivio* относитъ эту послѣднюю къ сенситивной) и аппетитивную.

Вегетативныя силы суть питающія (*nutritiva*), умножающія (*augmentativa*) и рождающія (*generativa*).

Сенситивныя силы, общія у насъ съ совершеннѣйшими животными, суть, помимо пяти извѣстныхъ внѣшнихъ чувствъ, четыре внутреннія чувства: чувство общности (*sensus communis*), сила воображенія (*phantasia* или *imaginatio*), сила оцѣночная (*aestimativa*) и память (*memoria*). Изъ этихъ четырехъ силъ двѣ предназначены воспринимать ощущенія (*species, intentiones*), и двѣ—для того, чтобы хранить ихъ, и, какъ двѣ первыя изъ этихъ функций дѣйствуютъ въ отношеніи чувственныхъ ощущеній пріятнаго или непріятнаго, такъ точно двѣ послѣднія дѣйствуютъ въ отношеніи болѣе духовныхъ ощущеній чего-либо полезнаго и вреднаго; такъ, на примѣръ, овца бѣжитъ отъ волка, или птица собираетъ солому для гнѣзда. Эти двѣ силы, которыя у человѣка ближе всего стоятъ къ интеллекту и дѣйствуютъ болѣе по сравненію (*per quandam collationem*), чѣмъ по безсознательному, инстинктивному чувству, какъ у животныхъ, называются у человѣка мыслительной силой (*cogitativa* или *ratio particularis*) и способностью воспоминанія (*reminiscentia*).

Интеллективныя силы суть: возможный или пассивный разумъ (*intellectus possibilis* или *passibilis*) и дѣятельный разумъ (*intellectus agens*). Первый — способность познавать всѣ вещи, почему и называется еще *ratio universalis*; напротивъ, дѣятельный разумъ—та сила, при помощи которой мы въ состояніи отвлекать отъ матеріальныхъ вещей ихъ нематеріальную форму.

По Аристотелю, первымъ разумомъ называется также та сила, помощью которой душа можетъ стать всѣмъ (*quo est omnia fieri*); вторымъ — сила, помощью которой она можетъ дѣлать все (*quo est omnia facere*); ибо чрезъ

* Изъ Филалета, стр. 171 и слѣдующія.

нее сказанныя нематеріальныя формы прежде всего переводятся отъ возможности къ дѣйствительности (*de potentia in actum*), такъ какъ сами по себѣ онѣ не существуютъ.

Есть еще двѣ силы, относимыя обыкновенно къ этой же сферѣ. Но Тома, признавая ихъ существованіе, не хочетъ признать ихъ за особенныя силы; это—интеллективная память (*memoria intellectiva*), или способность сохранять духовныя представленія (*species intelligibiles*), и разумъ (*ratio*), который отличается отъ интеллекта (разума) тѣмъ, что онъ познаетъ вещи не непосредственно, но послѣ умозаключеній. Какъ кажется, по его мнѣнію, первая относится къ пассивному, второй — къ дѣятельному разуму.

Эти два послѣдніе рода силъ, сенситивная и интеллективная, иногда взятыя вмѣстѣ, называются постигающею силою (*apprehensiva*); ибо они суть какъ бы всасыватели внѣшняго міра.

Аппетитивныя силы суть, напротивъ, тѣ силы, помощью которыхъ душа стремится къ внѣшнему міру. Онѣ суть способность чувственнаго желанія (*appetitus sensibilis*) и способность духовнаго желанія (*appetitus intellectivus*). Первыя называются еще чувственностью (*sensualitas*), послѣднія—волю (*voluntas*).

Конечно, всѣ эти формы имѣютъ въ себѣ извѣстную склонность приобрѣтать имъ свойственную сущность, точно такъ, какъ огонь, по натурѣ своей, подымается вверхъ: эта склонность называется *appetitus naturalis*. Но сверхъ того высшія формы, имѣющія способность ощущенія, имѣютъ еще высшее стремленіе къ ощущаемымъ вещамъ, и эта склонность, образуемая желательную силу души, раздѣляется, естественно, согласно съ ея чувственными, или духовными ощущеніями, на чувственную и духовную желательную способность, изъ которыхъ первая свойственна и животнымъ.

Но точно такъ, какъ разумъ не есть какая-либо отдѣльная отъ интеллекта сила, такъ точно и свобода воли (*liberum arbitrium*) не есть способность, отдѣленная отъ воли. Тѣ и другія относятся другъ къ другу совершенно одинаковымъ образомъ; ибо, какъ интеллектъ познаетъ непосредственно вещи, а разумъ черезъ умозаключеніе, точно такъ воля въ собственномъ смыслѣ стремится непосредственно къ цѣли, свобода же выбора избираетъ то, что ведетъ къ цѣли (*ea quae sunt ad finem*).

Эти двѣ высшія и благороднѣйшія силы души, разумъ и воля, имѣютъ еще между собою то общее, что обѣимъ имъ врождено основаніе ихъ дѣятельности, а именно разуму — извѣстные первичные принципы, отъ которыхъ онъ начинаетъ свои умозаключенія и которые онъ познаетъ непосредственно; воля—желаніе блаженства, котораго она неизбежно должна желать, хотя здѣсь и нѣтъ никакого принужденія, такъ какъ принужденіе и воля противорѣчатъ одно другому, ибо принужденіемъ называется, когда заставляютъ дѣлать то, чего не желаютъ дѣлать.

Мѣсто-перемѣнныя силы не разсматриваются въ подробностяхъ; состоятъ же онѣ въ способности души по произволу подвигать тѣло.

Для лучшаго обзора служить слѣдующая таблица:

Potentiae.

Vegetativae.	Sensitivae.	Intellectivae.	Appetitivae.	Motivae in locum.
<i>nutritiva, augmentativa, generativa</i>	<i>sensus exteriores; interiores</i>	<i>sensus intellectus possibilis</i>	<i>sensus intellectus sensibilis</i>	<i>voluntas</i>
<i>visus, gustus, tactus, auditorius.</i>	<i>adoratus,</i>	<i>sensus communis, phantasia; cogitativa, reminiscencia.</i>		

Теперь, прежде чѣмъ мы перейдемъ отъ этого общаго обзора душевныхъ силъ къ специальному разсмотрѣнiю ихъ дѣятельности, должно еще замѣтить двѣ вещи.

1. При отвѣтѣ на вопросъ, которая изъ двухъ высшихъ душевныхъ силъ, разумъ или воля, приводитъ въ движенiе другую и, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ высшее направление всего человѣческаго существа,—должно различать два рода движенiя: движенiе по роду цѣли (*per modum finis*) и движенiе по роду дѣятельнаго принципа (*per modum agentis*). Въ первомъ случаѣ двигателемъ бываетъ разумъ, потому что признанное за благо есть цѣль желанiя, въ послѣднемъ — воля, потому что она побуждаетъ всѣ силы души къ выполнению ихъ назначенiя, а также побуждаетъ и разумъ къ узнанiю истины.

2. Между силами души нѣкоторыя случайности (акциденцiи) относятся собственно къ душѣ, нѣкоторыя же — къ душѣ, соединенной съ тѣломъ. Первые остаются при душѣ и послѣ ея отдѣленiя отъ тѣла, вторыя остаются не дѣйствительно (*in actu*), но въ зародышѣ (*in virtute*). Тѣ — разумъ и воля, равно и интеллективная память, причисляемая къ первому; эти же — всѣ остальные, а именно: чувственность, вмѣстѣ съ сенситивными и вегетативными силами.

Относительно дѣятельности душевныхъ силъ должно задать себѣ прежде всего вопросъ, какимъ образомъ посредствомъ воспринимательной способности душа достигаетъ познанiя вещей:

а) матеріальныхъ?

Какъ могутъ матеріальные предметы обнаруживать какое-либо дѣйствiе на нематерiальную душу? Это разъясняется такимъ образомъ. Сенситивныя силы принадлежали, какъ выше сказано, не одной только душѣ, но состоящему изъ души и тѣла человѣческому существу. На нихъ-то и могутъ оказывать дѣйствiе матеріальные внѣшнiе предметы. Черезъ это дѣйствiе въ сенситивной душѣ возникаютъ извѣстные образы (*phantasmata*) предметовъ; ихъ называютъ тоже *species sensibiles* или *intentiones*, и, только обращаясь къ этимъ образамъ и дѣлая отвлеченiя отъ нихъ, разумъ можетъ познавать внѣшнiе предметы.—Эти отвлеченiя называются *species intelligibiles*. Въ нихъ заключаются общiя понятiя (*universalia*). Разумъ познаетъ ихъ непосредственно (*directe*), отдѣльные же предметы — только посредственно (*per reflectionem*), какъ называется обращенiе разума къ *species sensibiles*.

Но какъ же познаетъ духъ человѣческiй

b) самого себя?

Можетъ быть познаваемо лишь то, что дѣйствительно существуетъ (*actu*). Оттого-то Божество, которое есть чистая дѣйствительность (*actus purus*), и познаетъ себя самого черезъ свое бытiе; его разумъ и есть не что иное, какъ познание самого себя (*ipsum est suum intelligere*). Въ немъ познавать себя и познавать, что оно познаетъ,—одно и то же. Разумъ ангеловъ принадлежитъ также къ умственному въ дѣйствительности; онъ есть *de genere intelligibilium in actu*, но, тѣмъ не менѣе, онъ не есть чистая дѣйствительность. Оттого, хотя онъ и познаетъ свое бытiе и свое познание одновременно (*in actu*), но все же то и другое не есть въ немъ одно и то же. Человѣческiй разумъ, напротивъ, принадлежитъ между умственными предметами только къ возможному; онъ есть *de genere intelligibilium in potentia*. Онъ называется поэтому *intellectus possibilis*. Онъ можетъ быть познаваемъ лишь тогда, когда *intellectus agens* познаетъ внѣшнiе предметы; тогда разумъ примѣчаетъ свою собственную дѣятельность и отвлекаетъ для себя оттуда идею о самомъ себѣ.

Что же касается, наконецъ,

c) нематерiальныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, Божества, ангеловъ, которыхъ необходимо отличать отъ вышеприведенныхъ нематерiальныхъ формъ матерiальныхъ предметовъ, или, такъ называемой сущности вещей (*quidditas rerum*), то человѣкъ въ настоящей жизни никоимъ образомъ не можетъ познавать ихъ совершенно.

Не то бываетъ съ познаванiемъ отдѣленной отъ тѣла души. Она не познаетъ уже больше чрезъ посредство упомянутой *phantasmata*, но чрезъ представленiя, притекающiя къ ней изъ божественнаго существа (*per species quas recipit ex influentia divini luminis*). Поэтому она познаетъ сперва то, что можетъ быть познаваемо само по себѣ (*intelligibile simpliciter*), и преимущественно себя самоё и себѣ подобныя, или ниже ея стоящiя отдѣльныя субстанцiи (*substantiae separatae*). О высшихъ душахъ она имѣетъ лишь несовершенное познание.

Отдѣльныхъ матерiальныхъ предметовъ, которые, согласно вышесказанному, могутъ быть познаваемы только посредственно лишь чрезъ *phantasmata*, она не познаетъ всѣхъ, подобно ангеламъ, но познаетъ только нѣкоторые изъ нихъ, насколько предварительныя знанiя, или особыя къ тому обстоятельству, или божественный промыселъ помогаютъ ей въ томъ.

Но что приобрѣтенныя уже ранѣе свѣдѣнiя продолжаютъ тоже оставаться въ душѣ, отдѣленной отъ тѣла,—видно изъ того, что *species intelligibiles* какъ выше сказано, сохраняются въ страдательномъ разумѣ, къ которому причисляется *memoria intellectiva*.

Какъ выражается дѣятельность аппетитивныхъ силъ, подвигающихъ душу къ внѣшнему миру? — Эти дѣйствiя (*Actus*) раздѣляются, во-первыхъ, на произвольныя и непроизвольныя. Дѣйствiя какого-либо предмета могутъ происходить отъ внѣшняго или внутренняго принципа. Когда, напримѣръ, падаетъ камень, то это происходитъ отъ внутренняго принципа, но когда онъ поднимается — отъ внѣшняго. Но и дѣйствiя перваго рода называются только тогда произвольными, когда нѣчто, находящееся въ движенiи, имѣетъ знанiе своей цѣли (*cognitionem finis*). Исполнѣ произвольное движенiе — именно такое, когда дѣйствующiй имѣетъ не только извѣстное знанiе цѣли, но также и того, что преднамѣрено (*rationis finis*) съ этой цѣлью, и знанiе средствъ къ достиженiю цѣли (*eius quod ordinatur ad finem*). Пер-

вымъ обладаютъ и животныя чрезъ чувство общности и оцѣночную силу; послѣднимъ—лишь существа разумныя.

И между дѣйствіями человѣческой желательной способности должно различать произвольныя, зависящія отъ воли, и непроизвольныя, зависящія только отъ чувственности или страстей.

При болѣе подробномъ разсмотрѣніи высшей желательной способности, изъ которой исходятъ произвольныя дѣйствія, какъ уже было выше сказано, обнаруживается, что воля человѣческая направлена на цѣль (*finis*) и на то, что преднамѣрено съ цѣлю и ведетъ къ достиженію ея (*quae sunt ad finem*).

Въ первомъ отношеніи воля направляется исключительно къ добру, такъ какъ добро вообще (*bonum in commune*)—ея цѣль и достиженіе цѣли—блаженство (*beatitudo*). Отъ этой цѣли самой по себѣ воля не можетъ никогда [удалиться]; направление къ ней есть въ известной степени ея *appetitus naturalis*. Она можетъ желать только того, что хорошо, или того, что она считаетъ хорошимъ.

Въ другомъ отношеніи воля приводится въ движеніе частью разсудкомъ, который представляетъ ей известныя предметы, какъ соответствующіе цѣли, частью—чувственностью, именно слѣдующимъ образомъ. Чувственные органы бывають перестроены нѣкоторыми страстями. Этому измѣненному ихъ состоянію соответствуютъ известныя внѣшнія впечатлѣнія, какъ на примѣръ, различно расположенному чувству вкуса кажутся вкусными различныя яства. Но такъ какъ соответствующее въ нѣкоторомъ смыслѣ всегда хорошо, то человѣку и представляется то, что соответствуетъ настроенію его органа чувствъ, также хорошимъ и онъ направляетъ къ нему свою волю. Наконецъ, можно также сказать, что воля сама движется, и именно: высшая воля—по направленію къ цѣли, низшая же—къ средствамъ для достиженія цѣли.

Но что есть движущій принципъ высшей воли?—не сама воля,—потому что все, что еще только возможно (*in potentia*), должно чрезъ что-нибудь дѣйствительное быть введено въ дѣйствительность, въ чемъ именно заключается всякое движеніе. Не разумъ,—потому что разумъ самъ приводится въ виженіе волей изслѣдовать истину: мы бы попали здѣсь, такимъ образомъ, въ заколдованный кругъ. Не вліяніе звѣздъ,—потому что звѣзды, какъ нѣчто матеріальное, могутъ по большей мѣрѣ вліять на чувственность и такимъ образомъ на низшую волю,—но одинъ лишь Богъ, частью актомъ Своего творчества, частью тѣмъ, что Богъ, какъ добро вообще, и есть цѣль высшей воли.

Въ обоихъ случаяхъ волѣ приписываютъ еще два особыхъ акта, именно: намѣреніе (*intentio*) и наслажденіе (*fruitio*). Первое есть направленіе воли къ известному предмету, который, тѣмъ не менѣе, одинаково можетъ быть высочайшей, отдаленной, какъ и ближайшей цѣлью воли. Наслажденіе есть радость вслѣдствіе достигнутой цѣли и ее можно имѣть чрезъ высшую, какъ и чрезъ любую ближайшую, второстепенную цѣль, хотя бы настоящее и полное наслажденіе получалось только чрезъ достиженіе высшей цѣли.

Но собственно актъ воли по отношенію къ тому, что служить цѣлью, называется, *electio*: выборомъ. Здѣсь довольно своеобразно выражается разница между чувственной и умственной способностью желать. Первая всегда направлена на особый предметъ (*ad particulare*), послѣдняя—на добро вообще, поэтому она не ограничена въ выборѣ между различнымъ добромъ.—Этотъ выборъ проходитъ въ известной мѣрѣ три послѣдовательныхъ ступени во-

первыхъ, — совѣтъ (*consilium*), или изслѣдованіе интеллективомъ того, что должно дѣлать; во-вторыхъ, — согласіе (*consensus*), или направленіе желательной способности къ предмету (*applicatio appetitiva, virtus ad rem*) и, въ-третьихъ, — *usus*, примѣненіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ для достиженія цѣли.

Акты воли, относящіеся къ тому, что служить цѣлю, и суть тѣ, которые могутъ быть названы хорошими или дурными, отъ которыхъ зависитъ заслуга или виновность, смотря по тому, насколько они именно совершаются соотвѣтственно велѣніямъ разума, или нѣтъ.

Невольные акты желательной способности называются страстями, потому что при нихъ человекъ является не дѣйствующимъ (*activus*), но страдательнымъ (*passivus*). Онѣ гнѣздятся въ чувственной желательной способности и сами по себѣ онѣ не хороши и не дурны.

Страсти раздѣляются, въ сущности, на желательныя (*concupiscibiles*) и гнѣвливыя (*irascibiles*). Предметъ первыхъ — добро и зло само по себѣ (*bonum vel malum simpliciter*), при чемъ жаждутъ одного и не жаждутъ другого; предметъ вторыхъ — добро и зло, поскольку въ достиженіи одного и избѣжаніи другого встрѣчается препятствій. Къ понятію о нихъ принадлежитъ поэтому идея о трудности (*ardui*).

Страсти желанія раздѣляются въ зависимости оттого, относятся ли онѣ къ добру или злу. Но въ обоихъ этихъ главныхъ направленіяхъ страсть имѣетъ три главныхъ момента. Во-первыхъ, добро (или кажущееся добро) рождаетъ въ желательной способности извѣстную склонность, или естественную связь (*inclinacionem seu connaturalitatem*) по отношенію къ себѣ, зло — наоборотъ — отвращеніе. Первая называется любовью, вторая — ненавистью. Если же эта склонность или отвращеніе переходятъ въ движеніе души къ недостигнутому еще добру, или прочь отъ зла, еще не испытаннаго, то это состояніе души называется желаніемъ, или, соотвѣтственно, отвращеніемъ (*desiderium vel abominatio*). Когда же добро достигнуто и зло испытано, то наступаетъ наслажденіе, или радость [(*delectatio seu gaudium*)] и, соотвѣтственно, горесть или печаль (*dolor seu tristitia*).

Гнѣвливыя страсти, наоборотъ, дѣлятся смотря по тому, позволяетъ ли душа запугать себя препятствіями, или нѣтъ. По отношенію къ ненаступившему еще добру или злу есть четыре рода такихъ страстей, а именно: надежда, когда надѣются достигнуть добра, не взирая на препятствіе, и отчаяніе — въ противоположномъ случаѣ; отважность, когда надѣются отстранить зло, и страхъ — въ противоположномъ случаѣ. Наконецъ, есть еще по отношенію къ устраненію уже наступившаго зла страсть гнѣва, но она не имѣетъ себѣ противоположнаго по отношенію къ добру, такъ какъ при наступившемъ однажды добрѣ больше не можетъ быть рѣчи о борьбѣ.

Прилагаемая таблица наглядно представляетъ читателю подраздѣленіе страстей:

Страсти желанія		Гнѣвливыя страсти		
по отношенію къ добру	по отношенію къ злу	по отношенію къ наступившему злу	по отношенію къ устраненному злу	по отношенію къ добру, еще недостигнутому
любовь, желаніе, радость.	ненависть, отвращеніе, горесть.	гнѣвъ.	отважность, страхъ.	надежда, отчаяніе.

Кромѣ того, самъ Тома признаетъ, что любовь есть первая изъ страстей желанія, потому что она есть начало тѣхъ, которыя относятся къ добру. Эти же имѣютъ преимущество передъ тѣми, которыя относятся ко злу; потому что тотъ, кто стремится къ добру, отвергаетъ противоположное ему зло. Но гнѣвливыя страсти имѣютъ свое основаніе въ страстяхъ желанія, потому что стараются устранить трудности, чтобы достигнуть добра и избѣгнуть зла, а также находятъ въ нихъ свою цѣль, когда добро достигнуто или зло отклонено. Такимъ образомъ, по его ученію, все сводится къ любви. Онъ категорично говоритъ объ этомъ: любовь не причиняется никакой другой страстію, напротивъ того,—нѣтъ такой страсти, которая не предполагала бы сколько-нибудь любви; такъ какъ всякая страсть предполагаетъ извѣстную однородность (с *onnaturalitas*) съ своимъ предметомъ, которая именно относится къ любви.

Да и всѣ дѣйствія какого бы то ни было рода должны проистекать изъ любви, такъ какъ всякій, кто дѣйствуетъ, дѣйствуетъ съ извѣстной цѣлью. Эта цѣль не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ достиженіемъ добра, слѣдовательно того, что онъ любитъ.

Но какимъ образомъ любовь, которая сама по себѣ всегда имѣетъ предметомъ добро, можетъ производить зло,—достаточно объясняется вышесказаннымъ. Это именно бываетъ слѣдствіемъ того, когда свобода выбора души вмѣсто истиннаго добра избираетъ кажущееся добро, которое ему представляетъ чувственность.

Когда же душа достигаетъ извѣстнаго навыка въ томъ или другомъ направленіи, то это называется хорошей или дурной привычкой (*habitus*), добродѣтелью или порокомъ.

Послѣдніе подраздѣляются по различнымъ предметамъ, которые имѣютъ цѣлью, и тѣ изъ нихъ, за которыми, главнымъ образомъ, слѣдуютъ многіе другіе, называются главными грѣхами.

И Тома насчитываетъ между ними семь извѣстныхъ грѣховъ катехизиса: высокомеріе, скупость, зависть, блудъ, чревоугодіе, гнѣвъ и лѣность. Но онъ развиваетъ ихъ нѣсколько иначе, чѣмъ Данте.

Способность желать,—говоритъ онъ,—можетъ быть приведена въ движеніе двоякимъ способомъ, во-первыхъ, непосредственно, когда она привлекается добромъ и отталкивается зломъ, и посредственно, когда она желаетъ чего-нибудь дурнаго, ради связаннаго съ нимъ добра, или пренебрегаетъ какимъ-нибудь добромъ, ради угрожающаго, связаннаго съ нимъ зла.

Блага, которыхъ люди ненадлежащимъ образомъ непосредственно желаютъ, бываютъ четырехъ родовъ, а именно:

- 1) Благо, желать котораго человѣкъ научается только чрезъ познавательную способность, отличіе похвалами или почестями, изъ чего происходитъ высокомеріе;
- 2) благо чувственное, направленное къ сохраненію личности;
- 3) подобное же, направленное къ поддержанію рода, откуда происходитъ чревоугодіе и блудъ;
- 4) внѣшнія блага, которыя влекутъ за собою скупость.

Когда человѣкъ пренебрегаетъ своимъ собственнымъ благомъ, усматривая въ сопряженныхъ съ нимъ затрудненіяхъ превозмогающее зло, въ такомъ случаѣ изъ этого происходитъ лѣность.

Когда онъ ненавидитъ благо своего ближняго, считая, что его собственная слава имѣетъ отъ этого ущербъ, или желая ему мстить, то въ такомъ случаѣ происходитъ зависть и гнѣвъ.

Взглядъ Данте отличается здѣсь, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ относитъ также гордость къ склонностямъ, которыя основываются на вредѣ ближняго, изъ котораго разсчитываютъ извлечь пользу для себя.

Но вообще я бы скорѣй считалъ разсмотрѣніе поэтомъ семи главныхъ грѣховъ болѣе остроумнымъ, чѣмъ это сдѣлано философомъ.

Маска Данте, хранящаяся въ музеѣ Уффици во Флоренціи.